

66.1(2)

С 691

*Социалистический идеал
и реальный социализм:*

Ленин

Троцкий

Сталин

*Размышляя
о марксизме*

URSS

Фонд «Альтернативы»

Государственный исторический музей-заповедник
«Горки Ленинские»

библиотека журнала
«Альтернативы»

Социалистический идеал и реальный социализм

Ленин,
Троцкий,
Сталин

URSS
МОСКВА

Редакционная коллегия:

д-р техн. наук И. Г. Абрамсон (соредактор); Г. Ш. Аитова (ученый секретарь);
канд. биол. наук М. Б. Конашев; М. П. Кропоткин (ученый секретарь);
д-р философии П. Линке (соредактор); Л. А. Ожогина (ученый секретарь);
В. А. Офицеров (соредактор); д-р филос. наук Б. Ф. Славин (соредактор);
канд. экон. наук А. А. Сорокин; канд. ист. наук Т. И. Филимонова;
канд. экон. наук В. Е. Хазанов.

Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин / Под общ. ред. И. Г. Абрамсона, П. Линке, В. А. Офицера, Б. Ф. Славина. — М.: ЛЕНАНД, 2011. — 616 с.

Советский Союз в нашей стране никак не хочет стать прошлым: академические круги и публицисты, телевидение и разговоры на кухне, ностальгия тех, кто жил в СССР, и романтические мечты молодежи — тема «реального социализма» остается актуальной для всех. Мы вновь и вновь задаем себе вопросы о том, что же совершили Ленин и его соратники — великую революцию, открывшую путь в новый мир, или переворот, уведший нас со «столбовой дороги истории»? Кем был Сталин: кровавым тираном? вождем великого государства? тем и другим? Была ли альтернатива ГУЛАГу и репрессиям, и был ли ее носителем Троцкий или кто-то иной? И главное: а был ли Советский Союз страной социализма, или это был какой-то иной строй? И каков же он, теоретически-выверенный идеал социализма?

На эти вопросы истории, современности и будущего ищут ответ авторы настоящей книги — известные ученые, публицисты, активисты общественных движений.

Тексты публикуются в авторской редакции. Редакционная коллегия осуществляла только подбор и компоновку материалов.

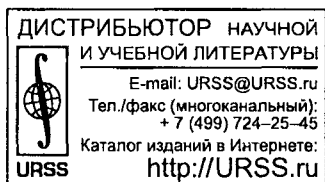
Издание осуществлено при участии издательства ТЕИС

ООО «ЛЕНАНД». Формат 60x90/16. Печ. л. 38,5. Зак. № 432

Отпечатано в ООО «ПК „Зауралье“». 640022, Курган, ул. К. Маркса, 106.

ISBN 978-5-9710-0383-0

© Коллектив авторов, 2011

10320 ID 123372

Содержание

II Предисловие

13 Социалистический идеал: от теории к практике

Б.Ф. Славин
О социальном идеале Маркса 15

А.В. Бузгалин
Социализм: на пути к «царству свободы» 25

А.И. Колганов
Теория социализма и практика СССР 59

В.А. Тюлькин
Великая Октябрьская социалистическая революция:
всемирно-историческое значение 99

М.Б. Конашев
Марксизм и «реальный социализм» 105

133 Ленин: диалектика подхода

Р.С. Дзарасов
Дилемма Ленина: свобода и необходимость в судьбе
русской революции 135

В.Я. Гросул
В.И. Ленин и образование СССР 161

И.М. Пушкарева
Наследие В.И. Ленина и рабочее движение в России 173

П. Линке
К одному «пропущенному» вопросу русской революции 186

А.А. Куреньшев
Ленин о коммуне как о форме
государственного устройства 194

Д.В. Воронин <i>Почему сегодня Ленин особенно нужен?</i>	218
Г.Ш. Айтова <i>Справедливость как социальный вопрос: ленинская концепция</i>	224
М.П. Кропоткин <i>Идеи В.И. Ленина и судьбы «ростков социализма»</i>	229
Н.В. Мушиц <i>Ленинская концепция госкапитализма как составная часть новой экономической политики</i>	234
Е.Г. Кострикова <i>Ленинский взгляд на геополитические интересы России в начале XX века</i>	249
Е.И. Демидова <i>Ленин и высшая школа</i>	258
Е.О. Шеффер <i>Ленин и свобода совести</i>	276
К.А. Аверьянов <i>Загадка ленинского псевдонима</i>	297
О.Н. Шеймина <i>Об отношении Ленина к людям</i>	313
А.М. Савинов <i>Экспонаты симбирского периода жизни Ульяновых в коллекции музея «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле»</i>	319

323 **После Ленина: альтернативы**

А.В. Бузгалин <i>Троцкий versus Сталин: возможен ли был иной путь? (роль личности в «строительстве социализма»)</i>	325
--	-----

А. Сегрилло <i>Онтология и идеал социализма при Ленине, Троцком и Сталине: три спорных вопроса</i>	344
Л.А. Булавка <i>Оптика сталинизма: эффект ослепления</i>	353
Б.Ф. Славин <i>Понимать, а не фальсифицировать историю</i>	367
И.Г. Абрамсон <i>О происхождении и сущности сталинизма</i>	384
С.Ф. Черняхов <i>Сталин и национально-революционный вопрос</i>	398
Е.А. Козлов <i>Против мифологизации истории сталинизма</i>	413
М.П. Кропоткин <i>Две стороны одной медали</i>	417
В.Н. Шевченко <i>Сталин: мобилизационный тип развития: причины, результат, исторический смысл</i>	421
З.Л. Серебрякова <i>К вопросу о противостоянии Сталина и Троцкого</i>	445
447 Опыт СССР: превратности истории	
В.В. Калашников <i>Октябрьская революция как историографическая проблема</i>	449
В.А. Офицеров <i>О национальном характере российской революции</i>	466

Г.С. Бискэ <i>Где мы были в XX веке и куда идти дальше?</i>	481
В.П. Огородников <i>Коммунизм – прошлое, будущее и его фальсификаторы</i>	488
Х. Гюнеш <i>Эволюция понятий «социалистическая демократия» и «политическое участие» в СССР</i>	506
519 Постскрипtum	
Круглый стол <i>«Троцкий и Сталин: два лика революции. Размышления в связи со 130-летием Л. Бронштейна и И. Джугашвили»</i>	521
А.В. Островский <i>Была ли наша революция социалистической?</i>	571
В.Ф. Исайчиков <i>Советский социализм как частный случай мелкобуржуазного социализма</i>	576
А.В. Резник <i>Левая оппозиция 1923 года об идеалах и реальности внутрипартийной демократии</i>	590
В.В. Волков <i>Гипотеза о докапиталистическом социализме в СССР</i>	593
В.И. Сиротин <i>Мой ответ «логике»</i>	598
М.П. Кропоткин <i>Ответ не «логике»</i>	600
Интеллигенция в СССР <i>(интервью с академиком А. Александровым)</i>	605

Об авторах

Абрамсон Иосиф Григорьевич – доктор технических наук, гл.н.с. НИЦ «Гипроцемент-Наука»

Аверьянов Константин Александрович – доктор исторических наук, Институт российской истории РАН

Аитова Гульнара Шайдулловна – аспирантка Института философии РАН, ученый секретарь Фонда «Альтернативы»

Александров Александр Данилович (1912–1999 гг.) – доктор физико-математических наук, академик АН СССР, академик РАН, ректор Ленинградского государственного университета (1952–1964 гг.)

Бискэ Георгий Сергеевич – доктор геолого-минералогических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Бузгалин Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Булавка Людмила Алексеевна – доктор философских наук, в.н.с. Российского института культурологии

Волков Вячеслав Викторович – кандидат философских наук

Воронин Дмитрий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, директор Прокопьевского филиала Томского государственного университета

Гросул Владислав Якимович – доктор исторических наук, Институт российской истории РАН

Гюнеш Хакан – доктор философии, Стамбульский политехнический университет

Демидова Елена Игоревна – доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного социально-экономического университета

Дзарасов Руслан Солтанович – доктор экономических наук, с.н.с. Центрального экономико-математического института РАН

Исайчиков Виктор Федорович – инженер-физик, журналист

Истягин Леонид Григорьевич – доктор исторических наук, гл.н.с. Института мировой экономики и международных отношений РАН

Калашников Владимир Валерианович – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета

Келле Владислав Жаннович (1920–2010 гг.) – доктор философских наук, профессор, гл.н.с. Института философии РАН

Козлов Евгений Александрович – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургской государственной лесотехнической академии им. С.М. Кирова

Колганов Андрей Иванович – доктор экономических наук, заведующий лабораторией Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Конашев Михаил Борисович – кандидат биологических наук, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН

Кострикова Елена Гавриловна – кандидат исторических наук, с.н.с. Института российской истории РАН

Кропоткин Михаил Петрович – директор Народного научно-производственного предприятия «Сингеос», член ЦС ООД «Альтернативы»

Куреньшев Андрей Александрович – доктор исторических наук, Государственный исторический музей

Линке Петер – руководитель филиала Фонда Розы Люксембург в Российской Федерации

Логинов Владлен Терентьевич – доктор исторических наук, профессор Университета Российской академии образования

Межуев Вадим Михайлович – доктор философских наук, профессор, гл.н.с. Института философии РАН

Мушиц Наталья Викторовна – с.н.с. Государственного исторического музея-заповедника «Горки Ленинские»

Науменко Лев Константинович – доктор философских наук, профессор, эксперт Фонда «Альтернативы»

Огородников Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета путей сообщения

Островский Александр Владимирович – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М.А. Бонч-Бруевича

Офицеров Владимир Алексеевич – заместитель директора по науке Государственного исторического музея-заповедника «Горки Ленинские»

Пригарин Алексей Алексеевич – кандидат экономических наук, Ассоциация марксистских организаций

Пушкарева Ирина Михайловна – доктор исторических наук, профессор Института российской истории РАН

Резник Андрей Валерьевич – аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге

Рудык Эмиль Николаевич – доктор экономических наук, профессор Международного университета природы, общества и человека «Дубна»

Савинов Александр Михайлович – кандидат исторических наук, гл.н.с. Государственного исторического музея-заповедника «Горки Ленинские»

Сегрилло Анжело – доктор исторических наук, профессор университета Сан-Пауло, Бразилия

Серебрякова Зоря Леонидовна – доктор исторических наук, писатель

Сиротин Владимир Ильич – журналист

Славин Борис Федорович – доктор философских наук, профессор Московского педагогического государственного университета

Сорокин Андрей Александрович – кандидат экономических наук, доцент Московского энергетического института (технического университета)

Сурмава Александр Владимирович – кандидат психологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета

Тюлькин Виктор Аркадьевич – первый секретарь ЦК РКРП-РПК

Черняхов Сергей Феликсович – кандидат исторических наук

Шевченко Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН

Шеймина Ольга Николаевна – лектор-экскурсовод, методист Государственного исторического музея-заповедника «Горки Ленинские»

Шеффер Евгения Олеговна – с.н.с. Государственного исторического музея-заповедника «Горки Ленинские»

Предисловие

В середине ноября 2009 г. Ассоциация марксистских организаций, Дом Плеханова Российской национальной библиотеки совместно с Фондом Розы Люксембург и Фондом «Альтернативы» провели в Петербурге двухдневную научную конференцию «Социалистический идеал и практика его реализации в СССР».

В декабре 2009 г. оба фонда совместно с Институтом информации по общественным наукам РАН провели аналогичную конференцию в Москве.

А 22–23 апреля 2010 г. в связи со 140-летием со дня рождения В.И. Ленина Фонды Розы Люксембург и «Альтернативы», философский факультет МГУ и Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские» организовали трёхдневную конференцию «Lenin on line», проходившую благодаря Красному ТВ интерактивно в прямом эфире.

В названных конференциях приняли участие учёные академических и отраслевых институтов, профессора и преподаватели университетов, научные и музейные работники, общественно-политические деятели, журналисты Москвы, Петербурга, других городов России и зарубежных стран.

Ленин, революция, социалистический идеал – что может быть более неразрывным?

В ноябре, декабре и апреле в докладах и острых дискуссиях сталкивались разные взгляды на причины побед и поражений на трудном пути к «царству свободы», приводились добытые новые факты и новые аргументы в защиту тезисов, порой прямо противоположных, касающихся судьбоносных событий отечественной истории XX в.

Конференции вызвали весьма широкий интерес в общественно-политических кругах нашей страны. Удовлетворению этого интереса может помочь предлагаемая книга, в которой собраны доклады и выступления, прозвучавшие на этих трёх конференциях.

В книге публикуются тексты 47 авторов. Они сгруппированы в 4 блока: Общественный идеал: от теории к практике; Ленин; диалектика

подхода; Сталинизм: вчера и сегодня; Опыт СССР: превратности истории.

Вполне понятно, что нервом дискуссий в Петербурге и Москве был напряжённый поиск доказательного объяснения коренных причин краткости прошлого века, исторически начатого российским Октябрём: как могло случиться, что через 74 года после всемирно-исторической победы Великой Октябрьской революции и через 46 лет после величайшей победы над нацистской Германией и её союзниками, в которой Советский Союз сыграл решающую роль, это могучее, некапиталистическое государство потерпело столь же всемирно-историческое поражение и исчезло с географической карты?

Опубликованные в книге тексты московского «круглого стола» хорошо отражают остроту обсуждения. Не менее жаркой была атмосфера в Петербурге при обсуждении данной проблематики.

Каждый желающий имеет возможность получить аудиодиск с записью всех выступлений в ходе петербургских дискуссий.

Социалистический идеал:
от теории к практике

«...Философы различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»

К. Маркс

«...Смена буржуазного государства пролетарским невозможна без насильственной революции. Уничтожение пролетарского государства, т. е. уничтожение всякого государства, невозможно иначе, как путём «отмирания»»

В.И. Ленин

Б.Ф. Славин

О социальном идеале Маркса

Глобальный кризис вновь пробудил интерес к автору «Капитала». Однако чем больше история подтверждает основные идеи Маркса, тем агрессивнее ведут себя его идейные противники. Чего только не приписывают Марксу: оказывается он был несправедливым доктринером, антисемитом, утопистом и даже первым идеологом ГУЛАГа. Причем, это утверждают не далекие от идеологии и общественной науки люди, не только профессиональные антимарксисты, но и так называемые ученые, еще недавно считавшие себя ортодоксальными марксистами¹. Здесь наблюдается редкий случай в истории: обратного превращения «савлов» в «павлов».

Тем не менее, пока существует капитализм, идеи Маркса, не смотря на их явное очернительство и неоднозначное использование на практике, вновь и вновь привлекают к себе внимание. Только за последние пять лет в России вышло, по меньшей мере, десяток книг, где авторы пытаются рассмотреть различные аспекты творчества Маркса. В них снова и снова ставится вопрос: «Who is Маркс в науке и истории?» При этом на него даются разные ответы: одни говорят, что он является «талантливым экономистом», другие утверждают, что он «оригинальный историк», третьи видят в нем «своеобразного философа» и даже «культуролога». В определенной степени, они правы и не правы, одновременно. По моему мнению (и не только), Маркс, как основатель целостного и сугубо оригинального мировоззрения, не сводится ни к одному из этих определений. Маркс одновременно и философ, и экономист, и историк, и культуролог. Об этом, прежде всего, свидетельствуют его труды, посвященные анализу капитала, истории, политике, социологии и культуре. Несмотря на их специфику, их пронизывает единый диалектический, или историко-материалистический метод, без которого нет и самого мировоззрения под названием «марксизм».

¹ См., например, работы А. Яковлева, А. Ципко и др.

Стержнем любого мировоззрения является социальный идеал. Каким же был социальный идеал Маркса? Что его вдохновляло, когда он писал свои книги, посвященные критике немецкой идеологии, возникновению и развитию капитала, анализу важнейших исторических событий XIX в., или эстетическим взглядам его литературных современников?

Существует мнение, что свой социальный идеал Маркс выразил в известном тезисе о Фейербахе, гласящим «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы его изменить»². Именно этот тезис в советские времена считался квинтэссенцией марксова мировоззрения. При этом совершенно забывалось, что в нем обозначено лишь средство, или путь, который может привести к осуществлению социального идеала. На самом деле, свой идеал Маркс выразил совсем в другом тезисе, который говорил о становлении нового свободного «человеческого общества», или «общественного человечества»³. По мнению Маркса именно такое, по сути дела, гуманистическое общество, с неизбежностью приходит на смену антагонистическому буржуазному обществу. Позднее социальный идеал Маркса найдет свою конкретизацию и развитие в других его многочисленных работах. В противоположность абстрактному гуманизму Фейербаха с его теорией «всеобщей любви», Маркс назвал свой гуманизм «практическим» или «реальным», и в этом смысле тождественным коммунизму⁴. В Манифесте коммунистической партии он дал этому идеалу классическое определение: «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»⁵. На мой взгляд, этот идеал вобрал в себя все лучшее, что смогла выработать общественная мысль за всю свою историю. Он включает в себя и главную идею либерализма, связанную со свободой человека, и социалистический идеал свободной ассоциации будущего общества. Повторим, общество будущего, по Марксу – это «свободное человеческое общество»⁶. Надо признать, что до сих пор философы и ученые ничего более высокого и точного в отношении социального идеала сформулировать не смогли, и уже вряд ли смогут сделать в рамках того эклектического мировоззрения, которое сегодня

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 263.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 116.

⁵ Там же. С. 447.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 49. С. 47.

господствует в общественном и научном сознании. Для Маркса социальный идеал есть росток и прообраз будущего в настоящем. Его осуществление не только возможно, но исторически необходимо

Теперь несколько слов о мировоззрении самого Маркса, которое он вырабатывал совместно со своим другом и единомышленником Энгельсом. Кстати, сегодня многие историки и философы пытаются противопоставлять друг другу как взгляды самого Маркса⁷, так и взгляды Маркса и Энгельса. Я противник подобных противопоставлений. Развиваясь, мировоззрение Маркса и Энгельса, в основных его положениях, не претерпело, и не могло претерпеть радикального изменения, ибо сохранялась, по сути своей, та действительность, которое оно отражало. Что касается различий во взглядах Маркса и Энгельса, то они, конечно, существуют, но не носят принципиального характера. Мировоззрение их всегда оставалось общим. Об этом свидетельствуют не только их ранние совместные работы, но и более поздние, например, такие как «Анти-Дюринг» Энгельса, в котором Марксу принадлежит целая глава. По сути дела, творческая деятельность Маркса и Энгельса была невиданным в истории творческим интеллектуальным дуэтом. И хотя сам Энгельс говорил, что он играл в этом дуэте лишь «вторую скрипку», можно с уверенностью сказать, что без нее невозможно представить их общее мировоззрение. Это мировоззрение можно называть по-разному: диалектико-материалистическим, марксистским, коммунистическим, научно-социалистическим или гуманистическим, ясно одно – все эти названия лишь стороны единого философско-исторического взгляда на мир и будущее человечества, принадлежащего как Марксу, так и Энгельсу.

Как известно, Энгельс считал, что в основе их общего мировоззрения лежат два поистине эпохальных открытия Маркса: материалистическое понимание истории с ее выводом о неизбежной смене стихийно складывающихся форм общества («предыстория») сознательным управлением природными и общественными процессами («подлинная история») и создание теории прибавочной стоимости, раскрывающей механизм экономической эксплуатации. Однако помимо этих важнейших открытий в общественной науке Маркс и Энгельс сделали много других, обогативших их общее мировоззрение. Назову для примера лишь марксову идею о двойственном характере труда, его исторический анализ различных форм собственности, ис-

⁷ См., например, работы академика Т. Ойзермайя

следование Энгельса, посвященное положению рабочего класса в Англии, или его малоизвестные работы по проблеме войны и мира и др.

Следует отметить, что материалистическое понимание истории было важнейшей частью более общего диалектико - материалистического мировоззрения, которое, на мой взгляд, Маркс и Энгельс сознательно разрабатывали на протяжении всей своей жизни. Я допускаю, что вполне возможно у них был некий совместный план разработки такого мировоззрения, возникший еще в молодости во время их совместной работы над критикой различных представителей немецкой идеологии. Этот план касался выработки целостной и открытой в будущее (в отличие от Гегеля) мировоззренческой системы. Об этом свидетельствует их своеобразное разделение труда друг с другом. Один занимается философией, другой политэкономией, один, например, сосредоточивается на проблемах истории первобытного общества, другой на проблемах современности. При этом они часто меняются местами в разработке той или другой проблемы своего мировоззрения.

Как известно, Энгельс и Маркс впервые встретились заочно на страницах «Немецко-французского ежегодника», где Маркс напечатал свои первые философские тексты, посвященные критике немецкой идеологии, а Энгельс проанализировал политическую экономию, раскрыв природу буржуазной конкуренции. Маркс назвал эту работу Энгельса «гениальной». Затем после их личного знакомства происходит своеобразный обмен объектами исследования: Маркс начинает критически исследовать политэкономия буржуазного общества, пишет свой «Капитал», а Энгельс исследует диалектику природы и историю социалистических учений. Оба активно участвуют в создании I Интернационала и отслеживают зарождение и развитие рабочего движения. Переписка Маркса и Энгельса показывает, как конкретно развивалось и обогащалось их общее мировоззрение. Их письма друг другу – это не только демонстрация диалектического интеллекта в действии, в осмыслении важнейших вопросов истории и науки, но и документ бескорыстной человеческой дружбы двух великих людей и единомышленников. История человечества до сих пор ничего подобного не знает.

Подчеркнем: мировоззренческая система, которую разрабатывали основоположники марксизма, охватывала собой весь окружающий нас мир в его прогрессивном развитии. Это был единый обобщающий взгляд на природу, историю, на прошлое, настоящее и будущее человечества. Я думаю, что, будучи в молодости учениками Гегеля, Маркс и Энгельс хотели повторить его духовный подвиг на новом уже мате-

риалистическом основании, т. е. поистине перевернуть его философскую систему «с головы на ноги». Не случайно современники, которые сталкивались с Марксом и Энгельсом, поражались глубине и необычности их взглядов. На самом деле, если вы поставите в один ряд «Диалектику природы» Энгельса, его «Происхождение семьи, частной собственности и государства», сюжеты Маркса, связанные с подготовкой и написанием «Капитала», его различные исторические работы, анализирующие мировое революционное движение, «Критику Готской программы», труды Энгельса по истории социализма и политики, то в сознании возникает грандиозная картина целостной системы совершенно нового и небывалого доселе научного мировоззрения, которое до сих пор оказывает свое глубокое влияние на сознание миллионов людей и целых народов.

Принято считать, что Маркс и Энгельс доказали историческую необходимость коммунизма, представив его в качества идеала общественного развития и «конечной цели» рабочего движения. Это на самом деле так. Только понимание этого идеала и этой цели не всегда трактуется адекватно их мировоззрению. Так, в общественном сознании достаточно распространено сугубо вульгарное экономическое понимание коммунизма как «совместного владения имуществом» на основе тотального господства общественной собственности.

Однако, как уже говорилось, такое понимание коммунизма весьма далеко отстоит от марксовой его трактовки как «реального» или «практического» гуманизма, как преодоления всех видов социального отчуждения и создания свободного общества, в котором, говоря философским языком, общественная сущность и существование человека совпадают, где люди не противостоят, а дополняют друг друга.

В отличие от современного отчужденного общества, где все продается и покупается за деньги, Маркс рисует иное, свободное общество, основанное не на корыстных, а сугубо человеческих отношениях. Так, он пишет: «Предположи теперь человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д. Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком. Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим и двигающим вперед других людей. Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть определенным, соответствующим объекту твоей воли, проявлением твоей действительной индивидуальной жизни. Если тылюбишь, не вызывая вза-

имности, т. е. если твоя любовь как любовь не порождает ответной любви, если ты своим жизненным проявлением в качестве любящего человека не делаешь себя человеком любимым, то твоя любовь бес- сильна, и она несчастье»⁸.

Эти слова, конкретизирующие социальный идеал Маркса на лич- ностном уровне, дают представление о том, как он мыслил счастье и индивидуальные отношения людей в обществе, призванном сменить современное ему буржуазное общество.

Как показывает опыт истории, не все «сторонники коммунизма» соглашались с марксовой трактовкой будущего общества. Например, И. Сталин, прочитав на полях книги Г. Александрова «Философские предшественники марксизма» слова Маркса о коммунизме, как «при- своении человеческой сущности человеком и для человека», написал: «К чему эта цитата?», «К чему это?». И эти вопросы были не случайны: вся практика сталинизма была полным и решительным отрицанием гуманистического идеала. Но именно о нем писал Маркс, доказывая, что только эмансипация человека от всех видов социального отчужде- ния может реализовать идеал свободного человеческого общества. Го- воря о такой эмансипации, Маркс подчеркивал, что ее суть «состоит в том, что она возвращает человеческий мир, человеческие отношения к самому человеку»⁹.

По Марксу, подлинное богатство составляют не собственность на материальные блага, не деньги, как думают сегодня, например, «но- вые русские» и их «интеллектуальные» братья по классу, а человек с его разумом, способностями и дарованиями. Разрабатывая свой соци- альный идеал, Маркс писал: «...если отбросить ограниченную буржу- азную форму, чем же иным является богатство, как не универсально- стью потребностей, способностей, средств потребления, производи- тельных сил и т. д. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой «природы», так и над силами его собственной природы? Чем иным яв- ляется богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарова- ний человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшество- вавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целост- ность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 49. С.150–151.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 406.

масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»¹⁰.

Читая эти строки, не покидает ощущение, что они написаны сегодня, а не почти полтора века назад. Парадокс идей Маркса состоит в том, что они со временем становятся все более актуальными. Особенно они созвучны современной информационной эпохе. Очевидно, что в условиях становления постиндустриального общества потребность в творческих способностях человека постепенно начинает вытеснять потребность в купле-продаже физической рабочей силы. Мы все являемся свидетелями тому, как сокращается удельный вес работников физического труда и растет количество людей, занятых в сферах обслуживания, образования и культуры. Сегодня никто не может отрицать, что информированность и знания человека, его творческие способности и умение общаться, начинают все больше доминировать во всех областях человеческой деятельности. В свое время, Маркс был убежден в том, что такие полезные вещи, как знания, «не имеют меновой стоимости»¹¹. Аналогичен этой идее современный лозунг «Мир – не товар!», выдвинутый антиглобалистами, призывающими объединяться людей разных стран и национальностей, не принимающих современный капитализм, с его абсолютизацией рыночных отношений, сугубо потребительских идеалов и эгоистического образа жизни. Убежден, что со временем неприятие массами капитализма будет нарастать, особенно в связи со всеобщей автоматизацией производства, сокращением рабочего и увеличения свободного времени работников. Рано или поздно эти объективные процессы должны привести к изменению социально-экономических отношений, основанных на господстве капитала и подчинении ему наемного труда. Таков общий вывод, вытекающий из социального идеала Маркса и подтверждающих его новейших фактов истории.

Как перейти к обществу, соответствующему идеалу Маркса? Было бы очень удобно и безопасно мыслить такой переход автоматически и бесконфликтно. Многие сторонники эволюционизма так его и мыслят, ссылаясь, в том числе, на Маркса, который неоднократно говорил об «отрицании капитала в рамках капитала». Однако такая трактовка превращения капиталистической системы в ее социалистическую

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 476.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. Т. С. 241.

противоположность, на мой взгляд, по меньшей мере, поверхностна. Говоря о «самоотрицании капитала», Маркс имел в виду, прежде всего, либо постепенное вытеснение физического труда из сферы производства и замены его машинами, либо появления акционерного капитала, когда наемные работники становятся его ассоциированными собственниками. Но в том и другом случае он хорошо понимал, что при этом частнокапиталистическое производство остается господствующим, даже несмотря на экономические кризисы, которые его потрясают.

Конечно, никакие экономические кризисы, сами по себе, не могут изменить социальную природу буржуазного общества. Это дело людей, а не анонимных технологических или экономических сил. История есть результат деятельности людей и их отношений. Последние никогда не изменятся, если их не изменят сами люди, либо путем революции, либо путем реформы. Причем реформа нередко становится побочным продуктом революции, или ее предпосылкой.

В последнее время наметилось стремление интерпретировать поздних Маркса и Энгельса как своеобразных оппортунистов, полностью отказавшихся от революции. Однако подобной метаморфозы у них никогда не было. Они, являясь последовательными сторонниками диалектического взгляда на историю, никогда не отказывались от революции как способа завоевания политической власти. Допуская возможность перехода власти в руки пролетариата путем демократических выборов, Маркс и Энгельс исходили из того, что это будет возможно только тогда, когда буржуазия осознает бесполезность сопротивления революционному классу ввиду его превосходства в силе. Но в этом случае переход власти из рук буржуазии в руки рабочих и будет революцией, только бескровной.

Наиболее распространенной фальсификацией общественных взглядов Маркса является мифологема о его якобы фанатичной приверженности учению о классах и классовой борьбе в обществе. На самом деле, это утверждение не точно, и, стало быть, неверно. Конечно, как ученый, он вслед за историками Великой французской революции, признавал существование классов и классовой борьбы в антагонистическом обществе. (Этот факт и сегодня не потерял своего исторического значения). Мало того, он был уверен, что такая борьба рано или поздно приведет рабочий класс к политической власти, что, кстати, во многом подтвердилось ходом ранних социалистических революций. Вместе с тем, Маркс никогда не считал классовую борьбу неким «вечным двигателем» истории. Напротив, он видел ее переходящий харак-

тер: «Одержав победу, – писал он вместе с Энгельсом, – пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность»¹².

Становление нового «человеческого общества», или общества «реального гуманизма» по Марксу, знаменует собою конец стихийной «предыстории человечеств» и начало его «подлинной», то есть сознательно творимой истории, где разум, свобода, справедливость и солидарность становятся основными критериями общественного прогресса. В этом обществе разрешаются основанные на социальном антагонизме противоречия «между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом»¹³. Уже в XIX в. Маркс считал, что к такому обществу начало двигаться человечество, создавая в разных странах союзы, ассоциации и организации людей, ставящие себе целью преодолеть такие органические пороки цивилизации, как отчуждение и эксплуатация людей, религиозная и национальная нетерпимость, культ силы, частного интереса и денег.

Насколько эта уверенность Маркса оправдалась историей? Ответить на этот вопрос не просто: необходим тщательный анализ всех социальных завоеваний и потерь, происшедших в мире за последние столетия. На мой взгляд, нет сомнения в одном: общее направление истории, указанное Марксом, оказалось верным. Это подтверждается не только социальными революциями прошлого, не только существованием стран «реального социализма», но и многими процессами, вызревающими в капиталистических странах, в частности в Латинской Америке. Есть и другие доказательства: например, никто не может опровергнуть истину, что в современном глобальном мире, и особенно в его наиболее развитой части, рабочий день сокращен до 8 и более часов, продолжается движение ко всеобщей интеграции, автоматизации и информатизации производства, нарастают тенденции социализации общественной жизни, объединения стран и народов. Все большее значение в общественной жизни приобретают научные знания, которые, обладая всеобщим характером, противостоят господствующим буржуазным отношениям. Эти тенденции, предсказанные Марксом, настоятельно требуют сегодня контроля со стороны

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 39.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 116.

гражданского общества за стихией рынка и движением капиталов, сознательного отношения к природе, исключения войн из жизни человечества, преодоления всех форм социального, национального и духовного порабощения и отчуждения людей. Реализация этих требований и означает движение к подлинно гуманистическому обществу.

Вместе с тем, прошедшее после Маркса историческое время показало и другое, а именно, что движение к обществу «реального гуманизма» идет противоречиво и не так быстро, как это хотелось основоположникам научного социализма и их последователям. Выражаясь языком Маркса, «крот истории» продолжает рыть в нужном направлении, но на его пути остается еще много препятствий, тупиков и попятных движений, которые он должен обойти или преодолеть в текущем столетии. К сожалению, общественный прогресс пока еще остается тем «языческим идолом», который предпочитает пить нектар из черепов загубленных им людей. Только идейно зашоренные люди не хотят видеть, что современный мир продолжает быть миром агрессивной и безжалостной конкуренции, непрекращающихся социальных и международных конфликтов, миром национальной, религиозной и идейной нетерпимости, миром, в котором террор и насилие остаются средством решения общественных и международных противоречий. Мало того, в условиях продолжающейся, несмотря ни на что, гонки вооружений и распространения ядерного оружия, современный мир остается хрупким и непредсказуемым. Если человеческая цивилизация не сможет вовремя измениться и ликвидировать основы такого зыбкого мира, она просто исчезнет с лица земли. Таким образом, выбор, сформулированный Марксом и социалистами прошлого – социализм или варварство, в нынешнем веке наполнился новым содержанием: социализм или конец человеческой цивилизации. Так поставлен вопрос историей.

А.В. Бузгалин

Социализм: на пути к «царству свободы»

Прежде чем перейти к изложению авторской гипотезы, мне хотелось бы подчеркнуть, что большая часть идей этого текста (за исключением гипотезы «мутантного социализма») генерирована автором в диалоге с его постоянным соавтором – А.И. Колгановым и потому этот текст, хотя и написан непосредственно мной, является скорее нашим совместным произведением. К тому же А.И. Колганов провел значительную работу по редактированию этого текста.

Проблемы социализма в нынешней России поднимаются редко и как правило в относительно узком кругу ученых, специально занятых изучением этого вопроса. Между тем, противоречия современной глобальной экономики привели к постановке проблемы поиска альтернатив нынешней модели экономической, социальной и политической организации мира глобального капитала. Поиск таких реально видимых уже сегодня альтернатив и есть «сверхзадача» данного текста.

Если сконцентрировать наше исследование на, прежде всего, социально-экономической проблематике, то следует отметить, что большая часть предлагаемых альтернатив остается в рамках тех или иных модернизаций доктрины социально-ограниченной, государственно-регулируемой рыночной экономики (но можно сказать четче – капитализма). Однако есть и другие исследования (о них ниже) и, что особенно важно – другая практика. Именно с их краткой систематизации мы начнем наш анализ, предварительно выделив основные тенденции в определении понятия «социализм».

К ним относятся, во-первых, различные варианты отождествления теоретической модели социализма с «социализмом», реально существовавшим в СССР и других странах «мировой социалистической системы»; во-вторых, те или иные трактовки процессов социализации, движения к социальной справедливости и т. п.; в-третьих, различные теоретические модели посткапиталистического общества, предполагающие снятие (т. е. отрицание с удержанием положительных достижений) частной собственности, эксплуатации и – шире – социально-

экономических основ отчуждения¹. Для авторов наиболее близка третья позиция. Процесс же социализации мы считаем правомерным рассматривать как развитие элементов социализма внутри переходных (от старой системы к новой) отношений, в той или иной мере характерных для экономики XX–XXI вв.

Социализм: практики и теории

Тема этого раздела столь фундаментальна и обширна, что делает невозможной ее сколько-нибудь полное освещение в статье. Однако и обойти ее таким текстом нельзя. Поэтому поневоле мы вынуждены будем ограничиться лишь некоторыми принципиально значимыми ремарками, адресовав интересующихся к широкому кругу источников по данной теме.

Некоторые вводные ремарки

Сначала о тезисах широко известных, но систематически игнорируемых критиками социализма как возможного будущего.

Первая ремарка. Как бы ни относиться к опыту «реального социализма», следует признать, что явление такого исторического масштаба некорректно списывать лишь на флуктуации общественного развития. Оно требует своего объяснения. Такие объяснения есть. Их много и это нормально для теоретического изучения сложного общественного феномена². Теоретическая работа по этой теме проделана огромная, но она принципиально незавершена. Игнорировать эту работу серьезному исследователю, в том числе и тому, кто считает опыт «реального социализма» исключительно негативным, некорректно. Большинство же современных экономистов, особенно в России, признает, что для экономики СССР и других стран «реального социализма» были характерны определенные достижения, которые могут и должны быть использованы при поиске оптимальных моделей организации социаль-

¹ Неплохой обзор работ советской эпохи по этой проблеме содержится в монографии «Отчуждение труда при социализме» (М., 1988. Позиция автора по этому вопросу была высказана в книге «По ту сторону отчуждения» (М., 1990)

² Обобщение и анализ основных позиций по этому вопросу были проделаны в книге «Теория социально-экономических трансформаций» (М., 2003). Есть немало других работ, рассматривающих эти трактовки, в частности, Воейков М.И. Споры о социализме. М., 1998:

но-экономической жизни в новую эпоху. Кроме того, негативный опыт прошлого может быть не менее ценен, чем позитивный.

Позиция авторов по этому вопросу будет воспроизведена в следующем разделе, поэтому здесь лишь анонсируем ключевой вывод: экономика СССР появилась не случайно. Это был ответ на вызов «ловушки XX в.», когда новые общественные отношения должны были возникнуть в силу *остроты социально-политических противоречий*, но не могли возникнуть в адекватных формах в силу неразвитости технологической и культурной базы. В результате возникла система, приспособленная к условиям индустриализма и жесткого военного противостояния. Эта система с момента своего рождения была неадекватна тем объективным вызовам новому обществу, которые «предъявляют» условия рождения постиндустриальной системы, она могла относительно успешно жить лишь в прежних условиях. Необходимость перехода к новой экономике привела к объективной необходимости качественного изменения советской системы, что в СССР и странах ЦВЕ оказалось невозможно в силу социально-политических причин.

Тем не менее, опыт СССР показал, во-первых, какие пути перехода к новому обществу ведут в тупик и, во-вторых, какими могут быть прогрессивные ростки новой системы (их обобщение – одна из до сих пор не решенных учеными задач).

В некотором смысле, как мы уже многократно писали, опыт СССР с его дефицитом и ГУЛагами, с одной стороны, и великой культурой, наукой и образованием – с другой, в чем-то подобен опыту ренессансной Италии с ее инквизицией, гражданскими войнами и Высоким Возрождением³. И в том, и в другом случае попытки перейти к новой системе (в первом случае – социалистической, во втором – капиталистической) сопровождались чудовищными мутациями (войны, политический и идеологический террор...) и закончились поражением. Однако без Ренессанса бы не было ни культуры, ни экономики Нового Времени.

Вторая ремарка. В настоящее время имеется практика ряда стран, которые заявляют о развитии в направлении социализма. И это не только Китай, Вьетнам и стоящая несколько особняком Куба, но и начавшие осуществлять первые шаги в направлении радикальной социализации Венесуэла и Боливия. Мы согласимся с либеральными

³ Эту параллель мы предложили еще в начале 90-х гг. XX в. Подробно она была раскрыта в книге «Ренессанс социализма» (М.: URSS, 2003). В 2007 г. ее заново открыл Самир Амин; в последнее время эта идея встречается все чаще.

критиками в том, что Китай и Вьетнам все больше эволюционируют в направлении «нормальной» капиталистической экономики. Однако в этих странах присутствуют и некоторые ростки новой социально-экономической организации (от ассоциирования мелкого частного бизнеса до долгосрочных государственных программ «выращивания» высокотехнологичных ТНК), изучение которых представляет немалый интерес. Что же касается опыта Кубы и отчасти похожего на него опыта первых шагов социализации в Венесуэле, то здесь можно найти немало принципиально важных элементов экономики будущего. В частности, это практика достижения высокого уровня развития человеческих качеств (медицина, спорт, образование, высокая культура, низкий уровень преступности и т. п.) в условиях относительно низкого уровня развития технологической базы и экономической блокады (что особенно болезненно в условиях глобализации)⁴.

Третья ремарка. Современная экономика знает не только рынок, капитал и наемный труд, но и ряд других, качественно отличных от них отношений. Это и экономика солидарности с ее многообразными формами общественного присвоения и распоряжения (от «старых» кооперативов до новейших сетевых ассоциаций), и системы бесплатного распространения знаний, и многочисленные НПО с их некоммерческой деятельностью и т. п.

Кроме того, общеизвестно, что подавляющее большинство либеральных критиков социализма считает развитие общественного сектора, бесплатных и общедоступных образования, здравоохранения, спорта и культуры и т. п., «опасным» подрывом основ рынка и «открытого общества» и продвижением к социализму. Авторы согласны с этим тезисом (правда, с иным акцентом: этот процесс действительно ограничивает рынок, но развивает человеческие качества и потому он прогрессивен). Из него вытекает, что социальные механизмы регулирования, нацеленные на реализацию интересов общества в целом (быть здоровым, образованным, дышащим чистым воздухом, не сталкиваться с жесткими социальными антагонизмами) и его наиболее уязвимых в экономическом отношении групп, есть процесс «отмирания» капитализма и рождения элементов социализма, переходных (от капитализма к социализму) отношений. Показанная еще в конце XIX

⁴ Авторы после визита на Кубу подготовили краткий анализ достижений и противоречий в развитии этой страны. Что касается Венесуэлы, то здесь мы отсылаем читателя к текстам одного из лучших знатоков и друзей этой страны К.Л. Майданика. Впрочем, авторы так же немало писали об этой стране (См.: серию статей в журнале «Альтернативы» в 2001 и 2006–2008 гг.).

в. диалектика этого процесса состоит в том, что именно это самоотрицание старой системы является, начиная с конца позапрошлого века, единственным путем ее самосохранения и развития. Этот процесс в чем-то подобен тому, как древнеримская империя для своего сохранения еще на несколько столетий должна была принять христианство, перейти к колонату и все больше ограничивать рабство (что, впрочем, все равно не спасло ее в конечном итоге от гибели).

Четвертая ремарка. Социально-экономическая мысль XX–XXI вв. немало сделала для разработки теории социализма.

Кроме упомянутых выше сотен работ по проблемам «уроков» реального социализма, выделим несколько блоков теоретических работ по собственно экономическим проблемам, рассматривающих предпосылки и основные блоки будущей экономической системы, прежде всего, отношения координации и собственности.

Во-первых, это работы по проблеме предпосылок социализма⁵.

Во-вторых, это многочисленные исследования, лежащие в русле модели «рыночного социализма»⁶ и несколько менее известные работы о возможных моделях демократического планирования⁷.

В-третьих, это работы по проблемам развития кооперативов, коллективных предприятий, самоуправления, демократически управляемого «публичного» сектора, НПО и т. п.⁸ В последнее время они допол-

⁵ Из фундаментальных зарубежных работ на эту тему выделим: Schweicart D. *Against Capitalism*. Oxford, 1996; Meszaros I. *Beyond Capital*. London, 1995. Из работ отечественных авторов отметим коллективную монографию «Критический марксизм: продолжение дискуссий» (М., 2001). Наша позиция полнее всего отражена в монографии «Глобальный капитал» и предшествующих частях этой книги.

⁶ Одна из наиболее известных работ на эту тему на западе – книга А.Ноува «Экономика возможного социализма» (Nove A. *Economics of Feasible Socialism*. Cambridge, 1991). Подробный обзор зарубежных работ на эту тему (начиная с О. Ланге – O.Lange. *On the Economic Theory of Socialism*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1938) содержится в книге Флакиерски Г. *Рыночный социализм: новый взгляд*. М., 2001. В нашей стране теория рыночного социализма восходит к работам Бухарина и затем на протяжении всей истории СССР эта модель пользовалась то большей, то меньшей популярностью. Пики внимания к ней приходятся на конец 60 и 80-х гг. прошлого века. В постсоветской России так же немало сторонников идеи рыночного социализма. На эту тему писал Б.Курашвили, М. Воейков, Ф. Клоцвог (последний склоняется к идее планово-рыночной экономики) и др.

⁷ Среди наиболее известных авторов, писавших на эту тему – Эрнест Мандел (в 80-е годы журнал *New left Review* публиковал немало статей, в которых этот ученый полемизировал с А. Ноувом) и К. Самари. См.: Мандел Э. *Власть и деньги. Общая теория бюрократии*. М., 1992; Самари К. *План, рынок и демократия*. М. 1994).

⁸ Позиция авторов по этому вопросу и анализ широкого круга западных работ на эту тему представлен в книге: Колганов А.И. *Коллективная собственность и коллектив-*

няются массой интернет-материалов по проблемам знаний (информации) как общественного блага. Наконец, напомню, что и отечественная политическая экономия социализма дала истории примеры не только апологетики, но и серьезных научных достижений, скрытых под покровом цитат «мудрых» генсеков⁹.

Но все это тезисы в принципе хорошо известные профессионалам. Мы кратко обозначили их только потому, что круг людей, хотя бы отчасти профессионально знакомых с проблемами социализма, ныне резко сузился и подавляющее большинство авторов, так или иначе затрагивающих эту тему, систематически игнорирует названные выше общеизвестные положения, заявляя в стиле партпропагандистов советской поры: я этих апологетов не читал, но точно знаю, что их работы бессодержательны, реакционны и льют воду на мельницу врагов цивилизованного общества.

Однако в XXI в. это наследие требует не только сохранения, но и позитивной критики.

Типичные для эпохи К. Маркса ответы на вопросы о предпосылках и природе социализма, уже давно и существенно развиты и игнорировать это развитие столь же непродуктивно, сколь судить о потенциале неоклассики, не зная ничего, кроме работ А. Маршала.

ное предпринимательство. М., 1993. Обновленная краткая версия этого обзора представлена в: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Экономическая компаративистика. М., 2005. Кроме того, на русском языке в постсоветский период вышли работы П. Абовина-Егидеса, В.Белоцерковского, М. Воейкова, Б.Курашвили, Б.Славина и м.др. Обобщение этих позиций и практического опыта содержится в монографии «От наемного труда к свободному. Производственное самоуправление или «третий путь» в экономике» (М., 2001). Наиболее развернутый анализ отечественной и зарубежной практики коллективных предприятий содержится в книгах Э. Рудыка. Среди множества западных работ о практике рабочей собственности можно назвать: Michael W. Howard. *Sel-Management and the Crisis of Socialism*. New York – Oxford: Rowman&Littlefield Publishers, 2000; Frank T.Adams and Gary B.Hansen. *Putting Democracy to Work*. San Francisco- Eugene: Berret-Koehler Publishers; Hulogosi Communications, 1992; *When Workers Decide*. Ed. By Len Krimerman and Frank Lindenfeld. Philadelphia, PA – Gabriola Island, BC: New Society Publishers, m 1992; *Understanding Employee Ownership*. Ed. By Corey Rosen and Karen M. Young. Ithaca, New York: ILR Press, 1991.

⁹ Анализ этого вклада содержится, в частности, в монографии «Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века» Под ред. А.В. Бузгалина. М., ТЕИС, 2003; Бузгалин А. Эвристический потенциал политической экономии социализма в XXI веке // *Вопросы экономики*, 2003, №3; вариант этого текста публикуется ниже в этой книге. См. так же Дзарасов С., Меньшиков С., Попов Г. Судьба политической экономии. М., 2004.

Феномен «мутантного социализма»

В рамках формирующейся школы постсоветского критического марксизма вопрос о социально-экономической природе СССР и других стран так называемой Мировой социалистической системы (стоящий, как загадка сфинкса, перед каждым исследователем проблем философии истории) решается по разному, но в рамках единого поля, границы которого относительно строго задаются следующими параметрами.

Мы критически относимся к любым вариантам решения проблемы, исходящим из того, что никакая иная социально-экономическая система, кроме рыночно-капиталистической вообще невозможна и потому «коммунистический» строй является исторической случайностью, возникновение которой было обусловлено субъективными факторами, а смерть является совершенно естественным доказательством невозможности существования социализма (коммунизма – либеральные исследователи их, как правило, не различают) вообще. Как было показано выше, мы, вслед за нашими учителями и предшественниками, исследуем объективные и субъективные предпосылки рождения нового строя и находим достаточно аргументированным доказательство принципиально возможности и закономерности возникновения новой общественной системы, обеспечивающий больший простор развития личности, нежели «царство необходимости» вообще и капитализм, в частности.

Столь же малоубедительным, на наш взгляд, является утверждение об однозначной прогрессивности общественно-экономической системы «реального социализма» и, соответственно, случайности его гибели вследствие субъективных причин¹⁰. Мы прекрасно видим и стремимся объективно исследовать глубокие внутренние противоречия «реального социализма» и тот мировой контекст, который, с одной стороны, вызвал к жизни этот специфический общественный организм, а с другой – привел к его распаду. Более того, мы исходим из того, что причины возникновения и распада советской системы были в основе своей одни и те же. Рассмотрим эту непростую диалектику подробнее.

¹⁰ Отнюдь не странно, что ортодоксальные либералы и ортодоксальные марксисты методологически сталкиваются здесь на одном пяточке апелляции к субъективным флюктуациям, «заговорам» и «предательству», пятясь спинами навстречу друг другу в своем стремлении выдать свою плоскую позицию за истину в последней инстанции.

Для авторского понимания природы социального строя обществ реального социализма ключевым является тезис о наличии общесторической тенденции нелинейного заката царства необходимости и генезиса царства свободы как общей метаосновы всех конкретных изменений, характерных для XX–XXI вв.

Эта гипотеза позволяет сформулировать следующую тезу: противоречия современной эпохи создают достаточные материальные предпосылки для генезиса «царства свободы». В то же время они показывают, что отмирание отношений отчуждения не может не быть длительным нелинейным интернациональным процессом. Именно его мы и обозначаем словом «социализм».

Весь вопрос, однако, в том, чтобы критически развить традиционное линейное понимание социализма как всего лишь первой стадии коммунистической общественно-экономической формации (ортодоксальный марксизм) или не более чем системы ценностей, которые могут частично реализоваться в рамках «постклассического» буржуазного общества путем реформ (социал-демократия).

Если мы поднимаемся до взгляда на процесс рождения нового общества как на интернациональный глобальный сдвиг в истории человечества, то и сам процесс трансформации приобретает новые характеристики. Потому социализм может быть охарактеризован не столько как стадия общественно-экономической формации, сколько социализм, понимаемый как процесс перехода от эпохи отчуждения к «царству свободы» (коммунизму) будет включать в себя революции и контрреволюции; первые ростки нового общества в отдельных странах и регионах, их отмирание и появление вновь; социальные реформы и контрреформы в капиталистических странах; волны прогресса и спада различных социальных и собственно социалистических движений.

Нелинейность, противоречивость, интернациональность этих сдвигов составляет специфику социализма как процесса рождения нового общества во всемирном масштабе.

Объективные предпосылки и первые шаги социалистических преобразований, связанных с подрывом отношений отчуждения в конце II тысячелетия, оказались существенно изменены глубоким внутренним кризисом, а затем и крахом первоначальных (мутантных) ростков социализма в СССР и странах Восточной Европы. В мире в 90-е годы появилась новая реальность – пост-«социалистическая» (имея в виду под словом «социализм» в кавычках реальные отношения и идеологию странах «мировой социалистической системы» и соответствующих ле-

вых организаций в других странах). Именно в этом новом мировом контексте мы можем и должны анализировать перспективы переходных социумов. Ключевым для понимания их природы, таким образом, оказывается вопрос о природе той системы, которая сложилась в странах «реального социализма» в XX в.

Свидетельствами всестороннего кризиса «социализма» стал, как уже было отмечено, в первую очередь распад этого строя в странах Восточной Европы и СССР. В основе чего лежала фундаментальная неспособность этой системы – но не социализма в научном смысле слова – обеспечить более высокую, чем капитализм, производительность труда, больший простор для свободного всестороннего развития человека. Важным свидетельством этого кризиса стало резкое снижение роли левых в мире, застой в теории социализма, падение его идейного влияния и мн. др. Причиной всего этого является, прежде всего (но не исключительно – не будем забывать о глобальной гегемонии капитала), собственная природа «социализма».

В сжатом виде суть прежней системы может быть выражена категорией «мутантного социализма»¹¹. Под последним понимается тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от капитализма к коммунизму. Это общественная система, выходящая за рамки капитализма, но не образующая устойчивой модели, служащей основанием для последующего движения к коммунизму.

Эти тезисы требуют некоторых пояснений.

Во-первых, заметим, что исследователям, пишущим работу о социализме на рубеже XX–XXI вв., трудно ответить на мощное возражение критиков, суть которого заключается в констатации кажущегося очевидным положения: никакого иного социализма, кроме того, что был в странах мировой социалистической системы, человечество не знает. Следовательно, у нас нет оснований считать этот строй мутацией.

¹¹ Среди известных нам трактовок природы «реального социализма», пожалуй, наиболее близка к авторской позиции трактовка СССР как в определенной мере вырождающегося рабочего государства, предложенная Л. Троцким в работах «Преданная революция» и др., послуживших одним из исходных пунктов нашего анализа. Другим источником стали наши разработки 1983–1987 гг. (когда мы отчасти по невежеству, отчасти в силу цензурных ограничений еще не знали многих работ о природе СССР), где мы постарались обосновать вывод о социально-экономическом строе СССР как деформированном социализме. В определении экономического строя наша позиция оказалась близка к позиции Э. Мандела, трактующего советский «социализм» как своеобразный незавершенный переходный период.

Эта очевидность, однако, является ничем иным, как одной из классических превращенных форм, в которых только и проявляются все глубинные закономерности мира отчуждения. Ум (или, точнее, «здравый смысл» обывателя и его ученых собратьев) хочет и может видеть только эти формы, но не сущность. Между тем в нашем исследовании без выделения сущностных тенденций не обойтись. Эти сущностные тенденции рождения царства свободы, равно как и ростки социализма как интернационального процесса перехода к новому обществу, мы постарались показать выше на основе анализа объективных процессов заката царства необходимости и позднего капитализма постиндустриальных технологий и творческого труда, пострыночного регулирования, освобождения труда. То, что эти сущностные черты рождающегося нового общества не приобрели адекватных форм и не смогли развить присущий им потенциал прогресса производительных сил, человека как Личности и позволяет квалифицировать прошлое наших стран как мутантный социализм.

Следовательно, мы можем заключить, что в странах «мировой социалистической системы» был искажен не некий «идеал» социализма. Речь идет о том, что реальная общеисторическая тенденция перехода к царству свободы и адекватные ей реальные ростки социализма развивались в мутантном, уродливом от рождения виде. Это касается ростков и пострыночной координации, в частности, успешного и планирования экономики и ассоциированного присвоения общественного богатства, и социального равенства, и новой мотивации, и особых ценностей, и культуры.

Во-вторых, обращение к термину «мутация» неслучайно. Авторы в данном случае пошли по не слишком оригинальному пути аналогий с некоторыми разработками в области естественных наук, чем «грешили» и марксизм («формация» и т. п.), и неоклассики. Категория «мутантный социализм» используется нами для квалификации общественной системы наших стран по аналогии с понятием мутации в эволюционной биологии (организмы, принадлежащие к определенному виду, в том числе – новому, только возникающему, обладают разнообразным набором признаков – «депо мутаций», которые в большей или меньшей степени адекватны «чистому» виду и в зависимости от изменения среды могут стать основой для «естественного отбора», выживания особей с определенным «депо мутаций», для выделения нового вида).

В момент генезиса, начиная с революции 1917 г., рождавшееся новое общество обладало набором признаков («депо мутаций»), по-

зволювших ему эволюционировать по разным траекториям, в том числе – существенно отклоняющимся от оптимального пути трансформации «царства необходимости» в «царство свободы». Особенности «среды» – уровень развития производительных сил, социальной базы социалистических преобразований, культуры населения России и международная обстановка – привели к тому, что из имевшихся в «депо мутаций» элементов возникшей тогда системы наибольшее развитие и закрепление постепенно получили процессы бюрократизации, развития государственного капитализма и другие черты, породившие устойчивую, но крайне жесткую, не приспособленную для дальнейших радикальных изменений систему. В результате возник мутант процесса генезиса царства свободы (коммунизма).

Так сложился организм, который именно в силу мутации был, с одной стороны, хорошо приспособлен к «среде» России и мировой капиталистической системы первой половины и середины XX в., но с другой (по тем же самым причинам) – далек от траектории движения к коммунизму, диктуемой закономерностями и противоречиями процесса нелинейного отмирания, прохождения мира отчуждения.

В результате, в СССР сформировался строй, который мог жить, расти и даже бороться в условиях индустриально-аграрной России, находящейся в окружении колониальных империй, фашистских держав и т. п. Победа в Великой отечественной войне – самый могучий тому пример. Но в силу тех же самых причин (мутации «генеральных», стратегических социалистических тенденций) этот «вид» не был адекватен для новых условий генезиса информационного общества, он не мог дать адекватный ответ на вызов обострившихся глобальных проблем, новых процессов роста благосостояния, социализации и демократизации, развертывавшихся в развитых капиталистических странах во второй половине XX в.¹²

У сложившегося в рамках «социалистической системы» строя в силу его бюрократической жесткости был крайне узок набор признаков («депо мутаций»), позволявших приспособливаться к дальнейшим изменениям «внешней среды». Этому мутанту были свойственны мощные (хотя и глубинные, подспудные) противоречия: на одном полюсе – раковая опухоль бюрократизма, на другом – собственно социалистические элементы (ростки «живого творчества народа»), содер-

¹² Одним из парадоксов этого процесса является обусловленность процессов некоторой социализации и гуманизации капитализма в 50–60-е гг. не только внутренними противоречиями этой системы, но и влиянием МСС.

жащие потенциал эволюции в направлении, способном дать адекватный ответ на вызов новых проблем конца XX в. Но постепенно последние оказались задавлены раком бюрократии. В результате мутантный социализм не смог развиваться именно в этих, более благоприятных для генезиса ростков царства свободы, условиях – условиях развертывания НТР, обострения глобальных проблем и т. п., бросавших все больший вызов со стороны «общечеловеческих», т. е. собственно, коммунистических ценностей и норм миру отчуждения. Ответить на эти вызовы жесткий мутантный социализм не смог. Как следствие, он захирел («застой») и вполз в кризис.

Когда «мягкая» модель социально-ориентированного капитализма сменилась в 80-е гг. «жесткой» и агрессивной праволиберальной, вызов рождающегося информационного общества стал практической проблемой, а внутренние проблемы мутантного социализма достигли такой остроты, которая не позволяла решить их в рамках сохранения прежнего вида – тогда и встал выбор: либо преодоление мутаций старой системы и движение в направлении к царству свободы, либо кризис. Первое оказалось невозможно в силу названной жесткости старой системы. В результате мутантный социализм умер собственной смертью, ускоренной, впрочем, мировым корпоративным капиталом.

Итак, мутантный социализм – тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от «царства необходимости» (в частности, капитализма) к «царству свободы» (коммунизму); это общественный строй, выходящий за рамки капитализма, но не образующий систему, служащую основанием для последующего движения к коммунизму.

Неслучайным парадоксом этого общества стало то, что в его рамках наименьшее развитие получили те сферы, которые составляют предпосылки социализма и по идее должны решаться в рамках буржуазной системы – прежде всего – развитие демократии, гражданского общества, прав и свобод индивида, обеспечение населения предметами потребления и услугами, высокий уровень дисциплины труда и т. п. и наоборот, наибольшее развитие получили именно те сферы, которые собственно и характеризуют его как зарождающееся царство свободы (социализм) – общедоступные по охвату и гуманистические по содержанию культура, образование, наука и т. п. «Реальный социализм» впервые в истории человечества в массовом масштабе генерировал ростки ассоциированного социального творчества и идеальный образ (теоретико-художественный идеал) будущего, коммунизма

(теория социализма и советская культура, были восприняты практически, в реальном образе жизни большинством населения именно как такие идеальные прообразы будущего)¹³. При этом в силу неразвитости буржуазных предпосылок собственно социалистические задачи решались частично, в весьма специфических, мутантных формах (один из наиболее ярких примеров последних – бериевские «шарашки», где полугодные заключенные в большинстве своем искренне-энтузиастически создавали основы постиндустриального сектора СССР).

В результате мутантный социализм, возникнув на обломках еще недо-развитого (хотя в чем и уже пере-развитого) капитализма, не смог решить буржуазных задач, в чем-то успешно решая некоторые сверх-задачи движения к царству свободы. И это противоречие стало одним из глубинных оснований краха мутантного социализма. Сложилось же оно неслучайно: «реальный социализм возник как продукт «ловушки XX в. века», сделавшей поворот к социализму объективно необходимым (вследствие обострения противоречий империализма, приведших к первой в истории человечества мировой войне) и одновременно невозможным в силу слабой развитости предпосылок нового общества в нашей стране.

Подчеркнем: сказанное – не осуждение прошлого (хотя мы осуждаем самым решительным образом тиранов-сталиных, порожденных той эпохой, и вдвойне – их прихлебателей). Это констатация исторического факта: первая попытка «прорыва» к коммунизму породила такое общество. Те несколько шансов из ста, которые были даны нам для того, чтобы не скатиться в русло сталинщины в 20-е, для того, чтобы не свалиться в кризис ельцинщины в 90-е, мы – граждане СССР и других стран мировой социалистической системы – реализовать не смогли. Закрывать глаза на то, что такая мутация произошла, не извлечь уроков из трагедии прошлого так же преступно, как предать забвению героическую борьбу наших отцов, дедов и прадедов за социализм.

В этом чудовищно интенсивном противоречии ростков и мутаций социализма – тайна нашего прошлого. Задача настоящего – трезвый научный анализ этих противоречий. Мы должны не закрывать глаза на ошибки и преступления прошлого, а понять их суть и причины, отделить великие героические достижения создателей социализма (от «простых» строителей Магнитки до таких титанов как Ленин или Мая-

¹³ Эта идея развита в работах Л.А. Булавки, в частности, в ее разделе в монографии «Критический марксизм. Продолжение дискуссий». М., 2001.

ковский), от трагических ошибок и преступлений очистить зерна освобождения от плевел авторитаризма. Мы подчеркиваем реальную диалектичность, противоречивость, изменчивость и многообразие проявлений первых шагов к новому обществу, предпринятых в наших странах, мощных противоречий и деформаций на этом пути. Важнейшим для нас является анализ как тех реальных новых общественных отношений (пострыночных, посткапиталистических), которые показали возможность возникновения социально-экономических отношений, нацеленных на развитие человеческих качеств, а не максимизацию прибыли, так и их изначальных деформаций, приведших к трагедиям и преступлениям советского периода¹⁴.

Этот анализ реальных преступлений, трагедий и прорывов в будущее «реального социализма» позволяет нам сделать вывод: к началу новой эпохи – перехода к глобальному обществу знаний – общественно-экономический строй «реального социализма» оказался неподготовлен. И здесь мы согласны с либеральными критиками социализма.

Но мы принципиально не согласны с тем, что из тупика советской модели был лишь один выход – к капитализму. Существовали и иные альтернативы, которые, однако, требовали «революции снизу» – качественной смены основ старой системы (государственно - бюрократического отчуждения). Произошло же лишь реформирование форм этого отчуждения и сделано оно было «сверху». Более того, мы еще накануне этих «реформ» показали, как и почему «шоковая терапия» будет откатом назад, вызовет к жизни «негативную конвергенцию»: соединение худших черт старой системы (бюрократизма, волюнтаризма, диспропорциональной структуры экономики) и капитализма (социальное неравенство, криминализация общественной жизни, деградация «человеческих качеств» и т. п.), что будет сопряжено с социально-экономическим спадом, институциональным хаосом и нарастанием теневой экономики, возрождением добуржуазных форм личной зависимости и насилия, при феодально-монополистической концентрации

¹⁴ Кстати, современным либералам тоже бы не грех «покаяться»: рынок и капитал так же рождались и рождаются первоначально в весьма примитивных и уродливых формах, включающих массу пережитков насилия и личной зависимости, вырастая из крови, революций и массовых преступлений. Не менее кровавой была дорога колониализма; кровавой стала нынешняя эпоха «локальных» войн... Но что-то не видно среди нынешних апологетов капитализма, энтузиазма анализировать меру закономерности преступлений капитала, совершенных им на протяжении столетий своего развития. О них либералы всех мастей – фридманы, хайеки, попперы и их российские ученики помалкивают в тряпочку: память отшибло?

капитала и, как закономерное следствие, – угрозе восстановления авторитаризма.

Критическое отношение к сложившемуся на пост-советском пространстве типу «реформ» как исторически регрессивному, ведущему к снижению экономической и социальной эффективности по сравнению с кризисной и малоэффективной советской системой – это еще один важный пункт, характеризующий позицию авторов, предлагавших и предлагающих альтернативные программы опережающего развития для нашей страны.

Однако довольно о прошлом. Рассмотрим несколько подробнее авторскую трактовку социализма с акцентом на методологии выведения и обоснования основных ее положений.

Социализм: некоторые общие характеристики

Социализм как эпоха нелинейной трансформации «царства необходимости» в «царство свободы»: постановка проблемы и социально-экономические акценты

Для постсоветского читателя хорошо знаком старый тезис о том, что социализм является разрешением противоречий капиталистического способа производства и выступает как первая фаза коммунизма.

Между тем, еще в 50–60-е гг. прошлого века и советский, и зарубежный критический марксизм в полной мере восприняли классическую идею К.Маркса и Ф.Энгельса о будущем обществе как эпохе, снимающей (NB! Именно снимающей, а не уничтожающей) противоречия и достижения всей предыдущей экономической общественной формации (в других вариантах – предыстории, царства [экономической] необходимости), а не только капитализма как ее последней фазы¹⁵. Этот тезис был соединен с новым (по сравнению с ортодоксальным, сталинским вариантом) пониманием предпосылок нового общества. К ним были отнесены господство творческой деятельности и научно-техническая и человеческая революции. На Западе лет пятьдесят спустя начали появляться работы по проблемам постиндустриального общества. Ставшая классикой книга Д. Белла¹⁶ трактовала эту будущую систему отчасти в духе «легального марксизма».

¹⁵ Эти положения развиты в работах Г. Батищева, В. Вазюлина, Н. Злобина, Р. Косолапова, В. Межуева и др.

¹⁶ Bell D. The coming of Post-Industrial society. N.Y., 1973. Подробнее об этом в мы писали в 4 части этой книги.

На перекрестье социально-экономических работ по проблемам нового качества системы, лежащей «по ту сторону собственно материального производства» (К. Маркс), с одной стороны, и гуманитарных изысканий «поколения 68 года» – с другой, выросло современное понимание социализма как эпохи перехода от экономической общественной формации («царства необходимости») к качественно новому обществу (автор ниже будет вслед за Марксом пользоваться термином «царство свободы»)

Постсоветский критический марксизм дополнил и развил этот подход, сформулировав ряд положений, которые и предлагаются ниже¹⁷.

Этот подход к социализму снимает, критически развивает традиционные трактовки социализма либо как всего лишь системы ценностей (социал-демократическая версия), либо как первой фазы нового (коммунистического) способа производства, приходящего на смену капитализму (ортодоксальная марксистская версия).

Мы показываем, что социализм есть:

снятие, позитивная теоретическая и практическая критика, преодоление не «только» капитализма, но и всех форм социального отчуждения – от ограниченности натурального хозяйства до современного «рыночного фундаментализма»; от патриархальной или рабски-феодальной личной зависимости до современной тотальной гегемонии корпоративного капитала; от примитивных форм государственного насилия до современных механизмов политико-идеологического принуждения...;

период нелинейного, включающего обеды и поражения, реформы и контр-реформы, революции и контр-революции движения к новому качеству общественной жизни и новому типу Личности; это нелинейное движение уже включало и может включать в будущем как опережающие мутации (попытки создавать новое общество при недостаточных материально-технических и социо-культурных предпосылках), так и образование застойно-реакционных социумов, для которых будет характерно реверсивное движение исторического времени;

всемирный процесс, протекающий в многообразных формах: от рождения первых более или менее продвинутых по пути к царству свободы социумов (государств, групп государств) до многообразных социально-творческих, социально-освободительных движений и

¹⁷ Авторская версия решения этих проблем изложена в монографиях «Ренессанс социализма» (М.: URSS, 2003) и «Глобальный капитал» (М.: URSS, 2004).

структур; только всемирные сети, интегрирующие на основе принципов, характерных для свободных работающих ассоциаций (например, новых социальных движений) самые различные образования – малых неправительственных организаций отдельных стран и наиболее креативных личностей до крупных левых партий и международных социальных движений в единстве с начинающими выращивать первые ростки социализма государствами – могут привести к победе социализма; социализма как всемирной открытой добровольно сформированной сети, социальное пространство которого будет лишь частично совпадать с границами прогрессивных государств, разворачиваясь как сетевая структура, объединяющая людей, социальные организации и движения, культурные феномены и практики – всю совокупность феноменов, снимающих социальное отчуждение;

мир преимущественно переходных отношений, включающий в едва ли не каждом своем проявлении – от человеческих качеств социалистов и коммунистов до политики первых социалистических государств – черты и нового общества, и мира отчуждения; поэтому всякий раз говоря о социализме мы должны говорить о мере его генезиса в том или другом фрагменте мировой социалистической сети (или этой сети в целом);

процесс, предполагающий борьбу за экономическую, социальную, политическую власть, а потому – качественные изменения (революции), причем не только социально-экономические, но и политические; в зависимости от меры материально-технической, социально-экономической, идейно-культурной достаточности и необходимости этих изменений данные политические подвиги будут успешны или трагичны; приводить к образованию новых анклавов социализма или оборачиваться мутациями нового строя, а то и контр - революционными, реверсивными социальными процессами; последнее особенно опасно: не-свершенные в условиях необходимых и достаточных предпосылок социальные реформы и/или социалистические революции приводили и будут приводить к образованию крайне реакционных общественных образований.

Такое понимание социализма, как легко заметит внимательный читатель, не постулируется нами, а выводится из понимания природы и структуры тех глобальных социально-экономических трансформаций, которые переживает ныне человечество и которые авторы охарактеризовали в 4 части этой книги.

Такой взгляд на социализм позволяет нам так же показать, что важнейшими материально-техническими и социально - экономиче-

скими предпосылками рождения нового общества становятся следующие процессы¹⁸.

Во-первых, типичный для XIX–начала XX вв. тезис об обобществлении производства как предпосылке социализма требует своей коррекции. Процесс обобществления как таковой, действительно объективен (хотя и нелинеен!), но только для индустриального материального производства. Развитие постиндустриальных технологий и соответствующих им содержания и форм организации деятельности, ее структуры требуют снятия прежнего тезиса об обобществлении как материальной предпосылке социализма. Переход «по ту сторону материального производства» вызывает к жизни феномен «всеобщего труда» (категория, введенная еще К. Марксом, который в некоторых своих ремарках предвидел этот процесс). Этот труд, или, точнее, творческая деятельность (1) носит с самого начала всеобщий характер, ибо предполагает и полагает непосредственную кооперацию с широчайшим и принципиально неограниченным кругом со-творцов. Эта деятельность (2) создает даже не общественное, а всеобщее благо. Таким благом является результат любого творчества – научное открытие, произведение искусства, социальная инновация и т. п. Ценность этого блага определяется тем, в какой мере оно окажется востребовано в процессе дальнейшего со-творчества. Это благо по определению является неограниченным: его может «потреблять» сколь угодно широкий круг лиц, его от этого «не убудет». Более того, чем шире круг «потребителей» (кооперирующихся с творцом лиц), тем большее прирастает это благо.

Так формируется система, в которой пирог тем больше, чем больше едоков. Рынок с его ограничением возможностей кооперации рамками частной собственности и предпосылкой ограниченности благ и безграничности потребностей становится неадекватен для развития такого типа деятельности. Косвенным подтверждением этого становится довольно устойчивая связь, характерная даже для современной, в основе своей все еще рыночной, экономики: чем больше в некоторой сфере роль неотчужденной творческой деятельности, тем более для нее характерны пострыночные общественные формы организации (в качестве иллюстрации представьте себе линию: фундаментальная наука, прикладная наука, массовое производство).

¹⁸ О не менее значимых социо-политических и социо-культурных предпосылках – в следующем подразделе текста.

Современная экономика реагирует на развитие этого процесса двояко. С одной стороны, развиваются сети, в которых знание, образование, культура создаются и используются как общественные блага. С другой, активно формируются рынок интеллектуальной собственности и система прав частной собственности на нее. Соответственно, все острее встает вопрос о том, каким будет ответ на вызовы все активнее развивающейся креатосферы (сферы со-творчества).

Так вопрос о плане и рынке приобретает качественно новое звучание, акценты переносятся в сферу борьбы за свободное распространение и общедоступность знаний, инноваций и т. п. благ. Обеспечение этой общедоступности становится вызовом системе отношений координации будущего общества.

Во-вторых, к кругу предпосылок нового общества относится непосредственно связанная с развитием креатосферы «человеческая революция». Подавляющему большинству теоретиков этой системы, включая К. Маркса, Ф. Энгельса, Р. Люксембург и других, социализм виделся как последовательно реализуемый гуманизм. «Реальный социализм» продемонстрировал глубочайшие противоречия в этой сфере: массовое интеллектуальное и физическое подавление индивида и революционные позитивные подвижки в развитии образования, медицины, культуры и т. п. общеизвестны. Но наша задача в данном случае – анализ не этих противоречий, не разрыва теории и практики, а предпосылок нового общества. И в этой связи теоретики социализма последних десятилетий фиксируют следующую закономерность: для эффективного развития потенциала постиндустриальной экономики необходимо максимально полное использование креативного потенциала каждого члена общества.

Критики социализма утверждают, напротив, что для неэкономичи необходим узкий круг интеллектуалов, остальные 80% граждан планеты Земля останутся «по ту сторону» этой системы. К вопросу о том, как разрешается эта дилемма, мы еще вернемся ниже. Сейчас же зафиксируем, что в рамках социалистической теории названный выше тезис дополняется утверждением, что творческая деятельность несовместима с отчуждением человеческих качеств, а значит и с наемным трудом. Соответственно, на этой базе разворачивается модель социального (по форме, формального) и технологического (содержательного, реального) освобождения труда. Этот свободный по содержанию и по форме труд (неограниченное общественными рамками свободное со-творчество индивидов) предполагает, соответственно, всеобщую ответственность на культурные блага. Последняя выступает как позитивное

упразднение частной собственности – индивидуальная собственность каждого человека на всё (все блага, какие он только сможет присвоить в процессе их распределения)¹⁹. Присвоение индивида, тем самым, оказывается ограничено лишь его собственными способностями и трудолюбием, но не социально-экономическими рамками (эту модель на практике может проверить каждый, направившись поработать в хорошую общедоступную библиотеку).

Так вопрос о собственности переносится прежде всего в новую плоскость – плоскость борьбы за общедоступность образования, творческой деятельности и т. п. Система отношений собственности будущего общества должна обеспечить общедоступность творческой деятельности и развития человеческих качеств каждому члену общества.

В-третьих, постиндустриальный глобальный мир создает такую ситуацию, когда обострение глобальных проблем превращает обеспечение социальной справедливости из препятствия в условие достижения экономической эффективности. Решение основных глобальных проблем (бедности; миграции; массового насилия, войн и терроризма; загрязнения среды и т. п.²⁰) предполагает формирование таких условий, в которых (а) уровень доходов любого индивида будет достаточен для «старта», адекватного вызовам постиндустриальной экономики, что не только снимает проблему бедности и миграции, но и обеспечивает массовую подготовку высококвалифицированных креативных работников для постиндустриальной экономической системы, обеспечивая ее эффективность; (б) экологические стандарты будут едины для всех стран, что снизит нагрузку на биосферу и предотвратит угрозу экономической стагнации вследствие обострения экологических проблем; (в) система будет находиться под контролем международного гражданского общества, а не ТНК, имперски настроенных государств и нелегальных вооруженных формирований, что резко снизит военные расходы²¹... – этот перечень легко продолжить. Наконец, (г) равномерно высокие расходы на развитие человеческих качеств в любой точке глобальной экономики оставят только один путь развития – по-

¹⁹ См.: Бузгалин А.В. Частная собственность устарела //Отечественные записки. 2004. № 6, а так же тексты 4 части этой книги.

²⁰ Анализ этих проблем и возможных теоретических и практических путей их решения содержится в изданной на многих языках мира (в том числе – русском) монографии «Глобализация сопротивления» (М.: URSS, 2004).

²¹ Подробнее о глобальных угрозах пандемии насилия см.: Бузгалин А.В. Основные «пласты» глобализации и ее конфликтогенный потенциал //Международные процессы. 2003. № 2.

вышение эффективности за счет технологического прогресса, а не бегства в страны с дешевой рабочей силой, малопроизводительными и грязными технологиями. Следовательно, социальная справедливость становится условием эффективного развития экономики в условиях обострения глобальных проблем и «человеческой» революции.

Иными словами, мы можем сформулировать своего рода вызов, который современное глобальное развитие бросает будущему обществу: оно должно иметь такую систему отношений, которая позволит решить задачи (а)–(г) в глобальном масштабе.

Мы сейчас не обсуждаем вопрос практической (социально-политической) возможности перехода на эту траекторию развития. Мы пока говорим лишь о том, что с точки зрения достигнутых материальных предпосылок такой путь развития возможен, и он даст эффективное разрешение существующих противоречий.

В-четвертых, прогресс производительности труда и технологий привел к такому уровню развития, когда обеспечение названных условий реализации человеческих качеств становится возможным: для него достаточно достигнутого уровня накопления материальных благ. Этот текст – не место для детальных расчетов, но элементарная прикидка показывает, что даже сегодняшнего (2007 г.) уровня мирового ВВП (около 10 000 долларов на человека), достаточно для обеспечения уровня развития человеческих качеств всех граждан Земли почти в 2 раза более высокого, чем в нынешней России (\$3 410 на душу)²². Если же учесть, что в нынешней России не менее половины доходов уходит на обеспечение паразитического потребления «элиты», содержание бюрократического и репрессивного аппарата, военные цели, финансовые и подобные им спекуляции, а оставшаяся половина расходуется на социальные цели крайне неэффективно, то можно предположить, что... Что нынешних ресурсов мировой экономики при их справедливом (но не уравнительном) распределении и эффективном использовании достаточно для того, чтобы обеспечить жителям Земли качество жизни в среднем в 3–4 раза более высокое, чем в современной России.

Соответственно, социально-гарантированный минимум для любого гражданина планеты в этих условиях может быть установлен на уровне в 3–4 раза ниже среднего. Располагающие только этим доходом лица будут жить относительно плохо (уровень материального потребления около 10 000 рублей на семью, т. е. как у среднего россиянина,

²² Данные взяты из последнего доклада Мирового банка «Справедливость и развитие». М.: Изд. «Весь Мир». 2006. С. 273.

но только имея хорошее общедоступное образование и медицинское обслуживание, а так же продолжительность жизни в 75–80 лет, как сейчас на Кубе). Кто-то (мировой «средний класс») будет жить в 3–4 раза лучше, а кто-то – наиболее талантливые и трудолюбивые – в 7–10 (но не 20 или 30!) раз лучше, чем «низы» (т. е. примерно так, как сейчас живут представители массовых творческих профессий – школьные учителя, воспитатели, социальные работники и т. п. – в развитых странах). Подчеркну, что даже при условии использования все тех же, что и ныне, технологий, экологическая нагрузка на биосферу при этом не возрастет, ибо речь идет лишь о сокращении неэффективных (с точки зрения развития человеческих качеств) расходов и увеличении эффективных при прежней суммарной производительности.

Если же учесть, что продвижение в направлении социализма (буде оно начнется) займет не менее нескольких десятилетий и будет происходить при темпах роста не ниже, чем скажем, в современной Кубе (около 5–7% в год), то окажется, что через 15–20 лет после начала перехода к социализму социально-гарантированный минимум развития человеческих качеств для любого жителя на Земле будет равен сегодняшнему уровню среднего класса развитых стран, т. е. вполне достаточен для свободного развития творческой деятельности каждого.

В этих условиях, естественно, встанет вопрос, будет ли востребована такая масса творческих работников. Ответ на него зависит от того, какой будет структура системы, развивающейся «по ту сторону материального производства».

Капиталистическая тенденция обеспечивает приоритетное развитие таких сфер как финансы, корпоративное управление, ВПК, торговля и сервис, ориентированные на утилитарные потребности и досуг, масс-культура, бизнес-образование и т. п.

Социалистическая тенденция²³ предполагает, что творческий потенциал подавляющего большинства может быть использован в тех сферах творческой деятельности, которые могут «проглотить» неограниченно большое число занятых: рекреация природы и общества (садовники, лесники, социальные работники и т. п.), воспитание и образование, медицина и спорт, наука и искусство... Что подвигнет людей, имеющих социально-гарантированный минимум, уйти от паразитиче-

²³ Заметим, что для современной экономики характерны как правило, компромиссные тенденции, особенно типичные для стран с социал-демократической политикой. Анализ опыта такой политики см.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Экономическая компаративистика.

ского утилитарного потребления и заняться трудным делом развития и реализации человеческих качеств – это и есть главный вопрос. Мы его переформулируем в соответствии с темой данного подраздела в виде императива: новое общество должно иметь такую систему общественных отношений, которая обеспечит, с одной стороны, социально-гарантируемый минимум, обеспечивающий достаточные условия для творческого старта, а с другой – достаточно сильные мотивы для включения подавляющего большинства членов общества в общедоступную творческую деятельность.

Возможна ли такая система отношений? Известны ли ее теоретически мыслимые параметры и практически данные ростки? Об этом – ниже.

Социализм как эпоха нелинейной трансформации «царства необходимости» в «царство свободы»: некоторые дополнения и социально-политические аспекты

Итак, социализм есть снятие не только капиталистических, но и всех предшествующих форм отчуждения, освобождения Человека не только от вещной, но и от личной зависимости. Именно этот процесс долгосрочных качественных трансформаций, в который мировое общество вступило начиная с XX в., мы и рассматриваем как процесс **социального освобождения**.

Эти трансформации, как мы заметили выше, затрагивают все пласты общественной жизни. Кратко суммируем сформулированные выше положения.

На уровне технологий, как мы уже показали, это переход от доминирования репродуктивного индустриального труда, использующего ограниченные ресурсы для производства утилитарных благ к преимущественно творческой деятельности, в которой общественные культурные блага используются с целью гармоничного развития человека в диалоге с природой. В этом смысле постсоветский критический марксизм есть теория развития нового общества на базе доминирования творческой деятельности и здесь мы в своих разработках сближаемся с теоретиками экологического, гуманистического, постиндустриального течений.

На уровне социально-экономических отношений это процесс снятия всех форм социального отчуждения и зависимости человека (от рабства, крепостничества, других форм личной зависимости и политико-идеологического тоталитаризма до рыночного фундаментализ-

ма, вещной зависимости и глобальной гегемонии современного корпоративного капитала).

На уровне социо-культурных изменений это переход от господства различных форм духовного производства (идеологий, религий, масс-культуры) к доминированию культурно-творческого диалога. И здесь мы смыкаемся с широким потоком исследователей-культурологов, особенно принадлежащих к школе Сартра.

Такой подход позволяет, во-первых, выйти за узкие рамки трактовки социализма лишь как общества, сменяющего частную собственность общественной и позволяющего передать в распоряжение общества (по сути дела – государства) создаваемую наемными рабочими прибавочную стоимость. Проблема разворачивается в задачу формального и реального освобождения труда, т. е. не только преодоления всех (в том числе – свойственных «реальному социализму») форм отчуждения, но и развития реально свободной деятельности (творчества), способностью к которой, как показано еще в 60-е гг. и ранее в работах философов и психологов-марксистов (Ильенков, Леонтьев, Выгодский, Лурия и мн. др.), обладает каждый, и поле деятельности для которой бесконечно – от деятельности новаторов в сфере технологий, ученых, художников до наиболее общественно значимых сфер – труда воспитателя в детском саду, садовника, учителя и врача.

Тем самым, во-вторых, переход к новому обществу ставится в зависимость от продвижения к новому типу деятельности (в современной терминологии – постиндустриальной революции), а не только изменения общественных отношений. На индустриальной стадии рождение нового общества становится возможным лишь как первые пробные шаги, почти неизбежно вырождающиеся вследствие недостаточного уровня развития материальных предпосылок и человеческих качеств, подобно тому, как капиталистическая система оставалась фрагментарной и неустойчивой в доиндустриальный период формального подчинения труда капиталу. (В качестве исторической аналогии напомним о кризисе и поражении первых капиталистических «экспериментов» в ренессансной Италии, крестьянской антифеодальной революции в Германии и т. п.) Этот подход развивает идеи самого Маркса и ряда его последователей (акцент на всеобщем труде и свободном гармоничном развитии личности как принципах коммунизма), в то же время критически снимая тезис ряда марксистов об индустриальном производстве как адекватной материально-технической базе нового общества.

В-третьих, этот подход позволяет показать, что развивающиеся процессы всемирного перехода «по ту сторону» эпохи господства материального производства и отчуждения (в современной терминологии – переход к постиндустриальному обществу и глобализация) могут идти и идут не только нелинейно и неравномерно, но и в разных общественно-экономических и идеолого-политических формах. Так, мы согласны с неолибералами в том, что глобализация и переход к «обществу знаний» – процессы объективные и при всех их противоречиях прогрессивные. Но, выделяя в соответствии с буквой и духом марксизма, содержание процесса и его особые социальные формы, мы доказываем, что современные неолиберальные (а тем более нарождающиеся протоимперские) формы экспансии глобального постиндустриального левиафана (1) являются не только не самыми эффективными, но и социально, гуманитарно и экологически опасными, (2) в историческом смысле реакционны и тупиковы и потому (3) могут и должны быть сняты другими, социально-ориентированными формами всемирного продвижения к постиндустриальному обществу («царству свободы»).

Наконец, в-четвертых, сказанное позволяет высветить в полной мере роль и значение таких слабо акцентированных ортодоксальным марксизмом предпосылок нового общества как (1) развитие и освоение широкими общественными слоями подлинной культуры и (2) их включение в ассоциированное социальное творчество.

Первый тезис связан с тем, что прогресс будущего общества как царства свободы объективно может и должен опираться на культурное наследие человечества, постоянно осваиваемое гражданами, ибо последнее есть абсолютно необходимое условие творческой деятельности и прогресса креатосферы как «базиса» царства свободы (отсюда сформулированная выше необходимость освоения подлинной культуры). В то же время базирующаяся на прогрессе технологий и социальном прогрессе «революция знаний» создает возможность такого освоения культуры все более широким кругом членов общества, в той мере, в какой преодолеваются стоящие на этом пути барьеры, создаваемые отношениями отчуждения. А это искусственно сохраняемая нищета 2/3 граждан мира и иные социальные ограничения доступа к образованию и культуре, вытеснение подлинной культуры массовой культурой и, шире, воспроизводство стандартов общества потребления и другие формы духовной гегемонии корпоративного капитала.

Второй круг предпосылок – это прогресс ассоциированного социального творчества, имеющего форму реформ и революций, что требует своего специального анализа.

При этом для нас особое значение имеют именно **революции**, не случайно названные «локомотивами истории» и «праздником угнетенных», ибо именно в эти относительно краткие периоды предельно обнажается весь комплекс названных выше проблем. Кстати, именно через реформы и революции, посредством них, в них **любой** член «глобального человечника» уже сегодня и сейчас, в любой точке планеты Земля может возвыситься до личностного включения в процесс освобождения человечества и тем самым позитивного самоосвобождения. При этом реформы будут общедоступным паллиативом, переходной формой отчуждения/освобождения, тогда как социальная революция есть общедоступный мир (пространство и время) позитивной свободы в рамках царства необходимости.

Социальная революция как качественный перелом, смена качественно различных систем отчуждения (способов производства), а уж тем более как грядущее начало перехода из «царства необходимости» в «царство свободы», знаменуется рядом особо важных для нас характеристик процесса социального освобождения²⁴.

Во-первых, революция ломает старую систему институтов отчуждения и вплоть до момента торжества нового способа производства знаменуется кратковременным торжеством «царства свободы», когда старая система подчинения уже разрушена, а новая еще не возникла, рождая тот самый «праздник угнетенных», когда Вы, кажется, можете своими руками изменять мир как захотите («опьянение свободой»). Это, кстати, порождает хорошо известный философам истории феномен «забегания вперед», когда революции заходят чрезмерно далеко по отношению к объективным возможностям: пока длится этот «праздник», объективные детерминанты, «ограничители»; в том числе, новые производственные отношения, социально-политические институты и т. п., уже или еще не действуют. Именно здесь оказывается особенно важна мера «культурности» революции, ибо последняя по идее должна ограничивать претензии революционеров (характерно в этом отношении «отступление» Ленина к нэпу, не принятое сталинистами).

²⁴ Авторы в данном случае хотели бы сослаться не только на классические марксистские работы и советских ученых-«шестидесятников», о которых шла речь выше, но и на разработки в этом вопросе одного из ведущих пост-советских марксистов О.Н. Смолина (См., например, его текст в книге «Социализм–XXI», М., 2009)

Более того, оставляемый как бы «за скобкой» в данном тексте анализ диалектики взаимодействия процессов развития креатосферы и социального освобождения коротко она может быть выражена в законе взаимообогащения прогресса культуры и социального освобождения) позволяет показать, что **социальные революции являются взрывом** не только социального недовольства, но и **перенакопленного культурного потенциала общества**, сжатого до взрывоопасного состояния «старой» системой отчуждения. Не только производительным силам, но и культуре, развитие которой оказывается особенно необходимо для самосохранения старого, загнивающего общества, с одной стороны, становится тесно в прежних социальных рамках. С другой стороны, культура, креатосфера (нелинейное развитие которой есть инвариант жизни рода Человек) стремится в лице своих лучших представителей как бы к самозащите себя от агрессивно-разрушающего (или застойно-разлагающего) воздействия мира отчуждения, дозревшего до очередной революционной ситуации.

Не случайно поэтому и то, что первоначальный импульс подлинной революции сначала рождается в умах «диссидентской» (и как правило, творчески наиболее продуктивной) интеллигенции. Другим слагаемым этого процесса является протест творческой части общества против разрушения и подавления подлинной культуры. Старая система, одной рукой пытаясь влить в свое дряхлеющее тело «кровь молодых девушек» (развивать культуру), другой тормозит все новое и прогрессивное. Взрывающая это противоречие революция, рождая временное состояние социального освобождения, притягивает к себе наиболее ищущую и творчески открытую часть интеллигенции, в то же время всасывая как мощный вихрь и массу мусора. Революция как мощный энергетический всплеск социального творчества и анти-отчуждения рождает тем самым и мощное поле, генерирующее потенциал для развития креатосферы (отсюда культурные всплески революций). При этом подавляются и разрушаются основы жизнедеятельности той части интеллигенции, кто был сращен со «старой» системой отчуждения, чьи творческие качества оказались подчинены ролию привилегированного раба, обслуживающего гегемонию власти.

В то же время, всякая социальная революция в рамках царства необходимости, начинаясь как освобождение, заканчивается как торжество новой системы отчуждения и творцам приходится или рисковать утратой общественного положения, или подчиняться новой власти. Так, например, при переходе к капитализму творцы, уйдя от подчинения аристократии, попадают в подчинение рынку, золотому тельцу.

Как заметил В. Межуев, интеллигенция в революции ждет Дон Кихота, а попадает в удушающие объятия Санчо Пансы.

И все же всякая подлинная революция служит прогрессу культуры. Более того, мы можем сказать, что только тот социальный качественный сдвиг («взрыв»), который способствует (1) новому скачку в развитии креатосферы, (2) рождению системы отчуждения, относительно менее антагонистичной для прогресса Человека и культуры, чем предыдущая, и (3) росту меры социального освобождения, мы можем назвать подлинной социальной революцией, праздником не только угнетенных, но и культуры.

Во-вторых, всякая революция (в отличие от бунта или государственного переворота) поднимает к творчески-преобразовательной, созидательной деятельности широкие слои трудящихся, возвышая их до совместных сознательных, позитивных действий. Причем, чем глубже преобразования, тем более масштабные и организованные действия оказываются востребованы историей. Не случайно, поэтому, революции поднимают до творческой деятельности (и культурной, и социальной) столь широкий круг новаторов из «низов» и оказываются праздником именно угнетенных. Так, например, большая часть культуры Ренессанса, Просвещения и других периодов буржуазных революций была создана именно представителями угнетенного третьего сословия.

В-третьих, революции оказываются теми уникальными периодами «предыстории», когда люди сами, непосредственно, на глазах у ошеломленных обывателей создают новые общественные отношения и оформляющие их институты: новые отношения собственности и распределения, новые формы организации труда и политической жизни, новые направления в искусстве и образовании. В течение дней и даже часов создаются общественные феномены, навечно остающиеся в истории – Декларация прав человека, Советы рабочих и крестьянских депутатов и тысячи других. Именно поэтому революции становятся «локомотивами истории».

Суммирование сказанного выше позволяет сделать вывод, что именно социальные революции оказываются пространством и временем максимального (в рамках «царства необходимости») продвижения человечества по пути социального освобождения.

Но это происходит только в той мере, в какой эти действия не вырождаются в беспочвенный активизм и волонтаристическое насилие. Между тем на практике в той или иной мере (а для нас объективно важна именно эта мера) все имевшие место в истории революции «пе-

реболели» этой заразой вырождения; все – от крестьянских войн и Войны за независимость до Великой французской и Великой октябрьской революций – и истории еще предстоит рассудить, где была, а где не была перейдена та качественная грань, за которой революция вырождается в бунт, где перегретый пар взрывает «локомотив истории», неся разрушения, жертвы и социальный регресс. Но как угроза взрыва локомотивов не могла остановить объективного хода научно-технического прогресса, так и угроза вырождения революций не может остановить прогрессивных изменений, непосредственно и прямо совершаемых трудящимися на пути к «царству свободы». К тому же, как было замечено выше, не-свершение революционных действий в условиях, когда они объективно необходимы, чревато еще большими социальными потерями.

Что же касается реформ, то их можно квалифицировать как социальное творчество, шаги к освобождению Человека в рамках царства необходимости, совершаемые в рамках прежнего системного качества, но направленные на продвижение к новому. Так, на этапе, который можно назвать «закатом» экономической общественной формации, с необходимостью появляются феномены, которые, с одной стороны, подрывают системное качество мира отчуждения, а с другой, как бы добавляют ему новую, молодую кровь, помогая найти ответ на тот вызов, который бросают старому миру им же самим вызванные к жизни силы научно-технического и социального прогресса. Этой «новой кровью» и становятся элементы ассоциированного социального творчества, которые, «вливаясь в старое тело», приобретают вид реформистских переходных отношений, соединяя черты отчуждения (власть рынка, капитала, бюрократии и т. п.) и социального творчества. Именно к таким переходным формам можно отнести жизнедеятельность большинства современных общественных организаций, движений и союзов, несомненно, способствующих процессу социального освобождения, но в весьма узких рамках и весьма противоречиво.

Суммируя основные тезисы этой части наших размышлений, можно сделать вывод, что основными предпосылками, которые подводят человечество вплотную к великой эпохе перехода из царства необходимости в царство свободы, являющееся прямым наследником и адекватной формой прогресса и креатосферы, и социального творчества, становятся:

(1) рост производительности труда и материального богатства, все перечисленные выше социально-экономические предпосылки но-

вого общества, создающие необходимые основы для социального освобождения;

(2) прогресс креатосферы, самой этой деятельности – науки, искусства, социальных инноваций и нравственного багажа – всего созидательного творчества Человека как родового существа, этой деятельности и ее субъекта. Как таковая креатосфера (2.1) является импульсом повышения производительности труда, прогресса личностных качеств человека, в конечном счете – прогресса производительных сил, вплотную подводящих к необходимости скачка «по ту сторону» материального производства, к превращению творческого труда в основной фактор развития и (2.2) – основой «культурности», созидательной позитивности будущих социальных преобразований, своеобразной «прививкой» против активизма и чрезмерной гносеологической гордыни, условием адекватного постижения законов истории;

(3) борьба за социальное освобождение (идущая через серию реформ и революций к негативной свободе и далее – классовой борьбе пролетариата). Пройдя ряд ступеней, она приводит к образованию переходных форм самоорганизации трудящихся и граждан и, в конечном счете, ведет к формированию (3.1) субъекта ассоциированного социального творчества, способного на совершение **коммунистической социальной революции**. Именной в ней – в процессе качественной трансформации «царства необходимости» в «царство свободы», который займет, возможно, долгие десятилетия, если не более – субъекту освобождения действительно нечего терять, кроме цепей отчуждения. Но не потому, что он беден, а потому, что он (3.2) превращает в этой революции материальное богатство из самоцели в средство и предпосылку прогресса Человека. Именно в ней он действительно приобретет весь мир, и опять же не потому, что установит всемирную диктатуру, но потому, что откроется дорога развития ассоциированного социального творчества, позволяющего Человеку обрести (3.3) мир подлинной свободы – сознательного ассоциированного творения Истории в меру познания ее собственных законов. Это будет вместе с тем дорога в мир Добра, Истины и Красоты, наследующий развитие всего мира культуры, накопленного человечеством.

(4) В этом смысле мы можем, перефразируя К. Маркса, сказать, что **мир отчуждения** в силу своих внутренних **противоречий сам создает** силы своего снятия, своих «могильщиков» по мере прогресса производительных сил, развития креатосферы и формирования субъекта ассоциированного социального творчества (борьбы за социальное освобождение).

Так складываются предпосылки и основания генезиса нового общества. При этом авторы хотели бы специально отметить, что аспекты (2) [особенно (2.2.)], (3.1.) [особенно (в)], (3.2.) и (3.3.) во многих советских и зарубежных марксистских работах не акцентировались и не акцентируются, хотя по отдельности почти из всех тезисов (1)–(4) о предпосылках «царства свободы» можно найти в работах К.Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и марксистов XX в. Мы, в данном случае, поставили в качестве задачи-минимум систематизацию этих тезисов и их обоснование процессом «заката» экономической общественной формации в целом.

Что же касается основных черт «царства свободы», то мы, как и все марксисты, отнюдь не намерены конструировать утопии, а посему ограничимся лишь несколькими ремарками, исследуя лишь объективные тенденции рождения «царства свободы».

Первая. Авторам хотелось бы специально подчеркнуть отличие разрабатываемой им теории общества будущего от почерпнутой из примитивных учебников и затем чудовищно вульгаризированной не-олиберальной трактовки коммунизма (как общества, напоминающего всеобщую казарму с поголовной уравниловкой и изобилием примитивных материальных благ) и социализма как его первой фазы. Более того, ортодоксальная марксистская трактовка будущего, как прежде всего, отрицания капитализма также требует существенного развития. Для нас «царство свободы» – это, прежде всего, снятие, диалектическое отрицание всей предыстории [отчужденной жизни] человечества (в том числе – но не только – капитализма) и наследование истории креатосферы и борьбы за социальное освобождение. Это мир, где свободные ассоциации становятся адекватной социальной формой для свободной творческой деятельности, а прогресс креатосферы, диалог, полифонирование субъектов творческой деятельности становятся основным содержанием общественной жизни. Но не менее важно для нас и то, что расцвести это царство свободы может лишь на базе такого материального производства, где уровень производительности труда достаточно высок для того, чтобы свободное время индивидов и общества в целом обеспечивало простор для прогресса креатосферы как основной сферы жизнедеятельности Человека.

Вторая. Путь к этому миру будет не менее (а скорее всего – более) сложным и долгим, чем дорога от первых буржуазных революций XVI в. до мирового торжества промышленного капитализма в конце XIX в. И начинается он в условиях, когда творческая деятельность является делом лишь относительно небольшой части человечества. Хотя в на-

стоящее время ее ростки пронизывают труд широкого круга людей массовых профессий – и квалифицированного рабочего, и педагога, и врача, а не только ученых и художников. В США так называемый «креативный класс» составляет всего 30% занятых. Если же мы предположим снятие противоречий глобализации и прекращение паразитических расходов, вызываемых милитаризмом, финансовыми спекуляциями, искусственно раздуваемым массовым потреблением, то ныне это будет около 1/3 занятых). И все же это будет меньшинство работников. Поэтому мы можем предположить, что на протяжении ближайшей эпохи общедоступной творческой деятельностью окажется только социальное творчество во всем его многообразии: от новаторства на рабочем месте, самоуправления в бригаде или микрорайоне до изменения фундаментальных основ жизни общества. Более того, как бы ни сокращался в дальнейшем удельный вес материального производства и репродуктивного труда, они всегда будут играть роль основы «царства свободы».

В силу сказанного правомерно выделение двух фаз в развитии «царства свободы» (они не случайно корреспондируют с идеей двух фаз коммунизма в классическом марксизме) – **формального и реального освобождения труда**. На первой освобождение и общедоступная творческая деятельность оказываются характерны лишь для социальной сферы, формы; содержание труда основной части членов общества остается репродуктивным. В этом случае мы можем говорить о формальном освобождении труда (по аналогии с формальным подчинением труда капиталу на доиндустриальной стадии развития капитализма). Именно с него, с **социального освобождения единственно может начаться дорога к общедоступному творчеству**; вне социального освобождения творчество останется уделом меньшинства, которое при этом будет вынуждено в этой своей деятельности постоянно противостоять (или подчиняться) системе отчуждения.

И лишь по мере прогресса творческого содержания деятельности вширь и вглубь освобождение будет становиться реальным, когда содержание деятельности и ее общественная форма будут адекватны друг другу, снимаясь в едином качестве диалога, «полифонирования». Но это лишь прогноз далекого будущего...

Сформулированный выше подход к проблемам предпосылок будущего общества (коммунизма) и тех задач, которые оно объективно должно решить, его трактовка как единого (имеющего единую природу) интернационального нелинейного и противоречивого процесса трансформации мира экономической необходимости, отчуждения в

«царство свободы» позволяет, помимо акцента на преемственности и переходности, выдвинуть достаточно простой критерий «социальности» той или иной социальной системы: она должна обеспечивать более высокую меру экономической эффективности и свободного гармоничного развития человека, нежели капитализм.

Трактовка социализма как переходного процесса, главным «энергетическим потенциалом» которого является ассоциированное социальное творчество, позволяет дополнительно обосновать тезис об отмирании политических форм (в частности, партий, государства и вообще принципа представительной демократии) и развитии базисной демократии и самоуправления как направлений, характерных для всех трех «потоков» («русел») социализма (социалистически ориентированных реформ в «странах капитала», социалистических движений, социалистических обществ).

Слагаемые базисной демократии включают:

(1) последовательную и наиболее полную реализацию всех международно признанных прав и свобод человека (свобода слова, совести, митингов, собраний, создания политических и общественных организаций и др.);

(2) всеобщее развитие производственного (в разной мере на предприятиях с разными формами собственности) и территориально-самоуправления как основных базисных форм ассоциирования населения;

(3) отмирание политических партий (представляющих отмирающие классы), все в большей мере действующих через массовые демократические организации, органы самоуправления и т. п., и постепенно сливающихся с ними.

(4) превращение массовых демократических организаций и движений (профсоюзных, женских, экологических, потребительских) в полномочных субъектов регулирования общественной жизни;

(5) формирование законодательной власти по принципу представительства депутатов от низовых ассоциаций (органов самоуправления) с императивным мандатом (правом отзыва, замены и т. п.), подчинение исполнительной власти (правительства) законодательной; избрание независимой судебной власти при отсутствии президентского или аналогичных институтов;

Тем самым, мы можем сказать, что будущий социализм все в большей мере вырисовывается как «социализм гражданского общества» – теоретическая модель, разработанная и получающая определен-

ные практические импульсы для своего подтверждения в Латинской Америке.

В своем развитии, как показывает новейшая история, социализм проходит как минимум следующие этапы.

Первый, связанный с потенциальной возможностью начала социалистических преобразований в условиях развитого индустриального, государственно-монополистического капитализма. Его противоречия привели к серии социалистических и национально - освободительных революций, но завершились вследствие ряда объективных причин генезисом «мутантного социализма».

Второй этап, ознаменовавшийся кризисом мирового капиталистического хозяйства в первой половине XX в. (Великая депрессия, фашизм, Вторая мировая война), был связан с появлением новых предпосылок социализма, прежде всего – с объективной необходимостью социализации и гуманизации (а не только государственного регулирования) мирового капиталистического хозяйства. Ответом на этот вызов XX в. стали социал-демократические реформы и переход к «обществу 2/3» в развитых странах после провала попыток разрешить эти противоречия путем фашизации, а не социализации.

Третий этап, связанный с новой волной в технологической революции, был ознаменован компьютеризацией, миниатюризацией и гибкостью технологий, возрастанием роли индивидуальных новаторских способностей и инициативы. Постклассический капитализм отреагировал на это возрождением традиции либерализма при одновременном усилении власти крупнейших глобальных игроков. По сути дела, это иррациональная реакция, использующая достижения НТР преимущественно в превратном секторе и дающая лишь незначительный прогресс даже в области роста потребления, не говоря уже о культуре.

Сейчас, в условиях развертывания первого всемирного экономического кризиса нового века, мы оказываемся на границе нового этапа. Но о его характеристиках пока говорить еще рано.

А.И. Колганов

Теория социализма и практика СССР

1. Поставим вопрос правильно

Возникновение и гибель Советской державы продолжают, и, вероятно, еще долго будут продолжать волновать умы – причем не только умы наших соотечественников. Почему возник СССР, и, просуществовав 70 лет, ушел в прошлое? Что это было – утраченный «рай» социализма или тоталитарный кошмар? Что привело к распаду этого, несомненно могучего государства, не без оснований претендовавшего на статус одной из двух сверхдержав?

Я не буду всерьез рассматривать ответы политиков, находящиеся на уровне мышления младшей группы детского сада, вроде утверждений: «СССР развалил Горбачев», или «иностранные спецслужбы и агенты влияния», или «Борис Ельцин», или «демократическая оппозиция». Конечно, все перечисленные выше внесли тот или иной вклад в свершившееся. Но чтобы они уничтожили Советский Союз и советскую систему в целом? Историческое деяние такого масштаба не по силам одному человеку, или даже мощной организации, или государству, и даже союзу государств.

Потому что СССР был не просто страной. Это было историческое явление, возникновение и гибель которого определили лицо XX в. И уничтожить его могли лишь исторические процессы такого же масштаба¹.

Поэтому гораздо ближе к здравому смыслу позиция тех, кто говорит: «во всемирно-историческом противоборстве двух мировых систем социализм проиграл, а капитализм выиграл». Но и это утверждение еще очень далеко от исторической правды. Потому что сам совет-

¹ В связи с этим сделаю необходимую оговорку: я не буду здесь рассматривать ту совокупность многообразных внутренних и международных условий, своеобразное сочетание которых привело к распаду СССР именно на рубеже 80–90-х гг. XX в.

ский «социализм»², если следовать одной из гипотез, был порождением естественно-исторической эволюции капиталистической системы, говоря на диалектическом жаргоне – «свое иное» капитализма. Ну что же, «иное» погибло, а «свое» выжило?

Это – недиалектический ответ на диалектически поставленный вопрос. Надо понять, что же погибло и что сохранилось от «иного» (социализма), что выжило, а что не выжило в «своем» (капитализме). Капитализм и социализм – не застывшая дихотомия. И то, и другое в течение 70 лет находилось в процессе развития, движения, взаимного влияния, и – не стоит исключать и такой вариант – качественного перехода.

Однако можем ли мы с полным правом называть советское общество «социалистическим»? Было ли реальностью провозглашенное Сталиным в 1936 г. «построение социализма в основном»?

Ответ на этот вопрос и даже сама его постановка до сих даже в научной литературе порождают преобладание эмоциональных оценок над объективным научным анализом. Во многом этот накал эмоций связан с оценкой исторической фигуры Сталина. Для одних Сталин – зловещий тиран и убийца, концентрированное воплощение человеконенавистнической марксистско-ленинской идеологии. Для других с именем Сталина неразрывно связано величие Советской державы и весь тот немалый и несомненный социальный и экономический прогресс, который был достигнут за годы ее существования. Третьи связывают все достоинства Сталина с его отходом от ортодоксального марксизма, а все недостатки – с тем, что он из этого марксизма вырос.

Хотя в среде левого движения уже заметна тенденция к выработке объективной оценки не только советского феномена, но роли Сталина в революционном процессе XX в., однако и в этих объективных оценках чувствуется давление желаний то демонизировать, то героизировать Сталина, а иногда того и другого вместе, причем в самых парадоксальных сочетаниях.

Мне казалось бы своевременным предпринять попытку очищенного от эмоциональных порывов объективного исследования роли сталинской модели «социализма» в советской истории, хотя я сознаю, что такая попытка встретит жесткое неприятие как со стороны ее хулителей, так и со стороны почитателей.

² Я ставлю здесь слово социализм в кавычки, потому, что сам тезис о социалистическом характере советского общества вызывает обоснованные сомнения.

Чтобы разобраться с этой моделью (как и с феноменом Сталина), надо, прежде всего, разобраться с тем, какие именно социально-исторические процессы вывели советское общество на авансцену XX в. и превратили в явление всемирно-исторического масштаба. Конечно, это сделала Октябрьская революция 1917 г. Но чем была она сама?

2. Социально-экономическая природа Октябрьской революции 1917 года

2.1. Социальная революция и политическая революция в Российской империи начала XX в.

На протяжении последней трети XIX и начала XX в. в России постепенно разворачивается капиталистическая социальная революция³, толчок которой дали реформы 60–70-х гг. XIX в. и в первую очередь крестьянская реформа. Однако и в начале XX в. эта революция была еще весьма далека от своего завершения. Капиталистические производственные отношения охватили меньшую часть общественного производства. Промышленный переворот затронул лишь весьма узкий уклад фабрично-заводской промышленности, охвативший примерно 10–15% занятых. Крестьянское землевладение примерно на 80% оставалось общинным (что, впрочем, составляло уже менее половины от всего землевладения). Вовлечение крестьянства в отношения товарного производства, хотя и прогрессировало, но все еще затрагивало меньшую часть крестьянского производства, а многочисленные слои крестьянства не затрагивало практически совсем – уклад их экономической жизни оставался добуржуазным. В товарной части аграрного сектора господствовало помещичье хозяйство, во многом основанное на полуфеодальных методах эксплуатации крестьянства⁴.

³ Такую оценку социально-экономическим процессам в России того времени давал и Ф. Энгельс в 1893 г.: «В России мы имеем фундамент первобытно-коммунистического характера, родовое общество, предшествующее эпохе цивилизации, правда рассыпающееся теперь в прах, но все еще служащее тем фундаментом, тем материалом, которым оперирует и действует капиталистическая революция (ибо для России это настоящая социальная революция)». (Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 39 С. 128). Вообще Ф.Энгельс в 90-е гг. XIX в. неоднократно обращается к теме социальной революции, происходящей в России (см.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 22. С. 47, 261, 452 и др.).

⁴ Все это очень хорошо показано в работе: Воейков М.И. Политико-экономические эссе. М., 2004. С. 101–121.

Задачи буржуазной революции в области политической и юридической надстройки и вовсе не были достигнуты ни в чем существенном (за исключением земского самоуправления и суда присяжных). «Либеральный» монарх Александр II весьма жестоко расправлялся с претензиями на завоевание политических свобод и социальных прав, а его преемник, Александр III, был еще более тверд в своей «охранительной» (по отношению к неограниченному самодержавию) политике. Правда, революция 1905–1907 гг. все же принудила монархию обзавестись некоторыми конституционно-парламентскими декорациями, были сделаны некоторые шажки вперед в отношении свободы печати и свободы союзов⁵.

Итак, в повестке дня стояло продолжение капиталистической социальной революции, и использование буржуазной политической революции как рычага назревших социальных преобразований.

2.2. Буржуазная революция? Но какая?

Историки советской поры сходились в оценке революции 1905–1907 гг. и Февральской революции, как буржуазно-демократических. Думаю, это не совсем точно. Если основные задачи буржуазной революции не решены, говорить о буржуазно-демократическом этапе вроде бы рано. Почему же не только советские историки, но и социал-демократы, участвовавшие в этих революциях, оценивали их, как буржуазно-демократические? Вероятно, потому, что основным политическим вопросом этих революций как раз стал вопрос о политической демократии как средстве проведения буржуазных преобразований. В этих революциях уже невозможно было сделать шаг вперед за счет политического компромисса дворянской монархии с буржуазией – ибо этот компромисс не обеспечивал условий проведения основных преобразований капиталистической социальной революции, названных выше. Этому препятствовала контрреволюционная позиция буржуазии, готовой смириться с сословно-феодальными пережитками ради защиты своих социальных привилегий в деле эксплуатации пролетариата и крестьянства. В результате в революции сложился

⁵ Однако до буржуазной республики было еще очень далеко – и не случайно. Какая может быть буржуазная республика в стране, где уже заложены основы капитализма, но экономический строй которой в основном еще остается добуржуазным? Примерная такая, каким был буржуазный парламентаризм на Юге США вскоре после освобождения рабов или парламентарная система в Латинской Америке в это же время.

неформальный «демократический блок» пролетариата, мелкой буржуазии и добуржуазного (или полубуржуазного) крестьянства.

Итак, можно сделать вывод, что назревающая революция действительно была буржуазно-демократической, но с той особенностью, что буржуазно-демократические задачи в этой революции были поставлены еще до того, как были решены основные задачи революции буржуазной.

Другая особенность этой революции заключается в том, что это поздняя буржуазная революция. Она происходила в условиях, когда в странах капиталистического «ядра» буржуазные революции уже прошли. Поэтому российская революция не могла не встать перед проблемой не только буржуазно-демократических преобразований, но и поиска «места под солнцем» в мировом капиталистическом хозяйстве. Что делать, если мировой промышленный рынок уже поделен, и новую капиталистическую Россию на нем не ждут, тем более – с ее все еще довольно слабой промышленностью? На современном языке это называется проблемой догоняющей модернизации. И эта проблема, как я постараюсь показать ниже, наложила весьма глубокий и своеобразный отпечаток на буржуазную революцию в России.

2.3. Февраль и Октябрь – одна революция... Или все же две?

С точки зрения единства и непрерывности политического процесса Февраль и Октябрь, несомненно, представляют собой одну революцию. А в более широком контексте можно назвать революцией весь период с 1903 по 1922 гг. (как это сделал Теодор Шанин). Однако у каждой революции есть этапы. И если мы не сводим Великую Французскую революцию только к 1789 г. или к 1793 г., все же у каждого из этих периодов было явное своеобразие. Поэтому остановимся пока на том, что Февраль и Октябрь – это два различных этапа единой революции.

Но в чем же своеобразие этих этапов?

А своеобразие этих этапов заключается в том, что в Октябре, во-первых, происходит передвижка классов, находящихся у власти: происходит, по определению Ленина, «рабочая и крестьянская революция». И, во-вторых, к власти приходит партия большевиков с социалистической программой.

Рассматривали ли сами большевики свою революцию как социалистическую? Поначалу – определенно нет. Они полагали, что пока им придется ограничиться только буржуазно-демократическими задача-

ми, так и не разрешенными до конца Февралем. Для них было достаточно ясно, что Россия для социализма не созрела, что она даже в преддверии социализма не находится, что в это преддверие еще нужно придти, и путь этот небыстрый.

Этот факт вполне осознавался всеми лидерами большевиков. Например, Ленин в Апрельских тезисах предостерегал против «введения социализма», не считая это задачей революции⁶. А по объективному содержанию тех главных социально-экономических задач, которые действительно должна была решить Октябрьская революция – аграрная реформа в пользу крестьянства, широкомасштабная индустриализация, призванная обеспечить приближение к уровню передовых капиталистических держав, освоение всем населением европейской урбанистической культуры – речь может идти только о буржуазной революции.

Другое дело, что это была весьма своеобразная буржуазная революция.

Задачи разрешения противоречий капиталистического развития на путях догоняющей модернизации (что тогда означало индустриализацию) стали решаться без буржуазии, получившими политическую власть ее классовыми противниками, а потому и неизбежно во многом небуржуазными методами.

Почему проблема догоняющей индустриальной модернизации во многих странах решалась вполне в рамках капиталистической системы (хотя и со значительными отклонениями от базовой, либеральной модели развитого капитализма), а в России и ряде других стран модернизационный проект был сопряжен с попыткой выйти за пределы капиталистического строя? Потому что в этих странах буржуазия оказалась несостоятельной в решении данной задачи и вынуждена была уступить классовое господство.

Итак, Октябрьская революция, будучи по содержанию разрешаемых ею социально-экономических противоречий в первую очередь **революцией буржуазной** (буржуазно-демократической), с точки зрения «коренного вопроса всякой революции» – вопроса о власти – **оказалась революцией пролетарской**. А с точки зрения основных социальных сил, принимавших участие в революции, она была революцией рабоче-крестьянской (именно так и определил ее Ленин 25

⁶ «Не «введение» социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С.Р.Д. (С.Р.Д. – Советы рабочих депутатов – А.К.) за общественным производством и распределением продуктов» (См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 116).

октября 1917 г. в своей речи на заседании Петроградского Совета), то есть строилась на союзе пролетариата, полупролетариата, мелкой буржуазии и полубуржуазных (добуржуазных) мелких производителей (крестьян).

Поэтому ее итогом было формирование крайне необычного «буржуазного общества без буржуазии»⁷.

Однако пролетарский, в значительной мере, характер власти большевиков неизбежно накладывал отпечаток и на цели революции. В потенции большевики все же видели социалистическую перспективу своей революции, если... Если произойдет революция на Западе и Россия получит помощь от победившего пролетариата более передовых стран. Даже в этом случае российскую революцию следовало бы рассматривать как раннесоциалистическую, то есть революцию, базирующуюся на недостаточных социально-экономических предпосылках. И если проводить сравнение с самой ранней успешной буржуазной революцией – в Нидерландах XVI в., то голландская революция имела более широкую и прочную социально-экономическую базу, ибо большая часть населения принадлежала так или иначе к мелкой буржуазии и была в значительной мере втянута в товарное хозяйство. Необходимый же для совершения социалистической революции пролетариат – а тем более фабрично-заводской пролетариат – составлял в начале XX в. в России явное меньшинство населения.

Итак, начиная с Октября, к буржуазно-демократической революции начинает примешиваться оттенок революции раннесоциалистической. Поначалу еще только оттенок... Что же, все-таки две революции, только не последовательно, а одновременно? Не будем спешить.

2.4. Ленин о шансах строительства социализма

Я не буду здесь подробно останавливаться на тех социалистических по видимости формах, которые приняла политика «военного коммунизма», вынужденная отчаянными условиями гражданской войны. Идеологическая оболочка, которую приобрел «военный коммунизм», наложила значительный отпечаток на психологию большевистской партии, и хотя не смогла помешать переходу к новой экономической политике, привела, однако, к ее трактовке как «отступле-

⁷ А вот формирование целостного социалистического общества в начале XX в. было, с моей точки зрения, невозможно не только в отдельно взятой России, но и в случае победы пролетарской революции в большинстве наиболее развитых стран. И эта позиция уже противоречит общепринятому тогда среди большевиков представлению.

ния». Тактически, это, возможно, и было отступлением – от попыток явного забегания вперед, совершенных под влиянием войны. Но в смысле социально-экономической стратегии ни один марксист в здравом уме не мог полагать, что можно устроить социализм в мелкокрестьянской стране, вводя декретами бестоварное хозяйство. Так что возврат к рыночным отношениям в этом смысле должен представляться совершенно необходимым исходным пунктом дальнейшего развития, а не «отступлением» от чего-то, якобы уже достигнутого.

В 1921 г. революция в России в социально-экономическом отношении во многом вернулась к положению начала 1918 г. Пролетарское государство (хотя в его пролетарском характере уже сомневались и сами его руководители) могло, конечно, сравнительно легко национализировать крупную и среднюю промышленность. Но что делать дальше с этим разрушенным войной островком промышленности и в значительной мере деклассированным пролетариатом, окруженным морем мелкобуржуазного, а по большей части даже и патриархально-крестьянства? Из чего тут, собственно, можно строить социализм?

Вместе со спадом революционной волны на Западе исчезли и надежды на помощь победоносного пролетариата развитых стран (по крайней мере, в ближайшую историческую перспективу). Что же делать? Отказаться от перспектив строительства социализма, вернуться к чисто буржуазной программе (как предлагали меньшевики)? Но в стране уже сложилась столь своеобразная конфигурация политических сил, что отказ от выдвижения социалистических целей становится для большевиков невозможным. Именно социалистические лозунги обеспечили им поддержку пролетариата и оправдывают их пребывание у власти. В противном случае, вместе с отказом от социалистических целей, они неминуемо теряют власть, а при тогдашнем политическом положении в России и в мире вместе с властью они потеряли бы и головы.

Ленина весьма беспокоила эта коллизия. В конце концов он предлагает выход, в общем, не находящийся в непримиримом конфликте с марксистской теорией. Пролетариат должен продолжать удерживать государственную власть, допуская в меру развитие капитализма под своим контролем. По мере того, как с ростом этого государственного (в смысле – контролируемого пролетарским государством) капитализма будут развиваться и производительные силы, необходимо концентрировать ресурсы, при помощи государственной власти, на развитии современной промышленности, электрификации страны, подъеме культурного уровня народа, на вовлечении крестьянства в

кооперацию. Тем самым, одновременно с ростом капитализма, и отчасти на основе этого роста, будут закладываться материальные предпосылки социализма и обеспечиваться постепенный рост социалистического уклада. А там, глядишь, и революция на Западе созреет...

Но получится ли осуществить эту идею на практике? Не будут ли растущие хозяйственные силы буржуазного уклада (вместе со значительной частью крестьянства, вовлеченного в товарный оборот) направлены против сковывающей их политической оболочки пролетарского государства? Эта угроза мелкобуржуазного термидора осознавалась Лениным как «основная и действительная опасность»⁸. Впрочем, Сталин справился с этой опасностью ... но открыл дорогу другой.

Я хочу заявить прямо – «социализм» XX в. был попыткой навязать производительным силам не адекватные для них производственные отношения. Индустриальный способ производства с его разделением труда, преобладанием вещных продуктов и потребностей, подчинением человека в производственном процессе машине является адекватной базой лишь для капитализма. Поэтому попытка построить «индустриальный социализм» (да еще начав с преимущественно доиндустриальной экономики!) была заранее обречена.

Сегодня оценка Лениным в его статье «О нашей революции. По поводу записок Суханова» перспектив движения СССР к социализму выглядит как чрезмерно оптимистическая. И дело здесь – с точки зрения марксистской теории – не только в известном теперь конечном результате попыток строительства социализма в СССР. Накал классовых противоречий пролетариата и буржуазии в условиях только что утвердившегося на Западе промышленного капитализма привел к ошибочной оценке степени готовности капитализма к социалистическим преобразованиям. Между тем в начале XX в. развитие материальных и экономических предпосылок социализма – в том виде, как они были обоснованы в марксистской теории⁹ – не давало еще достаточных оснований для такого вывода.

Поэтому ошибка Ленина заключалась не в его идее провести «достройку» совершенно недостаточной материальной базы для социализма руками капиталистов и мелкой буржуазии под контролем пролетарского государства. Такая идея при определенных условиях могла бы сработать – хотя она была очень рискованной и никаких гарантий

⁸ Ленин В.И. XI съезд РКП (б). Политический отчет Центрального комитета РКП (б) 27 марта // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 94.

⁹ Характеристика этих предпосылок дана мною в статье: Колганов А.И. Границы капитализма // Альтернативы. 2006. № 3. С. 16–30.

конечного успеха не давала. Ошибка заключалась в оценке уровня тех задач, которые надо было решить, чтобы создать для социализма необходимые материальные предпосылки.

Два основных пункта, на которые напирал Ленин – «крупная промышленность, способная преобразовать и земледелие», и всеобщая грамотность населения – такими предпосылками не являются. Это – адекватная материальная база для промышленной стадии капитализма, а не для социализма. Предпосылки социализма вырастают в результате длительного развития промышленного капитализма – такого развития, при котором промышленный капитализм вплотную подходит к исчерпанию своих возможностей и создает внутри себя материальные основы для нового, более высокого хозяйственного уклада.

Приходится констатировать, что в первой четверти XX в. даже и победоносная пролетарская революция в странах Запада, если бы она произошла, ничего не могла бы исправить в этом отношении. Социалистическая революция осталась бы преждевременной.

3. Что такое «советский социализм»?

3.1. Возможен ли был социализм в СССР?

Строительство «индустриального социализма» не могло привести к обществу, качественно превосходящему капиталистическое (объяснение этого факта было дано, в частности, А. Тарасовым в статье «Суперэтатизм и социализм», Свободная мысль, 1996, № 12). Однако этот факт не означает какого-то абсолютного исторического «запрета» на формирование социалистических отношений на незрелой материальной базе. Постольку, поскольку уже на индустриальной фазе капитализм развертывает все свои сущностные противоречия, поскольку развивается обобществление труда капиталом, то появляется и формальная возможность освобождения труда, то есть снятия этих противоречий в социалистических производственных отношениях.

Такая возможность может быть реализована, однако, лишь в определенных рамках. А именно, возможным является лишь формальное освобождение труда, но не реальное, поскольку для реального освобождения труда необходимы не только достаточные материальные предпосылки, но и переворот в способе материального производства¹⁰.

¹⁰ Я употребляю здесь понятия «формальное и реальное освобождение труда» по аналогии с понятиями «формального и реального подчинения труда капиталу», приме-

Что же касается России, то там степень развития индустриального капитализма была весьма низкой. По оценкам различных специалистов, численность наемных работников в России перед революцией составляла от 10 до 14,6% от всего населения. Численность же фабрично-заводского пролетариата – 2–3%¹¹.

Может быть, достаточными были предпосылки в более передовых странах, и тем самым была возможной победа международной социалистической революции? Судите сами. В начале XX в. доля промышленных рабочих во всем населении составляла: в Германии около 13%, в США – около 11%, в Великобритании – около 20%¹².

Здесь я вступаю в прямую полемику с позицией Ф. Энгельса в «Анти-Дюринге» (за которую несет ответственность и К.Маркс, поскольку соответствующий раздел был подготовлен ими совместно), утверждавшего, что в передовых странах материальные предпосылки социализма в последней четверти XIX в. уже были достигнуты¹³. Я считаю это утверждение не соответствующим как основным положениям теории К. Маркса¹⁴, так и другим высказываниям самого Ф. Энгельса.

Применительно к возможной революции в России Ф. Энгельс писал Вере Засулич:

«Люди, хвалившиеся тем, что сделали революции, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали – что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали немногие исторические деятели»¹⁵.

нявшимися К. Марксом в «Капитале» для определения стадий зрелости капиталистических производственных отношений. «Формальное» и в том, и в другом случае означает основанное на изменении только социально-экономической формы производства (т. е. производственных отношений), а «реальное» - основанное еще и на изменении материального способа производства. Например, при капитализме реальное подчинение труда капиталу развивается вместе с переходом от ручного труда к мануфактуре, а от нее к фабрике.

¹¹ См.: Воейков М.И. К вопросу о количественном и качественном составе рабочего класса //Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. М., 2001. С. 168–169.

¹² Рассчитано по: Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. Статья «Рабочий класс»; Шигалин Г.И. Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956. С. 248–249.

¹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 20. С. 294.

¹⁴ Это несоответствие подробно разъяснено в моей статье «Буржуа и пролетарии. Теоретическая ошибка и историческая правота К. Маркса» (Альтернативы, 1998, № 3), а также в упомянутой выше статье А. Тарасова.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 36. С. 263.

Между прочим, классики марксизма, хотя и переоценивали близость социалистической революции, все же достаточно хорошо понимали все опасности преждевременного взятия власти пролетарской партией. Можно напомнить то, что писал Энгельс в 1853 г. применительно к Германии (и что в еще большей степени оказалось верно по отношению к России): «Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны.

При этом мы потеряем головы – надо надеяться, только в физическом смысле, – наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, но что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже»¹⁶.

Итак, с этой точки зрения формирование целостного социалистического общества было невозможно не только в отдельно взятой России, но и в случае победы пролетарской революции в большинстве наиболее развитых стран. (Интересно было бы попытаться составить ретроспективную историческую реконструкцию итогов возможной победы пролетарской революции в странах, где капиталистическая индустриализация уже завершена, а постиндустриальные тенденции еще не проявились.

С моей точки зрения, и в этом случае целостное социалистическое общество не сложилось бы. Но, может быть, в этом случае могла бы сработать ленинская схема достройки материальных предпосылок социализма на основе власти пролетариата?)

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 28. С. 490–491.

3.2. Экономические основы советского строя: *мозаика переходных отношений*

Возникавшие в ходе революции действительные социалистические элементы производственных отношений (и социально-экономических отношений вообще, и надстройки) представляли собой лишь неорганические обломки возможного социализма, то есть "проекта" выращивания объективно возможного общества как продукта развития и кризиса позднего капитализма. Когда я говорю «неорганические обломки», я имею в виду **нецельные и самостоятельно нежизнеспособные социально-экономические элементы**, не подкрепленные ни соответствующим уровнем производительных сил, ни адекватной политической формой, а потому внешнеэкономически сращенные с несоциалистическими формами. Из подобного сращивания и получилось то, что можно назвать деформированными переходными отношениями (или «мутациями») – бюрократическая планомерность, экономика дефицита, уравниловка, административный патернализм. Вот это и был «реальный социализм».

Его можно было бы охарактеризовать как социально-экономическую систему, переходную между капитализмом и социализмом (не «от... к...», а именно «между»), не имевшую почти никаких шансов успешно завершить процесс перехода, а сам этот переход мог начаться лишь в виду огромной силы первоначального **социально-политического** революционного импульса. Ведь социально-экономические предпосылки и элементы капитализма в этой системе были сильнее, чем предпосылки социализма (в экономическом отношении мы даже в преддверии социализма не находимся - как-то честно отметил Ленин). Более того, строя мостик в это «преддверие социализма» (то есть в капитализм, а далее и в государственно-монополистический капитализм – ибо никакого иного «преддверия» у социализма нет), советская система сама в своем развитии неизбежно укрепляла и разворачивала материальные предпосылки капитализма в гораздо более широких масштабах, нежели предпосылки социализма.

Таким образом, моя позиция расходится с позицией тех, кто определяет экономические основы советского строя только в рамках дихотомии «государственный капитализм – не государственный капитализм». Категорически отвергаю я и позицию тех, кто считает возможным употреблять слово социализм для характеристики советского

общества – будь то социализм казарменный или мутантный¹⁷, деформированный или переродившийся... За такого рода терминами я готов признать лишь статус образных выражений. Я признаю наличие в советском обществе элементов социализма, но не признаю само это общество социалистическим. Поэтому я готов признать правомерность применения упомянутых выше терминов лишь к тем элементам социализма, которые наличествовали в советской системе, но не к самой этой системе в целом.

Диалектика экономических основ советского строя заключалась в том, что это была пестрая смесь добуржуазных, раннебуржуазных, зрелых капиталистических (в том числе и государственно-капиталистических) экономических отношений, сквозь которые пытались прорасти отдельные ростки социализма. Социалистические производственные отношения развивались при недостаточных для них материальных предпосылках, но в силу революционного изменения структуры экономического строя, в силу факта насильственного вторжения в производственные отношения и отношения собственности, они пытались распространиться на все общественное производство. В результате не только социалистические производственные отношения оказывались деформированы, но были подвержены деформации и все несоциалистические элементы, которым в острой борьбе навязывалась социалистическая оболочка. Таким образом, все экономические элементы данного переходного общества носили несформировавшийся, нецелостный, фрагментарный характер¹⁸.

Так, например, в национализированном (государственном) секторе можно уже в 20-е гг. видеть смесь отношений государственно-капиталистических (коммерческий расчет, форма найма, сдельная зарплата), социалистических (различные формы участия работников в управлении, использование доходов предприятий и государства на социальное развитие работников, выходящее за рамки оплаты цены их рабочей силы) и даже добуржуазных (подсобные хозяйства предприятий и их работников). И ни одно из этих отношений не охватывает

¹⁷ Концепция «мутантного социализма» развивается в работах А.В. Бузгалина (См., например: Критический марксизм. Продолжение дискуссий. М., 2001).

¹⁸ Я настаиваю на том, что это была не многоукладная переходная система, а конгломерат фрагментарных экономических форм. Укладов как более или менее целостных секторов со своими специфическими системами отношений, *покоящихся на разных способах производства*, уже с начала 30-х гг. в советской системе вообще не существовало. Но даже в 20-е гг. не было отдельных «социалистического» и «государственно-капиталистического» уклада, а существовавший госсектор не мог быть прямо подведен ни под одно из этих определений.

этот сектор во всей его целостности, и не образует самостоятельной подсистемы экономических отношений. Эти частичные отношения переплетаются друг с другом, «врастают» друг в друга, образуя своеобразные (в силу деформированности складывающихся их отношений) переходные экономические формы.

В том, что касается ростков социализма, их фрагментарность и деформированность определялась не только отсутствием для них адекватного материального базиса внутри России, но и невозможностью придать строительству социализма международный характер. Буржуазные (и добуржуазные) отношения также были деформированы как в силу своеобразного «поглощения» их формальными социалистическими отношениями, так и в силу своеобразных социально-классовых и политических условий развития советского строя. Эти же условия определили возможность существования той пестрой, мозаичной, фрагментарной системы отношений, которую я обрисовал выше.

Если все это обстояло так, то откуда же взялся ожесточенный конфликт двух мировых систем, и убежденность обеих враждующих сторон в их несхожести и непримиримости? Почему СССР именовался социалистической страной? Неужели все это было лишь обманчивой внешней формой, чистой иллюзией?

Нет. Можно смело утверждать, что социально-экономическая форма производства, свойственная социализму (социалистические производственные отношения), с одной стороны, не соответствовала уровню производительных сил СССР, и постольку ее существо подрывалось, выхолащивалось (особенно при попытке сделать эти отношения всеобъемлющими), сами отношения уродовались, деформировались. Однако, с другой стороны, это насильственное, неадекватное материальным условиям производства развитие социалистических отношений вширь придавливало свободное разворачивание буржуазных отношений, не давало им сложиться в адекватных формах и приобрести господствующий характер. Такое положение, разумеется, не могло сохраняться вечно (и, в конце концов, зависимость производственных отношений от уровня и характера производительных сил проявила себя с непреодолимой силой). Но поскольку такое положение сохранялось, СССР не мог стать буржуазным государством, а его строй не мог сложиться как строй государственного капитализма. С точки же зрения социально-политической и вовсе не было никаких оснований считать СССР буржуазным государством (хотя и пролетарский его характер также сомнителен).

Социалистическая форма играла активную роль по отношению к буржуазному содержанию. И, как я уже сказал, во многом эта роль поддерживалась своеобразной классовой и политической природой советского государства.

3.3. *Социально классовые основы советского строя:
«буржуазное общество без буржуазии»*

Речь в данном случае идет не об известных словах Ленина из «Государства и революции» о буржуазном праве и охраняющем его буржуазном государстве без буржуазии. Речь не идет о неизбежных элементах преемственности между буржуазным и социалистическим обществом. Речь идет о глубоко противоречивом сочетании буржуазных и небуржуазных (антибуржуазных) элементов в советском строе. Своеобразие ситуации состояло в том, что наличие элементов буржуазных отношений, в силу их нецелостного характера, не обеспечивало существования адекватных им классов и социальных групп. Более того, к середине 30-х гг. эти социальные группы практически полностью исчезли.

Советский опыт был исторически не случайной попыткой формирования альтернативной капитализму системы, и в своеобразной форме выражал необходимость разрешения назревших противоречий развития мирового капитализма (особенно периферийного), причем уже не в чисто буржуазных формах. Возможность появления таких небуржуазных форм (хотя и в ограниченных пределах, не дающих им развернуться в целостную систему) уже была создана развитием мирового капитализма и его противоречий в начале XX в. и его отсталого варианта в России: с одной стороны, – сверхэксплуатация рабочих, колониальные захваты, мировая война за передел рынков и территорий и т. д.; с другой – рост обобществления производства, доходящий до образования международных монополий, рост боевитости, организованности и классового самосознания рабочего класса.

Буржуазия в значительной мере утратила социальный потенциал разрешения этих противоречий не в разрушительных, губительных для нее самой формах, что в особенно гротескной форме проявилось как раз в России. Поэтому импульс разрешения данных противоречий исходил от международного рабочего и социалистического движения (которое само есть одно из следствий развития капитализма).

В большинстве стран этот импульс лишь заставил буржуазию искать формы социального компромисса с пролетариатом. И только в

Российской империи в силу исторически случайного (с точки зрения всемирно-исторического процесса) сочетания обстоятельств капиталистическая буржуазия полностью утратила социальную инициативу, потеряла политическую власть и вообще была изжита как социальный слой (мелкая буржуазия была сначала поставлена в неравноправное политическое положение, а затем были ликвидированы условия ее воспроизводства как таковой).

Если бы речь шла о социалистической революции, опирающейся не то чтобы на адекватные, а хотя бы на более или менее зрелые социально-экономические предпосылки (хотя бы на развитый индустриальный капитализм), то ведущую роль в процессе преобразования общественного строя заняли бы пролетарские и (если будет позволено употребить такой неологизм) постпролетарские слои. Однако для российского пролетариата (хотя бы в силу его малочисленности, не говоря об уровне его социальной зрелости) такая задача оказалась не по плечу. И в условиях недостаточной силы основных противоборствующих классов на первый план исторической сцены неизбежно выдвинулась бюрократия.

Руководители большевиков догадывались об опасности такого поворота событий, и довольно близко подошли к осознанию его причин. В.И. Ленин, например, в ходе дискуссии о профсоюзах прямо говорил, что рабочий класс в России не способен самостоятельно осуществлять своего классового господства, не решаясь, однако, сделать вывод о том, что в подобных условиях классовое господство неизбежно ускользнет из рук пролетариата. Еще ближе к пониманию этой проблемы Ленин подошел в одном из писем, где сформулировал мысль о том, что пролетарский характер большевистской партии определяется не ее классовым составом, а идеологией ее тонкой руководящей прослойки, и что любой конфликт в среде этого тонкого слоя способен привести к поражению революции.

Вообще проблема бюрократического перерождения Советской власти сделалась на короткий период конца гражданской войны и начала нэпа навязчивой идеей многих большевистских лидеров. Об этом писали и Ленин, и Бухарин, и Троцкий. Но чем ближе к безраздельной власти приближалась сталинская фракция в партии, тем менее популярной становилась эта тема, сведясь, в конце концов, к редким дежурным заклинаниям о борьбе с бюрократизмом, каковой дозволялось толковать исключительно как неисполнительность государственных служащих.

Хотя для социалистических отношений по существу не было достаточных предпосылок, классовая база революции сделала возможным появление форм социалистических отношений (не имевших под собой адекватного содержания). Появление форм этих отношений означало и наличие некоторых, усеченных элементов формального освобождения труда, которые проявляли себя в советской действительности (сначала прямые, а затем совещательные формы участия в управлении, сохранение контроля профсоюзов над условиями и режимом труда и отдыха рабочих, настойчивые попытки поиска более самостоятельных форм организации труда). Ростки социального творчества работников постоянно пытались пробиться через асфальтовую корку бюрократического господства, особенно тогда, когда бюрократия маневрировала, идя на частичные уступки и компромиссы.

В дальнейшем развитии революции происходило – в острой социально-политической борьбе – постепенное исчезновение, либо, в большинстве случаев, вырождение этих форм. Однако многие из них оставались официально признаваемыми общественными атрибутами (роль профсоюзов в контроле над условиями труда и отдыха, «социалистическое соревнование», социальные льготы рабочему классу и др.) и, более того, вытесняли собой все остальные социально-экономические формы. Вот почему социально-экономическое развитие 1920–1930-х гг. могло идеологически оформляться как строительство социализма.

Если первоначально большевики, сознавая ограниченность предпосылок социализма в России, ставили возможность победы социалистической революции в зависимость от революции в передовых странах Запада, то затем, под влиянием собственных политических и идеологических лозунгов, вследствие обострения классового конфликта с буржуазией, и под давлением необходимости выстроить некоторый работоспособный экономический механизм, способный функционировать в условиях экспроприации буржуазии, социалистические задачи были поставлены в повестку дня. После первоначальной эйфории от создания действующей экономической системы в ходе гражданской войны думающим теоретикам вскоре стало ясно, что система «военного коммунизма» не может рассматриваться не только как образ экономического строя социализма, но и как система, жизнеспособная за рамками чрезвычайных обстоятельств. Однако (по причинам, о которых будет сказано ниже) задачи скорейшего «введения социализма» вскоре вновь были поставлены в повестку дня. Хотя выстроить целостный социализм не удалось (да это было и невозмож-

но), но существенные некапиталистические и прямо социалистические элементы советского строя все же возникли.

Так что же, большевики попали в совершенно безвыходный политический и экономический тупик или все же из него нашелся выход на пути к социализму? Да, выход из тупика все-таки был найден, но этот выход был произведен уже не большевистской партией и не на основе большевистской программы. Чтобы понять, как сложился этот выход, надо на время покинуть область теоретических размышлений, и обратиться к реальной эволюции социально-экономических отношений в революционную эпоху.

3.4. Логика событий: шаги к социализму?

Итак, взяв власть, большевики встали перед необходимостью разрешить задачи буржуазно-демократической революции и подготовиться к решению в перспективе социалистических задач. За дело буржуазно-демократической революции они взялись достаточно рьяно: передали помещичьи, удельные, монастырские и т. п. земли крестьянам; ввели в России республиканской строй – установили республику Советов; ввели рабочий контроль над производством... Но одновременно они столкнулись с тем, что их буржуазно-демократические преобразования встречают растущее сопротивление буржуазии. Против буржуазии им было известно только одно средство – установление классового господства рабочего класса, т. е. диктатура пролетариата. А это средство – отнюдь не из арсенала буржуазно-демократической революции.

Чем дальше, тем больше большевики сталкивались с тем, что пролетарская власть может удержаться, только применяя меры, входящие в конфликт с демократическими задачами буржуазной революции. И в самом деле, как совместить такое развитие прав и свобод, которое предполагается буржуазно-демократической революцией, с ограничением прав непролетарских классов и социальных слоев, предполагаемым диктатурой пролетариата? Особенно, если учесть, что пролетариат представлял к тому же явное меньшинство населения.

Но эта политическая проблема, сама по себе крайне острая, дополнялась гораздо более серьезным социально-экономическим противоречием. А именно: как довести до конца буржуазную социальную революцию вопреки буржуазии? Ведь речь шла не только об участии промышленных капиталистов в индустриализации страны, но и – в гораздо большей степени – о неизбежной в ходе развития буржуазной

революции экспроприации мелкой буржуазии. А последняя представляла собой основного классового союзника пролетариата.

Пойти путем добровольного кооперирования крестьянства, как предполагал Ленин? Но для этого нужна мощная материальная поддержка крестьянской кооперации со стороны промышленности. Откуда же возьмется эта промышленность и массовые кадры пролетариата для нее? История знала только один путь – пролетаризацию крестьянства...

Уже созданный в России капиталистический промышленный уклад представлялся большевикам готовой основой для создания уклада социалистического, что позволяло им контролировать в экономике «командные высоты» (банки, крупную промышленность, железные дороги). Только социализация промышленности позволяла большевикам создать в стране социально-экономический противовес мелкобуржуазной стихии. Тем более, что капиталистическая буржуазия не пожелала участвовать в строительстве материальных основ социализма под рабочим контролем, и открыто выступила политическим противником пролетарской власти. И тогда в повестку дня встал переход от рабочего контроля к экспроприации буржуазии.

Стоит напомнить, что еще до Октября В.И. Ленин, даже не предвидя полностью масштаба грядущих проблем, все же сформулировал мысль, оказавшуюся верной оценкой той логики событий, которая толкала большевиков на «коммунистические опыты» и «скачки»: «нельзя идти вперед, не идя к социализму»¹⁹.

Но что получилось в результате экспроприации промышленной буржуазии? Если первоначально функцию социализации промышленности пытались взять на себя органы рабочего контроля, то буквально за несколько месяцев ситуация радикально изменилась. Рабочие организации в условиях гражданской войны не смогли быстро обеспечить жесточайшую концентрацию ресурсов на решении военных задач, и были быстро оттеснены от управления промышленностью – их функции взял на себя централизованный государственный аппарат. Поначалу он действовал в той или иной мере по соглашению с рабочими организациями, но уже к началу нэпа участие рабочих в управлении стало почти декоративным.

Таким образом, капиталистический уклад в промышленности был заменен не «свободной и равной ассоциацией тружеников», а систе-

¹⁹ Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 191.

мой государственного управления. Ведущей социальной силой нового промышленного уклада стали не работники, а бюрократия. При той реальной степени зрелости пролетариата, какая была в России к началу революции, да еще и при условиях массового деклассирования пролетариата в ходе гражданской войны, это сделалось неизбежным.

Задачи буржуазной революции вместо буржуазии стал решать не рабочий класс, выстраивающий социалистические отношения – эти задачи стала решать бюрократия. Пока она была тесно связана по происхождению с пролетарской властью и подчинялась господствующей большевистской идеологии, можно было еще вести речь о том, что перед нами бюрократизированное рабочее государство, где бюрократия выступает от имени пролетариата, и в общем в его интересах. Но что же связывало интересы бюрократии и интересы рабочего класса?

Механизм политической власти? Вряд ли. Сложившаяся к 1922 г. абсолютная монополия большевистской партии на власть сделала демократический механизм республики Советов формальностью. И даже в той части, где рабочие еще могли воспользоваться своими политическими правами, они на деле были мало способны реализовать эти права. А чем дальше, тем больше сконцентрированная в рядах большевистской партии бюрократия (в полном согласии с бюрократией беспартийной) выхолащивала возможность контроля за собой со стороны пролетариата.

Стремление к социализму? Если такого рода настроения и были свойственны как части рабочего класса, так и части бюрократии, то по своему объективному положению в системе общественного производства, достигнутом уровню культуры и сложившейся в начале 20-х гг. социальной психологии никакой особой необходимости в решении социалистических задач не испытывал ни один из этих социальных слоев, или уж, во всяком случае, не считал необходимым вступать в борьбу за социализм.

Тем не менее, общие интересы, связывающие бюрократию и рабочих, были. Во-первых, это их общее нежелание допустить реставрацию частнохозяйственного капитализма. Во-вторых, их общая заинтересованность в росте промышленности. И в-третьих, идеология, обосновывающая предыдущие два пункта, и унаследовавшая некоторые традиционные марксистские лозунги.

На основе такого компромисса интересов в СССР все же была создана альтернативная существовавшей капиталистической системе социально-экономическая структура.

Выше я говорил о том, что социалистические элементы были представлены в ней в нецелостном, усеченном, деформированном виде, что точно также дело обстояло и с объективно рождавшимися на почве индустриального (а отчасти и доиндустриального) производства капиталистическими элементами. Они тоже были нецелостными, усеченными, деформированными и причудливо переплетались с социалистическими элементами.

В этих условиях само существование такой «мозаичной» системы, состоявшей из смешанных, разнородных (гетерогенных), да к тому же еще и деформированных элементов, как и вектор ее развития, определялись силой политической и идеологической надстройки. А эта надстройка была представлена пролетарскими и мелкобуржуазными элементами (главным образом «служащими» из рядов городской мелкой буржуазии), и в политическом отношении, во всяком случае, антикапиталистическими элементами. Существенную роль играло также формирование **антибуржуазной культурной традиции**. Существенную потому, что эта культурная тенденция играла важнейшую компенсаторную роль, восполняла недостаток материально-технических, экономических, социальных и политических предпосылок социализма²⁰.

Исключительная роль политической надстройки в условиях, когда классовой опорой государства было меньшинство населения, да к тому же в социально-культурном отношении не готовое к самоорганизации в формах, адекватных социалистическим общественным отношениям, породила неизбежную и глубокую бюрократизацию политического строя. Бюрократия оказалась ведущей цементирующей социальной силой и для экономического строя, и для социальных отношений.

Здесь, пожалуй, в наибольшей мере проявилось столкновение теоретических оснований социалистического проекта и реальных возможностей его осуществления. Первые попытки построить отношения в промышленности на основе рабочего контроля и самоуправления быстро столкнулись с тенденцией к государственной централизации управления. В условиях гражданской войны и острейшего дефицита хозяйственных ресурсов (потеря основных источников металла, угля, нефти, хлопка и т. д.) тенденция к централизации неиз-

²⁰ Значение феномена советской культуры и его роль на различных этапах развития СССР показано в работах Л.А. Булавки (См.: Значение феномена советской культуры и его роль на различных этапах развития СССР показано в работах Л.А. Булавки (См.: Феномен советской культуры. М., 2008; Советская культура как идеальное «советского социализма // Социализм 21. М., 2009).

бежно возобладала²¹. Кроме того, ей противостояла недостаточно мощная альтернатива в виде социальной самодеятельности рабочего класса, которая оказалась не способна обеспечить функционирование экономики на основе принципа «свободной ассоциации». Эта тенденция была весьма заметной, но явно недостаточно сильной и эффективной в своих усилиях, ибо под ней не было достаточной социальной базы и социальных традиций.

Из сочетания буржуазных специалистов и «красных директоров» в верхних эшелонах управления, тонкой прослойки квалифицированных рабочих, подвергшихся сильнейшей люмпенизации под влиянием войны – в нижних, не могло получиться социалистического самоуправления трудящихся. Происходил рост бюрократической машины, тем более весомой, чем менее она была эффективна.

Вопреки своей программе большевики все дальше и дальше двигались по пути отстранения рабочих и их организаций от управления производством. Годы гражданской войны явственно продемонстрировали нам превращение замысла «свободной и равной ассоциации тружеников» в систему «государственного социализма». Бюрократия в этих условиях оказалась и более эффективным способом организации управления, и более активным и энергичным социальным слоем.

Однако какова была природа этой бюрократии? Была ли она, как и любая бюрократия, лишь обслуживающим интересы господствующего класса слоем, пусть и приобретшим некую относительную самостоятельность?

На этот вопрос следует ответить отрицательно. Национализация основных средств производства и сосредоточение руководства экономикой в руках государства создали ситуацию, подобную той, которая сложилась в азиатском способе производства: советская бюрократия совпала (сначала только в тенденции) с господствующим классом. Такая ситуация не возникла бы в условиях социалистической революции, если бы государство сразу стало превращаться в не государство в собственном смысле слова (то есть система управления обществом формировалась бы не как отдельная от остального общества структура, а была бы продуктом общественной самодеятельности граждан, результатом их социального творчества).

²¹ Эта проблема освещается, например, в работах: Дамье В. Рабоче-крестьянская самоорганизация и большевистская власть в 1917–1921 гг. / Рабочий в XX в.: российский опыт. М.: КомКнига/URSS, 2005. С. 22–40; Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. М., 1998.

Необходимой предпосылкой для этого было бы завоевание условий, при которых государственный аппарат формировался бы рабочим классом и функционировал при его прямом участии и контроле. Однако в ходе экономической и политической борьбы 1917–1922 гг. выявилось поражение рабочего класса в схватке с бюрократией за рычаги экономической и политической власти. Бюрократия, хотя и пойдя на компромисс, и уступив, в порядке этого компромисса, некоторые второстепенные рычаги влияния рабочему классу, получила реальную возможность претендовать на политическую монополию и монополию экономического управления.

Таким образом, советская бюрократия сделала шаг к образованию своеобразного господствующего класса, занимающего это место благодаря сосредоточению в ее руках как функций управления экономикой, так и фактического распоряжения средствами и результатами производства. Политическим лидером, наиболее последовательно выразившим эти стремления новой советской бюрократии, и оказался И.В. Сталин.

3.5. «Строительство социализма в отдельно взятой стране» или капиталистическая индустриализация?

Первоначальный импульс революционного творчества масс 1917–1918 г. создал политическую структуру, отличавшуюся некоторым фактическим уровнем участия трудящихся масс в экономическом (рабочий контроль, фабзавкомы, профсоюзы) и политическом (Советы, множество общественных организаций) управлении. Формальные же возможности, предоставлявшиеся Советским строем, были еще более широки. Велик был уровень демократии и внутри правящей партии.

Однако очень скоро (не столько в ходе гражданской войны, сколько после нее) начались как фактические, так и формальные изъятия из советской, как и из партийной, демократии. К началу 30-х гг. усилиями сталинской фракции от демократии революционного периода не осталось уже почти ничего, кроме некоторых формальных атрибутов и институтов со старыми названиями (впрочем, и им была суждена недолгая жизнь)

Была ли неизбежной такая эволюция («перерождение») советского строя? Была ли неизбежной победа Сталина? Мог ли окончиться иначе конфликт между сталинцами и «левой оппозицией»?... Все эти вопросы уже давно дебатуются историками, политологами и советологами. История, конечно, не знает сослагательного наклонения.

Однако всегда исторические события подвергаются анализу с точки зрения того, в какой мере они были закономерны, а в какой – случайны.

Победа Сталина и стоявшей за его спиной партийной и советской бюрократии была не случайна. На дилемму, принявшую вид спора о строительстве социализма в одной стране – и построить нельзя, и не строить тоже нельзя – он нашел прагматический ответ.

Поскольку для Сталина на первом месте стояли задачи захвата и удержания личной власти, а затем и укрепления величия (в его собственном, конечно, понимании) той державы, в которой он эту власть захватил, постольку вопрос о реальной социально-экономической природе советского строя был для него второстепенным. Над ним не тяготела необходимость воплощать в жизнь какие бы то ни было теоретические постулаты или идейные принципы. В этом смысле Сталин не был доктринером, и это была его сильная сторона в борьбе с соперниками, у которых доктринерство оказалось существенной частью их мировоззрения.

В тоже время идеологическое оформление своей власти не было для него вопросом второстепенным. Он понимал, или, во всяком случае догадывался, что легитимность власти правящей бюрократии, а вместе с нею – и его самого, освящается революцией, совершенной под социалистическими лозунгами. Поэтому позиция Троцкого, убедительно доказывавшего, что вне мировой революции перспектив победы социализма в СССР нет, Сталина категорически не устраивала. Только демонстрация победоносного движения к социализму могла обеспечить ему статус признанного народного вождя.

Вопрос о формировании подлинно социалистических общественных отношений никогда не волновал Сталина сам по себе. Какая разница, что строить – лишь бы это строительство укрепляло его власть и мощь державы, которой он руководил. Но при этом надо непременно уверять, что строишь именно социализм, а затем – заявить об успешном завершении его строительства. Можно решать задачи догоняющей индустриализации **любыми**, сколь угодно варварскими методами, разумеется, доступными в тех своеобразных условиях, когда рабочий класс составляет одну из важнейших социальных опор власти, но обязательно уверять, что это и есть движение к социализму.

Таким образом, поскольку чисто буржуазная модернизация в СССР была уже невозможна, а социалистическая самостоятельность рабочего класса, да еще и с прицелом на международную социалистическую революцию отвергалась бюрократическим прагматизмом,

Сталин сделал единственно возможным для него выбор – индустриализация на основе бюрократической централизации экономики, при отстранении рабочего класса от реальных рычагов политической и экономической власти, при экспроприации не только капиталистического класса, но и мелкой буржуазии, и даже добуржуазного крестьянства. Это создавало возможность как максимальной концентрации хозяйственных ресурсов на задачах индустриализации, так и дополнительной мобилизации этих ресурсов за счет всех основных социальных слоев советского общества. Таким образом, Сталин нашел ответ на вопрос, как осуществить широкомасштабный капиталистический промышленный переворот в государстве без буржуазии.

Противники Сталина и слева, и справа не имели такого прагматического ответа. Программа Бухарина – программа движения к социализму через широкое развитие государственного капитализма – тут же оборачивалась риском капиталистической реставрации в условиях неизбежного роста буржуазных социальных слоев. Кроме того, она существенно ограничивала возможности дополнительной мобилизации хозяйственных ресурсов как за счет крестьянства, так и за счет рабочего класса.

Программа Троцкого – ограничивать рост буржуазных слоев, а основную ставку сделать на форсированное развитие социалистического сектора на основе развития инициативы и самостоятельности пролетариата (увлекающего за собой и крестьянство) – была теоретически очень выверенной, но практически не реалистичной. Не было в России (да и не могло быть) столько и такого рабочего класса, который смог бы поднять задачу, возложенную на него идеологами «левой оппозиции». Некоторые из их лидеров начали догадываться об этом обстоятельстве. В одном из писем Христиана Раковского можно найти довольно глубокий анализ состояния советского рабочего класса, объясняющий его неспособность противостоять сталинской бюрократии. Однако эти обстоятельства еще не воспринимались как объективные препятствия для самостоятельного исполнения рабочим классом ведущей роли в социалистическом преобразовании общества по линии не только политического, но и экономического господства.

Но Сталин победил не только политико-идеологически. Сталин победил и социально-политически. Его программа опиралась на компромисс наиболее влиятельных социальных сил, одинаково заинтересованных и в индустриализации, и в недопущении буржуазной реставрации. Это был компромисс рабочего класса с бюрократией при ведущей роли последней.

Сталинская власть была во многом схожа с бонапартистским режимом, как власть, смиряющая разрушительное противоборство различных социально-классовых сил, создающая принудительный компромисс между ними, а потому и приобретающая относительную самостоятельность (благодаря опоре на пассивные социальные слои, опасаящиеся развертывания социально-классового конфликта). Отражая интересы в первую очередь бюрократии, Сталин не был ее послушной марионеткой, выражая своей фигурой необходимость для бюрократии искать для себя более широкой социальной опоры в лице рабочего класса (что выразилось в создании и постепенном наращивании системы социальных гарантий). Подчас он натравливал рабочий класс на бюрократию, чтобы обеспечить себе возможность политического балансирования и не нести прямой политической ответственности перед выдвинувшим его к власти социальным слоем. Оба этих слоя (и рабочие, и бюрократия) были объединены также своим неприятием любой возможности социального выдвижения буржуазных и мелкобуржуазных слоев.

Линия Бухарина требовала компромисса с мелкобуржуазными, а отчасти и с буржуазными элементами. А такой компромисс был весьма неустойчив и непрочен, ибо буржуазная и мелкобуржуазная его сторона была заведомо против любых игр в «строительство социализма», да и просто против форсированной индустриализации на спине крестьянства.

Линия Троцкого требовала опоры на рабочий класс против бюрократии. Но эта позиция была нереалистичной в условиях, когда рабочие были явно не в состоянии «своими собственными силами обеспечивать свое классовое господство», будучи не только меньшинством в обществе, но вдобавок еще и необразованным, малокультурным в своей основной массе меньшинством, подвергшимся, кроме того, значительной люмпенизации и деклассированию в ходе гражданской войны. Противостоящая же рабочим бюрократия концентрировала в своих рядах наиболее энергичные и организованные (а нередко и высокообразованные) элементы различных социальных групп.

Для тех, кто видит во власти Сталина государственно - капиталистическую диктатуру, расхождение линии Сталина и линии Бухарина должно быть совершенно необъяснимым (разве что с точки зрения политического соперничества). Однако советская бюрократия сталинского образца отнюдь не была чистым выражением господства государственного капитализма (смотри выше мою позицию об экономи-

ческих основах советского строя). В классовом же отношении это вообще не была буржуазная или капиталистическая бюрократия.

Таким образом, сложившийся в промышленности уклад представлял собой плод определенного союза между бюрократией и пролетариатом при ведущей роли первой. На этом же союзе, дополненном еще и компромиссом с крестьянством, покоилась и вся общественная система СССР начала 20-х гг. Но как долго могла продержаться эта конструкция?

В более широком контексте разрушение обоих компромиссов стало следствием объективной логики задач поздней буржуазной революции, функции решения которых приняла на себя советская бюрократия. Напомним, это были задачи догоняющей модернизации, понимавшиеся тогда в терминах индустриализации и перехода к крупному общественному земледелию.

Бюрократия встала перед необходимостью жесткой концентрации хозяйственных ресурсов для проведения догоняющей модернизации (что получило затем отражение в термине «мобилизационная экономика»). Такая концентрация и материальных ресурсов, и трудовых усилий была возможна лишь за счет сильнеешего нажима – как на рабочий класс, так и на крестьянство. Экономическое соревнование с капиталистическим укладом было прекращено, и остатки буржуазии, допущенной нэпом, были ликвидированы административным давлением, а мелкобуржуазное крестьянство сметено «коллективизацией». Угроза с этой стороны была ликвидирована – но вовсе не ради интересов рабочего класса и «строительства социализма».

Прежние формы компромисса были отброшены – не без ожесточенной политической борьбы, занявшей почти все 20-е гг., – и политика, проводившаяся с 1929 г., знаменовала собой окончательный переход к своеобразному советскому бонапартизму. Правда, для этого пришлось серьезнейшим образом ревизовать прежние установки большевизма – как идейные (например, партийная программа была просто забыта), так и организационные (стремительный отказ от внутривнутрипартийной демократии), и основательно изменить персональный состав большевистской партии, в конечном итоге превратив ее в течение 30-х гг. в иную политическую организацию, хотя и под старым названием.

Как и любые разновидности бонапартизма, советский был основан на лавировании между противоположными интересами классов и социальных слоев – в данном случае между интересами разросшегося слоя бюрократии и трудящихся классов (как рабочих, так и крестьян).

Своеобразие советского бонапартизма заключалось в том, что здесь бюрократия превращалась не только в арбитра борющихся классов, стоя как бы над ними, а на деле достигая компромисса между ними, но в пользу одной из сторон. Она сама была одной из сторон компромисса и арбитром в своем собственном деле. Это было бы невозможно, если бы в советском строе не действовали механизмы самоограничения бюрократии, степень которой не стоит преувеличивать, но которая была реальным фактом, на котором только и могла основываться мобилизующая роль бюрократии в деле модернизации²². Это самоограничение, вместе с успехами модернизации, постепенно стало все больше и больше предаваться забвению, и на бюрократию к середине 30-х гг. закапал золотой дождичек строго отмеренных привилегий – одновременно с радикальной кровавой чисткой ее от носителей старых большевистских традиций.

Советская бюрократия и политически, и по составу была тесно связана со своим союзником (рабочим классом), но все же преимущественно ее составляли выходцы из низших и средних слоев старых служилых сословий, выдвинувшиеся на высшие должности в ходе революции. Главной социально-экономической детерминантой ее позиции стало, в таких условиях, не столько ее происхождение, сколько ее положение как центрального звена экономического и политического управления. В этом ее положении присутствовала и буржуазная (государственно-капиталистическая) составляющая – но только как элемент (и даже осколок) в ряду других. Свою эксплуататорскую функцию эта бюрократия осуществляла преимущественно не капиталистическими методами²³. И в любом случае она была кровно заинтересована воспрепятствовать реставрации частного хозяйственного капитализма.

Итак, бюрократия приступила к решению задач буржуазной модернизации... Постойте! Но как же с социалистической революцией, о перспективах которой так много было рассуждений выше? Попытки проведения раннесоциалистической революции постигла именно та судьба, которая и должна была их постигнуть. Постольку, поскольку

²² Подробнее см.: Колганов А.И. Три модернизации в России и наше время // Политический класс. 2005. №11.

²³ Этот тезис нередко оспаривается со ссылками на форму найма, на товарно-денежные отношения, якобы свидетельствующие о капиталистической природе эксплуатации в СССР. Хочу оставить этот спор за скобками данной статьи и замечу лишь, что никому еще не удалось доказать, что бюрократия эксплуатировала трудящихся СССР ради извлечения прибавочной стоимости.

для социалистических преобразований все же были некоторые, хотя и очень незрелые, предпосылки в виде капиталистического промышленного уклада, возникли весьма значимые социалистические формы, охватывающие некоторые стороны социально-экономических отношений. Классовый, политический и идеологический импульс Октября был достаточно силен, и к тому же он подкреплялся заинтересованностью советской бюрократии в сохранении идейно-политической оболочки великой революции, служащей оправданием власти бюрократии. Кроме того, использование этих форм позволяло мобилизовать энергию и энтузиазм рабочего класса. Да и формы государственного централизованного управления национализированной промышленностью, обладая определенной схожестью с прогнозируемыми чертами социалистического планового хозяйства, позволяли отождествлять одно с другим.

Некоторая устойчивость этих форм определялась еще и международным положением СССР. Их наличие позволяло СССР занять особое место в мировом хозяйстве и в мировой политике, провести линию твердого протекционизма в социалистической плановой оболочке, да еще и опереться на поддержку международного рабочего движения, противопоставив себя, как «форпост социализма», «капиталистическому окружению» (тем более, что наличие реальных социалистических элементов давало на это основания и было действенным средством давления на мировую буржуазию). Однако эти социалистические формы не развились, да и не могли развиваться в основы социально-экономического строя, сложившегося в СССР. Более того, имевшиеся элементы социализма сложились в уродливом, деформированном виде (что может служить оправданием применению образного выражения «мутантный социализм» – но не по отношению ко всему советскому строю, а только по отношению к этим элементам).

Таким образом, советский «социализм» сложился первоначально как незавершенное переходное общество с бонапартистской надстройкой, социально-экономической основой которого было решение задач догоняющей буржуазной модернизации без буржуазии и в оболочке социалистических форм хозяйствования.

3.6. Противоречия нэпа и сталинская концепция их разрешения

Не следует думать, что обрисованные выше контуры сталинского подхода к социалистическому строительству в СССР были сколь-нибудь внятно сформулированной Сталиным (хотя бы для себя само-

го) теоретической концепцией. В своем отношении к перспективам социализма Сталин действовал чисто эмпирически, реагируя на насущные хозяйственные и политические проблемы по мере их возникновения.

Пока нэп обеспечивал быстрое восстановление народного хозяйства СССР, Сталин был горячим поклонником и защитником бухаринской линии, и вместе с ним активно выступал против Троцкого, требовавшего форсировать рост социалистических элементов в экономической системе Советской России. Когда же Сталин столкнулся с объективными противоречиями нэповской эволюции, что нагляднее всего выразилось в трудностях с хлебозаготовками, он первоначально не ставил вопрос об изменении всей экономической стратегии, а реагировал непосредственно на возникшие затруднения. В основе этих затруднений лежало желание крестьянства получать именно тот товарный эквивалент продаваемому зерну, который нужен ему, а не мириться с заниженными хлебными ценами и завышенными ценами на товары крестьянского спроса ради роста тяжелой промышленности.

Итак, чтобы получить крестьянский хлеб, надо было или менять структуру промышленного роста в пользу наращивания производства предметов потребления, сельхозинвентаря и сельхозмашин, отказываясь от форсирования тяжелой промышленности, либо обеспечить откачку этого хлеба не через обычную куплю-продажу или товарообмен. Сталин первоначально испробовал известный по гражданской войне метод – чрезвычайные меры при хлебозаготовках, принуждение крестьян продавать необходимое количество хлеба по фиксированным государством ценам. Однако ответ крестьян на применение таких методов также был известен по гражданской войне – страна встала перед призраком крестьянской «хлебной стачки» (то есть сокращения посевов).

Встав перед фактом неэффективности чрезвычайных мер, Сталин в 1928–1929 гг. без колебаний пошел на плагиат у левой оппозиции, сделав ставку на социалистическое преобразование деревни, т. е. на производственное кооперирование крестьянства. Однако, уже в 1929 г. ему стало ясно, что этот подход не даст немедленных результатов, ибо чтобы вовлечь крестьян в производственные кооперативы (артели) путем хозяйственного примера, нужно обеспечить приток в деревню машинной техники в таких размерах, которые в ближайшие годы были не под силу советской промышленности, обеспечить массовую подготовку кадров, способных управлять крупным механизированным сельскохозяйственным производством и т. д. Именно поэтому про-

изошел переход к политике принудительной форсированной коллективизации, а сами крестьянские кооперативы были превращены в полугосударственные механизмы, обеспечивающие не только принудительное изъятие, но принудительное производство сельхозпродуктов.

Достаточно ясно, что этот переход несколько не зависел от социалистических лозунгов, которыми он прикрывался. Ведь одновременно со сталинской коллективизацией уничтожались те социализированные формы экономических отношений в деревне (и не только в деревне), которые были продуктом усилий по ее социалистическому преобразованию в предшествующее десятилетие. Были ликвидированы коммуны, ТОЗы, все сбыто-снабженческие, кредитные (ссудно-сберегательные), машинопрокатные и иные крестьянские кооперативы, а кадры крестьянской кооперации подведены под раскулачивание. В городах была ликвидирована система потребительской и жилищно-арендной кооперации.

Хозяйственный нажим осуществлялся не только на крестьянство, но и на рабочих. Инфляционное финансирование индустриализации привело к падению реального жизненного уровня рабочего класса. Однако та часть крестьянства, которая переходила в ряды рабочих, выигрывала как в уровне потребления, так и в социальном статусе.

Одним из сильных возражений против концепций, отрицающих социалистический характер советского общества, является указание на тот существенный социальный прогресс, который был достигнут в ходе его развития, – прогресс, выходящий за рамки того, что было возможно и допустимо в буржуазном обществе.

Однако, если трезво вычленить именно те составляющие социального прогресса, которые выходят за рамки буржуазно-допустимого, то окажется, что СССР добился многого – и все же не настолько, чтобы заслужить звание социалистического общества.

Бесплатное школьное образование? Это мера вполне буржуазно-демократическая. Бесплатное высшее образование за государственный счет? Да, пока почти ни в одной буржуазной стране эта мера не была распространена на всех студентов. Бесплатное здравоохранение? То же самое – оно есть, но в ограниченных масштабах. Отсутствие безработицы? Вот здесь отличие коренное. Ни одна буржуазная страна до сих пор была не в состоянии подчинить процесс накопления капитала в национальных масштабах задаче обеспечения полной занятости.

Другая сторона вопроса заключается в том, что весь экономический и социальный прогресс советского общества предстал перед нами в социалистической оболочке. Безжалостное снижение потреб-

ления широких масс ради индустриализации, и варварская экспроприация крестьянства для этих же целей – «социализм». Новые отрасли промышленности – «социализм». Снижение уровня неграмотности – «социализм». Начало роста потребления во второй половине 30-х гг. – «социализм».

Таким образом, действительно социалистические меры и действительно социалистические формы развития оказались соединены с чисто буржуазным прогрессом и окрасили его в собственные «красные» тона.

Тем не менее, я отказываю советскому строю в праве называться также и государственным капитализмом, хотя и признаю наличие элементов госкапитализма в советском строе.

Был ли это государственный капитализм в виде контроля и ограничения частного предпринимательства пролетарским государством? Да, в той мере и поскольку, поскольку на начальном этапе своего развития последнее отчасти сохраняло пролетарский характер, а частнокапиталистические элементы не были полностью экспропрированы.

Был ли это государственный капитализм, основанный на экспроприации частных капиталистов и замене их государственными чиновниками? Да, в той части, в какой государственные предприятия были организованы на капиталистических принципах (конкуренция, коммерческий расчет, найм, сдельщина...) Однако уже в 30-е гг. мы имеем не частнопредпринимательскую экономику, управляемую государственными чиновниками, а национальный капитал, организованный на принципах единого общественного хозяйства.

Конечно, в экономической системе СССР можно найти многие атрибуты товарного хозяйства, и некоторые из них даже не были формальными. Можно назвать эту систему вырожденной формой рынка. Но с таким же успехом можно и товарное хозяйство представить как вырожденную форму планомерной организации всего общественного производства.

Экономический расчет в СССР, как и распределение труда между отраслями производства, во всяком случае, не были подчинены критерию прибыльности, а сама прибыльность не была следствием слепой игры стихийных сил рынка.

Это была неустойчивая, разнородная, «несбалансированная» конструкция, элементы которой удерживались вместе силой политической надстройки, и которая со временем неизбежно начала разлагаться, выхолащивая и вытесняя менее прочные социалистические формы, впрочем, отчасти сохраняя то из них, что диктовалось общими усло-

виями развития позднеиндустриального уклада (и что параллельно развивалось в странах капиталистического «ядра»). Такое развитие социально-экономических последствий российской революции с точки зрения имевшихся материальных предпосылок было наиболее вероятным. Что же касается политической формы этого процесса, сопряженной с произволом времен сталинской диктатуры, то здесь как раз были возможны варианты, борьба вокруг которых, собственно, и была реальной подоплекой политических конфликтов 1920–1930-х гг.

3.7. Схватка за власть

Победа сталинской линии не была простым следствием объективно более прагматического решения проблемы перспектив развития СССР. Это решение было чревато серьезными идейными, политическими и социальными конфликтами. Ведь программы его противников также не были ошибочными от начала до конца, и содержали в себе рациональные элементы, от которых Сталин во многом отказался.

Если программа Бухарина не могла быть надежной основой для строительства социализма, то содержавшееся в ней стремление к поддержанию баланса экономических интересов между пролетариатом и крестьянством, и в связи с этим – выбор экономически сбалансированных темпов индустриализации, были вполне рациональными. Если программа Троцкого переоценивала готовность тогдашнего капитализма даже в наиболее развитых странах к социалистической революции, то делавшийся в ней упор на инициативу и самостоятельность рабочего класса и необходимую для этого политическую демократию, хотя вряд ли мог привести страну к подлинному социализму, все же мог послужить важным фактором большей устойчивости и гибкости советского строя, его способности к дальнейшей прогрессивной эволюции. По своему объективному смыслу именно эта программа могла заложить основы для дальнейшей эволюции советского строя в сторону действительного социализма (по мере накопления необходимых социально-экономических и социально-культурных предпосылок и изменения международных условий).

Однако Сталин, выражая в первую очередь интересы бюрократии, не мог принимать таких установок. Более того, по своим личным качествам он был достойным представителем того социального слоя, интересы которого выражал. Неглупый и начитанный, обладавший прекрасной памятью, способный быстро учиться и вникать в довольно сложные практические вопросы, он умел также быстро реагировать на

изменявшиеся обстоятельства общественной жизни и был мастером политической интриги, обладал упорством в достижении цели, умел располагать к себе людей. В то же время Сталин отличался маниакальной подозрительностью и злопамятностью, был склонен к упрощенчеству в области теории и практически полностью неспособен к овладению наиболее отвлеченными теоретическими дисциплинами. Теория никогда не была для него руководством к действию, а служила лишь идеологическому оформлению принимаемых политических решений. Однако некоторые постулаты марксизма (нередко в своеобразной интерпретации) Сталин воспринимал как полезные и действенные принципы, необходимые для руководства государством и массами, а потому и превращавшиеся для него в обязательные догмы.

Разумеется, такой подход сталкивал Сталина с представителями как правой, так и левой оппозиции, обладавшими значительным авторитетом в партии, а потенциально – и с большинством представителей старой партийной гвардии, которые могли расценить действия Сталина как предательство идеалов революции (что во многом соответствовало действительности).

Поэтому все двадцатые годы были для Сталина временем ожесточенной схватки за власть, окончательная победа в которой была достигнута лишь в середине 1930-х гг. Для этого Сталину потребовалось физическое истребление как реальной, так и потенциальной оппозиции в ходе развязывания кампании всеобщей политической подозрительности. Масштаб репрессий определялся не только задачами борьбы за власть, но и личными качествами Сталина, болезненно опасавшегося любой потенциальной возможности инакомыслия. Поэтому он не смог обойтись без организации разнузданной политической истерии по поиску «врагов народа», унесшей заодно мимоходом и жизни множества верных приверженцев Сталина. Эта истерия была приостановлена Сталиным только тогда, когда она стала угрожать полным развалом всей системе партийно-государственного управления.

Гораздо сложнее было справиться с социальным недовольством сначала крестьянства, а затем и пролетариата, узвзленных наступлением на их интересы в ходе индустриализации. Если рабочие хоть как-то могли мириться с временным падением жизненного уровня, поскольку индустриализация действительно открывала перед ними дополнительные перспективы (что касается и кадровых рабочих, и, в особенности, хлынувшего в 1930-е гг. потока выходцев из деревни), то гораздо сложнее передовой части рабочего класса было смириться с выхолащиванием их статуса господствующего класса, с глушением

или бюрократической формализацией любой инициативы, с отстранением от решения любых производственных вопросов. Короткий всплеск в начале 1930-х гг. инициатив рабочего класса, связанных с надеждами, порожденными ускоренной индустриализацией, был либо задавлен (встречное планирование, бригадная организация труда), либо формализован бюрократией (как это произошло с социалистическим соревнованием и стахановским движением).

В совокупности эти проблемы предопределили выбор бюрократией и ее лидером – Сталиным – антидемократической, тяготеющей к тоталитаризму модели общественно-политического устройства СССР.

4. Эволюция бюрократии в советском обществе

Сталин составил более устойчивую социальную комбинацию – и победил. Однако его победа означала в перспективе и неизбежную гибель той системы, творцом которой он стал. Отказ от претворения в жизнь наиболее прогрессивных черт социалистической модели соответствовал личным наклонностям Сталина и интересам выдвинувшей его бюрократии, хотя и был в достаточной мере вынужденным объективными обстоятельствами. И в тоже время именно отказ хотя бы от попыток постепенного наращивания предпосылок для развития самоуправленческой, социально-творческой составляющей социалистического проекта сделал сталинскую систему окостеневшей, неспособной к значительным социальным маневрам и приспособительной эволюции.

Это произошло именно потому, что бюрократия играла ведущую роль в советской системе. «Строительство социализма», предполагавшее передачу средств производства в общественную собственность, а как первый шаг – национализацию основных из них – сконцентрировало колоссальную экономическую и политическую власть в руках бюрократии. Поскольку рабочий класс не смог (отчасти по объективным причинам, отчасти из-за активного противодействия бюрократии) самостоятельно овладеть управлением производством и контролем над государственным аппаратом, функции управления монополизировала бюрократия.

Не демократическая, лишенная сколько-нибудь существенных элементов общественной самодеятельности трудящихся, не создававшая достаточно социально-экономических возможностей для превращения в перспективе труда в творческую деятельность, эта жесткая система в тоже время хорошо соответствовала решению задач дого-

няющей индустриализации. Она обеспечивала возможность высокой концентрации и широкомасштабного перераспределения экономических ресурсов. То же самое касается и осуществления масштабных научно-технических и социальных проектов.

Социальный компромисс бюрократии с рабочим классом, представлявший последнему значительные социальные гарантии, обеспечивал заинтересованность рабочих в решении задач индустриализации, и, будучи подкреплен активным использованием социалистических лозунгов и атрибутов, в определенный период времени даже породил феномен массового энтузиазма в ходе «социалистического строительства». Со стороны бюрократии этот компромисс подкреплялся также активным, а подчас и самоотверженным участием партийных и хозяйственных руководителей в решении задач экономического развития страны. Однако столь же самоотверженное участие бюрократии в реализации очевидно ошибочных установок сталинской политики (головотяпское проведение коллективизации, обернувшееся колоссальными хозяйственными потерями; экономически бессмысленная, не давшая никаких позитивных результатов попытка форсирования темпов промышленного роста в первой пятилетке) показывало реальный статус этого слоя, как оторванных от масс и стоящих над массами чиновников.

И вот, с течением времени социальная основа советского строя стала неизбежно размываться. Бюрократия, укрепив свое господство, и начав превращаться в замкнутую наследственную касту, все более обособляла свои интересы от интересов остального общества.

Общая для рабочего класса и бюрократии позиция защиты от буржуазной реставрации потеряла непосредственную актуальность и сохранилась лишь в функции защиты от внешней угрозы (которой было придано гипертрофированное значение). Сам рабочий класс из относительно привилегированного меньшинства с завершением индустриализации превратился в большинство населения (в 1940 г. официальная статистика оценивала численность рабочего класса в 23,9 млн чел. или 38% занятых, а в 1960 г. — уже 55,1%), и бюрократия уже не могла поддерживать для него прежний высокий социальный статус.

В результате социальный компромисс, на котором держалось советское общество, стал размываться с двух сторон. С одной стороны, наемные работники (и особенно научно-техническая интеллигенция) испытывали все большее недовольство от выхолащивания социальных гарантий и потери привилегированного социального статуса, начиная приближаться к осознанию своей роли как эксплуатируемого соци-

ального слоя. С другой стороны, бюрократия стала не только претендовать на полную монополию на властно-хозяйственные функции, но и все возрастающая часть ее стремилась превратить каждого своего члена из условного распорядителя общественного богатства, ограниченного в своих функциях всей остальной бюрократической иерархией, в полноправного собственника.

Этапы социальной эволюции советского общества можно резюмировать следующим образом:

1. 1917–конец 1920-х гг. На этом этапе происходит переход от попыток рабочего класса непосредственно овладеть государственной машиной к постепенной уступке функций управления бюрократии, которая пока еще сохраняет тесную социальную и политическую (например, через выдвигенчество) связь с рабочим классом.

Однако от политического контроля со стороны рабочего класса бюрократия к концу данного периода полностью эмансипируется, сохраняя за рабочими лишь некоторые социально-политические привилегии. Государство приобретает бонапартистский характер.

2. 1930–середина 1960-х гг. Период компромисса между рабочим классом и бюрократией. Сдвиг социальной опоры бюрократии в сторону "нового" рабочего класса, формирующегося в ходе индустриализации, обеспечивает укрепление социальной базы советского бонапартизма.

Бюрократия продолжает поддержку социальных гарантий рабочему классу, создает условия для роста его численности и квалификационного уровня, оставляет некоторые каналы социальной мобильности (через массовое высшее образование), что не мешает ей прибегать и к жестким административным мерам против своего союзника (ограничения свободной мобильности рабочих, репрессии, запрет стачек и свободных профсоюзов). Поддерживается полная занятость. Политически этому соответствует переход от бонапартизма к превращению бюрократии в господствующее сословие.

3. Середина 1960–конец 1980-х гг. Размывание компромисса бюрократии и рабочего класса. Превращение бюрократии в замкнутую касту. Оформляется стремление бюрократии превратиться из господствующего сословия в класс.

Отмирание рудиментов социальной ответственности верхушки бюрократии перед работниками. Расширение масштабов бюрократических привилегий, выхолащивание всеобщих социальных гарантий, торможение роста благосостояния. Конфликт бюрократии и технической интеллигенции.

5. От капитализма к посткапитализму

Однако даже такая, усеченная, внутренне неоднородная, деформированная альтернатива мировой капиталистической системе оказала на развитие последней колоссальное влияние. Одна лишь демонстрация возможности существования жизнеспособной альтернативы, создающей социальные преимущества для класса наемных работников, заставляла капитализм меняться. Тем более, что эта осязаемая альтернатива подкреплялась давлением классовой борьбы внутри капиталистических стран.

Если символом альтернативы мировой капиталистической системе был СССР, то ее персонифицированным выражением стал Сталин. Именно этим объясняется его огромный авторитет в левом движении всего мира, даже среди социал-демократии, не питавшей симпатий ни к большевизму вообще, ни к репрессивным методам сталинской власти в особенности.

Буржуазия стала продвигаться все дальше и дальше по пути компромисса с пролетариатом. Впрочем, была испробована в широких масштабах и попытка бескомпромиссного решения – через фашизм. Но она оказалась чревата для буржуазии серьезным риском и дополнительными проблемами (такими как уничтожение не только десятков миллионов «рядовых граждан», но значительной части собственной элиты, радикальное расширение мировой социалистической системы, угроза победы левых в ряде развитых капиталистических стран и др.)

Итак, буржуазное общество – в наиболее развитых странах, где противоречия капитализма более всего вызрели – стало эволюционировать, принимая и интегрируя в свою социально-экономическую структуру некоторые уже не вполне буржуазные элементы («ростки социализма»)

В этом смысле для капитализма XX в. стали характерны все нарастающие переходные процессы и формирование переходных производственных отношений, однако, при сохранении господствующей роли капиталистического способа производства.

Сюда можно отнести распространение целого ряда ограничений эксплуатации (сужение границ рабочего дня, установление режима отпусков, минимальной оплаты, системы норм, регулирующих условия труда, права на коллективный договор и т. п.), и установление системы социальных гарантий, частично оплачиваемых из прибавочного продукта (пенсии, социальные пособия, в том числе по безрабо-

тице, финансируемые из бюджета сектора в здравоохранении и образовании и т. д.) Кроме того, продолжали развиваться и ограничения действия рыночного механизма, связанные с разнообразными формами государственного и общественного (например, со стороны профсоюзов, организаций потребителей и т. д.) регулирования экономики.

Именно эти переходные формы (возникновение которых вполне закономерно для зрелого способа производства), как и лежащая в их основе борьба рабочих за более достойные условия существования, и обеспечили странам наиболее развитого капитализма постепенное нарастание элементов постиндустриального производства, а вместе с этим – и преимущество в соревновании с СССР.

В.А. Тюлькин

***Великая Октябрьская социалистическая
революция: всемирно-историческое значение***

Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции – большой праздник. В праздники принято говорить хорошие слова о заслугах, величии, влиянии на ход истории. И здесь переборщить трудно. Владимир Ильич Ленин уже 19 мая 1919 г. говорил: «Наша Революция для нашего класса, для которого мы служим, для пролетариата, сделала за полтора года уже несравненно больше, чем то, что сделали Великие Французские революции».

Если бы мы отмечали только праздник, мы бы говорили об успехах рабочего класса России, о влиянии успехов СССР на весь мир, то есть говорили бы о том, что Ленин называл влиянием «в широком смысле слова ... в смысле воздействия ... на все стороны». Таким подходом обычно пользуются и умеют это делать лучше нас Зюганов со товарищи. Обычно они разворачивают тему в том плане, что КПРФ – партия Ленина, Сталина, Стаханова, Жукова, Королёва, Гагарина и других. (Этот подход напоминает поведение симпатичного котёнка из советского мультфильма, который говорил: «Мы с дядей Тигром охотимся только на крупного зверя»)

Поскольку мы находимся на этапе отступления под напором реакции, нам есть смысл рассмотреть вопрос гораздо глубже – в смысле выявления закономерностей, общих для всех партий и стран, в деле подготовки и свершения революции и её продолжения в виде строительства социализма, то есть выявления того, что обязательно для повторения в том или ином виде всеми, и, соответственно, без чего не может быть успеха, и, наоборот, повторения каких ошибок нельзя допустить. Как говорил Ленин, рассмотрим вопрос «... в самом узком смысле слова, т. е. понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, ... приходится при-

знать такое значение за некоторыми основными чертами нашей революции»¹.

Таким образом, речь идёт о теории, об обязательном и объективном, о законах революции и строительства социализма.

Это значение Великой Октябрьской социалистической революции в узком смысле сегодня, несомненно, актуально для продолжения борьбы, особенно с учётом следующих факторов:

а) продолжающегося поиска ответов на вопрос о причинах поражения социализма в СССР и других странах. Что это:

- неизбежность и закономерность?
- отступление от теории?
- результат волюнтаризма?
- заговор?
- победа империализма?

б) усиление как международной реакции, так и правого уклона в коммунистическом движении (отказ от диктатуры пролетариата, установление лимита на революции, вписывания в парламентские системы и другое);

в) увлечение строительством социализмов с национальной спецификой, особенно китайской и латиноамериканской;

г) модными теориями (скорее – лозунгами) строительства социализма XXI в., за которыми часто стоят благородные намерения, но нет признания теории социализма, общих закономерностей, то есть научного коммунизма.

Основные уроки Великой Октябрьской социалистической революции:

А) Это первая революция, которая была теоретически предсказана и в соответствующей ситуации подготовлена и осуществлена рабочим классом России под руководством большевиков. Таким образом, Третья русская революция подтвердила теорию марксизма-ленинизма о неизбежности социалистической революции как единственного пути к победе социализма. Все другие пути постепенного социального реформирования так или иначе ведут к закреплению капитализма, к совершенствованию форм эксплуатации и закабалению общественного сознания.

Б) Революция подтвердила ленинскую теорию о роли революционной партии нового типа, вооружённой передовой теорией и не терпящей в своих рядах ревизионистов и оппортунистов.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 3.

В) Доказана необходимость борьбы с левым и правым уклонами в коммунистическом движении, при этом главной опасностью всегда является правый уклон, то есть оппортунизм. В конечном итоге, оппортунизм погубил КПСС и СССР.

Г) Наша революция доказала, что власть, рождающаяся в победившей социалистической революции, не может быть ничем иным, как диктатурой пролетариата, причём, как отмечал ещё Ленин, не только «на весь период строительства социализма», но и на весь период до полного уничтожения классов (см. «Великий почин»).

Д) Именно на весь этот период, потому как классовая борьба при социализме не прекращается, не исчезает, а приобретает новые формы. Сравнительно легко экспроприировать крупную буржуазию и даже подавить её вооружённое сопротивление, но в тысячи раз труднее победить мелкобуржуазные тенденции самих народных масс, силу привычек и проявления эгоизма в самом рабочем классе, в самой партии.

Отсюда вытекает потребность в пролетарском характере государства на весь период становления и развития социализма до полного уничтожения классов. Отказ КПСС от этих важнейших теоретических положений (после XX съезда), ориентация на так называемое общенародное государство и объявление прекращения классовой борьбы в условиях, когда она объективно продолжается, под предлогом отсутствия антагонистических классов были роковыми ошибками КПСС, приведшими к тому итогу перестройки, который содержится в этом слове – изменение строя, перестрой.

Е) Октябрь и последующее строительство социализма показали, что Советы являются наиболее адекватной формой реализации диктатуры пролетариата, это ее закономерная организационная форма, обеспечивающая ее устойчивость, а не просто наиболее устойчивая организационная форма ДП из всех известных истории по сей день. Объясняется это тем, что Советы формируются и опираются в своей работе на объективную реальность – организованность трудящихся в процессе общественного производства. Уход от основополагающего принципа формирования Советов, когда первичной ячейкой государственного строительства являлся производственный округ (коллектив завода, фабрики), осуществлённый с принятием Конституции 1936 г. (в противовес действующей Программе ВКП(б) через ряд лет постепенно привёл к классовому перерождению Советов в парламенты (девяностые годы).

Сегодня значение Советов как организационной формы реализации диктатуры пролетариата имеет особое значение для тех партий, которые находятся в положении правящих или поддерживающих прогрессивные режимы. Встаёт вопрос о форме реализации диктатуры пролетариата в различных вариантах:

- диктатура вождя (модель, похожая на Венесуэлу);
- правящая партия (Молдавия или Кипр);
- диктатура сильной личности (Белоруссия).

Во всех этих случаях встаёт вопрос об опоре на структурированные первоячейки этой власти, если она претендует на звание власти не только для трудящихся, но и самих трудящихся.

В теоретическом плане вопрос о Советах чрезвычайно важен не только для этапа построения социализма после взятия власти, но особенно на этапе борьбы за власть. Советы, как известно, в условиях подъёма революционного движения, явились именно такими органами борьбы за власть. В этом плане приходится бороться за ортодоксальность нашей теории и давать критику таким уродливым теоретическим построениям, какие, к примеру, встречаются в лексиконе КПРФ: «народовластие в форме парламентской республики Советского типа».

Ж) Опыт строительства социализма в СССР и, более того, – опыт его временного поражения доказали, что экономической основой социализма, основой Советской власти как формы диктатуры пролетариата может быть только общественная собственность на средства производства, что позволяет организовать плановое непосредственно общественное производство потребительных стоимостей, нацеленных не просто на удовлетворение материальных и духовных потребностей трудящихся, но на полное благосостояние и свободное всестороннее развитие всех членов общества.

«Курс на рынок», одобренный соглашательским большинством XXVIII съезда КПСС, привёл к завершению разрушения социализма контрреволюционным переворотом 1991–1993 гг.

Заметим, что этот контрреволюционный переворот был научно предсказан в документах ДКИ, МП в КПСС и зафиксирован в Заявлении меньшинства XXVIII съезда КПСС (в этом Заявлении партия и народ предупреждали, что курс на рынок и лечение социализма капитализмом приведут не к росту народного благосостояния, а к тяжёлым бедствиям и катаклизмам, что сама КПСС этого удара не выдержит).

Этот вопрос имеет громадное практическое значение, поскольку сегодня достаточно много партий, в том числе и правящих, и оппози-

ционных, придерживаются теории рыночного социализма. Сторонники этой теории фактически являются продолжателями линии Горбачёва. И в соответствии с этой точкой зрения они оценивают причины поражения социализма в СССР и распада страны.

Зюганов в докладе на XXXIV Съезде СКП-КПСС (24 октября 2009 г.) ещё раз подчеркнул, а в решениях Съезда эта мысль была закреплена, что «объективной причины распада СССР не было». В качестве причин поражения социализма и распада Союза по-прежнему называются:

- перерождение верхушки КПСС;
- предательство партийно-государственного руководства;
- заговор и происки мирового капитала, в первую очередь – США.

Таким образом, нет признания теоретических ошибок КПСС, а есть продолжение курса рыночного социализма с ориентацией на китайский опыт. (Остаётся только в существующей социально-экономической системе завоевать на выборах в ГосДуму большинство мест для КПРФ и осуществлять грамотную политику по опыту КПК).

3) Китайский опыт заслуживает отдельного рассмотрения с точки зрения уроков Октября и построения социализма в СССР, тем более, что со стороны многих товарищей из КПРФ делаются постоянные ссылки на некую методологию нэпа (ни в коем случае нельзя упрощать задачи анализа китайского опыта, понимая, что речь идёт об обеспечении занятости и жизни одной четверти населения земного шара, при этом китайская экономика и положение трудящихся хотя и находятся ещё на досоветском уровне, но, тем не менее, в течение нескольких десятилетий обеспечивают неуклонное поступательное движение по восходящей, и даже в этом, 2009, кризисном году показывает не падение экономики, а семипроцентный рост ВВП).

Речь идёт не о допустимости или недопустимости элементов частного капитала в социалистическую экономику и даже не о размерах этого допущения, речь идёт о понимании направления движения. Ленин и большевики, обосновывая нэп, чётко указывали на то, что это – этап некоторого отступления при сохранении командных высот в руках диктатуры пролетариата. Это смертельно опасное продолжение экономической и идеологической схватки с капитализмом внутри общества, решается вопрос «кто кого». Большевики прямо говорили, что идёт отступление и допуск капитала в сферы сельского хозяйства, обслуживания, потребления, сырьевые отрасли для того, чтобы укреплять социалистический сектор на решающих участках. В это время создавались Госплан, Госнаб, план ГОЭЛРО и так далее. Китайские же

товарищи, допуская частные капиталы в свою экономику, не только заявляют, что они идут вперёд, но и изменили Устав партии, указав предпринимателей своей социальной базой. Понимают ли китайские товарищи опасность проводимой политики для социализма – это вопрос!

Мнение РКРП и ряда наиболее уважаемых зарубежных компартий, стоящих на ортодоксальных марксистских позициях, заключается в том, что КПК имеет все шансы повторить печальный опыт КПСС.

Естественно, опираясь на опыт Октября, нужно отвечать на сегодняшний вопрос – Что делать?

Владимир Ильич настаивал, что в период наступления реакции главной задачей для коммунистов является сохранение ортодоксального, то есть революционного характера партии.

Это должно обеспечиваться непримиримой борьбой с оппортунизмом и ревизионизмом, носителем которых на левом фланге политического спектра выступает поддерживаемое официальными властями руководство КПРФ (оппортунисты умело мимикрируют, вписывают в свои ряды Ленина и Сталина, при этом в проекте «Имя России» Ленина представляет Г.А. Зюганов, у которого исчерпан лимит на революцию, а из Сталина сделали державника, патриота, гениального полководца и выдающего менеджера, но только не марксиста).

Обязательной и первостепенной задачей коммунистов на сегодняшний день является обязанность сверять свой курс с «Манифестом Коммунистической партии» и заниматься организацией пролетариата в класс в самом широком смысле этого слова, начиная с решения вместе с другими рабочими организациями ближайших задач – экономической борьбы. Парламентская составляющая должна быть подчинена этой цели и направлена на организацию борьбы на её выполнение.

Стратегическим лозунгом коммунистов остается завершающий вывод Коммунистического манифеста:

«ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»

М.Б. Конашев

Марксизм и «реальный социализм»

«Реальный социализм» как проблема

Главная, ключевая проблема, которая до сих пор стоит перед современным марксизмом, в том, что развитие, эволюция капитализма привела в XX в. к ряду антикапиталистических революций и возникновению нового общества, провозгласившего себя социализмом, но так и не ставшего действительно социалистическим. Новый мир появился, но не тот новый лучший, воистину человеческий мир, жить в котором было бы мечтой всех трудящихся, всех угнетенных и обездоленных, и не только их. Правда, далеко не все в нем оказалось не таким, как предполагалось. Немало в нем было такого, что было не только приемлемым и удовлетворительным даже при сравнении с социалистическим идеалом и с представлениями о том, каким должен был бы быть социализм, но и действительным социалистическим завоеванием, преимуществом перед капитализмом, тем, чем можно было по праву, без всяких натяжек гордиться. Но всё же многие его черты отталкивали, вызывали чувство стыда, негодования, протеста и у одних стремление к освобождению от него, а у других, правда, лишь у некоторых, к его изменению в лучшую сторону. Получалось, во всяком случае, на первый, внешний взгляд, как обывателя, так и исследователя, что это общество, называвшееся по-разному в разные периоды своей истории, в том числе на последнем этапе своего существования «реальным социализмом», и являлось социалистическим, и не являлось им.

На обыденном языке эта главная проблема «реального социализма» сводится к вопросу: «Как так получилось, что создавали новое, самое человеческое общество, а возникло нечто совсем иное?» Не дав удовлетворительного ответ на этот вопрос, марксисты не смогут выйти из того кризиса марксизма, в котором оказались. Эта неспособность была бы только их личной драмой или трагедией, если бы она не озна-

чала неспособность и невозможность освобождения человеком человека, свершения антикапиталистической, подлинно человеческой, действительно гуманистической революции и предотвращения реальной опасности не только установления нового варварства, но, и, скорее всего, самоуничтожения человечества.

Обнаружившееся несоответствие «реального социализма» идеалу и теории социализма, о степени которого можно и нужно спорить, и давно уже спорят и будут спорить, было неоднократно отмечено и, более того, предсказано как врагами, так и друзьями социализма, прежде всего марксистами, начиная с Г.В. Плеханова¹ и многих других. Перечислялись ими и конкретные черты, элементы этого несоответствия, расхождения между тем, что ожидали, и тем, что получилось. Самые существенные из них, самые важные с точки зрения соотношения «реального социализма» и марксизма таковы.

Средства производства принадлежали непосредственно не самим трудящимся, а государству, именовавшему себя сначала пролетарским, затем социалистическим. Если они и «принадлежали» им, то совсем не так, как до этого они принадлежали капиталистам. Не трудящиеся сами владели и распоряжались средствами производства, продуктами своего труда и произведенной ими прибавочной стоимостью, не они нанимали сами себя на работу. Все это за них делало государство, то есть некая социальная машина, которой управляли специальные люди, управленцы, но не сами трудящиеся. Правда, до сих пор многие, особенно сталинисты, настаивают на том, что «реальный социализм» был именно социализмом, что государство, хоть и управляло вместо трудящихся, от их имени и как бы по их поручению, но в интересах самих трудящихся. Это означает, или, по крайней мере, должно означать, что управленцы, распределяя произведенные трудящимися продукты и прибавочную стоимость в интересах трудящихся, в том числе на развитие средств производства и на обслуживание общих нужд всех трудящихся и всего общества как целого (включая нужды нетрудоспособных или не работающих по тем или иным причинам людей)², не

¹ Плеханов Г.В. Год на Родине // Плеханов Г.В. Полное собрание статей и речей 1917–1918 гг. Т. 1. Paris, 1921. VIII. С. 33, 99; его же. Открытое письмо петроградским рабочим // Единство. 1917. 28 октября. См. также: Петренко Е. Л. Выбор России (Об актуальности некоторых мыслей и суждений Г. В. Плеханова) // Свободная мысль. 2006. № 11–12. С. 87–94, на С. 87, 88, 89, 91–92; Воейков М.И. Уроки «государственного социализма»: пересмотр идейно-теоретической концепции // Альтернативы. 2006. № 4. С. 63–89, 77–78.

² О необходимости таких трат см.: Маркс К. Критика Готской программы // Марк К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 19. С. 9–32, С. 17.

присваивали себе произведенную трудящимися прибавочную стоимость или лишь ее часть, а так же, как и трудящиеся, получали от управляемого ими государства заработную плату.

Тем не менее, даже если это условие в основном соблюдалось, остается, так же как и при капитализме, наемный характер труда. Пусть и пролетарское, социалистическое, но государство, то есть управленцы, управляющая этим государством от имени государства особая социальная группа людей, нанимает и рабочих, и самих себя, и распоряжается как средствами производства, так и прибавочной стоимостью, и самим государством, то есть абсолютно всем или почти всем в обществе. Этот факт и является основанием для утверждений, что в СССР на самом деле был никакой не социализм, а государственный капитализм³. Отличие такого советского или социалистического госкапитализма от государственного капитализма как такового в том, что советские управленцы не присваивали себе, во всяком случае, на законных основаниях и до поры до времени, произведенной нанятыми ими трудящимися прибавочной стоимости. Они лишь, используя свое особое положение, могли не прямым, а косвенным образом, посредством бесплатного или за значительно меньшую цену получения прибавочного продукта в натуральной форме, либо в виде вещей (казенная квартира, дача, машина и т. п.), либо в виде услуг (лечение в больнице и санатории и т. п.), то есть в виде так называемых «привилегий» получать часть прибавочной стоимости сверх официальной заработной платы, имели возможность, так сказать, «отщипывать» себя больше от общенародного «пирога». Этот факт является основанием для заключения, что советское общество по этому признаку или параметру и было, и не было социалистическим, то есть имело двойственную, как бы переходную к социалистической природу. В этом собственно и состоит первое фактическое, эмпирическое и одновременно логическое несоответствие или не полное соответствие «реального социализма» и социализма по теории марксизма. По мере эволюции «реального социализма» это несоответствие не уменьшалось, а, напротив, увеличивалось. Конечно, даже в самом конце этой эволюции, в последние годы «перестройки» управленцы напрямую, непосредственно, в том числе в открытой денежной форме не присваивали себе прибавочную стоимость, но делали это иным путем, уже тогда обеспечив себе, по сути,

³ Эта точка зрения была представлена в работе Т. Клифа, опубликованной в СССР лишь в самом конце «перестройки». См.: Клифф Т. Государственный капитализм в России. М., 1991. С. 286.

процент или государственную ренту с общественного, общенародного капитала.

Политическая власть принадлежала не самим трудящимся, и даже не их части, а так называемому авангарду трудящихся, фактически тем же управленцам или бюрократии, а точнее одному из ее подразделений, одной из ее социальных и политических подгрупп. Демократия трудящихся носила чисто декоративный характер, а те ее действительные элементы, в первую очередь Советы, которые возродились в результате революции 1917 г., постоянно и неуклонно деградировали, сойдя практически на нет как институт и механизм действительной политической власти пролетариата. По этой же политической причине, помимо всех остальных, прежде всего экономических, и государство не отмирало, а разрасталось, быстро превратившись в самодовлеющую силу, но подчиняющуюся и в политике все тем же управленцам, бюрократии. Отсюда второе несоответствие – власть от имени трудящихся над трудящимися вместо власти самих трудящихся над самими собой.

Общественное разделение труда не сокращалось и, если и изменялось, то вовсе не в нужную для образования действительного социализма сторону, не в создание основы, протоструктуры бесклассового общества, а увеличивалось, при этом отчасти консервируясь, а отчасти трансформируясь специфическим образом, следствием чего стало превращение социальной структуры общества в некое подобие кастовой системы*. При этом оно видоизменялось таким образом, что в итоге, на заключительной стадии этой трансформации сформировались все необходимые и достаточные предпосылки образования новой буржуазии.

Наконец, отношение человека к человеку в целом и в различных областях, сегментах общества, изменяясь, становясь все более товарищеским, по настоящему человеческим, оставалось двойственным, и часто больше соответствовало поговорке «своя рубашка ближе к телу». Тенденция, выраженная в известном принципе и лозунге «человек человеку друг, товарищ и брат» не становилась определяющей, доминирующей, и не привела к тому состоянию, при котором этот принцип стал бы невозвратно, необратимо основным принципом воспроизводства общества, неотъемлемым, неизымаемым принципом отношений между людьми. В результате общество потеряло способность и необходимость, потребность к развитию, к превращению в свободную ас-

социацию производителей, в которой «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»⁴.

Не менее, а в каком-то смысле и более важной проблемой чем первая, чем проблема несоответствия «реального социализма» социализму желаемому, идеальному, теоретически обоснованному и предсказанному, оказалась проблема непризнания, отрицания и неприятия этого несоответствия. Прежде всего и в основном теми, кто называя себя марксистами, находились у власти или обслуживали власть в обществе «реального социализма».

Хуже того, они не только не признавали это несоответствие, но и делали все от них зависящее, чтобы о нем никто не мог заявить, указать не него публично как на безусловно важную проблему общества, чтобы его как бы не существовало. Они поставили под запрет не только обсуждение, но и само обозначение, упоминание этого несоответствия, объявив всех, кто попытается это сделать сначала «врагами народа», врагами социализма, а позже антисоветскими элементами, отщепенцами. Тем самым они закрыли не только возможность полноценного и несомненно нужного обсуждения этого несоответствия и поисков путей, способов его разрешения самими трудящимися, всем обществом, которое ими же было определено уже не иначе как новой исторической общностью, единым, потерявшим классовые черты образованием – советским народом. В результате, они закрыли возможность несомненно трудного, быть может, мучительного, реформирования первоначального, тоже реального, сталинского социализма, сложившегося на первых этапах эволюции советского общества, его трансформации, преобразования в более адекватный социалистическом идеалу и теории, более человечный, в новый, после необходимой «перезагрузки», так сказать, второго поколения социализм. Потому в определенном и вполне конкретном смысле они предопределили его последующую стагнацию и гибель. Разумеется, они это сделали не случайно, можно даже сказать, по необходимости. Но эта необходимость заключалась не только и не столько в защите собственно социализма, хотя им, во всяком случае, некоторым из них, могло казаться, что они защищают именно социализм, сколько в защите «реального социализма» и своих собственных частных интересов. И в той степени, в какой они их защищали, они защищали и интересы «реального социализма», но не социализма, каким он мог бы и должен был бы быть.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Т. 4. С. 447.

Третья важнейшая проблема, возникшая из первых двух, созданная ими, была **проблема неперехода** к этому новому, преобразованному, обновленному советскому обществу, перед которым открывалась бы новая перспектива – возможность развития к действительному социализму, социализму действительно «с человеческим лицом». Этот отказ от настоящего шага вперед, по сути, даже не от развития Великой русской революции, а от самой попытки ее продолжения, ее возрождения стал одним из поворотных моментов в эволюции «реального социализма», причем ключевым, определившим вхождение, медленное, но неуклонное сползание «реального социализма» в завершающую стадию этой эволюции, в кризис и крах «реального социализма». Всего у, как говорят в народе, «верхушки», у тех, кто правил в обществе «реального социализма», были, как признают все исследователи, и правые, и левые, три возможности модернизировать «реальный социализм», попробовать добиться действительного движения вперед, дать ему развиваться в собственно социализм. И все эти возможности были не просто упущены, а позорно, похабно задавлены в самом зародыше, «на корню». Первая – сталинский «великий перелом», вторая – хрущевская «оттепель» и третья – горбачевская «перестройка», примерно в середине которой, стрелки исторического развития, были переведены на путь реставрации капитализма.

Эти три главные, кардинальные и сущностные проблемы «реального социализма», или триединая проблема его эволюции, усугублялись, осложнялись целым рядом других, либо прямо или косвенно из них вытекавших, либо так и ли иначе с ними связанных. Одной из наиболее важных стало то, что «реальный социализм» образовался, пришел на смену предшествовавшему обществу, сначала в России, а затем и в ряде других стран, далеко не самых капиталистически развитых. Все эти проблемы в целом явились той критической совокупностью «вызовов», которые действительность, историческое развитие, эволюция человеческого общества поставила перед марксизмом в XXв.

Они могут быть объяснены и решены даже на основе теории классического марксизма, и они **могли быть и должны были быть** объяснены теоретически и решены практически в ходе становления «реального социализма». Подчеркнем специально, что той теории, которая была создана классиками марксизма, того теоретического наследия, которое ими было оставлено, вполне достаточно для объяснения того, что случилось с «реальным социализмом». Но даже если бы этой теории самой по себе было бы недостаточно для объяснения, то есть для ее прямого применения, приложения к случаю «реального социализ-

ма», эта теория являлась как минимум достаточной основой для создания и развития такой теории, которая была бы способна адекватно, близко к истине объяснить происшедшее. Подтверждением данного утверждения является теория «перерождения» советского общества, выдвинутая Л.Д. Троцким⁵. Из этого следует, что те люди в СССР, которые считались теоретиками, в принципе могли и обязаны были, называясь и являясь марксистами, дать такое объяснение. В том числе и в документах партийных съездов. Если не на XX, то хотя бы на XXI или XXII съезде КПСС. Но они это не сделали – или не способны были, или не могли это сделать, или и то, и другое. Прежде всего, потому что это не соответствовало их интересам, так как такой анализ показал бы их **действительное положение и их действительное лицо**, в том числе их ответственность за происшедшее, за то, какой «реальный социализм» и каким образом, с применением каких средств строился. Потому что тогда бы они, скорее всего, потеряли власть, а КПСС, возможно, распалась бы на несколько партий, но зато сохранилось бы советское общество и получило возможность дальнейшего развития, приближающего его к действительному социализму. Распад КПСС всё равно произошел позже, в 1991 г., но уже в другой исторической ситуации, на последней стадии эволюции «реального социализма» и потому в основном уже на другие партии⁶, чем на те, которые, скорее всего, образовались бы, произойди этот распад намного раньше.

Марксизм, таким образом, так сказать, споткнулся в XX в. о «реальный социализм». Серьезные, глубокие, сущностные проблемы, поставленные его возникновением и развитием, его эволюцией требовали своего объяснения и решения. Если бы эти проблемы получили признание, достаточное внимание, объяснение и, наконец, свое сначала теоретическое, а затем и практическое решение, то, весьма вероятно, что советское общество продолжал бы существовать и развиваться, а «реальный социализм» удалось бы преобразовать в социализм, более соответствующий социалистическому идеалу и теории, а, возможно, по крайней мере, в некоторых отношениях и превосходящий самые смелые ожидания и предсказания

Но, повторим, ничего этого сделано не было, и «реальный социализм» оказался своего рода могильщиком марксизма, если и не похоронил его окончательно, то, во всяком случае, поставил под сомнение

⁵ Троцкий Л.Д. Преданная революция. М., 1991. С. 254.

⁶ См.: Штырбул А. К истории поражения сил социалистического выбора в СССР: проблема разобщенности левых (1985–1991 гг.) //Альтернативы. 2008. № 2. С. 182–189.

его жизненность и жизнеспособность. Правда, с одним уточнением. «Реальный социализм» оказался могильщиком своего собственного, порожденного именно им марксизма, того марксизма, который правильнее, точнее и по справедливости необходимо взять в кавычки.

Марксизм и «марксизм»

Господствующей идеологией и теорией в Советском Союзе являлся именно «марксизм». Те, кто жил в советском обществе, кто «родом из СССР», хорошо помнят, каким был этот «марксизм» – в решениях партийных съездов и конференций, в передовицах «Правды» и «Коммуниста», на страницах других партийных и научных периодических изданий, в тысячах книг, в том числе в брошюрах общества «Знание», в различных идеологических и иных комиссиях, на кафедрах, в спецкурсах, в авторефератах кандидатских и докторских диссертаций, и так далее, и так далее. Это был официально одобренный и утвержденный, единственно верный и правильный марксизм с единственно правильным, также официально одобренным и утвержденным названием: марксизм-ленинизм. Для краткости и по традиции или инерции иногда его называли просто марксизмом. Это был «марксизм» одной партии, «марксизм» КПСС, а поскольку с определенного момента в эволюции «реального социализма» все для этого «реального социализма» важное решалось «на самом верху», то формально это был «марксизм» ЦК КПСС, а фактически «марксизм» реально правившей социальной группы, «неформального ЦК».

Поскольку на самом деле КПСС состояла из так называемой «внешней» и «внутренней» партии по терминологии Дж. Оруэлла, а последняя и была на деле и по сути действительной, а не декоративной партией, представлявшей из себя пресловутую партийную номенклатуру⁷, то опять же фактически и по сути это был «марксизм» этой «внутренней» партии, представлявшей из себя партию в партии, а также, из-за слияния партии и государства в одно целое, и государство в государстве, «марксизм» все той же номенклатуры, партгосноменклатуры или «номенклатурный марксизм». Номенклатурные марксисты, теоретики и практики, уже по определению, были единственными настоящими, подлинными марксистами. Посему они же и решали, кто марксист, а кто нет. Правда, у них было и еще одно название, данное

⁷ См. Восленский М. Номенклатура. М., 2005.

им М. Лифшицом – «нотариально заверенные марксисты»⁸. В этом ироничном, саркастическом определении выражена сама суть номенклатурного марксизма. Это – марксизм присвоенный, узурпированный, бюрократизированный, приспособленный и утвержденный номенклатурой, новым «правлящим классом». Поскольку интересы этого «правлящего класса» расходились с интересами трудящихся, то это присвоение и последующая обработка привели к тому, что это стал «марксизм» препарированный, иногда и лоботомированный, вульгаризированный, извращенный, искаженный почти до неузнаваемости, превращенный в свою собственную противоположность, доведенный подчас до логического абсурда, отфильтрованный, неоднократно проверенный и подогнанный под нужды и интересы номенклатуры. Прискорбный список определений «номенклатурного марксизма» нетрудно продолжить, как нетрудно догадаться, что бы сказал о нем К. Маркс.

Разумеется, марксизм, существовавший в СССР, не сводился только к «номенклатурному марксизму», не исчерпывался им. Был и другой, не усеченный и не догматизированный, правда, лишь относительно, насколько это вообще было возможно, марксизм, тот марксизм, в котором как-то сохранялся как в лампе Алладина, пусть и в деформированном, зажатом, скованном виде, живой дух марксизма. На протяжении всего существования «реального социализма», но, конечно же, в разные периоды в разном количестве и качестве, были и те, воспринявшие и культивировавшие, сохранявшие этот живой дух марксизма, кто пытался двигаться теоретически вперед, ставить вопросы, открывать и называть своими именами проблемы, и, более того, решать их. Разумеется, решать в меру своих способностей и возможностей, а главное в меру дозволявшегося им решения⁹. Этот, всегда творческий, всегда революционный, подлинный марксизм, пробивавшийся как луч света в захлавленном, темном подвале или чердаке, как тонкая травинка через железобетонную, твердокаменную твердь, как тоненькая струйка живой воды в иссушенной, изложенной, пыльной и мертвой пустыне официального марксизма-ленинизма, «номенклатурного марксизма», и переживал, даже разлученный, разъединенный искусственно со своим собратом за рубежом, вместе с ним, в диалектическом единстве и энергетическом сопряже-

⁸ Лифшиц М. Предисловие //Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал: Избр. ст. по философии и эстетике /М., 1984. С. 5.

⁹ См. например: Шердаков В.Н. Г.С. Батищев: в поиске истины, пути и жизни //Вопросы философии. 1995. №. 5. С. 95–102.

нии с ним, подлинный кризис. И эта его закованность, его вынужденное подчинение и временами приспособление, почти раболепие перед номенклатурным «марксизмом» было одной из причин его кризиса.

Еще во время существования «реального социализма» и, тем более, в еще большей степени, в результате краха «реального социализма» кризис переживал именно марксизм. «Номенклатурный марксизм» же сначала никакого кризиса не испытывал, благополучно процветал, а затем просто рассыпался, ушел в небытие за ненадобностью вместе со скоропостижной кончиной «реального социализма»¹⁰. Просто потому, что он был обязательной и неотъемлемой частью той партийно-государственной машины, которая являлась станovým хребтом, скелетом «реального социализма». Приватизация, присвоение номенклатурой власти и государственной собственности, раздел последней и превращение ее в частную собственность сопровождался и трансформацией «номенклатурного марксизма» в целый спектр буржуазных, капиталистических теорий и идеологий, основной частью в котором стал правый либерализм.

Марксизма без кавычек еще находится в трудном, но уже послекризисном состоянии, как больной, медленно идущий на поправку после окончания тяжелой и продолжительной болезни. Как теория, как воплощение живого духа классического марксизма и как практическое действие он не только выжил, но и достойно развивается, хотя и не без проблем, не без рецидивов преодоленной болезни. Жива и буква марксизма благодаря ее востребованности постсоветским, в том числе современным российским марксизмом. Ставший действительным преемником, продолжателем классического марксизма и всех постклассических течений марксизма в XX в.¹¹ он был способен дать и дал, разумеется не исчерпывающее и не окончательное, но удовлетворительное, **работающее** объяснение того, почему и как возник «ре-

¹⁰ Одним из свидетельств этого является то, что после развала СССР идеология КПСС превратилась «в несколько тоненьких ручейков неосталинистского или почти фашистского толка, видимо, навсегда потерявших широкий народный интерес» См.: Воейков М. И. Актуализация идейного наследия Троцкого //Идейное наследие Л. Д. Троцкого: история и современность /Под ред. М. И. Воейкова, А. В. Гусева. М., 1996. С. 7–34. С. 8. О распаде КПСС и ее идеологии см. также: Пригарин А. А. Кризис перед возрождением (О коммунистическом движении в России). Электронный ресурс. Режим доступа <http://rkp-kpss.boom.ru/KrizisPyeryedVozrojdyenyem.html>

¹¹ См. например: Бузгалин А. Марксизм: к критическому возрождению (К 190-летию Карла Маркса) //Альтернативы. 2008. № 2. С. 34–53., на С. 45–52. (раздел «3. Постсоветская школа критического марксизма: штрихи к портрету»); Социализм XXI века. Тексты постсоветской школы критического марксизма. М., 2009.

альный социализм», что он из себя представлял, почему, как и чем закончилась его относительно недолгая эволюция.

*Происхождение и эволюция «реального социализма»
(«Реальный социализм» и сталинизм)*

Предложенная Л.Д. Троцким теория перерождения социализма ближе других к истине, но не сама истина. Советский социализм не перерождался, ибо нечему было ещё перерождаться. Он **недовозник, недоразвился** и потому «перерождался» с самого начала, а во многом еще и до своего появления. Вопрос не в том, или, точнее, не столько в том, как соотносился социалистический идеал, теория социализма с его «воплощением», с «реальным социализмом», а в том, какое общество в принципе могло быть создано из предшествовавшего ему российского, на его основе, какое **могло возникнуть** из того кризиса этого общества, который привел к революции, и из самой революции – такой, какой она **могла произойти и произошла**. Вопрос в том, что **могло образоваться** в результате такой революции из породившего ее общества, со всеми теми классами и иными социальными группами, с присущими им особыми интересами, идеалами и иллюзиями, которые это общество составляли, и какое общество **на самом деле образовалось**, какие потенциалы, возможности развития у этого общества могли быть, какие действительно были, и какие из них реализовались в складывавшихся условиях происходящей мировой истории.

Накануне революции основной отличительной чертой или характеристикой социального состава российского общества было преобладание крестьянства, уже в значительной степени претерпевшего экономическое и социальное расслоение, в том числе приводившее к образованию значительной части обедневшего и в основном люмпенизированного крестьянства. Сходный процесс происходил и с рабочим классом, в котором выделялась так называемая «рабочая аристократия» и значительный слой неквалифицированных и полупролетаризированных рабочих. К тому же в целом рабочий класс социально и политически еще был очень молод. Многие рабочие являлись вчерашними крестьянами. На другом полюсе – в значительной степени разоряющиеся, то есть тоже люмпенизирующиеся помещики и мелкие буржуа. При этом капитал и богатства в целом сосредоточены в руках очень небольшой части крупных помещиков и крупных буржуа. Плюс мелкая и крупная бюрократия, повязанная круговой порукой с буржуа и помещиками. Интеллигенция разношерстная и частью тоже люмпе-

низированная. Таким образом, большая часть российского общества – это допролетариат и во всех отдельных группах этого допролетариата есть значительные по числу подгруппы люмпенов. Какой социализм мог получиться при таком преобладании допролетариата? Только преимущественно допролетарский, частично мелкобуржуазный и люмпенский. В том числе в культурном отношении.

Уровень развития производительных сил был не высок и после свершения революции, на начальном этапе становления нового общества не мог обеспечить достаток всему населению. Там, где достаток скуден, где в силу слабых производительных сил сохраняется пусть внешне и новое, но, по сути, все то же старое, к тому же ещё и архаичное разделение труда, там неизбежно образование того или иного нового правящего класса, появление новых «драконов». В итоге и возник деформированный, ранний или, точнее, **преждевременный и допролетарский**, потому и казарменный социализм.

Преимущественно неблагоприятная внешняя среда, поражение революции в Германии, отсутствие перспективы мировой революции и угроза вторжения со стороны капиталистических стран усугубляют, осложняют внутреннее сложное состояние возникшего советского общества, сужают возможности его развития, в особенности полноценного развития его социалистических тенденций, на что не раз указывалось¹².

Этот уровень и состояние первоначального «реального социализма» определяют и две основные возможные линии, альтернативные тенденции его эволюции: становление основ действительного социализма, пусть и «урезанных», «лимитированных» неблагоприятными внутренними и внешними условиями и обстоятельствами и формирование номенклатурного, государственного, бюрократического социализма¹³. В конце 1920-х гг. одна из этих альтернатив одержала верх, но ее победа, хотя и была сокрушительной, никогда не была окончательной. Другая, противоположная ей альтернатива постоянно возрождалась, воссоздавалась, хотя и в недостаточном качестве и количестве самим развитием «реального социализма».

Оценивая шансы этих альтернатив и борьбу воплощавших их сил, наряду с прочим, обычно много пишут о многоукладности советской

¹² См. например: Октябрь 1917: Вызовы для XXI века /Под общ. ред. А. А. Сорокина. М., 2009. С. 13–37. С. 19, 51, 53, 64–65, 94, 95, 99, 116, 158, 160–161, 168, 181–182; Бушуев В. Октябрь. 90 лет спустя //Альтернативы. 2008. № 2. С. 100–118, 106–107.

¹³ См. например: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Сталин и распад СССР. М.: URSS, 2005. С. 87.

экономики 1920-х гг. и о том, что главной задачей тогда было достижение социалистическим укладом и, шире, социалистическим способом производства основного, доминирующего места в экономике. И это верно. Но это – не вся проблема. Что есть такое этот социалистический способ производства? Чем он отличается от капиталистического, хотя бы в узком, политэкономическом смысле? Обычный ответ: тем, что средства производства принадлежат трудящимся. Но если ограничиваться только этим, то, во-первых, очень трудно, а практически и невозможно, провести разграничение между собственно социализмом и государственным капитализмом, что и показали явно все дискуссии на эту тему¹⁴. Во-вторых, что более важно и существенно даже с точки зрения политэкономии самого К. Маркса, в этом случае способ производства сводится лишь к одной из его сторон, к одной из составляющих – к основе или стартовой точке производства, если брать его в его целостности: трудящиеся сами владеют средствами производства. Но ведь и мелкий ремесленник и даже мелкий буржуа тоже владеют принадлежащими им средствами производства. От этого ни производство ремесленника, ни производство, осуществляемое мелким буржуа, не становится еще социалистическим, то есть, на самом деле, коммунистическим. Ведь социализм – это лишь первая, самая начальная фаза длительного процесса становления, формирования коммунизма, коммунистического общества и, в первую очередь, нового, коммунистического или человеческого, человеческого способа производства.

Чем же этот новый способ отличается от капиталистического? Хотя бы с точки зрения формального различия и формальной логики? Общее место, что целью капиталистического способа производства является получение прибыли, присвоение прибавочной стоимости. А целью коммунистического? На самом деле тоже общее место, заезженное, замусоленное от тысячекратных повторений, в том числе в виде лозунга: удовлетворение всех материальных и духовных потребностей человека. А не одно ли это и тоже? Ведь и при капитализме и пролетарии, и капиталисты удовлетворяют свои потребности. Конечно, удовлетворяют, вот только разными способами: пролетарии путем продажи своей рабочей силы, а капиталисты путем присвоения прибавочной стоимости, полученной в результате эксплуатации пролетариев. Но чем является капиталистическое производство в целом? Да

¹⁴ См. обзор некоторых точек зрения: Соболев Э.Н. Социализм вчера, сегодня и завтра. Обзор научной конференции //Альтернативы. 2007. № 1. С. 69–87; Бузгалин А.В. Великая Октябрьская социалистическая революция: Взгляд через 90 лет //Альтернативы. 2007. № 3. С. 20–44, 30–31.

все тем же воспроизводством человеком самого себя. В этом смысле или в этом отношении оно ничем не отличается и не может отличаться от такого же воспроизводства человеком самого себя в докапиталистические эпохи и в период существования «реального социализма», то есть на протяжении всего существования человечества. Разница между этими стадиями или фазами в способе воспроизводства человеком самого себя.

На докапиталистической стадии человек воспроизводил себя через посредство производства товаров. При капитализме – через посредство производства капитала. Наконец, при коммунизме уже непосредственно через производство самого себя, а точнее через производство своих **саморазвивающихся способностей**.

При социализме, поскольку социализм есть еще лишь начальная, ранняя стадия коммунизма, человек в основном еще воспроизводит себя, то есть удовлетворяет свои материальные и духовные потребности через производство товаров, как и при капитализме. Но, в отличие от капитализма, общая или конечная, главная цель производства уже не получение прибавочной стоимости, а именно удовлетворение этих потребностей. Проблема в том, что в числе этих потребностей, главная из них – потребность труда, то есть на самом деле, потребность созидания, творческой деятельности, действительно **главная человеческая потребность** в силу ряда причин, обусловленных как раз тем, что социализм еще ранний, буквально новорожденный, остается еще крайне не развитой, незначительной, не главной, не доминирующей, еще периферийной и вторичной после других, так сказать, традиционных основных потребностей, включая у многих еще почти биологические потребности, неокультуренные, нечеловеченные «основные инстинкты».

Но **новый способ производства**, целью которого является уже не получение прибыли, а удовлетворение потребностей человека, в том числе в творчестве, даже при этом раннем, неразвитом, новорожденном социализме (коммунизме) уже возник и уже начал было развиваться¹⁵, но был задушен в «объятиях сталинизма», задавлен, деформи-

¹⁵ Это выразилось в частности в том, что «несмотря на все противоречия, социалистическое общество начало вырваться из оков товарного производства, меновая стоимость перестала быть целью общественного производства, опредмечивание перестало превалировать над распределением и открылась принципиальная возможность того, чтобы производство представляло собой «развитие богатства человеческой природы как самоцель», открылась принципиальная возможность снятия отчуждения. См.: Лимнатис Н. «Реальный социализм»: не чрезмерна ли критика? //Альтернативы. 1996. № 1. С. 23–40, 35.

рован и в конце концов трансформирован в период подготовки реставрации капитализма в свою превратную форму «творчества за деньги». Правда, этот новый способ существовал с несколькими поправками, присущими не только сталинизму, а раннему, особенно преждевременному социализму в целом. Деятельность **производителя** ещё носит в основном нетворческий, так сказать механистический характер, а человек еще остается **живым механизмом**, производителем главным образом товаров, а не творцом. Социализм же начинается там и тогда, где и когда, человек из **живой машины** превращается в **созидателя**, творца, и из средства в цель.

Поэтому основное **противоречие** «реального социализма» таково: всем обеспечивается достаток, но не всем развитие их творческих способностей. Отсюда – неудовлетворение и все прочее. Отсюда и главная опасность – восстановления капитализма, обусловленная тем, что поскольку у большинства главной потребностью является еще удовлетворение первичных, простейших материальных потребностей человека, это большинство объективно желает еще лишь обеспеченного и неуклонно возрастающего удовлетворения этих потребностей, желает жить как господ, то есть как **буржуа** и потому готово променять условно, относительно голодное общество равных, общество построенное на принципах свободы, равенства и братства на общество большего, но частного, индивидуального благосостояния, того благосостояния, которое достигается за счет косвенной или прямой эксплуатации других, и за счет конкуренции между людьми на рынке труда и капитала, на капитализм.

К тому же «реальный социализм» не давал и не мог дать той действительно полной свободы, того равенства и, тем более, того действительно братства, которое должен был дать и мог бы дать настоящий, действительный социализм, если бы были такие условия, которые бы позволили ему возникнуть, без искажений, без деформаций. «Реальный социализм» объективно проигрывал капитализму по благосостоянию. Но этот проигрыш мог бы быть компенсирован и должен был бы быть компенсирован выигрышем в свободе и демократии трудящихся, во владении ими самими своей общей собственностью, в возможности развития ими творческих способностей, если бы «реальный социализм» не лишил сам себя этих преимуществ. Имея такие преимущества, имея действительно свободу и действительно демократию трудящихся намного превосходящие буржуазные, капиталистические свободу и демократию, действительно владея общей собственностью на средства производства, или хотя бы действительно уча-

ствуя в таком владении, трудящиеся никогда и никому не отдали бы эти преимущества. Они и на пушечный выстрел не подпустили бы к власти тех, кто захотел бы отнять у них все это, кто попытался бы реставрировать капитализм. Более того, если бы все это было, «перестройка» не понадобилась бы, а совершать реставрацию капитализма было бы просто некому.

Но «реальный социализм» ничего этого трудящимся не дал, потому и потерпел поражение. Вместе с ним потерпело поражение то, что было, содержалось от социализма в «реальном социализме». «Реальный социализм» дал и много номенклатуре, которая захотела получить еще больше и в определенный момент решила на то, чтобы попытаться получить больше. Поэтому и сформировалось то состояние, то положение советского общества, когда, если перефразировать известное определение, низы не хотели жить по старому, а вот верхи не только не могли управлять, но еще больше чем низы не хотели жить по старому. Трудящиеся хотели просто лучше жить и думали, что их ведут в лучший социализм. Но когда обнаружилась подмена, большинству было по большому счету все равно, кто даст им большую зарплату: социалистическое государство или хозяин-капиталист. Они не предполагали, что могут потерять даже то, что имеют. Кроме зарплаты, их фактически ничего уже не интересовало, а на капиталистическом Западе зарплата была выше. Почему же не попробовать, как на Западе? Они оказались дезориентированы, деморализованы и обезоружены. Вина есть и на них. Но несравнимо меньшая, чем на их руководителей, на тех, кто их вел вперед и кто должен был беречь как зеницу ока советское общество, социалистические завоевания. Но эти «стражи социализма», эти его «джидаи» являлись джидаями, как и марксистами, именно в кавычках и были озабочены совсем другим. Главная вина на них и на сталинизм¹⁶.

Поздний «реальный социализм» как смягченный сталинизм

Сталинизм как особый тип социализма, как одна из разновидностей левого тоталитаризма и как особое состояние советского общества вовсе не умер, не ушел в небытие вместе со смертью Сталина. Ста-

¹⁶ Этой точки зрения придерживается целый ряд исследователей. Например, по мнению историка В. Данилова «...Происшедшее на наших глазах падение советского строя – непосредственное следствие сталинизма» См.: 50 лет без Сталина: Наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX в. Материалы круглого стола 4 марта 2003 г. М., 2005. С. 154.

линизм закончился лишь как стадия становления этого общества, его эволюции. Суть и смысл этой стадии заключалась в становлении, формировании социализма как «казарменного коммунизма», люмпенски-мелкобуржуазного, тоталитарного социализма¹⁷, и в образовании номенклатуры как его ядра. В силу чрезвычайных, экстремальных условий образования такого социализма, когда действительно решался вопрос «кто кого», но не между пролетариатом и буржуазией, а между частями «пролетарского авангарда» и поддерживавшими эти части социальными силами, включая пролетариат, этот тоталитарный социализм приобрел форму личной диктатуры, невозможной без постоянных репрессий. Именно их постоянство, перманентность и неотвратимость являлись первейшим условием, одним из основных механизмов существования, сохранения этой диктатуры. Номенклатуре в целом, как отдельному, особому социальному образованию, слою или «классу» они были не нужны, излишни, во всяком случае, в таком масштабе. Для сохранения власти номенклатуры, а не единоличного диктатора достаточна угроза применения репрессий и память об их масштабе и неотвратимости, подкрепляемая, освежаемая немногочисленными, но всякий раз неотвратимыми единичными, а не массовыми репрессиями. Поэтому в послесталинский период центр работы «с населением» репрессивных органов, репрессивного аппарата сместился на мониторинг, отслеживание потенциальных оппозиционеров, фрондеров и проведения «показательных» наказаний (КГБ не дремлет, все видит, все знает). Но в первую очередь сама номенклатура объективно была заинтересована в отказе от массовых репрессий, поскольку они частично направлялись диктатором, ее вождем и Хозяином и против нее самой в качестве меры устрашения и обеспечения эффективности, исполнительности ее работы. Нового диктатора номенклатура как социальное образование, как социальный слой, группа не хотела как раз по этой причине. Хотя отдельные ее представители, наверное, и не прочь были занять место Сталина. Поэтому в первую очередь номенклатура и пошла, скорее осознанно, чем неосоз-

¹⁷ При одинаковом терминологическом определении всего «реального социализма», а не только сталинизма, как тоталитарного социализма имеется большая разница в понимании того, что же собственно собой представлял тоталитарный социализм. Ср. например: Иванов Ю.М. Очерки теории и практики тоталитарного социализма. М., 1997.; Шубин А. В. СССР и режимы «народных демократий» (Глава 12.) //Тоталитаризм. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / Руководители авторского коллектива Я.С. Дабкин, Н.П. Комолова. М., 1996. С. 381–401; Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. "Демократическое ин-термеццо" с коммунистическим финалом. 1944–1948. М., 2002.

нанно, на частичное реформирование сталинизма, на трансформацию его в более «мягкую», более устраивавшую ее форму, на преобразование сталинизма в своего рода «демократический социализм», а точнее, в корпоративно демократический социализм. Власть оказалась распределенной между всей номенклатурой, хотя и в разной степени, в первую очередь, разумеется, естественно, между членами ее «высшего совета», верхушки номенклатуры как корпорации. В этом первейший, главный смысл хрущевской «оттепели»¹⁸.

Понятно, что суть образовавшегося сталинского социализма не изменилась. Произошла лишь передача власти от диктатора к клике, ее трансформация из личной в корпоративную диктатуру. Доказанным фактом является то, что после примерно десятилетия хрущевской оттепели наступили новые «заморозки», медленное, даже осторожное, хотя и не до конца, восстановление сталинизма. Конечно, он не был и не мог быть восстановлен полностью, в своей первоначальной, исторической форме. Такое восстановление было не нужно, излишне самой номенклатуре. Более того, требовалось как-то оправдать существующее положение, сформировавшуюся систему. Старые оправдания уже не годились, хотя отчасти ту же функцию выполняла «холодная война». Но этого было недостаточно. Требовалось как-то, хотя бы внешне привести имеющийся социализм в соответствие с требованиями, положениями марксизма о социализме. По этой причине приходилось создавать видимость развития, движения вперед. А поскольку это не очень удавалось и едва ли было возможно сколько-нибудь убедительно сделать, официальный марксизм-ленинизм, послесталинский, номенклатурный «марксизм» изобретал то, чего не было на самом деле, заменял терминами несуществующую реальность, идя тем самым по проторенной сталинизмом дорожке. Если сталинизм объявил построенное и управлявшееся им общество социализмом, то постсталинизм доставшееся ему и частично трансформированное советское общество назвал «развитым социализмом», а затем и более безопасно, и более прагматично, чтобы легче было отвечать его критикам, «реальным социализмом». Но по сути это был все тот же, только поздний, неизбежно и неуклонно дряхлеющий сталинизм, адекватной формой которого был брежневизм.

¹⁸ Разумеется, содержание и даже основной смысл трансформации сталинского социализма в послесталинский, постсталинский, хрущевский социализм не сводится только к этому. Тем не менее, главное – превращение бюрократии «в господствующее сословие». См. например: Бугалин А.В., Колганов А.И. Сталин и распад СССР. М.: URSS, 2003. С. 101.

Номенклатура этого послесталинского «реального социализма» еще не хотела роскоши, но уже хотела спокойного, безбедного существования. Она уже собиралась жить по-другому и править по-другому. Но она ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах и ни под каким предлогом не собиралась отказываться от своего правящего положения, от своей власти. Поэтому весь, созданный и выпестованный сталинизмом и лично Сталиным, аппарат насилия и принуждения, был направлен, прежде всего, на предотвращение, на ликвидацию в самом зародыше любых, даже еще лишь потенциальных угроз этому положению, возможностей создания даже намеков, прообразов каких бы то ни было оппозиций, в особенности действительно социалистических и действительно марксистских¹⁹. Не случайно именно такие оппозиции, в особенности, приближавшиеся по своему характеру к троцкистской «левой оппозиции» 1920–1930-х гг., подвергались более суровому преследованию и наказанию, чем собственно, действительно антисоциалистические. И это тоже не случайно, ибо Троцкий успел сорвать лицемерную маску «социализма» с подлинного лица сталинизма. Поэтому-то Троцкий и оказывался дольше всех других под запретом, в том числе цензурном, в спецхране²⁰.

¹⁹ Тот факт, что именно такой оппозиции больше всего боялась номенклатура, отмечен рядом авторов. Например: «О, таких марксистов (ленинистов) руководящие партийные господа боялись больше, чем прямых и открытых «антимарксистов». См.: Водолазов Г. Реквием //Альтернативы. 2005. № 1. С. 159. Указана и причина: «Диссидентствующие же марксисты выбивали псевдомарксистскую номенклатуру с этой позиции и пускали ее по миру не прикрытой краденой у марксизма одеждой, а такой, как она есть на деле: клыкостой и меднолобой». См.: Там же, С. 159. Тот же страх был и у номенклатуры в Восточной Европе: «Однако для представителей власти самоуправленческая ревизия государственного социализма, старая программ рабочих советов, предусматривавшая самоорганизацию общества, казались большей опасностью, чем присутствовавшее в обществе требование буржуазно-демократических свобод и основанное на иллюзиях стремление к «ценностям» общества потребления» См.: Краус Т. 1968 – многообразие исторического наследия. Восточноевропейский «случай» //Альтернативы. 2008. № 4. С. 156.

²⁰ См.: Семененко В. И. В трудных поисках истины: по страницам советской и зарубежной литературы о Л. Д. Троцком и «троцкизме». Х., 1991. С. 14–16, 19. Воейков М. П. М. Абовин-Егидес: проблема свободного научного творчества //Альтернативы. 2005. № 4. С. 167. Но не только он. Фактически под цензурным запретом были и некоторые нежелательные для «марксистов» работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина или отдельные их части. Например, «в 60–70-х гг. при подготовке Полного собрания сочинений В. И. Ленина, его составители (видимо, не без воздействия «сусловых») стали на путь изъятия из работ Владимира Ильича тех частей текста, в которых шла речь о надежде на быструю победу революций в других странах». См.: Семененко В. И. В трудных поисках истины: по страницам советской и зарубежной литературы о Л. Д. Троцком и «троцкизме». Х., 1991. С. 92, 98, 153, 155. Та же участь постига-

Исходя из этих же соображений, интереса сохранения своего господствующего положения номенклатура оберегала и чистоту «марксизма», не допуская, блокируя появление любых свежих мыслей, включая сомнения, любых опасных для неё постановок вопроса. Поэтому первое, что сделал сталинизм – фактически устранил, ликвидировал, так сказать, поместил в спецхран подлинный, в том числе и классический марксизм, его теорию, и в первую очередь сам дух марксизма, сохранив его букву, но и ту лишь в усеченной, в препарированной форме. Поэтому же постсталинизм или поздний «реальный социализм» продолжал удерживать все еще трепыхавшийся, пытавшийся возродиться марксизм в прокрустовом ложе официального марксизма-ленинизма. По этой же причине собственно марксизм находился под пятой номенклатурного «марксизма», и, пытаясь как-то выжить, в основном приспособлялся, маскировался, мимикрировал, испытывая от этих приспособлений отрицательные, в том числе самые тяжелые последствия, но иногда и восставал, в том числе буквально, образуя немногочисленные, не очень успешные теоретически, и тем более практически, недолговечные, почти сразу подвергавшиеся ликвидации марксистские группы.

Можно было бы только удивляться, что этот настоящий, подлинный, гонимый и униженный, подвергавшийся постоянному сыску, отлаиванию и изничтожению марксизм не только выжил, но и, еще находясь под полным контролем, под пятой «марксизма», давал последнему настоящий бой, а затем, при первой возможности, во времена «перестройки» дал и полноценное сражение. Причем как в теории, так и на практике, одним из подтверждений чего является образование марксистской платформы в КПСС²¹.

Но более чем полувековое господство номенклатурного «марксизма», примерно с 1929 по 1989 гг. сделало свое черное дело, привело к почти полной ликвидации настоящего, революционного марксизма. Хотя его и не удалось уничтожить окончательно, взять в интеллектуальное «рабство», полностью поставить на службу интересам номенклатуры, он был еще слишком слаб, и его связи с классическим

ла и некоторые работы о В.И. Ленине, в частности верстку книги Б. В. Яковлева «Ленин. Страницы автобиографии. М., 1967». См.: Логинов В. Т. «Синяя тетрадь» // Октябрь 1917: Вызовы для XXI века / Под общ. ред. А. А. Сорокина. М., 2009. С. 190.

²¹ Образование этой платформы упоминается, но никак не анализируется в статье: Штырбул А. К истории поражения сил социалистического выбора в СССР: проблема разобщенности левых (1985–1991 гг.) // Альтернативы. 2008. № 2. С. 187.

марксизмом были еще недостаточно восстановлены, особенно на практике. Те немногие марксисты, которые оказались на высоте положения, не успели превратить правильные, действительно марксистские и действительно актуальные теоретические положения в те идеи, которые бы уже овладели массами и потому стали материальной силой. Массы, то есть трудящиеся, советские граждане, разочаровавшись в «реальном социализме» и решив, что капиталистический хрен может быть будет все-таки слаще редьки «реального социализма», оказались, в основном сами того не осознавая, на стороне реставраторов капитализма. Они не были готовы ни морально, ни, тем более, теоретически и практически, к защите действительно социалистических достижений, настоящих элементов социализма, к действительно классовому, если пользоваться терминологией классического марксизма, к подлинно революционному действию. От всего этого их отучил сталинизм и наследники сталинизма. По сути именно революционная мысль и революционное действие в первую очередь всегда и беспощадно, жесточайшим образом преследовались как сталинской, так и послесталинской номенклатурой, «правлящим классом» советского «реального социализма».

Марксизм и сталинизм

Сталинизм и «марксизм» в целом имеют следующие три основные, ключевые, принципиальные отличия от марксизма.

Первое отличие заключается в соотношении буквы и духа марксизма. Главная проблема, которая «довела» марксизм до кризиса и привела к кончине тот «марксизм», который долгое время казалось, господствовал, – это противоречие между буквой марксизма и духом марксизма. Оно имеет принципиальное и архиважное, как, наверное, написал бы В. И. Ленин, значение, так как, по сути, является главным, ключевым, сущностным отличием марксизма от сталинизма. Если классическому марксизму было присуще единство буквы и духа, метода исследования и его результата, теории, то в сталинизме это единство нарушено. Если марксизм это единство буквы и духа, причем такое, где дух является живой и уже потому ведущей стороной, то сталинизм – это только буква, одна лишь буква, причем не просто довлеющая над духом, не только подчинившая, а буквально подавившая его. Вместо любимого выражения К. Маркса «все подвергай сомнению», являющемуся сердцевиной классического марксизма, его исходной точкой, его альфой и омегой, его исходным принципом, приходит принцип,

или, точнее, догмат, «ничто не подвергай сомнению без разрешения и одобрения сверху». Если для марксизма теория, то есть результат предыдущего, предшествовавшего исследования есть лишь начальная точка и инструмент для нового исследования изменяющейся, развивающейся реальности, а не истина в последней инстанции, то для сталинизма, теория есть такая истина. Теория как бы неизменна и во всем и всегда права. Разумеется, имеется в виду, подразумевается теория самого сталинизма. Другими словами, теория в марксизме есть относительный, так сказать, временный, преходящий момент, один из промежуточных результатов вечного, постоянного постижения, познания действительности и, тем самым, лишь приближение к истине, лишь относительная истина. Теория в «марксизме» есть абсолютная истина, освященная к тому же безусловным, непререкаемым авторитетом ее создателя или создателей. Это как раз истина в последней инстанции.

Второе отличие состоит в следующем. Критерием истинности, правильности теории и действий, деятельности субъекта, людей, руководящихся теорией, в марксизме является практика. Поэтому она есть единственный и безусловный, конечный авторитет, последняя инстанция. Не вождь, не авангард партии или класса и даже не сам класс, будь он самым революционным пролетариатом из всех пролетариатов. Из этого следует, что ни у кого, ни у вождя, ни у авангарда, ни у одной партии и даже ни у одного класса, в том числе и самого революционного из всех революционных классов, пролетариата нет монополии на истину. Все могут ошибаться, заблуждаться, в том числе совершать действия вопреки своим собственным объективным интересам. Из этого, в свою очередь, следует, что любой человек, даже из противоположного по положению в обществе и по объективным интересам класса имеет возможность и, так сказать, право на сомнение и исследование, а также на то, что результат его исследования может быть в принципе ближе к истине, к объяснению, к отражению действительного положения дел. На словах сталинизм провозглашает тоже, но на практике, то есть в создании и применении теории, он исходит совсем из другого принципа, из частного интереса, то есть из утрированного и абсолютизированного классового подхода. А фактически из псевдоклассового подхода. Верно то, что соответствует интересам построения социализма, интересам пролетариата. Уже такой подход плох, ошибочен и не является марксистским. Но и это еще не все. Поскольку адекватно, правильно интересы пролетариата выражает лишь партия, то верно лишь то, что изрекает партия, а по сути лишь ее вер-

кушка, ее «внутренняя партия», и, наконец, ее персонификация, ее вождь, сам «учитель всех времен и народов».

Известно высказывание В. И. Ленина, что марксизм всемогущ, потому что он верен. Но верен он не потому, что является теорией пролетариата, а потому, что верно отражает действительность, законы социальной эволюции, в первую очередь развития, эволюции капитализма и положения, места и роли того же пролетариата в этой эволюции. Марксизм на стороне пролетариата, за классовый подход не потому, что пролетариат обладает как класс какой-то особой непогрешимостью, а потому, что пролетариат объективно заинтересован в освобождении самого себя и всего общества и тем самым, поэтому объективно заинтересован в познании объективной истины, в истинной теории, в том числе в теории своего собственного положения и предназначения. Но, во-первых, и пролетариат, и вожди пролетариата могут субъективно ошибаться. А, во-вторых, само положение пролетариата, его части, в том числе его авангарда может объективно меняться и меняется. И могут возникнуть ситуации, когда либо пролетариат в целом, либо его часть, включая его авангард или часть авангарда может объективно оказаться не на стороне пролетариата, не на высоте положения. Примеров именно таких ситуаций более чем достаточно. Это обуржуазивание части немецкого пролетариата в начале XX в. и голосование его партии за военные кредиты. Это «молчание» почти всего пролетариата в ходе начала капиталистической реставрации в 1991 г. Наконец, это проведение сталинских чисток, уничтоживших ленинскую гвардию, в 1930-х гг. сталинским авангардом. Всех репрессированных из ленинских гвардий и оппозиций пришлось реабилитировать самому позднему сталинизму, то есть «реальному социализму». Следовательно, и классовый подход относителен и сам подлежит проверке – все той же практикой. Классовый подход таким образом есть самопроверка пролетариата, то есть проверка революционности пролетариатом не только своих союзников, не говоря уже о проверке им реакционности его противников, но и самого себя, и себя в первую очередь. В том числе и поэтому марксизм есть **единство**, причем **диалектическое единство** теории и практики.

Третье отличие таково. Революционность пролетариата в марксизме определяется, повторим, местом и ролью пролетариата в капитализме, в капиталистическом обществе и в капиталистическом способе производства, тем, что только пролетариат в силу своего особого положения в капиталистической эволюции может и должен освободить не только самого себя, но и все остальные классы, каждого чело-

века. Следовательно, в марксизме целью революции является не просто свержение, ликвидация капитализма, ведь может быть и свержение с отрицательными последствиями, неудачная, негативная ликвидация, а освобождение человека и человечества, переход их из предыстории в историю. Характер цели предопределяет характер средств. Даже насильственная пролетарская революция является гуманистической революцией, где насилие имеет вынужденный характер, есть крайняя, неизбежная мера.

В сталинизме все наоборот. Цель оправдывает средства. «Лес рубят – щепки летят». Ради благой цели, построения социализма, приходится идти и на жертвы, и на преступления. Лучше убить десять невиновных, но посредством этого наказать и виновного, чем не подвергать репрессиям десять невиновных, но упустить, не подвергнуть репрессиям и настоящего виновного, действительного врага социализма. Оправдание – один враг может принести вреда больше, чем принести пользы не десять, а сотни и тысячи действительных строителей социализма, его друзей. Но средства неотделимы от цели, воздействуют на цель, на результат своего применения. Жертвы и преступления были совершены ради создания, выживания и торжества социализма. Но в результате применения несправедливых средств и результат оказался несправедливым, не тем, к которому стремились – не социализм трудящихся, а социализм номенклатуры и для номенклатуры. Хуже того, этот социализм номенклатуры, этот псевдореальный социализм в силу своей, созданной несправедливыми, неадекватными средствами природы, преобразовался в дикий капитализм все той же номенклатуры.

В сталинизме, таким образом, фактически пролетариат также становится лишь средством создания номенклатурного социализма, «реального социализма». Пролетариат лишь участвует в строительстве «реального социализма», лишь исполняет приказы и воплощает «теорию», «марксизм» номенклатуры, но не творит самостоятельно создание нового общества. Он исключен из социального и управленческого, из теоретического творчества, из марксизма и как теории, и как практики.

В марксизме, напротив, пролетариат и все трудящиеся есть главные субъекты исторического действия, социального, политического, управленческого и всех без исключения человеческих, освобождающих, развивающих человеческие способности, человека видов деятельности. Пролетариат и все трудящиеся, все желающие поэтому есть непосредственные субъекты самого марксизма, марксизма и как прак-

тики, и как теории. Они есть творцы своего настоящего и будущего, создатели своей судьбы и действительно нового, человеческого мира.

Некоторые особенности постсоветского или номенклатурного капитализма и перспективы социалистического Возрождения

Ответственность сталинизма состоит не только в том, что сталинизм в марксизме выпятил букву и сделал ее, так сказать, некоей непререкаемой догмой, а дух марксизма закопал как можно глубже, что именно сталинизм в конечном итоге руками и деяниями своих последователей, защитников номенклатурного «реального социализма» и истинных наследников Сталина погубил Советский Союз. Метастазы сталинизма распространились вместе с преобразовавшейся, полинявшей номенклатурой, ставшей классом капиталистов и в постсоветскую Россию, в реставрированный, номенклатурный капитализм. Одно из последствий сталинизма уже в постсоветскую эпоху состоит в том, что не только идеологические противники марксизма, какими бы они ни были, но, что очень печально, некоторые наследники «реального социализма» считают, что только сталинизм или его сталинская версия – это и есть социализм, его единственно правильная реализация. Соответственно, если кто-то критикует, или, не дай бог, отрицает эту сталинскую модель или версию, значит, тот не социалист, тот – новый враг народа и его место в новом ГУЛАГе. Тем самым они продолжают блокирование подлинного осмысления и теоретического анализа действительно бесценного, сложного, неоднозначного опыта «реального социализма», опыта становления, разложения и гибели через трансформацию в капитализм казенно-казарменного, преимущественно люмпенски-мелкобуржуазного по происхождению социализма с «русским лицом» и истинно российской спецификой. В этом действия современных неосталинистов несмотря на их громкие, «истинно пролетарские» и «по настоящему революционные» заявления смыкаются и совпадают по их объективному смыслу и значению с усилиями правящей капиталистической номенклатуры²².

²² Таким образом, сталинизм приходит к своему логическому и историческому концу: «Современный сталинизм вовсе не носит революционного характера. Он исходит от людей, которые уже прошли первичную адаптацию к нынешнему строю, свыклись с ним, и на деле боятся радикальных перемен. ... Они фактически открыто провозглашают государственный капитализм своим идеалом и стремятся отодвинуть в сторону марксизм, ранее бывший официально признаваемой идейно-

Не случайно совпадение того, что происходит сейчас и что происходило в 1930-е гг. родство современного российского режима со сталинским режимом. Несмотря на все внешние различия. Это не только символы, мифы, аксессуары. Это сама суровая, а может быть скоро и жестокая реальность. Это то, что можно с полным основанием определить как сталинизм во фраке. Внешний лоск, цивилизованность, даже демократичность, но при необходимости применение любых, в том числе репрессивных мер, согласно целесообразности. Устранение тех, кто в оппозиции не угоден, либо тех, кто в своей собственной «команде» не угоден.

К сожалению, объективной, научной, действительно марксистской, действительно революционной и потому действительно гуманистической оценке сталинизма до сих пор мешает, так сказать, узкопартийный, чисто сталинистский же подход к этому явлению. Социально-психологическая причина сохранения такого подхода, такого отношения объяснима и понятна. Многие «родом из СССР», вышли из советского общества. Соответственно отношение к этому обществу и оценки этого общества – как отношение к родного дому, к семье, как оценки семьи и дома. Психология же человека и социальных групп, включая психологию наций такова, что если что-то в родном доме, будь то просто дом, город или целая страна пошло не так, то человек всеми силами старается этот дом защитить, и часто отрицает, его защищая, что что-то действительно было не так. В результате получается такая же логика, как у идеологических противников социализма. Он, конечно, сукин сын, но ведь это же наш сукин сын. Проблема в том, что от того, что он наш, он не перестает быть сукиным сыном. Но еще большая проблема, что, защищая нашего сукина сына, тоже превращаются невольны в сукиных сынов и дело превращают в соответствующее дело.

Социализм никогда не станет социализмом, и его не удастся возродить как социализм, а не как «реальный социализм», если сторонники социализма не избавятся от этой наследственной болезни сталинизма по оправданию благой целью применяемых средств и лиц, их применяющих. Негодяй – он и есть негодяй, хоть наш, хоть не наш. К тому же став негодьяем он уже, тем самым перестал быть нашим. Пре-

теоретической основой сталинского течения. Это – логически завершенная эволюция сталинизма, окончательно порывающего с породившим его революционным движением и революционной идеологией». См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Сталин и распад СССР. М.: URSS, 2003. С. 110.

ступник может быть помилован, прощен, но ему должен быть вынесен приговор – моральный, правовой, исторический.

«Реальный социализм» все еще остается проблемой для марксизма. Не только потому, что марксизм, хотя и приблизился к ответам на те вопросы, которые поставило возникновение и эволюция «реального социализма», но еще не дал достаточно удовлетворительных на них ответов, полноценной теории возникновения и гибели «реального социализма». Но и потому, что те процессы, те тенденции российского и мирового развития, которые привели к возникновению и временному взлету «реального социализма» в СССР и других странах, продолжаются. В частности проблема возникновения сталинизма ХХI в., мелкобуржуазного, казарменного социализма встает и во всех тех странах, которые теперь становятся или станут в будущем слабым звеном мировой капиталистической системы. Соответственно те вопросы, которые поставил «реальный социализм» встанут вновь и не раз, но, скорее всего, уже в модифицированной, измененной форме. Этих вопросов более чем достаточно, но основные, наверное, следующие.

Какой должна быть политика, действия пролетариата и его авангарда, пролетарской, социалистической партии или партий, движений в среднеразвитой или даже слаборазвитой капиталистической стране, ставшей «вдруг», на данный исторический момент самым слабым звеном в цепи, в паутине глобального капитализма, чтобы пролетариат не только смог взять и удержать политическую власть, но и развивать, преобразовывать это конгломератное, смешанное, недоразвитое до социалистических предпосылок общество по социалистическому или при абсолютной невозможности этого по демократически капиталистическому пути?

Какой должна быть политика, действия пролетариата, включая его авангард, чтобы предотвратить ускользание политической и экономической власти от пролетариата и трудящихся к неизбежно, естественно образующемуся новому «правлящему классу», к бюрократии «реального социализма», чтобы развивалась не номенклатурная демократия, а демократия пролетарская, самих трудящихся?

Наконец, какой должна быть политика, действия пролетариата, включая его авангард, чтобы неуклонно возникал такой социальный, политический, экономический и культурный механизмы, такой строй, при котором все более бы возрастала тенденция превращения труда в творческую деятельность, в первую потребность человека? Ведь главное – создание элементов, частичек такого воспроизводства, целью которого является человек, и в первую очередь развитие его потребности

созидания, творческой, человеческой деятельности, человеческого отношения к человеку. Поэтому все, что ведет от мелкобуржуазности, от люмпенизации, от превращения человека из субъекта лишь в объект, от деградации его личности, от низведения его до скотства, до не рассуждающего, послушного животного, биологической машины – есть дорога в будущее, есть возрождение социализма и человека.

Без правильных, адекватных, работающих ответов на эти кардинальные вопросы невозможны и ответы на такие актуальные вопросы как: «Каковы реальные возможности восстановления и обновления, то есть возрождения социализма?»; «Возможно ли возрождение социализма в России, на территории бывшего СССР в целом, в бывших социалистических странах?»; «Каковы перспективы социализма в таких называющих себя социалистическими странах как Китай, Вьетнам, Северная Корея, Куба?». Без этих ответов невозможен выход их кризиса марксизма, невозможно его возрождения как передовой, действительно прогрессивной, гуманистической, освобождающей, революционной силы, как действительно практического гуманизма.

Ленин:

диалектика подхода

Р.С. Дзарасов

***Дилемма Ленина: свобода и необходимость
в судьбе русской революции***

В современной России нередко ставят знак равенства между ленинизмом и сталинизмом. История дает для этого некоторые внешние основания. В самом деле, победа сталинизма, одержавшего свой триумф на плечах большевиков, и последующий полный крах ленинского проекта (пусть и в его сталинском исполнении) в начале 1990-х гг., заставляют задуматься об адекватности ленинского пути вообще. Как мы постараемся показать в данной статье, за этой проблемой стоит вопрос о соотношении свободы и необходимости в истории вообще и в истории русской революции в частности.

Некоторые авторы считают, что социально-экономический процесс жестко предопределен, и не допускает никаких альтернатив исторического развития. Так, например, М.И. Воейков¹ полагает, что поскольку царская Россия не была передовой капиталистической державой, то и русская революция могла носить только буржуазный характер. В связи с этим он считает, что советский строй, по существу, был строим капиталистическим. В. Ленин, по мнению М.И. Воейкова, совершил роковую ошибку попытавшись совершить социалистическую революцию. Реставрация капитализма в стране в начале 1990-х гг. была, в связи с этим, событием вполне закономерным.

М.И. Воейков отмечает важное противоречие в самом ортодоксальном марксизме, объясняющем историю, с одной стороны эволюционным развитием производственных отношений под воздействием прогресса производительных сил, с другой – революционными скачками, предполагающими революционную активность трудящихся, организующую роль партий и т. д.² Какая же – эволюционная или революционная – сторона рассматриваемого учения более правильна?

¹ Воейков. М. Предопределенность социально-экономической стратегии. Дилемма Ленина. – М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2008.

² Воейков М., указ соч., с. 76–77.

М.И. Воейков не отвечает прямо на этот вопрос, просто ссылаясь на противоречивость самой действительности, более адекватное отражение которой снижает «теоретическую стройность» наших взглядов. Получается, что революционное нетерпение выражает просто некоторую погрешность истории, с которой она немного отклоняется от траектории, заданной железной логикой производственных отношений. Как говорили древние: «Покорного судьба ведет, а упирающегося – тащит». Если последовательно придерживаться такого взгляда, то придется отрицать ценность не только революционного действия, но и вообще всякого сознательного вмешательства в стихийные социальные процессы. Тогда, например, нет смысла бороться и против нынешнего российского капитализма каким бы «периферийным», «олигополистическим», «отсталым», «компрадорским» и т. д. он ни был. Ведь никто в нашей среде не станет отрицать, что нынешний российский капитализм возник как закономерное следствие разложения советской системы, как бы по-разному мы ее ни определяли. Но, несмотря на то, что мы много сил тратим на выяснение «объективного» и закономерного характера окружающего нас общества, мы не желаем мириться с ним, и упорно стремимся понять, кто же является субъектом его изменения.

Думается, что однозначная, линейная трактовка истории давно уже не удовлетворяет потребности познания социальных процессов. Сказанное не значит, что мы предлагаем отбросить формационный подход. Вовсе нет. Мы считаем его величайшим завоеванием человеческой мысли, но полагаем, что пользоваться им надо с большой осторожностью, чтобы не впасть в неоправданное упрощение. В контексте данной дискуссии особое значение приобретает позднее наследие такого первоклассного марксистского мыслителя как Дьердь Лукач, в частности «Пролегомены к онтологии общественного бытия»³. Основная идея этого сложного философского труда состоит в том, что объективная реальность является неоднозначной, противоречивой, она задает не один, а несколько векторов социального развития. (Заметим, что каждый из этих векторов объективно обусловлен.) В силу этого, считает Д. Лукач, объективная обусловленность исторического процесса не снимает с человека проблему выбора. Именно в этом выдающийся марксист видит основу существования этики. Ведь этическое, т. е.

³ Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Пролегомены / Д. Лукач; Пер. с нем. И.Н. Буровой, М.А. Журиной; Общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарского, М.А. Хевеши. М.: Прогресс, 1991. С. 410.

ценностное суждение невозможно в предопределенном мире, в котором нет места для свободы воли. Другое дело, что свобода воли не является абсолютной, она относительна. Но также относительна и объективная обусловленность, т. е. предопределенность истории. Следует отметить, что объективно обусловленные альтернативы не безграничны, их ареал очерчен историей. Вот почему необходим научный, теоретический анализ действительности, без него нельзя сделать реалистичный выбор. Но в силу того, что объективная реальность противоречива, субъективный выбор (понимая под выбором также и бездействие) является обязательным условием того, чтобы это противоречие разрешилось тем или обратным образом. Вот почему революционная воля также необходима для совершения революции, как и объективная исчерпанность развития отжившего общественного строя. При этом революционная воля отталкивается от этических по своей природе мотивов – сочувствия к угнетенным, и его зеркального отражения – ненависти к угнетателям. Мало того, субъективный, этически обусловленный выбор сегодня во многом определяет объективную реальность завтра. Получается, что буквально каждое историческое событие, не говоря уже о таком грандиозном явлении, как революция, с одной стороны, объективно, а с другой – субъективно обусловлено.

Эту сложную диалектику свободы и необходимости хорошо чувствовал выдающийся русский марксист А. Богданов, говоря, что в случае с производительными силами речь идет о социально переживаемом⁴. Ведь двигателем развития, по его мнению, и в природе и в обществе является отбор, т. е. выбор. Стремлением найти тонкий баланс материального и духовного пронизана и теория гегемонии А. Грамши⁵. Он считал, что изживший себя, реакционный общественный строй может существовать бесконечно долго, если не выработан и не увлек массы альтернативный ему социальный идеал. Ту же мысль можно найти и в теории перманентной революции Л. Троцкого. Разве двоевластие, которое он отмечал в каждой крупной революции⁶, не отражает альтернативу выбора борющихся социальных классов, которая сама является отражением выбора социально-экономического? И зачем нам вообще

⁴ Богданов А.А. Эмпириомонизм, 1904–1906; его же Вопросы социализма: работы разных лет. М.: Политиздат, 1990.

⁵ Грамши А. Тюремные тетради. Часть первая. М.: Издательство политической литературы, 1991.

⁶ Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 1. Февральская революция. М.: «ТЕРРА-ТЕРРА», Издательство «Республика», 1997, СС. 213–221.

стремиться понять историю, если мы лишь слепые, безвольные игрушки в ее могучих руках?

Думается, что такой, более тонкий марксизм, основанный на диалектике свободы и необходимости, больше подходит для анализа противоречий русской революции, и в частности «дилеммы Ленина».

Так, например, М.И. Воейкову удалось убедительно, с цифрами в руках доказать незрелость предпосылок социалистической революции в царской России. Казалось бы, из этого однозначно следует, что революция должна остановиться на буржуазно-демократическом этапе. Однако не будем спешить с выводами. Все путает знаменитый вопрос о гегемоне буржуазно-демократических преобразований. Как известно, правые меньшевики считали, что им может быть только крупная русская буржуазия. Эта позиция вытекала не из анализа эмпирически данной буржуазии России начала XX в., а из логики ортодоксального марксизма. При этом игнорировалось, что промышленные круги России того времени были слишком привязаны к самодержавию или к западному капиталу, или к тому и другому вместе, чтобы возглавить буржуазно-демократическую революцию, подобно европейской буржуазии в свое время. Меньшевики-мартовцы полагали, что гегемоном подобной революции не будет крупная, но может быть мелкая буржуазия⁷. Как показал Т. Шанин⁸, большевистская позиция сформировалась под влиянием опыта революции 1905 г., которая обнаружила как беспомощность русского либерализма, так и революционный потенциал русского крестьянства. Отсюда и ставка большевиков на союз не с буржуазией (крупной, средней или мелкой для них неважно), а на союз с крестьянством для совершения буржуазно-демократического переворота.

В такой постановке вопроса скрывалось значительное противоречие. В самом деле, получалось, что общество, в котором правящим классом является буржуазия, необходимо построить вопреки ее воле. Именно в ответ на этот конфликт и появились теории «перманентной революции» Л. Троцкого и «перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую» В. Ленина. Объединяла их та мысль, что рабочие и крестьяне, будучи ведущей силой этой революции, не смогут остановиться на ее буржуазно-демократическом этапе, и будут вынуждены осуществлять и социалистические преобразования. При

⁷ С.В. Тютюкин. Меньшевизм: страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002. 560 с.

⁸ Шанин Т. Революция как момент истины: Россия 1905–1907, 1917–1922 годы /Пер. с англ. Е.М.Ковалева. М.: Весь мир, 1997. С. 560.

этом, речь шла лишь об отдельных преобразованиях, которые можно будет довести до стадии социализма только после успешной социалистической революции в Европе. Таким образом, ни В. Ленин, ни Л. Троцкий не предлагали строить социализм в одной, отдельно взятой стране. Они предполагали осуществление отдельных социалистических преобразований лишь потому, что наблюдали эмпирический факт реакционности русской буржуазии, и вытекающей из этого беспомощности русского либерализма. Отметим, что имплицитно в позиции В. Ленина и Л. Троцкого заключено представление об истории, как об альтернативном процессе, в отличие от позиции меньшевиков.

История русской революции, рассматриваемой в единстве от Февраля к Октябрю, блестяще подтвердила анализ большевиков и Л. Троцкого. Русская буржуазия практически не приняла участия в февральском восстании масс, которое возглавляли находившиеся в Петрограде «крайние элементы» – эсеры, анархисты, большевики. Вождь русских либералов П. Милюков был крайне удивлен, когда «умеренные элементы» – правые меньшевики и эсеры, получившие преобладание в Петербургском Совете – предложили кадетам и другим партиям Прогрессивного блока Думы взять власть и сформировать правительство⁹.

Временное правительство, в которое, в конце концов, были вынуждены войти и меньшевики с эсерами, было мертворожденным с самого начала. П. Милюков по этому поводу писал, что, мол, «умеренные течения социализма» (правые меньшевики и эсеры) понимали, что необходимо развитие по буржуазному пути, но не смогли порвать связи со своими более левыми соратниками. «Это внутреннее противоречие и вытекающая из него неустойчивость тактики и погубили социалистический блок»¹⁰. Одним словом, по мнению П. Милюкова, «умеренные» заняли половинчатую, нереалистичную позицию. На наш взгляд, правые меньшевики и эсеры предложили кадетам самый щедрый компромисс, который только можно было представить в тех исторических условиях: буржуазная республика с рядом важных уступок трудящимся, которую с некоторой долей условности можно сравнить с т. н. «государством благосостояния» послевоенной Европы. Кадеты от этого великодушного предложения отказались. Они сделали ставку на поражение революции силой и установление буржуазно-монархического режима без тех широких уступок трудящимся, которых тре-

⁹ Суханов Н. Записки о революции. В трех томах. Т. 1. М.: Республика, 1992. С. 384.

¹⁰ Милюков П. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001, С. 207.

бовали правые меньшевики и эсеры. Позиция последних действительно оказалась нереалистичной, но не в том смысле, как это понимал П. Миллюков. Социально-экономические предпосылки для предложенного курса были налицо, но не было готовности русской буржуазии сделать соответствующий выбор. Именно это, последнее обстоятельство и породило дилемму В. Ленина.

В самом деле, вся динамика русской революции от Февраля к Октябрю определялась не пресловутой «демагогией» большевиков, якобы безответственно обещавших всем все и вся, как изображает недалекая современная пропаганда, а попыткой русских либералов силой повернуть революцию исключительно к выгоде буржуазии. Именно поэтому, кадеты всячески затягивали созыв Учредительного Собрания, которое было необходимо им только после разгрома Советов, когда выборы можно будет «свободно» провести на своих условиях. Этим же определялась и позиция кадетов по поводу войны и мира. Совсем недавно, накануне падения царизма, именно «Прогрессивный блок» Думы искал пути к сепаратному миру с Германией, а теперь кадеты внезапно стали поборниками «войны до победного конца». Противоречия здесь нет – если раньше они хотели вернуть армию домой для разгрома назревавшей революции, то теперь они стремились сохранить связи с союзниками по Антанте и боролись за влияние на армию ради свержения Советов. По тем же мотивам борьбы с революцией кадеты всячески препятствовали решению кардинального вопроса о разделе помещичьей земли. С целью разрушить социальную базу левых партий русская буржуазия начала сворачивать производство на предприятиях Петрограда, переводя капиталы за рубеж. Костлявая рука голода, объяснял промышленник Лианозов американскому журналисту Джону Риду, отрезвит рабочих. Предупреждал он и том, что Учредительное собрание будет немедленно разогнано, если примет неудобные кадетам решения¹¹.

А что же меньшевики? Они честно стремились удержать революцию в рамках, предписываемых «объективной реальностью». Например, меньшевистская комиссия при Исполкоме Советов разработала программу экономической политики, предназначенную для предотвращения неумолимо надвигающейся хозяйственной катастрофы.

¹¹ «Может быть, голод и поражение (в войне – Р.Д.) пробудят в русском народе здравый смысл. ... Или, если, например, Учредительное собрание проявит какие-либо утопические тенденции, его можно будет разогнать силой оружия ... (курсив Д. Рида – Р.Д.)» (Рид. Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М.: Госполитиздат. 1958, С. 31).

Предложенный план был совершенно трезвым и реалистическим с точки зрения «объективных» социально-экономических условий. Он состоял в том, чтобы правительство зафиксировало как прибыль предпринимателей, так и зарплату рабочих на определенном уровне, на основе чего был бы установлен контроль над ценами. Как уже сказано, этот план совершенно реалистичен с точки зрения «объективных предпосылок», как путь к стабилизации экономического и социального положения, без которой нельзя было утвердить буржуазно-демократическую республику. И сегодня никто лучшего плана для тех условий не предложит¹². Однако план оказался совершенно нереалистичен с субъективной точки зрения. Временное правительство не отвергло его, оно просто не стало его даже рассматривать. Причина в том, что кадеты не желали воспринимать рабочих как равную сторону в системе социального партнерства, на чем настаивали меньшевики¹³.

Таким образом, парадокс русской революции состоит в том, что путь к буржуазной демократии был предложен меньшевиками (т. е. революционерами), а не либералами, а вот отвергнут он был как раз либералами, а не большевиками. Невозможность утверждения буржуазной демократии в России вытекала из того факта, что кадеты превратили демократические институты революции в орудие нарушения интересов трудящегося большинства страны, а меньшевики не нашли в себе сил воспрепятствовать этому. В силу этого, рабочие и крестьяне России были поставлены в условия, когда борьба за буржуазную демократию означала бы борьбу за нарушение их прав. Большевики исходили не из нежелательности буржуазной демократии, а из факта невозможности ее построения вопреки воле буржуазии, т. е. вопреки ее выбору из объективно заданных альтернатив. Меньшевики же упорно продолжали навязывать своим партнерам по Временному правитель-

¹² См. ниже о плане В. Войтинского по стабилизации экономики Германии во время Великой Депрессии.

¹³ «Господин Лианозов весьма энергично утверждал: что бы ни случилось, торговцы и промышленники не могут допустить существования фабрично-заводских комитетов или примириться с каким бы то ни было участием рабочих в управлении производством» (Рид, Дж., указ. соч., с. 31). Стоит отметить, что система «наблюдательных советов» в Германии, половину которых составляют представители рабочих, и которые назначают и контролируют деятельность Советов директоров немецких компаний, создана благодаря наследию немецкой социал-демократии, служившей моделью для их русских собратьев (Pugh G., *Financial Systems and Industrial Performance* / Len Shackleton and Thomas Lange (eds), *Germany: An Economy in Transition*. Oxford: Berg, 1998).

ству идеал буржуазной демократии, исходя из доктринерского понимания истории как линейного, безальтернативного процесса.

Эту диалектику свободы и необходимости за несколько месяцев от Февраля до Октября усвоила на своем повседневном опыте вся многомиллионная страна. Выше уже говорилось, как шаг за шагом кадеты наступали на права трудящихся, завоеванные февральской революцией. Особенно явно это стало после т. н. «июльских событий». А Рабинович показал в своих классических трудах¹⁴, что это провалившееся выступление большевиков было инспирировано не их руководством, а петроградскими массами, буквально тащившими своих революционных вождей на преждевременное восстание. Наступивший в результате временный и неполный разгром большевиков был воспринят правым лагерем во главе с кадетами, как сигнал к действию. Началась борьба с фабрично-заводскими комитетами, ограничивалась власть советов на местах, распускались солдатские комитеты в армии, усилилось переписывание помещичьей земли на родственников владельца и продажа ее иностранцам, началось закрытие предприятий и вывод капиталов за рубеж, происходили попытки ликвидации Красной Гвардии и т. д. Кульминации вся эта политика достигла в Корниловском мятеже, подготовленном и осуществлявшемся при самой деятельной поддержке кадетов. Идеейные противники большевиков и сегодня скажут: вот и хорошо, правильно, жаль только, что эти меры не удалось довести до конца! По недостатку знаний истории и дефициту общей культуры этим господам неизвестно, что именно подобные «твердые меры» и выдали большевикам мандат на власть. События в период от июля до августа (когда и произошел Корниловский мятеж) научили рабочих и крестьян, что отступление большевиков оборачивается наступлением реакции на их права. Не учитывая этого, нельзя понять тот единодушный, всенародный отпор, с которым столкнулся Корнилов, а также последовавшую за жалким провалом его мятежа большевизацию Советов¹⁵. Большевики вовсе не захватили власть в результате «безответственной демагогии», как любят повторять антикоммунисты. (Разумеется, в демагогии тоже не было недостатка, но как раз в этой области, в отличие от проницательности и глубины анализа, от уме-

¹⁴ Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М.: Прогресс, 1989; *его же* Кровавые дни. М.: Республика, 1992.

¹⁵ В связи с этим, нельзя не отметить, что не только недостаток знаний, но и откровенное презрение к простым людям, пренебрежение их правами сквозит в том восхищении Корниловым, которое присуще современной «демократической» интеллигенции в России, а также современным русским «почвенникам».

ния прислушиваться к массам и отвечать на их нужды, у большевиков было немало достойных соперников.) Большевиков вознесла к власти волна народной поддержки, поддержки тех масс простых людей, которые увидели в них защиту от надвинувшейся угрозы насилия со стороны правых сил во главе с кадетами. Рабочие и крестьяне России в большинстве своем подтвердили свой выбор на полях гражданской войны, проголосовав своей кровью за большевиков, за Советскую власть, за строительство социализма. Более того, голос русских рабочих и крестьян громко прозвучал на весь мир, найдя горячий отклик в душах сотен миллионов угнетенных на всех континентах планеты, и породив коммунистическое движение – самое массовое политическое движение в истории человечества.

Вопреки распространенному тезису о предопределенности истории можно проследить ее альтернативы, рассмотрев выбор разных обществ, сделанный в сходных условиях. Одну из альтернатив приходу к власти большевиков показывает судьба Ноябрьской революции 1918 г. в Германии¹⁶. Это было спонтанное, мирное восстание народных масс, в течение буквально нескольких суток создавшее по всей стране демократически избранные Советы, заменившие фактически правившую до того военную диктатуру. Господствовали в новых органах власти социал-демократы, представляющие аналог наших меньшевиков. Левое крыло социал-демократии во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург было слабо и не могло играть роль российских большевиков. Власть получила верхушка правой социал-демократии во главе с Фридрихом Эбертом, находившаяся гораздо правее наших меньшевиков. Советы не собирались упразднить буржуазный парламент (Рейхстаг), а наоборот превращали его из ширмы военной диктатуры (каковой он был в годы войны) в подлинно демократическое собрание народных представителей. Казалось бы немецкая буржуазия должна была этому только радоваться. Однако в действительности демократический характер революции не растрогал немецких правых. На повестку дня стали глубокие социальные реформы, которые должны были, не упраздняя буржуазный строй, существенно расширить социально-экономические права трудящихся. Этого было достаточно, чтобы правящие круги Германии начали подготовку свержения рево-

¹⁶ См. очерк революционных событий в Германии в: Sebastian Haffner, 1973, *Failure of a Revolution. Germany 1918-19*, (London: Andre Deutsch Ltd.), 201 p. О перипетиях истории немецкой социал-демократии в ходе Ноябрьской революции г. см.: A.J.Ryder, 1967, *The German Revolution of 1918. A Study of German Socialism in War and Revolt*, (Cambridge: Cambridge University Press), 278 p.

люции силой. С этой целью правительством Эберта-Шейдемана на базе сокращаемых из армии военных были созданы отряды штурмовиков, насчитывавшие сотни тысяч боевиков под командой видного социал-демократа Густава Носке. В январе 1919 г. ими был спровоцирован массовый террор, в ходе которого произошла расправа с революцией. Веймарская республика была, конечно, буржуазной демократией, представлявшей собой шаг вперед, по сравнению с военной диктатурой. «Но экономический и социальный порядок остался не реформирован»¹⁷. Отсутствие большевистской альтернативы в Германии привело к утверждению буржуазной демократии без социальных гарантий прав трудящихся. Это результат, близкий к тому, к которому стремились русские кадеты (с поправкой на то, что они хотели сохранить конституционную монархию).

В связи с этим стоит упомянуть следующее любопытное обстоятельство. Одним из главных авторов меньшевистского плана экономической стабилизации России во времена Временного правительства, упомянутого выше, был известный меньшевик и крупный экономист В. Войтинский. После окончания гражданской войны в России он оказался в Германии. Здесь во время Великой Депрессии 1929–1933 гг. он возглавил исследовательскую службу Федерации профсоюзов Германии, пытавшуюся выработать программу борьбы с безработицей. Выдвинутый совместно с влиятельным профсоюзным деятелем Фрицем Тарновым и видным экономистом Фрицем Бааде план был немецким вариантом кейнсианства. Он предполагал организацию массовых общественных работ, финансируемых за счет дефицита текущего государственного бюджета, и использование контролируемой инфляции для оживления экономики¹⁸. Социал-демократическая партия Германии, на которую равнялись русские меньшевики, отвергла этот единственно спасительный от фашизма план. Поверхностные причины были в том, что он был неприемлем для канцлера Брюнинга, а также в том, что безработные обычно голосовали за коммунистов. Предприниматели отвергли этот план, т.к. «боялись инфляции больше, чем безработицы»¹⁹. (Похоже, что о вплотную надвинувшейся опасности фашизма никто не думал вообще.)

¹⁷ Sassoon Donald. One hundred years of socialism. The West-European left in the twentieth century. London: Fontana press, 1997, p. 49.

¹⁸ Чернявский Г.И. Войтинский и его время / Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1999.

¹⁹ Sassoon D., op. cit., p. 61.

За этим весьма недалёковидным решением скрывалось нежелание немецкой буржуазии искать компромисс с трудящимися. Предложения, подобные изложенным выше, звучали до войны и в Англии, и в других странах Европы, и везде были отвергнуты. Между тем, как опыт русской революции, так и послевоенная практика самой Западной Европы показывают органическую необходимость (т. е. объективную обусловленность) широкого социального компромисса с трудящимися для выживания и развития капитализма. Между тем, даже хваленая европейская буржуазия оказалась не готова к тому, чего требовали объективные условия. Чего уж говорить о русских капиталистах.

В результате сложившаяся в Германии система буржуазной демократии оказалась крайне неустойчивой. Она была лишена поддержки народных масс, зато опиралась на штурмовиков, ставших основным столпом фашистского движения. Некоторые историки считают, что именно разгром демократической немецкой революции создал внутренние предпосылки для победы фашизма в Германии²⁰. Это подтверждается и тем, что борьба немецких коммунистов одновременно против «национал-социалистов» и «социал-фашистов» (т. е. социал-демократов) объясняется не только ошибочной политикой сталинского Коминтерна, но и горьким опытом разгрома немецкой демократической революции. Как видим, «дилемма Ленина» оказалась по своему актуальна и для Германии. Мы имеем ввиду неспособность правящих кругов Германии создать устойчивую буржуазную демократию. В такой ситуации предотвращение фашизма требовало не борьбы за буржуазно-демократический строй сам по себе, а проведения, по крайней мере, определенных социалистических преобразований. Отсутствие в Германии леворадикальной силы, сравнимой по влиянию с большевизмом, сделало эту задачу неразрешимой, что сыграло роковую роль в немецкой и мировой истории.

К немецкому примеру вплотную примыкает пример испанской революции²¹. Испания 1930-х гг. обладала чертами, сближавшими ее с Россией начала века. Типичная страна периферийного капитализма с преобладанием сельскохозяйственного населения. На социальную катастрофу Великой Депрессии Испания ответила переходом от монархии и генеральской диктатуры к буржуазной демократии. Однако наличие многомиллионного социалистического движения (анархисты,

²⁰ См. Sebastian Haffner, указ. соч. См. также примечание о деятельности комиссии В. Войтинского в Германии.

²¹ См., например, Preston Paul. A concise history of the Spanish civil war. London: Fontana Press, 1996; Thomas Hugh. The Spanish civil war. London, 1962.

близкие к меньшевикам социалисты, коммунисты, ПОУМ и др. более мелкие группы) придало испанской республике красный оттенок. Получив в парламенте большинство, левые партии, несмотря на сильные разногласия между собой, приступили к значительным, хотя и частичным, социалистическим преобразованиям. Эти преобразования осуществлялись в полном соответствии с процедурами буржуазной демократии. Однако строгая законность движения испанского общества к социализму не обеспечила ему поддержку не только со стороны испанских правых, но даже со стороны «матери парламентов» Великобритании, и таких устойчивых демократий как Франция и США. Когда разразился фашистский мятеж против Республики, последние заняли позицию нейтралитета, благоприятного по отношению к Франко. Единственной великой державой, оказавшей реальную помощь законным, демократически избранным властям, оказался СССР. Впрочем, здесь левые силы в целом оказались на высоте, обеспечив мобилизацию масс на войну. Поражение Республики объясняется, главным образом, предательством со стороны Западных демократий²². Таким образом, в Испании также не удалось утвердить буржуазную демократию, т. к. правящие круги этой страны не захотели смириться даже с частичными и мирными социалистическими преобразованиями. Следовательно, эта страна также не избежала «дилеммы Ленина». Перерастание испанской буржуазно-демократической революции в социалистическую (или, что тоже самое, осуществление перманентной революции Троцкого) было прервано лишь масштабным внешним вмешательством Германии, Италии и Португалии.

Другую альтернативу большевизму продемонстрировала китайская революция. История Китая вообще, по мнению такого тонкого марксистского аналитика как Исаак Дойчер, показывает альтернативы советской истории²³. Синьхайская революция 1911–1913 гг. открыла в Поднебесной путь развития периферийного капитализма по своему типу сходного с российским. С определенной долей условности

²² Справедливости ради надо сказать и том, что не меньше Запада победы испанского социализма боялся и Сталин. Для него она означала появление социалистической альтернативы, которая, согласно ожиданиям Троцкого (см. ниже), могла привести к падению сталинской диктатуры в СССР. Возможно поэтому Сталин всячески сдерживал социалистические преобразования в Испании. (См. его переписку с правительством Испании в приложении к замечательной книге Carr E.H. *The Comintern and the Spanish civil war*. London: Macmillan, 1984.)

²³ Хобсбаум Э. Эхо «Марсельезы»/ Э. Хобсбаум; Пер. с англ. Агальцева Н. Г./ Незавершенная революция/И. Дойчер; Пер. с англ. Агальцева Н. Г. М., «Интер-Версо», 1991.

можно считать, что в Китае начался период, похожий на затянувшийся режим Февральской революции в России. В результате, первая страна оказалась во власти хаоса, распавшись на отдельные части, которыми управляли военно-феодалы диктаторы (милитаристы), а также став легкой добычей японских интервентов и западных «демократий». Анархическому распаду Китая положила конец только победа коммунистов в 1949 г. Любопытно отметить, что марксизм появился в Китае под влиянием победы русской революции, и был заимствован именно в форме ленинской теории «перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую» и теории «перманентной революции» Л. Троцкого²⁴. Т. е. Китай не знал меньшевизма, настолько велико было отторжение капитализма в этой стране. Похоже, что китайское общество приняло рынок только тогда, когда он оказался подчинен плану, и открыл возможности повышения благосостояния за счет личной инициативы широким слоям общества. Такое развитие рынка мыслимо только после победы коммунистов, как своего предварительного условия, точно так же, как нэп мыслим только после победы большевиков²⁵. Получается, что и для понимания Китайской революции «дилемма Ленина» имеет критически важное значение. Здесь также не удалось остановиться на стадии буржуазно-демократической революции.

Разумеется, рассмотренные примеры являются не более чем аналогиями, не дающими нам право уверенно утверждать, что именно такие «перспективы» ждали Россию в случае провала большевиков. Однако эти аналогии весьма многозначительны²⁶. Прежде всего, они подчеркивают альтернативность и нелинейность исторического процесса. Во-вторых, они говорят о том, что революционный выбор русских рабочих и крестьян основывался не на чьей-то «демагогии», а на оценке реальных угроз, материализовавшихся и в истории других обществ, находившихся в сходных обстоятельствах.

Таким образом, приход к власти большевиков был никаким не «путчем» и не «переворотом», а результатом сложнейшего взаимодей-

²⁴ Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. М.: Муравей Гайд, 2001.

²⁵ Это еще одно соображение, не позволяющее нам согласиться с приведенным в примечании ниже остроумном возражении профессора А.В. Бузгалина против сходства экономик нэпа и современного Китая.

²⁶ Еще Чаадаев, в свое время, указывал, что Россия «одним локтем опирается на Германию, а другим – на Китай». Правда, великий русский философ считал, что мы ничего так и не восприняли из великих культур этих двух стран.

ствия их исторического выбора с выбором кадетов, блока меньшевиков и эсеров, а также миллионов рабочих и крестьян. Этот совокупный выбор с равнодействующей в пользу большевизма был сделан основными историческими силами, действовавшими в одних и тех же объективных условиях, но он реализовал лишь одну из возможных альтернатив. Сложную взаимосвязь исторических сил, боровшихся за исход русской революции, можно сравнить с математической системой одновременных уравнений, в которой изменение одной переменной, ведет к изменению всех других. Для автора этих строк несомненно, что если бы, скажем, кадеты сделали другой исторический выбор, то и стратегия большевиков была бы иной, и реализовалась бы другая социально-экономическая альтернатива, но она была бы точно также объективно обусловлена.

Но вот большевики у власти. Что дальше? В политике «военного коммунизма» сплелись воедино и объективная потребность в централизации экономики в условиях кризиса²⁷, и стремление уничтожить эксплуататорские классы, и утопические мечты о близком социализме, и надежды на начинающуюся европейскую революцию. Провал этой политики показал, что как ни была обусловлена значительная централизация хозяйственной жизни, но попытка непосредственно перейти к безденежному хозяйству, являлась слишком большим отступлением от объективно заданной альтернативы. Такое в истории наказуемо. Пришлось переходить к нэпу.

Этот факт иногда трактуют однозначно, как торжество меньшевистского курса. Определенные основания для этого есть. Ведь это отступление от непосредственного приступа к строительству социализма. (Заметим, однако, что, как сказано выше, В. Ленин и Л. Троцкий полагали возможной победу социализма в России только при поддержке пролетариата передовых стран.) Но дает ли это основания отождествлять нэп с меньшевизмом? По смыслу меньшевистской позиции править новым обществом в России должна крупная (правые) или средняя и мелкая (мартовцы) буржуазия. Это предполагал и курс экономической политики, предлагавшийся ими Временному правительству. Между тем, нэп осуществлялся после ликвидации крупного капитала и при значительном контроле над средним и мелким капиталом, когда частное использование наемного труда было исключено или резко ог-

²⁷ Аппарат наркоматов и главков был создан еще при царизме (военно-промышленные комитеты), тогда же началась и укреплялась при Временном правительстве хлебная продразверстка.

раничено. Цены на главные продукты промышленности устанавливались государством, в его же руках был практически весь кредит, утвердилась государственная монополия внешней торговли и т. д. Все эти меры впервые в истории делали рыночную экономику подвластной плановым рычагам управления. Это, разумеется, еще не социалистическая система, но капиталистические отношения в ней либо подавлены, либо жестко ограничены. Такая система предполагала взятие власти большевиками (или какой-либо другой радикально-социалистической силой) и разгром сторонников буржуазного порядка, как свое обязательное предварительное условие. Но, как сказано выше, подобный выбор был неприемлем для меньшевиков. Поэтому мы считаем нэп большевистской политикой. На наш взгляд, Ленин был прав, когда в полемике с Н. Сухановым говорил, что уничтожение буржуазии создает предпосылки строительства социализма. Но, разумеется, нэп сближал большевиков с меньшевиками и эсерами (в отличие от военного коммунизма). На этой основе теоретически мыслимо установление союза большевиков, по крайней мере, с частью других революционных партий (или с теми из их сторонников, кто не участвовал в вооруженной борьбе с красными в годы гражданской войны). Такой блок мог укрепить большевистский социально-экономический выбор перед лицом назревавшего в годы нэпа сталинского переворота. Много позже, уже в 1930-е гг., один из выдающихся деятелей внутрипартийной оппозиции М. Рютин с горечью признал²⁸, что большевики имели сильный иммунитет против правого оппортунизма, т. е. предательства интересов трудящихся в пользу эксплуататорских классов, но у них не оказалось иммунитета против «левого оппортунизма», т. е. предательства интересов трудящихся в пользу партийного вождя. Похоже, что иммунитетом второго рода в большей мере обладали меньшевики.

Однако был ли нэп жизнеспособен? Нередко можно встретить мнение, что это была настолько противоречивая система, что она была просто обречена на гибель. Действительно, определенные противоречия между плановым и рыночным секторами советской экономики 1920-х гг. наблюдались. Однако носили ли они фатальный характер? Один из блестящих представителей «школы Н. Бухарина» А. Айхенвальд писал в своем замечательном труде 1920-х гг. «Советская эконо-

²⁸ Рютин М. На колени не встану. М.: Политиздат, 1992.

мика»²⁹, что суть новой системы в том, что планирование опирается на сигналы рынка, а рыночный обмен – на плановые пропорции. Таким образом, наблюдается органическое единство двух секторов народного хозяйства. Разумеется, это не гарантирует от конфликтов, диспропорций и даже кризисов. Особенно, если учесть, что в 1920-е гг. происходило лишь становление новой системы, когда методы планирования еще только отрабатывались, что предполагает определенный период проб и ошибок. Стоит, однако, помнить, что весь XX в. прошел под знаком поиска оптимального сочетания рынка и государства. Именно в этом смысл кейнсианского государственного регулирования на Западе, социалистической ориентации в Третьем Мире, «азиатской модели» в Японии, Южной Корее и Китае. Какой из этих стран удалось избежать кризисных явлений и диспропорций подобных нэповским? Скажем, в Китае периоды реформ перемежаются с периодами «урегулирования», когда усиливается государственный контроль над экономикой для ликвидации накопившихся диспропорций, чтобы на новой основе усиливался рынок. В блестящей и несправедливо забытой работе Л. Юровского «Наше хозяйственное положение»³⁰ объясняется, что экономическое затруднения середины 1920-х гг. не вызваны недостатком инвестиций в тяжелую промышленность, как считали сторонники левой оппозиции. Проблемы скорее связаны с непропорциональностью размещения этих инвестиций, когда значительные вложения в тяжелую промышленность не уравновешены соответствующим развитием легкой промышленности. В результате не удается предложить товары, которые покрыли бы выплаченную в ходе этих инвестиций заработную плату. Таким образом, противоречия в нэпе были, но они не носили смертельного для этой системы характера, а подлежали решению в ходе эмпирического поиска оптимального соотношения плана и рынка, точно также как это происходило в других странах, не прибегших к сталинизму. «Большой скачок» в темпах индустриализации и насильственная коллективизация это иррациональная политика, не вытекавшая из «объективных» социально-экономических условий, а выражавшая определенную, и как видим весьма значительную, свободу выбора в истории.

Такое понимание подводит нас к еще одному важнейшему вопросу – о природе советского общественного строя.

²⁹ Айхенвальд А.Ю. Советская экономика: экономика и экономическая политика СССР. М., Л.: Госиздат, 1929.

³⁰ Юровский Л.Н. Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики. М.: 1928.

Представляется невозможным определить советский строй каким-либо однозначным образом. Признание его социалистическим сомнительно хотя бы потому, что об успешном построении нового общественного строя было объявлено руководством тоталитарной страны по очевидным идеологическим мотивам. Следует помнить, что левая оппозиция доказывала, что социализм нельзя построить в «одной отдельно взятой стране», и новый строй может утвердиться лишь в результате мировой революции. Это был вызов самим основам сталинской стратегии. В силу этого «красный диктатор» мог обосновать легитимность своей власти только тем, что вопреки утверждениям противников, он социализм построил и без всякой «помощи со стороны пролетариата передовых стран». Провозглашено это было в разгар Великих чисток, когда возразить вождю в стране было некому. Политика по данному вопросу свелась к «плодотворным» дискуссиям партийных схоластов о том, построен ли социализм «в основе» или «в основном». Зато было кому сказать свое веское слово за рубежом.

Речь идет о классическом труде Л. Троцкого «Преданная революция» 1936 г.³¹, в котором подробно показано, что советское общество никак не может считаться социалистическим. Но тогда какое же оно? Согласно Л. Троцкому советское общество не является социалистическим, хотя и содержит важные элементы социализма. Но оно не является и капиталистическим, хотя содержит немало элементов капитализма. Это общество переходное, т. е. пытающееся строить социализм. Вот почему это общество смешанное. В нем есть ингредиенты и того и другого общественного строя. Анализируя широкий круг данных о социально-экономическом развитии СССР, Л. Троцкий показывает как идеологические скрепы, наложенный Сталиным на советский строй, коверкают и искажают его развитие. Поскольку это еще не социализм, то в подобном обществе должны быть допущены рыночные отношения в открытой форме. Исходя из того, что социализм есть нетоварное общество, сталинская бюрократия стремится к возможно более полной централизации хозяйственной жизни. В результате цены, не определяемые спросом и предложением, перестают выполнять свою функцию оценки общественной полезности затрат труда. В этих условиях деньги не могут эффективно выполнять свои функции, и подрывается роль заработной платы как стимула к эффективному труду. Бюрократия, конечно, может скопировать на Западе те или иные заводы и тех-

³¹ Троцкий Л.Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? М.: НИИ культуры Министерства культуры РСФСР, 1991.

нологии, правда построив их втридорога, но не может решить проблему качества производства. А ведь именно последнее является важнейшим условием для действительной победы нового строя.

Самое поразительное в анализе Л. Троцкого это его прогноз относительно будущего СССР. Особенность переходного общества, говорит он, состоит в том, что оно потенциально может перейти к социализму, но может и вернуться в капитализм. Тенденцию к последнему варианту Л. Троцкий видел, в частности, в росте привилегий начальства в СССР. Он справедливо усматривал в этом извращенную форму частного присвоения, т. е. искажение буржуазных по своей природе отношений. С течением времени бюрократия захочет закрепить свое положение в обществе с помощью открытого узаконивания частной собственности. Как бы ни относился читатель к Л. Троцкому, ему следует задуматься над тем, что это опубликовано в 1936 г. Альтернатива возрождению капитализма в СССР связана, по мнению Л. Троцкого, с победой мировой социалистической революции, которая могла произойти в результате надвигавшейся мировой войны. Победа мирового социализма, впрочем, ни в коем случае не гарантирована. Вот почему находившийся в изгнании вождь левой оппозиции с таким вниманием следил за развитием событий в Германии, гражданской войной в Испании, провальной стратегией сталинского Коминтерна и другими международными событиями того времени³².

Обратите внимание на то, что Л. Троцкий, блестящий марксистский аналитик, трактовал будущее СССР как яркий пример альтернативы социально-экономического развития. В самом деле, речь идет о том, что переходное общество онтологически глубоко противоречиво и может пойти буквально в противоположных направлениях, каждое из которых строго объективно обусловлено. Представляется, что подход Л. Троцкого, исходящего из альтернативности истории, более тонок и продуктивен, чем однозначное понимание советского общества как буржуазного. Первая позиция позволила априори предсказать реставрацию капитализма в СССР, тогда как вторая не позволяет ее даже постфактум объяснить.

³² О глубине анализа Л. Троцкого свидетельствует, например, то, что, рассматривая положение в Германии, он фактически предвосхитил основные идеи будущего классического труда Эриха Фромма «Бегство от свободы». Тем же читателям, которые думают, что мы преувеличиваем проницательность Л. Троцкого, следует задуматься хотя бы над названием одной из его статей 1932 (!) г. – «Предвижу войну Германии против Советского Союза».

Как ни важен экскурс в историю, но особое значение поднятые вопросы имеют для понимания современности нашей страны. В самом деле, если социально-экономическое развитие общества жестко предопределено, то в современном российском капитализме, наконец, восторжествовала историческая необходимость, и всякое вмешательство в стихийное развитие нового общественного строя должно быть признано излишним. Между тем, подобно нашим предкам сто лет назад, мы вновь оказываемся перед проблемой незавершенности буржуазно-демократических преобразований в нашей стране. На это могут возразить, что мол худо бедно, но мы имеем наконец буржуазию, правящую демократическим путем. Если рабочие при этом и живут хуже, чем при тоталитаризме, то это только потому, что они не умеют пользоваться своими правами, плохо работают, имеют низкую культуру и т. д. Такой вывод, однако, был бы преждевременным.

Среди специалистов по корпоративному управлению сложилось единство мнений о том, что в нашей стране формальные права собственности невозможно реализовать, если они не подкреплены неформальным контролем над активами. «Неформальный контроль» это эвфемизм, заменяющий более точное слово – насилие. Этот контроль опирается на связи с коррумпированным чиновничеством, криминальными структурами, наличие мощной службы внутренней безопасности фирмы и развитый аппарат контрольно-ревизионных органов. Вся эта «инфраструктура контроля» очень затратна и ведет к чрезмерной централизации, но она совершенно необходима в условиях, когда на бизнес покушаются конкуренты извне, а рабочие и менеджеры стремятся воровством компенсировать неоправданно низкие доходы. Ориентированные на извлечение краткосрочного дохода за счет своего контроля над финансовыми потоками предприятия собственники не заинтересованы в долгосрочных эффективных инвестициях. Свои накопления они предпочитают держать на Западе³³. Потеснив на этом поприще криминальные структуры, государство стало играть ведущую роль в силовом перераспределении прав собственности в пользу более «близких» предпринимателей³⁴. Таким образом, экономический «базис» нашего общества составляет крайне неэффективный

³³ См. подробнее о природе современного российского капитализма в книге: Дзарасов Р., Новоженев Д. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М.: URSS, 2005.

³⁴ Yakovlev Andrei. Evolution of Business-State Interaction in Russia: From State Capture to Business Capture? // Europe-Asia Studies, Vol. 58, No. 7, November, 2006, pp. 1033-1056.

класс собственников, для которого характерно внеэкономическое принуждение в распределении доходов, а также рабская зависимость от национального государства и западного капитала. Это вариант отсталого, полуфеодального и «периферийного» капитализма, не способного решить задачу модернизации страны. Подобной гнилой основе соответствует и характер ее политической надстройки.

Сторонники нынешней власти стремятся доказать, что она изменила вектор развития страны по сравнению с 1990-ми гг. В 2000-е гг., действительно, произошла относительная консолидация российского государства: укрепление вертикали власти, снижение государственного внешнего долга, приостановка территориального распада страны, некоторый рост расходов на оборону, более внятный, хотя и непоследовательный внешнеполитический курс. Однако нельзя не заметить, что все эти скромные достижения покоятся на очень шаткой основе – росте доходов государства от экспорта нефти, газа, металлов и некоторых других видов сырья. Американский специалист по России М. Голдман удачно назвал этот феномен «нефтегосударством»³⁵. В самом деле, вся социально-экономическая стратегия страны в 2000-е гг. была подчинена всемерному наращиванию экспорта энергоресурсов. Выпуск денег и доходы от гигантского профицита бюджета, например, в основном использовались для поддержания курса рубля, выгодного экспортерам³⁶. В результате этих средств была лишена обрабатывающая промышленность, от которой зависит технологический уровень развития экономики, уровень национального дохода и оборонные возможности государства. Поток доходов от экспорта энергоресурсов позволял некоторое время скрывать глубокие внутренние противоречия осуществлявшегося курса: мириться с масштабным вывозом капитала из страны и рассчитывать на рост внутренних инвестиций; соглашаться с непомерным неравенством распределения национального дохода и декларировать социальное государство; не обеспечивать масштабной модернизации военного производства и укреплять обороноспособность; покупать лояльность региональных элит и укреплять территориальную целостность; идти (в первой половине 2000-х гг.) на односторонние уступки Западу и усиливать международные позиции страны. Стратегия «нефтегосударства» привела к тому, что Россия вышла из периода беспрецедентных экспортных доходов с изно-

³⁵ Goldman Marshall. Petrostate: Putin, Power, and the New Russia. Oxford, New York: Oxford University Press, 2008.

³⁶ Маневич В.Е. Монетарный механизм экономического кризиса в России // Бизнес и банки. № 9 (942) март 2009.

шенными основными фондами, ослабленной финансовой и уязвимой политической системой. Начавшийся мировой экономический кризис в любой момент может положить конец весьма хрупкой социально-экономической и политической стабильности.

Между тем, 2000-е гг. стали периодом беспрецедентного после окончания холодной войны роста внешнего давления на нашу страну. В ответ на неоправданные односторонние уступки России начала десятилетия, Запад предпринял попытку стратегического окружения и изоляции нашей страны путем выхода из договора по ПРО, организации «цветных революций» на пост-советском пространстве, втягивания Украины и Грузии в НАТО, признания независимости Косово, утверждения своего военного присутствия в Средней Азии и других мер³⁷. Особенно тревожно возобновление «Большой игры» за вытеснение России из нефтеносных районов Каспия и Средней Азии³⁸. В русле этой стратегии фактически осуществлялась совместная агрессия Запада и исламского фундаментализма на Кавказе, а также «война чужими» руками в августе 2008 г. в Южной Осетии. Борьба за Кавказ имеет чисто экономическую подоплеку – Запад стремится обеспечить коридор для транспортировки энергоресурсов Средней Азии в обход России³⁹.

В условиях углубления мирового экономического кризиса борьба центра мирового капитализма за контроль над ее периферией должна резко обостриться. Российский капитализм, экономически неэффективный, породивший огромное социальное недовольство, и создавший неустойчивую политическую систему, неспособен выдержать предстоящую на мировой арене борьбу и должен испытать банкротство, сравнимое с поражением царизма в Первую мировую войну.

Если исходить из жесткой предопределенности социально-экономического развития, то ничего с этим поделать нельзя. Определенная часть левой интеллигенции считает, что ничего делать и не надо. Так, на одном из заседаний клуба «Диалог» в марте 2009 г., мне довелось услышать, что «национальная безопасность это не наш вопрос»,

³⁷ Морозов С., 2008, Дипломатия Путина. Русское дзюдо на мировом татами, М.: Издательство «Крылов»; Friedman G., 2008, The Russo-Georgian War and the Balance of Power, *Stratfor*, August 12,

http://www.stratfor.com/weekly/russo_georgian_war_and_balance_power

³⁸ Kleveman L. The New Great Game. Blood and Oil in Central Asia. London: Atlantic Books, 2003; Rashid A. Taliban. Islam, Oil and the New Great Game in Central Asia. London: I.B. Tauris & Co Ltd., 2002.

³⁹ Macintyre B., 2008, Georgian Oil Pipeline: the Frontline, *The Times*, 13 August.

что «если Россия даже и развалится, то ничего страшного в этом нет», что дескать в 1917 г. уже было военное поражение и развал страны, и «в результате произошла социалистическая революция». История предостерегает от подобного доктринерского подхода. Она напоминает некоторым нашим товарищам, что победа социалистической революции нужна не сама по себе, не для того, чтобы настоять на своем перед «демократами» и «почвенниками», как стремится настоять на своем скандальная хозяйка на коммунальной кухне.

Новый строй нужен, чтобы сделать жизнь людей лучше. История свидетельствует, что победа революции не в результате исчерпанности развития капитализма, а на волне социального хаоса чревата большими сложностями в построении социализма.

Кроме того, расчет на победу новой социалистической революции, исходящий из простой и бесхитростной аналогии с событиями вековой давности, был бы не свидетельством марксистских убеждений, а проявлением примитивного доктринерства, неумением уловить диалектическую изменчивость истории, которая никогда не идет прежним путем.

Достаточно указать на то, что в отличие от 1917 г. сегодня ни в Европе, ни в России не наблюдается ничего похожего на подъем революционного, социалистического движения. Зато в нашей стране явно наблюдается прилив почвеннических настроений и различных форм шовинизма и национализма. В этих условиях, крах нынешнего режима в результате поражения в международном конфликте может привести: (а) просто к распаду страны с последующим поглощением ее частей соседями, когда надежда на восстановление единого государства на территории бывшей России исчезнет уже навсегда; либо (б) к сохранению единого государства в форме диктатуры почвеннического типа, когда нынешнее «укрепление вертикали власти» покажется левым просто благословенными временами подлинной демократии. В обоих случаях не только не произойдет «победа социалистической революции», но сама потенциальная арена для борьбы за социализм в каком-либо виде попросту исчезнет. И в лучшем случае останется нам тогда собираться уже не в клубе «Диалог» (его, наверняка, закроют), а на пресловутых «московских кухнях», чтобы горько сетовать на «тупость непросвещенных масс», которые опять послушались не нас, таких умных и благородных, а «этих демагогов». Может быть лучше подумать сейчас, предлагаем ли мы обществу что-нибудь вразумительное в переломный момент его развития?

Учитывая непростой опыт нашей истории, мы должны подходить к буржуазно-демократическим преобразованиям не с максималистскими притязаниями, а с целью предотвратить худший сценарий развития страны. Частью этих преобразований, не менее важной, чем достижение экономической эффективности и обеспечение политических прав трудящихся, должно быть укрепление национальной безопасности страны, без чего в современном мире не может быть гарантировано ни первое, ни второе. Но такая постановка задачи предполагает, что, как и сто лет назад, наше общество сталкивается не с линейной «неизбежностью» исторического процесса, а с набором альтернативных путей развития.

Достаточно очевидно, что основные свойства современного капиталистического класса в России, как они перечислены выше, воспроизводят в ухудшенном виде пороки русской буржуазии начала прошлого века. Это значит, что правящий класс нашей страны вновь не способен осуществить ее модернизацию.

Следовательно, «дилемма Ленина» – борьба за социалистический путь развития в условиях незавершенности буржуазно-демократических преобразований – в новой форме стоит перед страной сегодня. В связи с этим, осмысление исторических альтернатив, с которыми мы сталкиваемся, является долгом левых интеллектуалов. Если бы российское социалистическое движение смогло найти путь к более цивилизованному, эффективному и гуманному капитализму, то это стало бы свидетельством его зрелости, а также позволило бы завоевать более прочные общественные позиции, вновь стать существенным фактором исторического выбора нашей страны.

Учитывая уроки советской истории, не следует ставить амбициозные и непосильные задачи создать нетоварное, социалистическое общество в отдельной стране. В то же время, основной урок постсоветской истории состоит в провале либерального проекта, обнаружившего идейную нищету и практическую бесплодность антикоммунизма. В силу этого бессмысленно ждать, что эволюционным путем, тем более в условиях нарастающего мирового кризиса, само собой произойдет становление цивилизованного капитализма. Видимо, наше общество должно найти современную форму нэпа, когда частный капитал не уничтожен, но поставлен под надежный общественный контроль.

На уровне предприятия здесь нам может помочь модель трудовых отношений, когда наемные работники в различных формах участвуют в управлении производством. На уровне народного хозяйства в целом это должна быть модель планово-рыночного хозяйства, когда цены на

продукцию предприятий, заработная плата, прибыль и инвестиции согласуются в ходе совместной разработки народнохозяйственного плана государством, профсоюзами и менеджментом предприятий. Народнохозяйственный план, определяющий основные пропорции, темпы роста и распределение национального дохода должен вырабатываться гласно и демократически, но быть обязательным для исполнения. Его стержнем должно стать перераспределение национального дохода от собственников капитала к трудящимся, и финансовых потоков от сырьевых отраслей к обрабатывающей промышленности⁴⁰. На этой социально-экономической основе должно быть достигнуто возрождение оборонного комплекса страны и модернизация ее вооруженных сил. Гарантией, что они не будут использоваться против народа, должно стать доминирование в политической системе массовой партии левого типа.

Подобная модель социально-экономической системы еще не является социалистической, но ее нельзя назвать и чисто капиталистической. Частный капитал в предлагаемой системе не уничтожается, но лишается господствующего положения. Вот почему, как сказано, подобная модель не может сложиться стихийно. Она неизбежно столкнется с отчаянным сопротивлением со стороны сегодняшнего имущего класса. Поэтому, утверждение подобной модели возможно лишь в результате острой политической борьбы, являющейся по сути завершением буржуазно-демократической революции, осуществляемым вопреки воле крупного, компрадорского капитала.

При понимании этих преобразований именно как буржуазно-демократических, содержащих лишь отдельные, хотя и важные, социалистические элементы, возможно создание широкой коалиции заинтересованных в них общественных сил от рабочего движения и мелких служащих до мелкого и среднего бизнеса, капитала обрабатывающих производств и части армии.

В условиях сегодняшней апатии масс, страдающих молча, подобные предложения могут показаться утопией. Однако мы делаем их исходя из гипотезы о неизбежности краха нынешнего общественного строя в результате обострения международных противоречий и конфликтов в условиях нарастающего мирового кризиса.

Опыт истории говорит о том, что в условиях глубокого и затяжного кризиса, испытав разочарование в господствующей системе ценно-

⁴⁰ Подробнее о модели планово-товарного хозяйства, о ее теоретических предпосылках и практическом содержании см в: Дзарасов Р. и Новоженев Д., указ. соч., гл. 8.

стей, и не видя для себя выхода, народные массы могут стремительно (по историческим меркам) перейти от пассивности к самым отчаянным формам социального протеста. Если не будет продуманной, реалистичной, т. е. практически осуществимой, альтернативы существующему общественному порядку, этот взрыв может ограничиться простым выбросом вполне обоснованной, но творчески бесплодной классовой ненависти. Сравнительно легко ее можно будет канализировать в утверждение диктатуры почвеннического типа.

Из сказанного выше можно заключить, что буржуазно-демократический путь развития возможен, только если правящий класс капиталистического общества готов пойти на существенный социальный компромисс с трудящимися. Этот компромисс труднее заключить буржуазии стран периферийного капитализма, т. к. подобные общества по природе мирового хозяйства вынуждены обслуживать капитализм центра. Следовательно, правящие классы подобных стран располагают гораздо меньшими доходами, которыми необходимо поделиться с трудящимися.

Теоретически в обществе периферийного капитализма может выделиться ядро национально ориентированного капитала, готового бросить вызов центру, и стремящегося опереться на поддержку более широкого круга социальных сил, включая трудящихся. Однако этому отряду буржуазии придется столкнуться с компрадорским капиталом. Отчасти подобный раскол можно было наблюдать в дореволюционной России, в которой Петербургский капитал в большей степени обладал компрадорскими чертами, а московский – в большей мере придерживался почвеннической ориентации⁴¹. Характерно и то, что именно в Москве выдвинулись предприниматели, оказывавшие поддержку революционерам, такие как С. Морозов и Шмид.

Однако, в конечном счете, русский национально ориентированный капитал так и не смог преодолеть свою зависимость от самодержавия и стать самостоятельным фактором в борьбе за будущее страны. Отбросив социальный компромисс, не смогли обеспечить развитие своих стран по пути буржуазных демократий и правящие классы Германии, Испании и Китая в первой половине прошлого века, как мы показали выше.

⁴¹ Очерк эволюции политической культуры московского купечества и промышленников во второй половине XIX- начала XX вв. см. в обстоятельной работе: Owen Thomas C. Capitalism and Politics in Russia: A Social History of the Moscow Merchants, 1855–1905. Cambridge: Cambridge University Press, 1981, 276 p.

В этих условиях буржуазно-демократические преобразования требуют установления контроля над крупным капиталом в интересах достижения социальных компромисса основных классов общества. Но подобный контроль является уже выходом за узкие рамки буржуазных норм и институтов, предполагая определенные шаги по пути обобществления собственности. Оно может и сильно различаться по степени и глубине преобразований в разных обществах, принимая разнообразные формы планирования, национализации каких-то производств и банков, участия рабочих в управлении производством и т. д.

Это еще не «полный» социализм (ни в основе, ни в основном), но это уже элементы социализма, как будущего общественного строя.

В.Я. Гросул

В.И. Ленин и образование СССР

В XX в. именно коммунисты выдвинули крупнейших политиков своего времени. В.И. Ленин и И.В. Сталин, Мао Цзедун и Дэн Сяопин, Хо Ши Мин и Георгий Димитров, Фидель Кастро и Эрнесто Че Гевара, Пальмиро Тольятти и Альвару Куньял, Долорес Ибаррури и – Морис Торез – лишь часть многочисленной плеяды деятелей коммунистического движения, равных которым мировая буржуазия не смогла противопоставить никого. Это одновременно революционные герои и мыслители, вожди масс и властители дум сразу нескольких поколений людей. Ленин, конечно, первый среди них. Он не только их предшественник, он их создатель, ибо Ленин был не только основателем большевистской партии – партии нового типа, но он стал демиургом, творцом целой системы коммунистических партий, возникших чуть ли не во всех странах мира. Такого вклада не внес никто. И сегодня самой крупной политической партией на земном шаре является партия китайских коммунистов, насчитывающая многие десятки миллионов членов. Ее главные символы – красное знамя с пятиконечной звездой и серп и молот были одобрены когда-то Лениным.

Родиной политических партий в современном смысле этого слова, как известно, стала Англия. Там впервые возникли консервативная (тори), либеральная (виги), радикальная, социалистическая, рабочая партии. Но не было ни одного англичанина или представителя какой-либо другой нации, который бы создал целую систему партий по всему земному шару. Такая задача оказалась под силу лишь Ленину.

Как личность Ленин чрезвычайно многогранен. Он родоначальник организованной, плановой экономики. Он вдохновитель плана ГОЭРЛО. Он создатель Красной Армии – той самой, что оказалась всех сильнее в Гражданскую войну, а затем внесла решающий вклад в дело разгрома мирового фашизма. Ленин был инициатором научной организации труда. И так можно продолжать и продолжать. Все это стало результатом того, что Ленин был революционером мысли и дела. По-

жалуй, в революционности Ленина лежит тот ключ, который открывает понимание и многих других его качеств и достижений.

Ленин вошел в революционное движение в 17 лет. Он еще не был марксистом, но уже понимал значение революции как таковой и особую ее роль для России. Шел ли он таким образом против исторического процесса? Нет, конечно. Это сегодня на всех углах проповедуют антидетерминизм, субъективизм, даже мистицизм. Да, случайность играет огромную роль в истории, но при этом существует и закономерность, которая, нередко, пробивается с большим опозданием. Италия – родина Возрождения, когда – то была передовой страной Европы, где капитализм хорошо прослеживается еще в XIV в. Но феодальная реакция задавила ростки итальянского капитализма и он победит только в XIX в. Переход от феодализма к капитализму это закономерность, характерная для всех крупнейших стран мира. Но в этой закономерности есть еще одна закономерность, переход этот осуществляется в революционной форме.

Нигде феодальный класс не отдавал власть добровольно. И поэтому буржуазия, вступив в союз с крестьянством, берет эту власть революционным путем. Так произошли Нидерландская, Английская, Французская и многие другие революции. А что же произошло в России? В России, видевшей перед собой пример Запада, переход к капитализму произошел путем реформ. Многие даже заявляли, что у России есть иммунитет от революции. Однако с выводами поспешили. Русская революция была лишь отложена на столетия, ибо буржуазные революции уничтожают самодержавие, вырывают власть у феодального класса, поначалу укрепляют позиции крестьянства. Ничего этого в России не произошло. Самодержавие сохранилось, власть в основном находилась в руках дворян, а бывшее крепостное крестьянство не только не увеличило свои земельные владения, но даже их сократило (так называемые отрезки). Великий русский аграрный вопрос был поставлен реформой 1861 г. Не случайно Ленин неоднократно писал, что 1917 г. был порожден 1905, а 1905–1861. И эту роль Крестьянской реформы он осознал еще в молодые годы. Его убежденность в неизбежности русской революции еще больше укрепилась, когда он изучил наследие классиков марксизма. С полным основанием он впоследствии писал: «...Маркс и Энгельс были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение»¹.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 247.

В Великой Русской Революции было заложено сразу несколько революций. Это крестьянская революция, как писал сам Ленин, буржуазная по своей сути. Это революция национальностей, тоже буржуазная. Это пролетарская революция, революция социалистическая. И это солдатско – матросская революция. Да, солдаты и матросы это в большинстве своем крестьяне и рабочие в военной форме, но к 1917 г. многомиллионная русская армия представляла собой особую социальную среду, имевшую свои собственные интересы и требования. Она осознала бессмысленность мировой бойни и всю вину за нее эксплуататорских классов. Армия стала в большинстве своем революционной и после массовой демобилизации в конце 1917–начале 1918 гг. в города и села возвращались люди, которые рассматривали себя в качестве революционных солдат и матросов. Именно они, нередко, возглавляли местные советы, различные комитеты и сходки. Без роли армии трудно понять обе революции 1917 г.

Ленин стал основателем советского государства, а затем и Союза Советских Социалистических Республик. Почему союз сложился именно в таких формах, были ли альтернативы и не были ли упущены другие возможности? С конца 80-х гг. целые группы антисоветчиков многократно, на разные мотивы стали петь песни о плохо задуманной и неудачно построенной конструкции нового государства. Они стали бросать прямые обвинения Ленину, в том числе и в том, что последовало через 70 лет. Многие не понимали того, что говорят, но были и такие, кто сознательно темнил, фальсифицировал, искажал. Главное было в том, что произошел отрыв от понимания реальностей. Антиисторизм стал господствовать в литературе, на телевидении и в других средствах массовой информации. Результатом стала коллективная дезориентация, историческая неграмотность и политическая слепота.

Россия – самая большая страна на земном шаре. Страна многонациональная, представленная различными конфессиями, отличающаяся разными географическими условиями. Управлять такой страной не легко. И подобрать единую идею, пожалуй, еще труднее. Идея должна быть наднациональной, надрелигиозной и чтобы устроить всех, она должна быть космической. Изначально русская идея это идея русской правды, т. е. идея справедливости. Ее, кстати, хорошо изложил Ф.М. Достоевский, когда писал, что главная характерная черта русского человека это стремление к справедливости и жажда ее. Эта русская правда в своем развитии вылилась в идею социальной правды, т. е. социализма, которая охватывала все более и более широкие слои населения. В 1917 г. эта идея стала господствующей. Не случайно социолог Пите-

рим Сорокин подчеркивал, что в 1917 г. социализм стал религией русского народа. И это нашло отражение в конкретных действиях. На выборах в Учредительное собрание представители социалистических партий получили 85% поддержки. И это не считая голосов национальных партий, где социалисты также пользовались заметным авторитетом.

В 1917 г. рассчитывать на успех в народе мог лишь тот, кто исповедовал идеи социализма. И, конечно, революционер. Революционер и социалист шел первым номером. Ни либералы, ни консерваторы даже и близко не могли с ними сравниться по популярности. Но в 1917 г. также заметно возросло и национальное движение. Не считаться с ним также было нельзя. Вообще русское революционное движение с самого своего зарождения учитывало многонациональный характер страны². Но решение национального вопроса видело по-разному. Еще у декабристов четко прослеживается три направления по поводу будущего устройства страны. Выявились централисты, наиболее видной фигурой которых был П. Пестель. Были сторонники федерации по территориальному принципу. В этом отношении выделялся Н. Муравьев. Но были и сторонники федерации по национальному признаку. Это прежде всего было характерно для Общества Соединенных Славян, планировавших федерацию славянских и неславянских стран.

Ленин и подавляющее большинство большевиков были централистами. Они открыто критиковали идею федерации. Но до поры, до времени. Точнее, до 1917 г. Что же произошло в этом году? Среди прочего, в этом году произошло небывалое разрастание национальных движений. Ленин и раньше уделял большое внимание национальному вопросу. Его работы в этой области, как известно, составляют целый том³. Вернувшись в апреле 1917 г. в Россию, он быстро разобрался в обстановке и увидел реальное положение вещей. В стране, где русские составляли лишь 47% населения нельзя было не учитывать настроения большинства. Но среди так называемых националов четко выделялись централисты – ассимиляторы, которые составляли среди них меньшинство, отделенцы, их было больше, но основная масса приходилась на федералистов. Федералисты стояли за широкую внутреннюю автономию в составе России. Не учитывать мнения большинства было нельзя, тем более, что самая многочисленная российская партия 1917 г. – эсеры уже внесла в свою программу лозунг федерализма.

² Гросул В.Я. Образование СССР (1917–1924 гг.). М., 2007. С. 5–10.

³ В.И. Ленин о национальном вопросе и национальной политике. М., 1989. С. 557.

И большевики включили в свою программу принцип федерализма. Иначе бы федералисты ушли бы за другими партиями. К двум основным принципам большевистской программы по национальному вопросу – принципу интернационализма (« Пролетарии всех стран, соединяйтесь!») и праву наций на самоопределение, вплоть до отделения, добавляется и принцип федерализма. Более того, еще весной 1917 г. Ленин выдвинул идею союза советских республик. **Подчеркиваем, весной 1917 г., а не позднее.** Произошло это на известной Апрельской конференции. 29 апреля (12 мая). Выступая по национальному вопросу, Ленин подчеркнул: «Мы хотим братского союза всех народов. Если будет Украинская республика и Российская республика, между ними будет больше связи, больше доверия. Если украинцы увидят, что у нас республика Советов, они не отделятся, а если у нас будет республика Милюкова, они отделятся»⁴.

Известно, что к концу 1917 г. в составе Российской Федерации был провозглашен ряд республик, но усилившаяся интервенция привела к отделению большинства их от России, а затем и провозглашению их формальной независимости. Порой, эта независимость стимулировалась самим советским правительством. Хорошо известно, что в Эстонии Советская власть, за исключением оккупированных немецкими войсками островов, победила уже в конце октября 1917 г. В Таллине и Тарту власть к Советам перешла уже 25–26 октября и Эстония стала одним из самых первых советских регионов. Ни кто иной как Ленин поставил вопрос об объявлении Эстляндии независимой республикой с целью добиться ее признания и предотвращения захвата Германией⁵. Но Советская власть первый раз здесь просуществовала недолго. 18 февраля 1918 г. германские войска приступили к оккупации и ее материковой части, которая завершилась в марте восстановлением буржуазных порядков.

В процессе интервенции произошло отделение от России и большинства других республик – Украинской, Белорусской, Молдавской и др. Многие из них провозгласили свою независимость. Так, во время германской оккупации, 9 марта была провозглашена независимая Белорусская народная республика. 25 марта ее руководство объявило об отделении Белоруссии от Советской России. Независимость была довольно призрачной, однако формально она существовала, и когда на-

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 436–437.

⁵ Панкеев А.К., Кауп Э.Г. Октябрьская революция и национальный вопрос в Эстонии // Великий Октябрь и национальный вопрос. Ереван, 1977. С. 69.

чалось восстановление Советской власти на этих землях, естественно, вопроса об их независимости нельзя было обойти. В процессе воссоздания советской эстонской государственности, 7 декабря 1918 г. за подписью Ленина выходит «Декрет Совета Народных Комиссаров о признании независимости Эстляндской Советской Республики». В первом же пункте этого декрета заявлялось: «Российское советское правительство признает независимость Эстляндской Советской Республики. Высшей властью Эстляндии Российское советское правительство признает власть Советов Эстляндии, до съезда же Советов – власть Совета Народных Комиссаров Эстляндии, возглавляемого его председателем тов. Анвельтом»⁶. (Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сб. док. М., 1972, с. 65).

После восстановления Советской власти в Белоруссии возник вопрос и о белорусской советской государственности. Этот вопрос обсуждался и в ЦК РКП (б), и на заседаниях ВЦИК. Ленин принимал группу делегатов Всероссийского съезда белорусов – беженцев, состоявшегося еще 17–21 июля 1918 г. в Москве. В ноябре–декабре 1918 г., в процессе освобождения западных земель от немецких войск Ленин дал директиву всемерно поддерживать организующиеся на освобожденной территории национальные советские правительства.

В декабре 1918 – январе 1919 гг. в Белоруссии были проведены выборы в Советы, состоялись волостные, уездные и губернские съезды Советов. В резолюциях этих съездов их участники высказались за образование социалистической республики. Формируется Временное революционное рабочее – крестьянское правительство Советской Белоруссии и 1 января 1919 г. это правительство опубликовало Манифест о провозглашении Белорусской Советской Социалистической Республики. 31 января 1919 г. принимается постановление Президиума ВЦИК о признании независимости Белорусской Социалистической Советской Республики.

Три раза устанавливалась Советская власть на Украине и создавалась украинская советская республика и каждый раз руководство Советской России признавало независимость Советской Украины. 3 декабря 1919 г. VIII Всероссийская конференция РКП (б) принимает специальную резолюцию о Советской власти на Украине. В первом же пункте этой резолюции подчеркивалось: «Неуклонно проводя принцип самоопределения наций, ЦК считает необходимым еще раз под-

⁶ Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сб. док. М., 1972. С. 65.

твердить, что РКП стоит на точке зрения признания самостоятельности УССР»⁷.

Однако, признавая независимость советских республик руководство большевистской партии во главе с Лениным делало все возможное для их сближения и объединения. Четкая установка на союз советских республик прослеживается по документам января – марта 1919 г. Единый союз всех советских республик создать тогда не удалось, но 1 июня 1919 г. был принят документ чрезвычайной важности, который назывался «Постановление ВЦИК о военном союзе советских республик России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии».

В действительности, в нем шла речь не только о военном союзе. В этом документе подчеркивалось: «Военный союз всех упомянутых советских социалистических республик должен быть первым ответом на наступление общих врагов. Поэтому, стоя вполне на почве признания независимости, свободы и самоуправления трудящихся масс Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма и исходя как из резолюции Украинского Центрального Исполнительного Комитета, принятой на заседании 18 мая 1919 г., так и предложения советских правительств Латвии, Литвы и Белоруссии – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет признает необходимым провести тесное объединение». Далее следовало перечисление тех отраслей, которые подлежали объединению. Среди них были не только военная организация и военное командование, но и советы народного хозяйства, железнодорожное хозяйство и управление, финансы, комиссариаты труда этих республик⁸.

Объединение этих жизненно важных отраслей производилось при том, что признавалась независимость всех советских республик, более того, эта независимость в постановлении прямо подчеркивалась. Хотя среди руководства российской компартии имелись и другие настроения. В литературе обращено внимание на интервью Л.Б. Каменева газете «Правда» опубликованное 24 мая 1919 г., где он призывал к слиянию Украины и России⁹. В июне того же года при ВЦИК даже была создана специальная комиссия во главе с тем же Каменевым, в которую входили Н.Н. Крестинский, Х.Г. Раковский, Д.И. Курский с целью изу-

⁷ Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сб. док. М., 1972. С. 108.

⁸ Там же. С. 103.

⁹ Кульчицкий С.В. УССР в 1917–1922 годах: характер и пределы национальной государственности // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 229.

чения вопроса о вхождении национальных республик в состав РСФСР. В работе комиссии принимали также участие Л.М. Карахан, А.И. Рыков, Э.М. Скиянский. Последний из них – заместитель председателя Реввоенсовета республики даже официально предлагал объединить все независимые советские республики в единое государство путем их включения в РСФСР¹⁰. Таким образом, еще в 1919 г. были и такие мнения, но официальное Постановление о военном союзе советских республик признавало независимость этих республик.

Их независимость подчеркивалась многими документами и до, и после установления Советской власти в закавказских республиках. Эти республики уже имели по два – три года своей буржуазной государственности, признанной рядом зарубежных правительств до такой степени, что они направили сюда своих дипломатических представителей, а Грузия, Армения и Азербайджан имели их в ряде зарубежных стран. После восстановления Советской власти в Азербайджане в апреле 1920 г. Ленин направляет советскому правительству Азербайджана примечательную телеграмму. В ней писалось следующее: «Совнарком приветствует освобождение трудовых масс независимой Азербайджанской республики и выражает твердую уверенность, что под руководством своего Советского правительства независимая республика Азербайджан совместно с РСФСР отстоит свою свободу и независимость от заклятого врага угнетенных народов Востока – от империализма.

Да здравствует независимая Советская республика Азербайджана!

Да здравствуют рабочие и крестьяне Азербайджана!

Да здравствует союз рабочих и крестьян Азербайджана и России!»¹¹ В одной небольшой телеграмме независимость Азербайджана упоминается четыре раза, что, конечно, не было случайностью и несло в себе глубокий смысл.

12 марта 1922 г. Азербайджан, Армения и Грузия подписывают союзный договор, где подчеркивалось признание независимости и суверенности каждой из договаривающихся сторон. Создается, таким образом, Закавказская федерация советских республик и в том же году была проведена основная работа по созданию нового государства – СССР. К этому времени более 90% бывшей России было уже собрано. Роль В.И.Ленина в этом деле была исключительной. Не случайно даже Н.А. Бердяев признавал, что именно Ленин «остановил хаотиче-

¹⁰ История России XX–XXI века. Под ред. Л.В. Милова. М., 2006. С. 348.

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 119.

ский распад России ». Кстати, тот же Бердяев, отнюдь не сторонник Советской власти, подчеркивал: «Ленин был революционер – максималист и государственный человек»¹². Да, Ленин был человеком государственного подхода, но строил он государство нового типа. Строил на землях старой России. Поэтому нельзя не отметить книгу философа Б.Н. Бессонова под заглавием «Владимир Ленин – собиратель земель Русских», где показана огромная роль Ленина как собирателя русских земель и, кстати, не только русских. Ленин сплотил многочисленные народы во многом благодаря созданию такого государства, которого прежде в мировой истории не было. Основа его была заложена в 1917 г., а важнейшие конструкции сооружаются в 1922.

Ускорению работы по созданию СССР способствовала подготовка единой делегации на международной конференции в Генуе. В руководстве партии, однако, не было единства по поводу принципа объединения республик. В соответствии с предложением специальной комиссии Оргбюро ЦК был выработан план, получивший название плана автономизации, по которому предусматривалось «признать целесообразным формальное вступление независимых советских республик : Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР, оставив вопрос о Бухаре, Хорезме и ДВР открытым и ограничившись принятием договоров с ними по таможенному делу, внешней торговле, иностранным и военным делам и прочее ». Как отмечается в литературе, «рассмотрение проекта на местах выявило большие расхождения по вопросу о форме объединения республик»¹³. Действительно, этот проект не получил поддержки не только руководства Грузии, но и руководства Украины и Белоруссии. Такая реакция, конечно, была не случайной. Получалось, что путем включения в состав РСФСР будет ликвидирована независимость остальных республик. Тем самым нарушались многочисленные договора и декларации. Прежде всего, Декларация прав народов России от 2 (15) ноября 1917 г. – один из основополагающих документов Советской власти по национальному вопросу, в соответствии с которым провозглашались равенство и суверенность народов России, их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образование самостоятельных государств. Выходило, что Советская власть отказалась от своих принципов по национальному вопросу и обманула народы своей стра-

¹² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 95.

¹³ Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик. Сб. док. 1922–1936. Т. III. М., 1960. С. 10.

ны, воспользовавшись их поддержкой в годы Гражданской войны и военной интервенции. Дело могло принять серьезный оборот.

25 сентября 1922 г. материалы Комиссии были переправлены в Горки, где тогда находился Ленин. Изучив их, Ленин пригласил Сталина, сторонника плана автономизации, на беседу, которая продолжалась 2 часа 40 минут¹⁴. В процессе этой беседы и были решены основополагающие принципы построения СССР. Лениным была внесена принципиальная поправка, которая тогда же была поддержана и Сталиным. Вместо вступления в РСФСР предложено было «Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии». Как писал сам Ленин в письме Л.Б. Каменеву для членов Политбюро ЦК РКП (б) от 26 сентября 1922 г.: «Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую Федерацию, «Союз Советских Республик Европы и Азии»¹⁵. Ленин создает план двухэтажной федерации с общесоюзными и республиканскими учреждениями, план, который, практически, устроил всех. Дальнейшее построение СССР, собственно, было уже делом техники и через три месяца 30 декабря 1922 г. было торжественно объявлено о создании нового государства – Союза Советских Социалистических Республик. Объявлено было на I-ом съезде Советов СССР. Ленина по болезни на этом съезде не было, но его присутствие чувствовалось буквально во всем. Не случайно от имени делегаций союзных советских республик А.С. Енукидзе внес предложение избрать почетным председателем съезда Ленина, что и было поддержано единодушно.

Важнейшими документами съезда, который можно назвать историческим, были Декларация и Договор, буквально пронизанные ленинскими идеями. Собственно, это была реализация на практике тех мыслей, которые были изложены Лениным на Апрельской конференции. Союз советских республик, о котором тогда говорил лидер большевиков, был построен всего лишь через несколько лет после того как была поставлена такая задача. Было построено не просто государство, а государство нового типа, где на первое место была поставлена социальная демократия, а политическая демократия, которая с ней органически сочеталась, была выражена в форме Советов, в форме прямой производственной демократии. Ничего подобного до тех пор в мире не было. И не было до тех пор политика, который бы смог за такой корот-

¹⁴ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника Т. 12. М., 1982. С. 388.

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 211–213.

кий срок не только поставить, но и реализовать столь грандиозную задачу.

Тогда, в 1922 г. Ленин примерил представителей обоих направлений в советском руководстве. Правда, кое-кто говорил, что при такой конструкции может произойти распад государства. На что Ленин резонно отвечал: « У нас есть партия, партия все поправит ». Действительно, коммунистическая партия стала составной частью политической системы Советского Союза, стержнем этого государства. Такого тоже никогда в мире не было. Ведь партия на 99% являлась общественной организацией. Но государство было прочным и могучим. Это была подлинная сверхдержава, с которой считались во всем мире. Она прошло через сильнейшие испытания предвоенного, военного и послевоенного периодов. Как же получилось, что детище Ленина было разрушено через 70 лет? Уже в конце 80-х гг., с организацией атаки на него лично, стали все в большей степени говорить о неудачной конструкции, об отсутствии демократии, начали открытую атаку на партию.

Произошло нечто небывало в мировой истории. Сам руководитель партии организовал против нее атаку. Опасаясь проведения Пленума ЦК подобного октябрьскому Пленуму 1964 г., который снял Н.С. Хрущева, он обрушился на формулировку известной шестой статьи Конституции, в соответствии с которой партия объявлялась руководящей и направляющей силой советского общества. Сам же организатор этой атаки преспокойно пересел в президентское кресло, которое, впрочем, его не спасло. Один публицист очень образно писал лет десять тому назад о том, что могли сделать защитники крепости ночью во время сна, когда сам ее комендант запустил внутрь ее врага? К сожалению, есть и такие, кто спит и сегодня.

Атака на партию была, по существу атакой на Советский Союз. Далеко не все это понимали. Ленин, поддерживая идею союза суверенных республик, параллельно всячески укреплял партию. Вспомним известный X съезд партии 1921 г., когда одновременно с резолюцией по национальному вопросу, где констатировалось существование федерации как формы государственного союза независимых советских республик, была принята резолюция « О единстве партии ». Резолюция была предложена и написана самим Лениным. Во всей стране партия была единой, и пока эта установка соблюдалось, никакое разрушение Советскому Союзу не угрожало. Страна была сильной и достаточно централизованной. Советский народ как историческая, социальная и психологическая общность был реальностью, а отнюдь не выдумкой. Соответствующие социологические опросы это продемонстрировали

со всей убедительностью. Обращаем также внимание читателей на вышедшую в 2008 г. книгу В.И. Толстых «Мы были. Советский человек как он есть», где это убедительно показано.

Советский народ на референдуме 17 марта 1991 г. в большинстве своем высказался за сохранение Советского Союза. Но с мнением народа не посчитались. Но, ведь, и сегодня две трети населения Российской Федерации сожалеют о разрушении СССР. Сожалеют о нем и большинство населения Украины, Белоруссии, Молдавии, Казахстана. И это по самым последним социологическим опросам.

Страна и сегодня во многом живет за счет советских заделов. 99% добываемой в современной России нефти было разведано еще во времена СССР. Тогда же было построено 99% ныне действующих электростанций. А большинство зданий школ, больниц, детских садов? Недавно по телевизору сообщили о рухнувшей школе в одной из центральных областей России. Школу отстроили заново и оказалось, что это первая школа, построенная в этой области за последние 20 лет. И при этом, по всем каналам телевидения, радио, в других средствах так называемой информации каждодневно ведется атака на СССР с его великой наукой, литературой, искусством, высшей и средней школой, великим советским спортом. Советский Союз был пионером в области социальной демократии. Существовали прочные социальные права и гарантии. Какую демократию мы получили взамен? Право бросать бюллетень в урну без гарантии того, что его правильно учтут. И это под бесконечную трескотню о торжестве подлинной демократии. Прошло почти 20 лет после разрушения СССР и это детище Ленина по – прежнему является маяком и надеждой для миллионов людей, причем не только тех, кто являлся советскими гражданами.

И.М. Пушкарева

***Наследие В.И. Ленина
и рабочее движение в России***

140-я годовщина со дня рождения Ленина отражает сегодняшний день в истории нашей страны и, – я бы сказала, – некоторое протрезвление в обществе, недавно уповавшего только на рыночную экономику. Сегодня много статей о Ленине носит заведомо публицистический характер. Они фактически обращены к прошлому России. Но, сожалению, авторы этих статей забывают, что история – наука. Как любая другая наука, она имеет свои законы, в том числе она не приемлет вольного обращения с хронологией, требует рассмотрения событий и фактов в конкретно-исторических условиях. Историк по характеру своей профессии строго говоря вовсе не призван один отвечать на большие и сложные вопросы современности. Это – задача всех наук об обществе, где каждому должно принадлежать свое место.

В современной публицистике о Ленине присутствует некая скрытая взнервленность, особенно, если слово предоставляется представителям православной церкви или членам семей эмигрантов. Берется интервью у школьников, хотя из их учебников уже два десятилетия как исчезло имя Ленин вместе с понятием «революционное освободительное движение». Историческую объективность пытается соблюсти лишь относительно небольшая группа историков: в начале 90-х гг. многие историки приобщились к сенсационной публицистике, не выдержав зоны низкой заработной платы, в том числе в академических кругах. Ряд историков в связи с давно начавшимся мировым кризисом историзма стали политологами. В дни 140-й годовщины со дня рождения Ленина свое мнение высказал крупный политолог доктор исторических наук В.А. Никонов. В одном из телешоу он сказал так: «Ленин был крупной политической фигурой, которая меняла ход истории. Все перевороты (по-видимому, имелись в виду революции) связаны с именем Ленина. Ленин поднял власть, которая валялась». Эта характе-

ристика и заключительная фраза отражают время, его идентификацию современной политологии.

Вот уже 86 лет (с 21 января 1924 г.!) Ленин, как личность, принадлежит истории. Его жизнь, поступки и деятельность нельзя нет рассматривать без учета времени, в котором он жил. Это касается и формирование его марксистских теоретических взглядов и концепций, которые Ленин неустанно развивал в своих трудах. Определяя значение личности Ленина, можно выделить три крупных периода в его жизни.

Напомним, что Ленин родился в начале пореформенной эпохи, после отмены крепостного права в России, потребовавшей для кардинальных перемен в стране плеяду выдающихся личностей во многих областях науки, культуры, в общественно-политической сфере. В диапазоне одного - двух пореформенных десятилетий в конце 60–70-е гг. XIX в. родились и проявили себя крупные политические деятели и ученые: П.Н.Милоков, первый председатель Временного буржуазно-демократического правительства в 1917 г. – Г.Е. Львов, В.И. Вернадский, А.И. Гучков, А.А. Кизеветтер, В.И. Ульянов-Ленин, П.Б. Струве, С.Н. Булгаков; военные генералы – Л.Г. Корнилов, А.И.Деникин; мо- ложе Ленина на десять лет был А.Ф. Керенский и т. д.¹ Некоторые из них имели честолюбивые намерения управлять Россией. Но, так или иначе, в 1917–1918 гг. народ России, уставший от невзгод и войны, сделал свой выбор в пользу Ленина.

Гений или нет Ленин в политике, как, скажем, Толстой в литературе? Толкование гениальности неопределенно, как и ее связь с харизматичностью личности. Ленин, безусловно, был личностью, притягивающей к себе. Он не только обладал исключительной способностью предвидеть, предугадывать, заранее учитывать будущее развитие общественных процессов, но заставил уверовать в свои идеи миллионы людей, предопределяя их волю и поступки.

Юбилеи плохо совмещаются с наукой. На первый взгляд есть не мало верного в выступлениях в печати и режиссера Марка Захарова и писателя-тележурналиста Леонида Млечина и многих других публицистов. Но – к сожалению, они наполнены отчаянным неприятием личности Ленина. Вообще историческое чувство соотечественников в ряде случаев весьма своеобразно: порой кажется, что в нем отсутствует граница между прошлым и настоящим. Постоянно откатывая счетчик времени назад, мы пытаемся снова и снова переписать историю, глу-

¹ См. Политические деятели России. 1917. Библиографический словарь. М., 1993.

боко не вникая в ситуации прошлого, подтверждая известное, что связь истории с политикой была и будет во все времена. В этой обстановке историки тем более не могут не использовать знаменательные даты, чтобы не привнести в общество более трезвый, не замутненный политиканством и публицистичностью взгляд на события прошлого. Нельзя не дать оценку передергиванию фактов, напомнить о научных методах, присущих исторической науке, которые, как показала жизнь, практически неведомы публицистам.

Период второй биографии Ленина начался со вступления на арену политической борьбы. После казни брата Александра в 1887 г. Ленин избрал путь защитника народа в лучших традициях прогрессивных сил того времени, путь борца против бесправия трудящихся масс в России. Клеймя хищническое экономическое хозяйство помещиков и капиталистов, которое покоилось на эксплуатации народа и природных богатств страны, он выбрал для себя защиту той социальной категории по тому времени самых «униженных и оскорбленных», нищих в материальном и правовом отношении, которая представляла класс наемных работников и прежде всего на фабрично-заводских рабочих. Они были созидателями общественного богатства, от которого им самим доставалась лишь ничтожная доля². Еще до реформ 60-х гг., в 70-е гг. на почве неудовлетворения экономических требований, предъявляемых этими рабочими к работодателям, начались х стачки, которые впоследствии стали приобретать политический характер.

Ленин был последователем Маркса в эпоху индустриальной революции XIX–начала XX вв. И тот и другой жили в сообществах, когда в индустриальной революции новая технология была лишь ее частью. (Это очень важный момент, который историк или социолог, обращаясь к Ленину, не могут сбросить со счетов!). В начале XIX в. в эпоху набиравшего обороты капиталистического общества ни крупный теоретик той эпохи М.Вебер с его «воздействием идей», ни Э. Дюркейм, вообще никто из философов и политиков, а только Маркс стал

² В 1913 г. в России пролетарии составляли 17,5%, полупролетарии – 33,2 %; беднейшие мелкие хозяева -28,5% (итого -79,2%)%; 18,4% – были зажиточными мелкими хозяевами; 2,4% – составляла крупная буржуазия, помещики и высшие чины и пр. Последняя категория и делила между собой народное богатство страны. В 1913 г. оно составляло 69.193 млн.; каждый год страна богатела на 3331,4 млн. руб. //Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб. 1995. С.32–33; 221. Группировка данных переписи произведена В.И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России (см.: Полн. собр. соч. Т. 3. С. 505); данные на 1913 г. рассчитаны в кн.: Писарев И.Ю. Население и труд в СССР. М., 1966. С. 29–34.

единственным ученым, который выступил на стороне людей наемного труда. Живя в XIX в., Маркс был свидетелем ранней стадии промышленного капитализма. Он отмечал, что данная экономическая система превратила малую часть населения в капиталистов, владеющих и управляющих предприятиями для извлечения прибыли, а большую часть – в пролетариев, продающих свой производительный труд за заработную плату. Маркс был против того, чтобы рабочий, оказавшийся во власти капитала, становился бы обычным товаром, считая дегуманизацией такое положение дел в обществе. Он писал, что между капиталистами и рабочими, как классами, конфликты неизбежны вплоть до революции, вызванной стремительными переменами. Прямо и безоговорочно он принял сторону пролетариата в начавшихся социальных конфликтах, которые породил капитализм. Все труды Маркса – вера в то, что со временем большинство наемных рабочих осознает свое положение и (по всей вероятности?) насильственным путем проложит путь к лучшему будущему. Маркс жалел, что он не доживет до такой революции.

Ленин, перешагнув через народничество, стал верным учеником Маркса, уверовав не только в его теорию, но и в возможности в России через революцию прийти к социалистическому государству, о котором писал Маркс. С этой веры Ленина в марксизм начинается четкое осознанное и эмоционально выстраданное им путь овладения марксизмом, как теории и воплощение ее в практику революционного действия, путь будущего организатора рабочего и освободительного движения в России. Российское общество еще не поняло значения роста в городах рабочих стачек, а молодой политик Ленин уже писал весной 1894 г. в одной из первых своих публицистических работ: «Русский РАБОЧИЙ (здесь и далее прописные буквы и курсив Ленина И.П.), поднявшись во главе всех демократических элементов свалит абсолютизм и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ». Ленин подверг критике немарксистские труды крупных по тому времени русских ученых, которые ограничивались прагматическим изложением истории экономического положения пролетариата и практически не освещали социально-политического положения рабочего в России.

Этот труд Ленина, направленный против народников, стала первым программным документом революционного марксизма³.

Роль пролетариата в освободительном движении в России Ленин и круг его сторонников стали активно прокламировать в первых марксистских кружках, в личных контактах с заводскими рабочими, в жарких спорах с народниками, с их террористическими заскоками. Об этом много написано и тема эта, к чести историков партии, не ушла в тень и сегодня, в том числе благодаря книги Р.П. Поддубной «Ульяновы. Самарские страницы жизни», которая недавно вышла в свет, но стала сразу же библиографической редкостью благодаря малому тиражу. И это не случайно. О том, в какой обстановке приходится последние два десятилетия разрабатывать важные направления дореволюционной истории России, связанные с массовым рабочим движением, революциями и Лениным, без которых нет самой истории этой страны XX в., мне хорошо известно, как ответственному составителю и редактору, уникального (не побоюсь этого слова) издания «Рабочее движение в России 1895–февраль 1917 г. Хроника» (Далее – Хроника). Это – огромный новый комплекс источников по рабочему движению дореволюционной России.

Работа над Хроникой началась по международному проекту до «перестроек». В проекте участвовали страны Европы и США с целью создания Банка данных о рабочем движении в индустриальных странах в XIX–XX вв. Однако распад СССР, который пришелся на проявившейся в 80-е гг. XX в. кризис историзма в мировой науке, когда история стала уступать пальму первенства социологии, объективно ускорил спад интереса к рабочей истории. В конце 80-х гг. разработку рабочей истории уже нельзя было сравнить с «пиком» ее популярности в мире в 60–70-е гг. XX в. Тогда в СССР советская историография и о Ленине пополнялась ежегодно десятками книг со ссылками на его литературное творчество, теоретические труды, в которых красной нитью проходят проблемы рабочего класса и рабочего движения⁴.

В начале 90-х гг. в России против истории рабочих, рабочего движения, революций подняли голос свои же коллеги историки, чья тематика долгое время была не в фаворе – специалисты по истории либерализма и предпринимательской буржуазии, те, кто интересовался российскими элитами. Можно по-разному оценивать факт падения

³ Ленин В.И. Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 312.

⁴ Они названы в кн.: Справочный том к полному собранию сочинений В.И. Ленина. Часть I. М., 1969. С. 521–541 и др.

влияния прежних научных школ, но специалисту по истории массовых движений трудно было не заметить в этом явлении процесс отторжения самих принципов массовости, солидарности, коллективности, готовности подчинить личное общественному. «Рабочая тема» оказалась скомпрометированной вместе с историей РСДРП/КПСС. Вместе с дискредитацией прежних героев, очернением народных масс начались «перекося» в издательских планах редакций. Средства массовой информации «били» по российскому пролетарию, с сарказмом склоняя слово «гегемон», вменяя в вину рабочим России революцию 1917 г. («красную смуту»). Из научных программ, учебников и учебных пособий срочно были изъяты не только темы о Ленине, революциях, но и о положении трудовых масс, наемного рабочего человека в капиталистическом обществе. В итоге жизнь и судьба 10 млн только рабочих России (на начало XX в.), а вместе с семьями – 22 млн, т. е. примерно 1/5 части всего населения России оказались за пределами магистральных путей развития исторического знания в стране. Новому обществу просто было не нужным сопоставление положения трудового народа в стране в конце XX в и нищих рабочих в дореволюционной России. Одновременно стал набирать обороты «словесный разгул» в отношении Ленина, поиски компромата его личности, чуть ли не стремление возложить на него, как основателя первого в мире Советского социалистического государства, все неудачи тягостных дней «перестроек» в стране, взявшей курс на реставрацию капиталистического общества.

В этой обстановке в научной среде возникло опасение, что собранные до 90-х гг. и обработанные буквально «армией» ученых и архивистов первоисточники о рабочем движении в России застрянут до лучших времен в хранилище Государственного архива Российской Федерации, куда они передавались из архивов в течение нескольких лет. А это – материалы из более 300 фондов и более 100 архивов бывшего СССР, музеев, а также из периодической печати конца XIX–начала XX в. Но благодаря поддержки зарубежных научных фондов Голландии (Амстердам), Италии (Милан), Франции (Париж), а затем РГНФ этого не случилось и с 1992 г. началось с их финансовой помощью издание материалов по рабочему движению в России. С 1992 г. по 2008 г. вышло в свет 16 книг Хроники рабочего движения в 10 томах, общим объемом в 350 п.л.⁵

⁵ Рабочее движение в России. 1895-февраль 1917 г. Хроника. Вып. 1. 1895 год. М., 1992. С. 172; Вып. 2. 1896 год. М., СПб., 1993. С. 247; Вып. 3. 1897 год. М., СПб., 1995.

Начальной датой Хроники был выбран 1895 г. – с этого года началась статистика стачек фабричной инспекции под редакцией В.Е. Варзара. После глобального сбора материала Хроника превосходит эти показатели по количеству стачек в 4 раза, а по количеству стачечников – в 3 раза⁶. Эти материалы – квинтэссенция, сгусток, самое главное и важное, что может быть отнесено к рабочему движению и деятельности всех и прежде всего социал-демократических партий в России указанного периода, включая национальные партии. Это – спрессованная информация по теме, связанной самым тесным образом с именем Ленина и созданной им партией нового типа – РСДРП.

Хроника предоставляет материал для интеграции рабочей истории с новой социальной историей и тем самым подчеркивает жизнеспособность этого направления в гуманитарных дисциплинах. Как показала начальная стадия обработки нового комплексного источника, его исследование подтверждает правильность многих важных для развития мировой науки выводов советской историографии. Они не противоречат и новой рабочей истории⁶, материалы же, относящиеся к деятельности революционной рабочей партии в России (они представлены во всех трех разделах Хроники: «Массовое рабочее движение», «Рабочие, политические и партийные организации», «Листовки») напоминают о том, что настало время переписать историю РСДРП с учетом принятых теперь в науке подходов и методов. Ведь пока история РСДРП существует только в рамках многотомной Истории КПСС 60-х гг.

Обращение к информационному потенциалу Хроники способно устранить разрыв между объективным анализом событий и фактов, связанных как с общеисторическим процессом, массовым рабочим движением в России, так и с субъективным опытом индивидов, в число которых входит и Ленин. Разработка проблемы в этом направлении предполагает, что объективные и субъективные ее стороны будут рассматриваться как взаимозависимые и взаимосвязанные между собой. Возможности для этого исследования предоставляет новый комплекс источников уже потому, что без определенного объема мате-

С. 353; Вып.4. 1898 год. М., -СПб., 1997. С. 352; Вып.5. 1899 год. М., ИРИ РАН, 1998. С. 391; Вып. 6. 1900 год. М., СПб., 1999. С. 411; Вып.7. 1901 год. С-Пб., 2000. С. 607; Вып.8. Ч. 1–2. 1902 год. М., ИРИ РАН, 2003. С. 836; Вып.9. 1903 год. Ч. 1–4. М., ИРИ РАН, 2005. С. 1290; Вып.10. 1904 год. Ч. 1–3. М., 2008. С. 808.

⁶ См. об этом: Пушкарева И.М., Пушкарева Н.Л. «Новая рабочая история» в зарубежной историографии //Социальная история. Ежегодник. 2001–2002. М., 2004. С.47–69.

риала о рабочем движении в России нельзя понять ни систему взглядов, ни единый и определяющий замысел, ни ведущую мысль ленинских трудов, которая ориентировалась на практику, на формирование самосознания людей российского общества.

В Хронике рабочего движения Ленин присутствует лишь в примечаниях и как автор листовок. Но взятые в совокупности ее материалы показывают, что развитие предреволюционной истории рабочего движения в России точно соответствовало ленинскому предвидению. Эти материалы подтверждают удивительную способность Ленина в девиантных событиях, связанных с рабочим движением, разглядеть новые элементы не только стачечной борьбы, но и магистральное направление освободительной борьбы народов России. Анализ комплекса источников о массовом рабочем движении, представленных Хроникой, проясняет интерпретативные схемы ленинской теории в отношении развития форм и методов борьбы рабочего класса России. Это, во-первых, а во-вторых, обобщая информацию этого и других ее разделов и сопоставляя ее с ленинскими работами, можно увидеть новые грани таланта Ленина как организатора массового движения. Ленин строил стратегию и тактику революционной борьбы, тщательно изучая положение рабочих за заводах и фабриках, систему заработной платы и штрафов, технику расценок, порядки на предприятиях. Факты, которые приводятся в работах Ленина о положении рабочих в дореволюционной России, умножаются источниками, которые предлагает Хроника, подтверждая правоту Ленина. Несмотря на то, что Ленин мыслил в основных категориями «классов», он хорошо видел неоднородность рабочего класса, особенно когда дело касалось агитации. В работах Ленина идеология рабочего движения конгруэнтна сознанию потенциальных его участников. Вместе с тем Ленин был уверен, что передовой слой рабочих на рубеже XIX–XX вв. уже должен осознанно в политическом отношении понимать свое угнетенное положение при капитализме с его истинной паразитической природой.

Рабочее движение в конце XIX в. только выходило из латентной стадии, когда протесты рабочих были направлены против конкретных хозяев, реже – против местных властей, а Ленин уже писал о наступлении новой стадии движения. Она заключалась в повторявшихся все чаще коллективных стачках, массовых действиях, которым необходима «фаза организации» и создание «ядра движения» для завершения его цикла. Рабочее движение, как целостная система у Ленина становилась инструментом для ломки изжившего себя государственного устройства общества.

По материалам Хроники подсчитано, что в 1895 г., когда Лениным и небольшой группой революционеров в России был создан «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», в стране произошло только 274 стачки, в которых участвовало 61 тыс. рабочих. Но, как и рассчитывал на то Ленин, уже в 1903 г. число стачек возросло в стране по сравнению с 1895 г. в 10 раз и в 7 раз увеличилось число бастующих. За десять лет перед революцией – с 1895 по 1904 гг. – более 1,5 млн рабочих участвовало не менее чем в 8 тыс. трудовых конфликтов, из них более 7 тыс. были стачками, которые систематически останавливали работу различных производств⁷.

Материалы Хроники стали недостающим звеном в статистике стачек в России с 1895 по 1917 гг. Вместе с другими показателями, полученными ранее по другим периодам истории России начала XX в., они подтверждают правильность предвидения Ленина в отношении роли рабочего в общественной жизни России. За названные выше 22 года в забастовочном движении в стране участвовало не менее 18,5 млн рабочих, При соотношении данного числа с общей численностью рабочих в России получается, что каждый рабочий в России в среднем участвовал в стачках примерно 2 раза.

Каждая стачка – «маленькая война» и, «как всякая война, она связана с огромного количества факторов», – пишет американский исследователь Ч. Тилли⁸. Это внутреннее «военное» состояние русского общества продолжалось с первых лет участия Ленина в политической жизни России и до последних дней его жизни (включая гражданскую войну). Вне этих исторических условий нельзя рассматривать деятельность Ленина, его поступки, высказывания, позднее – руководящие указания как главы государства. «В политической жизни месяцы военного времени зачисляются историей за годы. А время, переживаемое нами, действительно, – военное время»⁹, – писал сам Ленин

Рабочий класс России (не без помощи той части интеллигенции, которая, как и Ленин, приняла сторону народа) заявил о себе, как главная определяющая (подобно барометру) расстановку политических сил в обществе, а стачки рабочих в России становились предвест-

⁷ Новая статистика стачек рабочих в дореволюционный период, а также количественные показатели о партийных, рабочих и других организациях, о распространении листовок в рабочей среде в дореволюционный период. См. в статье: Пушкарева И.М. Возвращение к забытой теме: Массовое рабочее движение в начале XX века // Отечественная история. 2000. N 2. С.101–120.

⁸ Tilly Ch. Strikes in Frans. 1930-1968. Cambridge, 1974. P. 368.

⁹ Ленин В.И. Признаки банкротства // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 279.

ником не имевшей аналогов новой полосы в мировой истории. Общая политическая атмосфера побуждала Ленина упорно бороться за то, чтобы рабочий класс сам свою судьбу сам, не надеясь, как это предлагал П.Н. Милуков, на «профессиональных политиков» из либеральной интеллигенции, близкой к цензовым группировкам.

Понятие «рабочее движение» в трудах Ленина фактически неотделимо от руководящей роли в нем рабочей партии и ее главной способности – мобилизации и объединении деприватизированных слоев общества на борьбу за демократические свободы, которой были лишены народы России. Известно, что с 1899 г., находясь еще в далекой ссылке, Ленин уже развернул деятельность по созданию революционной партии с привлечением передовых политически просвещенных участников рабочего движения. Рабочее дело в России переходило на рубеже XIX–XX вв. от чистого теоретика лидера социал-демократов Плеханова к марксисту-практику Ленину с его первым организационно-пропагандистским «детищем» – газетой «Искра».

Ленин ощущал себя бойцом, участником «военных сражений» за дело рабочего класса. Без понимания этого трудно дать правильную и справедливую оценку его личности и документам, связанным с его деятельностью. Ленин не просто отработывал за письменным столом или в кругу единомышленников новые повороты в теории классовой борьбы, а думал об их воплощении в жизнь ради единственной цели – освобождения трудящихся масс от ига капитализма. Когда вокруг него начали смыкаться первые шеренги борцов-агитаторов за революцию в России, он написал в 1901 г.: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам всегда приходится почти всегда идти под их огнем...»¹⁰ Великий утопист, кремлевский мечтатель, – так охарактеризовал Ленина в 1920 г. писатель фантаст Герберт Уэллс. Недоверчивое отношение Ленин встречал к себе и своим теориям и входя в новое столетие. Но предвидения Ленина сбывались в большом и в малом по ходу истории в начале XX в.

Новый массовый источник – Хроника – представляет рабочую партию начала XX в. в России как часть рабочего движения, как его «особую» часть, которая состоит из профессионалов, сторонников Ленина – интеллигентов и рабочих, – объединенных доброй волей, активных участников социально-политической сферы этого движения. Обобщение сведений, заключенных в Хронике, дает возможность

¹⁰ Ленин В.И. Что делать? Полн. собр. соч. Т. 6. С. 9.

представить впервые на всем пространстве России партийные и рабочие организации, участвовавших в рабочем движении. На 85–87% комитеты и группы восьми социал-демократических партий, включая с.-д. партии в национальных районах. Притом, если в 1895 г. среди рабочих вели работу 54 партийные и рабочие организации, то в 1895–1904 гг. их уже насчитывалось около 700. Подавляющее большинство эти были комитеты и группы гибкой, разветвленной социал - демократической партийной сети, раскинувшейся от Архангельска и Вологды на севере до Баку и Ташкента на юге, от Варшавы и Риге на западе до Читы и о-ва Сахалин на востоке. Наиболее густой эта сеть была в 10 промышленной развитых губерниях. Они отмечены местной полицией в более чем 300 населенных пунктах, в том числе – в 188 городах России: в 68 – губернских, 112 – уездных и в 8 – портовых и др. Эти партийные организации осуществляли разные функции нелегальной деятельности, выбирая сами ее формы, среди которых на первом месте стояло просвещение масс. По материалам Хроники в числе 4,5 тыс. наименований листовок, обращенных к рабочим и распространенным в 1895–1904 гг. ежегодно 85–87% принадлежала социал- демократическим центральным и местным комитетам и группам. После II съезда РСДРП через эти организации и листовки масса рабочих ознакомилась с ленинскими идеями, программами минимум и максимум завоевания и организации народной власти. Таковы факты дореволюционного периода связи Ленина с рабочим движением.

Как бы не представлять 25–26 октября (7–8 ноября) 1917 г. (переворотом или началом революции) этим историческим актом была воплощена в жизнь ленинская идея социалистической революции в России. Лениным же в конечном итоге по воле миллионов веками угнетаемого народа было положено начало строительства социалистического государства. И в истории этого государства было много замечательных страниц.

Ленин очень жестко оценивал обстановку в стране, расстановку классовых сил на формирующемся пространстве Советской власти, но рассчитывал на рост социально-политической сознательности освобожденных от угнетения, от недавней рабской зависимости масс, на рабочего и крестьянина, одетого в 1917 г. в солдатские шинели. Ленин исходил из виртуальных возможностей нового подъема массового движения, веря в силу мобилизационных возможностей партии нового типа, которую он создал.

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов чудовищные факты и события гражданской войны, как и всяких войн. Но здесь необходима

очень вдумчивая и сбалансированная их оценка, как и революций, которые являются теми же гражданскими войнами. «Христос с белым венчиком из роз» впереди революционного народа может быть только в стихах у А. Блока. Личность Ленина в данном случае должна быть связана с начавшимися исследованиями концепций личностей, каким образом они воплощались в политике, обществе и самосознании человека. Это научная проблема требует осмысления в связи с революциями, массовым движением и другими забытыми или полузабытыми актуальными темы российской истории.

С личностью Ленина, с его именем связаны очень трудные со всплохами гражданской войны первые годы существования во враждебном окружении первого в мире Советского социалистического государства. Его многие распоряжения обуславливались безвыходностью положения в этой войне. Тогда перед ним и всем партийным руководством стала задача возведения новой государственности, но нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что после ранения в августе 1918 г, состояние здоровья Ленина не позволяло ему вплотную контролировать политический процесс. Он очень быстро оказался в руках у триумвирата – Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев И.В. Сталин. Однако и тогда сила интеллекта и как личности Ленина проявилась в том, что он без компромиссов мог признавать ошибки. В 1921 г. в однородном положении он не поколебался поставить важный политический вопрос и круто повернуть руль от «военного коммунизма» к нэпу («Мы слишком далеко забежали» – это его фраза). За этим заявлением стояло глубокое знание экономики. Но он думал о пересмотре и некоторых положений о пролетарской диктатуре, но у его преемников не оказалось мужества тогда единственной, может быть, возможности для настоящего спасения страны – переходе от нэпа экономического к нэпу политическому и свертывания ликвидации диктатуры пролетариата. Этот вопрос так и не был продуман до конца, когда настали другие времена и уже без Ленина. Ленин не в ответе за ту практику, которая сопровождала строительство социалистического государства без него, не в ответе за вырождение партии и превращение ее в придаток номенклатур. И здесь нужно согласиться с тем, что над всеми критиками личности Ленина довлеет последующая история ВКП (б) и КПСС¹¹.

Идеи руководства Ленина массовым движением, опыт первых шагов в строительстве социалистического государства были восприняты во всем мире. Часто забывают, что произведения Ленина имеют

¹¹ Бузгалин А. В. Ленин как теоретик //Альтернативы. 2010. № 1. С. 25.

фантастическую популярность и сегодня в разных странах. Даже в парадигмах западной социологии общественных движений можно отследить влияние, увидеть отражение ленинской политической теории, связанной с возникновением массовых движений, с их внутри переходными стадиями (митинги, демонстрации и т. п.) Хотя некоторые представители теорий общественных движений не считают себя марксистами, в работах современных социологов развиваются идеи, связанные со структурой политических возможностей, говорится о циклах протеста, коллективных действиях масс, о мобилизации ресурсов массовых движений, об их результативности и т. д.¹² и все это можно найти в ленинских теоретических разработках.

Человек и личность как предмет исторического исследования занимает умы в мировой гуманитарной науке. Почти весь XX в. прошел под влиянием марксизма во все цивилизованных странах. Все это обязывает нас подойти к великому марксисту Ленину, с позиций историзма. Многие связанные с Лениным нуждаются в глубоком осмыслении. Оценка деятельности Ленина, его высказываний могут быть даны не в отрыве от определенных, от того времени, в котором он жил. Давая оценку ему и вообще людям той эпохи, в которой он жил, нельзя не связывать ее с проблемой отражения исторических событий в судьбах и самосознании человека на пути самоопределения личности в периоды политических потрясений, войн и революций. Будем учиться давать объяснение событиям и фактам, вовсе не ставя задачи нравственной индальгенции, но и не будучи сторонним наблюдателем истории своей страны. Надо помнить, что Ленин – часть нашей истории, другой истории у нас нет!

¹² См. об этом: Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993.

П. Линке

*К одному «пропущенному» вопросу
русской революции*

Ленин – в нас, мы все живем с Лениным. Это не только интеллектуальное упражнение, мы выросли с ним. Его образ определял во многом социализацию многих из тех, кто сегодня присутствует в этом зале. Как левые, мы просто обязаны заниматься самокритикой, а критикуя себя, мы одновременно задаем критические вопросы Ленину. Он для нас – на пьедестале, но не является поэтому божеством, не подлежащим критическому осмыслению. Только через такое осмысление он сохраняет свою продуктивность.

Ленин – гений, организатор и мотор Октябрьской революции. Несмотря на его выдающуюся роль, существовали и существуют темы и вопросы, по которым и Ленин, и его тогдашние соратники высказывались скупой и неисчерпывающей, избегали открытых и подробных дискуссий. Сегодня я хотел бы затронуть один из таких «пропущенных» вопросов, на мой взгляд, особенно важных с точки зрения актуальности для сегодняшних и будущих общественных дебатов о месте и роли человека в обществе и мироздании. Я имею в виду вопрос о том, что делает человека человеком, отличая его от животных, о его социобиологической сущности, телесности и сексуальности в самом широком смысле.

В этих своих заметках я не претендую на законченную концепцию или четко сформулированную критику, но считаю уместным в эти юбилейные ленинские дни обозначить этот вопрос в самых общих чертах и преимущественно в современном контексте. Но начну все же с нескольких исторических замечаний.

В этом зале нет нужды еще раз напоминать о бытовой скромности и аскетизме Ленина как одной из широко известных и многократно подтвержденных современниками черт его индивидуальности. Мы все восхищаемся его непритязательностью, однако очень часто забываем, что у этого феномена есть и обратная сторона. Я имею в виду напряженное, неоднозначное отношение такого рода личности к чувствен-

ности, телесности, наслаждению и, конечно, эротизму. Видимо, это объясняет тот факт, почему Ленин, как, впрочем, и другие мужчины-социалисты, с самого начала весьма скептически относился к дискуссиям о сексуальной морали, имевшим место в женской части движения. Ранние дебаты о «свободной любви», которые, например, инициировала Инесса Арманд еще до первой мировой войны, Ленин считал, по крайней мере, несвоевременными.

Уже после Октября горячим протагонистом этой темы стала, как известно, Александра Коллонтай. Еще в 1918 г. она отмечала в своей работе «Новая мораль и рабочий класс», что женщина должна не только экономически, но и эмоционально и духовно освободиться от предрассудков и «оков любви», препятствующих ее самореализации. Но понастоящему жаркие дискуссии вызвало ее письмо к трудящейся молодежи, озаглавленное «Дорогу крылатому Эросу!» (1923 г.): «В годы обостренной гражданской войны и борьбы с разрухой для любовных «радостей и пыток» не было ни времени, ни избытка душевных сил... Господином положения на время оказался несложный естественный голос природы – биологический инстинкт воспроизводства, влечение двух половых особей. Мужчина и женщина – легко, много легче прежнего, проще прежнего сходились и расходились. Сходились без больших душевных эмоций и расходились без слез и боли... Проституция, правда, исчезала, но явно увеличивалось свободное, без обоюдных обязательств, общение полов, в котором двигателем являлся оголенный, не прикрашенный любовными переживаниями инстинкт воспроизводства. Факт этот пугал некоторых. Но на самом деле в те годы взаимоотношения полов и не могли складываться иначе...Классу борцов в момент, когда над трудовым человечеством неумолчно звучал привычный колокол революции, нельзя было подпадать под власть крылатого Эроса...

Теперь, когда революция в России одержала верх и укрепилась, когда атмосфера революционной схватки перестала поглощать человека целиком и без остатка, нежнокрылый Эрос, загнанный временно в терновник пренебрежения, снова начинает предъявлять свои права...Женщина и мужчина сейчас не только «сходятся», не только завязывают скоропроходящую связь для утоления полового инстинкта, как это чаще всего было в годы революции, но и начинают снова пережи-

вать «любовные романы», познавая все муки любви, всю окрыленность счастья и взаимного влюбления»¹.

Длинная цитата указывает на следующее важное обстоятельство: даже столь осторожные высказывания, далекие от проповеди «свободной любви», вызвали радикальное отторжение влиятельных кругов советских идеологов. Среди них – Надежда Крупская, ректор Комакадемии Михаил Лядов и даже весьма либерально настроенный нарком просвещения Анатолий Луначарский. В 1925 г. Луначарский отстаивает свой романтизированный, типичный для раннего Серебряного века взгляд на любовные отношения: «В будущем это будет коллективная влюбленность женского начала в мужское и мужского – в женское. Мужчина будет стараться быть мудрым, сильным и красивым, великодушным, быть другом женщины, окружать ее любовью и нежностью, потому что она дает ему самому величайшее счастье и обеспечивает продолжение вида. Точно также женщина будет стремиться дополнять своего друга в качестве человека другого пола, не в качестве куклы или кухарки, но равной по дух, только с другими чертами этого духа, не менее, чем мужчина, способного к творческим созиданиям и научным полетам мысли и всяким другим выражениям полноты физического и психического существа»².

Но главным, пожалуй, оппонентом взглядов Коллонтай выступал врач-педиатр, ярый анти-фрейдист Арон Залкинд. Полемизируя с ее взглядами, он требует полного подчинения сексуальности классовым интересам пролетариата. В знаменитых «Двенадцати половых заповедях революционного пролетариата» он формулирует это следующим образом:

«1. Не должно быть слишком раннего развития половой жизни в среде пролетариата.

2. Необходимо половое воздержание до брака, а брак лишь в состоянии полной социальной и биологической зрелости (т. е. 20–25 лет).

3. Половая связь – лишь как конечное завершение глубокой все-сторонней симпатии и привязанности к объекту половой любви...

¹ А.М. Коллонтай. Большая любовь. «Азбука-классика», Санкт-Петербург, 2008, С. 361–362.

² А.Луначарский. Мораль с марксистской точки зрения. Издательство «Пролетарий», 1925, С.40

4. Половой акт должен быть лишь конечным звеном в цепи глубоких и сложных переживаний, связывающих в данный момент любящих...

5. Половой акт не должен часто повторяться...

6. Не надо часто менять половой объект. Поменьше полового разнообразия...

7. Любовь должна быть моногамной, моноандрической (одна жена, один муж)...

8. При всяком половом акте всегда надо помнить о возможности зарождения ребенка – и вообще помнить о потомстве...

9. Половой подбор должен строиться по линии классовой, революционно-пролетарской целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специально полового завоевания...

10. Не должно быть ревности...

11. Не должно быть половых извращений...

12. Класс, в интересах революционной целесообразности, имеет право вмешаться в половую жизнь своих сочленов. Половое должно во всем подчиняться классовому, ничем последнему не мешая, во всем его обслуживая...»³

Ленин, конечно, не слышал об этих заповедях (они вышли после его смерти), но наверняка вряд ли бы с ними согласился, слишком они отдают вульгарным социологизмом. Но, как правильно, на мой взгляд, отмечает авторитетный сексолог Игорь Кон, «по своим внутренним интенциям и акцентам на социальный контроль, взгляды Залкинда были ему (Ленину) гораздо ближе, чем коллонтаевский неуправляемый и отдающих индивидуализмом «крылатый Эрос», не говоря уже о «свободной любви»⁴.

На эту мысль наводит и знаменитая беседа вождя с Кларой Цеткин осенью 1920 г. насчет теории «стакана воды», пересказанная в позднейших письменных воспоминаниях, согласно которой заниматься сексом при коммунизме так же просто, как выпить воды. «Гипертрофия сексуальности», по Ленину, «не дает радости жизни, жизненной силы, а только уменьшает их... Революция требует концентрации, напряжения сил. От масс, от каждого в отдельности. Она не терпит оргиастических состояний, которые нормальны для декадентских героев и героинь Д' Аннунцио. Безудержность сексуальной жизни буржуазна,

³ Цит. по: И.С.Кон. Сексуальная культура в России. О.Г.И, Москва, 1997, С. 133–134

⁴ И.С.Кон. Сексуальная культура в России. О.Г.И, Москва, 1997, С. 135

она – признак разложения. Пролетариат – восходящий класс. Он не нуждается в дурмане для наркоза или в качестве стимула. Ни в дурмане сексуального перевозбуждения, ни через алкоголь...»⁵

Нам не дано судить, как изменились бы взгляды Ленина в этой сфере, проживи он более долгую физическую жизнь. Что касается Коллонтай, то позволю себе еще одну цитату: «... (она) стала канонизированной легендой женского революционного движения. Но ее идеал коммунистической любви, семьи и брака из настоящего переместился в будущее, из политической реальности в литературу»⁶.

Еще до войны в СССР предпринимались серьезные попытки обновить окружающую «нового советского человека» городскую и семейную среду. Сошлюсь лишь на концепции «социалистического города» (Николай Милютин и Александр Веснин) и «нового быта» с пресловутым слоганом Луначарского «Убить кухню». В целом за советский период удалось сделать многое для социальной и индивидуальной эмансипации женщины. Но, несмотря на этот безусловный позитив, упоминавшаяся «линия» Луначарского, отстаивавшего традиционную роль женщины как матери и хранительницы очага, так и осталась преобладающим элементом советской гендерной конструкции вплоть до конца СССР.

Не буду более детально характеризовать все перипетии советской эволюции в этой сфере, рекомендую желающим ознакомиться, например, с основательной и уже процитированной мной монографией Игоря Кона. Знакомство с поздней советской действительностью в мои студенческие годы в Москве и невольное сравнение с ситуацией в ГДР только подтверждают уже упомянутую тенденцию: чувственность, эротизм, сексуальность остались в значительной мере вытесненными из общественного пространства. Это состояние, как мне кажется, благополучно воспроизводится в постсоветской России. Расплодившиеся в стране за последние годы «секс-шопы» вряд ли свидетельствуют об обратном.

Вернемся, однако, к нынешнему юбилею и проблемам современных левых. В этой связи мне хотелось бы поставить вопрос так: нынешние левые теоретики и интеллектуалы в России (от коммунистов до новых левых и социал-демократов), продолжая традиции прошлого века, кажется, по-прежнему не считают нужным заниматься сексуаль-

⁵ Цит. по: Clara Zetkin. Erinnerungen an Lenin, Berlin 1975

<http://www.marxists.org/deutsch/archiv/zetkin/1925/erinnerungen/lenin.html>

⁶ Из предисловия Анджее Иконникова-Галицкого к: Александра Коллонтай. Большая любовь, «Азбука-классика», СПб, 2008, С. 24

ным вопросом, видимо снова опасаясь, что он отнимает слишком много энергии, так необходимой для более важных вещей. Похоже, что в России этого не боится один Эдуард Лимонов.

А теперь перенесемся в Германию. Там среди левых также заметна некая абстинентность к обсуждаемой тематике. Это проявляется как в дискуссиях о мировом финансовом кризисе, так и в многочисленных публикациях вокруг событий 1968 г. Много говорят об экономике, немного о социологии, но почти ничего – о чувственности, хотя именно феномен 1968 г. невозможно понять вне этого контекста. Неслучайно, что книга Герберта Маркузе «Эрос и цивилизация», написанная еще в середине 50-х гг., именно тогда стала новой настольной книгой для левых на западе.

Не риску обвинить нынешних немецких левых в коллективной чопорности и тем более ханжестве, скажу только, что, по-моему, левая мысль простиралась в прошлом гораздо дальше, чем сейчас. Конечно, и в немецкой социал-демократии и в коммунистических кругах имели место перегибы и отклонения в сторону откровенного мужского шовинизма. Нельзя исключать, что, например, источником многих «историй» и анекдотов, связанных с именем Розы Люксембург и ее т. н. любовниками, были сами социалисты.

В то же время в немецком рабочем и социалистическом движении существовала малозаметная, но стойкая традиция включения в революционную практику таких аспектов, как телесность и чувственность. Вспомним хотя бы распространенное в начале XX в., среди прогрессивных рабочих, особенно среди левой молодежи, движение культуры обнаженного тела (FKK-Freikörperkultur). Оно существовало и развивалось равноправно в ряду таких явлений, как рабочие шахматы, спортивные клубы, кружки эсперанто.

Приход нацистов оборвал это развитие. Несмотря на наличие собственного культа обнаженного тела, нацисты отрицали присущий «рабочему» движению FKK эмансипационный импульс к преодолению классовой ограниченности и установлению всемирного товарищества людей. Но даже в нацистской Германии запрет FKK был частично отменен в 1942 г. В обоих послевоенных немецких государствах эти смягченные правила действовали вплоть до середины 50-х гг. Отцы-основатели первого государства рабочих и крестьян на немецкой земле были вполне «в теме», как сейчас принято выражаться, и некоторые из них добивались ужесточения существовавшей тогда практики. Даже известный поэт-экспрессионист и одно время министр культуры ГДР Йоганнес Р.Бехер, выступал за ограничения в этой сфере. С другой

стороны, в молодой республике с самого начала существовала оппозиция таким поползновениям, особенно среди вернувшихся из эмиграции левонастроенных интеллектуалов и культурных функционеров, таких как Фридрих Вольф, Анна Зегерс или Рудольф Бернштейн.

В итоге 1956 г. власти ГДР либерализовали «купание в обнаженном виде», и постепенно это вид досуга, а для некоторых и стиль жизни, превратились в ГДР в нормальное и общепризнанное явление. Это было знаковым явлением, отразившим раскрепощенное состояние общественного сознания. Его индикаторы можно было обнаружить повсюду: в семейных отношениях, в трудовых коллективах, а также в художественной сфере, особенно в кино. Для людей моего поколения в ГДР, – думаю, со мной многие согласятся, – одним из ключевых кинофильмов стала картина Германа Цшохе «Семь веснушек» (Hermann Zschoche, „Sieben Sommersprossen“) – история двух подростков, вступающих против пуританских порядков в летнем пионерлагере.

В «старой» ФРГ ситуация была гораздо более «зажатой». Буржуазная общественная мораль в целом успешно сопротивлялась натиску активистов 1968 г. феминисток и приверженцев разного рода альтернативных представлений. После немецкого объединения господствовавшие на западе страны взгляды были без всяких церемоний распространены на новые восточные земли.

Это, конечно, не осталось без последствий для немецких левых. Оказавшись в положении глухой обороны, они привыкли к осторожности и интеллектуальной сдержанности, что, кстати, не всегда характерно для духовной атмосферы нашего общества в целом. В результате многие ведущиеся левыми дебаты производят весьма стерильное, бесстрастное впечатление. Идеологическая закомплексованность отражается и в самоограничении при обсуждении тех или иных тем, в том числе обсуждаемой нами. Как ни странно, здесь прослеживаются очевидные параллели с ситуацией в Веймарской республике, когда организованные левые (коммунисты и социал-демократы) также нередко, хотя и скорее по причине присущего им социального консерватизма, оказывались на обочине бурных общественных дискуссий того времени вокруг новой целостности, новой чувственности, тотальной переоценки отношений человека и природы, «человеческих координат» во Вселенной.

Сегодня эта дискуссия переживает новый бурный взлет. На фоне новых открытий в передовых областях, таких как геновая инженерия, репродуктивная медицина, нанотехнология, робототехника возникли новые точки философского дискурса: о киборгизации межчеловече-

ских и общественных отношений в целом, новом синтезе человека и машины. Дальше всех здесь продвинулись, кажется, японские киберпанки (фильмы «Дух во плоти»/Ghost in the Shell и «Эксперименты Лэйн»/Serial Experiments Lain). Или постоянно расширяющееся движение трансгуманистов, ломающих головы над том, как поднять на новый уровень физические и интеллектуальные возможности человека (Human Enhancement). Или последователи постгендеризма, т. е. сторонники преодоления традиционной гендерной бинарности...

Как бы ни относиться ко всем этим дебатам, они отражают важные, если не центральные процессы современных обществ, которые вполне могут иметь революционный характер.

На обломках старых философских знаний, опирающихся на отчаянный поиск вечно загадочной субстанции, возникает новая философия – поиска «пределов возможного» (выражаясь словами современного философа Федора Гиренка). Трудно избавиться от ощущения, что современные классические левые добровольно согласились на роль сторонних наблюдателей или даже критиков такого поиска, отвергая его как «проявление буржуазной скуки».

По сравнению с двадцатыми-тридцатыми годами прошлого века, ограниченность идейных исканий левых, очевидно, усугубляется еще одним фактором. На критический скепсис левых деятелей «ленинского призыва» в отношении телесности и чувственности накладывается отчетливая технофобия, присущая современным левым. Здесь, на мой взгляд, таится большая опасность: человеческая чувственность, сексуальность смыкаются с техникой, образуя нечто Новое, что, возможно, станет центральной движущей силой, в решающей степени определяющей индивидуальную и общественную динамику недалекого будущего.

А.А. Куреньшев

*Ленин о коммуне как о форме
государственного устройства*

В.И. Ленин обратил свое внимание на парижскую коммуну и коммунальное устройство государственной власти в начале 1905 г. Доклад «О парижской коммуне» был им прочитан 5 (18) марта 1905 г. и был связан не только с годовщиной создания ПК в 1871 г., но и с революцией в самой России. Ее ход показывал, что инициатива ее развертывания и руководство находятся отнюдь не в руках пролетариата и его партии. Вопреки тому, что на протяжении многих лет утверждала отечественная историография, у так называемых либералов была вполне определенная и достаточно четкая и продуманная программа действий, включавшая как борьбу с самодержавием, так и так и установление определенного государственного устройства взамен самодержавно-бюрократического строя. В этой программе значительное внимание уделялось рабочим и крестьянам, а конечной целью борьбы определялось создание демократической федерации народов и территорий. Причем, значительная часть властных полномочий должна была быть передана из центра на места органам местного самоуправления, которые, в свою очередь, должны были формироваться в ходе борьбы с самодержавием явочным путем. Эти органы местного самоуправления были по замыслу деятелей освободительного движения, должны были напоминать швейцарские и бельгийские муниципальные органы власти, носившие наименование коммун.

Затем Ленин обратил свой взор к коммуне в 1907 г. в связи с публикацией в России писем К. Маркса к Кутельману. Критикуя Г.В. Плеханова за его отношение к вооруженной форме борьбы (в ноябре 1905 г. призывал вооружаться и учиться владеть оружием, а после поражения московского восстания заявил: не надо было братья за оружие), Ленин делает упор на том, что восстание было исторической инициативой масс. «Преклонение глубочайшего мыслителя, предвидевшего за полгода неудачу, перед исторической инициативой масс, – и безжизненное, бездушное, педантское: «Не надо было братья за оружие»!

Разве это не небо и земля», – писал Ленин¹. В этой же статье Ленин писал. Что борьба парижан за коммуну была шагом вперед во всемирно-историческом революционном движении. «Это – попытка, говорит он (Маркс А.К.) разрушить бюрократически-военную машину, а не просто передать ее в другие руки»².

Сама знаменитая, ставшая хрестоматийной статья «Памяти коммуны» была написана и опубликована В.И. Лениным к сорокалетнему юбилею первого опыта установления власти рабочих, диктатуры пролетариата в 1911 г.

В «Тетрадах по империализму», подготовительных материалах для книги «Империализм как высшая стадия капитализма» Ленин упоминал коммуну в связи с вопросом о борьбе с угрозой войны, разоружением или всеобщим вооружением народа, заменяющим постоянную армию. Во время Первой мировой войны, накануне Февральской революции Ленин снова возвращается к вопросу о коммуне, как новом типе государства в связи с социалистической революцией, как единственным для трудящихся выходе из катастрофической ситуации, вызванной войной. «Либо социализм, либо голод», – отмечает Ленин в набросках статьи «Уроки войны»³. Среди вопросов, связанных с социализмом, как спасением для трудящихся от ужасов войны. Варварства и одичания народов мира, Ленин выделяет уничтожение старой государственной машины (формулировка К. Каутского: разбить старую государственную машину), диктатуру пролетариата 1871 и 1905 и ставит вопрос: «Советы рабочих депутатов». Парламентаризм ли?»⁴ Ленин ставит вопрос о новой демократии, заменяющей «старую», без которой он не мыслит социалистической революции. Для него борьба за эту новую демократию неотделима от борьбы за социализм. Статья, которую Ленин писал в феврале 1917 г. им не была закончена, но многие ее мысли были изложены в «Письмах из далека».

В работе «О задачах РСДРП в русской революции», реферате, прочитанном Лениным на немецком языке 14(27) марта 1917 г. на собрании швейцарских рабочих в г. Цюрихе, он, опять же, отметил, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и заставить ее служить собственным целям. Пролетариат должен разбить эту машину (армию, полицию, бюрократию). Это важнейший практический урок Парижской коммуны и русской рево-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 377.

² Там же. С. 376.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 397.

⁴ Там же. С. 398.

люции 1905 г.»⁵ Далее Ленин говорил о том, чем программа социал-демократов отличается в вопросе об устройстве государственной власти от программы анархистов. «Мы отличается от анархистов тем, что признаем необходимость государства для совершения революционного переворота...мы говорим: нам требуется не готовая государственная машина, как она существует в самых демократических буржуазных республиках, а непосредственная власть вооруженных и организованных рабочих. Это то государство, какое нам требуется. Таким государством по существу была коммуна 1871 г. и Советы рабочих депутатов 1905 и 1917 гг. На этом фундаменте мы должны строить дальше»⁶.

По приезде в Россию в знаменитых Апрельских тезисах «О задачах пролетариата в данной революции Ленин заявил по вопросу об отношении к государству, который должен обсуждаться на очередном съезде партии, «наше требование государства-коммуны. То есть такого государства, прообраз которого дала Парижская коммуна»⁷.

Рассуждая о государственной власти в революционной России, Ленин приходит к выводу, что фактически в Петрограде установилась власть типа Парижской коммуны. «... нельзя забывать, – пишет Ленин в «Письмах о тактике», что фактически в Питере власть в руках рабочих и солдат; насилия над ними новое правительство не производит и не может произвести, ибо ни полиции, ни особой от народа армии, ни стоящего всесильно над народом чиновничества нет»⁸. Ленин, однако, не уточняет каким образом разбилась государственная машина царизма и почему столь слабой оказалась пришедшая ей на смену буржуазная государственная машина. В сосуществовании двух властей рабочей и буржуазной Ленин видел своеобразие политической ситуации в стране, сложившейся после февральского переворота. Причиной добровольного признания властью Временного правительства Советом рабочих депутатов Ленин считал забитость, несознательность, неорганизованность масс. Думается, что Ленин несколько искажал реальный ход исторических событий и, в частности, историю первой русской революции 1905–1907 гг. Тогда натиск на самодержавие в едином строю осуществляло «Освободительное движение», включавшее в свой состав и организованных рабочих, имевших свои профессионально-политические союзы и советы депутатов, и крестьянство,

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 76.

⁶ Там же. С. 76–77.

⁷ Там же. С. 116.

⁸ Там же. С. 135.

организованное во Всероссийский крестьянский союз, и земско-либеральную общественность. Именно эти политические круги пришли к власти в 1917 г. К ним нужно добавить думцев, представителей военно-промышленных комитетов, куда входили и рабочие, ставшие наряду с депутатами Думы социал-демократами инициаторами создания Петроградского совета рабочих депутатов.

Известный историк И. Фроянов считает, что: «...есть достаточные основания для утверждения о том, что Первая русская революция была, по сути, крестьянской революцией»⁹. Сам Ленин оценивал ее примерно также. «Одна из главных отличительных черт нашей революции состоит в том, что это была крестьянская буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России. Это была буржуазная революция, ибо ее непосредственной задачей было свержение царского самодержавия, царской монархии и разрушение помещичьего землевладения, а не свержение господства буржуазии», – писал Ленин¹⁰. По мнению Ленина, крестьянство не сознавало этой задачи, «ее отличия от более близких и непосредственных задач борьбы»¹¹. Ленин забывает упомянуть о том, что руководители освободительного движения, пытавшиеся привлечь крестьянство на свою сторону, организовать его и противопоставить правительству и помещикам, постоянно внушали крестьянам активистам мысль о необходимости борьбы за демократизацию российского общества, причем не только за формальные демократические права и свободы (прямые выборы, свободу слова, собраний и т. п.), но за подлинное народоправие, то есть ликвидацию чиновничества, полиции, профессиональной армии, передачу властных полномочий на низовой уровень тем же земельным обществам или избранным собраниями (сходами) крестьян органам власти. Крестьянская революция по самой своей сути была и антибуржуазна. Не случайно защитники самодержавия ради укрепления его стали внедрять в крестьянскую среду именно капиталистические отношения, недоразвитые в русской деревне до того времени.

Ленин где-то на подсознательном уровне осознал эту специфическую коренную особенность социально-экономического и политического развития страны. Но открыто признать не мог, поскольку признание особого пути развития страны составляло основу идеологиче-

⁹ Фроянов И.Я. Уроки красного октября. М., 2007. С. 23.

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 20.

¹¹ Там же.

ских построений не только некоторой части оппозиционных самодержавию сил (социалистов-революционеров, например), но и значительной части сторонников сохранения самодержавно-монархического строя. Признать за крестьянством право на историческое творчество не желали и товарищи Ленина по партии, причем не только из правого «ортодоксально-марксистского» меньшевистского крыла, но и многие «чистые» большевики.

Фроянов называет Первую русскую революцию «не обезличенной буржуазно-демократической революцией, а русской аграрно-демократической»¹² Фроянов считает, что главной движущей силой революции 1905–1907 гг. «явилось обездоленное крестьянство, опирающееся в своей борьбе за новое устройство жизни на старые общинные демократические по своей сути устои»¹³. К сказанному Фрояновым следует, на наш взгляд, добавить: крестьянство боролось под руководством своей крестьянской интеллигенции, иногда рабочих (как это было в Гурии в 1902–1903 гг.). Иными словами, это было новое, отличное от прежнего русское крестьянство, более организованное, имевшее свою идеологию и тактику борьбы. Сами советы, которые Ленин приравнивал к коммуне, возникли на стыке традиционной и индустриальной культуры, в процессе взаимодействия старых крестьянских институтов и новой городской промышленной средой. Как и общинное самоуправление, советы возникли как сословно-классовые организации. Целью их была организация стачечно-бойкотистского движения основной массы населения страны с целью вытеснения местных властей и изоляции верховной власти от страны. Кульминацией бойкота были всеобщая стачка и финансовый манифест Петроградского совета в 1905 г., действие которого было смягчено, если не сказать сорвано финансовыми кругами запада, предоставившими царизму помощь. Но эта «помощь», отметим, между прочим, явилась одним из главных факторов втягивания России в совершенно ненужную стране Первую мировую войну, окончившуюся крахом царизма...

Как уже отмечалось, единственным выходом из страшной бойни, коей явилась для народов мира и, особенно, России война, Ленин видел социалистическую революцию, свержение власти капитала и установление диктатуры пролетариата, власти типа Парижской коммуны и советов 1905 и 1917 гг. Круг, как мы видим, замкнулся: попытка

¹² Фроянов И.Я. Уроки красного октября. С. 29.

¹³ Там же.

спасти Россию от революции привела к еще более мощному революционному взрыву. В отличие от 1905 г. Россия находилась в состоянии войны и огромная масса крестьян и рабочих была одета в серые солдатские шинели. По этой причине, в отличие от 1905 г., главной фигурой стал «человек с ружьем», то есть тот же крестьянин и рабочий, но призванный на военную службу. Это, как говорится, общеизвестный, факт. Гораздо меньше внимания отечественные историки обращали на то обстоятельство, что и большая части оппозиционно-настроенных в отношении самодержавия интеллигентских сил, также, оказалось под погонами. Учителя, врачи, земские служащие, агрономы и статистики пополнили ряды низшего и среднего комсостава, вытеснив белую кость – кадровых офицеров из дворянства. Эти-то крути и составляли в 1917 г. значительную часть так называемой революционной демократии, войдя вместе с рабочими, крестьянами и солдатами в состав советов и многих других организаций этого времени. Среди них сторонники Ленина не могли не быть в меньшинстве. В этом заключалась и основная причина «соглашательской» линии поведения Совета, а отнюдь не в отсталости масс, избравших в революционные органы власти не сторонников Ленина, а Пешехонова, Чхеидзе и Керенского. Мало, кто из перечисленных политических деятелей, а их список можно продолжить, считал советы в 1917 г. подлинными органами революционной государственной власти. В лучшем случае их рассматривали как орудие для создания чего-то лучшего. Но самое главное, хотя революционное оборончество руководителей Петроградского совета было сильно преувеличено советскими историками (вспомним хотя бы написанный Сухановым и опубликованный 14 марта от имени Совета манифест с призывом немедленно начать переговоры о заключении справедливого демократического мира), но потакание милитаристским планам Временного правительства все же имело место. От них, от продолжения войны буржуазная часть временного правительства отказаться не хотела и не могла именно в силу своей буржуазности, то есть прямой и опосредованной связи с соответствующими кругами внутри страны и за ее пределами. А правая часть советского руководства не хотела и не могла отказаться от коалиции с партиями, представлявшими цензовые элементы населения... Отсюда с железной логикой, которой следовал Ленин, вытекало, что борьба против войны во всех отношениях была и борьбой за социализм, включая сюда и установление власти типа Парижской коммуны.

В 1917 г. Ленин называл сосуществование советов и буржуазного Временного правительства классовым сотрудничеством буржуазии и

крестьянства, явно искажая историю крестьянского движения в России. В тот момент Ленину было важно отделить крестьянство от буржуазии. Реально это означало отделить крестьянство от влияния неонароднических партий, отказавшихся от немедленного выполнения своей собственной аграрной программы именно из-за войны. Важно отметить, что в отличие от некоторых других революционеров, Ленин не мыслил развитие революции без участия крестьянства. С этой точки зрения он рассматривал возможность перехода власти к советам. В 1917 г. ему была свойственна некоторая двойственность. За границей, до приезда в Россию он со всей определенностью заявлял, что только социалистическая революция явится выходом из кризиса, вызванного войной, только переход власти к рабочим спасет народы мира от одичания и гибели. Приехав на родину, Ленин стал избегать слов «социализм», «социалистическая революция», опасаясь оттолкнуть крестьянство, которое он, как марксист, считал мелкой буржуазией, от революции и способствовать переходу последнего в лагерь реакции. В этих суждениях Ленина можно усмотреть атавизмы классического марксизма, рассматривавшего крестьянство через призму Великой французской революции как «сплошную реакционную массу». «Но не грозит ли нам опасность впасть в субъективизм, в желание «перепрыгнуть» через незавершенную – неизжившую еще крестьянского движения – революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической?», – задавал риторический вопрос Владимир Ильич¹⁴. «Если бы я сказал: «без царя, а правительство рабочее, – эта опасность мне бы грозила. Но я сказал не это, я сказал иное. Я сказал, что другого правительства в России (не считая буржуазного) не может быть помимо Советов рабочих, батрацких, солдатских и крестьянских депутатов», – заявил он далее¹⁵. Данный пассаж показывает, что Ленин при определенных обстоятельствах мог вкладывать в понятие «Советская власть» иное содержание, нежели «диктатура пролетариата» или «власть типа Парижской коммуны». Вопрос о социализме и соответствующей государственной власти в тот момент не был первоочередным для вождя мирового пролетариата. Ему важно было во-первых, оградить по возможности крестьянство от буржуазного влияния и противопоставить реальный Совет буржуазному Временному правительству. По ходу дела Ленин отмежевался от теории перманентной революции Парвуса-Троцкого, основным политическим ло-

¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 137.

¹⁵ Там же.

зунгом которой и был лозунг «без царя, а правительство рабочее». Вскоре, однако, Троцкий и Ленин объединят свои усилия в борьбе против мирового империализма и его пособников внутри страны. Возвращаясь к 1905 г. стоит вспомнить, что именно Л.Д. Троцкий был одним из руководителей Петроградского совета и автором упомянутого Финансового манифеста.

Полемизируя с товарищами по партии, Ленин высказал ряд интересных мыслей по поводу происходивших в России событий. Так, он косвенно признал неизбежность сосуществования двух властей, буржуазной и рабоче-крестьянской. «Неизвестно, может ли теперь быть еще в России особая революционно- демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, оторванная от буржуазного правительства», задается вопросом Ленин для него ответ, по-видимому, ясен: не может. Но про общий антисамодержавный фронт, существовавший в России с конца XIX в. Ленин, опять же, упомянуть забывает. А ведь именно в существовании и деятельности этого единого фронта – ключ к пониманию двоевластия, возникшего после февральской революции и многих других последующих событий, тщательно искажавшимся отечественной историографией.

Отмечая ошибочность оценок текущего момента Каменевым, критиковавшего Ленина за стремление немедленно ввести социализм, вождь партии писал, что он, напротив, в тезисе № 8 предостерегает от желания немедленно ввести социализм партийцев. «Мало того, – пишет Ленин, – Даже ввести в России «государство-коммуны» (т. е. государство, организованное по типу Парижской коммуны) нельзя «немедленно», ибо для этого необходимо, чтобы большинство депутатов во всех (или большинстве) Советов ясно осознало всю ошибочность и весь вред тактики и политики с.-р., Чхеидзе, Церетели, Стеклова и пр.»¹⁶ Ленин, однако, отметил, что государство, подобное Парижской коммуне в России уже появилось. Это – Советы. Они, по мнению Ленина, такой же новый тип государства, каким была Коммуна. Далее Ленин рассуждает вполне в духе остальных представителей революционной демократии, левого фланга анти самодержавного движения, рассматривавших Советы, как инструмент развития революции. «Я глубочайше убежден, – писал Ленин, – что Советы рабочих и солдатских депутатов скорее и лучше проведут самостоятельность массы народа в жизнь, чем парламентарная республика... Они лучше, практичнее, вернее решат, как можно сделать и какие именно можно сделать

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 142.

шаги к социализму»¹⁷. А что может заставить делать эти шаги? «Голод. Расстройство хозяйства. Грозящий крах. Ужасы войны. Ужасы ран, наносимых войной человечеству», – заключает свои мысли Ленин¹⁸.

Ленину было важно подчеркнуть, что Советы являются результатом творчества масс, «многомиллионного народа, самочинно творящего демократию по-своему, не дожидаящегося ни того как гг. профессора-кадеты напишут свои проекты законов для парламентарной республики, ни того, как педанты и рутинеры мелкобуржуазной «социал-демократии», вроде г. Плеханова или Каутского, откажутся от их искажения учения марксизма по вопросу о государстве»¹⁹. Революционная эпоха, по мнению Ленина, требует «не такого государства, как обычная парламентарная буржуазная республика, а такого, как Парижская Коммуна», – писал Ленин в работе «Задачи пролетариата в нашей революции»²⁰. Преобразования, которые должны были осуществить Советы-Коммуны, реально назрели в экономической действительности России и в сознании подавляющего большинства народа, «Коммуна, т. е. Советы рабочих и крестьянских депутатов социализма не «вводит», не предлагает «вводить» и не должна «вводить». Чем сильнее экономический крах и порождаемый войной кризис, тем настоятельнее необходимость наиболее совершенной политической формы, облегчающей излечение ужасных ран, нанесенных человечеству войной», – считал Ленин²¹.

Далее в той же работе Ленин писал: «... наше рождающееся новое государство не есть уже государство в собственном смысле слова, ибо в ряде мест России эти отряды вооруженных людей есть сама масса, весь народ, а не кто-либо над ним поставленный, от него отделенный, привилегированный, практически несменяемый»²². Напомним, что в 1905 г. ни о каких вооруженных людях, вооруженном народе речи не шло. Тогда в мирных условиях, условиях относительно спокойной, материально-благополучной жизни основной массы населения, речь шла о мирном вытеснении местных властей и о всеобщем бойкоте верховной центральной власти в целях ее кардинального изменения. Человек с ружьем, как центральная фигура появился только в 1917 г. в условиях войны. Война же побудила вести борьбу за замену капитализма со-

¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 43.

¹⁸ Там же. С. 43

¹⁹ Там же. С. 163.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 164.

²² Там же. С. 180.

циализмом, под которым понималось плановое государственное вмешательство в экономику и социальные процессы. Для успешного осуществления этих проектов необходимо было произвести национализацию финансовой системы и части промышленных предприятий, ликвидировать частную собственность на землю. Последнее сделать было не сложно, поскольку под частной собственностью имелась в виду, в основном, помещичья земля и земля столыпинских выделенцев. И тем и другим противостояла община, стремившаяся взять под свой контроль и помещичьи, и хуторские, и отрубные земли.

Собственно говоря, в первые месяцы после февральского переворота для Ленина было самым важным делом доказать, что Советы – это новая форма государственной власти, подобная Парижской коммуне. Доказать это было необходимо не только революционной массе, но и членам своей собственной партии. Многие большевики не понимали, как можно совместить критику руководителей Советов за соглашательство перед буржуазией, оборончество, нежелание решать кардинальные вопросы, стоявшие перед страной и, в первую очередь, аграрный вопрос, с призывом передачи всей полноты власти Советам, превознесением Советов до небес, приравниванием их к диктатуре пролетариата типа Коммуны! «Что такое Совет рабочих и солдатских депутатов, – ставил Ленин вопрос ребром перед участниками Петроградской общегородской конференции РСДРП (б). «Классовое его значение – прямая власть. Полной политической свободы, конечно, нет у нас. Но такой свободы, как в России, сейчас нигде нет. «Долой войну» – не значит бросанья штыка. Это значит переход власти к другому классу. Центр тяжести всей теперешней позиции – разъяснять это», – говорил Ленин²³. «Нам нужно, в отличие от анархистов, государство для перехода к социализму», – говорил Ленин далее. «Парижская коммуна дала нам образец государства типа Совета рабочих депутатов – прямой власти организованных и вооруженных рабочих, – диктатура рабочих и крестьян. Двоевластия в государстве быть не может, – считал Ленин. Советы депутатов есть тип государства, когда полиция невозможна. Здесь сам народ собой управляет, тут невозможен возврат к монархии. Чтобы удержать свободу, необходимо поголовное вооружение народа, – вот в чем суть коммуны»²⁴. «Или вперед, к всевластию Советов рабочих и солдатских депутатов, или назад, к империалистической войне, –

²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 243.

²⁴ Там же.

другого пути нет. Каутский отрицал возможность революции во время войны. Жизнь уже опровергла его», – заявлял Ленин²⁵.

Помимо оппортуниста Каутского, Ленин подверг резкой, но все же более мягкой, чем зарубежных социал-предателей, так называемых «старых» большевиков и «старый» большевизм. Стараясь «развести» революционные элементы крестьянства, мелкой буржуазии, по терминологии Ленина, и тех, кто являлся пособниками буржуазии, Ленин вспомнил революцию 1905 г., заявив, что тогда рабочие и крестьяне были за полную победу, а кадеты – за монархию. В 1917 г. мелкая и крупная буржуазия объединились на почве оборончества. «Оборончество показало, что мелкая буржуазия отошла от рабочего класса и перешла к буржуазии крупной», – заявил Ленин в заключительном слове по докладу «О текущем моменте», сделанном 14(27) апреля 1917 г.²⁶ В связи с этим Ленин впервые после февральского переворота заговорил о бедном крестьянине и крестьянине собственнике, якобы поддерживающем продолжение войны. В связи с этой новой политической линией Ленин говорил о необходимости отказаться от «старого» большевизма, то есть от союза со всем крестьянством в буржуазно-демократической революции. По мнению Ленина, «Сеть Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов – вот задача дня»²⁷. Ленин, однако, полностью от практики революции 1905–1907 гг. не отказался. «Вся Россия уже покрывается сетью органов местного самоуправления. Коммуна может быть и в виде органов самоуправления. Отмена полиции, постоянной армии, поголовное вооружение – все это можно осуществить через местное самоуправление. Я взял Совет рабочих депутатов просто потому, что он уже существует», неожиданно заявил Ленин²⁸. Неожиданно потому, что перед этим Ленин говорил исключительно о Советах рабочих депутатов, как единственно возможной форме революционной власти, необходимой для перехода к социализму, гарантирующей невозможность возврата к монархии и т. п.!

Далее Ленин и вовсе вспомнил общие программные положения революционно-освободительного движения. «Двигать революцию вперед, заявил он, – значит осуществлять самочинно самоуправление. Рост демократии самоуправлению не мешает, осуществляет наши задачи»²⁹. Еще более неожиданным, но вполне в духе традиций россий-

²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 244.

²⁶ Там же. С. 247.

²⁷ Там же. С. 248.

²⁸ Там же. С. 248.

²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 249.

ского освободительного движения было заявление Ленина о том, что: «Коммуна крестьянству вполне подходит. Коммуна – значит полное самоуправление, отсутствие всякого надзора сверху. На это крестьянство должно пойти на девять десятых»³⁰. Для обработки полученной земли крестьянство, по мнению Ленина, должно было устроить коммуну. «Советы рабочих депутатов вполне могут на местах установить коммуны», – говорил Ленин далее³¹. Затем он увязал свой дискурс с вопросом о смене названия партии. «Название партии коммунистической – теоретически верно. Левые социалисты других стран слишком слабы, мы должны взять инициативу»³².

В статье, посвященной инициативам по созыву Всероссийского крестьянского съезда, Ленин, опять же, заявил, что «... организация самих крестьян, непременно снизу, непременно без чиновников, без «контроля и надзора» помещиков и их прихвостней, есть вернейший и единственный залог успеха революции, успеха свободы, успеха освобождения России от ига и кабалы помещиков»³³. Ленин призывал крестьянство строить низовую демократию. «Надо строить демократию тотчас, снизу, почином самих масс, их действительным участием во всей государственной жизни, без «надзора» сверху, без чиновников»³⁴. Ленин призывал народ учиться управлению, а членов партии «учить народ», до самого низу, искусству государственного управления не только книжкой, а немедленным повсеместным переходом к практике, к применению опыта масс»³⁵. Ленин ни словом не обмолвился об опыте крестьянского общинного самоуправления, существовавшего в России, опасаясь, по-видимому, пролить воду на политическую мельницу социалистов-революционеров, но ясно, что ни о каком ином опыте участия в низовом самоуправлении крестьян, кроме общинного, говорить в ту пору не приходилось.

На Седьмой, апрельской Всероссийской конференции РСДРП (б) Ленин опять заговорил сугубо марксистским языком, ссылаясь на самого К. Маркса, доказывая, что Советы – это государство типа Парижской коммуны, «в том смысле, – говорил Ленин, – что она разбила старые органы управления и заменила их совершенно новыми, прямыми

³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 249.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. С. 271.

³⁴ Там же. С. 272.

³⁵ Там же. С. 273.

непосредственными органами рабочих»³⁶. «Такая власть, – говорил Ленин, – является диктатурой, т. е. опирается не на закон, не на формальную волю большинства, а прямо, непосредственно на насилие. Насилие – орудие власти»³⁷. Тут Ленин снова развернул вопрос о Советах, Коммуне, как новой форме государственной власти в иную плоскость. Теперь он охарактеризовал эту новую власть, как диктатуру, т. е. власть, опирающуюся непосредственно на насилие. Дать такую характеристику новой революционной власти в 1905 г. не решился бы никто, даже Ленин. В 1917 г., в отличие от 1905 г. Россия была одними из главных участников невиданной еще в истории человечества бойни – мировой войны. Ранее Ленин проводил мысль, что вооруженному народу насилие применять не придется за отсутствием объекта применения насильственных методов. В 1905 г. многие участники революционно-освободительного движения придерживались точно таких же взглядов на насилие, считая, что организованному во всероссийском масштабе народу применять насилие не придется. Ленин тогда критиковал подобного рода взгляды, считая их утопическими. Ленин тогда и, особенно, в 1917 г., считал, что без вооруженной борьбы с господствующими классами добиться победы революционеры не смогут, что мирный путь достижения цели – это исключение, нежели правило. Если в 1905 г. Ленин допускал создание революционного рабоче-крестьянского правительства, то в 1917 г. он писал уже исключительно о диктатуре пролетариата, иногда добавляя «и беднейшего крестьянства». В своем фундаментальном труде, написанном накануне Октябрьских событий и существенно дополненном впоследствии полемикой с К. Каутским, «Государство и революция», Ленин ставил проблему власти очень жестко. «Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата», – считал Ленин. «Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, кто понял, что диктатура одного класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для пролетариата, свергнувшего буржуазию, но и для целого исторического периода, отделяющего капитализм от общества без классов, от коммунизма», – считал Ленин³⁸. Под эгидой этого постулата советское общество жило вплоть до середины 1950-х гг., хотя уже в конституции 1936 г. говорилось об общенародном государстве. Тем не менее, ста-

³⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 354.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 35.

линский тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к коммунизму логически вытекает из приведенного выше постулата Ленина.

Ссылаясь на Маркса, Ленин разбирает понятие «народная революция». К последней Ленин относил русские революции 1905–1907 и 1917 гг. Поэтому, по мнению Ленина... особенного внимания заслуживает чрезвычайно глубокое замечание Маркса, что разрушение бюрократически-военной государственной машины является “предварительным” условием всякой действительно народной революции». В 1917 г. в России военно-бюрократическая машина начала разлагаться еще в предреволюционный период. Приказ № 1 Петроградского Совета дал решительный толчок ее полной ликвидации. Об этом Ленин умалчивал. В действительности, существуй бюрократически-военная машина, хотя бы на том уровне, какой имел место в 1905 г., малочисленным полувоенным формированиям, руководимым ВРК, едва ли удалось бы так легко захватить власть в октябре 1917 г.

Итак, Ленин считал революции в России народными. «Народная» революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковою, лишь охватывая пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда «народ», – считал Ленин³⁹ без этого союза «непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование», – считал лидер партии большевиков³⁹.

При чтении работы Ленина, опубликованной в 5-ом издании собрания сочинений Ленина, складывается впечатление, что в текст, написанный накануне Октября, было внесено немалое число злободневных дополнений и разъяснений. Так, на странице 39 можно прочесть: «Оба класса (рабочие и крестьяне А.К.) объединены тем, что «бюрократически-военная государственная машина» гнетет, давит, эксплуатирует их. Разбить эту машину, сломать ее – таков действительный интерес народа, большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково предварительное условие свободного союза **беднейших крестьян** (выделено нами А.К.) с пролетариями...»⁴⁰

Вызывают немалый интерес и рассуждения диалектического свойства Ленина о перерастании демократии буржуазной в демократию пролетарскую. «Итак, – пишет Ленин, – разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией: уничтожение постоянной армии, полная выборность,

³⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 40.

⁴⁰ Там же. С. 39–40.

сменяемость всех должностных лиц. Но на самом деле, это «только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев «превращения» количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (= особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство»⁴¹.

Переход к такой системе управления Ленин не побоялся, несмотря на «усмешечки» профессоров от социализма, назвать «примитивным демократизмом», совершенно оправданным, по его мнению, в условия создания государства нового типа. «... переход от капитализма к социализму невозможен без известного «возврата» к примитивному демократизму (ибо иначе, как же перейти к выполнению государственных функций большинством населения и поголовно всем населением?), – задавал вопрос оппонентам Ленин»⁴². Еще одним доводом в пользу «примитивного демократизма» новой власти было, по мнению Ленина, упрощение управленческого дела, сводимого к ряду достаточно простых операций.

Цитируя Маркса, Ленин пишет о том благотворном воздействии, которое оказала бы коммунальная государственная власть на сельских жителей. «Коммунальное устройство привело бы сельских производителей под духовное руководство главных городов каждой области и обеспечило бы им там, в лице городских рабочих, естественных представителей их интересов. Самое уже существование Коммуны вело за собой, как нечто само собой разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней»⁴³.

«Коммуна – открытая, наконец, пролетарской революцией форма, при которой может произойти экономическое освобождение труда», – писал Ленин⁴⁴. Коммуна – первая попытка пролетарской революции разбить буржуазную государственную машину и «открытая, наконец» политическая форма, которую можно и должно заменить разбитое»⁴⁵. «...русские революции 1905 и 1917 гг., – писал Ленин далее, в иной об-

⁴¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 42.

⁴² Там же. С. 43.

⁴³ Там же. С. 54–55.

⁴⁴ Там же. С. 56.

⁴⁵ Там же.

становке, при иных условиях, продолжают дело Коммуны и подтверждают гениальный исторический анализ Маркса»⁴⁶.

Любопытным образом в своих рассуждениях Ленин подобрался к такому неоднозначно толкуемому термину и явлению, как «община». Вспомнив о письме Ф. Энгельса Бабелю, в котором соратник Маркса критикует трактовку понятия «государство» в Готской программе Немецкой социал-демократической партии, а Энгельс, напомним, предлагал заменить термин «государство» термином «община», Ленин пишет: «По-немецки есть два слова община, из которых Энгельс выбрал такое, которое не означает отдельной общины, а совокупность их, систему общин»⁴⁷. Ленин посчитал, что по-русски такого слова нет и предложил воспользоваться французским словом «коммуна» (commune). Скорее всего, Ленин опасался излишней ассоциации с общинным социализмом народников и их последователей социалистов-революционеров, главных на тот момент политических соперников большевиков в борьбе за влияние на народные массы.

Ленин вслед за Марксом вынес свой революционный приговор государству чиновников-бюрократов. «Маркс, – писал Ленин, – с его гениальным критически-аналитическим умом увидел в практических мерах Коммуны тот перелом, которого боятся и не хотят признать оппортунисты из трусости, из-за нежелания бесповоротно порвать с буржуазией, и которого не хотят видеть анархисты либо из торопливости, либо из непонимания массовых социальных превращений вообще»⁴⁸. Коммуна, по мнению Ленина, «смогла в несколько недель начать строить новую, пролетарскую, государственную машину вот как-то, проводя указанные меры к большему демократизму и к искоренению бюрократизма»⁴⁹.

Рукопись Ленина обрывается на самом начале VII главы под названием «Опыт русских революций 1905–1917 гг. «Тема, указанная в названии этой главы, так необъятно велика, что о ней можно и должно писать томы», – отмечал Ленин⁵⁰. Он, конечно, многого не сказал, о многом не договорил в плане строительства нового государственного порядка. Многое выросло само собой, делалось помимо воли вождей, без «направляющей и руководящей» деятельности партии». Но Ленин не просто допускал и приветствовал самодеятельность масс, он

⁴⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 56.

⁴⁷ Там же. С. 65–66.

⁴⁸ Там же. С. 116.

⁴⁹ Там же. С. 117.

⁵⁰ Там же. С. 119.

понимал, что без нее, без революционного творчества масс, в том числе и в деле государственного строительства, революция обречена на поражение.

Предполагал ли Ленин, что спустя несколько месяцев после Октябрьской революции, провозгласившей советскую власть,

Советы, государство типа Коммуны, превратится в диктатуру одной партии, партии большевиков, что из советов будут изгнаны почти все небольшевики, что вскоре одним из самых опасных для коммунистов станут лозунги: «За советы без коммунистов», «За вольные советы», «Власть советам, а не партиям»?

В связи с выше сказанным, уместен вопрос: была ли на практике реализована идея государства-коммуны, то есть ликвидация постоянной армии, полиции, чиновничества, замена их самоуправлением трудящихся – рабочих и крестьян? Описывая ситуацию 1917 г., Ленин забывал упомянуть о том, что старая власть разрушилась, на смену ей было прийти некому, кроме стихийно, по образу и подобию 1905 г. возникших советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Последние, как отмечалось, несли на себе печать традиционного крестьянского сословного общинного самоуправления. Сеть этих советов действительно покрыла собой всю страну. Вмешательство большевиков в организацию советов не ограничилось «корректировкой» партийно-классового состава их в крупнейших городах России весной-летом 1918 г. 11 июня был принят декрет, положивший начало «внешению классовой борьбы в деревню» путем создания комитетов деревенской бедноты. Последние пытались «исправить» местные крестьянские советы, «превратив их из общекрестьянских в органы «диктатуры пролетариата». Осенью 1918 г. от комбедов пришлось отказаться и советы в сельской местности приобрели прежний вид. Система выборов в Советы, зафиксированная в Первой советской конституции, принятой V съездом Советов в июле 1905 г. ограничивала представительство крестьянства в центральных советских органах, но на местах в избирательных правах население практически ограничено не было (исключались помещики, представители царской администрации, откровенные кулаки-мироеды и иногда кое-какие прочие скомпрометировавшие себя перед новой властью лица). Таким образом, в местном самоуправлении о существовании коммунального управления в смысле власти, базирующейся на общинных традициях, можно говорить вплоть до конца 1920-х гг.

Как отмечает современный популярный социолог-публицист, освещающая проблема Советов: «На уровне государства это был, конечно,

новый тип, но на уровне самоуправления это был именно традиционный тип, характерный для аграрной цивилизации, – тип военной, ремесленной, крестьянской демократии доиндустриального общества»⁵¹ «Конечно, это не означало, как считает С.Г. Кара-Мурза, что признав советы, как новую форму государственности, Ленин отказался от марксизма.

Что касается центральной советской власти, то здесь дело обстояло несколько иначе.

В связи с вопросом о новых формах государственности, сформировавшихся в ходе революции, можно отметить еще один разворот ленинской мысли. Существует предрассудок, что большевики и Ленин, призывая и борясь за власть советов, изначально предполагали установление своего единоличного господства. На самом деле, Ленин накануне октябрьской революции требовал от других социалистических партий только одного: признание власти советов, ее приоритета над другими существовавшими или предполагавшимися властями (коалиционным Временным правительством, Предпарламентом, Учредительным собранием). Ленин, например, одобрительно отозвался о декларации советского большинства, которую Ю.О. Мартов огласил на Демократическом совещании. Напомним, что меньшевики-интернационалисты, лидером которых был Мартов, сами покинули 25 октября Смольный, где II Всероссийский съезд советов готовился провозгласить власть советов, низложив Временное правительство. Впоследствии Мартов вплоть до своего отъезда за границу был членом ВЦИК.

Критикуя К. Каутского за неприятие советской власти, как формы диктатуры пролетариата и, соответственно, демократии нового типа, Ленин опять вспомнил о том, что Советское государство – это власть рабочих в союзе с беднейшим крестьянством. До этого,помним, Ленин делал упор на том, что советская власть – это власть пролетариата и большинства крестьянства (90%). К сожалению, поход за хлебом в деревню, начатый рабоче-крестьянской властью весной-летом 1918 г. был объявлен вождем трудящихся «продолжением социалистической революции. Называя ведущего теоретика II интернационала «дурачком» за то, что он писал о сужении социальной и политической базы поддержки советской власти в результате отхода от нее крестьянства и выразителей их интересов левых эсеров, Ленин писал: «Мы потеряли сотни левых эсеров, бесхарактерных интеллигентов и кулаков из кре-

⁵¹ Кара-Мурза С.Г. Правильная революция. М., 2010. С. 305.

стьян, мы приобрели миллионы представителей бедноты»⁵². «Завершив буржуазно-демократическую революцию вместе с крестьянством вообще, пролетариат России перешел окончательно к революции социалистической, когда ему удалось расколоть деревню, присоединить к себе ее пролетариев и полупролетариев, объединить их против кулаков и буржуазии, в том числе крестьянской буржуазии», – писал он далее⁵³. Откуда Ленин взял в поравненной после «черного передела» и социализации не только земли, но и орудий и средств производства, произошедших в начале 1918 г., сельскую буржуазию и сельский пролетариат и даже деревенскую бедноту, известно только ему. Скорее всего, здесь мы имеем дело с применением марксистской, а точнее говоря, парвусовско-троцкистской методы развития революции, исходившей из их формулы: без царя, а правительство рабочее. В случае завоевания власти, рабочим придется вносить классовую борьбу в деревню, раскалывая единое монолитное общинное крестьянство – считали Троцкий и Парвус. В своей книге, написанной в 1906 г. Троцкий писал: «Пролетариат окажется вынужденным вносить классовую борьбу в деревню и, таким образом, нарушать ту общность интересов, которая, несомненно, имеется у всего крестьянства»⁵⁴. Но после 1905 г. в российской деревне много воды утекло. Началась и бесславно закончилась столыпинская аграрная реформа, главной целью которой и было, как раз, внесение классовой борьбы в деревню, путем выделения слоя крепких хозяев, с одной стороны, и окончательная пролетаризация бедноты, – с другой. Столыпин был отцом русской революции, – считает С.Г. Кара-Мурза⁵⁵. Но, повторим, черный передел, начавшийся еще при Временном правительстве и бурно продолжившийся уже при советской власти, привел к тому, что большинство столыпинских выделенцев, так и не успев расправить капиталистические крылья, было втянуто обратно в общину. Организацию комитетов деревенской бедноты, поэтому, иначе как желанием приобрести рычаг давления на крестьянство, который не дали простые крестьянские советы, для получения продовольствия и проведения мобилизации людей и лошадей для создания рабоче-крестьянской красной армии, объяснить нельзя. Но это мероприятие, кроме смуты, раздора и беспорядка в организа-

⁵² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 315.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Троцкий Л.Д. Перманентная революция. Издательство Iskra Research Cambridge, М., 1993. С. 151.

⁵⁵ Кара-Мурза С.Г. Столыпин – отец русской революции. М., 2002.

цию власти на селе не внесло⁵⁶. От них пришлось отказаться уже осенью 1918 г. на VI съезде Советов (6–9 ноября 1918). На этом съезде, как это с гордостью сообщает Ленин в сноске на странице 315 38 тома полного собрания сочинений, 97% делегатов было большевиками»⁵⁷.

Полемизируя с Каутским, Ленину приходилось опровергать утверждение последнего о неготовности России к социалистической революции. Поскольку для России участие в империалистической войне уже закончилось «похабным» Брестским миром, довод Ленина о том, что социалистическая революция и захват власти пролетариатом являются единственным способом покончить с разрушительной для страны войной, уже потерял свою логическую и историческую значимость. Ленину требовались новые аргументы в пользу захвата власти его партией, которую он все чаще и настойчивее стал отождествлять с диктатурой пролетариата! Кроме крестьянских восстаний, именно в то время получивших наименование «кулацкие», которые, чем дальше, тем сильнее начали разгораться в разных частях страны, советское правительство ничего не получило. Уже осенью 1918 г. Ленин поменял приоритеты, призвав к союзу с середняком, то есть с тем самым крестьянством вообще, от союза с которым он же предлагал отказаться несколькими месяцами ранее. Обличая Каутского и выдавая желаемое за действительное, Ленин всеми силами старался повлиять на левых в Германии и других европейских странах. Имя Каутского все же пользовалось большим авторитетом среди рабочих Европы. Одновременно с Лениным обрушился на Каутского и большевик № 2 того времени – Л.Д. Троцкий⁵⁸. «Филистеры демократии возмущаются тем неравенством представительства рабочих и крестьян, которое в советской конституции отражает различие революционной роли города и деревни». «Задача не в том, чтобы на бумаге уравнивать крестьянина с рабочим, а в том, чтобы духовно поднять крестьянина до рабочего», – писал Троцкий, также как и Ленин, интерпретируя рассуждения Маркса о Коммуне, как можно заметить Коммуна и оценки ее деятельности Марксом продолжали оставаться для вождей Русской революции главным доводом для защиты и оправдания Советской власти и в том, уже значительно модифицированном, по сравнению с 1905 и 1917 гг. виде, какой она являла в конце 1918–начале 1919 гг.

⁵⁶ См. Куренышев А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000.

⁵⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 315.

⁵⁸ См.: Троцкий Л.Д. Терроризм и коммунизм. СПб., 2010.

Троцкий, как это с ним нередко бывало, выступает как своеобразный эпигон Ленина или как в свое время выразился Плеханов, «ленинская дубинка». В отличие от более российского Ленина, Троцкий в своей книге пишет о том влиянии, которое оказал опыт строительства советской системы в России на европейские страны, многие из которых (Германия, Австрия), также переживали революционный кризис. Критикуя австромарксизм, некоторые представители которого признавали советы как новую форму пролетарской власти, Троцкий пишет: «Венский философ-эклектик (Макс Адлер А.К.), признает значение Советов. Его смелость идет так далеко, что он их усыновляет. Он прямо провозглашает их аппаратом социальной революции. Макс Адлер не пугается даже того, что Советы нарушают «принцип» конституционного разделения властей, наоборот, адвокат профессиональных союзов и юрисконсульт социальной революции, Макс Адлер, в слиянии властей видит даже преимущество, которое обеспечивает непосредственное выражение воли пролетариата. Макс Адлер – за непосредственное выражение воли пролетариата, но только не путем прямого захвата власти через посредство Советов»⁵⁹. Любопытно разделение труда между Лениным и Троцким. Ленин уделяет основное внимание критике взглядов К. Каутского, которого считал своим учителем и главным продолжателем дела Маркса в теории. Троцкий, долгое время живший в Вене, не без оснований считался учеником и другом Адлеров и других австрийских марксистов. Собственно говоря, многое из того, что он писал об австромарксистах, могло быть отнесено к его деятельности и публицистике. Так, например, он в 1905 г., также не считал Совет органом восстания. Он рассматривал СРД, как орган руководства стачечной борьбой. В 1917 г. Троцкий соглашательской тактики контролирования органов буржуазной власти со стороны Совета не придерживался. Австромарксисты были сторонниками тактики давления на буржуазную власть и ее постепенного вытеснения и замены властью рабочей. Напомним, что такой же примерно тактики следовало российское освободительное движение в годы первой русской революции.

Споря с Каутским по вопросу о путях решения аграрного вопроса в России, Ленин совершенно игнорирует существование общины. Соответственно, он делает упор на национализации земли, как наиболее радикальном способе решения аграрного вопроса. Произошедшие в 1917–1918 гг. преобразования он, также целиком и полностью опре-

⁵⁹ Троцкий Л.Д. Терроризм и коммунизм. СПб., 2010. С. 202–203.

деляет как ликвидацию частной собственности на землю, благодаря объявленной Совнаркомом национализации земли. Она, по мнению Ленина, «...дала наибольшие возможности пролетарскому государству переходить к социализму в земледелии»⁶⁰. Под социализмом в земледелии в то время имелись в виду исключительно коммуны, советские хозяйства и колхозы, появление которых, по мысли Ленина, чаще всего вызывалось к жизни исключительно острой нехваткой орудий и средств производства, лошадей»⁶¹. Эта нехватка вынуждала прибегать к мерам общинной взаимопомощи»⁶².

Итак, существовало ли в России государство типа коммуны, где реальная власть находилась у рабочих и крестьян, чиновничество было бы совсем отстранено от власти, или существенно ограничено в своих полномочиях? Считал ли Ленин возможным установление такой власти в России? Руководитель большевистской партии немало сил затратил для того, чтобы доказать, что совет – суть та же коммуна, государственная власть одного типа. Буржуазию и буржуазную власть в любой ее разновидности он в 1917г. объявляя главными виновниками страшной войны, буквально пожирившей материальные и людские ресурсы человечества. Соответственно, выход из войны им мыслился им не иначе, как отстранение от власти буржуазии и установление власти пролетариата. Эти перемены могли произойти только в результате социалистической по своему характеру революции. Вопрос об уровне развития капитализма и готовности России к социализму марксистского типа Ленина особенно не волновал. «Надо удивляться талантливой способности Ленина верно оценить сложившуюся конъюнктуру и с поразительной смелостью выдвинуть указанные лозунги, которым ни одна из существовавших политических партий в то время не могла ничего противопоставить», – писал известный политический деятель и ученый-эмигрант В.Н. Ипатьев⁶³. «Можно было совершенно не соглашаться со многими идеями большевиков, – писал он далее. Можно считать их лозунги за утопию, но надо быть беспристрастным и признать, что переход власти в руки пролетариата в октябре 1917 г., проведенный Лениным и Троцким, обусловил собой спасение страны,

⁶⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 327.

⁶¹ См. Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988.

⁶² См. Куреньшев А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000.

⁶³ Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Нью-Йорк, 1945. С. 123.

избавив ее от анархии и сохранив в то время в живых и интеллигенцию и материальные богатства страны»⁶⁴.

«Мы видим, – пишет С.Г. Кара-Мурза, – что никакого «коммунизма» не было введено в России и что сами коммунисты в процессе революции должны были приспособиться к условиям русской действительности, чтобы существовать»⁶⁵. По мнению Кара-Мурзы, во многом разделяемом автором этих строк, большевикам пришлось опираться на «коммуны», понимаемые в изначальном смысле этого слова, то есть «коммуны», как «союзы местных земельных общин», «коммуны», как сельские самоуправления. Именно из «коммуны» – земельного общества, общины, на базе общинных традиций и навыков были созданы, по инициативе рабочих, первые советы рабочих депутатов. Первый совет создали иваново-вознесенские ткачи, представители наиболее близкой к крестьянству части рабочего класса. Собственно говоря, ткачи были полу рабочими, пол крестьянами, работавшими на фабриках, но не порывавших связей с сельскохозяйственным трудом. При создании советов использовались принципы крестьянского сословного общинного самоуправления. В них избирались только свои или те, кого считали своими. Так же поступали и рабочие даже в таких больших городах, как Москва и Санкт-Петербург. Сословный, узкопрофессиональный принцип создания Петербургского совета в 1905 г. был заложен царскими властями при формировании так называемой комиссии Шидловского, призванной рассмотреть рабочий вопрос после событий 9 января 1905 г. Будущему первому председателю питерского совета присяжному поверенному Г.С. Носарю пришлось взять документы рабочего Хрусталева, чтобы принять участие в работе комиссии. Георгий Степанович Носарь был сыном интеллигентного крестьянина Пирятинского уезда Полтавской губернии. Его отец был прикосновенен к народовольческому движению, участвовал в крестьянских беспорядках, будучи волостным писарем, за что поплатился ссылкой в Сибирь. Он был знаком с Н. К. Михайловским, который считался крестным отцом его сыновей, и поддерживал связи с народниками из «Русского Богатства»? – пишет в своем очерке Дмитрий Сверчков⁶⁶. Конечно, крестьянское прошлое и близость к влиятельным неонародникам едва ли сильно повлияла на политическую деятельность первого председателя столичного совета. Но именно люди, близкие к «Русскому богатству»,

⁶⁴ Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Нью-Йорк, 1945. С. 123.

⁶⁵ Кара-Мурза С.Г. Правильная революция. М., 2010. С. 321.

⁶⁶ Там же. С. 15.

будущие народные социалисты были причастны к созданию Всероссийского крестьянского союза и к тактике захвата власти снизу, вытеснения царской администрации и создания так называемых Крестьянских республик – коммун в латинско-французском смысле этого слова. «По первоначальному замыслу строения революционной власти, отраженном, например, в книге В.И. Ленина «Государство и революция», Россия должна была превратиться в государство-коммуну или, точнее говоря, в федерацию самоуправляющихся коммун»⁶⁷. Эти коммуны, эти местные самоуправления мало чем отличались от «крестьянских республик» 1905–1906 гг.

⁶⁷ Куреньшев А.А. Крестьянские военно-политические организации. Повстанчество. 1918–1922 гг. М., 2010. С. 67.

Д.В. Воронин

Почему сегодня Ленин особенно нужен?

В преддверии ленинского юбилея в обществе и научных кругах развернулась дискуссия о Ленине как о теоретике и политической практике. Это свидетельствует о том, что ленинизм не потерял актуальности на современном этапе развития общества, особенно в условиях мирового кризиса, охватившего практически все сферы жизни человечества.

Анализ развернувшейся дискуссии позволяет выделить ряд интересных моментов. Во-первых, активную критику со стороны тех, кто всю свою научную и преподавательскую деятельность занимался начетничеством ленинских идей, а в годы перестройки «прозревших». Началась полоса отрицания Ленина как теоретика, опирающегося в своих взглядах на диалектику и логику. Во-вторых, рассматривая и анализируя его политическую деятельность, они нередко скатываются до абсурдных утверждений о Ленине как циничном политике и виновнике всех бед России с начала XX в. Однако с началом мирового кризиса и формирования нового вектора исторического развития начался очередной пересмотр взглядов на ленинское теоретическое и политическое наследие.

Причиной подобных зигзагов в оценке роли В.И. Ленина на различных этапах революционной деятельности и в ходе строительства нового советского государства у вчерашних «марксистов-ленинцев», на наш взгляд, является, прежде всего, отход от соблюдения принципа историзма. Метаморфозы во взглядах зависели и от изменения политической конъюнктуры.

Модным стало говорить об альтернативности исторического развития страны в послеоктябрьский и постленинский периоды. При этом забывается, что история не терпит сослагательного наклонения. Под лозунгами плюрализма и изучения «белых пятен» в последние годы идут процессы искажения и переписывания советской истории. Освобождение исторической науки от марксистско-ленинской идеологии вылилось в антикоммунизм и антисоветизм.

Нередко все сводилось к призывам коллективного покаяния. По мнению Б. Панкина (демократа первой волны): «Это выдумки кучки интеллигентов с большевизированным мышлением. Как сказал известный польский публицист Михник: «После коммунизма самое страшное – антикоммунизм. Тот, кто сопротивлялся и страдал, смотрит на прошлое добрее и глубже, чем тот, кто к этому сопротивлению пристроился. Отсюда, кстати, и однолинейные негативные оценки»¹. К сожалению, с начала перестройки в исследовании послереволюционной истории нашей страны преобладал разоблачительный подход, что не позволяло ее понять и объективно оценить. Заслуживает внимание точка зрения А. Зиновьева о том: «понимание общества не есть его разоблачение. Разоблачение негативно, понимание же позитивно. Разоблачение действует на эмоции, понимание предназначено для разума»².

В настоящее время сложилась благоприятная ситуация для объективного анализа ленинского наследия. Накоплено достаточное количество фактологического материала о социалистическом строительстве в нашей стране и социалистических странах Восточной Европы. Конечно, одного этого материала ещё недостаточно для понимания становления, развития и причин крушения социализма в наших странах.

На наш взгляд, ленинский подход в изучении сложившейся ситуации в России в начале XX века, позволит дать не только оценку ситуации, но, учитывая отношение Ленина к марксизму как к руководству к действию, а не как к догме, создать систему понятий и суждений с учетом конкретной исторической обстановки рассматриваемого события и современной ситуации.

Поэтому сегодня нам Ленин особенно нужен. Именно он развил учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, и его точка зрения о возможности осуществления последней в одной или нескольких странах, не обязательно в развитых капиталистических, входила в противоречие с существующей доктриной марксизма. Не случайно многие его взгляды вызывали непонимание и возражение не только оппонентов, но и ближайших его соратников.

¹ См.: Комсомольская правда. 1999. 4 февраля.

² Зиновьев А. Коммунизм как реальность /А. Зиновьев. М: Центрполиграф, 1994. С.

Между тем, взгляды Ленина опирались на глубокий научный анализ современной ему эпохи. Открытый им закон неравномерности экономического и политического развития капитализма позволил ему сделать вывод о возможности победы социализма первоначально в немногих странах или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Эти выводы были сформулированы им в 1915 г. в статье «Военная программа пролетарской революции». В последующем он высказался более категорично: «...социализм не может победить одновременно во всех странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными»³.

Творческий подход к марксизму проявился и в «Апрельских тезисах» Ленина. В них он высказал «крамольные» для марксизма идеи. Суть их состояла в том, что путь к социализму России пролегал не через полное развитие, исчерпание возможностей капитализма, а с учетом сложившейся исторической обстановки того времени – с опорой не на буржуазную демократию, а на новый тип государства – Советы. Именно в них, в апреле 1917 г., Ленин увидел основание новой государственности. Это, по его мнению, «новое, неофициальное, неразвитое, ещё сравнительно слабое рабочее правительство, выражающие интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения». И далее он продолжает свою мысль: «Советы Р.Д. есть единственно возможная форма революционного правительства»⁴.

В своей работе В.И. Ленин постоянно ссылается на марксизм, но в «Апрельских тезисах» фактически речь шла о попытке переосмысления и преодоления марксизма. Подобный подход к марксизму вызвал сильнейшую критику как со стороны Г.В. Плеханова и его сторонников, так и со стороны части ленинского окружения. Так на заседании Петроградского комитета большевиков тезисы были большинством голосов отклонены (13 человек проголосовало против, 1 – за и 2 – воздержались). Его оппоненты были более категоричны. Во время выступления Ленина в Таврическом дворце перед всеми социал-демократами, членами Совета Богданов прервал его, крикнув: «Ведь это бред, бред сумасшедшего». На наш взгляд, это говорило о том, что многие социал-демократы подходили к марксизму с догматических позиций.

³ Ленин В.И. Военная программа пролетарской революции. ПСС. Т. 30. С. 130.

⁴ Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции. ПСС. Т. 34. С. 117.

В послереволюционный период противоречия в партии и ее руководстве ещё более обострились, что привело к развертыванию внутрипартийных дискуссий и оживлению деятельности фракционных групп и оппозиции. В этих условиях В.И. Ленин не отрывался от реальной действительности и, анализируя ее, точно учитывал все повороты экономической и политической жизни. Гражданская война, политика «военного коммунизма» поставили страну и партию в тяжелейшее положение. Попытка большевиков в условиях Гражданской войны на практике ввести бестоварный социализм с элементами коммунистического общества закончилась крахом. Это были вынуждены признать большевики во главе с В.И. Лениным. В этот период партию добровольно покинуло не менее 3% членов, но наиболее чувствительным ударом стало то, что большевики потеряли безоговорочную поддержку большинства рабочего класса. Особое место в период подготовки к X съезду РКП заняли партийные дискуссии и фракционная борьба, связанные вопросом о месте и роли профсоюзов.

В дискуссии столкнулись две основные точки зрения на роль профсоюзов в условиях диктатуры пролетариата и переходе от капитализма к коммунизму. В.И. Ленин критикует Л.Д. Троцкого по вопросу о методах подхода к массе, овладения массой, связи с массой, за отрицание того, что профсоюзы в рабочем государстве должны заниматься защитой материальных и духовных интересов рабочего класса. В.И. Ленин отмечает: «Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства»⁵. Однако социальная роль профсоюзов в Советском Союзе имела мало общего с профсоюзами на Западе. К сожалению, мы рассматривали профсоюзы как организацию воспитательную, организацию вовлечения, обучения, школу управления, школу хозяйствования, школу коммунизма. В результате профсоюзы, став «приводными ремнями партии» лишились навыков защиты прав трудящихся. С реставрацией капитализма в России профсоюзы оказались неспособными организовать защиту интересов лиц наемного труда.

Нередко Ленина критикуют за то, что излишне акцентирует внимание на политической сфере при решении вопросов общественного развития в ущерб экономической. Конечно, определенная доля истины здесь имеет место. Учитывая то время, когда многие были подвер-

⁵ Ленин В.И. О профессиональных союзах. ПСС. Т. 42. С. 208.

жены влиянию идей мировой революции и испытывали чувство революционного нетерпения. Ленин, будучи реалистом, понимал, что мировая революция отодвигается, и на передний план выдвигаются вопросы правильной научной организации хозяйственного строительства, построения социализма в одной стране. Поэтому в речи при закрытии X Всероссийской конференции РКП (б) 28 мая 1921 г. он говорил: «Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира без всякого исключения и без всякого преувеличения. Это достигнуто. Замолчать, скрыть капиталисты ничего не могут, они больше всего ловят поэтому наши хозяйственные ошибки и нашу слабость. На этом поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно. Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное. На этом фронте мы должны одержать победу медленным, постепенным — быстрым нельзя, — но неуклонным повышением и движением вперед»⁶.

Особое место в социально-экономических взглядах В.И. Ленина занимали вопросы критики уравнительности. Его позиция расходилась с позицией Л.Д. Троцкого по этому вопросу. У критиков социализма уравниловка была одним из излюбленных объектов внимания. Между тем В.И. Ленин подчеркивал: «Ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления ничто. Без этого ударность — мечтание, облачко, а мы все-таки материалисты. И рабочие — материалисты; если говоришь ударность, тогда дай и хлеба, и одежды, и мяса»⁷. Начавшиеся дискуссии в партии свидетельствовали о том, что шел поиск способов выхода из кризиса. В руководстве партии фактически произошел раскол. Появляющиеся в ней фракции отражали интересы определенных прослоек в партии, связанных с некоторыми социальными группами российского общества того времени. Все это в значительной степени привело к запрету внутривнутрипартийных фракций (на X съезде РКП (б) была принята резолюция «О единстве партии»).

С позиций сегодняшнего дня переход к централизму в руководстве и управлении партии значительно ослабил демократические принципы партийного строительства и возможность осуществлять критику политики руководства партии. В условиях нарастающих объ-

⁶ Ленин В.И. Речь при закрытии конференции 28 мая. ПСС. Т.43. С. 341.

⁷ Ленин В.И. О профессиональных союзах. ПСС. Т. 42.С. 212.

активных социально-экономических противоречий В.И. Ленин предпринимает усилия по их ослаблению. В период 1922–1923гг. им написан ряд статей, в которых сформулированы основные принципы строительства социализма, а также партийного и государственного руководства.

Анализируя ленинское наследие, необходимо подчеркнуть, что многие его взгляды не потеряли актуальности и востребованы жизнью. В.И. Ленин в работе «Материалы по пересмотру партийной программы» писал: «Каковы бы ни были трудности революции и возможные временные неудачи ее или волны контрреволюции – окончательная победа пролетариата неизбежна»

Г.Ш. Аитова

***Справедливость как социальный вопрос:
ленинская концепция***

Рассуждая о ленинском подходе к трактовке справедливости, особенность проблемы заключается в том, что мы не найдем в его теоретических, политических работах строго построенную «теорию справедливости». В то же время имя В.И. Ульянова-Ленина в первую очередь связывается с приверженностью к борьбе за социальную справедливость.

Такая своего рода мысленная коллизия на самом деле не является свойством методологического подхода Ленина. И если говорить конкретно о его трактовке справедливости, то здесь я считаю важным подчеркнуть: социальная справедливость для Ленина – это решение проблемы во всей целостности социального вопроса. Данный момент представляется эвристичным с точки зрения теоретико-методологического исследования, а именно: справедливость, будучи категорией, в основании которой лежит совокупность моральных требований равенства, отношений распределения благ и зол в обществе др., в различные исторические периоды актуализируется соразмерно существующим требованиям и потребностям социального развития.

В этой связи, как считает автор настоящей статьи, Ленин ставит вопрос о том, какие социальные, экономические противоречия определенного исторического времени попадают в поле суждения справедливое и несправедливое, а значит, являются «сердцевиной» поиска путей решения социальных проблем. Автор здесь постарается обозначить первые результаты своего исследования.

Во-первых, для Ленина содержательное понимание справедливости связывается с решением насущных социальных проблем определенной исторической эпохи. То есть сама постановка вопроса о справедливости без соотнесения с задачами конкретного решения вопросов равного распределения общественных благ остается абстрактной идеей. «Справедливость, – по словам Ленина, – для масс полупролетариев, для большинства мелкой буржуазии города и деревни, разорен-

ных, истерзанных, измученных войной, это не фраза, а самый острый, самый жгучий, самый большой вопрос о голодной смерти, о куске хлеба»¹. То есть рассуждения о справедливости остаются пустыми фразами, если за ними не стоят реальные потребности людей. Следовательно, стремления представить отношения справедливости как частичное решение социально-значимых противоречий само по себе не является справедливостью. В этом отношении взгляд Ленина не менее актуален и в настоящее время, что позволяет нам сформулировать тезис: без прямого соотнесения критерия социальной справедливости с проблемой решения социального вопроса, размышления о ней не будут выходить за пределы абстрактных принципов распределения; и даже ее моральное измерение будет не способно в полной мере достичь равенство. Когда мы говорим о социальном вопросе, мы должны иметь в виду не поиск «золотой середины» между равенством и неравенством, а искоренение факторов, порождающих неравенство; социальный вопрос – это путь к благосостоянию через решение проблем бедности. На первый взгляд, данное утверждение представляется само собой разумеющееся. Вместе с тем данные понятия в исследовательском контексте рассматриваются порознь [«благосостояние», «бедность»], что и порождает параллельное течение не только социальной мысли, но что намного существеннее: существование этих феноменов порознь в реальной общественно-экономической жизни.

Во-вторых, из вышесказанного вытекает следующий тезис Ленина о том, что важно разрешение существующей несправедливости, а не поиск решения исторической несправедливости, которая была актуальна ранее. В этом контексте если говорить о периоде 1917 г., то здесь автор считает необходимым привести точку зрения ведущего отечественного историка В.Т. Логинова: «Существует обывательское представление о том, что годы социальных потрясений гигантски расширяют пространство для свободы воли и выбора. <...> Наоборот, кризисные ситуации раскалывают страну надвое, сужают коридор возможных решений. И политическим деятелям часто приходится делать совсем не то, что определяется их личными симпатиями или доктринальными соображениями, а то, что диктуется жизненными обстоятельствами»². Обход этих конкретных жизненных обстоятельств, установка на исправление несправедливых ошибок прошлого

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 332.

² Великая русская революция: от Февраля к Октябрю (Круглый стол, посвященный 90-летию Февральской революции 1917 г.) // Октябрь 1917: Вызовы для XXI века М., 2009. С. 16.

в такие исторические моменты могут не только не реализоваться, а стать, напротив, реакционными, контрпрогрессивными для будущего. В то время как для Ленина особенно необходимым представлялось исправление наличной исторической несправедливости, которая напрямую задерживает общественное развитие³. Как нам всем известно, именно история революционных изменений XX в. показывает, что в период «сужения коридора возможных решений» только разрешение коренных противоречий общественного бытия, в том числе и стремление продвинуться к социальной справедливости, делают колоссальный прогрессивный рывок в общественном развитии.

В-третьих, внутренним источником движения и как следствие воплощением социальной справедливости для Ленина, несомненно, является установка на развитие способности граждан самим определять справедливое решение социальных вопросов. В частности, сегодня представительница критической социальной теории, социальный философ Ирис Янг определяет этот аспект как принцип самодетерминации, лежащий в основании социальной справедливости, в противовес принципу коллективной самодетерминации либеральных теорий справедливости⁴.

Суть этого принципа состоит в прямом участии населения в принятии решений, что является ключевым тезисом политической философии Ульянова-Ленина: «Самое главное – внушить угнетенным и трудящимся доверие в свои силы, показать им на практике, что они могут и должны взяться сами за правильное, строжайше упорядоченное, организуемое распределение хлеба, всякой пищи, молока, одежды, квартир в интересах бедноты»⁵. В сущности, это утверждение ленинской концепции отмирания государства, где действительное право определения того, что является справедливым и несправедливым, принадлежит самим гражданам, а не тем государственным аппаратом, который во многом отчужден от понимания самой сути проблем. В сегодняшних условиях эту позицию подчеркивает И. Янг: «в системе совершенной не-самодетерминации все члены (общественной) организации, за исключением тех, кто находится на высших позициях, обязаны подчиняться законам, в формировании которых они не принимали участие».

В-четвертых, сами средства достижения справедливости, как и осознание ее сущности на определенном историческом этапе, всегда

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 334.

⁴ Young I. Inclusion and Democracy. New York, 2000. P. 32.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 315.

конкретны. Поэтому необходимость контроля как одного из ключевых таких средств политики в период революции 1917 г. Лениным понимается не только как поступательное движение к равному распределению самых необходимых материальных благ, но контроль выступает методом самоорганизации граждан. Последнее и является тем условием, способным преодолевать обстоятельства несправедливости.

Мы здесь можем обратить внимание на оценку Ленина государственно-бюрократического решения проблемы голода в период Первой мировой войны не только в России, но в Германии и других странах, а именно: введение «хлебных карточек». Подобная односторонняя политика направлена на сужение «самодеятельности бедных, пролетариата, массы народа <..> не поднимать, контроля с их стороны за богатыми не допускать, лазеек для того, чтобы богатые вознаграждали себя предметами роскоши, оставляя побольше»⁶. В этом смысле без контроля даже конфискация имущества капиталистов для Ленина не представляется ключевой, поскольку сама по себе она не содержит «элемента организации, учета правильного распределения»⁷. Она может быть заменена «взиманием подоходного налога, только бы исключить какого-либо уклонения от подотчетности, сокрытия правды»⁸.

Автор привел данные взгляды Ленина по вопросу о методах реализации социальной справедливости во многом для того, чтобы более четко обозначить следующий тезис его: внутренний источник самодвижения социальной справедливости состоит в том, чтобы заключить в средства ее достижения элементы, нацеленные на реализацию ее сверхзадач, сверхпредназначений; именно одновременное движение к ним позволяет осуществлять качественные исторические переходы в самом понимании того, что есть справедливость.

Сегодня этот тезис Ленина мы можем увидеть в развитии социальной справедливости как диалектики отношений распределения и отношений признания культурных, гендерных, расовых, этнических идентичностей. Иными словами, новые исторические условия выводят понимание социальной справедливости за границы отношений перераспределения материальных благ. С точки зрения социального философа Н. Фрейзер, ее новое содержательное наполнение основывается на преодолении политэкономического измерения гендерных, расовых и других различий; когда индивидуальные культурные различия ста-

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 180.

⁷ Там же. С 309.

⁸ Там же.

новятся предметом торга, относительно распределения благ. Поэтому здесь отношения признания выступают наряду с отношениями распределения теми противоположностями социальной справедливости, образующие ее новое бытие. То есть в сообществе индивидов на первый план выступает культурная индивидуальность человека, где ее самореализация как родовой сущности человека возможно в коллективном сообществе, что является, в сущности, отрицанием политэкономического измерения культурных различий индивидов.

Немаловажна позиция Ленина в оценке буржуазного права как одного из источника закрепления формального равенства между индивидами. Тезис марксизма о том, что право никогда не может быть выше, чем экономический строй общества важен в том смысле, что любая редукция справедливости к правовым принципам неспособна ни в социальном, ни в историческом контексте определить ее сущность. В частности, Ф. Энгельс, критикуя естественно-правовую школу социальной мысли своего времени, полагал, что естественное право, под которым юристы определяли нечто общее, свойственное всем правовым системам и выраженное абстрактным понятием справедливость, представляет собой лишь «идеологизированное выражение экономических отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны»⁹.

В этом отношении Ленин рассматривает движение к социализму как преодоление формального равенства, когда будет уничтожена та несправедливость, состоящая во владении средствами производства отдельными лицами¹⁰. «Вслед за осуществлением равенства всех членов общества по отношению к владению средствами производства, т. е. равенства труда, равенства заработной платы, пред человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т. е. к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям»¹¹.

⁹ Энгельс Ф. К жилищному вопросу// Сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса. Т. 18. С. 273.

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 93.

¹¹ Там же. С. 99.

М.П. Кропоткин

***Идеи В. И. Ленина и судьбы
«ростков социализма»***

Известно одно из определений социализма В.И. Лениным: «Социализм – строй цивилизованных кооператоров». Возникновение этого определения, как и в целом обоснование перехода к нэпу, обычно видят в основном в экономических (необходимость восстановления хозяйства, создание стимулов для крестьянства, использование инициативы, в т. ч. частно-рыночной, в селе и в городе) и политических предпосылках (сохранение власти ВКП(б) – «иначе нас сметут»). Возможно, не меньшую роль играла и замеченная, и очень беспокоившая Ильича, тенденция ко всему большему бюрократизации общественной и экономической жизни. С окончанием, в основном, Гражданской войны, стало абсолютно необходимо создание противовеса бюрократии, создание основ самоуправляющегося социалистического общества. Еще в первый послереволюционный год был предпринят ряд попыток создания таких основ:

через профсоюзы – но они, обладая большой, монопольной силой, оказались склонны к отраслевому подходу;

через фабзавкомы – но организовать производство им оказалось во многих случаях сложно, вероятно, в том числе, из-за почти полного отсутствия в их составе специалистов – инженеров;

через Советы – но они в силу своего смешанного состава (формирование по месту жительства, по профессии, по социальному положению) в большей мере оказались способны решать социально-бытовые и жилищно-коммунальные вопросы, чем производственные и экономические.

Таким образом, все испробованные пути к самоуправлению трудящихся на тот момент и в тех конкретных условиях, оказались неэффективными и были в основном заменены административно-командными структурами и методами.

Не будем забывать и о том, что первые полвека своего существования «Страна Советов» непрерывно находилась в состоянии войны,

внутренних вооруженных конфликтов, восстановления разрушенного, и подготовки к отражению агрессии с применением обычного, а затем – и ядерного оружия, со стороны более сильных технически и экономически противников. В этих условиях для любого типа государства совершенная демократия вряд ли возможна. Мобилизация ресурсов требует вовлечение в общее дело всех, а не только энтузиастов, не только наиболее образованных и т. д.

Рассуждения о том, что эти проблемы СССР появились в результате «ленинско-сталинской политики» – продрозверстки, партийной монополии, Коминтерна, репрессий и т. д. – не выдерживают критики – достаточно вспомнить Республиканскую Испанию, не имевшую всех этих черт, но уничтоженную капиталистической реакцией.

Вторая попытка усилить самоуправленческие начала, усилить инициативу народа, была предпринята в период нэпа. Этот период предполагался Лениным достаточно длительным – на 20–50 лет, и видимо, по замыслу, должен был вместить глубокую «культурную революцию» и сформировать человека (и соответственно общество) нового типа, разносторонне образованного, коллективистского по духу, накопившего опыт эффективного самоуправления. Но эта концепция для своего воплощения требовала иной ситуации в мире – революций в наиболее развитых странах, по крайней мере Европы, с их мощным пролетариатом, наукой и промышленностью, и, отчасти, «подтягиванием» Советской России «на буксире» к истинному социализму, выражаясь словами Троцкого¹. Возможность такого развития казалось реальной еще в 1921–1922 гг. на фоне бедности и хозяйственной разрухи в Европе и недавних серьезных революционных вступлений там.

Прошло всего несколько лет, и ситуация радикально изменилась. Сталин, отдадим ему должное, совершенно верно осознал, что революция в наиболее развитых странах задерживается, возможно, надолго. Стабилизация же капитализма открывает возможность прямой агрессии, которую «ситцевая» Советская Россия не выдержит. Ведь наше успешное развитие в годы нэпа вовсе не означало, что самолетов, грузовиков или кораблей мы могли выпускать столько же, сколько в Англии, Германии или США. Несомненно и то, что глубокая «аграрная реформа» 1917–1918 гг. привела к резкому улучшению питания бедняков и середняков в деревне (что выразилось во всплеске рождаемости в годы нэпа), но никак не повысила товарности сельского хозяйства, которая в 1928 г. оказалась гораздо ниже, чем в 1913 г., при воз-

¹ Л.Д. Троцкий. История русской революции // Берлин. 1933. Т. 2. Ч. 2. С. 471

растающей потребности в сельхозпродуктах для растущих городов и экспорта, без чего невозможно развить промышленность (в т.ч. и сельскохозяйственную). Разорвать этот круг без массовой коллективизации, сводящейся в первые годы в основном к мобилизации сельхозресурсов для общегосударственных нужд, по-видимому невозможно. Рассуждение о «других странах» в данном случае не научны – они либо не имели таких темпов промышленного роста – 20–30–40% в год, в которых нуждался тогда СССР, либо получали большую помощь из-за рубежа («план Маршала», Южная Корея, Япония).

Проживи Ленин на 7–8 лет больше, он вероятно, полностью согласился бы со знаменитыми сталинскими фразами: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»². Ощущением недостаточной силы СССР обусловлен и пакт 1939 г. с Германией.

Логика ситуации, таким образом, привела к свертыванию важнейшей, именно социалистической составляющей ленинского плана построения социализма – постепенного нарастания самоуправленческих начал, развития советской демократии. Вместе с тем и в этой части процесс не был прямолинейным – сохранялась значительная социальная мобильность, народная, коллективистская инициатива, развитие культуры, хотя и в жестких рамках.

Сохранились и те же черты ленинского плана, которые, будучи исключительно важными в строительстве социализма, носят общедернизационный характер – развитие образования, науки, электрификация и др.

Формы же реализации объективно необходимой политики с конца 1920-х гг. определялись уже личностью Сталина, его готовностью оплачивать успехи развития страны массовым голодом, репрессиями, страхом... «Лес рубят, щепки летят», «бабы еще нарожают».

Элитарно-иерархическое общество соответствовало, видимо, сталинским мироощущениям и в немалой степени – обстановке, но закрепившись за четверть века, так и не смогло реформироваться и в итоге погубило ростки социализма в СССР, а заодно – и во всех странах (кроме Кубы), которые под влиянием СССР скопировали эту модель, не дающую 99% граждан страны возможность ощущать себя хозяевами, «творцами истории».

² Речь на Первой Всероссийской конференции работников соц.промышленности. 4.02.1931г.

Осмысление этого опыта имеет большое значение для бурно развивающихся Китая и Вьетнама. Именно допущение значительных рыночно-капиталистических элементов в экономику обусловило необходимость сохранить там однопартийную систему и централизацию административно-хозяйственного управления. И пока решения партийно-хозяйственного руководства, видимо в основном совпадают с реальными потребностями развития страны и интересами трудящихся. Но зависит это от воли партийно-хозяйственной элиты, а не народа. Пока темпы роста высоки, интересы «бюрократии» и народа примерно совпадают: «элита» видит в укреплении страны увеличение своего веса. Но при замедлении роста у «элиты» может (и весьма вероятно) возникнуть соблазн пойти по пути России.

Таким образом, в этих странах потенциальная угроза «росткам социализма» в большей мере исходит от партийно-хозяйственной элиты, а не от существующих там предпринимателей, которые уже имеют значительные богатства, и возможно, нередко чувствуют себя даже уверенней под прикрытием могучего государства.

Идеологическому давлению современной мировой капиталистической системы в долгосрочной перспективе может противодействовать лишь экономика с преобладанием коллективных предприятий и общество с развитой народной демократией. Как показал опыт СССР, в т. ч. шахтерские стачки, Польши, Румынии и т. д., работники государственных предприятий в обществах с административно-командной политической структурой массивного буржуазного пропагандистского воздействия не выдерживают и «ростки социализма» в массе своей активно не защищают, а часть из них встает в ряды активных разрушителей.

В Югославии же, имевшей значительные элементы производственного самоуправления и большую демократичность в политической жизни общества, для уничтожения элементов социализма потребовалось не только 5-летняя жестокая гражданская война, но и воздушно-космическая операция сильнейшего на планете военного блока – НАТО.

Народ в действительности способен формировать представления и принимать решения по наиболее общим социально-экономическим вопросам, ничуть не уступающие мнениям крупных экономистов при сравнимом уровне допускаемых нелепостей и ошибок.

Это подтверждается как данными многочисленных опросов по различным вопросам, так и общим неприятием политики Ельцина в 1993–1999 гг. в России, даже при невысоком, в общем, уровне соци-

ально-политических знаний, и особенно – опыта, и мощном воздействии буржуазной пропагандистской машины.

Тем больше будут возможности народной демократии при объективной информации и накоплении опыта народного управления. Чрезвычайно важно и возникающее при этом ощущение государства как своего, рождающее позитивное мироощущение, подъем творческой, производственной и социальной активности, препятствующее разворыванию общего, что дает резкое ускорение прогресса общества и страны.

Н.В. Мушиц

***Ленинская концепция госкапитализма
как составная часть
новой экономической политики***

Основным противоречием любой пролетарской революции В.И. Ленин считал противоречие между новым содержанием государственной власти и старой формой государственного управления. Неявное в условиях гражданской войны и военного коммунизма, когда классовый враг был «по ту сторону окопов», а методы управления экономикой сводились к максимальной централизации, формированию вертикали подчинения хозорганов, данное противоречие стало явным и серьезным испытанием для строительства фундамента социалистической экономики в условиях новой экономической политики.

В «Плане проекта наказа от СТО» весной 1921 г. В.И. Ленин всесторонне и четко сформулировал суть новой экономической политики: «максимальный подъем производительных сил и улучшение положения рабочих и крестьян, использование частного капитализма и направление его в русло государственного капитализма, всесторонняя поддержка инициативы мест, борьба с бюрократизмом и волокитой»¹.

Одним из основных пунктов рассуждений Ленина в условиях перехода к нэпу был вопрос о союзниках социалистического сектора экономики. В экономике России после национализации более 500 предприятий к весне 1918 г. наряду с социалистическим укладом существовали и развивались патриархальное хозяйство, мелкое товарное производство, частнохозяйственный капитализм и государственный капитализм. Анализируя соотношение сил внутри различных общественно-экономических укладов В.И. Ленин уже в 1918 г. делает концептуальный вывод о том, что внутри укладов не государственный капитализм борется с социализмом, «а мелкая буржуазия плюс част-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 398.

нохозяйственный капитализм борются вместе, заодно, и против государственного капитализма, и против социализма»².

Вывод Ленина о госкапитализме, как союзнике социалистического уклада, позволял «запустить» сложную конструкцию нэпа, как политику отступления к многоукладной экономике, в основе которой лежал лозунг экономической борьбы между укладами – «кто кого». Однако, успешное воплощение этой конструкции в жизнь было возможно лишь при одном условии: что госкапитализм действительно будет союзником социалистического сектора экономики.

Ленинская концепция госкапитализма с политическим и экономическим обоснованием сложилась в 1921 г. Она позволяет увидеть разработанную Лениным динамику развития общественно-экономических укладов в условиях нэпа. Подтягивание неконтролируемых мелкотоварного, частнокапиталистического секторов экономики к таким формам госкапитализма, как кооперация, аренда, акционерные и смешанные общества, концессия с целью обеспечения контроля и учета и постепенное преобразование госкапиталистического сектора в социалистический уклад – такой была логика ленинских размышлений о создании фундамента социалистической экономики в условиях нэпа.

Она не имела ничего общего с утвердившимися в конце 1980-х гг. взглядами на необходимость разгосударствления социалистической экономики с оглядкой на нэп. Обоснование необходимости создания многоукладной экономики со ссылками на нэп в условиях перестройки выворачивало наизнанку ленинскую концепцию нэпа, как движения в обратном направлении: от многоукладности к единому социалистическому укладу. Произошла невероятная подмена содержания и сущности ленинского нэпа, как способа постройки фундамента социализма. Во второй половине 1980-х гг. ленинский нэп, вольно или невольно, был использован для демонтажа этого самого фундамента.

Можно выделить несколько причин подобной метаморфозы. Во-первых, дискуссии о нэпе велись в рамках социалистического выбора. О переходе к капитализму речь не шла – не позволял менталитет дискутирующих. Многим искренне казалось, что для социализма «с человеческим лицом» многоукладная экономика подходит больше. Во-вторых, в конце 1980-х гг. произошла некоторая романтизация нэпа. Вопрос «почему был свернут хороший нэп?» звучал практически на каждой конференции. Оценка нэпа Лениным, а тем более осмысление

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.43. С. 207.

его реальных, а не мнимых противоречий, не получила должного освещения. В-третьих, исследования проблематики нэпа совпали с массивным ударом по «сталинщине». Проблема ликвидации нэпа стала одним из разоблачений сталинизма: хороший ленинский нэп был свернут плохим Сталиным. В-четвертых, были проигнорированы указания В.И. Ленина о том, что нэп являлся не более, чем тактикой, но ни в коей мере не эволюцией политического режима, хотя угроза эволюции была реальной. В конце 1980-х гг. желание эволюционировать превышало инстинкт самосохранения. Вопрос «куда идем» заглушался потоком «разоблачительных» публикаций с ответом на другой вопрос – «откуда бежим». И, наконец, в-пятых, отсутствие необходимого жизненного опыта, позволявшего сравнить и уберечь то, что имеем, с гипотетическим – чего хотим, но не имеем, общее недовольство существующим порядком вещей – все это влияло на уровень объективности исследователей в осмыслении уроков новой экономической политики.

Вырабатывать решение о переходе к нэпу В.И. Ленину и партии приходилось в условиях исчерпания кредита доверия, выданного крестьянами советской власти. Политический союз, сложившийся между рабочими и крестьянами России в годы гражданской войны, обеспечивший победу советской власти, рушился на глазах. Для сохранения союза политического необходим был союз экономический. Нэп, как стратегическое отступление, был призван наладить, обеспечить экономическую смычку рабочих и крестьян, без которой не могло быть и речи о строительстве фундамента социалистической экономики.

Переход к нэпу объяснялся и международной обстановкой. Стабилизация капитализма в западных странах отодвинула на неопределенный период перспективу поддержки советской власти извне. В Плане доклада «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» на IV конгресс Коминтерна Ленин по пунктам резюмирует: «9.5 лет мы одни; революции в других странах еще нет. война и голод. Гибнуть? 10. Немного отступить. Отступили. Итог?»³

Разработанная В.И. Лениным концепция политики госкапитализма была важнейшим инструментом регулирования взаимоотношений между укладами, была тем каналом, по которому и через который крестьянская Россия, частник, торговец могли втянуться в социалистическое строительство. В «Плане доклада на IX Всероссийском съезде Советов» В.И. Ленин писал: «Отступаем (не будем бояться признать это;

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 432.

не страшно отступление, страшны иллюзии и самообманы, губительна боязнь истины)». Спрашивая, к чему отступаем, сам же отвечал: к государственному капитализму, к кооперативному капитализму, к частнохозяйственному капитализму и к торговле⁴.

Рассмотрим взгляды В.И. Ленина на госкапитализм в их развитии. После Октябрьской революции Ленин трижды уделял пристальное внимание укладу и политике государственного капитализма в России: весной 1918 г. после Брестского мира, когда искал пути быстреего восстановления производительных сил, весной 1921 г. в условиях глубочайшего политического кризиса, грозившего гибелью советской власти, и, наконец, весной и осенью 1922 г., когда подводил итоги первого года нэпа.

Подчеркивая своеобразие экономики переходного периода, которое заключалось в ее многоукладности и опасности для дела социализма мелкобуржуазной стихии, В.И. Ленин весной 1918 г. делает вывод о том, что «...государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего положения дел в нашей Советской республике»⁵. Ленин говорит о необходимости и возможности использования госкапитализма в условиях 1918 г. в таких работах, как «Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи советской власти», «Очередные задачи советской власти», «О “левом” ребячестве и мелкобуржуазности», в «Докладе об очередных задачах советской власти» на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г., «Тезисах банковской политики», «Шести тезисах об очередных задачах советской власти» и др.

Отмечая сравнительно низкий уровень развития госкапиталистических форм хозяйства в России, В.И. Ленин высказывает мысль о том, что для построения социализма было бы предпочтительнее, если бы этот уровень был выше. Одновременно он настаивает на широком использовании не преобразованных еще в последовательно социалистические таких госкапиталистических предприятий, как банки, промышленные, торговые, кооперативные объединения, концессии, аренда и т. п. В госкапитализме с его централизацией, доступностью общественному учету и контролю В.И. Ленин весной 1918 г. увидел союзника социализма в борьбе со стихийностью частного собственника.

После окончания гражданской войны в своих многочисленных выступлениях, статьях, таких как «Доклад о продовольственном нало-

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 487–488.

⁵ Там же. С. 206.

ге» на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г., в брошюре «О продовольственном налоге», в «Докладе о концессиях» на заседании коммунистической фракции ВЦСПС 11 апреля 1921 г., в речи «О концессиях и о развитии капитализма», в статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», в «Докладе о новой экономической политике» 29 октября 1921 г. на VII Московской губпартконференции и некоторых других В.И. Ленин продолжает развивать идеи использования государственного капитализма в экономике переходного периода и раскрывает значение таких его форм, как концессии, аренда промышленных предприятий частным капиталом, создание акционерных и смешанных обществ с участием иностранного капитала, кооперация, привлечение капиталистов, как торговцев, за определенный комиссионный процент, для продажи государственных продуктов и для скупки продуктов мелкого производителя.

Подчеркивая значение государственного капитализма, В.И. Ленин отмечал не только его доступность контролю и учету со стороны советского государства, что имело решающее значение в борьбе с мелкобуржуазной стихией, но и его роль, как школы обучения для рабочих. Опыт капиталистов в области политики цен, кредитов, рационализации труда был крайне необходим молодому советскому государству.

Говоря о преобладании на необъятных пространствах России патриархальщины, полудикости и даже дикости, на ближайшие годы В.И. Ленин ставил задачу организации посредствующего звена, которое способно облегчить переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму. И именно в государственном капитализме Ленин увидел это посредствующее звено. Он критиковал тех, кто сбивался на рассуждение: «капитализм есть зло, социализм есть благо» за то, что они «забывали» о всей совокупности существовавших общественно-экономических укладов и выхватывали только два из них.

В.И. Ленин разъяснял, что, если по отношению к социализму капитализм есть зло, то по отношению к средневековью, к мелкому производству капитализм есть благо. Тьму ошибок, – говорил он, – делают те товарищи, которые сравнивают государственный капитализм только с социализмом, «тогда как в данной политико-экономической обстановке обязательно сравнивать государственный капитализм с мелкобуржуазным производством»⁶.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 222

Нельзя было запереть неизбежное развитие капитализма, но можно и нужно было направить его в русло государственного капитализма и экономически это было возможно. Вся сложность вопроса, как в теории, так и на практике, по мнению Ленина, состояла в том, «чтобы найти правильные способы того, как именно следует направить неизбежное /до известной степени и на известный срок/ развитие капитализма в русло государственного капитализма, какими условиями обставить это, как обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм»⁷.

Не все были согласны с трактовкой Лениным госкапитализма как союзника социалистического сектора экономики. Бухарин Н.И., Милютин В.П. считали, что под государственным капитализмом следует понимать собственность, принадлежащую государству, находящемуся в руках буржуазии. Но в условиях диктатуры пролетариата, когда государственная власть была в руках рабочих, рассуждали они далее, передача госсобственности на определенных условиях в руки частного капитала создавала частнохозяйственный, а не государственный капитализм. А частнохозяйственный капитализм не мог быть союзником социалистического уклада по определению⁸.

С аналогичной критикой выступил на XI съезде РКП(б) Преображенский Е.А., заявив, что госкапитализм – это капитализм в чистом виде и только так его можно и нужно понимать. «Схоластикой» назвал Ленин такое понимание в своем заключительном слове на съезде.

Вопрос о социально-экономической природе государственного капитализма в условиях нэпа был и является наиболее дискуссионным. Своеобразие государственного капитализма В.И. Ленин видел в том, что это капитализм, насаждаемый пролетарским государством на особых условиях: «Государственный капитализм, это – тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство, это – рабочие, это – передовая часть рабочих, это – авангард, это – мы»⁹. По мнению Ленина, социально-экономическая природа государственного капитализма предопределяется классовой природой государственной власти.

Ленин был реалистом и понимал, что «мы» – это капля в море. Фактическая государственная власть была в руках бюрократии, госап-

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 222–223.

⁸ Милютин В.П. Роль государственного капитализма в системе советского хозяйства // Вестник социалистической академии. 1923. № 2. С. 169.

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С.85.

парата, который, как он говорил, – «заимствован нами от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром».

В условиях перехода к нэпу произошел рост и консолидация бюрократии всех мастей: бывшей царской, советской, партийной. Не владея непосредственно средствами производства, бюрократия занимает совершенно особое место в системе общественного разделения труда. В ее руках находятся рычаги по снабжению предприятий финансами, заказами, производственным оборудованием, сырьем. Эти рычаги определяют и особое место бюрократии в системе распределения прибыли и получения материальных благ. Марксистская характеристика бюрократии, как класса, отстаивающего исключительно свои узкокорыстные интересы, не оставляла надежды на то, что этот консолидированный класс будет действовать в интересах «диктатуры пролетариата».

С другой стороны, в 1921 г. деклассирование пролетариата еще не было остановлено. Процесс деклассирования объяснялся рядом причин: физическими потерями рабочего класса в ходе мировой и гражданской войны, разрушением инфраструктуры хозяйства и вынужденным уходом рабочих в иную сферу деятельности, уходом рабочих с действующих предприятий в деревню в поисках продовольствия в условиях голода 1921 г., приходом на фабрики и заводы «случайного», как говорил Ленин, «элемента». Основные потери относились к квалифицированным рабочим в тяжелых отраслях промышленности.

Ведя запись прений по отчету ЦК РКП(б) на XI съезде партии, Ленин записал критику в свой адрес со стороны Д.Б.Рязанова: «насчет деклассированного пролетариата злоупотребляют...» и А.Г. Шляпникова: «Нелестно отзывался Ленин о пролетариате: “авангард несуществующего класса”...»¹⁰ У В.И. Ленина на съезде не «сказанулось». Анализ состояния рабочего класса, данный В.И. Лениным, был действительно неутешительным. Приведем его цитату полностью: «Очень часто, когда говорят “рабочие”, думают, что значит это фабрично-заводской пролетариат. Вовсе не значит. У нас со времени войны на фабрики и заводы пошли люди вовсе не пролетарские, а пошли с тем, чтобы спрятаться от войны, а разве у нас общественные и экономические условия таковы, что на фабрики и заводы идут настоящие пролетарии? Это не верно. Это правильно по Марксу, но Маркс писал не про Россию, а про весь капитализм в целом, начиная с пятнадцатого века. На протяжении шестисот лет это правильно, а для России теперешней

¹⁰ Ленинский сборник. Т. 13. М.–Л., 1930. С. 21–23.

не верно. Сплошь да рядом шли на фабрики в то время не пролетарии, а всяческий случайный элемент»¹¹. В этой характеристике не было одного – «комвранья». Называя партию «авангардом несуществующего класса», Ленин назвал вещи своими именами. Напомним, это была весна 1921 года. Деклассирование пролетариата еще не было остановлено.

В этих условиях формулировка Лениным классовой природы государственной власти « государство, это – рабочие, это – передовая часть рабочих, это – авангард, это – мы» сводилась к ее заключительной части: «государство – это мы», то есть партия. Партия брала на себя ответственность не только за проведение новой экономической политики, но за такое ее проведение, которое восстанавливало и обеспечивало ведущую роль рабочего класса в исторической перспективе. Партия становилась гарантом сохранения классовой природы государственной власти, заявленной в начале ленинской формулировки: «государство, это – рабочие, это передовая часть рабочих».

Ленинское определение «государство – это мы» в условиях 1921–1922 гг. нужно рассматривать, как политическую формулу, отражающую желательность, необходимость процесса перехода государственной власти в руки сознательных рабочих и крестьян. И трактовать эту формулу нужно также, как объяснял выражение «Социалистическая Советская Республика» сам В.И. Ленин: «Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение «Социалистическая Советская Республика» означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание данных экономических порядков социалистическими»¹².

Две тенденции 1921 г.: консолидация бюрократии и деклассирование пролетариата вносили коррективы в ленинскую постановку вопроса о классовой природе государственной власти. В условиях нэпа эта классовая природа должна была себя выявить заново. Она выявлялась, определялась в ходе борьбы, соревнования экономических укладов не на жизнь, а на смерть.

Классовая природа государственной власти выявлялась и утверждалась в ходе всей совокупности социально-экономических мероприятий советской власти. Социальная структура крестьянства изменилась уже к середине 1920-х гг. Основной фигурой деревни стал середняк. С 1927 г. рабочий день сократился еще на час и составил 7

¹¹ Ленинский сборник. Т. 13. М.–Л., 1930. С. 24.

¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 206.

часов. Продолжительность жизни населения России за период с 1917 по 1927 гг. увеличилась на 11 лет. Конституция законодательно закрепила право рабочих и беднейших крестьян на полное, всестороннее и бесплатное образование. Они получили преимущества при поступлении в высшие учебные заведения.

Классовая природа государственной власти утверждалась мерами по укреплению судебно-карательных органов, изменению их функций, переориентации их на борьбу с экономическими преступлениями в условиях нэпа. В сентябре и ноябре 1921 г., в январе 1922 г. В.И. Ленин трижды ставил задачу перед Наркомом юстиции Курским Д.И. о разработке программы борьбы с волокитой судебными мерами, но получил отписку¹³. В начале 1922 г. В.И. Ленин в одном из писем в Наркомфин запрашивает: «Обдуманы ли формы и способы ответственности членов правлений трестов за неправильную отчетность и за убыточное ведение дела? Не спит ли у нас НКЮст? Тут нужен ряд образцовых процессов с применением жесточайших кар. НКЮст, кажись, не понимает, что новая экономическая политика требует новых способов новой жестокости кар»¹⁴.

В условиях нэпа одним из самых распространенных явлений стала взятка. Уже в 1922 г. Дзержинский Ф.Э. выявит и запишет в своем личном дневнике перечень наиболее часто встречающихся видов взяток и злоупотреблений: «1. Вопрос посредничества. Без посредника не покупается и не продается. 2. Взятки при определении величины налога. 3. Преуменьшение и сокрытие доходов и оборотов. 4. Сознательное отсутствие счетоводства и отчетности. 5. Взятки при получении кредита в Госбанке. 6. Требование «комиссионных» при заказах. 7. Вязниковский трест. Аршин сукна 35 тыс. рублей. 8. Неуплата налогов и акцизов и обращение их в свою пользу»¹⁵. В седьмом пункте Дзержинский обозначил сознательное увеличение цены на продукцию для продажи покупателю в целях получения госорганом вознаграждения с разницы между искусственно установленной и действительной ценой товара. Сегодня мы бы сказали – это «откат». Термина откат не существовало в годы нэпа. Но явление было.

Законопроект о наказании за взяточничество был инициирован В.И. Лениным еще весной 1918 г. В записке Д.И. Курскому он дал поручение: «Необходимо тотчас, с демонстративной быстротой, внести за-

¹³ Ленинский сборник. Т. 8. М.–Л., 1928. С. 35, 58–59.

¹⁴ Ленинский сборник. Т. 34. 1942. С. 430–431.

¹⁵ РГАСПИ. Ф.76, оп. 2, д.165, л. 47.

конопроект, что наказания за взятку (лихоимство, подкуп, сводка для взятки, и пр. и т. п.) должны быть не ниже десяти лет тюрьмы и, сверх того, десяти лет принудительных работ»¹⁶. 8 мая 1918 г. был издан декрет Совнаркома «О взяточничестве», по которому лица, состоящие на государственной или общественной службе, виновные в принятии взятки, наказывались лишением свободы на срок не менее пяти лет. Столько же получали виновные в даче взятки, а также «подстрекатели, пособники и все прикосновенные к даче взятки служащим». Декрет был классовым. Для лиц, принадлежащих к имущему классу и виновных в даче или принятии взятки, он предусматривал конфискацию имущества и наиболее тяжелые принудительные работы.

В условиях 1921–1922 гг. популярными были скорее меры воспитательного воздействия. На зданиях домов, в госучреждениях можно было увидеть листовки следующего содержания: «Граждане, не давайте взяток! Обращайтесь в тройку с жалобами на вымогателей взятки. Ваша жалоба будет рассмотрена немедленно. Суровая кара ждет взяточника»¹⁷.

Возвращаясь к характеристике социально-экономической природы государственного капитализма, определявшейся классовым содержанием государственной власти, следует отметить, что «агентом» государства, каким бы ни было его классовое содержание, на рынке услуг по заключению сделок выступал чиновник, бюрократ. Это означало, что государственно-капиталистический сектор экономики, как гипотетический союзник социалистического уклада, мог сработать и в обратном направлении – стать каналом по перекачке средств из социалистического сектора экономики вместо того, чтобы быть источником накопления средств для его развития.

Что придавало В.И. Ленину уверенность в том, что подобного исхода не будет? Как отмечал сам Владимир Ильич, политическая власть была в руках партии, а «государство – это мы», экономические рычаги – земля, средства производства, транспорт, финансы, монополия внешней торговли также были в руках государства. Ленин перечисляет основной задел, те самые командные высоты, которые, как бы не сложилась ситуация внутри отдельных сегментов экономики, гарантируют в перспективе успешную реализацию намеченных планов. Но, по состоянию на 1921 год, из перечисленных рычагов «работающими» были только два: политическое руководство партии, бдительно следя-

¹⁶ Ленинский сборник. Т. 8. С. 8.

¹⁷ РГАСПИ. Ф.76, оп. 2, д.166, л. 63.

щей за чистотой и единством своих рядов и запашка земли крестьянами, что гарантировало успешную сдачу продналога. Все остальные были ни в счет. Средства производства, то есть промышленность – в разрухе, транспорт – то же, финансы – разбалансированы. Монополию внешней торговли проводил на рынке Наркомат внешней торговли. Остановимся на его работе в 1921 г. отдельно.

Весной 1921 г. В.И. Ленин запросил у Наркомата финансов сведения об отпущенных Наркомату внешней торговли средствах с начала революции и об эффективности их расходования. Такую справку он получил. Ее составил заместитель наркома финансов А.О. Альский. С начала революции по состоянию на 15 мая 1921 г. Наркомат финансов отпустил Наркомату внешней торговли в золотых рублях золота в монете, бриллиантов и других драгоценных камней, платины, 5% китайского золотого займа 1913 г., кредитных билетов выпусков 1912 и 1917 гг. для реализации на общую сумму свыше 550 млн золотых рублей. Альский дает точные цифры по каждому пункту вплоть до рубля. Шокирующими для В.И. Ленина были его примечания: «Сведений, реализованы ли и в какой сумме указанные выше ценности – бриллианты, платина и бумаги –, а равно, куда обращены вырученные от реализации суммы в иностранной валюте – у НКФ не имеются. Экспортный товарный фонд, от реализации коего имела поступить валюта, причем размер этой суммы, а также сведения о ее расходовании НКФ также не известны. Поступления в кассу заграничных представительств НКВТ валюты от переводной операции и от реэмигрантов, размер коих НКФ не известен»¹⁸.

Справка А.О. Альского – это документ из серии «не ждали». Конечно, председатель Совнаркома нес моральную и политическую ответственность за подобные несостыковки. В.И. Ленин на первой же странице дает указание зам. наркома иностранных дел М.М. Литвинову «архисекретно» дать свой отзыв. М.М. Литвинов, имевший полномочия вести на внешнем рынке переговоры от лица Советского правительства, дал корректную справку о «реализационных возможностях» указанного отпущенного фонда, то есть о конъюнктуре рынка. Прокомментировать «несостыковки» между наркоматами он, конечно же, не мог.

Ленин требует создать комиссию для расследования сложившейся ситуации. Комиссия ВЦИК по обследованию Наркомвнешторга была создана. Возглавил ее заместитель Председателя ВЧК И.С. Уншлихт. По

¹⁸ РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 708, л. 1.

итогах проверки хода исполнения 120 договоров и выявленных «безобразий» Комиссия дала рекомендации не только радикально изменить постановку дела в НКВТ, но и обновить руководящий состав комиссариата и миссий¹⁹. Более жесткие оценки работы НКВТ были изложены в письме И.С. Уншлихта В.И. Ленину от 5 июля 1921 г.²⁰ Монополию внешней торговли не на словах, а на деле срывает в 1921 г. именно Наркомат внешней торговли.

Флагманы «командных высот» – Наркомат внешней торговли, ВСНХ, Центросоюз уже в 1921 г. стали монополистами и аккумуляровали гигантские средства. И с этими «акулами», как предполагал В.И. Ленин, вступит в союзнические отношения госкапиталистический сектор, социально-экономическая природа которого на словах была «пролетарской», а на деле определялась бюрократией? Думается, что В.И. Ленину в 1921 г. в полном объеме картина была еще не ясна.

Отступая к нэпу, к многоукладной экономике, партия открывала «ящик Пандоры». Вихрь наживы, вырвавшийся из этого ящика, грозил втянуть в свою орбиту не только советского, но и партийного функционера. Вот почему В.И. Ленин ценил «классовую правду классового врага» Устрялова об эволюции, перерождении советского режима выше «сладенького комвранья». Опасность такого перерождения была реальной. «Сменовеховцы выражают настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики. Это – основная и действительная опасность. И поэтому на этот вопрос надо обратить главное внимание: действительно, чья возьмет?»²¹ В.И. Ленин предупреждает об отчаянной, бешеной борьбе «не на живот, а на смерть» в ближайшей перспективе, борьбе между общественно-экономическими укладами.

Какую оценку дал В.И. Ленин итогам первого года нэпа и политики «насаждения» госкапитализма? Длительный отпуск по состоянию здоровья с декабря 1921 г., а также инсульт в мае 1922, вынудивший Ленина находиться в Горках на лечении до начала октября, не позволили ему скрупулезно отследить и подытожить так, как он умел, хозяйственные итоги года. Так, в одном из выступлений он сетует на то, что не успел проанализировать процесс трестирования промышленности за год. И, все же, весной и осенью 1922 г. В.И. Ленин несколько раз выступает с программными речами. В речи на заседании коммунистиче-

¹⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д.175, лл. 58–0.

²⁰ Там же, л. 52.

²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С.94.

ской фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта «О международном и внутреннем положении Советской республики», в «Политическом отчете Центрального Комитета РКП(б)» 27 марта XI съезду РКП(б), в речи на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября, в докладе на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции», в интервью корреспонденту «Манчестер Гардиан» А. Рансому, в конспекте речи на X Всероссийском съезде Советов, на котором он так и не выступит по причине болезни, Ленин оценил положительные и отрицательные итоги первого года нэпа.

К плюсам В.И. Ленин отнес хозяйственную деятельность многомиллионного крестьянства по запашке земли и сдаче продналога. «Успокоению» крестьянства способствовала и некоторая стабилизация рубля, которая втягивала крестьян в торговлю. Рубль был стабилен три месяца в 1921 и пять месяцев в 1922 г. Ленин ухватил тенденцию. Он не мог знать о том, что в 1923 г. в стране будет проведена одна из лучших финансовых реформ в мире. Но он почувствовал и был уверен в правильном векторе развития.

Как положительный фактор, Ленин отметил оживление легкой промышленности и «успокоение» рабочих. Он не мог знать, что 1923 г. будет переломным для количественного и качественного приращения рабочего класса. Но он уловил тенденцию. К плюсам был отнесен чистый доход Госбанка на сумму в 20 млн рублей. Сюда же следует отнести не названный Лениным итог: в сентябре 1922 г. правительством был утвержден список концессий, акционерных и смешанных обществ с участием иностранного капитала²². Правда, это был только список. Но, чтобы составить его, нужно было провести громадную работу всем хозяйственным органам.

К отрицательным итогам первого года нэпа был отнесен упадок в тяжелой промышленности. Средств для ее поднятия все еще не было. Они появятся позже.

В минус Ленин поставил всю работу госаппарата за год: «16. Госаппарат вообще: из рук вон плохо; ниже буржуазной культуры... Часто: не нам принадлежит этот аппарат, а мы принадлежим ему!»²³ Неоднократно Ленин говорил о том, что не мы управляем, а нами управляют, что не мы ведем, а нас ведут. В своем плане политического отчета ЦК РКП(б) XI съезду партии Ленин запишет: «За отчет-

²² РГАСПИ, ф.5, оп.1, д.118, лл. 1–10.

²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 441.

ный год (1921–1922) в области нэпа мы не столько сражались, сколько были сражаемы. «За битого 2-х...»²⁴

На XI съезде РКП(б), давая оценку работе по «насаждению» госкапитализма, В.И. Ленин признается: «А вот мы год пережили, государство в наших руках, – а в новой экономической политике оно в этот год действовало по-нашему? Нет. Этого мы не хотим признать: оно действовало не по-нашему. А как оно действовало? Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальное, не то незаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частнохозяйственные капиталисты, или те и другие, – но машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины. Вот основное, что надо помнить по вопросу о государственном капитализме»²⁵.

Так стал ли госкапитализм союзником социалистического уклада, как предполагал Ленин в начале нэпа? К концу 1922 г. не стал. А в конце 1920-х гг.? Оставим вопрос открытым. Отметим лишь, что проблема «союзника» – это проблема сроков и способов накопления капитала для тяжелой промышленности, проблема средств для закупки у крестьян зерна государством в условиях рынка.

Вопрос о «союзнике» выводит в более широкую плоскость анализа причин демонтажа нэпа. Если госкапиталистический уклад сомкнулся с частнохозяйственным и при этом использовал рычаги государственного управления для перекачки средств из социалистического сектора в госкапиталистический, то такой «нэп наизнанку» был не нужен.

Подводя итоги первого года нэпа, В.И. Ленин неоднократно назовет «гвоздем момента», «звеном цепи» разрыв, пропасть между всемирно-историческим величием поставленных и начатых задач и ничтожной не только материальной, но и культурной. Он ставит задачу «засыпать эту пропасть»²⁶. Новая экономическая политика и была призвана «засыпать» этот разрыв. Вопрос минимизации потерь, вот что стало волновать В.И. Ленина с конца 1922 г., когда после второго инсульта, не имея возможности практически руководить страной, он приступил к диктовке своего политического завещания.

В основе ленинского анализа неудачных итогов года по вопросу о государственном капитализме лежало неразрешимое на тот период

²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 410.

²⁵ Там же. С. 86.

²⁶ Там же. С.411, 414, 417.

противоречие, заявленное в начале статьи: противоречие между новым содержанием государственной власти и старыми формами государственного управления. Эти старые формы стали обживать новые функционеры разных мастей. Как мухи облепили они госаппарат, объединяясь с буржуазными спецами. Подобному положению вещей В.И. Ленин дал бой в своих последних статьях и письмах.

Политическое завещание В.И.Ленина – это его попытка выработать иной путь развития страны в условиях нэпа, отличный от того, который она прошла до конца 1922 г.

Е.Г. Кострикова

***Ленинский взгляд на геополитические
интересы России в начале XX века***

В мае 1907 г., выступая в Государственной Думе, премьер-министр П.А. Столыпин произнес ставшую знаменитой фразу о том, что стране нужны не великие потрясения, а Великая Россия. О Великой России мечтали политические деятели, придерживавшиеся самых разных взглядов, но каждый представлял себе это величие по-своему. В начале 1908 г. работа П.Б. Струве «Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества» положила начало широкой дискуссии о будущем страны. В ней приняли участие видные либералы Е.Н. Трубецкой, Г.Н. Трубецкой, лидер кадетов П.Н. Милюков, С.А. Котляревский, один из теоретиков неославизма А.А. Погодин, а также стоявшие на правых националистических позициях М.О. Меньшиков, Д.Н. Вергун и др. Они искали ответы на вопросы: что такое великая держава; каковы должны быть границы Великой России; достигла ли она пределов своего расширения и не следует ли ей отказаться от некоторых своих прежних приобретений; в чем заключается ее историческая миссия.

Термин «геополитика» в начале XX в. еще не вошел в обиход. Русские политики, публицисты, ученые им не оперировали. И, тем не менее, в своих размышлениях о судьбах России они неизменно обращались к связи политической истории страны с ее географическим положением, местом в ряду других государств. В обществе нарастало ощущение, что страна находится на очередном переломе, возможно роковом. В начале 1908 г. ведущий публицист «Нового времени» М.О. Меньшиков писал: «Вместе с целым светом Россия стремительно входит в новый, страшно сложный международный век. Поле дипломатии расширилось на весь земной шар. Горизонты раздвинулись, границы стран сделались зыбкими, как никогда»¹.

¹ Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М., 1999. С. 57.

Россия являлась частью мирового политического пространства, а там происходили глубокие изменения. К концу XIX в. сложилась единая мировая система капиталистического хозяйства. Складывалась и новая система международных отношений, в которой России предстояло найти свое место в соответствии с ее государственными и национальными интересами. Борьба за передел сфер влияния и стремление к мировому господству привели к постепенному формированию двух блоков великих держав. В противостоянии между Германией и Великобританией Россия оказалась на стороне последней.

Подготовка к мировой войне выражалась не только в гонке вооружений. Во всех странах шла идеологическая подготовка, в основе которой был милитаризм и шовинизм – крайняя, агрессивная форма национализма. Более всего в этом преуспели немцы. Русский журналист и философ Дмитрий Вергун в 1905 г. опубликовал книгу «Немецкий “Drang nach Osten” в цифрах и фактах», в которой предупреждал о германской опасности. Упомянул он и «Политическую географию» одного из родоначальников геополитики Ф. Ратцеля, в которой тот указывал на «неестественность» границ современной Германии и пути ее возможного расширения.

В период, предшествовавший Первой мировой войне, Европа пережила ряд острых международных кризисов и военных конфликтов, которые нарастали по мере приближения к роковой дате. Неоднократно в 1908–1909 и 1912–1913 гг. человечество оказывалось на грани войны. Главными центрами столкновения геополитических интересов великих держав, как и в наши дни, были Балканы, Ближний и Средний Восток.

Одним из самых острых конфликтов кануна войны был Боснийский кризис 1908–1909 гг., вызванный аннексией Австро-Венгрией двух славянских провинций: Боснии и Герцеговины. В то время, как в российской прессе бушевали страсти по поводу того, обманул ли русского министра иностранных дел Извольского его австрийский коллега в вопросе о Черноморских проливах, Ленин выступил в газете «Пролетарий» со статей «События на Балканах и в Персии». В ней он вскрыл истинную суть происходящего: «Наше дело – показать факт реакционного заговора держав, который уже состоялся, который правительства изо всех сил стараются прикрыть комедией более открытых переговоров»². В условиях нагнетаемой ура-патриотической истерии для Ленина было важно разоблачить политику лицемерного «покрови-

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 230.

тельства» балканским народам со стороны николаевской монархии: «Нет ничего реакционнее, как заботы австрийцев, с одной стороны, русских черносотенцев, с другой, о «братьях-славянах». Эти «заботы» прикрывают самые подлые интриги»³. Особенно вредной Ленин считал политику кадетов, поскольку она велась под флагом «оппозиции» и сбивала с толку тех, кто уже не верил власти: «...Эти либеральные попреки правительства за то, что оно отстает от других (в деле грабежа и вмешательства!) оказывают самое развращающее действие на массы»⁴.

Как бы ни различались позиции политических партий России от монархистов до кадетов, в решающие моменты они сходились в главном: в стремлении под прикрытием «патриотизма» удовлетворить свои хищнические интересы. Отрицая любые формы колониальных захватов, Ленин призвал: «Долой всякую колониальную политику, долой всю политику вмешательства и капиталистической борьбы за чужую землю, за чуждое население, за новые привилегии, за новые рынки, проливы и т. п.!»⁵ Следуя указаниям Ленина, депутат большевик И.П. Покровский заявил с трибуны Государственной Думы: «Мы принципиальные противники политики современных европейских буржуазных правительств ... эти соглашения, с нашей точки зрения, есть не что иное, как собственно торг хищников, желающих поживиться за счет слабого. Но такие соглашения кончаются иногда далеко не мирно, а кончаются схватками хищников, кончаются международными войнами, а уж в этих событиях приходится участвовать народу и платить за эти соглашения народу своей кровью и своими кровными деньгами»⁶. Буржуазному национализму и шовинизму большевики во главе с Лениным противопоставили лозунг коммунистического «Манифеста»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Борьбе народов Персии, Турции, Индии, Китая за освобождение от колониального гнета была посвящена статья «Горячий материал в мировой политике», опубликованная в газете «Пролетарий» летом 1908 г. Ленин разоблачает сущность буржуазного либерализма, показывая, «какими зверями становятся самые «цивилизованные», прошедшие самую высшую школу конституционализма, европейские политические «деятели», когда дело доходит до пробуждения борьбы

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 230.

⁴ Там же. С. 231.

⁵ Там же.

⁶ Государственная Дума. Созыв 3-й, сессия 2. Стенографические отчеты. Ч. 1. СПб., 1908. Стб., 2636.

масс против капитала, против капиталистической колониальной системы, т. е. системы порабощения, грабежа и насилия»⁷.

Новый этап обострения ситуации на Балканах был связан с Италотурецкой войной 1911–1912 гг. и Балканскими войнами 1912–1913 гг. В статье «Азартная игра», опубликованной в «Правде» в октябре 1912 г., Ленин дал отпор воинственным призывам шовинистов, мечтавших о захвате Босфора и Дарданелл: «...Наши националисты ведут отчаянную азартную игру, полагаясь на силу и богатство двух держав тройственного соглашения (Англия и Франция) и на то, что “Европа” не захочет всеобщей войны из-за проливов или “округления” “наших” земель за счет азиатской Турции»⁸.

Уже в первые дни войны на Балканах ЦК РСДРП выступил с воззванием «Ко всем гражданам России!». Написанное В.И. Лениным, оно разоблачало подлинные цели империалистических держав в разгоравшемся военном конфликте: «Вся Европа хочет принять участие в событиях на Балканах! Все стоят за “реформы” и даже за “свободу славян”. А на деле Россия хочет урвать кусок Турции в Азии и захватить Босфор, Австрия точит зубы на Салоники, Италия на Албанию, Англия на Аравию, Германия на Анатолию»⁹. Подлинным освобождением балканских народов может быть только балканская федерация. Эти положения стали основой декларации социал-демократической фракции в IV Думе.

Внимательно следя за происходящим на Балканах, Ленин публикует на страницах «Правды» ряд статей, в которых ведет борьбу как с казенно-правительственной, так и с либеральной «дипломатией». В статье «Балканские народы и европейская дипломатия» Ленин предупреждает: «Ничего, кроме поддержки гнилья и застоя, кроме бюрократических помех свободе, не несет Балканам даже самая “либеральная” буржуазная Европа... Именно “Европа” мешает установлению федеративной балканской республики»¹⁰. Этот геополитический анализ империалистической политики на Балканах, данный Лениным столет назад, актуален и сегодня. Разве либеральная Европа ныне буквально не растерзала социалистическую Югославию?

В другой статье того времени – «О лисе и курятнике» – Ленин указал на неразрывную связь между внешней и внутренней политикой: «Политика октябристов, националистов, беспартийных «патриотов» от

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 176–177.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. Т. 22. С. 116.

⁹ Там же. С. 135.

¹⁰ Там же. С. 142.

«Нового времени» до «Русского слова», ясна и проста. Травля Австрии, науськивание на войну с ней, крики о «славянских задачах» России – все это есть шитое белыми нитками стремление отвлечь внимание от внутренних дел России и “урвать” кусок Турции. Поддержка реакции внутри и колониального империалистского грабежа вовне – такова суть этой грубой “патриотической” “славянской” политики»¹¹.

Ленин высоко оценивал любые подвижки в деле национального освобождения. В статье «Новая глава всемирной истории» он замечает: «Несмотря на то, что на Балканах образовался союз монархий, а не союз республик, – несмотря на то, что осуществлен союз благодаря войне, а не благодаря революции, – несмотря на это, сделан великий шаг вперед к разрушению остатков средневековья во всей Восточной Европе»¹². Военному столкновению на Балканах посвящены также статьи «Ужасы войны», «Социальное значение сербско-болгарских побед».

Вторая балканская война привела к распаду Балканского союза. Недавние союзники обратили оружие друг против друга. В статье «Балканская война и буржуазный шовинизм», написанной в марте 1913 г., Ленин вскрыл причины того, что «насуточные вопросы Балкан решались войной, руководимой буржуазными и династическими интересами»¹³. Ленин настойчиво боролся с попытками мирового капитала втянуть народы в империалистическое соперничество. В мае 1913 г. в статье «Международная политика буржуазии» он писал: «...На деле вся эта грызня Австрии с Россией, тройственного союза с тройственным соглашением, все эти тонкие подходы, – все это лишь споры капиталистических дельцов и капиталистических правительств из-за дельца добычи. Обывателя стараются втянуть в вопрос о том, как бы “нам” урвать побольше, как бы “им” дать поменьше, обывателя стараются занять, заинтересовать грызней из-за этого»¹⁴.

Националистическая пропаганда все же достигала цели. В период Балканских войн русское общество перешло грань в отношении к войне. По выступлениям националистической печати можно проследить, как постепенно, от кризиса к кризису, общественное мнение приучалось к самой мысли о неотвратимости мировой войны. То, что в 1908–1910 гг. произносилось со страхом, в 1912–1913 гг. воспринималось как неизбежное. Правонационалистические «Московские ведомости»

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. Т. 22. С. 146.

¹² Там же. С. 156.

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 38.

¹⁴ Там же. С. 122.

писали: «...Хотим мы этого или не хотим, выгодно это для нас или губительно, – но обстоятельства очень скоро потребуют от нас стать на свой исторический пост. А потому – для нас требуется перестать быть вечно “неготовыми”, сделаться готовыми, и притом готовыми ко всему». Октябристский «Голос Москвы» взывал: «Нам нужны проливы, нам надоело сидеть в доме, ключ от которого в чужом кармане. Мы требуем, чтобы он был у нас». Орган московской буржуазии «Утро России» науськивало на Австрию: «Ни одна держава в мире не страшится так войны, как современная Австрия... Кто бы ни объявлял в течение всего прошлого столетия войну австрийцам, бил их без особых трудов и усилий... Военная история Австрии – ряд сплошных поражений и унижений»¹⁵. В воинственном хоре выделялся голос большевистской «Правды», предупреждавшей: «Буржуазия колеблется. Десятилетия готовилась она к войне. “Передовые” государства Европы вооружены “до зубов”. Ружья сами могут начать стрелять... Дико, безумно дико допустить общеевропейскую войну из-за того, будет ли у сербов своя гавань на Адриатическом море»¹⁶. Кадеты также отказались от занимаемой ими ранее осторожной позиции. В октябре 1912 г. Московское отделение Центрального Комитета партии приняло постановление, в котором говорилось: «МО ЦК не считает возможным поддерживать мнение, что следует какой бы то ни было ценой избегать войны»¹⁷. Ленин подчеркивал: «Русский шовинизм по поводу балканских событий не менее отвратителен, чем европейский. А прикрытый, нарумяненный, закрашенный либеральными фразами шовинизм кадетов еще отвратительнее, еще вреднее, чем грубый шовинизм черносотенных газет»¹⁸.

Итогом националистической пропаганды было то, что решение о вступлении России в мировую войну было поддержано абсолютным большинством депутатов Государственной думы. Исключение составили социал-демократы (большевики).

Еще в 1908 г. в работе «Воинствующий милитаризм и антимили-таристская тактика социал-демократии» Ленин вскрыл природу войн в капиталистическую эпоху: «Войнам благоприятствуют националистические предрассудки, систематически культивируемые в цивилизо-

¹⁵ Московские ведомости. 1912. 30 сентября; Голос Москвы. 1912. 24 октября; Утро России. 1912. 7 ноября.

¹⁶ См.: Правда. 1912. 6 ноября.

¹⁷ Протоколы Центрального комитета кадетской партии. 1912 г. Т. 2. М., 1997. С. 108.

¹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 89.

ванных странах в интересах господствующих классов с целью отвлечь пролетарские массы от собственных классовых задач и заставить их забыть долг международной классовой солидарности. Таким образом, войны коренятся в самой сущности капитализма; они прекратятся лишь тогда, когда перестанет существовать капиталистический строй...»¹⁹ Вывод Ленина: «Современный милитаризм есть результат капитализма». Но в этом пороке заключена и неизбежная гибель капитализма: «правительства готовят войну и в то же время боятся войны, зная, что всемирная война есть всемирная революция». Навсегда избавить человечество от угрозы войны может только социализм: «Только всемирная социалистическая армия революционного пролетариата в состоянии положить конец этому угнетению и порабощению масс, этим бойням рабов ради интересов рабовладельцев»²⁰.

В разгар мировой войны Ленин создал капитальный труд «Империализм, как высшая стадия капитализма», в котором дал глубокий анализ эпохи, предсказал неизбежную гибель капитализма и победу социалистического строя. Фактически это был первое исследование проблем глобализации.

Ленин подходил к решению проблем геополитического масштаба с глубоко классовых позиций и этим принципиально отличался от своих буржуазных современников: «Буржуазия всегда на первый план ставит свои национальные требования. Ставит их, безусловно. Для пролетариата они подчинены интересам классовой борьбы»²¹. Подлинный национальный интерес, подчеркивал Ленин, состоит не в территориальных захватах и подавлении слабого, а в поддержке народов, борющихся за свою независимость, в признании права наций на самоопределение: «Старому миру, миру национального угнетения, национальной грызни или национального обособления, рабочие противопоставляют новый мир единства трудящихся всех наций...»²²

Ленин смотрел далеко вперед: «Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их»²³. Уже тогда, сто лет назад, он отметил в мировом развитии тенденцию к глобализации и увидел, что она неизбежно ведет к социализму: «Вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 188.

²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 136.

²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 273.

²² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 150.

²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 256.

человечества все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее»²⁴.

Ленин прекрасно понимал геополитическую роль России в тогдашнем мире. Но его выводы были глубже и шли дальше, чем рассуждения о её «величии» и империалистических перспективах. Он видел в нашей Родине лидера будущих революционных социалистических преобразований в мире. Россия, именно благодаря ее геополитическому положению и развивавшимся в ней социально-экономическим и политическим процессам, имела реальный шанс исполнить эту историческую миссию.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории международных отношений, а Ленин теоретически обосновал их главные принципы. Первым внешнеполитическим актом Советской власти стал Декрет о мире. Призывая к заключению справедливого демократического мира без аннексий и контрибуций, правительство пролетарского государства обращалось не только к правительствам, но и к народам мира. Таким образом, впервые субъектом межгосударственных отношений был признан народ. В.И. Ленин отмечал: «Историю творят теперь самостоятельно миллионы и десятки миллионов людей»²⁵.

Внешняя политика Советского Союза стала воплощением ленинской теории международных отношений. Она на практике доказала, что подлинного международного влияния и авторитета можно добиться лишь уважая права других народов, помогая молодым государствам преодолеть отсталость, достичь подлинной независимости. В течение 70-ти лет СССР был лидером, на которого равнялись все прогрессивные силы человечества.

Ленинское теоретическое наследие не только не устарело, оно актуально, как никогда. Процессы, отмеченные и проанализированные вождем мирового пролетариата, сейчас получили такое развитие, которое полностью подтверждает гениальность ленинских предвидений. Допускал он и возможность того временного отступления на пути общественного прогресса, свидетелями которого мы сейчас являемся: «Представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недialeктично, ненаучно, теоретически неверно»²⁶.

²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 318.

²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 81–82.

²⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 6.

Вслед за Энгельсом Ленин повторял, что на исторические события не сетуют, – напротив, стараются понять их причины, а вместе с тем и их результаты. При этом Ленин был непоколебимо уверен в конечной победе социализма и коммунизма: «Пусть даже хищникам удастся остановить на время движение. Но прекратить совсем его нельзя, – оно непобедимо».

Именно в условиях глобализации мировая революция, о которой говорили классики марксизма, становится неизбежной.

Е.И. Демидова

Ленин и высшая школа

В начале XX в. уровень образованности населения оставял желать лучшего. Несмотря на наличие в обществе высокообразованных специалистов, на имеющиеся традиции в развитии высшей школы, система образования, в том числе высшего, носила противоречивый характер, на что неоднократно обращал внимание В. Ленин. По официальным данным, в 1910 г. грамотные составляли всего 21% от всего населения России. Расходы на образование были в 2–3 раза меньше, чем в Англии, Германии и даже Бельгии¹. Недостаточность финансирования со стороны российского государства частично компенсировалась за счет пожертвований частных лиц и организаций и доходов от научно-исследовательской работы. Профессор В.И. Вернадский писал, что в 1914г. «армия преподавателей высших школ достигает, вероятно, много больше 5000»² и они играли большую социокультурную роль в жизни общества, в процессе воспроизводства интеллигенции, квалифицированных специалистов. Но большинство вузов было сосредоточено в крупных городах: Москве, Петербурге, Киеве, Харькове. Только провинциальные Казань и Саратов стали университетскими городами.

Высших учебных заведений для такой огромной страны как Россия явно не хватало, во многих территориях вузов не было вообще. Очень слабо было развито специализированное и профильное высшее образование. Несмотря на быстро развивающуюся науку и технику, законодательные основы в царской России в области высшего образования были не совершенны. Университеты и другие высшие учебные заведения, ставшие центрами передовой науки благодаря разработке многих научных направлений своими выдающимися учеными, нуждались в изменениях, направленных на решение внутренних проблем, с учетом мировых тенденций в развитии науки и образования.

¹ Чуткерашвили Е.В. Развитие высшего образования в СССР. М., 1961. С. 7;
Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981. С. 96.

Из 124,7 тыс. студентов, обучавшихся в дореволюционных вузах, 96,8 тыс. человек училось в гуманитарных учебных заведениях³. В стране ощущалась нехватка квалифицированных специалистов с высшим образованием в области медицины и сельского хозяйства, не хватало инженеров и технических кадров в индустрии, педагогов. Эта нехватка компенсировалась приглашением на работу иностранных специалистов, так в Петербургской губернии в начале XX в. иностранные инженеры и техники составляли около 50% от общего числа специалистов с высшим образованием⁴. Во многом это объяснялось политикой царского правительства, выражавшего интересы, прежде всего, дворянского сословия. Считалось, что, во-первых, высшее образование не для всего народа, а для представителей избранных сословий. А, во-вторых, царизм умышленно ограничивал распространение знаний и образования в стране, боясь роста революционного и антиправительственного движения. Власть стремилась убедить широкие слои населения, что образование своеобразная забава, совершенно бессмысленная для народа, ведь «учиться, что обувь бить».

Согласно переписи 1880 г., 85% учащихся высших учебных заведений составляли дети дворян, чиновников, купцов, духовенства и иностранцев. Остальные – в основном, были выходцами из семей мелких промышленников, торговцев и домовладельцев⁵. В 8 российских университетах и 4 технических вузах в 1914 г. обучалось только 4–5% детей рабочих и крестьян⁶. По данным переписи 1897 г. абсолютное большинство населения было вообще безграмотным. И это тогда, когда перед Россией стояли задачи первой индустриализации и ускорения экономического развития.

Газета «Русские ведомости» писала «Наши университеты и в материальном и особенно в духовном отношении впадают в самое жалкое существование. В широкой степени практикуется перевод неугодных профессоров, назначаются лица, отличающиеся, прежде всего, покорностью перед начальством. Создается такая духовная атмосфера, в которой люди задыхаются и самые умеренные элементы приходят в отчаяние⁷.

³ Шишкин А.А. Борьба большевиков за высшую школу // Советская наука. 1939. № 11. С. 67.

⁴ Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981. С. 8.

⁵ Ольшанский П. Рост культурных сил рабочего класса // Под знаменем марксизма. 1934. № 6. С. 165–166.

⁶ Культурное строительство СССР. М., 1940. С. 114.

⁷ Русские ведомости. № 13. 17 января 1914 г.

1 августа 1914 г. началась Первая мировая война, которая внесла существенные изменения в жизнь российской высшей школы. Стала ощущаться нехватка кадров всех уровней, были трудности в финансировании. Многие научные исследования были заморожены или приняли иное направление, несколько изменилось и содержание учебного процесса. Вводились новые учебные дисциплины, досрочно выпускались студенты 4–5 курсов, у них количество часов в неделю доходило до 49, занятия проводились в воскресенье.

Ректор Саратовского университета П.П. Заболотнов сообщал в донесении попечителю Казанского учебного округа, что «во время мобилизации из числа служащих университета, помимо лиц, состоящих на государственной службе, призваны на действительную военную службу... шесть вольнонаемных писцов канцелярий и 26 низших служащих. Кроме того призвано в качестве врачей 2 лица, исполнявших обязанности ассистентов клиник»⁸. Всего с 1914 по 1916 гг. из СГУ было «призвано на военную службу до 30 лиц младшего учебно-медицинского персонала»⁹. В 1915 г. на медицинские факультеты КГУ и СГУ разрешили принимать женщин, в 1916 г. училось 36 студенток и 2 вольнослушательницы¹⁰. На кафедрах впервые появились женщины-преподаватели: ординатор клиники детских болезней Н.В. Прудникова, ассистент хирург Н.В. Алмазова и др.

В конце 1914 г. саратовский университет стал больше напоминать большой госпиталь, рентгеновский кабинет физического института стал обслуживать раненых. Значительная часть помещений в 1,2 и 3 корпусах была переоборудована и приспособлена для лечения, где развернули 500 коек. 26 сентября 1914 г. состоялось освящение лазарета¹¹.

Непросто жилось не только «бедным» студентам, но профессорам, сотрудникам университета. Летом 1916 г. Николай II вынужден был издать закон «О временном улучшении материального положения профессоров Императорских российских университетов и Демидовского юридического лица... и об изменении некоторых постановлений устава Императорских университетов», по которому с 1 января 1917 г. увеличивалась оплата труда и отменялись ряд положений устава 1884 г. В декабре 1916 г. П.Н. Игнатъев за либерализм и несогласие

⁸ ГАСО, ф.393, оп.1, 458, л. 20.

⁹ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Николаевского университета за 1916 год // ИСУ. 1917. Т. 8. Вып.1/2. С. 6.

¹⁰ См.: Известия ИМУ. Т. 7, вып. 2.

¹¹ См.: ГАСО, ф. 393, оп. 1, д. 617, л. 67.

с позицией Совета Министров был смещен с поста министра народного просвещения, ему не удалось реализовать в жизнь предложение об открытии в Саратове историко-филологического и физико-математического факультетов.

В 1914 г. в Саратове было приостановлено проектирование и строительство новых зданий университета. Студентов призывали в армию, только в 1916 г. было 7 призывов. В Саратове студенты весной 1916 г. активно выступали против принудительного призыва на военную службу¹², что стало основой местного студенческого движения. Определенное влияние оказали студенты Киевского университета, которые были настроены более радикально. Многие студенты и стипендиаты профессоров были лишены возможности получать стипендии по политическим мотивам как неблагонадежные согласно циркуляру, изданному еще в 1913 г. Кассо Л.А., который был министром просвещения в 1911–1914 гг. По его же инициативе был принят новый университетский устав, в соответствии с которым сворачивалась автономия университетов. В вузах создавались «Студенческие бюро», кассы кредита и взаимопомощи, землячества, которые пытались организовать помощь нуждающимся. Менялся социальный состав учащихся, увеличивалось число студентов – выходцев из демократических слоев¹³.

В. Ленин к высшей школе царской России относился, достаточно прагматично, рассматривая студенчество как мощную социальную силу революции. В целом система высшего образования Лениным жестко критиковалась, так как была «пропитана классовым духом» и «представляла грудю развалин».

На рубеже 1916–1917 гг. в стране сложилась исключительно непростая историческая ситуация, естественным следствием которой было нарастание кризисных явлений в системе образования. Выражалось это в организационной и учебно-методической неразберихе, политизации вузовской и студенческой среды. События, происходившие в столице в начале 1917 г., в провинциальных городах не совсем были понятны многим. Собственно говоря, в провинции точно не знали, что действительно происходило в столице, местная власть порою умышленно задерживала или тщательно фильтровала информацию из Петрограда.

¹² См.: Соломонов В.А. Указ. соч. С. 185–186.

¹³ См.: ГАРФ, ф. 2306, оп. 18, д. 5, л. 5.

В высших учебных заведениях официально занятия не отменялись, но в аудиториях вместо лекций часто проводились митинги, студенты дискутировали, обменивались листовками, были социально и политически активны. Политические партии старались привлечь молодежь в свои ряды, создавали студенческие фракции. Большинство преподавателей несмотря ни на что проводили занятия, читали лекции, т. е. выполняли свои обязанности. Профессора и преподаватели старшего возраста достаточно сдержанно наблюдали и ждали от Временного правительства конкретных мероприятий. Решение многих проблем откладывалось правительством до созыва Учредительного собрания. Так Совет Казанского университета отправил официальную телеграмму с выражением доверия Временному правительству лишь 22 апреля 1917 г.¹⁴ Наибольшей популярностью в вузах среди интеллигенции пользовалась партия «кадетов», падение самодержавного строя было очень многими встречено с большими надеждами. В целом настроение среди студентов было радостное, «никто еще не знал, какие трудности и лишения ждут впереди, и поэтому все были просто счастливы»¹⁵.

Университетская общественность Саратова с большой радостью приветствовала февральскую революцию и робкие, отдельные нерешительные шаги Временного правительства. Профессор Н.М. Какушкин отмечал, что «ныне рогадки отброшены в сторону, для деятелей просвещения открыта широкая свободная дорога»¹⁶. Именно после победы февральской революции Императорский Николаевский Саратовский университет стал именоваться как Саратовский университет.

В Казанском университете более настороженно реагировали на новации, выжидали. На наш взгляд это объясняется консервативными университетскими традициями, имевшими более глубокую историю. Формально соглашаясь с предложениями Министерства народного просвещения, в Казани на всех факультетах, кроме физико-математического сохранили вступительные испытания по латинскому языку, приоритет зачисления сохранялся за лицами мужского пола. Профессор юриспруденции В.Ф. Залесский отмечал боязнь «нового» и стремление сохранить хорошо понятное «старое» в жизни университета. 7 октября 1917 г. на заседании Совета он подчеркнул, что «это только начало»¹⁷.

¹⁴ См.: История Казанского университета. Казань, 2004. С. 255.

¹⁵ История Казанского университета. Казань, 2004. С. 255.

¹⁶ Саратовский листок. 1917. 13 апреля.

¹⁷ НАРТ, ф.Р-1337, оп. 1, д.4, л. 3.

Необходимо отметить, что некоторым надеждам суждено было осуществиться. Временное правительство в марте 1917 г. создало комиссию по реформе высших учебных заведений Министерства народного просвещения, целью которой была демократизация высшей школы. В само Министерство вошли университетские профессора А.А. Мануйлов, В.И. Вернадский и др., им были хорошо знакомы проблемы высшей школы. Комиссии удалось собрать предложения с мест, в которых особо отмечалось, что необходимо отменить экзамен по латыни, разрешить принимать в университеты без экзаменов выпускников учительских институтов, уравнивать в правах при приеме мужчин и женщин¹⁸.

Временное правительство пыталось расширить студенческий контингент, открыть двери вузов для тех, кто не имел классического образования, для лиц женского пола. Представляется интересным тот факт, что после событий Октября 1917 г. В. Ленин неоднократно заявлял о необходимости демократизации вузов, только сущность уже была совсем другой. Исключительно важным было то, что в университеты вернулась автономия, выборными стали не только ректоры, деканы и профессора, но и доценты, ассистенты. Были введены штатные должности доцентов с фиксированной зарплатой 2400 рублей в год.

В Саратовском университете по решению Временного правительства от 1 июля 1917 г. были открыты долгожданные физико-математический, историко-филологический и юридический факультеты, университет становился действительно классическим.

Революционные события Октября 1917 г. были встречены в вузах неоднозначно. Профессора, преподаватели, студенты пытались разобраться в происходившем, понять, что потеряли и что приобрели, сомневались в устойчивости советской власти. 9 декабря 1917 г. Совет Казанского университета принял резолюцию, в которой была высказана поддержка резолюции Совета Харьковского университета по текущему моменту. В ней подчеркивалась нелегитимность новой власти, а большевики были названы «группой фанатиков и темных дельцов»¹⁹. В тоже время, обращение профессоров Томского университета в поддержку Учредительного собрания в феврале 1918 г. было лишь принято к сведению.

¹⁸ ГАРФ, ф. 2315, оп. 1, д. 124.

¹⁹ Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И. Ленина за 125 лет (1804/05–1929/30). Т. 2. Казань, 1930. С. 300.

12 ноября в Саратове состоялось собрание преподавателей вузов, на котором была принята резолюция, осуждающая захват власти большевиками. «Насильственный захват власти безответственной группой веет к полному разрушению государственной и хозяйственной жизни страны... Единственный путь ля восстановления облеченной общим доверием власти и порядка в стране до Учредительного собрания в сплочении демократических сил земского и городского самоуправления»²⁰. Студенты также активно протестовали и даже 1 декабря 1917 г. объявили забастовку, которую поддержал ректор²¹. Возглавлял Саратовский университет профессор П.П. Заболотнов, «человек довольно провинциальный, но старых академических правил», участвовавший в Государственном совещании в Москве в августе 1917 г. Он отменил занятия и закрыл библиотеку.

Правления университетов, советы старост выступили за сложившиеся традиции, сохранение автономии и определенного консерватизма, провозгласив лозунг «вне политики». Учебные программы в 1917–1918 учебном году существенно не изменились, обучение велось по-старому, но отдельные разъясняющие и финансовые документы уже поступают на места из Наркомпроса. Профессор Г.Г. Тельберг в своих воспоминаниях отмечал, «что ни профессора, ни студенты не чувствовали пока никаких перемен. В то время как вокруг нас бушевали страсти и политические разоры и новые советские чиновники накладывали свои руки на все общественные учреждения, университет оставался как бы счастливым оазисом: в аудиториях читались лекции, в лабораториях шла своя научная работа, ...студенты занимались, устраивали кооперативы и держали экзамены. Громадная и разношерстная университетская семья как-то сплотилась и жила дружнее, чем раньше»²². Профессор С.Л. Франк совершенно по иному воспринимал и оценивал происходящие события: «Живем, мы, конечно, очень плохо, во власти темной озлобленной толпы... Как-то теряется всякий вкус и интерес к творчеству и к самой жизни»²³.

Авторы фундаментальной истории Казанского университета отмечают, что «большевикам нет никакого дела до высшей школы. Они были слишком озабочены решением политически более важных, бо-

²⁰ Саратовский листок. 1917. 14 ноября. №241. С. 3.

²¹ См.: Дневник русской гражданской войны. Алексис Бабин в Саратове. 1917–1922 гг. /Пер. В.В. Булдакова //Волга. 1990. № 5. С. 117.

²² Тельберг Г.Г. Университет жил совершенно нормальной жизнью: воспоминания// Источник. 1998. № 3. С. 75.

²³ Франк С.Л. Из писем М.О. Гершензону (1912–1919)//De visu. 1994. № 3/4. С. 29.

лее неотложных и животрепещущих проблем... Казалось, что советская власть просто боялась трогать в сложившихся условиях «старую» высшую школу»²⁴. А может, не был определен путь и сущность реформирования или просто еще «не дошли руки»?

На выборах в Учредительное собрание в Саратове победу одержали большевики, второе место заняли кадеты, по губернии всех опередили эсеры. В резолюции собрания преподавателей и студентов Саратовского университета, поддержавших октябрьские события от 10 ноября 1917 г., было заявлено: «Мы приветствуем новую власть в лице Исполнительного комитета и, объединившись вокруг Совета солдатских и рабочих депутатов, рады работать совместно на процветание жизни до сих пор угнетенного рабочего класса»²⁵.

Но все же государственная политика в области высшего образования после прихода большевиков к власти в октябре 1917 г. начинает кардинально меняться под непосредственным руководством В. Ленина. Политической и организационной основой деятельности РКП(б) в сфере образования после событий Октябрьской революции стал Декрет Совнаркома от 11 декабря 1917 г. о передаче всех учебных заведений, в том числе высших, в ведение Народного комиссариата просвещения²⁶. 12 ноября 1917 г. был опубликован декрет «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению», подписанный В.И. Лениным и А. В. Луначарским. Государственная комиссия должна была выполнять все функции, которые раньше были в ведении Министерства народного просвещения. Предполагалось, что комиссия будет работать с широким участием общественности. Однако резко антисоветская позиция Государственного комитета по народному образованию, созданного при Министерстве народного просвещения Временного правительства в начале 1917 г., на наш взгляд, лишила Государственную комиссию возможности развернуть работу на широко задуманной основе.

В декабре 1917 г. была определена организационная структура Народного комиссариата просвещения. В состав Нарксыпроса входило 17 отделов, в том числе отдел автономных высших учебных заведений.

Советское государство с момента своего возникновения активно создает нормативно-правовую базу, которая обеспечивает первоочередное право рабочих, беднейшего крестьянства и нерусских народов

²⁴ История Казанского университета... С. 257.

²⁵ Саратовский университет. Саратов, 1959. С. 15.

²⁶ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства (далее СУ РСФСР). 1918. № 39. Ст. 507.

на получение высшего образования. А.В. Луначарский – первый советский нарком просвещения – считал, что основной задачей советской власти в деле преобразования высших учебных заведений страны является расширение доступа в них широких масс пролетарской молодежи²⁷. В.И. Ленин ставил задачу осуществления «безусловного приема лиц из среды пролетариата и беднейшего крестьянства»²⁸. Работа развернулась по следующим направлениям: подготовка нового Устава высшей школы, формирование системы управления вузами, перестройка сети высших учебных заведений, организация отбора в вузы «нужного» контингента.

В январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов был поставлен вопрос о необходимости проведения реформы высшей школы. Для подготовки проекта революционных преобразований была создана специальная комиссия, в состав которой вошли А.В. Луначарский, К.А. Тимирязев, П.К. Штернберг. Нарком просвещения РСФСР получал множество телеграмм, в которых местные власти спрашивали, «как быть с университетами, надо ли их упразднить?»²⁹ А.В. Луначарский рекомендовал сохранять университеты и постепенно вводить новые порядки, изменять состав преподавателей и студентов.

Анатолий Васильевич в своих воспоминаниях описывает разговор с В. И. Лениным, состоявшийся в первые месяцы существования советской власти: «В коридорах Смольного, встретил самого Владимира Ильича. Он с очень серьезным лицом поманил меня к себе и сказал: «...ясно, что очень многое придется совсем перевернуть, перекроить, пустить по новым путям, ...что касается высшей школы, то здесь должен большую помощь оказать Михаил Николаевич Покровский. Но со всеми реформами нужно быть, по-моему, очень осторожным. Дело крайне сложное. Ясно одно: всемерно надо заботиться о расширении доступа в высшие учебные заведения широким массам, прежде всего, пролетарской молодежи»³⁰. В.И. Ленин придавал большое значение тому, чтобы во главе Народного комиссариата просвещения стояли именно преданные делу революции люди, пользующиеся его доверием и большевистской партии. Характеризуя работу Наркомпроса, В. И. Ленин подчеркивал, что «вся партия, хорошо знающая и т. Луначар-

²⁷ См.: Луначарский А.В. О народном образовании. М., 1958. С.18.

²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 34.

²⁹ ГАРФ, ф.2306, он. 18, д. 170, л. 14.

³⁰ Луначарский А.В. Воспоминания о Ленине. М., 1933. С. 27–28.

ского и т. Покровского, не сомневается, конечно, в том, что они оба являются... своего рода «спецами» в Наркомпросе»³¹.

Весной 1918 г. первые варианты проектов были подготовлены, и началось их обсуждение партийным руководством страны. Какой характер носили эти проекты, и какова была их цель? Принимал ли В. Ленин непосредственное участие в их выработке? Как можно оценить первые шаги советской власти по реформированию высшей школы в 1917–1918 гг.? Большевики, революционно настроенная часть студенчества и профессорско-преподавательского состава однозначно рассматривали грядущую реформу как демократическую, так как она должна была открыть доступ всем трудящимся в вузы страны³². Профессор К.А. Тимирязев на страницах печати в статье «Демократическая реформа высшей школы» писал, «что после хлеба самое важное для народа – школа», что самым важным демократическим завоеванием советской власти является введение бесплатного образования³³. То есть под демократизацией высшей школы советская власть подразумевала изменение социального состава студентов, расширение приема в вузы, реформирование старых принципов управления и организации учебного процесса.

Политическая ситуация в стране не могла не сказаться на жизни высшей школы. Различные собрания, сходки, митинги дестабилизировали внутренний распорядок учебной и научной работы, «политический фактор» пронизал все сферы жизни учебных заведений. Упал престиж руководящих должностей в вузах, «статус и значение человека во многом определялось его политической принадлежностью, «чистотой» его политических взглядов, приверженностью партийным устремлениям и целям». Характерным явлением стала должностная череда, падение престижа ректорской должности. Так в Казанском университете с осени 1917 г. по лето 1918 г. пять раз менялся ректор. Профессор М.В. Бречкевич на заседании Совета университета возмущался кандидатами в ректоры, отказавшимися от должности³⁴. Ректоры вузов в это время оказывались в очень сложной ситуации: с одной стороны коллеги со сложившимися отношениями, с другой – новая политическая власть. Находившийся на посту ректора Саратовского университета с 1918 г. по 1921 г. профессор В. Д. Зернов в своих вос-

³¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С.103.

³² См.: Демидова Е.И. Исторический опыт и проблемы реформирования советской высшей школы. Саратов, 2006. С. 17–18.

³³ Тимирязев К.А. Демократическая реформа высшей школы. М., 1918. С. 2.

³⁴ См.: НАРТ, ф.Р-1337, оп. 23, д. 2, л. 169.

поминаниях указывал на сложные взаимоотношения, которые возникли между университетской администрацией и советской властью в эти годы, на необходимость вести университетский корабль, сохраняя его независимость³⁵.

В числе первоочередных у большевиков было вполне понятное стремление систему воспитания молодежи, механизм и аппарат народного образования поставить под полный контроль советской власти. Уже 15 декабря 1917 г. В. И. Ленин подписывает декрет «О передаче дела воспитания и образования из духовного» ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению». Однако, изъятие учебных заведений из духовного ведомства не разрешало вопроса о полном контроле над делом воспитания и образования со стороны молодого пролетарского государства. 5 июня 1918 г. был опубликован декрет за подписью В. И. Ленина «О передаче в ведение Народного комиссариата по просвещению учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств». Согласно этому декрету все начальные, средние, высшие учебные заведения, а также учреждения дошкольного воспитания и внешкольного образования передавались Наркомпросу независимо от того, кому они принадлежали ранее государству, общественным организациям или частным лицам.

Были явно ошибочные тенденции к излишней, иногда даже вредной собственно для хода революционной перестройки, централизации высшего образования. Еще до издания указанного выше декрета в феврале 1918 г. было опубликовано постановление «О передаче всех учебных заведений в ведение Народного комиссариата по просвещению». В соответствии с этим постановлением главный комиссар военно-учебных заведений республики вынес решение о преобразовании военных академий в гражданские учебные заведения. Получив 10 марта 1918 г. протест Высшего Военного Совета против этого решения, В. И. Ленин немедленно предписал главному комиссару военных учебных заведений задержать это распоряжение, указав, что такое преобразование не соответствует ни видам правительства, ни потребностям времени³⁶. Учитывая возражения ряда наркоматов против передачи Наркомпросу всех без исключения учебных заведений, В. И. Ленин внес в проект декрета поправку о том, что учебные заведения, преследующие исключительно технические цели, передаче Наркомпросу не подлежат.

³⁵ См.: Зёрнов В.Д. Записки русского интеллигента. М., 2005. С. 216–217.

³⁶ Ленин В.И. Военная переписка. 1917–1920 гг. М., 1948., С.19.

На сегодняшний момент среди исследователей нет единой точки зрения по поводу того, была ли сразу же разрушена, сломана старая система образования и создана принципиально новая³⁷. В.И. Ленин считал, что «старая школа вырабатывала прислужников, необходимых для капиталистов, старая школа из людей науки делала людей, которые должны были писать и говорить, как угодно капиталистам. Это значит, что мы должны ее убрать»³⁸. Революционно настроенная часть общества, поддерживающая большевиков, была убеждена в необходимости скорейшего слома старой системы образования. Как вспоминал А.В. Луначарский, «было совершенно ясно, что школа подлежит революционной ломке»³⁹. В то же время В.И. Ленин допускал возможность сохранения тех форм и методов организации учебно-воспитательного процесса, которые могли помочь решению основных задач советской власти в высшей школе⁴⁰.

Политбюро и ЦК РКП(б) неоднократно обсуждали на своих заседаниях весной 1918 г. различные варианты реформы, широкая дискуссия развернулась в печати. Шла подготовка к совещаниям по высшей школе, которые состоялись в июле и сентябре 1918 г. В мае проект был одобрен на заседании Политбюро ЦК РКП(б) с поправками, внесенными В. И. Лениным. В июле 1918 г. для обсуждения проекта реформы высшей школы было создано I Всероссийское совещание, на которое были приглашены представители профессорско-преподавательского состава, студентов и местных советских органов народного просвещения.

Проект содержал следующие основные положения:

1. Ликвидация цензов, преграждавших путь в высшую школу широким слоям трудящихся; отмена платы за обучение и обеспечение студентов стипендиями; отмена обязательного представления документов о среднем образовании и ликвидация ограничений по причине национальности или вероисповедания.

³⁷ См.: Карнацкая Т.М. К истории образования Народного комиссариата просвещения РСФСР и управления высшей школой // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т.19. М.,1965. С.97; Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. М.,1988. С.80-85; Всемиров В.В. Российское студенчество в первое десятилетие пролетарской диктатуры. Саратов, 1994. С. 58-60.

³⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 306.

³⁹ Луначарский А.В. О воспитании и образовании. М., 1976. С. 306.

⁴⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 303.

2. Уничтожение ученых степеней и званий и связанных с ними льгот и преимуществ. Введение обязательного открытого конкурса на замещение кафедр с выборностью профессоров сроком на 5 лет.

3. Разделение университетов на три ассоциации: учебную, научную и просветительную. Просветительная ассоциация создавалась для распространения научных знаний в народных массах, а также в целях ликвидации отрыва от народа и замкнутости старых университетов. Лекции объявлялись открытыми для всех.

4. Создание руководящего органа университета – Народного совета, в состав которого кроме преподавателей должны были войти представители студентов, служащих, местных органов Советской власти и культурно-просветительных учреждений. «Народный совет» рассматривался как орган, призванный подорвать руководящее положение буржуазной профессуры и поставить руководство вузов под контроль советской общественности.

5. Создание факультетов общественных наук для распространения и разработки идей научного социализма. Коренная перестройка преподавания, особенно на юридических и историко-филологических факультетах. Введение преподавания предметов, отвечавших нуждам социалистического строительства.

Большинство присутствующих на совещании категорически отказалось проголосовать за проект реформы, выдвинув требование о необходимости обсуждения этого проекта на местах. При обсуждении несколько переработанного проекта на втором совещании, проходившем осенью того же года, саботаж профессуры принял, по мнению, большевиков открытые, вызывающие формы: уход с совещания, обструкции и т. п.⁴¹

Отвечая на требования «реакционной» части профессуры о предоставлении высшей школе полной автономии, А. В. Луначарский заявил: «Некоторые говорят: предоставьте школе самой себя реформировать, На это мы отвечаем вполне сознательно и определенно: нет, мы вам этого не предоставим, так как старая школа не может сама переродиться в новые формы. Вспомните, как подбирался в последние годы царизма состав школы и профессорский, и студенческий, какие элементы насаждались в ней руками Кассо. Положение школы и ее формы определяются обществом»⁴².

⁴¹ См.: ГАРФ, ф. 2306, оп. 18, д. 28, л. 9 об.

⁴² Луначарский А.В. Луначарский А.В. О народном образовании. М., 1958. С. 25.

Летом 1918 г. был подготовлено «Положение о российских университетах», в котором даже не упоминалось об автономии университетов. Автором основных положений проекта был профессор М.А. Рейснер. Наркомпрос считал, что данный документ вполне может стать общим уставом для всех высших учебных заведений страны и позволит добиться поддержки советской власти со стороны вузовской интеллигенции.

Большая роль в перестройке высшей школы отводилась совету студенческих старост, который согласно постановлению Наркомпроса являлись органами студенческого самоуправления⁴³ и создавались во всех вузах с целью формирования новой внутренней системы управления. Советы старост должны были также обеспечить студенческое представительство в этих органах. На страницах журнала «Высшая школа» один из авторов восторженно писал в 1919 г.: «Прежде одни профессора могли решать участь высшей школы, были полноправными и единственными участниками, как на Совете профессоров, так и на факультете. Не только совершенно бесправной была вся масса студенчества, но и ассистенты, и приват-доценты не могли принимать участия в управлении высшей школы, где они работали... Новая высшая школа должна быть построена на совершенно ином принципе – общего согласия, равенства и дружной совместной работы всех ее участников. В новой высшей школе и профессора и студенты должны быть товарищами в работе»⁴⁴. Данная точка зрения свидетельствует об определенной идеализации процесса внутренней организации системы высшего образования, упрощении внутренних связей и явлений. Очень многие именно так представляли советскую высшую школу: дружной семьей пролетарского студенчества и новых профессоров, где царит атмосфера всеобщего братства и взаимопонимания.

Кардинально были изменены правила приема в вузы страны. 2 августа 1918 г. был издан декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения» и принято постановление «О приеме в высшие учебные заведения РСФСР», которые были написаны лично В.И. Лениным. Представителям рабочего класса и трудового крестьянства предоставлялось право преимущественного поступления в вузы⁴⁵. Двери высших учебных заведений открывались для широких масс трудящихся, для тех,

⁴³ См.: Постановление Народного комиссариата по просвещению //Высшая школа. 1919. № 2. С. 6–7

⁴⁴ Турубинер А.. Студенческое представительство //Высшая школа. 1919. № 2. С. 36–37.

⁴⁵ См.: СУ РСФСР.1918. №57. Ст.632; №47. Ст. 363.

кому до революции высшее образование было недоступно: «каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16 лет, может вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании школ средней или какой-либо школы»⁴⁶. И двери университетов открылись для всех неподготовленных, но желающих учиться рабочих и крестьян, плата за обучение отменялась⁴⁷. Срок подачи заявлений практически во все вузы продлили до конца 1918 г. Наркомпрос должен был следить, за тем, чтобы при приеме не создавались препятствия для выходцев из рабочих и крестьян. Резко увеличилось количество вузов в стране, только в 1918 г. было открыто 15 новых университетов⁴⁸.

Университеты, которые, по мнению В.И. Ленина, являлись «одним из колес государственного механизма царизма»⁴⁹, демократической по своей сути традицией автономии не давали покоя сторонникам установления в стране диктатуры пролетариата. Постановлением Совета народных комиссаров все университеты республики перешли в ведение Народного комиссариата просвещения.

Отступления от данного постановления жестко карались, вплоть до передачи нарушителей суду Революционного Трибунала. Кроме того, были отменены все ученые степени и звания, преподавать в вузе мог фактически любой, изъявивший желание. Цель, которую преследовало правительство, принимая такие решения, сводилась к резкому изменению социального состава профессуры и студенчества. Достичь этого было возможно путем упрощения доступа в высшую школу выходцам из рабочих и крестьян. Главным итогом преобразований, помимо изменения социального состава, стало резкое увеличение количества слушателей в университетских аудиториях⁵⁰. Так, если на 1 января 1917 г. в Саратовском университете насчитывалось 1072 студента, на 1 января 1918 г. – 2250, то уже через год – 10242, а к началу 1920 г. 16878 студентов⁵¹. Такой быстрый рост числа студентов во многих трудах советских исследователей, посвященных истории вузов,

⁴⁶ См.: СУ РСФСР. 1918. №57. С.632.

⁴⁷ См.: Собрание декретов и постановлений Рабоче-крестьянского правительства по народному образованию М., 1921. Вып. 2. С. 8, 14, 71.

⁴⁸ См.: Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988. С. 131.

⁴⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 277.

⁵⁰ ГАСО, ф. 332, оп. 1, д. 14, л. 57об.

⁵¹ См.: Саратовский университет. 1909–1959 г. С. 19.

считается «иллюстрацией огромной тяги трудящихся к высшему образованию».

Совершенно ясно, что поначалу, увлеченные борьбой с буржуазией и врагами мирового пролетариата, большевики уделяли мало внимания российской высшей школе, позволяя ей жить по сформировавшейся, годами отлаженной схеме, сохраняя дореволюционные традиции. В дальнейшем в сфере интересов советской власти оказалось и высшее образование. Началось время больших перемен, сопровождавшееся многочисленными зачастую необдуманными и противоречивыми реформами с 1918 г.

Решающим фактором в борьбе за высшую школу было изменение социального состава студентов, формирование студенчества из среды пролетариата и беднейшего крестьянства. 2 августа 1918 г. Совет Народных Комиссаров по предложению В. И. Ленина принял постановление «О правилах приема в высшие учебные заведения. Декретом предусматривалось право любого лица независимо от пола и гражданства, при достижении 16-летнего возраста поступить в любой вуз без предъявления документа об окончании средней или какой-либо школы. Наркомпросу предлагалось принять самые экстренные меры, обеспечивающие возможность учиться в высших учебных заведениях, для всех желающих, если их число превысит обычное число вакансий в вузах. Уничтожение монополии имущих классов на образование должно было привести к резкому изменению социального состава студенчества и заложить фундамент не только для завоевания высшей школы внутри в данный момент, но и для создания новой интеллигенции из рабочих и крестьян, преданной интересам Советской власти.

Вопросы овладения высшей школой недостаточно было закрепить в законодательном порядке, считал В.И. Ленин. Разрабатывая проект новой программы, партийное руководство уделило серьезное внимание отношению партии к высшей школе. В проекте программы были выделены главные проблемы, разрешение которых обеспечивало овладение высшей школой. Программа партии, принятая на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г., выдвинула совершенно справедливые требования демократизации высшей школы. В число этих требований включались: открытие широкого доступа в аудитории высшей школы для всех желающих учиться, и в первую очередь для рабочих; привлечение к преподаванию в высшей школе всех, способных к этой деятельности; устранение всяческих искусственных преград между свежими научными силами, и кафедрой; материальное обеспечение уча-

щихся с целью дать фактическую возможность пролетариям и крестьянам воспользоваться высшей школой⁵².

Практическая работа по привлечению широких трудящихся масс в высшую школу не могла сразу дать больших реальных результатов. В журнале «Народное просвещение» в апреле 1919 г. появилась заметка «К вопросу о реформе высшего образования». В ней сообщалось, что в вузы попали недоучившиеся гимназисты и реалисты, а рабочие и крестьяне практически не смогли заниматься в высшей школе, так как для этого требовалась «своеобразная схоластическая тренировка мозга, которой занималась старая средняя школа»⁵³.

В период гражданской войны наиболее сознательная часть трудящихся находилась на фронтах, там же были и студенты-коммунисты. Поэтому в вузы хлынула мелкобуржуазная молодежь, которая не всегда сочувственно относилась к Советской власти. А пришедшие на студенческую скамью рабочие уходили, так как не имели достаточной подготовки. Требовалось создать такую организацию внутри вуза, которая помогла бы рабочим и крестьянам подготовиться к учебе в высшем учебном заведении. Надежды советской власти на быстрое изменение контингента студенчества не оправдывались, очень большой был отсеб пролетарской молодежи в силу практически полного отсутствия необходимого уровня подготовки. В данной ситуации «поистине гениальным изобретением новой власти»⁵⁴ было создание рабочих факультетов. Возникли они на основе специальных курсов по подготовке рабочих и крестьян к получению высшего образования, Наркомпрос принял специальное постановление по данному вопросу⁵⁵. Подобные курсы открылись в Саратове, в других городах.

По решению Наркомпроса 2 февраля 1919 г. был открыт первый в стране рабочий факультет имени Артема в Московском коммерческом институте. Ввиду непригодности социального состава средней школы для комплектования высших учебных заведений пришлось в срочном порядке создавать рабфаки с целью организации подготовки кадров рабоче-крестьянского студенчества, в интересах быстрой количественной и качественной пролетаризации вузов. 11 сентября 1919 г. вышло постановление Наркомпроса «Об организации рабочих факультетов при университетах», согласно которому все высшие учебные

⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С.31.

⁵³ Народное просвещение». 1919. № 30. С.6.

⁵⁴ История Казанского университета. Казань, 2004. С.267.

⁵⁵ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. № 71. Ст. 771.

заведения страны должны были не позднее 1 ноября 1919 г. открыть рабочие факультеты⁵⁶. 17 сентября 1920 г. В. И. Ленин подписал декрет о рабочих факультетах. Организация рабфаков признавалась обязательной при каждом вузе. Основной задачей рабфаков являлось широкое вовлечение пролетарских и крестьянских масс в высшую школу.

Правительство всячески стимулировало процесс открытия рабфаков. 17 сентября 1919 г. Совнарком РСФСР принял специальное постановление о развитии рабфаков, в котором была определена их основная задача – вовлечение крестьянской и рабочей молодежи в вузы на основе соблюдения классового принципа⁵⁷. Считалось, что необходимо удовлетворить растущую потребность в высшем образовании лучших, наиболее талантливых и преданных партии представителей рабочего класса и трудового крестьянства. На совещании в Москве по развитию народного образования рабфаки были названы «орудием пролетаризации высшей школы»⁵⁸. Создание рабфаков стало еще одним шагом к революционному слому старой системы высшего образования. С помощью рабфаков партия ускорила процесс изменения классового состава студенчества, началась пролетаризации высшей школы. Под руководством В.И. Ленина сформировались основы политики советского государства в сфере высшего образования, которые определенным образом обеспечивали её последующее развитие. Компромисс с вузовской интеллигенцией не состоялся, и осталось одно – огосударствление высшей школы путем быстрой и решительной ломки старого «здания». «Завоевание» происходило болезненно и непросто, быстрыми темпами, порою принимало резкие формы. Была ликвидирована вузовская автономия и установлено государственное управление. Завоевание советской властью командных высот в системе высшего образования стало важнейшей предпосылкой для формирования единой по всей России системы подготовки квалифицированных и преданных власти специалистов. Партийно-государственные органы «пролетаризировали» контингент студентов, создав рабфаки и изменив правила приема в вузы. Были созданы условия, обеспечивающие значительное преимущество при поступлении рабоче-крестьянской молодежи даже с недостаточным уровнем подготовки. Молодые люди ранее не имевшие возможность учиться теперь ее получили, высшее образование стало «достоянием республики».

⁵⁶ См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1919. № 45. Ст. 443.

⁵⁷ См.: СУ РСФСР. 1920. № 80. Ст. 381.

⁵⁸ Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М., 1931. С. 355.

Е.О. Шеффер

Ленин и свобода совести

Наше время породило много вопросов, на которые каждый человек должен найти ответ сам, слушая голос своей совести. К таким относится вопрос о том, что такое духовность. Казалось бы, всё ясно. Советские люди жили в атмосфере вдохновения. Но вопрос остаётся нерешённым. Почему понятие духовности сводят к религиозности? Как получилось, что коммунисты добровольно отдали церкви право говорить о душе? Той самой церкви, которая одобряет и поддерживает капитализм, систему, убивающую душу и душе в корне враждебную. Многие, даже коммунисты, потянулись в храмы, прекрасно зная, как церковь относится к советскому периоду. Их можно понять: душа болит, ищет смысла и опоры. Но тогда придётся разделить мнение церкви, обвиняющей советское государство в том, что на словах провозгласив религию частным делом граждан, оно выступило врагом не только религии, но и всех своих верующих. Советский период рисуется как особенно трагический в истории русского православия, большевики именуются «извергами», Ленин – «исчадьем ада».

Отношение к Ленину – это выбор жизненного пути. Такое утверждение справедливо не только для нашего времени. В 1917 г., поверив Ленину, народ выбрал путь развития страны и встал под знамёна большевиков. И это был крещёный народ. Каждый русский человек в то время был крещен и миропомазан. Православная церковь присутствовала во всех сторонах российской жизни: личной, семейной, общественной и национальной. Иконы висели в каждом доме, на железнодорожных станциях и в учреждениях, в кабаках и магазинах. Церковные праздники отмечались всем населением. Любое важное государственное событие сопровождалось богослужением. Крестные ходы привлекали громадное скопление народа. Но постепенно в сознании людей церковь стала низводиться до уровня исполнителя формальных обрядов. Интеллигенция вдохновлялась христианством в чистом виде, а на практике сталкивалась с казенным православием, о котором еще Достоевский говорил, что оно в параличе. Отсюда и бо-

гоискательство интеллигенции, отсюда ее атеизм и материализм, которые в начале XX в. считались признаками просвещения, и всякий, исповедующий атеизм и материализм как бы поднимались на высшую ступень цивилизации. Церковникам всех времен нужно помнить, что человеческий дух больше, чем их учения.

Ленин отмечал, что как только христианство стало государственной религией, приверженцы «забыли» о «наивностях» первоначально христианства с его демократически-революционным духом¹. Теология, догмы, политика, деньги образовали плотное свинцовое облако между церковью и богом.

Вся история русской православной церкви подтверждает её теснейшую связь с государством.

Идея равноправия государства и церкви, императора и патриарха была позаимствована у Византии (церковно-государственный принцип симфонии). В самой Византии этот принцип проводился в жизнь редко, император почти всегда сам определял ход развития церкви. В русской же истории можно найти несколько митрополитов, которые ставили себя выше современного им великого князя или царя. В качестве примера можно привести митрополита Макария и Царя Ивана Грозного, патриарха Филарета (Фёдора Романова) и его сына царя Михаила Фёдоровича, патриарха Никона и царя Алексея Михайловича.

При Петре I патриарх заменяется Духовной Коллегией, названной впоследствии Святейшим Управляющим Синодом. Эта коллегия имела такой же статус, как и все другие коллегии, то есть министерства. Секретарь Синода – обер-прокурор (мирянин) – фактически стал главой церкви. Церковь лишилась собственного голоса и была втиснута в тесные рамки обслуживания духовных нужд, определяемых, однако, самим же государством, диктующим, как эти нужды надлежит обслуживать.

Епископы должны были присягать на верность царю. Присяга подчёркивала личную лояльность каждого отдельного архиерея, обещание не вмешиваться в гражданские дела, кроме крайних случаев, но и тогда епископ не имел права принимать какие-либо меры самостоятельно. Присяга также требовала от епископов следить за поведением монахов, не разрешать им предпринимать необязательные путешествия, а царя присяга называла крайним судьей, что было полнейшей

¹ Ленин В.И. Государство и революция. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 43.

ересь, ибо крайний судья – только бог. Так за связь с царевичем Алексеем Пётр приказал колесовать митрополита Ростовского Досифея, митрополит Киевский Иосиф умер по дороге в Петербург, куда его везли в цепях.

Монахам запрещалось держать чернила и бумагу в кельях без специального разрешения игумена. Получив с его разрешения бумагу и чернила, монах должен был держать дверь своей кельи открытой, пока писал, а затем обязан был предъявить написанное игумену на цензуру. Монастырям запрещалось принимать бродяг, дезертиров, бывших уголовников, лиц неизвестного гражданского состояния, не установив их личность и не сообщив об этом властям. Монашество было сокращено с 25.000 до 14.000 за 14 лет (с 1724 по 1738 годы). Полицейские обязанности, возложенные на священника властью и несовместимые с тем апостольским служением, на которое наставлял Христос, были придуманы не в советское время.

После смерти Петра церковь попала в еще большую зависимость от государства. Церковное имущество в значительной степени было отчуждено, большое число монастырей секуляризировано или обращено в социальные учреждения. Представление о том, что монастырь должен быть местом молитв, пасторского служения и духовных размышлений, рационалистам XVIII в. было чуждо. Церковь должна была служить общей пользе: задачи народного образования, благотворительность, монастыри использовались как госпитали для раненых солдат, как обители для солдат на пенсии и солдатских вдов.

Церковь находилась как бы в золотой клетке: внешне она имела привилегии, но изнутри – в своей окостенелости – следовала государственным указам. Таким же положение церкви оставалось и в начале XX в.

Интеллигенция презирала церковь за то, что государство поработило ее и заставило замолчать. Ведущим принципом русской интеллигенции всегда было служение простому народу. Его благосостояние, счастье и свобода – те цели, в жертву которым приносились все другие соображения. Главным врагом считалось самодержавие, обвиняемое интеллигенцией в том, что оно держит народ в невежестве и угнетенном состоянии, и низвержение монархии представлялось прогрессивным элементом общества самой настоятельной задачей. Церковь воспринималась как часть самодержавия, потому что не могла и не хотела помешать старому строю и тем самым увековечивала несправедливость и неравенство, царившие в русской политической системе.

Церковь не удовлетворяла духовной нужды людей, но при этом православная религия была господствующей идеологией и, как любая идеология, берегла и защищала себя.

За соращение из православия в другую религию виновный лишался всех прав, состояния и заключался в арестантские роты. Сам же «отпавший» подвергался «увещанию начальства», и, если он упорствовал в своем намерении, то мог быть заточен в монастырскую тюрьму без срока, его имущество подлежало взятию в опеку, а малолетние дети могли быть у него отобраны. Жестоко каралась всякая критика религиозного учения.

5 марта 1892 г. Ленин, являясь помощником присяжного поверенного, выступил в Самарском суде в качестве защитника по делу «о крестьянине Василии Федорове Муленкове, судимом за богохуление». Пропись содеянного в обвинительном акте звучит так: «12 апреля 1891г. в селе Шалаинском Ключе Самарского уезда вошел в бакалейную лавочку крестьянин Василий Муленков..., в разговоре Муленков, будучи в нетрезвом виде, начал ругаться, причем матерно обругал Богородицу и Святую Троицу...»² Законы были таковы, что если «возложение хулы на Славимого в Единосущной Троице Бога» совершено с умыслом – каторга до 15 лет³. Обвиняемому Муленкову грозила ссылка на каторжную работу от 6 до 8 лет с лишением всех прав состояния. Ленин добился сравнительно нестрогого приговора – год тюрьмы.

В 1905г. Ленин напишет: «...существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы (по сю пору оставшиеся в наших уголовных уложениях и уставах), преследовавшие за веру или неверие, насилловавшие совесть человека...»⁴

К началу Октябрьской революции Ленин был уже сложившимся атеистом. В 1922г. в анкете для Всероссийской переписи членов РКП(б) Ленин на вопрос: «Имеете ли какие-либо религиозные верования (убеждения)? (да, нет) какие именно» – ответил: «Нет». А на вопрос: «Если Вы неверующий, то с какого возраста?» – ответил: «с 16 лет»⁵.

Известно, что Лев Николаевич Толстой снял с себя крест в 15 лет.

В младенческом возрасте Ленин был крещён в Никольской церкви города Симбирска 16 (28) апреля 1870 г., о чём в метрической книге была сделана соответствующая запись за апрель 1870 г. под № 8.

² Шалагинов В. Защита поручена Ульянову. Современник. Москва 1977. С. 8.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 509.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Ленин В.И. Социализм и религия // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 144.

Старшая сестра Ленина Анна Ильинична Ульянова-Елизарова вспоминала: «По своим убеждениям Илья Николаевич был народником... Отец наш был искренне и глубоко верующим человеком и воспитывал в этом духе детей. Но его религиозное чувство было, так сказать, совсем «чистым», чуждым высокой партийности и какой-либо приспособленности к тому, что «принято». Это было религиозным чувством Жуковского, поэта, любимого отцом, религиозным чувством гораздо более любимого Некрасова, выразившимся, например, в поэме «Тишина», отрывки из которой отец любил цитировать, именно то место, где говорится о «храме божьем», пахнувшем на поэта «детским чувством веры». В гимназии, правда, требовали посещения церкви, говения. Но дома дети видели искренне убеждённого человека, за которым шли, пока были малы. Когда же у них складывались свои убеждения, они просто и спокойно заявили, что не пойдут в церковь (помню такой случай с братом Александром), и никакому давлению не подвергались»⁶.

Как писала Н.К.Крупская: «Илья Николаевич так и остался верующим до конца жизни, несмотря на то, что был преподавателем физики, метеорологом. Его волновало, что его сыновья перестают верить»⁷.

Дети в семье Ульяновых принадлежали уже к другому поколению, которое, по словам Н.К.Крупской: «росло в условиях, когда, с одной стороны, в школах, в печати строго преследовалось малейшее проявление неверия, с другой – радикальная интеллигенция отпускала насчёт религии всякие шуточки, острые словечки. Существовал целый интеллигентский фольклор, высмеивающий попов, религию, разные стихи, анекдоты, нигде не записанные, передававшиеся из уст в уста»⁸.

Мать Ленина Мария Александровна, сочувствовавшая революционной деятельности своих детей, стала в конце своей жизни атеисткой. Её сын Д.И.Ульянов вспоминал: «Мать посещала церковь в большие праздники, но религиозной не была. В последние годы своей жизни она была уже совсем неверующей. Она часто говорила мне, когда я был студентом, что попы обманывают, и перестала ходить в церковь»⁹.

⁶ Елизарова А.И. О жизни В.И. Ульянова-Ленина в Казани (1987–1989 гг. //Пути революции. 1922. № 2. С. 5–6.

⁷ Крупская Н.К. О Ленине. М., 1960. С. 32–31.

⁸ Там же. С. 34.

⁹ Иванский А.И. Молодые годы В.И.Ленина. По воспоминаниям современников и документам. М., 1957. С. 113.

Идейная борьба Ленина против религии имеет свою особую историю. Ленин часто писал о религии и церкви, в его произведениях во множестве рассеяны высказывания о них, но он никогда не видел в религиозном вопросе нечто самодовлеющее. Для Ленина критика религиозных учений и церкви была оружием классово-борьбы, которую он вел против всех врагов рабочего класса.

Никогда, быть может, престиж православной церкви и, особенно, духовенства не падал так низко, как накануне революционных событий 1917 г. Шла неудачная кровавая война, народ оставался в неведении смысла войны и колоссальных жертв и не понимал, почему духовенство поддерживает войну. Поэтому вместе с антивоенными росли и антицерковные настроения. Для спасения авторитета церкви и веры требовалось, возможно, подвижничество, призванное являть учение живым примером.

С точки зрения статистики церковь накануне революции была мощной организацией. По данным 1914 г. к православной церкви в империи принадлежало 117 млн душ. В действительности, уже с 1906 г. шли в Синод тревожные докладные из епархий об упадке веры в народе, об успешной агитации среди рабочих под лозунгом «Нет Бога! Долой царя!», о том, что почти все семинаристы, студенты и школьники, дети духовенства, на стороне революционеров, духовенство же ленился преподавать в церковно-приходских школах, хиреющих в то время, как число земских школ, где учителя ведут пропаганду против церкви, растет.

В 1910 г. А.Введенский провел среди интеллигенции анкету по религиозному вопросу: 95% ответивших объявили себя свободомыслящими.

Об уменьшении реального числа верующих свидетельствовали и отчеты военных духовников: после того, как Временное правительство отменило обязательное приобщение Святых Тайн для военнослужащих православного исповедания, количество причащающихся упало с почти 100% в 1916 г. до менее 10% в 1917г.

Генерал Деникин напишет в своих мемуарах о том, что духовенству не удалось вызвать религиозного подъема среди войск. Приводя пример отношения к вере молодых офицеров, Деникин рассказывает, как солдаты построили себе походную церковь, а молодой поручик не только распорядился поселить в ней роту, но приказал в алтарной части выкопать отхожее место. И Деникина удивило, почему две-три тысячи русских солдат равнодушно отнеслись к такому осквернению святыни.

В самих церковных кругах росли антиправительственные настроения и критическое отношение к внутреннему состоянию церкви. Протестуя против рукоположения недостойного кандидата-распутинца по требованию Царского села, митрополит Антоний сказал, что если Царское село прикажет, Синод и мерина сивого архиереем поставит.

Религиозный философ и священник С.Н. Булгаков так характеризовал российский капитализм накануне Октябрьской революции: «Никогда ещё в истории не проглядывалось и не проводилось в жизнь такое безбожное, беспринципное служение золотому тельцу, низкая похоть и корысть... История капитала есть печальная, жуткая повесть о бессердечии и себялюбии как рабовладение и крепостное право для нас теперь представляет явно греховное установление, так и современный капитализм, основанный на эксплуатации труда, классовых антагонизмах, контрастах богатства и бедности, есть явный грех и человеконенавистничество... Упразднение капиталистического строя и замена его... социалистическим строем... является естественной задачей христианской политики»¹⁰.

В результате отказа Николая II допустить созыв Собора, а затем его отречения от престола, церковь вошла в революцию обезглавленной, ведь царь был главой церкви с 1721 г. Церковь вступала в период своего обновления. Она восторженно приняла Февральскую революцию, забросав приветственными телеграммами новую власть. Уже Временное правительство заявило, что основное начало, которое должно определить отношение нового государственного строя к православной церкви есть отделение церкви от государства.

«Биржевые ведомости» 9 марта 1917 г. напечатали «Братское слово к петроградскому духовенству» члена Государственной думы протоиерея Ф.Д. Филоненко, которое начиналось словами: «Дорогие братья! Тёмные силы цезарепапизма, державшие церковь Христову в тяжёлых тисках гнёта и насилия – рухнули. Совесть русского православного духовенства и всех православных чад церкви отныне свободна... На церковь нашу и её служителей весьма многие смотрят подозрительно, враждебно, недоверчиво... И в настоящий великий исторический момент возьмите снова инициативу в свои руки и бодро идите во имя обновления церкви»¹¹.

¹⁰ Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 57, 85, 225.

¹¹ Бабкин М.А. Русская православная церковь и Февральская революция 1917 года // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 3.

С лета 1917 г. начался повсеместный захват крестьянами монастырских и церковных земель, церковные школы решено было передать в Министерство народного просвещения, из обязательных школьных предметов был изъят закон Божий. Это были первые шаги к вневероисповедному государству.

Был созван Поместный Собор, который открылся 28 августа 1917 г. 5 ноября 1918 г. в Храме Христа Спасителя жребием был избран патриарх Тихон (Василий Беллавин, митрополит Московский и Коломенский). 21 ноября нового патриарха торжественно возвели на престол. Советская власть разрешила отметить это событие в Кремле, и церемония состоялась в Успенском соборе.

Собор проходил в то время, когда ни государство, ни церковь не имели твёрдой власти, когда полным ходом шла интервенция и гражданская война, разброд и анархия царили по всей стране.

Новое правительство смотрело на религию и церковь, как на орудие буржуазии, служащее защите эксплуатации и одурманиванию трудящихся масс. Для сторонников диалектического и исторического материализма церковь была а priori идеологическим противником.

Первые же декреты советской власти наносили удар по господству РПЦ.

26 октября 1917 г. – Декрет о земле национализировал церковные и монастырские земли. Ответом явилось «Определение о монашестве», принятое Поместным Собором (13 сентября 1918 г.). В нём все монастырские земли по-прежнему оставались в собственности церкви.

2 ноября – «Декларация прав народов России» отменяла все национально-религиозные привилегии и ограничения.

20 ноября 1917 г. Ленин подписал обращение «Ко всем трудящимся – мусульманам России и Востока», которое было опубликовано на различных восточных языках: арабском, азербайджанском и др.. Советская власть разъясняла мусульманам, что навсегда покончено с ущемлением и ограничением их прав, с попытками насильно навязать им православие. В целях рассеять недоверие мусульман к советской власти Ленин распорядился выдать им «Священный Коран Османа», который находился в Государственной публичной библиотеке в Петрограде. Это было сделано по просьбе Всероссийского мусульманского совета.

11 ноября 1917 г. – «Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов» лишил духовенство сословных преимуществ.

2 декабря 1917 г. Священным Синодом было принято постановление «О юридическом статусе РПЦ», в котором содержалось требование не принимать никаких законов, относящихся к церкви, без предварительной консультации с нею и без её санкций. Ни на какие подобные переговоры советское государство идти не собиралось.

11 декабря 1917 г. следует постановление СНК о передаче Народному комиссариату по просвещению всех учебных заведений.

16 и 18 декабря – Декреты «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» признавали юридическую силу лишь за гражданским браком.

19 января 1918 г. был учреждён Комиссариат по еврейским делам при Народном комиссариате по делам национальностей. В июле 1918 г. Ленин подписал декрет «О пресечении в корне антисемитского движения».

20 января (2 февраля) 1918 г. был принят, а 23 января (5 февраля) опубликован Декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», осуществивший отделение церкви от государства, национализацию церковного имущества. Церковь теряла юридическое лицо, лишалась собственности и права приобретать её.

Интересны внесённые в проект поправки Ленина. Ленин зачеркнул первый пункт декрета «Религия есть частное дело каждого гражданина Российской Республики» и написал: «1. Церковь отделяется от государства».

Так гласит первая статья декрета Парижской Коммуны. 2 апреля 1871 г. Парижская Коммуна издала декрет об отделении церкви от государства, написанный якобинцем Феликсом Пиа: «Принимая во внимание, что первый принцип Французской республики есть свобода ... что свобода совести есть важнейшая из свобод... что бюджет культов противоречит этому принципу, потому что он облагает граждан налогом против их собственного убеждения... что фактически духовенство было сообщником монархии в преступлениях против свободы, Коммуна постановляет:

Ст. 1. Церковь отделяется от государства.

Ст. 2. Бюджет культов упраздняется.

Ст. 3. Имущества, числящиеся не отчуждёнными, принадлежащие религиозным конгрегациям, движимые и недвижимые, объявляются национальной собственностью.

Ст. 4. Немедленно производится расследование относительно этих имуществ с целью их учёта и передачи в распоряжение нации»¹².

К пункту 3 («Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются») Ленин добавил: «примечание: из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность и непринадлежность граждан – устраняется».

Об этом же Ленин писал ещё в 1905г. в статье «Социализм и религия»: «Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть, безусловно, уничтожены»¹³.

И пункт 6 Лениным редакционно уточняется: «6: «Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей. Изъятие из этого положения, либо замена одной гражданской обязанности другою в каждом отдельном случае допускается по решению народного суда».

Вместо слов «либо замена» Ленин написал «под условием замены». Эта поправка исключала возможность уклонения от исполнения гражданских обязанностей, прикрываясь религиозными воззрениями.

В последнем пункте 13, который начинается со слов «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием», Ленин зачеркнул следующую далее фразу «Порядок учёта, хранения и хозяйственного распоряжения зданиями или предметами, предназначенными специально для богослужебных целей, определяется постановлениями местной и центральной государственной власти» и написал: «Здания и предметы, предназначенными специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ».

В пункте 8 Ленин переделал названия отделов, которые ведают актами гражданского состояния. Отделы были названы в проекте «Отделами по записи рождений, браков и смерти». Ленин исправил: «Отделами записи браков и рождения»¹⁴.

Значение декрета широко разъяснялось массам. 26 июля 1918 г. в речи на митинге в Пресненском районе г. Москвы Ленин говорил: «Ре-

¹² Протоколы Парижской Коммуны. М. 1933. С. 44–45.

¹³ Ленин В.И. Социализм и религия // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 143.

¹⁴ Первые декреты Советской власти. М., 1987. С. 192–205.

лигия – частное дело. Пусть каждый верует во что хочет или ни во что не верит. Советская республика не знает никаких религиозных различий. Она находится вне всякой религии, отделила религию от советского государства»¹⁵.

Декрет был, несомненно, шагом демократическим и прогрессивным. Он послужил благоприятной предпосылкой для создания Советского Союза, государства многонационального, объединившего и примирившего разные религиозные конфессии.

10 июля 1918 г. на V Всероссийском Съезде Советов была принята Конституция РСФСР, 13 статья которой гласит: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признаётся за всеми гражданами»¹⁶.

Провозглашённая «действительная свобода совести» давала возможность практического поиска духовной реальности как внутри человека, так и вовне. Происхождение русского слова «совесть» восходит к слову «весь», то есть уведомление человека о правильности его мыслей и поступков. Совесть считается проявлением души. На Руси говорили: «добрая совесть – глас божий», «чуткая совесть», «совесть спать не даёт», «по совести живёт: с нищего дерёт, да на церковь кладёт». С совестью связывали сознание добра и зла. «Пропала совесть» – говорят о человеке, потерявшем связь с собственной душой.

В ответ на декрет новой власти по городам и сёлам России прокатилась волна крестных ходов, на которых возносились молитвы о спасении церкви. Не везде крестные ходы проходили мирно. В Нижнем Новгороде, Харькове, Саратове, Владимире, Воронеже, Туле, Вятке крестные ходы, устроенные без разрешения местных властей, вызвали столкновения и жертвы.

Ещё в январе 1918 г. по всей России читалось послание Смиренного Тихона с анафематствованием всех, кто проливает невинную кровь. Это послание распространялось также в виде листовок. В нём нет упоминания советской власти, но есть призыв образовать союзы и братства защиты церкви. Хотя существует немало свидетельств об убийстве зелёными и даже белыми духовных лиц, однако и советская и правоэмигрантская печать толковали это послание как направленное исключительно против советской власти.

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 536.

¹⁶ Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 года. М., 1984. С. 193.

В учебнике для православных духовных семинарий, изданном в 1994 г. Московской Патриархией, объясняется, что издание этого документа в известной мере было обусловлено ошибочным убеждением Патриарха, которое разделяла с ним тогда большая часть духовенства, о непрочности государственного строя, несбывшейся надеждой на его скорое падение.

О том, что патриарх Тихон старался избегать всякой политической вовлечённости в происходящие события, свидетельствует его отказ дать даже совершенно тайное благословение вождям белого движения. Патриарх считал, что церковь не может благословлять междоусобицу и делить паству на белых и красных. В то же время патриарх принял соборное решение служить панихиду по царю как сыну православной церкви, а когда царь был ещё жив, послал через епископа Гермогена благословение и просфору Николаю Романову в Екатеринбург. Известно, что Собор послал Корнилову икону с благословением и приветственную телеграмму.

Конфликт усиливался разногласиями по вопросу о войне с Германией. 15 марта 1918 г. патриарх Тихон обращается к пастве с посланием, в котором призывает русских людей дать отпор кайзеровской Германии, а 18 марта – с посланием, осуждающим подписание Брест-Литовского договора.

Церковь была с теми, кого переполняла ненависть к советской власти.

На территориях, занятых белыми, образовывались временные Высшие церковные управления. При Деникине в мае 1919 г. было «Временное высшее церковное управление на юго-востоке России», объединившее около 1000 священников. В армии Врангеля находилось 500 священников. При Колчаке действовало «Сибирское церковное управление». Существовала опасность объединения политических противников под церковными знамёнами. Но белому движению церковь уже ничего не могла дать кроме знамени. Командующие белых армий в своих приказах провозглашали, что их войска сражаются за поруганную веру и оскорбленные церковные святыни. Но вера Христова поругалась и белыми офицерами. Среди них были, конечно, и благочестивые люди, но большинство было равнодушно к церкви. По воспоминаниям современников после одного из сражений летом 1920 г. протоиерей Андроник (Фёдоров) отпевал убитых, тела которых лежали перед ним на голой земле. А в это время, заглушая панихиду, из вагона казачьего генерала Бабичева неслись пьяные голоса бражни-

ков, ревущих похабные частушки, разудалые звуки оркестра и топот пляски.

Известно, что православные священники приветствовали любые антисоветские силы от белочехов и интервентов до простых бандитов. Атаман Семёнов, которого даже Колчак считал бандитом, был награждён православной церковью званием кавалера Святого Гроба Господня. Монастыри становились оплотом антисоветских сил, колокольни – огневыми точками. Служители церкви брались за оружие, создавали специальные религиозные отряды, выполняли роль шпионов и осведомителей белых армий, выпускали плакаты и листовки против большевиков.

Высшие церковные управления Колчака и Деникина перестали существовать с эвакуацией из России. Эвакуировалась, в основном, та часть духовенства, которая либо непосредственно обслуживала белую армию, либо открыто поддерживала белых. Оказавшись за границей, эти священнослужители впоследствии сыграли роль в русском православном зарубежье. Многие священники остались на родине.

В напряжённой революционной ситуации невозможно было соблюсти последовательного, осторожного проведения официальных актов в жизнь. Вырвалось наружу накопленное народное возмущение против «лукавых попов». Положение усугублялась бесконтрольным действием на местах разнузданных грабителей и провокаторов всех мастей.

В мае 1918 г. Совнарком РСФСР, учитывая критическое положение в государственно-церковных отношениях, образовал при Наркомюсте отделы по проведению декрета о свободе совести в жизнь. В августе 1918 г. Наркомюст опубликовал даже подзаконную инструкцию, направленную на стабилизацию положения и охрану прав верующих. Но власть в любом случае оставалась верна своей атеистической сути.

Серьёзным потрясением церковной жизни явилось повсеместное вскрытие мощей святых угодников божиих. 14 февраля 1919 г. Наркомат юстиции издал постановление об организованном вскрытии мощей. Вскрытие проводили специальные комиссии в присутствии священнослужителей, составлялись протоколы. Если в результате вскрытия обнаруживалось, что мощи сохранились не в целостности, то это обстоятельство в целях атеистической пропаганды выдавалось за сознательный обман и подделку. Это было большим искушением для верующего человека. Требование прямого участия прихожан и священников во вскрытии мощей иногда приводило к перемене в сознании

верующего и превращению его в наиболее активного разрушителя старого мира. Учение о нетленности мощей до XVII в. было чуждо восточному христианству. И тот факт, что Серафим Саровский был извлечён в косточках, явился ударом: люди верующие этого не ожидали, хотя их далёкие предки ничуть бы этому не были удивлены. Их религиозное чувство не требовало нетленности мощей.

Отстранив церковь от воспитательного и образовательного процесса, государство устанавливает новые обряды, обычаи, праздники.

В 1922 г., исходя из «Кодекса законов о труде», считались нерабочими днями, кроме революционных праздников, 8 церковных (но им придавали революционную окраску: Красная Пасха, Красное Рождество).

По мере отхода от религии народ стал забывать церковные праздники. Формы антирелигиозной работы поражают своим разнообразием: диспуты, семинары, спектакли, карнавалы, концерты, чтения, издания брошюр, плакатов. На места направлялись десятки инструкций, пропагандистских материалов, программ курсов, разработок устных выступлений.

В отчётах антирелигиозной комиссии (АРК) говорится не только о достижениях, но и о явных перегибах кампании по проведению комсомольского Рождества, осуждаются шумные демонстрации антирелигиозных чувств, нетактичность.

Ленина писал Молотову:

«т. Молотову. Если память мне не изменяет, в газетах напечатано письмо или циркуляр ЦК насчёт 1 мая, и там сказано: разоблачать ложь религии или нечто подобное.

Это нельзя. Это нетактично. Именно по случаю Пасхи надо рекомендовать иное:

не разоблачать ложь,

а избегать, безусловно, всякое оскорбление религии.

Надо издать дополнительно письмо или циркуляр. Если секретариат не согласен, то в Политбюро. Ленин»¹⁷.

Письмо написано между 9 и 21 апреля 1921 г. 21 апреля 1921 г. в «Правде», в дополнение к ранее опубликованному циркуляру, ЦК РКП(б) опубликовал письмо, в котором предлагалось при праздновании 1 мая ни в коем случае не допускать каких-либо выступлений, оскорбляющих религиозное чувство массы населения.

¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 140.

Американский исследователь по вопросам психологии религии Джеймс Б. Пратт в лекции «Почему религии умирают?» не смог объяснить, отчего после Великой Октябрьской социалистической революции русский народ, который он считал народом-богоносцем, стал народом-атеистом. Считалось, что русское население глубоко религиозно... Но вот правительство было сброшено, и на другой день газеты, на другой месяц журналы, и на другой год книги информировали с поразительным единодушием, что почти все русские, за исключением стариков, покинули свои храмы и стали атеистами. Хотя Пратт и понимал, что эти сведения были преувеличены, однако считал, что духовная перемена, которая произошла в России, – наиболее изумляющее событие в истории религии.

Причину этой перемены попытался понять другой американец – Джон Рид, написавший «Десять дней, которые потрясли мир». Рассказывая о похоронах в Москве в ноябре 1917 г. павших в боях за Революцию, он писал: «Через Иверские ворота уже потекла людская река, и народ тысячами запрудил... Красную площадь. Я заметил, что проходя мимо Иверской, никто не крестился как это делалось раньше... И вдруг я понял, что набожному русскому народу уже не нужны больше священники, которые помогли бы ему вымалывать царство небесное. Этот народ строил на земле такое светлое царство, какое не найдешь ни на каком небе»¹⁸.

Ленин говорил, что «единство... революционной борьбы рабочего класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе»¹⁹.

В записках комсомольца А. Мильчакова «Первое десятилетие» приводится протокол одной комсомольской ячейки, где есть такие строки: «Слушали мысли Ленина о религии. Постановили: не признавать царства божия на небе, а организовать его на земле»²⁰.

Летом 1921 г. начался страшный голод. Причины были не только в засухе, сказалась разруха, связанная с мировой войной, революцией и гражданской войной.

Голодом было охвачено 34 губернии, более 33 млн человек. К маю 1922 г. в неурожайных районах Поволжья, Урала, Казахстана, Украины от голода умерло более 1 млн человек. В судах голодающих губер-

¹⁸ Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1958. С. 210–212.

¹⁹ Ленин В.И. Социализм и религия // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 146.

²⁰ Шахнович М.И. Ленин и проблемы атеизма. М.–Л., 1961. С. 71.

ний разбирались дела о трупоедстве и людоедстве. Рябушинский рассуждал о том, как костлявая рука голода задушит Советы в России.

2 августа 1921 г. Ленин пишет «Обращение к международному пролетариату» (оно было опубликовано в газете «Правда» № 172). В нём говорилось: «Те, кто испытал на себе всю жизнь гнёт капитала, поймут положение рабочих и крестьян России, поймут или почувствуют инстинктом человека трудящегося и эксплуатируемого необходимость помочь Советской республике, которой пришлось первой взять на себя благодарную, но тяжёлую задачу свержения капитализма. За это мстят Советской республике капиталисты всех стран»²¹.

По инициативе Коминтерна во многих странах развернулась компания по сбору средств в помощь голодающим. 2 января 1922 г. был опубликован декрет об изъятии музейного имущества. 23 февраля 1922 г. ВЦИК издал декрет об изъятии церковных ценностей на нужды голодающих, в котором постановлял местным Советам изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий, по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Народного Комиссариата Финансов для помощи голодающим.

Церковь не хотела отдавать веками копившиеся ценности. Она не могла допустить, чтобы хранимые ею богатства попали в руки «безбожников и расточителей». В народе стали ходить слухи, что церковные ценности пойдут «на золотые зубы коммунистам», и изымаются для того, чтобы обеспечить правительству бегство за границу. Верующие сопротивлялись. Вокруг храмов собирались толпы народа, происходили столкновения. Дело дошло до демонстраций, которые были подавлены властью. В связи с этим в разных городах страны – в Москве, Петрограде, Шуе, Иваново-Вознесенске, Смоленске, Старой Русе, Ростове-на-Дону состоялись судебные процессы с последующими расстрелами духовенства, обвиняемого в подстрекательстве к беспорядкам, и других участников сопротивления.

После кровопролитных событий в Шуе Ленин 19 марта 1922г. в своём письме Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) даёт жёсткие и решительные указания:

«...Происшествие в Шуе должно быть поставлено в связь с тем сообщением, которое недавно Роста переслало в газеты не для печати, а именно, сообщение о подготовляющемся черносотенцами в Питере

²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 75–76.

сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей. Если сопоставить с этим фактом то, что сообщают газеты об отношении духовенства к декрету об изъятии церковных ценностей, а затем то, что нам известно о нелегальном воззвании патриарха Тихона, то станет совершенно ясно, что черносотенное духовенство во главе со своим вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение именно в данный момент. ...Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. . Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше, надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»²².

Сегодня процветает полная «свобода» трактовки исторических документов. Но, даже при самой добросовестной попытке объективности, нельзя уйти от своего сознания, от своей сути, которая вынуждает отнестись с большим сочувствием к той или иной стороне. Особенно это касается документов, связанных с Лениным. Приведённое письмо красноречиво. Оно дышит напряжением героических усилий выполнить первостепенную задачу того времени: сохранить человеческие жизни и советскую республику. «Демократы» усмотрят здесь жестокость, агрессию и опасность всему, что для них дорого и свято.

Московский процесс проходил в Политехническом музее с 26 апреля до 8 мая 1922 г. В качестве свидетеля на суд был вызван патриарх Тихон. Из 154 обвиняемых – 11 смертных приговоров. Трибунал вынес также постановление о привлечении патриарха Тихона и архиепископа Крутицкого к суду в качестве обвиняемых.

В упомянутом письме Молотову Ленин писал: «Самого патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев»²³.

9 мая 1922 г. патриарх всё же был заключён под домашний арест в Донском монастыре, а в начале 1923 г. переведён в тюрьму на Лубянке.

²² Ленин В.И. Неизвестные документы 1891–1922. М., 1999. С. 516.

²³ Там же. С. 518.

Масла в огонь подлили некоторые эмигрантские публикации. В «Русской мысли» было напечатано о том, что недалеко то время, когда Святейший патриарх возьмёт в свои руки бразды народного правления, чтобы передать их в руки исторически сложившейся власти: он укажет и будущего носителя этой власти. По инициативе монархистов, рассматривавших церковь как союзницу в деле восстановления свергнутой династии, от имени церкви было выпущено «Обращение» ко всем русским с призывом считать законными правителями членов дома Романовых, и, кроме того, вынесли резолюцию, осуждающую Советскую власть. Резолюция, призывающая объявить крестовый поход против Советского государства, была послана на Генуэзскую конференцию (апрель–май 1922 г.).

Столкновения из-за изъятия церковных ценностей имели последствия и внутри самой церкви. Часть духовенства – обновленцы, ещё в 1917 г. принявшие большевиков, как продолжателей дела Христа, воспользовались моментом для отделения, считая, что обращение церковных ценностей в хлеб для голодных должно было быть радостным подвигом любви к погибающему брату, а превратилось в организационное выступление против государственной власти.

В мае 1922 г. обновленцы созвали Учредительное собрание своих сторонников и провозгласили образование «Живой церкви». В своей газете они писали, что жизнь требует реформы, что церковь удалась от истинной и святой идеи первохристианской церкви. Движение за обновление церковной жизни существовало в канонических рамках РПЦ ещё в период реформ 1860-х гг. и возродилось в 1905 г.

29 апреля 1923 г. открылся обновленческий Собор. Провозгласив Ленина освободителем человечества, Собор признал:

1. Богоустановленность Советской власти;
2. Правильность принципа отделения церкви от государства;
3. Полную согласованность коммунистического идеала с истинным христианством.

Позднее Александр Введенский, духовный лидер обновленцев, напишет: «Расшифруйте современный экономический термин «капиталист», передайте его евангельским речением. Это будет тот богач, который, по Христу, не наследует вечной жизни. Переведите слово «пролетариат» на евангельский язык, и это будут те меньшие, обойдённые Лазари, спасти которых и пришёл Господь. И Церковь теперь определён должна стать на путь спасения этих обойдённых меньших братьев. Она должна осудить неправду капитализма с религиозной (неполитической) точки зрения, вот почему наше обновленческое движе-

ние принимает религиозно-нравственную правду октябрьского социального переворота... Мы всем открыто говорим: «Нельзя идти против власти трудового народа»²⁴.

А. Введенский считал, что марксизм – это евангелие, изложенное атеистическим языком.

В июле 1922 г. на имя Ленина была послана телеграмма московского православного Белого духовенства за подписью протоиерея Владимира Красницкого: «Группа православного Белого духовенства «Живая церковь» приветствует дорогого именинника Владимира Ильича и желает ему скорейшего выздоровления и служения народу русскому на многие лета»²⁵.

Ленин имел огромную популярность среди верующего народа, который связывал лучшие свои надежды с его именем.

Ульяновские историки утверждают: «Немало можно назвать примеров, когда религиозные деятели обращались к Владимиру Ильичу за помощью и получали поддержку. Когда в правительство обратился председатель казанской общины евангельских христиан с жалобой на многие советские организации, препятствующие собранию общин, Ленин пишет Курскому: «Прошу проверить, назначив строгое расследование и наказать виновных» (6.05.1919). Не встречали у Ленина поддержки попытки передачи храмов под другие учреждения. В ответ на жалобу прихожан 27 января 1921 г. Ленин пишет: «т. Красин! Эту просьбу передал мне А.М.Горький. Удобно ли, даже при особых условиях, превращать церковь в клуб? Есть ли налицо какие-либо условия? Не лучше ли отменить и вернуть церковь?» Факты свидетельствуют, что при Ленине храмы строились и достраивались. На просьбу В. Бахвалова из Череповецкой губернии, Ленин пишет 2 апреля 1919 г.: «Окончание постройки храма, конечно, разрешается...» В нашей области до 30-х годов не был осуждён ни один священник, не был разрушен ни один храм»²⁶.

16 июня 1923 г. патриарх Тихон обратился в Верховный суд РСФСР с заявлением, в котором просил освободить его из-под стражи, утверждая, что он окончательно отмежевывается как от зарубежной, так и от внутренней монархически – белогвардейской контрреволюции. 27 июня патриарх Тихон уже смог вернуться к исполнению своих

²⁴ См.: Введенский А. Церковь и революция. Петроград, 1923.

²⁵ ЦГАСР, ф.130, оп. 6, д. 205, с. 114.

²⁶ См.: Жизнь В.И. Ленина: вопросы и ответы. Ульяновск, 1995.

обязанностей, выехать за границу он не захотел. С его приходом влияние «живоцерковников» на паству ослабевает.

В августе 1923 г. следует заявление патриарха, в котором он пишет, что возврат к прежнему строю невозможен, что церковь не служанка тех ничтожных групп русских людей, где бы они не жили – дома или за границей, которые вспомнили о ней только тогда, когда были обижены русской революцией, и которые хотели бы ею воспользоваться для своих личных целей, церковь признаёт и поддерживает Советскую власть, ибо нет власти не от Бога.

После смерти Ленина патриарх Тихон заявил в печати: «Ленин не был отлучён от православной церкви, поэтому всякий верующий имеет право и возможность его поминать... Я считал бы оскорблением памяти Ленина, его близких и семьи, если бы православное духовенство участвовало в похоронах, ибо Ленин никогда не выражал желания, чтобы православное духовенство провожало его тело... Хотя мы идейно и расходились с Лениным, я имею сведения о нём, как о человеке добрейшей и поистине христианской души»²⁷.

В январе 1924 г. патриарх издал указ о молитвенном поминовении государственной власти за богослужением «О стране Российской и властях её». А 21 марта 1924 г. Президиум ВЦИК принял постановление о прекращении дела патриарха Тихона и его сподвижников. Примирение церкви с советской властью было официально закреплено на уровне богослужений и доведено как закон до каждого священника.

Сегодня РПЦ поддерживает капитализацию страны и, прикрываясь Христом, проповедует религию денег. Церковь обожествляет частную собственность, считая, что отторжение и передел собственности с попранием прав её законных владельцев не могут быть одобрены церковью.

Если задача церкви – нравственность и духовность, то и сомнений нет, что в советский период осуществлять эту задачу было неизмеримо легче. Вся страна, подобно огромному храму, была настроена на чистую жизнь по совести. Животная природа собственника утихала и постепенно одухотворялась. В первой Конституции Советской республики 1918 г. было записано: «Не работающий да не ест»²⁸. Это одно из главных наставлений апостола Павла из Второго Послания к фессалоникийцам – «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь»²⁹.

²⁷ См.: Вечерняя Москва. 1924 г. 25 января.

²⁸ Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 года. М., 1984. С. 68.

²⁹ Библия. 2 Фес. 3.10.

Но если задача церкви – материальное благосостояние, увеличение количества храмов и экспансия в общественную жизнь, то для такого «процветания» больше подходит капитализм. Всё очень просто. Но можно ли идти в такую церковь за разъяснением вопросов о душе?

Советский Союз являлся атеистическим государством, так как только «верование» уже не было удовлетворительным, да и сами руслу религий стали уже слишком мелкими для той полноты духовного откровения, к которой люди оказались готовы. Целые народы (от интеллигенции до масс) были включены в индивидуально-субъективный опыт чувствования духовного как реального. Люди не по вере шли к божественному, к высшему психизму в себе, к высшей природе, (назовём как угодно), но, живя по совести, практически, через сюжеты своей жизни переживали высокие состояния.

Экономически справедливое устройство общества должно было служить условием для «стяжания Духа Святого» (выражаясь церковным языком). Природа души развивается, «наращивается» так же, как, допустим, ментальная природа – от постоянных усилий в этом направлении. Причём здесь церковники? И кто поверит человеку, говорящему о боге, а живущему по логике частного собственника? А вот список духовно развитых атеистов будет огромен. Так что же такое духовность? Ответить на этот вопрос самому себе – задача каждого человека.

Логическим продолжением советского опыта должно стать научное признание души, материалистическое разрешение проблемы сознания. Читая рассуждения Эпикура о душе как о более тонких атомах, о более быстром движении их, о связи их с телом и т. д., Ленин писал: «...это гениальные догадки и указания пути науке, а не поповщине»³⁰.

³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 266.

К.А. Аверьянов

Загадка ленинского псевдонима

Несмотря на то, что в советское время о жизни В.И. Ленина было написано немало работ, целый ряд фактов его биографии остается еще неизученным. Одной из таких загадок является тайна ленинского псевдонима. Известно, что настоящая фамилия Владимира Ильича – Ульянов. Но в историю он вошел как Ленин. Откуда же он взял эту фамилию?

С подобным вопросом, уже после смерти Ильича, неоднократно обращались к его жене Н.К. Крупской. Полагали, что она была взята в память Ленского расстрела рабочих 1912 г. Но этим псевдонимом Ильич подписывался задолго до тех событий. Считали, что фамилию он взял в память сибирской ссылки, от реки Лены. Однако Ленин отбывал ее в Шушенском, на берегах Енисея. Даже сама Надежда Константиновна не знала всей правды и полагала, что ее муж взял этот псевдоним как бы в пику Плеханову, который часто подписывался Волгиным (от русской реки Волги).

С этим предположением Крупской можно было бы согласиться, если бы не одно «но». Гораздо менее известно, что до революции Владимир Ильич подписывал свои статьи не просто псевдонимом «Ленин», а как «Н. Ленин». Обычно его расшифровывали как «Николай Ленин». Так, сразу после Октябрьской революции за рубежом вышло несколько книг и статей о руководителе Советского государства, в которых его называли Николаем Лениным. И только после октября 1917 г. Ильич несколько видоизменил этот псевдоним, подписываясь в официальных бумагах как «В.И. Ульянов (Ленин)».

История приобретения этой фамилии покрыта тайной. Сам Ильич никогда по этому поводу не распространялся. Молчали и другие его родственники, а сама Надежда Константиновна просто не знала всех обстоятельств дела.

Достоверно известно было лишь то, что эта история относится к 1900 г. Посмотрим что же делали Ульяновы в этом году?

29 января 1900 г. (здесь и далее все даты – по старому стилю) закончилась сибирская ссылка Ильича. Рано утром Ульяновы, нигде не останавливаясь, выехали из Шушенского в центральную Россию. 6 февраля они приезжают в Уфу¹. Здесь Н.К. Крупская должна была отбывать оставшийся срок своей ссылки, который заканчивался только в марте 1901 г.² Через два дня супруги расстались, а 16 февраля Ильич появляется в Подольске у матери, которая жила здесь у своего младшего сына Дмитрия, находившегося под надзором полиции и в тот же день перебирается в Москву, где останавливается у сестры Анны Ильиничны, куда примчалась и другая сестра Ильича – Мария Ильинична³.

Дальнейшая жизнь представлялась будущему вождю революции не в самом радужном свете. На юридической карьере брату народо-вольца Александра Ульянова, покушавшегося на жизнь государя Александра III, можно было поставить жирный крест. Примерно за полтора месяца до освобождения В.И. Ульянова из сибирской ссылки особое совещание Департамента полиции 16 декабря 1899 г. подняло вопрос о дальнейшей его судьбе. После формального освобождения 29 января 1900 г. от гласного надзора полиции было предложено на общем основании бессрочно запретить ему жительство в столицах и Петербургской губернии, а также в местностях фабричного района, университетских городах и в городах Иркутске и Красноярске с их уездами сроком на три года⁴. Юридически это было оформлено постановлением Департамента полиции от 5 января 1900 г.

Как помощник присяжного поверенного, Ильич прекрасно знал законы, и отлично представлял себе свою дальнейшую судьбу. Выходом представлялась только эмиграция. Еще в сибирской ссылке он остановил свой выбор на Германии, известной ему по первой заграничной поездке в 1895 г. Вариантов выехать за рубеж было всего два: легальный и нелегальный. Но первый оставался в области несбыточных фантазий.

Чтобы покинуть российские пределы требовался заграничный паспорт. По тогдашнему законодательству они выдавались губернаторами и градоначальниками. Лица, просившие об их выдаче, должны

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. М., 1970. С. 241–243 (далее: Биографическая хроника).

² Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М., 1972. С. 42. Прим. 2.

³ Биографическая хроника. Т. 1. С. 243–244.

⁴ Лукина И.Н. Восемьдесят три дня. К истории создания В.И. Лениным опорного пункта «Искры» в Пскове. Л., 1984. С. 29.

были представить удостоверение полиции об отсутствии законных препятствий к их отъезду за границу. При этом в выдаче удостоверения полиция могла отказать в тех случаях, когда к данному лицу предъявлялись законные требования со стороны частных лиц или правительственных чиновников и учреждений⁵. Надеться на то, что царизм выпустит в Европу человека, находившегося под негласным надзором полиции, которому требовалось специальное разрешение Департамента полиции даже на кратковременные передвижения внутри страны, было бы просто глупо.

Оставался второй вариант. Для его осуществления необходимо было решить несколько задач, первой из которых была необходимость подыскать достаточно близкий к границе город во внутренних губерниях (о пограничных или портовых городах не могло быть и речи), где предстояло отбывать негласный надзор, а также найти товарища для перехода границы. Летом 1899 г. он списывается с А.Н. Потресовым, также отбывавшим ссылку в Европейской России, и они договариваются после ее окончания выбрать для дальнейшего жительства Псков. 27 июня 1899 г. он пишет Александру Николаевичу: «...мой срок кончается 29.1.1900... Мечтаю о Пскове...»⁶

Впрочем, была еще одна возможность – попытаться договориться с кем-либо из знакомых, чтобы тот дал свой паспорт, чтобы с ним постараться оформить документ для заграничного путешествия.

Очевидно, именно эти идеи Ильич изложил своим родным на семейном совете в феврале 1900 г. Стали перебирать друзей, которые могли бы помочь. И тут Мария Ильинична, видимо, вспомнила о своем знакомом Сергее Николаевиче Ленине. Знакомство с ним произошло, очевидно, несколько месяцев назад в Нижнем Новгороде, куда сестра Владимира Ильича была выслана осенью 1899 г. и откуда вернулась в конце декабря того же года в Москву⁷.

Владимир Ильич, хотя и не был лично знаком с Лениным, был слышан о нем. Сергей Николаевич в ту пору был известен как агроном, деятель Вольного экономического общества, в 1890-х гг. сотрудничал в журнале «Хозяин», ряде других изданий. Более того, в своей работе «Развитие капитализма в России», писавшейся в Шушенском, Ильич ссылался на две статьи С.Н. Ленина о сельскохозяйственном машиностроении. Сергей Николаевич был старше Ильича всего на 10

⁵ См.: Энциклопедический словарь Брокгауза. Т. 44. СПб., 1897. С. 926.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 32.

⁷ О ссылке М.А. Ульяновой в Нижний Новгород. См.: Ниякий В.В. Первая ссылка Марии Ильиничны Ульяновой // Исторический архив. 1962. № 6. С. 189–191.

лет и при отсутствии в тогдашних заграничных паспортах фотографий это могло стать решающим доводом того, что паспорт следовало про- сить у С.Н. Ленина⁸.

19 февраля 1900 г. Ульянов официально выезжает к месту избранного им жительства, однако, при этом отправляется в Псков с огромным крюком в сторону – в Нижний Новгород. Здесь он пробыл в общей сложности четыре дня – с 20 по 24 февраля. Остановившись в доме у местного социал-демократа А.И. Пискунова (примечательно, что именно у него жила несколькими месяцами раньше Мария Ильинична), он ищет контакты с Сергеем Николаевичем Лениным⁹. Но того в Нижнем не оказалось. Судя по данным справочника «Весь Петербург» на 1900 г., в это время коллежский советник Ленин проживал в столице империи, где служил инспектором сельского хозяйства и членом Кустарного комитета Министерства земледелия и государственных имуществ¹⁰. Да и вряд ли бы он согласился передать свой паспорт чужому человеку. Согласно Уложению о наказаниях, передача своего паспорта или вида на жительство другому лицу для проживания или переезда наказывалась тюремным заключением от 2 до 4 месяцев или же арестом от 3 недель до 3 месяцев¹¹. Все же Ильичу удалось встретиться в Нижнем Новгороде с Лениными. Документально известно, что здесь проживала Вера Васильевна Ленина, преподававшая в классах пения, итальянского языка и декламации местного отделения Императорского Русского музыкального общества¹².

Как Ильичу удалось ее «уговорить» – останется навсегда тайной, но все же в Нижнем Новгороде ему удалось достать паспорт, правда, не Сергея, а его отца – Николая Егоровича Ленина.

Ильич уезжал из Нижнего окрыленный. Не казалось бедой и то, что настоящий хозяин заветного документа был старше Ульянова аж на 43 года. В среде социал-демократов было много специалистов, которые производили подчистки в документах. Верхом мастерства среди них считалось смывание паспортов (их именовали между собой «носowymi платками») человеческим потом, а затем прессование бумаги,

⁸ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 214, 688, 747.

⁹ Биографическая хроника. Т. 1. С. 245.

¹⁰ Весь Петербург на 1900 г. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., [1899]. С. 335.

¹¹ См.: Энциклопедический словарь Брокгауза. Т. 44. С. 925.

¹² См.: Адрес-календарь Нижегородской губернии на 1893 г. Н. Новгород, 1893. С. 97–98; Памятная книжка Нижегородской губернии на 1895 г. Год первый. Н. Новгород, 1895. С. 93.

чтобы не было видно следов подделки, тяжелым плоским грузом (для этого обычно использовались поставленные вверх дном тяжелые столы)¹³.

Впервые мысль о том, что Владимир Ильич мог использовать в качестве псевдонима «Н. Ленин» фамилию кого-то из своих знакомых, осторожно была высказана в отечественной литературе еще в 1965 г. И.М. Вольпером в книге «Псевдонимы Ленина». Он же указал, что ее он мог позаимствовать у С.Н. Ленина. Исходным толчком для подобного утверждения послужил факт цитирования Ильичем статей Сергея Николаевича.

Однако полностью развить эту идею удалось только спустя два с лишним десятилетия петербургскому исследователю М.Г. Штейну. Действительно, среди русских дворянских родов известна фамилия Лениных. Обратившись к «делу о дворянстве рода Лениных», сохранившемуся в фонде департамента герольдии¹⁴, а также с помощью потомков этого рода, проживавших в северной столице, он смог установить, что в руках Ильича оказался паспорт на имя отца Сергея Николаевича – Николая Егоровича Ленина.

Он же собрал и основные сведения о том человеке, чья фамилия в дальнейшем легла в основу знаменитого псевдонима будущего вождя пролетарской революции.

Николай Егорович Ленин принадлежал к старинному дворянскому роду, чья родословная прослеживается с начала XVII в. и родоначальником которого, судя по официальным бумагам, считался некий Иван Посник Ленин, живший на рубеже XVI–XVII вв. Николай Егорович был его потомком в девятом колене и родился в сельце Высоком Ярославской губернии 3 февраля 1827 г. Крестным отцом стал его дальний родич помещик Пошехонского уезда Ярославской губернии лейтенант флота Василий Михайлович Ленин. Свою службу Николай Егорович начал в Вологде, затем служил в Люблинской губернии Царства Польского. Дослужившись до чина статского советника, он вышел в отставку в июне 1894 г. с должности участкового мирового судьи в Могилевской губернии, после чего поселился в Ярославской губернии. Что касается его материального положения, то он был весьма обеспеченным человеком. По данным 1879 г. он имел 750 десятин земли в Вологодской губернии, 780 десятин – в Ярославском уезде и 115 деся-

¹³ См.: Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М., 1972. С. 64.

¹⁴ Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 1481.

тин – в Рыбинском уезде Ярославской губернии и 28 десятин в Кирилловском уезде Новгородской губернии. Скончался он 6 апреля 1902 г.¹⁵

Каким же образом в руках у Ильича оказался паспорт этого человека? По семейному преданию, записанному М.Г. Штейном у правнуков Николая Егоровича на рубеже 1980–90-х гг., к дочери Н.Е. Ленина Ольге обратилась Н.К. Крупская, когда возникло подозрение, что власти откажут в выдаче паспорта Ильичу для поездки за границу. Надежда Константиновна знала Ольгу как выпускницу Бестужевских курсов (их она окончила в 1883 г.). Та попросила помочь Ильичу своего брата Сергея Николаевича и тот, будучи в Пскове по служебным делам приемки изготовленных в Германии плугов и других сельскохозяйственных машин, в одной из псковских гостиниц передал Ульянову паспорт своего отца с переделанной датой. Впрочем, по другой семейной версии, этому содействовал А.Д. Цюрупа, живший в Уфе¹⁶.

Следует отметить, что относиться к этим версиям следует крайне осторожно, прежде всего хотя бы по тому, что они были записаны исследователем, пытавшимся через много лет отыскать возможные связи между Николаем Егоровичем Лениным и Владимиром Ильичем Ульяновым. Свою роль могли сыграть невольные «подсказки» историка информантам, а также очевидное влияние изданной к тому времени литературы о жизни Владимира Ильича – несомненно, что носители знаменитой фамилии не раз и не два пытались объяснить сходство с псевдонимом вождя.

Более вероятной представляется гипотеза о том, что паспорт на имя Николая Егоровича Ильич сумел получить именно в Нижнем Новгороде: за это говорит то, что по пути в Псков он должен был сделать (на свой страх и риск – без разрешения полицейских властей!) огромный крюк с заездом из Москвы в Нижний Новгород. К тому же следует учитывать, что упомянутая нами Вера Васильевна, проживавшая в Нижнем Новгороде, являлась никем иной, как дочерью крестного отца Николая Егоровича Ленина, и у нее вполне мог оказаться паспорт последнего.

Работы М.Г. Штейна по генеалогии «настоящих» Лениных вызвали несколько статей, в основном по истории поздних представителей этого рода¹⁷. К сожалению, из-за того, что их авторы не являлись про-

¹⁵ Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. СПб. 1997. С. 198, 203–206.

¹⁶ Там же. С. 207–208.

¹⁷ Штейн М.Г. Древний дворянский род Лениных // Из глубины времен. Вып. 5. СПб., 1995. С. 155–172; Колосов Л.Л. Славный род Лениных // Дворянское собрание. Исто-

фессиональными генеалогами, следует указать на некоторые ошибки, вкравшиеся в эти работы.

Прежде всего следует отметить, что фамилия Лениных гораздо старше XVII в. – в составленной около 1482 г. духовной грамоте видного боярина Ивана Михайловича Плещеева встречается имя первого известного нам представителя этого рода – Тишины Ленина¹⁸. Упоминание это не случайно – Плещееву в Подмоскovie принадлежало село Нахабино, а по соседству с ним (близ современного города Истры) до сих пор находится деревня Ленино, являвшаяся родовой вотчиной Лениных.

Последовательная родословная этой фамилии прослеживается, как правильно указывает М.Г. Штейн, с жившего в начале XVII в. Ивана Петровича Ленина, по прозвищу Постник. Однако исследователь ошибочно отождествил его с енисейским казаком Посником Ивановым, по прозвищу Губарь¹⁹. В действительности Иван Петрович Ленин, самое раннее известное нам упоминание о котором относится к 1609 г.²⁰, не имел с ним ничего общего. Сведения о Лениных XVII в. встречаются в ряде источников²¹. Позднее род Лениных был записан по Вологодской, Новгородской и Нижегородской губерниям²².

Сделав эти уточнения по генеалогии Лениных, обратимся к тому, чем был занят Владимир Ильич в Пскове. Сюда он прибыл 26 февраля 1900 г. и первоначально, пока не подобрал квартиры, остановился у В.А. Оболенского, университетского товарища А.Н. Потресова, работавшего в статистическом отделе Псковской губернской земской управы. Через день он явился в местное полицейское управление, где получил вид на жительство, которого ранее был лишен как ссыльный, и официально (под расписку) был ознакомлен с постановлением Особого совещания МВД, в котором перечислялись города и губернии, за-

рико-публицистический и литературно-художественный альманах. Вып. 10. М., 1999. С. 147–154; Лобыцын В., Дядичев В. Ленины – моряки российского флота // Морской сборник. 1999. № 11. С. 78–83.

¹⁸ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. I. М., 1952. С. 378.

¹⁹ Штейн М.Г. Тайны родословной и псевдонима. СПб., 1997. С. 192–196.

²⁰ Акты исторические. Т. 2. СПб., 1841. С. 319.

²¹ Иванов П.И. Обзор писцовых книг по Московской губернии с присовокуплением краткой истории древнего межевания. М., 1840. С. 61; Он же. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853. С. 227.

²² Голицын П.П. Список дворянских родов Новгородской губернии... Новгород, 1910. С. 306.

прещенные ему для жительства на период негласного надзора, т. е. до 29 января 1903 г.²³

Сразу же по прибытии в Псков Ильич начинает думать о том, как ему выбраться в Германию. Правда, вызывало сомнение в знании разговорного немецкого языка, к тому же подзабытого за годы ссылки²⁴, и 6 марта в Псковском городском листке появляется объявление: «Желают брать уроки немецкого языка (теория и практика) у образованного немца. Предложение письменно: Архангельская, дом Чернова, квартира Лурьи (для В.У.)»²⁵.

Ценные подробности о жизни Ильича в Пскове содержатся в его письмах этого периода матери. При этом исследователями было сравнительно давно подмечено, что письма Ильича из Пскова представляют собой образец переписки революционера-конспиратора. В них он умело пользовался эзоповым языком.

15 марта Ильич пишет Марии Александровне Ульяновой в Подольск. Содержание его довольно обыденно, но привлекает внимание приписка к нему, после подписи, вместо постскриптума: «Здесь хвалят одного доктора, и я хочу с ним посоветоваться о своем катаре. В Питере с приближением весны ходят, говорят, разные эпидемические болезни»²⁶. Под разными болезнями он имел в виду происходившие в то время аресты революционеров. Но что же Ильич подразумевал под «катаром»?

Это станет понятным, если мы посмотрим, чем он занимался сразу после отправки этого письма. Чтобы попасть в Германию, Ильичу прежде всего было необходимо добраться до ближайшего к Пскову порта или пограничной полосы. Но человеку, находившемуся под негласным надзором полиции, сделать это было практически невозможно: даже кратковременная отлучка из города была бы сразу же замечена.

Тем не менее это формальное препятствие было довольно быстро преодолено. Благодаря В.А. Оболенскому Ильич официально начинает сотрудничать с Псковским статистическим отделом в осуществлении программы широкого оценочно-статистического обследования развития крестьянских хозяйств, промыслов и кустарной промышленности

²³ Биографическая хроника. Т. 1. С. 246.

²⁴ Еще в 1895 г., во время своей первой поездки за границу Владимир Ильич убедился, что плохо понимает разговорную немецкую речь (См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 11).

²⁵ Биографическая хроника. Т. 1. С. 245–246.

²⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 182.

Псковской губернии. То, что псковские статистики привлекли к этому делу именно В.И. Ульянова выглядело вполне убедительно: к этому времени он был уже автором известной книги «Развитие капитализма в России», вышедшей годом ранее. Уже в конце марта по заданию Псковского статистического отдела он выезжает в командировку в Изборск для разработки программы статистического обследования крестьянских хозяйств²⁷.

Для человека, только что перенесшего довольно тяжелую болезнь, это выглядит довольно неестественно. Но странности на этом не закончились – в Изборске Ильич не задержался и 2 апреля оказался в Риге у М.А. Сильвина²⁸. Михаил Александрович был другом Ильича еще по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», был арестован вместе с ним и отбывал ссылку в Сибири неподалеку от Шушенского. Ильич в ссылке называл его «наш ближайший сосед»²⁹. Осенью 1899 г. его забрали в армию, и он стал служить в 115-м Вяземском полку, расквартированном в Риге. Но солдатчина показалась ему хуже каторги³⁰ и он, вероятно, также подумывал о побеге из России. Поэтому идеи Владимира Ильича о совместной эмиграции должны были найти отклик в его душе.

Позднее он вспоминал: «Полагая, что Владимира Ильича должны особенно интересовать быстрые нелегальные сношения с границей, я написал ему, предлагая приехать в Ригу и обещая некоторые новости»³¹. Прибыв в Ригу, Ильич остановился на квартире М.А. Сильвина. Затем он, М.А. Сильвин и жена последнего О.А. Сильвина направились на конспиративную квартиру Ковалевских, где состоялась встреча Владимира Ильича с местными социал-демократами Я. Озолем и К. Зутисом. Сильвины при разговоре Ильича с латышами не присутствовали. Отрекомендовав приезжего как своего товарища, они вышли в другую комнату, чтобы не мешать разговору. Своих имен собеседники друг другу не назвали. Беседа продолжалась около полутора часов, после чего Ильич и Сильвины покинули квартиру Ковалевских. В тот же день вечером Ильич выехал в Псков.

Мечты о границе и на этот раз остались лишь мечтами – получить заграничный паспорт по внутреннему с явными следами подчис-

²⁷ Биографическая хроника. Т. 1. С. 248.

²⁸ Там же. С. 249.

²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 147.; подробнее о М.А. Сильвине: Там же. Т. 10. С. 543–544, Т. 55. С. 587.

³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 415.

³¹ Сильвин М.А. В.И. Ленин в период зарождения партии. Л., 1958. С. 219.

ток было бы крайне неосмотрительно. Наметанный глаз русского полицейского легко бы различил фальшивку. Поездка в Ригу показала, что необходим был подлинный паспорт. 5 апреля он возвращается в Псков, где его уже дожидалось письмо М.А. Сильвина, помеченное 4 апреля, о его отъезде в Сибирь в связи с переменной места службы³². Становилось понятным, что М.А. Сильвин, обремененный семьей и с которым Ильич расстался буквально накануне, отказывался от планов эмиграции. Одновременно пришло и письмо обеспокоенной Марии Ильиничны по поводу неполучения от брата писем³³.

Но Ленин не был бы Лениным, если бы напряженно не искал новые способы исполнения своего заветного желания. Все оказалось гораздо проще – главное, было выйти на «нужных» людей. Уже 6 апреля он пишет письмо матери: «Живу я по старому; здоровье мое удовлетворительно, и я сегодня попробовал уже бросить свою “воду”». Это слово Ильич специально ставит в кавычки (для нас эта фраза становится понятной после поездки в Ригу) и чуть ниже продолжает: «Здесь мой знакомый берет заграничный паспорт и думает ехать лечиться числах в 20-х апреля; мне с его отъездом будет здесь скучновато»³⁴.

Как было установлено исследователями, речь в данном случае идет о А.Н. Потресове. В отличие от Ильича он выбрал более простой путь – чтобы выбраться за границу, получить заграничный паспорт на свое имя. Это удалось осуществить через В.А. Оболенского, лично знакомого со всей местной интеллигенцией, включая и псковского полицмейстера. Очевидно, этот вариант избрал и Владимир Ильич.

Разумеется, псковский полицмейстер понимал, что в принципе совершает противозаконное дело, но его «угрызения» совести могли быть «сглажены» некоторым количеством денежных купюр. Однако дело затягивалось. Судя по всему, почти весь апрель заинтересованные стороны торговались о размере и условиях оплаты. Владимир Ильич, очевидно, прекрасно понимал, что если оплатит сразу необходимый документ, то поставит себя под серьезный удар и поэтому должен был настаивать на поэтапной оплате. Понятно, что вся сумма должна была быть выплачена полностью только после того, как он окажется за пределами России. К согласию, вероятно, пришли только в начале мая.

³² Биографическая хроника. Т. 1. С. 249.

³³ Там же. С. 250.

³⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 183.

5 мая Ильич пишет матери: «Напрасно ты беспокоишься обо мне, дорогая моя: здоровье мое теперь значительно лучше, воду свою я давно бросил (выделено нами. – К.А.) и ни разу не испытывал желания и надобности вернуться к ней». И далее он продолжает: «Вчера получил свидетельство от местного полицмейстера о неимении с его стороны препятствий к отъезду моему за границу, сегодня внес пошлину (десять рублей)/это официальная плата за паспорт. – К.А./ и через два часа получу паспорт. Значит, двинусь летом в теплые края; немедленно ехать отсюда я не могу, потому что надо...покончить некоторые денежные дела ...если не получу,...то напишу тебе с просьбой выслать мне частичку»³⁵.

Через несколько часов Ильич припишет к письму: «сейчас получил паспорт из канцелярии губернатора». Интересно, что незадолго до этого он обращался по официальным каналам с просьбой разрешить ему съездить к Крупской, и, будучи в канцелярии, пишет Ильич, «навел справку о своем прошении о поездке в Уфу, оказывается, отказано!!!»³⁶

Но получив в канцелярии псковского губернатора, через посредство В.А. Оболенского, заграничный паспорт № 34 для выезда в Германию сроком на 6 месяцев, Ильич должен был оставаться в Пскове еще некоторое время. Помимо разрешения «денежных дел» его удерживало здесь еще одно обстоятельство. Чтобы иметь возможность беспрепятственного передвижения по России, необходимо было добиться получения разрешения Департамента полиции на официальный выезд из Пскова, к примеру, для поездки к родным. Поэтому 20 апреля он подает прошение директору Департамента полиции о разрешении поехать ему в Уфу к больной жене сроком на полтора месяца³⁷. В ожидании ответа он пишет матери 30 апреля: «Я, может быть, выберусь отсюда и пораньше, так примерно недели через две, но сколько-нибудь определенно сказать не могу»³⁸. Однако, в этой просьбе, как мы уже видели, ему было отказано.

Одновременно с сыном с аналогичной просьбой в Департамент полиции лично обратилась Мария Александровна Ульянова. В итоге ей удалось добиться удовлетворения своих ходатайств. 29 апреля в Псков пришло разрешение на недельное свидание Ильича с родными в По-

³⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 186.

³⁶ Там же. С. 187.

³⁷ Биографическая хроника. Т. 1. С. 250.

³⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 184–185.

дольске, а 15 мая он получил разрешение на поездку вместе с матерью в Уфу сроком на полтора месяца.

19 мая 1900 г. с вечерним поездом Владимир Ильич уехал из Пскова в Петербург. Не доехав одной остановки до столицы, он сошел на станции Александровская, перешел парком в Царское село и, сев на пригородный поезд, прибыл в город на другой вокзал³⁹.

Но подобная конспирация не помогла – филеры Департамента полиции довольно быстро сумели засечь появление незнакомца в тщательно охранявшемся Царскосельском парке, и 21 мая он был арестован на одной из петербургских улиц и заключен в арестном отделении при Управлении петербургского градоначальства. Поводом для ареста послужил незаконный приезд в столицу. Но ничего противозаконного у него обнаружено не было. 23 мая его подвергли допросу, на котором выяснилось, что у арестованного имелось официальное разрешение на поездку к родным. Понятно, что подтвердить данный факт позаботились «нужные» люди в псковской полиции. Более того, после того как 31 мая Ильича выпустили из заключения, было сделано все, чтобы подобный инцидент не повторился бы в Москве – вплоть до самого Подольска его сопровождал специальный полицейский чиновник⁴⁰.

Определенный интерес для нас представляет вопрос – во сколько же обошлось Ильичу получение заграничного паспорта? По этому поводу можно только гадать, хотя в нашем распоряжении имеются определенные указания. Некоторый свет на это проливают воспоминания В.И. Ленина, переданные Крупской: «Перед отъездом за границу Владимир Ильич чуть не влетел. Приехал из Пскова одновременно с Мартовым. Их выследили и арестовали. В жилетке у него было 2 тыс.рублей...и записи связей с границей, писанные химией на листке почтовой бумаги, на которой для проформы было написано чернилами что-то безразличное – счет какой-то. Если бы жандармы догадались нагреть листок, не пришлось бы Владимиру Ильичу ставить за границей общерусскую газету. Но ему "пофартило", и через дней десять его выпустили»⁴¹.

В литературе встречается мнение, что обнаруженные при аресте две тысячи рублей представляли собой деньги, собранные псковскими социал-демократами на издание «Искры». Но зная, что десяток псковских революционеров и сочувствующих получали, работая в статисти-

³⁹ Биографическая хроника. Т. 1. С. 253.

⁴⁰ Там же. С. 254–255.

⁴¹ Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М., 1972. С. 42.

ческом отделе, в среднем по 24 рубля на человека в месяц, относиться к этой версии всерьез не стоит. Несомненно, это были личные деньги самого Ильича. Для нас интересно другое. Н.К. Крупская в своих воспоминаниях говорит о двух тысячах рублей, тогда как во время официального обыска у Ильича было отобрано лишь 1300 рублей⁴². Недостающие 700 рублей, возможно, были первоначальным авансом за заграничный паспорт.

Брат В.И. Ленина – Дмитрий Ильич позднее вспоминал, что из Петербурга в Подольск Ленина сопровождал полицейский чиновник, доставивший Владимира Ильича к исправнику Подольского уезда, некоему Перфильеву. Тот потребовал документы. Владимир Ильич предъявил свой заграничный паспорт, который исправник положил к себе в стол, заявив, что он останется у него. Тем самым надежды на выезд из России, казалось, рухнули. Лишь после того, как Ильич запротестовал и пригрозил пожаловаться в Департамент полиции, исправник возвратил его назад⁴³.

Но, думается, память подвела здесь Дмитрия Ильича. Как он сам пишет в воспоминаниях, очевидцем этой сцены он не был, а рассказывал о ней ему брат. Следует добавить, что смысла предъявлять заграничный вид у Владимира Ильича не было – на руках у него была паспортная книжка за № 38, выданная в Пскове еще на второй день его пребывания там. Если у В.И. Ленина и вышел спор в полиции, то, вероятно, с псковским полицейским чиновником, потребовавшим уплаты всей заранее оговоренной суммы. Разумеется, это не более, чем наши предположения.

Можно лишь полагать, что стороны в итоге договорились о том, что окончательный расчет будет произведен лишь после того, как Ильич пересечет границу империи. Посредником в этом щекотливом деле, возможно, был все тот же псковский знакомый Ильича – Владимир Андреевич Оболенский. Достоверно известны два факта: 16 июля 1900 г. В.И. Ленин покинул пределы России⁴⁴, а В.А. Оболенский находился за пределами империи между 19 июня и 23 июля 1900 г.

⁴² Биографическая хроника. Т. 1. С. 254.

⁴³ Ульянов Д.И. Очерки разных лет. Воспоминания, переписка. Статьи. 2-е, доп. изд. М., 1984. С. 101–102.

⁴⁴ В Подольске В.И. Ленин пробыл у родных с 1 по 7 июня, когда вместе с матерью поехал из Подольска в Уфу – поездом до Нижнего Новгорода, затем пароходом до Уфы, куда прибыл 15 июня. 10 июля он возвратился в Подольск (по ходатайству Марии Александровны Департамент полиции разрешил ему приехать из Уфы на три дня в Подольск). 13 июня он выехал из Подольска и через три дня покинул Россию // См. Биографическая хроника. Т. 1. С. 256–259.

Разумеется, обе стороны этой сделки понимали, что сохранять в тайне факт отъезда поднадзорного из страны до бесконечности невозможно. Данное обстоятельство выяснилось уже в начале осени. 19 сентября Департамент полиции отдал распоряжение начальникам жандармских пограничных пунктов установить наблюдение за возвращением В.И. Ульянова из-за границы в Россию и в случае его проезда через границу обратить внимание таможенных чиновников на тщательный осмотр его багажа⁴⁵.

Казалось бы, на этом можно было бы поставить точку на истории о том, как знаменитому впоследствии революционеру удалось обвести вокруг пальца продажную российскую полицию. Если бы не одно «но». Уже на следующий день после получения Ильичем заграничного паспорта начальник Псковского губернского жандармского управления генерал-майор князь Девлет-Киндеев в субботу 6 мая 1900 г. секретно доносил в Департамент полиции: «На основании циркуляра Департамента полиции от 11 декабря 1895 г. за № 10342, имею честь сообщить, что псковским губернатором 5-го сего мая за № 34 выдан заграничный паспорт состоящему под негласным надзором полиции дворянину Владимиру Ильичу Ульянову для поездки в Германию, сроком на 6 месяцев». Судя по регистрационным пометкам, это сообщение было зарегистрировано уже в понедельник 8 мая 1900 г. До нас также дошли материалы об усилении слежки за Ильичем в Пскове вплоть до самого его отъезда.

По недостатку данных, нам довольно сложно однозначно оценить этот комплекс источников. Здесь возможны две версии. Первая из них заключается в том, что псковское полицейское начальство, не дождавшись возвращения В.И. Ленина из-за границы, задним числом изготовило оправдательные документы. Об этом может свидетельствовать тот факт, что донесение Девлет-Киндеева помечено 6 мая – днем рождения императора Николая II, который широко отмечался в Российской империи и был нерабочим днем в присутственных местах.

Впрочем, гораздо более вероятной представляется другая гипотеза – задуманной сотрудниками Департамента полиции оперативной игры, основная идея которой заключалась в том, чтобы выпустить Ильича за границу, а затем, использовать его «в темную» – по возвращении проследить его связи между российской социал-демократией и заграничной эмиграцией. За это возможно говорит то, что, узнав, как минимум, за десять дней о получении заграничного паспорта и пред-

⁴⁵ Биографическая хроника. Т. 1. С. 269.

стоящем отъезде Владимира Ильича из Пскова, Департамент полиции не предпринял никаких усилий, чтобы предотвратить его. Напротив, было сделано все, чтобы удовлетворить ходатайство Марии Александровны о полуторамесячной поездке сына в Уфу. Также можно думать о том, что задержание Ильича в Петербурге было специально инсценировано для того, чтобы иметь возможность более тщательно изучить огромный багаж, отправленный утром 19 мая из Пскова в Подольск⁴⁶. Нет сомнений и в том, что Департаментом полиции контролировалась и заграничная поездка В.А. Оболенского летом 1900 г.⁴⁷ Понятно, что подобная версия требует подтверждения и серьезной работы в архивах.

Как бы то ни было, хотя Ильич поехал за границу по легальному паспорту, необходимо было соблюдать правила конспирации. Российский департамент полиции в это время имел прекрасную агентуру за границей и довольно хорошо представлял себе положение дел в русской эмиграции. В Германии иностранцы должны были предъявлять свои паспорта местным властям, и отечественной полиции не составило особого труда выявить местопребывание того или иного «неблагонадежного» элемента и добиться его выдачи. Поэтому, живя в Мюнхене, Ильич шлет письма матери якобы из Праги.

На эту удочку попалась Крупская, отправившаяся после окончания ссылки за границу. «Направилась в Прагу, – вспоминала она, – полагая, что Владимир Ильич живет в Праге под фамилией Модрачек. Дала телеграмму. Приехала в Прагу – никто не встречает. Подождала-подождала. С большим смущением наняла извозчика, ... поехали. Приезжаем, ... узкий переулок, громадный дом. Лечу на четвертый этаж. Дверь открывает беленькая чешка. Я твержу: "Модрачек, герр Модрачек". Выходит рабочий, говорит: "Я – Модрачек". Ошеломленная, я

⁴⁶ По донесению полиции «Ульянов вывез из своей квартиры и сдал на станцию товаром большой скорости три места весом 13 пудов 21 фунт, застрахованных на 300 рублей, по дубликату "на предъявителя" за № 389, отправителем означен Владимир Ульянов. Станция отправления: Псков, станция назначения: Подольск, через Бологое-Москва. Багаж этот зашит в рожи, имеющие очень старый вид». 23 мая, как только багаж прибыл в Москву, он был задержан как груз, «оказавшийся без пломб». Выяснилось, что он целиком состоит из книг и рукописей. 15 июня, после тщательного их просмотра, петербургское охранное отделение сообщило в Москву о разрешении отправить этот груз по месту назначения – в Подольск. 17 июня московская охранка возвратила книги московской железнодорожной полиции.

⁴⁷ Начальник Таврического губернского жандармского управления 24 июня 1900 г. сообщал в Департамент полиции, что «состоящий под негласным надзором полиции в Псковской губернии Владимир Андреев Оболенский, временно проживавший в г. Ялта, 19 текущего июня выехал через Севастополь за границу по паспорту, выданному таврическим губернатором».

мямлю: "Нет, это мой муж". Модрачек, наконец, догадывается. "Ах, вы, вероятно, жена герра Ритмейера, он живет в Мюнхене, но пересылал вам в Уфу через меня книги и письма"... Приехав в Мюнхен,... поехала разыскивать Ритмейера. Отыскала дом, квартира № 1 оказалась пивной. Подхожу к стойке, за которой стоял толстенный немец, и робко спрашиваю... Трактирщик отвечает: "Это – я". Совершенно убитая, я лепечу: "Нет, это мой муж". И стоим дураками друг против друга. Наконец, приходит жена Ритмейера и, ...догадывается: "Ах, это верно жена герра Мейера, он ждет жену из Сибири"⁴⁸

Но подобная конспирация годилась разве только для любителей. Русской заграничной агентуре ничего не стоило выяснить, что под именем «герра Мейера» скрывается Ульянов. К тому же подписывать статьи для русских читателей иностранным именем было просто невозможно. И тогда Ильич снова вспоминает о паспорте на имя Николай Егоровича Ленина. Использовать его он начал в мае 1901 г. – сначала в письмах к соратникам⁴⁹. В декабре 1901 г. в издававшемся в Штуттгарте журнале «Заря» выходят его первые статьи за подписью «Н. Ленин»⁵⁰, а еще через два года, 3 декабря 1903 г. он пишет из Женевы в «Искру» записку В.И. Засулич: «Уважаемый товарищ! Я забыл сообщить, что статьи мои все прошу подписывать "Н. Ленин", а не "Сотрудник"⁵¹. При выборе псевдонима Ильич руководствовался и другим обстоятельством. В тогдашней России прекрасно был налажен полицейский учет населения благодаря широкой системе адресных столов и правилу, что приезжавшие даже на небольшой срок, обязаны были зарегистрироваться по месту жительства. Департаменту полиции буквально за пару дней легко было определить местожительства любого лица, жившего по официально выданному паспорту. Но настоящий Николай Егорович Ленин скончался 6 апреля 1902 г. и был по этой причине исключен из учета. Только спустя много времени русской полиции удалось определить, что под именем Ленин скрывается исчезнувший из Пскова Владимир Ульянов. Лишь в январе 1906 г. Департамент полиции начал работу по установлению личности лица, использовавшего документы на имя Николая Ленина. Это удалось выяснить только к маю 1907 г.⁵²

⁴⁸ Крупская Н.К. Указ. соч. С. 43–44.

⁴⁹ Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины. С. 176.

⁵⁰ Биографическая хроника. Т. 1. С. 362.

⁵¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 328; Биографическая хроника. Т. 1. С. 514.

⁵² Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины. С. 189–190.

О.Н. Шеймина

*Об отношении Ленина к людям
(по материалам Биохроники и Воспоминаний
родных и соратников В.И. Ленина)*

После распада Советского Союза больше всего нападок было на личность первого главы Советского государства Владимира Ильича Ленина. Его обвиняли, чуть ли не во всех смертных грехах.

На эту тему появилось много книг и статей, в том числе и об отношении Ленина к людям. Человеческое в облике Ленина сводилось на нет различного рода характеристиками: фанатик, малообразован, малокультурен, ограничен, злопамятен, агрессивен и жесток к людям. Но, читая Биографическую хронику, воспоминания родных и людей, работавших рядом с Лениным, делаешь вывод, что те эпитеты, которыми характеризуют отношение Ленина к людям, абсолютно неверны. Наоборот, несмотря на тяжелейшие условия, в которых оказалась Советская Россия после Октября 1917 г., несмотря на возникшие государственные проблемы, которые приходилось ежедневно, ежечасно решать Ленину как главе Совнаркома, он находил время и для решения проблем отдельно взятого человека. По воспоминаниям Н.К. Крупской «...он очень внимательно вглядывался в людей, вслушивался в то, что они говорили..., умел замечательно чутко подходить к людям... Он ни с кем не хитрил, не дипломатничал, не втирал никому очки, и люди чувствовали его искренность, прямоту»¹.

В первые годы Советской власти многие даже не знали Ленина в лицо – не до фотографирования было в тот период разрухи. И бывало, что когда Владимир Ильич входил в Кремль, здания правительства или даже в свою квартиру, часовые резко бросали: «Пропуск», подозрительно поглядывая на просто одетого человека. Владимир Ильич, который обычно делал им под козырек, спокойно вынимал пропуск из кармана и терпеливо ждал, пока часовой его рассматривал. Узнав, что

¹ Крупская.Н.К. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1965. С. 77.

он остановил Ленина, часовой смущался, но Владимир Ильич ласково успокаивал его и, откозырнув, проходил дальше². Иной раз, Ленин, остановившись, беседовал с часовыми. Например, когда в сентябре 1919 г. Ленин проходил в свою квартиру (это был Пост №27), на посту стоял курсант Ю.П. Евдокименко. Остановившись, Ленин стал расспрашивать его о родных, интересоваться, пишет ли он им. Узнав, что Евдокименко редко пишет своей матери, Ленин посоветовал ему чаще писать родным, несмотря ни на какую занятость³.

Известно, что сам Ленин был очень привязан к своим родным, особенно к матери, и заботы о ней сквозят во всех письмах как непосредственно к ней, так и к другим членам семьи⁴.

В другой раз, проходя мимо поста, Владимир Ильич обратил внимание на то, что один из курсантов стоит на посту в сапогах, несмотря на сильный мороз (это был январь 1921 г.) Тут же Ленин отдает распоряжение коменданту Кремля о выдаче валенок всем курсантам, стоящим на постах.

Ленин внимательно относился даже совсем к незнакомым ему людям, «...вслушивался в то, что они говорили, старался охватить самую суть, умел замечательно чутко подходить к людям, обращая внимание на мелочи»⁵. Когда в условиях временной мирной передышки состоялся IX съезд РКП(б) (29 марта–5 апреля 1919 г.), то по дороге на утреннее заседание съезда, Ленин случайно столкнулся на площади в Кремле с делегаткой съезда от Вятской губернии Е.И. Варзеговой. Просто так мимо Владимир Ильич пройти не мог. Он останавливается, интересуется количеством женщин, избранных на съезд от губернии. И увидев, что Варзегова плохо обута, поручает сотрудникам Управления делами Совнаркома составить список всех женщин-делегаток съезда, кто не имеет галош⁶.

Владимир Ильич относился к людям внимательно и приветливо, независимо от того, каково было положение человека, место, занимаемое им по служебной лестнице, в обществе⁷. К Ленину очень много поступало жалоб. В связи с этим 18 января 1919 г. Ленин подписывает

² Ульянова М.И. О В.И. Ленине и семье Ульяновых. Воспоминания. Письма. Очерки. М., 1978. С. 129.

³ Биографическая хроника. Т.7. М., 1976. С. 536.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.55. М., 1975. С.213–220, 353, 355.

⁵ Крупская Н.К. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1965. С. 77.

⁶ Биографическая хроника. Т. 8. М., 1977. С. 429.

⁷ Ульянова М.И. О В.И. Ленине и семье Ульяновых. Воспоминания. Письма. Очерки. М., 1978. С. 127.

распоряжение управляющему делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевичу докладывать о всех жалобах, поступающих в письменном виде, в течение 24 часов, в устном – в течение 48 часов.

«...В Управлении должна быть заведена особая регистратура таких жалоб, причем на правителя канцелярии Управления возложить тщательный надсмотр за исполнением моих резолюций по этим жалобам»⁸. Как вспоминала Мария Ильинична Ульянова, Ленин «...таким путем приучал аппарат как Управления делами и секретариата Совнаркома, так и других учреждений к аккуратности и исполнительности»⁹.

И меньше, чем через три месяца (25 марта 1919 г.) Владимир Ильич читает телеграмму со станции Бологое (бывшей Николаевской железной дороги) от крестьянских депутатов Медведевского общества потребителей и Медведевского волостного Совета Валдайского уезда (Новгородской губернии) с просьбой о возвращении махорки. Эту махорку общество закупило в Полтавской губернии, а Бологовским отделом снабжения она была реквизирована. Владимир Ильич пишет на телеграмме запрос в Наркомпрод: «Цюрупе или Фрумкину: Ваше заключение?». Получив ответ из Наркомпрода, от М.И. Фрумкина о том, что будет отдано распоряжение выдать махорку, засчитав ее в норму, делает на документе надпись: «А нельзя ли сейчас написать такую телеграмму?»¹⁰ Ленин прекрасно понимал, что невнимание к жалобам и волокита может подорвать доверие людей к новой власти. И 31 марта Ленин подписывает телеграмму Бологовскому отделу снабжения с распоряжением о немедленном возвращении реквизированной махорки Медведевскому Совету депутатов трудящихся, засчитав ее в норму снабжения¹¹.

«...Владимир Ильич был очень заботлив к товарищам, – вспоминала Мария Ильинична – и, встречаясь с ними, он наряду с разговорами о делах, никогда не забывал справиться о том, как товарищ живет, отдыхал ли он, не нуждается ли в чем-либо. И потом поручал их врачам с просьбой осмотреть такого-то...»¹² 25 апреля 1922 г. Владимир Ильич пишет письмо И.В. Сталину с просьбой провести через Секретариат или Оргбюро ЦК РКП(б) проект постановления о предоставлении отпуска председателю Госплана Г.М. Кржижановскому и его жене

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 245.

⁹ Ульянова М.И. О В.И. Ленине и семье Ульяновых. Указ. соч. С. 120.

¹⁰ Биографическая хроника. Т. 7. С.20–21.

¹¹ Там же.

¹² Ульянова М.И. О В.И. Ленине и семье Ульяновых. Указ. соч. С. 122.

З.П. Кржижановской для лечения в Германии. (Речь шла о лечении грибки).

«...3) поручить т. Крестинскому оплатить необходимые для сего расходы в Германии, с проверкой (через русского врача при посольстве), чтобы это лечение было закончено...

...Если к удовлетворению этого моего ходатайства встретятся препятствия, прошу сообщить мне, в чем они состоят»¹³.

Через три дня, т. е. 28 апреля 1922 г. Секретариат ЦК РКП(б) постановил выдать Г.М. Кржижановскому с женой средства для поездки за границу на лечение.

В этот же день секретарь СНК Н.С. Лепешинская записала на копии письма В.И. Ленина, что по сообщению помощника секретаря ЦК РКП(б) А.М. Назаретяна, виза для Кржижановских уже получена. А незадолго до этого, 23 апреля 1922 г. в Солдатенковской больнице (ныне больница им. С.П. Боткина), В.И. Ленину была сделана операция по извлечению пули из правой стороны шеи, оставшейся у него после ранения в 1918 г. После операции Ленин остается в больнице еще на несколько дней. Расспрашивая медсестру Е.А. Нечкину сколько раз в день и как кормят больных, как живет медперсонал, Ленин узнал о том, что Е.А. Нечкина нуждается в отдыхе и лечении¹⁴.

И вместе с письмом к Сталину о чете Кржижановских, Владимир Ильич пишет еще одно письмо, но уже адресованное наркому здравоохранения Н.А. Семашко:

«Прошу Вас распорядиться об отправке в Крым в один из тамошних санаториев для лечения и отдыха сестры Солдатенковской больницы Екатерины Алексеевны Нечкиной. Не откажите сообщить мне копию Вашего распоряжения по этому делу...»¹⁵ Через несколько дней Екатерина Алексеевна была приглашена в Наркомздрав для беседы с Н.А. Семашко и выяснения наиболее удобного для нее времени поездки в санаторий. «Осенью того же года, – вспоминала Нечкина, – я ездила в Крым вместе с фельдшерницей Клавдией Максимовной Грешновой, о которой тоже позаботился Владимир Ильич. Мы хорошо отдохнули и подлечились»¹⁶. Забота о товарищах была характерной чертой В.И. Ленина. Он заботился о них и сидя в тюрьме, и находясь на воле, в ссылке, в эмиграции, и когда он стал председателем Совета Народных

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.54. М., 1975. С. 243–244.

¹⁴ Биографическая хроника. Т.12. М., 1982. С.295.

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.54. С. 244.

¹⁶ Там же. С.639 (Цитата из газеты «Красное Знамя», Сочи, 11 марта 1960).

Комиссаров¹⁷. 15 мая 1919 г. Ленин пишет в Президиум ВЦИК относительно наркома продовольствия А.Д. Цюрупы об увеличении ему жалования: «Цюрупа получает 2000 руб., семья 7 человек, обеды по 12 руб. (и ужин), в день $84 \times 30 = 2520$ руб.

Недоедают! Берут 4 обеда, этого мало. Дети – подростки, нужно больше, чем взрослому. Прошу увеличить жалование ему до 4000 рублей и дать сверх того пособие 5000 руб. одновременно семье, приехавшей из Уфы без платья»¹⁸.

Большую чуткость и исключительное внимание к людям, по воспоминаниям Марии Ильиничны, Владимир Ильич унаследовал от матери. «...Так же как она, Владимир Ильич как-то сразу серел лицом, волновался и мучился, если ему казалось, что он недостаточно позаботился о ком-нибудь из близких или товарищей, недостаточно хорошо их устроил и пр.»

В.И. Ленину занимался и жилищными вопросами, если того требовали обстоятельства: он пишет записку коменданту Кремля П.Д. Малькову с просьбой «...дать теплую комнату в Кремле товарищу доктору Вейсброду»¹⁹. Подписывает письмо секретарю ВЦИК А.С. Енукидзе с просьбой предоставить две хорошие квартиры для сотрудников Госплана С.Г. Струмилина и Л.К. Рамзина²⁰. Пишет две записки управделами СНК Н.П. Горбунову о необходимости обменять квартиру главному врачу профессору М.И. Авербаху. А ведь в это время шла подготовка к Генуэзской конференции 1922 г. и, несмотря на это, Ленин на все находил время.

И уже, будучи больным, после второго инсульта зимой 1923 г. находясь в Горках, Ленин проявляет заботу о дежуривших возле него санитарях, осведомляется, есть ли у них валенки, спрашивает, покормили ли их, всегда следит за тем, чтобы были тепло одеты все те, кто сопровождал его во время прогулок. Но Ленин умел и наказывать людей, если они грубо нарушали дисциплину или когда обнаруживал неисполнение какого-либо постановления или распоряжения Советской власти. «Узнав о неисполнении постановления СТО Петроградской потребительской коммуной, – вспоминала Лидия Александровна Фотиева²¹, – председателем которой был тов. Бадаев, старый член партии,

¹⁷ Крупская Н. К. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1965. С. 78.

¹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 313.

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. М., 1975. С.52.

²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.54. С. 161, 206–207.

²¹ Фотиева Л.А. (1881–1975 гг.) – член партии с 1904 г. С 1918 г. секретарь Совнаркома и СТО и одновременно секретарь В.И. Ленина. В 1933–1935 гг. работала в системе

Ленин внес 23 июля 1921 г. в Политбюро следующее предложение: «Провести через Политбюро и через СТО:

1) наказать Бадаева и двух других его ближайших сотрудников арестом на 1 воскресенье за неисполнение приказа СТО;

2) предупредить его и их: следующий раз – на месяц и прогоним...»²²

В связи со злоупотреблениями отдельных ответственных работников Центрального жилищного отдела Моссовета и послаблением им со стороны Московского комитета РКП(б) Ленин пишет 18 марта 1922 г. гневное письмо в Политбюро ЦК РКП(б) в котором предлагает:

«...2. Объявить строгий выговор Московскому комитету за послабления коммунистам...

3. Подтвердить всем губкомам, что за малейшую попытку «влиять» на суды в смысле «смягчения» ответственности коммунистов ЦК будет исключать из партии.

4. Циркулярно оповестить НКЮст (копия губкомпартам), что коммунистов суды обязаны карать строже, чем некоммунистов.

За неисполнение этого нарсудьи и члены коллегии НКЮ подлежат изгнанию со службы. P.S. Верх позора и безобразия: партия у власти защищает «своих» мерзавцев!!»²³

Но несмотря ни на что, уважение к человеку отличало Владимира Ильича. Он мог сурово разбронить и наказать неисправного работника, но никогда никого не унижал и не оскорблял. Сам обладая в высшей степени чувством собственного достоинства, он умел ценить и оберегать его в каждом человеке²⁴. Заботу о своих близких, о товарищах, да и вообще о людях Ленин пронес через всю жизнь.

В статье «Облик Ленина как человека» Надежда Константиновна вспоминала: «В единственном сохранившемся у меня письме Ильича есть такая фраза: «Письма о помощи, которые к тебе иногда приходят, я читаю и стараюсь сделать, что можно». Это было летом 1919 г. когда других забот было у Ильича более чем достаточно. Дела было больше чем достаточно, но никогда я не слыхала от Ильича, что ему было некогда, когда дело шло о помощи людям»²⁵.

Главэнерго Наркомтяжпрома. С 1936 по 1958 гг. – научный сотрудник Центрального музея В.И. Ленина.

²² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. М., 1975. С. 56.

²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1975. С. 53.

²⁴ Фотиева Л.А. Приемы и методы государственной работы В.И. Ленина // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. М., 1990. С. 104–120.

²⁵ Крупская Н.К. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1965. С. 78.

А.М. Савинов

***Экспонаты симбирского периода жизни
Ульяновых в коллекции музея
«Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле»***

Своеобразие коллекции музея «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле», как, впрочем, и некоторых других мемориальных коллекций, состоит в том, что она не собиралась специалистами-музейщиками, а складывалась стихийно на протяжении жизни двух поколений семьи Ульяновых. Поэтому, хотя экспонаты кремлевского музея хронологически восходят к 1918–1923 гг., временная разница между самыми старыми и самыми поздними предметами коллекции составляет около ста лет – с 40-х гг. XIX в. до 1939 г.

Среди других в коллекции музея имеются и предметы симбирского периода жизни Ульяновых. Их немного, но это и не удивительно, если вспомнить промежуток времени, отделяющий эти годы от дней создания музея. Сегодня «симбирские» экспонаты можно условно разделить на три группы: фотографии, личные вещи, произведения печати.

Широко известны три симбирские фотографии, которые ныне находятся в гостиной кремлевской квартиры В.И.Ленина: неоднократно публиковавшийся семейный снимок 1879 г., портрет Александра Ульянова 1883 г. и фотография выпускниц симбирской Мариинской женской гимназии 1887 г. Последняя представляет собой виньетку на листе картона размером 66 х 49 см, на который наклеены фотографии 19 выпускниц (среди них Ольга Ульянова) и трех педагогов, в том числе директора гимназии Ф.М. Керенского. В нижней части паспарту имеется надпись: «Фотография Федорова в Симбирске».

Среди прочих вещей Ульяновых в музее хранится дорожный сундук, обтянутый хлопчатобумажной тканью и окованный металлическими полосами. В нем предусмотрены удобные отделения для самых разнообразных вещей. П.темяник В.И. Ленина В.Д. Ульянов рассказывал, что сундук этот принадлежал М.А. Ульяновой, и именно его Ма-

рия Александровна дала Владимиру Ильичу, когда тот отправлялся в сибирскую ссылку. А затем он, якобы, пропутешествовал с Лениным все годы эмиграции, в 1917 г. вернулся в Россию, а через год переехал из Петрограда в Москву, где и обрел, наконец, покой в прихожей ленинской квартиры.

Согласно рассказу секретаря Н.К. Крупской В.С. Дридзо, Надежда Константиновна, уезжая в феврале 1939 г. в санаторий «Архангельское», присела на этот сундук и сказала: «Ну, как говорили у нас в Сибири, оставляю вас с тараканами».

Следует заметить, что в результате своеобразного формирования коллекции история многих экспонатов до сих пор осталась неизученной. А когда история неизвестна, на смену ей приходят устная традиция, семейные предания, легенды. Так, например, есть сведения, что изящные дамские часики фирмы «G.F. Butte» (заводской номер 571153) с тремя ключиками для завода механизма были подарены М.А. Ульяновой дочери Ольге в 1887 г. по случаю окончания гимназии. Более определенно можно сказать о наградной медали за окончание гимназии. Известный историк, исследователь жизни семьи Ульяновых в Симбирске Ж.А. Трофимов в статье «Шесть медалей Ульяновых» пишет, что «ничего не известно о судьбе медалей Ильи Николаевича, Анны Ильиничны и Ольги Ильиничны. Можно только предполагать, что Ульяновы либо жертвовали свои награды на общественные нужды, как это сделал Александр Ильич, либо продавали, чтобы залатать прорехи в своих более чем скромных студенческих бюджетах»¹.

Между тем, среди предметов, находившихся в сейфе Марии Ильиничны, есть белого металла медаль за успешное окончание гимназии.. Ее диаметр – 5 мм, т. е. она несколько больше, чем, например, золотая медаль Владимира Ульянова, хранящаяся в фондах в Музее В.И. Ленина – филиале Государственного исторического музея. Отчеканена награда не позже 1880 г., поскольку на аверсе ее изображен профиль императрицы Марии Александровны. На оборотной стороне медали в обрамлении виноградного венка выбита надпись: «Достойнейшим из окончивших курс в женских гимназиях».

Это позволяет утверждать: перед нами – большая серебряная медаль, которой в 1880 г. была награждена – единственная из всего выпуска – Анна Ульянова за окончание симбирской Мариинской гимназии.

¹ Трофимов Ж.А. Ульяновы. Поиски. Находки исследования. Саратов, 1978. С. 204.

Кремлевский музей обладает ученической наградой Ольги Ульяновой. Она, как известно, проучившись три года в городском училище, поступила в гимназию сразу в четвертый класс и уже через год была награждена за «благонравие и успехи» хрестоматией Н. Гербеля «Немецкие поэты в биографиях и образцах»². На форзаце книги стандартная надпись: «Конференция Симбирской Мариинской женской гимназии, уважая отличные успехи, прилежание и похвальное поведение воспитанницы IV класса Ольги Ульяновой, наградила ее сею книгою при похвальном листе. Симбирск, июня 8 дня 1884 года». Аналогичны сборник – «Английские поэты в биографиях и образцах», составленный тем же Н.В. Гербелем, – находится в разделе художественной литературы библиотеки Н.К. Крупской и М.И. Ульяновой³.

Ольге Ульяновой принадлежало и изданное в Вене в 1873 г. пособие по «Изучению итальянского языка на основе правил и примеров» с автографом владелицы⁴. С помощью этого немецкого учебника младшая сестра Ленина постигала итальянский язык, о чем свидетельствуют ее многочисленные карандашные пометки в книге.

В личной библиотеке В.И. Ленина хранится штуттгардское издание 1874 г. «Собрания сочинений Ф. Шиллера»⁵. На его форзаце еще не устоявшимся мальчишеским почерком чернилами написано: «Ульянов». При этом на внутренней стороне задней крышки книги карандашом изображен грот, с помещенной внутри анаграммой, а вокруг него – целая россыпь подобных же «проб пера» карандашом и чернилами. Одна из них заканчивается заглавной буквой «А». Можно с известной долей уверенности предположить, что на обложке «Шиллера» учился расписываться гимназист Александр Ульянов.

Семья Ульяновых сохранила отчеты Ильи Николаевича Ульянова о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1879 и 1880 гг.⁶ Особый интерес представляют вырезки из 2-го и 3-го томов журна-

² Немецкие поэты в биографиях и образцах. Под. ред. Н.В.Гербеля. СПб., 1877. XXVI, 656. С. VIII.

³ Английские поэты в биографиях и образцах. Сост. Ник. Вас. Гербель. СПб., 1875. XXXII. С. 448.

⁴ Mussafia, A. Italienische Sprchlehre in Regeln und Beispielen. Fur den ersten Unterricht bearbietet. 6., verb. Aufl. – Wien, W.Braumiller, 1873. VI. S. 255.

⁵ Schiller S. W. Vollet/ Neu durchges in 1. Bd. Ausg. Stuttgart. Verb. Der J.G.Cotta'schen Buhh, 1874. VI. S. 1147.

⁶ Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1879 гражданский год, составленный директором народных И.Ульяновым. – Симбирск, 1881. С. 41; 3 л. табл.; Отчет о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1880 год. Симбирск, 1881. С. 47.

ла «Вестник Европы» за 1876 г., с очерком В. Назарьева «Современная глушь», повествующем, помимо прочего, о первых шагах И.Н. Ульянова на ниве народного просвещения в Симбирской губернии⁷. «Единственным из просветителей одной из богатейших приволжских губерний являлся инспектор народных училищ, – писал автор о И.Н. Ульянове. – Это был один из неизвестных тружеников, никогда не идущих далее скромного места и ничтожного, едва хватающего на пропитание, жалования. В одно и то же время инспектор был просветителем края, строителем училищ, архитектором., добрым гением учителей и учительниц, не раз спасавшим их от крайней нужды и безвыходного положения...»⁸ На самодельной обложке – дарственная надпись: «Многоуважаемому И.Н. Ульянову, в память общих трудов, забот, горестей и радостей по устройству сельских школ Симбирского уезда. В. Назарьев. 1876, октябрь 24. С. Ново-Никулино».

Важной частью музейной коллекции является нотная библиотека, насчитывающая около 300 единиц хранения. Трудно определить, когда именно покупались те или иные ноты, ибо в год издания здесь не может служить ориентиром, да и не на всех изданиях имеются выходные данные. Но совершенно определенно можно сказать, что переложения для фортепьяно опер В. Беллини «Сомнамбула» и Дж. Верди «Травиата» приобретены были М.А. Ульяновой не позднее 1863 г. На одном из переплетов вытеснены инициалы «М.Б.» – «Мария Бланк» и, следовательно, в Симбирском доме Ульяновых эти ноты присутствовали.

Сохранились примеры самодеятельного творчества детей из семьи Ульяновых: переписанные Ольгой романс А. Даргомыжского «Свадьба» и «Песня девушек» из оперы П. Чайковского «Евгений Онегин» и другие, нуждающиеся в атрибуции.

Как ни разрознены экспонаты симбирского периода в коллекции кремлевского музея, они, тем не менее, имеют важное значение для работы научных сотрудников: благодаря широкому хронологическому и географическому охвату предметного мира коллекции, появляется возможность реконструировать жизнь общества и отечественную историю XIX в.

⁷ Назарьев В. Современная глушь. Из воспоминаний мирового судьи. Вырезки из журн. «Вестник Европы», 1876. Т. 2. С. 280–313; Т.3. С. 179–232.

⁸ Назарьев В. Современная глушь. Т.2. С. 294–295.

После Ленина:

альтернативы

А.В. Бузгалин

***Троцкий versus Сталин:
возможен ли был иной путь?
(роль личности в «строительстве социализма»)***

Новая волна нарастающего внимания к Сталину становится все более мощной. И дело здесь не в юбилее. В 2009 г. исполняется 130 лет и другому крупнейшему деятелю революции – Троцкому. Дело в гораздо более глубоких социально-экономических и политико-идеологических резонах. Именно о них, о причинах новой волны сталинизма и возможных, из нашей истории растущих альтернативах, и пойдет речь ниже.

Символы и персоны (Троцкий и Сталин как персонификации двух основных тенденций, порожденных Октябрьской революцией 1917 года).

Сразу о главном: Троцкий и Сталин в новейшей истории нашей Родины – это не столько реальные исторические фигуры, сколько символы, абстракции, отделенные историей от реальных физических лиц. И тот, и другой являются персонификацией двух объективно противоречивых тенденций, порожденных Октябрьской революцией 1917 г. и продолженных в процессе «строительства социализма».

Первая – диктаторски-патриархальное строительство «державы» под прикрытием лозунгов о социализме и на базе действительных тенденций генезиса нового общества, осуществляемое прежде всего партийно-государственным аппаратом. Это была даже не тенденция, а определенная объективно сложившаяся траектория социальной эволюции. В ней порожденные Октябрьской революцией ростки социального творчества масс оказались деформированы вследствие недостаточных предпосылок их реализации (и эта деформация была в той или иной мере неизбежна) и дополнены наиболее устойчивыми, традиционными для Российской империи добуржуазными отношениями – патриархально-традиционными формами коллективизма, личной зависимостью и внеэкономическим принуждением, сословными гра-

ницами в обществе, диктаторскими формами политической организации и превращаемой в религию идеологией.

Именно эта тенденция была реализована в СССР на практике. Именно с ней (насколько справедливо – об этом ниже) связывают сегодня основные успехи нашей страны ее действительные и мнимые патриоты. И это не случайно: формирование сильного государства было приоритетом для сталинской политики. Причем государства в самом широком смысле этого понятия. Прежде всего – как мощного аппарата власти (административной, военно-политической, идеологической). Но еще и как значимого субъекта геополитики (держава). И в последнюю очередь – как Общества – союза личностей, проживающих на данной территории и связанных воедино некоторой системой отношений и ценностей.

Символом этой державной политики и стал Сталин. Почему именно Иосиф Джугашвили – грузин (по нынешней терминологии – «лицо кавказской национальности»), семинарист и далеко не самый активный и талантливый из лидеров Советской власти – превратился в Сталина и стал сегодня символом сильного государства в глазах самых разных социально-политических сил (прежде всего, русских националистов) – к этому вопросу мы еще вернемся. Сейчас же зафиксируем лишь один тезис: Сталин в нынешней политике и идеологии – это не столько особый индивид, сколько знак.

Итак, в СССР с конца 20-х гг. Сталин стал представителем патриархально-консервативных сил, которые все более насаждали патриархально-насильственные (добуржуазные методы) сохранения системы. Отсюда – приоритет государства, аппарата насилия (типичные для позднефеодальных и азиатских обществ), полукрепостнических (колхозы, прописка) и полурабских (использование в массовых масштабах труда заключенных) форм труда, значительный элемент патриархальности и великодержавного шовинизма в идеологии и т. п. Однако энергия собственно социалистической тенденции (и внутри СССР, и в мире), с одной стороны, ограничивала сталинизм в его инволюции к добуржуазным институтам, с другой – служила опорой для сохранения и развития страны: СССР как не-социалистическая система в XX в. был бы уничтожен. Без опоры на действительный массовый подвиг коммунистов и всех тех, кто их поддерживал в СССР и в мире, наша страна бы не выжила и тем более никогда не победила в мировой войне.

Последнее противоречие стало наиболее важным для СССР. Нарочито повторяю: для сохранения власти партийно-государственной

номенклатуры и лично Джугашвили как ее верхушки нужны были обе линии.

Первая сторона противоречия – добуржуазные отношения в специфически советском их воплощении – была абсолютно необходима для решения двух основных задач. Первая – создание сильного централизованного военизированного государства за счет его граждан (перераспределение средств из сельского хозяйства и потребительского сектора в сферы индустрии и военного производства, принудительный труд, прямое выкачивание ресурсов из населения внеэкономическими методами). Вторая – формирование и упрочение власти номенклатуры. Отсюда и миллионы репрессированных, и полукрепостная деревня, и идеологическое мракобесие вкупе с культом вождя и многое другое...

Но парадокс сталинизма состоит в том, что даже узко-клановые интересы номенклатуры и лично Сталина, не говоря уже об объективных процессах, обуславливали необходимость сохранения, поддержания и временами даже развития второй стороны медали по имени СССР – социально-творческой, социалистической тенденции. Она проявляла себя далеко не только в коммунистической риторике и красных флагах, как это сейчас изображают иные сталинисты-державники. Главным было другое – массовый энтузиазм, взлет культуры, образования и науки, самоотверженный и поистине коммунистический труд миллионов – не большинства, но миллионов – во имя светлого будущего, созидание которого тогда воспринималось многими (действительным, а не формальным авангардом!) как главная личная ценность и стимул жизни.

«Я знаю – город будет,
Я знаю – саду цвезть,
Когда такие люди
В стране советской есть»

Это не преувеличение Поэта. Это правда. Правда СССР. Не вся. Но правда.

Почему она была нужна сталинщине?

Да потому, что это была единственная опора для некапиталистической модернизации, отвечавшей вызовам XX в. Капиталистической модернизации был бы не нужен сталинизм. Феодальная модель создания развитого индустриального общества с массовым высшим образованием, передовой наукой и высокой подлинной культурой масс – это нонсенс. Единственный путь, который был возможен для сталинской

модели – это путь мучительно, кроваво-диктаторского соединения ростков социализма и патриархальной державности.

Альтернативой этому в принципе могла быть буржуазная реставрация, что, в конечном счете, и произошло на развалинах СССР. Правда капитализм у нас получается крайне своеобразный, сильно видоизмененный нашим советским прошлым, причем в основном его негативными элементами. Получилось у нас то, что называют негативной конвергенцией капитализма и «реального социализма» – соединение худшего из обеих систем.

Но была и другая – вторая – тенденция, которую отчасти можно связать с именем Троцкого, – социалистическое строительство как интернациональный проект создания нового общества, прежде всего, самими гражданами, снизу (хотя так же при помощи партии – но не столько партийного аппарата, сколько действительных коммунистов как энтузиастов социалистического строительства).

Теоретически она предполагала дополнение ростков социального творчества наиболее современными для той эпохи формами позднего капитализма. К их числу тогда (и это достаточно точно прорисовано в работах Ленина и ряда западных марксистов первой половины XX в., прежде всего – Грамши) относились формы регулируемого и социально-ориентированного рынка, кооперация и ассоциирование граждан, культурная революция и приоритетное развитие самых передовых технологий (электрификация).

На практике эта тенденция была реализована в весьма специфическом виде. В нашей стране она присутствовала лишь в виде оппозиции и исторически недолгое время. Но как интернациональная политическая линия она оказалась достаточно сильна. Начиная с 30-х гг. прошлого века IV Интернационал и выросшие из него поздние различные конфигурации троцкистских интернациональных сетей играли и играют пусть не определяющую, но серьезную роль в международном социалистическом и коммунистическом движениях. Троцкисты играли немалую роль в борьбе против фашистов во время гражданской войны в Испании и европейском сопротивлении во время Второй мировой войны, они много и активно работают с европейскими профсоюзами и альтерглобалистским движением, они играли и играют определенную роль в поддержке левых сил и правительств в Латинской Америке...

Но в России Троцкий и троцкизм, как правило, ассоциируются со словом «иудушка»... Почему и есть ли в этом иные резоны, кроме того, что Лев Бронштейн был евреем, – к этому вопросу мы вернемся позже.

Сейчас же зафиксируем второй тезис: Лев Бронштейн как особая личность так же весьма далек от Троцкого как знамени последовательных коммунистов-демократов – для одних, символа анти-русскости – для других.

Итак, первый промежуточный вывод (автор вполне отдает себе отчет в его спорности): Октябрьская революция породила две основных потенциально-возможных траектории не-капиталистического развития СССР, а Троцкий и Сталин были скорее персонификацией, чем творцами двух моделей развертывания противоречий генезиса «реального социализма». Их роль как личностей состоит в том, что они стали политическими лидерами, выразившими в своей деятельности объективно возникшие тенденции. В случае со Сталиным эта связь проявилась особенно ярко: характерный для СССР 1930–начала 1950-х гг. особенно кровавый вариант воплощения объективной тенденции мутации ростков социализма во многом связан с личностными качествами И. Джугашвили.

А теперь о причинах возникновения этих траекторий. •

«Ловушка XX века»

Суть авторской гипотезы я бы сформулировал так: и возникновение СССР как крайне специфической социальной системы, и его распад, вызваны одними и теми же причинами, а именно тем, что в начале XX в. родился такой специфический организм (сталинский «реальный социализм», или, как я покажу ниже, «мутантный социализм»), который был достаточно хорошо приспособлен к противоречиям эпохи индустриализма, империалистических конфронтаций и мировых войн, но оказался абсолютно не способен (в том его виде, который сложился в середине XX в. и так и остался по сути своей сталинским) дать достойный ответ на вызовы эпохи глобализации и информационной революции.

Рассмотрим этот вопрос подробнее. К числу причин возникновения именно специфического экономического и общественного строя нашей страны я бы отнес феномен, который условно назвал «ловушкой XX в.». Суть ее в следующем. С одной стороны, мир в начале XX в., пройдя через Первую Мировую войну, через начавшиеся антиколониальные движения на Востоке, через мучительные противоречия империализма на Западе (вспомним, это был период борьбы за 8 часовой рабочий день, право свободного создания профсоюзов, минимальные

социальные гарантии – все то, что ныне мы считаем атрибутами капитализма), столкнулся с необходимостью возникновения нового строя.

В этом смысле, когда Ленин писал свою книгу: «Империализм как высшая стадия капитализма», и говорил о кануне социалистической революции, он был прав. Для разрешения мучительных, жестких противоречий начала XX века была необходима Социалистическая революция. В этом смысле неслучайно то, что не только в Российской империи, но и в Венгрии, Германии, на Востоке произошли мощные антиимпериалистические подвиги, революции и то, что Социалистическая революция в России получила столь огромный и очень быстрый отклик в мире (при том, что тогда не было ни информационных систем, ни телекоммуникаций, а очень многие просто даже писать и читать не могли). Этот, взрыв, его отзвуки получили отражение во всем мире, ибо они отвечали вызовам людей, потребностям людей. Они вызвали процессы революций, реформ, образования новых – «социалистических» – государств, формирования и деятельности общемировых левых организаций (2 и 3 Интернационалы) и движений. В результате к 60-м гг. XX в. левая тенденция стала одной из двух ведущих в мировом социальном процессе.

С другой стороны, ловушка XX в. состояла в том, что возможность развития по пути движения к качественно новому обществу была абсолютно минимальной и в мире, и в России, где ее почти не было. При этом я бы обратил внимание на то, что речь идет не только о материальных предпосылках (уровне индустриализации, количество рабочего класса и т. д., а в Российской империи более 80% населения было занято ручным аграрным трудом, будучи неграмотными, забитыми полурабамии военно-феодалного капитализма), но и о других, обычно не акцентировавшихся феноменах.

Так, опыт СССР особенно явственно, хотя и с негативной точки зрения, показал, что новое общество может создаваться только самими людьми снизу; сверху, бюрократически его построить нельзя. Создание именно новых общественных отношений (а не только новых городов и заводов) самими людьми снизу, я вслед за учеными-марксистами называю совместным или ассоциированным социальным творчеством. Для этого ассоциированного, совместного сотворения новых общественных отношений и форм необходимы опыт коллективной, организованной борьбы трудящихся и высокий уровень культуры.

Поэтому, говоря об абсолютном минимуме возможности движения к новому обществу, недостаточности предпосылок позитивного

созидания социализма, я говорю не только об отсутствии достаточного уровня цивилизации и количестве индустриального пролетариата, но и о низком потенциале социального творчества. В результате объективно возникла ловушка, когда необходимость нового общества существовала и была очень мощной, а возможность созидания свободного коммунистического общества снизу была абсолютно минимальной, если существовала вообще.

Тем не менее, революционный взрыв 1917-го г. и последующие революции в Венгрии и Германии, освободительные движения на Востоке породили такую мощную, идущую снизу социальную энергию, что на этой энергии, на инерции этого социального взрыва мы довольно долго развивались по социалистической траектории.

Парадоксом этой мощной социальной энергии было то, что полуграмотные люди, не имевшие опыта жизни в рамках гражданского общества, создавали сами снизу Советы, органы рабочего контроля и коммуны, новые формы общественной организации в области культуры и спорта и т. д. Революция сломала барьеры и перегородки, сдерживающие человеческие таланты, и обнаружилось, что среди солдат и крестьян, среди рабочих и рядовой интеллигенции нашлось невообразимое количество талантов, которые способны были конкурировать, соперничать с величайшими умами и профессионалами человечества.

Еще раз подчеркну: для действительного массового творчества снизу предпосылок было не достаточно, и с самого начала это социальное творчество, создание нового общества снизу шло параллельно с развитием бюрократической государственно-партийной системы, которая потом стала номенклатурой.

В результате в нашей стране пришлось решать два блока задач. Первый – тот, о котором говорится постоянно – это ускоренное развитие промышленности, обновление сельского хозяйства, создание нового типа технологий, электрификация, налаживание централизованного планирования и национализация. Такова одна сторона дела. И в рамках этой задачи можно и должно было использовать не только новые, но и современные для того времени буржуазные формы, начиная от крупных корпораций и финансов, и заканчивая мелким бизнесом, розничной торговлей и – главное – кооперацией и различными формами ассоциирования производителей и граждан. (И именно в рамках этой задачи сталинская траектория задействовала не столько эти формы, сколько полуфеодальные механизмы патриархального коллективизма и внеэкономического принуждения).

Но был и второй блок проблем, который отмечают гораздо реже. Если в первом случае вопрос «Кто – кого?» стоял в плоскости борьбы: государственный сектор или буржуазный, то во втором случае тот же вопрос «Кто – кого?» стоял уже в другой плоскости. Вторая область борьбы была сферой столкновения социального творчества, созидания нового общества снизу самими трудящимися, с одной стороны, и развивающейся государственно-бюрократической партийной надстройкой (этой будущей номенклатуры), опирающейся на конформизм и мещанство масс – с другой стороны. И если в первом случае общественный сектор (превратившийся в государственно-бюрократический) победил буржуазный, то во втором случае номенклатура, государственно-бюрократическая власть в конечном итоге победила социальное творчество трудящихся.

Но эта победа оказалась пирровой и не была окончательной: номенклатура подобна раковой опухоли на теле социального творчества народа и если рак убивает организм, то он погибает и сам – на трупе рак паразитировать не может.

Вот почему в СССР в результате не-снятости противоречий «ловушки XX века» возникла система с мощным внутренним потенциалом вырождения и саморазрушения. Это были, прежде всего, противоречия между сохраняющейся инерцией социального творчества, с одной стороны, и ростом все более мощной и самодостаточной государственно-партийной номенклатуры – с другой стороны.

Наиболее резко это столкновение проявило себя в период сталинизма, когда в стране был максимален и энтузиазм (это субъективное бытие социального творчества трудящихся), и тоталитарное угнетение. Так возникла общественная система, которую я назвал «мутантным социализмом».

«Мутантный социализм»

Под последним автором понимается тупиковый в историческом смысле слова тип общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от царства необходимости (в частности, капитализма) к царству свободы (коммунизму); это общественная система, выходящая за рамки капитализма, но не образующая устойчивой модели, служащей основанием для последующего движения к коммунизму. По-видимому, эти тезисы требуют некоторых пояснений.

Во-первых, заметим, что в странах Мировой социалистической системы был искажен не некий «идеал» социализма. Речь идет о том, что реальная общеисторическая тенденция перехода к царству свободы и адекватные ей реальные ростки социализма (элементы пострыночной координации, в частности, успешного планирования экономики, ассоциированного присвоения общественного богатства, социального равенства, новой мотивации труда, контроля трудящихся) в силу недостаточных предпосылок для своего генезиса развивались в мутантном, уродливом от рождения виде. Эти сущностные черты рождающегося нового общества (подчеркну: они не прогнозируются как утопия, а выделяются на основе анализа объективных процессов заката царства необходимости и позднего капитализма) не приобрели адекватных форм и не смогли развить присущий им потенциал прогресса и производительных сил, и человеческих качеств. Эти первые ростки нового мутировали (причем особенно интенсивно именно в сталинский период), приспособляясь к неблагоприятным для генезиса социализма внешним обстоятельствам, что и позволяет квалифицировать прошлое наших стран как мутантный социализм.

Во-вторых, обращение к термину «мутации» неслучайно. Автор в данном случае пошел по не слишком оригинальному пути аналогий с некоторыми разработками в области естественных наук, чем «грешили» и марксизм («формация» и т. п.), и неоклассики. Категория «мутантный социализм» используется нами для квалификации общественной системы наших стран по аналогии с понятием мутации в эволюционной биологии (организмы, принадлежащие к определенному виду, в том числе – новому, только возникающему, обладают разнообразным набором признаков – «депо мутаций», которые в большей или меньшей степени адекватны «чистому» виду и в зависимости от изменения среды могут стать основой для «естественного отбора», выживания особей с определенным «депо мутаций», для выделения нового вида).

В момент генезиса, начиная с революции 1917 года, рождавшееся новое общество обладало набором признаков («депо мутаций»), позволявших ему эволюционировать по разным траекториям (в том числе – существенно отклоняющимся от пути трансформации царства необходимости в царство свободы). Особенности «среды» – уровень развития производительных сил, социальной базы социалистических преобразований, культуры населения России и международная обстановка – привели к тому, что из имевшихся в «депо мутаций» элементов возникавшей тогда системы наибольшее развитие и закрепление по-

степенно получили процессы бюрократизации, развития государственного капитализма и другие черты, породившие устойчивую, но крайне жесткую, не приспособленную для дальнейших радикальных изменений систему. В результате возник мутант процесса генезиса царства свободы (коммунизма).

Так сложился организм, который именно в силу мутации был, с одной стороны, хорошо приспособлен к «среде» России и мировой капиталистической системы первой половины и середины XX в., но с другой (по тем же самым причинам) – далек от траектории движения к коммунизму, диктуемой закономерностями и противоречиями процесса нелинейного отмирания, прохождения мира отчуждения.

В результате в СССР сформировался строй, который мог жить, расти и даже бороться в условиях индустриально-аграрной России, находящейся в окружении колониальных империй, фашистских держав (победа в Великой отечественной войне – самый могучий тому пример) и т. п.

Но в силу тех же самых причин (мутации «генеральных», стратегических социалистических тенденций) этот «вид» не был адекватен для генезиса научно-технической революции, он не мог дать адекватный ответ на вызовы глобальных проблем, обеспечить решение проблем качества жизни во всех его слагаемых. Именно в этом контексте и встает вопрос об иной – второй из названных нами – тенденций генезиса социализма. О причинах ее не-победы в прошлом веке и актуальности для века нынешнего.

Но об этом ниже. Здесь же, завершая характеристику «реального социализма» как мутации процесса генезиса нового общества, подчеркнем: сказанное – не осуждение прошлого (хотя мы осуждаем самым решительным образом тиранов-сталиных, порожденных той эпохой, и не менее – их прихлебателей). Это констатация исторического факта: первая попытка «прорыва» в будущее породила такое общество.

В этом чудовищно интенсивном противоречии ростков и мутаций социализма – тайна нашего прошлого.

Сталин versus Троцкий: сталинщина

В наиболее явной форме мутации социализма проявили себя, как я уже отметил, в период сталинской диктатуры, породив феномен, который неслучайно был назван «сталинщиной» (я использую ниже этот термин для выделения именно диктаторски-бюрократических мутаций в отличие от всего богатства тенденций в СССР сталинского пе-

риода), дискредитировавшей и опозорившей реальные ростки социализма, подвиг наших дедов и отцов, созидавших новое общество.

Феномен «сталинщина» порожден, прежде всего, объективными противоречиями мутантного социализма. Сама по себе личность И.В. Джугашвили оказалась, конечно же, не случайно востребована этими мутациями, подобно тому, как не случайно ростки социального освобождения в нашей стране востребовали великих людей «ленинской гвардии» (кстати, опять же не случайно в большинстве своем репрессированных сталинистами), но дело все же не в личности, которая сама по себе (если абстрагироваться от внешней атрибутики величия «вождя народов») малоинтересна. (Кстати, замечу в скобках, что ориентация на псевдоним, сращенный с образом вождя, а не на реальную фамилию реального человека, тоже символична; точно так же символично и превращение В.И. Ульянова в этот период из реального гениально-противоречивого человека в мумию-символ).

Противоречие коммунистического созидания, энтузиазма советских людей и сталинщины стало явным, легко наблюдаемым проявлением более глубинного конфликта социального творчества трудящихся и его бюрократических превращенных форм. Именно в этом противоречии (включающем не только антагонизм, но и единство сторон) – ключ к пониманию нашего прошлого. Более того, как я уже заметил, эти мутантные формы возникли отнюдь не случайно и не случайно (вспомним о «ловушке XX века») были сращены с ростками коммунизма так, что друг без друга эти противоположности в реальной жизни, как правило, и не проявлялись. Вплоть до кажущегося ныне чудовищно-неправдоподобным парадокса гибели расстреливаемых сталинистами коммунистов с именем «вождя» на устах. Но этот парадокс и есть правда реальной жизни СССР, когда сталинщина была сращена с коммунизмом и строители нового общества вне этой формы, как правило (не забудем и об исключениях – героях коммунистической борьбы со сталинизмом в СССР и за рубежом), не мыслили себе социализм.

Тем более это было верно для большинства трудящихся, недавно вышедших из деревни и поднявшихся к новой жизни без опыта самостоятельного освоения культуры, самоорганизации, личностной свободы и критического самосознания, но при этом (вот они, парадоксы «ловушки»!) объективно ставших созидателями ростков качественно нового общества. Это социальное творчество масс, объективно в большинстве своем неспособных к социальному творчеству, не могло не породить превращенных (т. е. не просто извращающих, но и «убивающих» свое действительное содержание) форм полурелигиозного

сведения своей самодеятельности к реализации внешней объективной воли (некоей абсолютно непогрешимой, являющейся «умом, честью и совестью» эпохи партии), каковая неизбежно должна была оказаться сращена с личностью-символом.

Эта в основе своей объективная (хотя и не единственно возможная – я укажу на наличие альтернатив) тенденция, однако, была доведена до предельно реакционных форм субъективным фактором – теми, кто оказался во главе этой номенклатурной системы. Они (и, прежде всего, «вождь», сращенный с репрессивным аппаратом НКВД – Джугашвили и его ближайшие сторонники Ежов, Ягода, Берия и т. п., периодически расправлявшиеся друг с другом, а потом, как сейчас все чаще говорят, расправившиеся и с вождем) стали по сути дела исполнительным механизмом номенклатурно-бюрократической власти.

Однако это была не более чем верхушка айсберга под названием «сталинщина».

Его скрытой в толще обыденной жизни и обыденного сознания основой был конформистст-мещанин (и, прежде всего, из среды служащих и интеллигенции, в том числе «элитной», иные из лидеров которой особенно услужливо возвеличивали вождей и активнейшим образом доносили на своих коллег-соперников по цеху).

Реальным исполнителем воли «сталинщины» был даже не следователь НКВД или солдат ГУЛага, а «рядовой» бюрократ, формировавший в силу своего социального интереса систему номенклатурно-бюрократической власти. И чем более бюрократической (т. е. оторванной от народа, неподконтрольной народу, стоящей над ним, замкнутой в рамках особой привилегированной касты) становилась эта экономическая и политическая власть, чем более, иными словами, мутировали ростки советского народовластия, тем больше простора для произвола и репрессий получали сталины и берии. В этой пронизывавшей все поры нашей жизни – от парткома до политбюро и ГУЛага – системе отчужденной от граждан власти, а не в личности Джугашвили или кого-то из его приспешников и кроется ключ к пониманию феномена «сталинщина».

А теперь вновь подчеркну: «сталинщина» была одной из сторон реальной мучительной и великой диалектики нашей жизни.

Была и другая сторона и у нее были свои символы, ставшие действительным воплощением величия нашей страны. Они были везде – в производстве, науке (Вавилов и Келдыш, Циолковский и Королев...), искусстве (Шостакович и Эйзенштейн, Маяковский и Шолохов...), политике (Бухарин и Троцкий, Киров и Дзержинский...), армии (Туха-

чевский и Жуков...) Кто-то из них был приближен к власти, кто-то был ею репрессирован, но правда СССР – это единство этих противоречий. Это сосуществование в одной элите Жукова и Берии, Вавилова и Лысенко... Точно так же нашей правдой было сосуществование мещан-доносчиков, стремивших к расширению жилплощади в коммуналке, и «рядовых» героев Великой отечественной; миллионов зачинателей новых трудовых инициатив и «элитных» предателей типа Власова...

И опять парадоксы – парадоксы эпохи, где «сталинщина» стала именем для всех – тех кто строил социализм вопреки ей (причем иногда бессознательно, не понимая этого «вопреки» так же, как его не понимали герои-партизаны Войны 1812 г., защищавшие Родину с именем «царя-батюшки» на устах, того, что завтра этот же царь и его прихвостни будут их пороть), и тех, кто паразитируя на их энтузиазме и подвигах, уничтожали их же творческий порыв и самые жизни..

Троцкий versus Сталин: возможен ли был иной путь?

А теперь поставим едва ли не самую острую проблему: возможен ли был путь воплощения социально-творческой, демократически-социалистической траектории (естественно, тоже в несколько деформированном виде) при достаточно широком использовании форм позднего капитализма и переходных к социализму форм плюс периодическом скатывании к элементам насилия, но при ограничении и изживании последних? Возможно ли было строительство социализма на базе широкого использования форм не столько парламентской, сколько низовой демократии; экономики солидарности и социально-ограниченного рынка; ассоциированных и переходных (вплоть до акционерной) форм собственности; преимущественно формально свободного труда и частно-государственно-общественного партнерства; самоуправления и базисной демократии – возможно ли было такое развитие СССР в XX веке?

На мой взгляд, именно этот путь (в ином категориальном выражении) предлагал в конце своей жизни В.И. Ульянов. К похожей модели склонялся, на сколько мне известно, Троцкий. Современный троцкизм предлагает именно такую программу социалистического строительства (в том числе и для среднеразвитых стран типа Венесуэлы).

Автор уже не раз аргументировал положительный ответ на этот вопрос: да, возможен. Основные аргументы в данном случае суммируют как опыт частично успешных попыток уйти от сталинщины в нашей стране, так и опыт мировых экспериментов в области развития

демократических форм пост-капиталистической организации. Имеется и немало глубоких теоретических исследований, авторы которых принадлежат к кругу творческих марксистов, теоретиков эко-социализма и т. п.

Этот текст посвящен не вопросу о социалистических альтернативах. Поэтому позволю себе воспроизвести лишь предложенную автором более 15 лет назад аналогию, воспроизводимую ныне рядом зарубежных исследователей (Самир Амин и др.). И хотя аналогия – не доказательство, она хорошо проясняет суть дела.

Подобно тому, как в XV–XVIII вв. новое для того периода истории капиталистическое общество рождалось не в готовом виде, с развитой индустриальной технической базой, последовательным парламентаризмом и идеологическим плюрализмом, новый мир (названный нами «царством свободы») так же рождается не сразу в готов виде. Подобно тому, как в муках рождался капитализм, в муках начал появляться на свет и новый процесс социального освобождения.

Для нас сегодня Ренессанс – это взлет гуманизма, величайшие достижения поэтов и философов, живописцев и зодчих... Для жителей же Италии того периода это был период жесточайших гражданских войн и политического цинизма («Государь» не Джугашвили написал), мракобесия инквизиции (больше всего репрессированных этим идеолого-политическим институтом приходится именно на Италию) и тому подобных бед...

Более того, первые попытки создания буржуазного миропорядка – прежде всего Ренессанс в Западной Европе – в большинстве случаев закончились... крахом. Италия тому наиболее наглядный пример. Если бы Френсис Фукуяма мог перенестись в ту эпоху, то, комментируя этот процесс, он бы написал что-то в таком духе:

«История закончилась. Эксперименты, направленные на реализацию искусственно придуманных утопий свободного индивида, демократии и рынка привели к крови и террору, потерпев в конечном итоге закономерное поражение. Во всем цивилизованном мире (Испания, Франция, Италия, Германия и далее на Восток...) окончательно торжествовали благородная власть монарха и дворянства, единственно способных обеспечить процветание наций и нормальную жизнь третьего сословия...»

Между тем в отличие от первых неудачных буржуазных революций и реформ в большинстве стран Европы в одном случае уже в XVI в., без адекватной для капитализма индустриальной базы, во враждебном окружении позднее-феодальных королевств и империй, все же

возник маленький буржуазно-демократический анклав – Нидерланды. Тогда это было исключение. Через четыре столетия оно стало правилом.

В этом смысле наша эпоха похожа на историю полутысячелетней давности: такие же муки рождения нового общества, такие же уродливые формы его первых ростков, такие же мучительные поражения...

Такая же необходимость быть более передовым в той сфере, которая станет основой развития в новом мире.

В случае с генезисом буржуазной системы это были мануфактуры, ветряные и водяные двигатели, дороги (и каналы), торговля. И адекватные для их развития формы свободного рынка и парламентаризма.

В случае с генезисом царства свободы это должны были быть сферы, обеспечивающие прогресс человеческих качеств и эффективное использование растущего творческого потенциала – образование, здравоохранение, культура и высокие технологии (для начала XX в. – прежде всего электрификация; сейчас – нечто гораздо большее). Что-то из этого удалось реализовать даже в условиях сталинизма (вопреки сталинщине).

Прямой акцент на приоритете этих сфер вкуче с адекватными для их развития новыми социально-экономическими (экономика солидарности) и политическими (низовая демократия и самоуправление) формами мог бы дать еще больше. Не случайно даже в таких неблагоприятных условиях как на Кубе и в Венесуэле ростки социализма обеспечили огромные успехи в области человеческого развития. И это при том, что социально-экономические и политические формы в этих странах далеко не идеальны с точки зрения обеспечения условий для не-сталинской модели рождения нового общества.

Возвращаясь к СССР, оговорюсь: в нашей стране 1930-х гг. не-сталинский путь (при гипотетическом условии его реализации) неизбежно имел бы гораздо более уродливые, мутантные формы, был бы гораздо ближе к сталинизму, чем то, что начал делать в Чили 1970-х Альенде, а на Кубе – Кастро, что пытается в настоящее время начать делать в Венесуэле Чавес.

Причины большей деформированности возможной не-сталинской траектории СССР 20–30-х и далее годов – гораздо менее благоприятные условия. За нами не стоял как за Кубой 50-х СССР, у нас не было нефти Чавесовкой Венесуэлы и т. п. Впрочем, мы несколько отвлеклись. Вернемся к Троцкому и Сталину.

*Роль личности в «строительстве социализма» в СССР:
Троцкий и Бронштейн, Сталин и Джугашвили*

В качестве маленькой интерлюдии позволю себе спорное утверждение: успех социальных преобразований в условиях минимально благоприятных объективных предпосылок (как это и было в СССР) зависит от (1) энергии социального творчества масс; (2) разработки и реализации такой стратегии, которая едва ли не единственно дает шанс на успех; (3) гениального лидера, способного постоянно строить тактику исходя как из стратегии, так и из постоянно радикально изменяющихся условий, вплоть до смены стратегии и локальных целей при сохранении конечных целей и постоянном упорном возврате к их реализации и (4) гвардии талантливых людей, искренне и самозабвенно отдающих свою жизнь реализации цели.

Именно так осуществляют великие открытия, так прорываются в космос, побеждают в битвах, где у противника многократный перевес в численности и вооружении...

Так стояла и проблема в условиях великой развилки 20-х гг. в нашей стране. Существует известный вопрос: можно ли в свете сказанного именно Троцкого считать продолжателем ленинской, большевистской тенденции в нашей стране?

С большими оговорками. Во-первых, сам Троцкий был далеко не столь последователен в своих шагах, как этого требовала реализаций данной траектории. Смее утверждать, что он не был столь целостным, последовательным, героически целеустремленным и талантливым до гениальности, сколь это было необходимо для того, чтобы стать лидером практического воплощения собственно социалистического проекта. Пройти по лезвию бритвы и реализовать с относительно небольшими человеческими и культурными потерями один шанс из 100 (или 1000) партия большевиков, Ленская гвардия, могли, но если бы автором и лидером проекта оставалась фигура столь же мощная, как Владимир Ульянов. И это не культ личности Ленина. Это понимание адекватности личностных качеств Ульянова тем вызовам, которые предъявляло то крайне сложное время.

Лев Бронштейн такими качествами в достаточной мере не обладал. И соратники Ленина, и «рядовые» коммунисты это чувствовали.

«Хорош мужик, но не орел».

* * *

Что касается сталинской траектории в ее советском виде, то здесь главным субъектом были не ассоциированные граждане и прогрессоры, спаянные с гениальным творцом, а масса полу- и просто патриархальных мещан и паразитирующей на них бюрократии – «серые». В этом случае великая личность гениального социального творца-стратега была не только не нужна, но и вредна. Здесь был необходим исключительно тактик, способный использовать любые средства для того, чтобы (1) укреплялась вся пирамида «серых» и (2) самому победить и побеждать конкурентов в этой кровавой (но по сути мышьиной) возне. Возне, жертвами которой стали многочисленные ростки живого социального творчества, пожранные мышьиной массой. Для «серых» Сталин стал вполне адекватным воплощением-символом. А Иосиф Джугашвили был среди них едва ли не самым способным и потому именно он оказался на вершине пирамиды. Далее вся масса «серых» оказалась заинтересована в сохранении символа-вождя (без него основанная на патриархальности и иерархическом подчинении добуржуазная мутация не может жить).

Один из парадоксов СССР состоял, однако, в том, что, как я уже отметил выше, вообще без социального творчества, в условиях абсолютного доминирования «серых» принципов, наша страна бы не выжила. Хитроумность Сталина и здесь сработала: он время от времени возвращал к жизни ростки живого социального творчества, укрепляя тем самым власть той пирамиды, символом которой он был. Раковая опухоль номенклатуры пережила своего первого и крупнейшего вождя, а затем переродилась (в соответствии с предсказанием Троцкого, сделанным еще в 30-е гг.) в новую буржуазную структуру, разъев предварительно тот живой организм, на котором она паразитировала – ростки социализма в нашей стране.

Именно поэтому я уверен: Иосиф Джугашвили, будучи очень способным (едва ли не самым способным) из представителей советской номенклатуры, в силу своих личных качеств немало способствовал тому, что в нашей стране сложился столь кровавый, столь диктаторский вариант мутаций социализма. Масса репрессий, преступлений и ошибок были не нужны даже с точки зрения задач самосохранения и упрочения в СССР власти номенклатуры. Они были нужны Джугашвили для того, чтобы оставаться Сталиным.

Хищник, но не лев.

* * *

В этой логике кризиса и распада СССР ключ и к ответу на еще один вопрос: почему в современной России популярен Сталин и не популярен Троцкий?

Ответ на первую часть вопроса уже не раз давалась автором (в частности, в его разделах книги «Сталин и распад СССР»), поэтому ниже выделю только два аспекта.

Во-первых, распад СССР вызвал реверсивные («попятные») исторические процессы возрождения в постсоветской России брутальных форм позднего капитализма, густо замешанных на позднефеодальных механизмах насилия. Эта неорганическая смесь оказалось в чем то сходной с системой отношений сталинского периода. Но с существенными различиями: тогда патриархальность, насилие и бюрократия сопрягались с социальным патернализмом, что давало и некоторые блага народу. Сейчас они сопрягаются с капиталистическими формами подчинения труда и обеспечивают блага все больше сращенному с бюрократией капиталу (оговорюсь: формы прямого политического насилия нынче развиты гораздо слабее, чем в СССР 30-х гг., и это благо и для народа). В результате патерналистские формы поддержки «рядовых» граждан оказались разрушены, а сталинский контекст – воспроизведен, причем в форме уже не столько трагедии, сколько фарса.

Несколько грубее, но проще эту же мысль можно выразить иначе: взращенные сталинщиной конформизм и пассивность масс, их привычка все (и пряник, и кнут) получать от государства, «вождя» сохранились и едва ли не преумножились современным российским «капитализмом юрского периода», тогда как социальные гарантии, стабильность и самоидентификация с державой оказались тем же самым полу-капитализмом разрушены. Результат этого контрапункта – ностальгия по «отцу», который порядок обеспечит, хлеб гарантирует, самоуважение и смысл жизни вернет. Более того, превратив советского человека в винтик, сталинщина сделала его не-самостоятельным и слабым. Полу-авторитарный, полу-криминальный полу-капитализм последних двадцати лет эту несамостоятельность и социальное слабосилие большинства «рядовых» граждан только усилил. А такой индивид жаждет прислониться к силе. А иного символа ее, кроме Сталина, в новейшей истории нашей страны нет...

Во-вторых, распад СССР больно ударил по закономерной патриотической гордости граждан СССР своей страной. Плюс не точное с содержательной точки зрения, но поверхностно очевидное отождествле-

ние действительных (и ныне как никогда очевидных) достижений СССР с личностью вождя...

Так возникает вновь культ личности Сталина.

И это неслучайно.

Но это огромная угроза, с которой надо бороться последовательно, упорно и талантливо. Идеи побеждают только другие идеи. Тогда, когда они овладевают массами и становятся материальной силой. В конечном итоге, только успешная не-сталинская практика, последовательная реализация в нашей стране на деле и гражданских, и социальных прав человека могут обеспечить изживание сталинщины в умах и сердцах наших людей.

Что же до непопулярности Троцкого, то она связана с целым сонмом как объективных, так и субъективных причин.

На поверхности лежит очевидный факт: десятилетия лжи и дискредитации этого деятеля (причем как до, так и после распада СССР), замалчивание его действительной роли в революции и строительстве нового общества в СССР 20-х гг. и т. п. В результате Троцкого подавляющее большинство россиян не знает вообще, а большая часть того меньшинства, которое хоть что-то знает, «знает» преимущественно ложь.

Но глубже лежит более сложный комплекс параметров. Большинство даже из тех, кто знает, кто такой Троцкий и стоит на позициях демократии и социализма – сознательно, тех, кто почти ничего не знает, но тянется к не-сталинскому социализму – бессознательно, недолюбливает Троцкого за... недостаток того героизма и той гениальности, которые – без всякого ложного пафоса) единственно могли дать ВЕЛИКОЙ Октябрьской социалистической революции, ВЕЛИКОМУ подвигу большевиков и всех тех, кто отдавал жизни строительству социализма в нашей стране шанс на победу пусть слабой, пусть далеко не всегда последовательной, но реальной демократической социалистической траектории. У нас этот шанс был. Троцкий не помог ему стать реальностью.

Такого лидерам не прощают.

И это правильно.

Но это сильно мешает разворачиванию альтернативных сталинщине левых идей. Впрочем, и в этом случае только новое демократически-социалистическое движение на деле может доказать нашим согражданам, что будущее социального творчества нельзя связывать только с тем или иным именем того или иного лидера.

А. Сегрильо

**Онтология и идеал социализма
при Ленине, Троцком и Сталине:
три спорных вопроса**

В этой статье я постараюсь представить некоторые рассуждения о представлениях Ленина, Троцкого и Сталина об идеалах социализма и как эти идеалы могут осуществиться на самом деле. Я исхожу с того, что все трое серьезно работали над этой проблемой и предлагали разные варианты ее решения. Эта предпосылка важна потому, что они спорные государственные деятели и есть те авторы, которые отрицают серьезность и добрую волю этих деятелей. Это особенно касается Сталина. Хотя есть много антимарксистских критиков, которые упрекают всех троих в макиавеллизме, Сталин особо подвергается таким суждением, даже в марксистских кружках. Корректно ли это?

В этой статье я буду избегать такую постановку вопроса, потому что думаю, что она не в сути дела этой дискуссии. Революция 1917г. явилась таким мощным толчком в направлении социализма, который был вызван ее массовым характером и марксистским направлением, что отдельный человек не мог единолично влиять на ход этой истории против течения лишь личными свойствами макиавеллизма, грязными поступками, и тому подобное. Человек мог лишь решительно влиять на ход событий в качестве представителя общественных интересов или групп¹. Поэтому, вопрос был ли Сталин (или Ленин или Троцкий) лично (макиавеллистским) негодяем не будет затронут здесь. Поэтому будем исходить из того, что эти три деятеля представляли разные способы решения вопроса о том, как осуществить социализм на практике. Итак:

¹ В этой связи, как предположила Людмила Булавка, не Сталин построил сталинизм, а скорее сталинизм построил Сталина. Булавка Л. Alter ego российского либерализма //Альтернативы. 2010. № 2. С. 147.

Первый спорный вопрос: В чем суть сталинизма?

Такая постановка вопроса нуждается в упрощении. Сталинизм – это многосторонний феномен с проявлениями в разных областях. Здесь я сконцентрируюсь на том, что считаю главной сутью сталинизма в задаче осуществления социализма. Эта суть не в форсированной коллективизации или индустриализации. Форсированные (или по крайней мере сверхвысокие) темпы индустриализации были уже раньше предложены Преображенским и Троцким в середине 20-х гг. *Differentia specifica* сталинизма есть ответ, который Сталин дал на дилемму советского социализма с самого начала. Что делать, если социалистическая Революция произошла не в более развитой стране и она видимо не распространяется на другие страны? Материальной базы изобилия не существует и этот дефицит (при окружении враждебных капиталистических стран) порождает напряжение внутри системы и сложности на пути развития чисто демократическим путем. Ответом сталинизма на эти трудности было решение концентрировать силы революции на пути, предложенным именно одним вождем. Слово один здесь очень важно. Сталинизм предполагает, что большая опасность на пути всех предыдущих революций было разделение революционных сил в множественные, соперничающие между собой группы. По этому суждению, энергия революции может теряться и контрреволюционеры могут использовать раздробленность революционного лагеря и совершить контрреволюцию. Для того, чтобы предупредить такой поворот событий сталинизм считает, что революция может выжить только при таких условиях, когда не будет растраты сил, что гарантировано организованным подчинением одному (способному) вождю. И, несмотря на все проблемы, Сталин, казалось, был таким способным вождем, так как при выполнении первого пятилетнего плана он успел решить самые трудные основные задачи революции: частная собственность на средства производства исчезла, появилось центральное планирование и была создана сильная индустриальная база. Кроме того, после смерти Сталина в жизни общества наступила оттепель и разрядка напряженности во времена Хрущева. Казалось бы, что после очень трудных начальных времен при Сталине (похожие на «фазу террора» Великой Французской Революции), советская система могла себе позволить ослабление и войти в рельсы менее авторитарного пути.

В начале шестидесятых годов, после такого поворота событий и после запуска Спутника и полета в космос Гагарина, казалось бы, что сталинизм оправдал себя как самый адекватный путь для начальных стадий социализма при специфических советских условиях?

Предсказания Н. Хрущева в 1961 г., что СССР через 20 лет перегонит США экономически не оправдались. После бурных темпов роста валового внутреннего продукта в 30-е, 40-е, 50-е и (отчасти) 60-е гг., темпы развития экономики страны резко замедлилась до того, как потребовалась перестройка в середине 80-х гг., чтобы постараться обновить советский гигант. Что случилось? Почему экономическая ситуация так изменилась? Потому, что Сталин был таким хорошим хозяйственником и после его смерти все ухудшилось?

В своей книге «Падение СССР: анализ причин» (издана на португальском языке) и в статье «Особенности экономического развития СССР в период Научно-Технической Революции» (издана на русском языке)², я анализировал феномен замедления темпов развития экономики СССР. Используя способность центрального планирования концентрировать ресурсы страны в базовых (особенно нужных на начальных стадиях индустриализации) отраслях, советская система достигла хороших результатов в 30-е, 40-е, 50-е и (частично) 60-е гг. и по другой причине. В то время она конкурировала с развитыми капитальными странами (чтобы «догнать и перегнать» их) в условиях, когда самой передовой промышленной парадигмой организации труда был фордизм (система Форда). Фордизм был основан на эффекте экономии от масштаба, упор делался на количество, на вертикальный поток команд и информации (с четким разделением между планированием и управлением) и являлся довольно жестким.

Если анализировать основные принципы фордизма и основные принципы организации советской командно-административной системы, то можно заметить их общность. Обе системы являются довольно жесткими, делают упор на количество и отдают предпочтение вертикальному потоку информации и команд. Благодаря этим свойствам прослеживается некий симбиоз между социально-экономической системой СССР и фордизмом. Это помогало России «догнать» Запад в те времена, когда фордизм был, безусловно, самой передовой промышленной парадигмой на Западе (в 30-е, 40-е и 50-е гг.), темпы роста со-

² Segrillo A. O Declínio da URSS: um estudo das causas. Rio de Janeiro, 2000; Сегрильо А. Особенности экономического развития СССР в период НТР //Альтернативы. 1999. № 2. С. 157–161.

ветской экономики были очень высоки. СССР хорошо конкурировал с Западом при условиях, установленном фордизмом.

А ситуация изменилась с конца 60-х гг. Тогда появилось другие передовые парадигмы организации труда, именно те, которые Майкл Пайор и Чарльз Сейбл назвали системами гибкой специализации, главной из которых являлся тойотизм³. Тойотизм означает упор на гибкость и горизонтальный поток информации и команд, уделяя огромное внимание фактору качества в процессе производства. А жесткая, основанная на вертикальном потоке команд и информации с упором на количество, советская система имела большие трудности в ее соревновании с Западом при новых «правилах игры» во время гибкой специализации и информационной революции.

Итак, в отношении вопроса, какая самая влиятельная сторона деятельности Сталина связана с осуществлением его идеалов социализма, – я вижу ответ не в форме (и даже не в результатах) его экономического хозяйствования, а в его предложении как построить социализм при низком уровне развития производительных сил – предельно авторитарная система для осуществления социализации средств производства и индустриализации страны сильным путем и железной дисциплиной.

По этому суждению не только в Русской Революции, а исторически в революциях вообще революционные силы должны сохранять единство (даже искусственным путем единого «большого вождя»), чтобы избежать контрреволюции. Так как предложенный Сталиным социалистический путь казалось, был на правильном пути (отмена частной собственности путем централизованного планирования первых пятилеток), многие и принимали такую логику развития событий.

Пример Е. Преображенского образно показывает, как трудно было избегать такую парадигму внутри СССР. Когда Сталин вернулся к раннее предложенному Преображенским пути сверхвысокой тяжелой индустриализации, Преображенский сам, хотя он и отвергал деспотические черты сталинизма, ради единства революционного движения, согласился сотрудничать со Сталиным в первой Пятилетке.

Abusus non tollit usum! И это может быть есть суть трагедии противоречий сталинизма.

³ Piore M., Sabel C. *The Second Industrial Divide: possibilities for prosperity*. New York, 1984.

*Второй спорный вопрос:
Какие самые главные вклады Ленина
в осуществлении социализма в России?*

Ленин умер на начальной стадии построения социализма в СССР и не мог участвовать в решении дальнейших проблем его строительства. Хотя в своих работах он указал на перспективы в будущем, мне кажется, что его самые влиятельные вклады были в области завоевания власти в России с социалистической точки зрения. Ведь дореволюционная Россия не была среди самих передовых капстран, пролетариат и социалистические партии ее относительно малочисленны и политические репрессии очень большие. Как завоевать (и потом сохранить) власть в таких условиях?

Среди основных вкладов Ленина в успешный социалистический захват власти в России были: 1) необходимость **союза рабочих и крестьян** в условиях гегемонии рабочего класса через коммунистическую партию для проведения революции в отсталой стране; 2) идея **демократического централизма** в партии (в том, что все члены партии были обязаны следовать за решениями, принятыми в партии при условии, что свободные обсуждения исчерпаны. Кроме того, нижние чины должны дисциплинированно следовать верхним эшелонам). 3) мысль, что социалистическая революция, в зависимости от обстоятельств, может быть достигнута **вскоре** после буржуазно-демократической революции, вместо того, чтобы была целая эпоха между ними.

Вооруженная этими методами большевистская партия имела железную и последовательную дисциплину, необходимую не только для захвата государственной власти, но и сохранения ее при трудных условиях гражданской войны и послереволюционного периода вообще.

Ленин умер в 1924 г. Ставится вопрос – а если бы он жил дольше? Согласился бы с путями, предложенными Сталиным? Это важный вопрос потому, что некоторые антиленинские авторы соглашаются с сталинистами, что сталинизм – это продолжение ленинизма, а не его отрицание.

Есть некоторые признаки, которые указывают на то, что Ленин предложил бы другой путь. Прежде всего, есть так называемое «завещание» Ленина (письмо к съезду оглашено в 1924 г. перед XIII Съездом РКП(б) Н.К. Крупской), в котором Ленин предложил отстранить Сталина от должности Генсека из-за «грубости» по отношению к товари-

щам. Кроме того в «завещании» Ленин указал на конкретные меры, чтобы избежать бюрократизации партии⁴.

Проблема бюрократизации партии, государства и советского общества вообще много волновала Ленина в последние годы его существования и он много размышлял и писал об этом. Его последние статьи полны тревожных размышлений об этой проблеме. Особенное внимание нужно уделять статьям «О кооперации» (4–6 января 1923г.) и «Как нам реорганизовать Рабкрин» (23 января 1923г.)⁵

В статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» Ленин размышлял о тенденции к бюрократизации в советском обществе и предложил улучшить прямой рабочий контроль над государственными органами.

А в статье «О кооперации» Ленин очень открыто защитил роль кооперативов при строительстве социализма в России: «В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. – разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую, с известной стороны, имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»⁶.

Борьба с бюрократией через прямой рабочий контроль. Усиление кооперации в нэпе как метод построения социализма в России. Этот рецепт сильно отличается от того, что будет позже осуществлено ста-

⁴ Ленин В.И. Письмо к съезду, 23–26 декабря 1922г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343–346; Ленин В.И. Добавление к письму, 4 января 1923 г. // Там же. С. 346–348.

⁵ Ленин В.И. О Кооперации. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369–377; Как нам реорганизовать Рабкрин // Там же. С. 383–388.

⁶ Ленин В.И. О Кооперации // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370.

линизмом. Поэтому есть повод предположить, что если бы Ленин жил дольше, путь Советского Союза мог бы быть иным.

Третий спорный вопрос: Какая важная заслуга Троцкого в мировой социалистической революции?

Заслуги Троцкого в русской революции очевидны. Он был председателем революционного Совета столицы России и в 1905 г. и в 1917 г., таким образом имея центральное влияние на ход революции. На посту наркома по военным и морским делам организовал и привел к боеспособности Красную Армию, и т. д. Как теоретик он внес важный вклад в изучение революционных перспектив в России и в мире, особенно с его «законом» неравномерного и комбинированного развития и теорией перманентной революции⁷. Но Троцкий был изгнан из России еще в 1920-х гг. и не мог осуществить реальное влияние на дальнейшее построение социализма в России. А так как он не смог строить Интернационал, способный конкурировать на равном уровне с коммунистическим движением Сталина, он фактически ограничен в своих возможностях влиять на ход мирового коммунистического движения. Итак, каков важный вклад Троцкого в построение социализма в мире? Я говорю именно «в мире» потому, что Троцкий сознательно делал акцент на мировую революцию в отличие от узкой русской революции.

Я думаю, что главный вклад Троцкого именно в том, что он постоянно обращал внимание на то, что социалистическая революция – это явление международное. Она может начинаться на национальном уровне, но ее стратегия должна всегда иметь в виду интернациональную перспективу и ориентироваться на нее. Национальная перспектива важна и она должна быть интегрирована с интернациональной – если она одна, изолирована, тогда тенденции к бюрократизму и узкому национализму могут охватывать социалистические начала.

Мне кажется, что Троцкий также осознавал проблему уровня производительных сил (экономического базиса) как ограничение возможностей уровня развития надстройки, не впадая в фатализм и детерминизм взглядов меньшевиков. До Сталина Троцкий, вместе с Преображенским, предлагал увеличить темпы индустриализации в СССР. Эта забота об увеличении уровня производительных сил также

⁷ Trotsky L. The History of the Russian Revolution. New York, 1932; Trotsky L. La Revolution Permanente. Paris, 1972.

объясняет колебания Троцкого при начале нэпа. К концу гражданской войны Троцкий предложил продолжение и углубление милитаризации труда как способ перестройки военного коммунизма в высшую систему производства, не теряя его коллективной природы⁸. Когда предложение о милитаризации труда было отвергнутое партией в 1921 г., Троцкий «перешел улицу» и принял предложения Ленина о нэпе – увеличения производства через предпринимательства крестьян с уплатой налогов, и т. д.⁹ Эти две противоположные позиции не обязательно противоречивые. Троцкий считал, что надо идти по одному из этих двух путей потому, что они могут работать по их логикам – хуже и менее эффективно было бы колебаться между ними.

Может быть и из-за этой его постоянной заботы об эффективности производства и увеличения производительных сил Ленин в его вышеупомянутом «завещании» упрекал Троцкого «быть чрезмерным увлечением чисто административной стороны дела»¹⁰. Но по опыту горбачевской перестройки, когда много русских (и иностранцев) начали критиковать уровень производительности советской системы как безнадежно отсталой по сравнению с развитыми капитальными странами, мы узнали, что эти «чисто административные» стороны дела также очень важны для легитимности социализма как высшей формы экономической организации общества.

Заключение

Ленин, Троцкий и Сталин внесли многосторонний вклад в разные области социалистической теории и практики. Когда мы рассмотрим их главные вклады в особую сферу осуществления на исторической практике социалистического идеала, тогда мы увидим, что есть некая «дополнительность» между их деятельностью. Такие ленинские методы как демократический централизм, союз рабочего класса с крестьянами и т. п. позволили социалистический захват власти при сложных условиях России. Методы Сталина, несмотря на все их абстрактные аспекты, дали толчок экономике СССР на пути к преодолению частной собственности и к централизованному планированию. А теоретические замечания Троцкого представляют важную критику иска-

⁸ Девятый съезд Российской Коммунистической Партии (29 марта– 4 апреля 1920 г.). Стенографический отчет. М., 1920. С. 162–163, 361.

⁹ Одиннадцатый Съезд РКП(б), марта–апрель 1922 г. М., 1936. С. 284–290.

¹⁰ Ленин В.И. Письмо к съезду. 23–26 декабря 1922г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.

жений сталинизма. Они как-то дополняют друг друга. А это важно потому, что не всегда идеалы осуществляются на практике в полном виде. Часто бывает, что они первоначально появляются в искаженной форме, а потом развиваются по более приемлемым (но иногда также неожиданным) путям. Французская революция прошла через фазу террора и бонапартизма, до того как капитализм гораздо позже получил более «цивилизованные» и приемлемые черты во Франции. Может быть, искажения социализма в СССР и других соцстранах, особенно при сталинизме, представляют собой социалистический эквивалент фазы террора в истории капитализма. А может быть, социалистический эквивалент Термидора должен рассматриваться также в глобальном масштабе. Часто говорят, что социализм на практике умер. Но получается ироническая ситуация. Когда мы смотрим какие страны быстрее экономически растут в постсоветской эпохе, тогда получается две коммунистические страны: Китай и Вьетнам! И это при условиях, когда капстраны впадали в глубокий кризис в 2008 г. и они сами признали, что Китай, с ее огромной контролируемой государством экономикой, играл важнейшую роль как опора для преодоления кризиса.

А некоторые могут сразу возразить, что Китай (и Вьетнам) больше не являются социалистическими странами, а капиталистическими, из-за того, что у них сейчас используется частная собственность в больших масштабах. Но частичное возвращение к частной собственности и свободному предпринимательству при нэпе совсем не означало, что СССР вернулся к капитализму в 1920-х гг. Может быть, после сегодняшнего «Термидора», из труднейшей и сложной кризисной ситуации в капстранах вместе с экономическим динамизмом соцстран как Китай и Вьетнам, создастся положение, когда может осуществиться движение к новому социалистическому обществу, которое используя уроки прошлого опыта СССР, может преодолеть тогдашние искажения социалистических идеалов и осуществить на практике социалистическую систему, которая будет демократичной и сочетать в себе самое лучшее из рыночного и планированного начал в форме высшего синтеза.

О Oriente orienta!

Л.А. Булавка

*Оптика сталинизма: эффект ослепления
(alter ego постсоветского либерализма)*

СССР... Этого государства на карте мира нет уже почти двадцать лет.

Но тема СССР в прошлое так и не уходит.

За последние годы, казалось бы, из архивных запасников вытащили уже все секретные документы, и неизвестные ранее факты стали известны. Расставлены исторические оценки, выявлены различия общественных позиций, отточены основные аргументы и дискуссионные приемы.

Тема исчерпана.

Исчерпана ли?

Почему же тогда интерес к ней не только не угасает, но и заметно растет?

Только ли в связи с хроническим обострением идейного противостояния в обществе по поводу нашего прошлого?

Нет. Не только. Есть нечто такое, что, уйдя в подполье еще во времена поздней советской реальности и не попав под завалы распавшегося СССР со всем последующим лихолетьем, не только не погибло, но и продолжает сохраняться там до сих пор. А возможно, уже и начало вновь выходить на поверхность, набирать жизненные соки и силу. Это еще не подземные толчки истории. Это лишь редкие пульсы ее скрытых токов. Но даже они рождают у истеблишмента и его либеральных адептов невнятное беспокойство по поводу будущего, которое заставляет их вновь и вновь обращаться к теме СССР. Более того, интерес к этой теме у противоборствующих идейно-политических сторон постсоветской России вызван еще и беспокойством, идущим от неразрешенности каких-то своих собственных методологических и идейно-теоретических проблем.

Практика общественных дискуссий о социальной природе советской системы на протяжении последних десятилетий выявила одну постоянную величину – из всех этапов ее истории наибольший инте-

рес и наибольший полемический накал до сих пор вызывает именно сталинский период. Причем такое предпочтение характерно как для либералов, так и для консерваторов – и не только левых (сталинистов), но и правых. Налицо и еще одна константа: внимание к сталинскому периоду и у сталинистов, и у либералов вызвано не столько самой темой сталинизма, сколько фигурой Сталина – достаточно взглянуть на предметный и именной указатели книг, написанных на сей счет, чтобы убедиться в этом.

И здесь – важное принципиальное сходство между постсоветскими сталинистами и либералами.

Сталинский период – общность предпочтений

Понятно, что подобное сходство не отменяет различия между ними в содержательной стороне такого интереса. Но оно далеко не случайно. Для этого сходства предпочтений есть веские причины.

Во-первых, включение в названную тему дает возможность хотя бы в идеальных формах (и без риска для жизни) приобщиться к не мелочной, не фарсово-интриганской, а крупномасштабной истории и в этом приобщении хоть как-то оценить себя, собственное значение. Ведь даже самые ярые либералы понимают, что деньгами человека можно испытать, но не измерить.

Во-вторых, история сталинского периода с ее мощнейшими противоречиями не может не искушить исследователя своим научным вызовом.

В-третьих, выход на фигуру Сталина дает возможность сократить радиус приближения и приобщения (хотя бы через сферу идеального – оно к тому же и безопаснее) к тому, кто сам являл собою символ абсолютной власти, то есть в некотором роде – как бы к богочеловеку. Любопытно, но для либералов, как и для сталинистов Сталин – символ силы, а с этим либералы считаются независимо от своего личного отношения к нему.

Кстати, какой персонаж из «Мастера и Маргариты» вызывает у современных поклонников этого романа наибольший интерес? Мастер? Маргарита? Как бы не так. Воланд – тот, кто символизирует силу власти над другими, а какова при этом природа такой власти – это уже не столь для них важно.

В-четвертых, история сталинского периода притягивает своей драматургией – столь богатой, что целого Союза советских шекспиров мало, чтобы подать ее во всей полноте. А без драматургии лично-

го бытия даже автобиографию не заимеешь, разве что только номера банковских счетов.

В-пятых, приобщение к этой теме хотя бы задним числом позволяет свести счета с советским прошлым. А счета эти так и не сведены. И не только в политике, но и в культуре. Быть может, в культуре – прежде всего.

***Соцреализм: антиподы сталкиваются,
пяться друг к другу спинами***

Пытаясь доказать несостоятельность идей социализма (и одновременно отрицая ленинский принцип партийности в искусстве), некоторые продвинутые либералы поступают совершенно правильно, когда основные контраргументы изыскивают на поле культуры, а не идеологии, ибо культура – незамутненное идеологическими симулякрами alter ego любой социально-политической системы. И это первый правильный шаг таких либеральных исследователей.

Их второй правильный шаг заключается в том, что они рассматривают культуру на уровне не только ее манифестов, но и их практического воплощения.

И далее они делают третий – самый важный и самый верный – шаг, когда основное исследовательское внимание обращают на то, что составляет суть любой культуры, – на ее художественный метод. Вот почему тема социалистического реализма (соцреализма) до сих пор остается в поле внимания серьезных либеральных авторов, из-под пера которых за последнее время вышло немало интересных работ с богатым фактологическим материалом и любопытными исследовательскими ходами.

Но вот далее... Далее они делают ход, который выявляет ахиллесову пяту либеральной методологии анализа соцреализма. И с этим важно разобраться повнимательнее. обстоятельно описывая художественную практику советского (прежде всего – сталинского) периода, они (невольны?) выделяют из нее только образцы официально-казенного искусства – то, что я бы назвала официально-соцреализмом, иллюстрируя все это редкими, но интересными фактами (и с подобной иллюстративной задачей они справляются лучше, чем иные их оппоненты). Все феномены советской культуры, не подпадающие под такое заранее установленное клише, они (опять же невольно?) не видят или в лучшем случае не относят к соцреализму.

Глубочайшее противоречие между навязываемой извне официозной формой соцреализма и его имманентной устремленностью преодолеть существующие формы отчуждения – такое противоречие либеральные исследователи соцреализма не видят, не могут видеть. И потому: закостенело-бюрократические превратные формы метода они выдают за его имманентно-противоречивое живое содержание.

Эта вовсе не умышленная подмена, это аберрация, и она не случайна: мировоззренческая оптика либеральных исследователей, как правило, не позволяет увидеть два разных, более того – два противоположных качества соцреализма, различить его превратную форму и подлинное содержание.

Правда, тут вполне справедливо возникает вопрос: а что, разве было два соцреализма – плохой и хороший? И чем же в этом случае хороший (творчески-романтический) соцреализм отличался от плохого (официозного)?

Для начала замечу: если существуют превращенные формы какого-то феномена, то это означает, что есть и его подлинное содержание, по отношению к которому эти превращенные формы выступают его производными. Следовательно, проблема может быть несколько уточнена: метод навязывания культуре идеологических канонов – это и есть весь соцреализм или же это все-таки превращенная форма гораздо более богатого, нового для XX в. художественного метода? И разве портреты вождей Дмитрия Аркадьевича Налбандяна и «Будущие летчики» Александра Александровича вышли из одного и того же соцреализма?

Отвечая на этот вопрос, автор выдвигает идею двойственной природы соцреализма, как, впрочем, и всей советской культуры. Эта двойственная природа советской культуры была обусловлена противоречивостью общественной природы самой советской системы как системы переходных отношений, что, в свою очередь, задавало и два прямо противоположных вектора развития общества и человека в СССР. С одной стороны, это освобождение от господствующих форм отчуждения, с другой – порабощение отчужденными (в том числе и специфически-советскими) формами. Оба вектора развития существовали не изолированно друг от друга, а в теснейшем диалектическом и антагонистическом переплетении. И вот в этом-то вся трагедия – и одновременно драматургичность – характерного для СССР бытия художника и советской культуры.

Мера и характер разрешения онтологического конфликта этих двух направлений как раз и определяли меру подлинности или превращенности соцреализма как художественного метода.

Одним словом, соцреализм, с одной стороны, был методом реального разотчуждения, т. е. методом творческого освобождения от отчуждения в сфере идеального, причем в хронотопе – здесь и сейчас, а с другой – средством усиления господствующей формы власти (культы Сталина), а значит, подавления советского человека как гражданина и художника.

Сущность же творческого соцреализма заключалась в ином. Генетически рождаясь из классового подхода, этот метод, однако, как никакой другой, нацелен на диалектическое снятие классовости в мире культуры. То есть соцреализм – это метод диалектического снятия идеологии (как отчужденной формы общественного сознания, в том числе идеологии как формы классового духовного производства) в неотчужденные отношения мира культуры. Вот почему соцреализм был и остается методом снятия идеологии в культуре. И это было не бегство от идеологических противоречий, а именно диалектическое снятие, т. е. преобразование их в постклассовую форму, каковой и является подлинная культура. Именно поэтому соцреализм становился методом рождения культуры, открытой в будущее и являющейся достоянием всего мира (творчество Эйзенштейна, Маяковского, Дзиги Вертова и др.).

Именно то обстоятельство, что соцреализм – это метод трансформации классовой идеологии (идей) в художественную культуру (художественные образы), то есть метод перехода из «царства необходимости» в «царство свободы», как раз и определяет искусство соцреализма как искусство переходного типа. Вот почему оно отражает не наличное состояние действительности, а само движение ее перехода из одного состояния в другое на пути становления своей родовой сущности. И именно само движение, сам этот переход (его образ, качество и характер) становятся критерием художественной состоятельности произведения.

С точки же зрения метафизика, воспринимающего действительность как некий неизменный абсолюте, господствующий над индивиду, искусство соцреализма неприемлемо уже хотя бы по одной этой причине. Для метафизика нет ни противоречий, ни их снятия, ни перехода, ни диалога, ни метода разотчуждения. Не видя и не чувствуя живых токов жизни и ее противоречий, метафизик-наблюдатель, скользя по поверхности, замечает лишь внешние формы, и потому

соцреализм для него – это некий искусственно созданный идеологический конструкт, отвечающий интересам политической власти.

Но, анализируя проблему соцреализма, нельзя забывать и о другом феномене, к которому он не сводим, но с которым связан. Речь идет об официозном соцреализме как одном из проявлений превращенных форм этого метода. Для его появления были более глубокие основания, главным из которых стало нарастание сталинистско-бюрократических тенденций в 1930-е годы, что постепенно привело к вырождению и социального творчества, и его субъекта. Сущность сталинизма проявлялась не только в политических формах советской реальности, не только в ГУЛАГе. Корни проблемы лежат глубже – в области соотношения конкретно-исторического и родового человека, в культурных эманациях эпохи. И дело здесь не в идеологической риторике. Вот почему проблема творческого метода (разотчуждения), по-прометеевски талантливо и дерзко заявленная большевиками как принцип бытия в истории, уже в 1930-е гг. стала ахиллесовой пятой сталинизма. Соответственно такой феномен, как социалистический реализм, не мог не отразить этих процессов.

Официозный соцреализм – это вытеснение художественных критериев искусства критериями формально-идеологическими. Это подмена проблемы общественной позиции художника вопросом его политической и служебной лояльности к внешнему канону и задающему такой канон госпартхудначальству. Это тематический диктат по отношению к художнику обязательность партийного подхода; диктат схоластики и догматизма над реальностью;

Так что же все-таки предопределило появление превращенных форм соцреализма? Чаще всего звучит такой ответ: советская власть провозгласила этот метод для осуществления своего контроля над художником и его творчеством. Кроме того, этот метод отвечал ментальному коду советской системы, прежде всего – тоталитарной сталинской системы 1930-х гг.

Одной из важнейших предпосылок возникновения официозного соцреализма является отрицание диалектики. В концепте официозного соцреализма понятие «противоречие», как правило, рассматривалось не как проявление объективных законов общественной практики индивидов, а как следствие привнесения их в советскую реальность некими чуждыми, вражескими силами.

Надо сказать, что подобный сталинистский подход с удивительной точностью воспроизводят сегодня современные либеральные критики советской системы вообще и советской культуры в частности:

вопрос противоречий советской системы они сводят к вопросу злодеяний вредителей (теперь уже большевиков), преступно сломавших логику цивилизационного пути развития России.

В любом случае и сталинисты, и либералы одинаково игнорируют не только проблему противоречий общественного развития СССР, но и значение практики их разрешения (социальное творчество), со всеми ее ошибками и победами. И это еще одно сходство постсоветских сталинистов и либералов.

Теперь попытаемся показать природу возникновения превращенных форм соцреализма. Понятие «противоречие» и тем более – «противоречия социализма» – в парадигме официального соцреализма утверждалось и воспринималось лишь как что-то враждебное социализму. Реально в общественном сознании шло избавление от этого понятия. Вот он, наглядный идеализм от сталинизма: вместо того чтобы разрешать реальные противоречия, он начинал бороться с понятиями. Результатом этого стала трансформация социального творчества с его идеей освобождения мира от насилия рабских форм бытия в теологическую модификацию социализма (сталинизм), которую Александр Бугалин называет мутантным социализмом.

Так на смену диалектическому материализму большевизма приходил метафизический идеализм сталинизма. Сначала понятие «противоречие» (понимаемое как субъективное по происхождению и диверсионное – по характеру действие антисоциалистических сил) обрело свое персонифицированное выражение в лице очередных «вредителей» или «врагов народа». Далее умысел отождествлялся с вредительством как неким уже свершенным действием, и уже затем начиналась настоящая расправа с «вредителями» – как политическая, так и физическая.

Такая тенденция экстраполировалась и в область культуры: художник, показывавший в своем искусстве противоречия советской действительности, по отношению к идеологическому канону официального соцреализма выступал не иначе как вредитель. Именно такой подход и лежал в основе официального соцреализма, обретая свое оформление через ждановско-сусловские вердикты и интерпретации советского искусства.

Так видимое снятие противоречий (а в действительности – их подавление) становилось важнейшей предпосылкой появления и воспроизводства официального соцреализма, что с неизбежностью порождало формализм, уродовавший и творческие интенции художника, и его произведения, и его личность.

Еще раз подчеркнем: если метод творческого соцреализма предполагает раскрытие противоречий реальности через их разрешение, причем, в хронотопе – здесь и сейчас, то искусство официозного соцреализма, наоборот, пытается освободиться от них, получая в конечном итоге искусство, очищенное от противоречий жизни.

В логике официозного соцреализма именно устранение (видимое снятие), а не разрешение противоречий рассматривается как верный путь к созданию идеального, то есть очищенного от противоречий, образа реального социализма. В этой очищенности искусства от примесей (противоречий) жизни якобы и заключается его художественная правда и идейная выдержанность. И уже затем такой очищенный от противоречий образ действительности выдавался за некий канон художественного мировидения, который в свою очередь становился надындивидуальной субстанцией, политически подавлявшей художника.

Но не только. Этот канон являлся не только начальным (из него творец должен был исходить), но и одновременно конечным (на него ему надлежало ориентироваться) пунктом того, что следовало считать художественным процессом. В итоге конечным результатом творчества должен был быть исходный образ (канон). Это прямое и формальное тождество начала и конца одного и того же процесса как раз и делало лишним то, что должно было их диалектически соединять в единое целое, то есть сам творческий процесс. Вот почему искусство официозного соцреализма, объективно отвергая процесс творчества, не могло не быть лишено жизни, внутреннего движения, энергии, выражая собою лишь символические знаки отчужденных отношений.

Если ГУЛАГ стал памятником неспособности сталинского режима разрешать реальные противоречия истории, то официозный соцреализм – памятник такого же бессилия, но уже в области культуры.

Замыкание советской культуры исключительно на ее превращенных формах оказывается принципиально значимым: для постсоветских либералов, согласно их мнению, идеи социализма давно доказали свою историческую несостоятельность, осталось только доказать их культурно-эстетическую недееспособность. И здесь официозный соцреализм выступает одним из самых мощных аргументов.

Но пытаясь доказать такое тождество, постсоветские либералы попадают в собственные ловушки: они не столько высвечивают художественную несостоятельность соцреализма, сколько в своей беспомощности понять его латентную диалектичность обнаруживают свою методологическую общность со сталинистами.

Во-первых, эта общность проявилась в том, что и те и другие не видят принципиальной разницы между сущностью соцреализма и его превратными формами. И для тех и для других это неразличимые, более того – тождественные понятия.

Во-вторых, предметом критики и тех и других являются не сами действительные противоречия метода, которые надо вскрывать и показывать, а их собственные, а по сути – превратные представления о соцреализме.

В-третьих, и те и другие демонстрируют доктринальное отношение (апологетика или негация – это не столь важно) к понятию «соцреализм», затрудняющее и без того сложную проблему его методологического осмысления.

Впрочем, у них есть и формально-логическое различие: если сталинисты утверждают официальный соцреализм как подлинный соцреализм, то либералы утверждают обратное – подлинный соцреализм есть не что иное, как официальный соцреализм, и другим он быть не может.

Итак, мы видим, что и те и другие, утверждая тождество критического соцреализма и его превратных форм, по сути, быют по одному и тому же положению, но только с разных концов – и это различие уже непринципиальное. Они все более сближаются в своей методологии и теории, двигаясь по одной метафизической прямой, но сближаются, пятясь спинами друг к другу.

Сталин как символ субстанции бытия

Мне ни разу не доводилось видеть художественный образ Сталина в советском изобразительном искусстве, который был бы абсолютно свободен от канонического влияния официального соцреализма. Как правило, над каждым его образом всегда довлел диктат символического прочтения.

Такой образ вождя обычно являл собой не столько результат непосредственно-художественного видения, сколько представление его автора о каноническом образе Сталина в господствующих гештальтах художественного сознания того времени. Связь между художником и действительностью, искрящее замыкание которых как раз и рождает художественный образ, здесь утрачивала свой непосредственный характер: между ними вставал довлеющий и над художником, и над образом вождя императивный канон, указующий, как надо видеть и изображать «лично Самого». И в этом случае и художник, и сама реальность вступали в отношения друг с другом не прямо, а опосредованно

– через канон. Так образ вождя, пройдя это двойное абстрагирование (представление о представлении) и утрачивая свою исходную конкретность, объективно превращался в абстракцию – символическую по содержанию, схематичную по форме.

Логика официозного соцреализма, в лоне которого как раз и родился Сталин как символ субстанции бытия, задавала прямо противоположное диалектике восхождения от абстрактного к конкретному движение – от конкретного к абстрактно-общему. Более того, обретая значение абсолюта, эта новая (созданная художником) модификация канонического образа вождя в конечном итоге становилась неким предельным понятием, ни к какому другому понятию уже не сводимым.

Наоборот, теперь все другие понятия сводятся к нему и сходятся в нем. Как предельное понятие данный образ (вождя) становился исходным и одновременно конечным пунктом всего сущего, а их формальное тождество как раз и делало его основой, вершиной и центром всего этого сущего. Вот почему символ Сталина в сталинский период воспринимался главным образом как субстанция всего и вся, то есть как искосе едва ли не божественное начало.

Одним из примеров такого восприятия может послужить дневниковая запись Корнея Чуковского от 22 апреля 1936 г., которую приводит в своих мемуарах известный литературовед Эмма Герштейн:

«Вчера на съезде (ВЛКСМ) сидел в 6-м или 7-м ряду. Оглянулся: Борис Пастернак. Я пришел к нему, взял его в передние (рядом со мной было свободное место). Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов и Сталин. Что сделалось с залом! А ОН стоял, немного утомленный, задумчивый, величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое. Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его – просто видеть – для всех нас было счастьем. К нему все время обращалась с какими-то разговорами Демченко. И мы все ревновали, завидовали, – счастливая! Каждый его жест воспринимался с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства. Когда ему аплодировали, он вынул часы (серебряные) и показал аудитории с прелестной улыбкой – все мы так и зашептали: «Часы. Часы, он показал часы», – и потом, расходясь уже возле вешалок, вновь вспоминали об этих часах. Пастернак шептал мне все время о нем восторженные слова, а я ему, и оба мы в один голос сказали: «Ах,

эта Демченко заслоняет его (на минуту)». Домой мы шли вместе с Пастернаком и оба упивались нашей радостью»¹.

Еще более значимым примером проявления этого ослепленного сознания является реакция Татьяны Максимовны Литвиновой – дочери бывшего наркома иностранных дел и жены скульптора Ильи Слонина на приведенный выше рассказ Корнея Чуковского:

«Когда я в дневнике К.И. Чуковского читала об их искренней любви к «вурдалакам», я подумала – ведь это истерика. И еще: подо всем этим все же был страх – «страх Божий». Сужу по себе, по своему впечатлению, когда – единственный раз – слышала и видела Сталина, выступавшего на съезде (1936?) по поводу Конституции. Я его обожала! Власть – всевластность – желание броситься под колесницу Джаггернаута. Отец, Бог – полюби меня!»²

Так что не только сталинисты попадали под власть этого ослепления. Впрочем, можно ли говорить о власти ослепления применительно к таким крупным художникам, как Мандельштам, Пастернак, Булгаков, которых сегодня подают исключительно как беспомощных жертв сталинского режима? Да, их могли не печатать (что действительно бывало), но представить, чтобы кто-то, даже сама власть, могла заставить их творить под диктовку, – это кажется почти невозможным.

Но как тогда объяснить следующие факты?

Осип Мандельштам пишет «Оду Сталину».

После долгого перерыва Михаил Булгаков берется за пьесу о Сталине («Батум»), в основу которой он хотел положить события батумской стачки рабочих 1902 года. В книге Виталия Виленкина можно найти такие воспоминания: «Хмелев пишет жене Н.С. Тополевой: «Был у Булгакова – слушал пьесу о Сталине – грандиозно! Это может перевернуть все вверх дном! Я до сих пор нахожусь под впечатлением и под обаянием этого произведения. <...> Утверждают, что Сталина должен играть я. Поживем – увидим. Заманчиво, необычно, интересно, сложно, дьявольски трудно, очень ответственно, радостно, страшно!»³

В связи с кончиной Надежды Аллилуевой тридцать три писателя написали сочувственное письмо Сталину, которое было опубликовано 17 ноября 1932 г. в «Литературной газете». Борис Пастернак это письмо не подписал, а приложил отдельную записку со следующим тек-

¹ Герштейн Э. Мемуары. М., 2002. С. 463

² Там же. С. 487

³ Виленкин В. Я. Воспоминания с комментариями. М., 1982. С. 382.

стом: «Присоединяюсь к чувству товарищей. Накануне глубоко и упорно думал о Сталине, как художник – впервые. Утром прочел известье. Потрясен так, точно был рядом, жил и видел»⁴. И уже 18 ноября в «Правде» было помещено письмо Сталина в редакцию «Литературной газеты» с общей благодарностью.

1 ноября 1936 г. в «Известиях» был опубликован стихотворный цикл Бориса Пастернака, посвященный Сталину.

Что за всем этим – в действительности? Вопрос сложный.

Но в поисках ответа на него не стоит забывать, что значение художника измеряется не тем, насколько он остается не запятнанным противоречиями своей эпохи, а тем, насколько он, проживая их и в них, пытается разобраться и разрешить их. Такой художник сам вырастает до понимания противоречий своего времени, иногда опережая его, иногда идя в ногу с ним.

Любопытно, что если подчинение человека ослепляющей власти сталинизма носило характер массового действия, то освобождение от этой формы отчуждения, как правило, имело сугубо индивидуальный характер. Вот почему высвобождение от этого внутреннего ослепления Сталиным проходило у каждого через свою трагедию. У Пастернака, например, через гибель его грузинских друзей – поэтов Тициана Табидзе, Паоло Яшвили и др.

В связи с этим не могу не упомянуть размышления и признания Константина Симонова, который имел мужество проживать противоречия своей эпохи и честность не казаться умным и мудрым задним числом, а брать на себя ответственность за свое время:

«Невозможно писать роман о Великой Отечественной войне, не упоминая там, где исторически необходимо, имени Сталина. <...> Больше того, я думаю, что весь трагизм этой темы можно показать, лишь если дать всю силу контраста между тем, что мы знаем о Сталине сейчас, и тем, что подавляющее большинство людей знало о нем тогда, в годы войны; между теми чувствами, которые мы испытываем сейчас, и теми чувствами, которые в силу незнания подлинных фактов испытывало громадное число людей тогда. Без этого контраста, данного в полных его масштабах, не будет ни подлинной трагедии, ни полного историзма»⁵.

⁴ Герштейн Э. Мемуары. М., 2002. С. 459

⁵ Симонов К. Из переписки //Сегодня и давно. М., 1978. С. 636.

«Он (Сталин. – Л.Б.) был человек страшный и великий, великий и страшный, и <...> говоря о нем, не приходится забывать ни того, ни другого. <...> К этому взгляду я пришел постепенно, и в выработке его сыграл большую роль Двадцатый съезд, который я считаю важной и необходимой вехой в истории нашего общества и одним из самых значительных событий на протяжении моей жизни»⁶.

«Я считаю, что наше отношение к Сталину в прошлые годы, в том числе наше преклонение перед ним в годы войны <...> это преклонение в прошлом не дает нам права не считаться с тем, что мы знаем теперь, не считаться с фактами.

Да, мне сейчас приятнее было бы думать, что у меня нет таких, например, стихов, которые начинались словами: «Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас...», но эти стихи были написаны в сорок первом году, и я не стыжусь того, что они были тогда написаны, потому что в них выражено то, что я чувствовал и думал тогда, в них выражена надежда и вера в Сталина. Я их испытывал тогда, поэтому и писал. Но с другой стороны, все, что мы знаем теперь, обязывает нас переоценить свои прежние взгляды на Сталина, пересмотреть их. Этого требует жизнь, этого требует правда истории»⁷.

Тема внутреннего разрыва со Сталиным нашла свое отражение и в выдающемся романе Константина Симонова «Живые и мертвые», который мой отец, закончивший войну в качестве фронтового разведчика в неполные семнадцать лет, назвал одной из самых честных книг о войне.

Упомяну лишь одну сцену внутреннего прощания генерала Серпилина со Сталиным:

«Серпилин вдруг близко, вплотную увидел безжалостно спокойные глаза. Увидел эти глаза и вдруг понял то, о чем до сих пор боялся думать: жаловаться некому»⁸.

* * *

Эффект ослепления Сталиным имел вовсе не метафизические корни. Наряду со многими негативными предпосылками была еще одна, но уже положительного свойства. Она была связана с тем, практи-

⁶ Симонов К. Из переписки //Сегодня и давно. М., 1978. С. 326.

⁷ Там же.

⁸ Симонов К. Живые и мертвые. Собр. соч. Т. 5. С. 693–694.

ка социального творчества 1920-х гг. пробуждала у революционного индивида самосознание себя как творца истории.

Но для укрепляющегося сталинизма идея субъектного бытия в истории, равно как и идея социального творчества были чужды в принципе. Тем не менее, даже сталинизм не мог игнорировать идею субъектности – слишком мощным был энтузиазм революционных масс. И с этим фактом сталинизм не мог не считаться. Но это противоречие он разрешил по-своему: сталинизм отчуждает от революционного субъекта такую форму его самосознания, при которой бы он воспринимал себя в качестве непосредственного субъекта истории и подменяет ее другой, согласно которой понятие «творец истории» теперь связывается с именем Сталина.

Другими словами, сталинизм как форма попятной модернизации породила превратную форму императива революции – освобождение от власти бога, царя и героя; теперь сам Сталин стал символом и бога, и царя, и героя. И это триединство стало основой тенденции патриархальной модификации «социализма». Более того, со временем Сталин воспринимается вообще как символ субстанции всей советской реальности.

Итак, мы увидели, что если понимание проблемы соцреализма как либералами, так и сталинистами выявило общность их методологической оптики в сфере культуры, то тема Сталина выявила этот же род общности, но уже в истории.

Два полюса – сталинизм и либерализм сходятся, но сходятся, пытаясь спинами. По сути, они утверждают один и тот же императив: первые – что сталинизм есть подлинный социализм, а вторые – что социализм может воплощаться единственно в форме – в форме сталинизма.

И утверждение этого тождества, хотя и с разных сторон обнаруживает не просто глубинную общность между сталинистами и либералами, но еще и их генетическую связь, указывающую на то, что именно современные российские либералы как раз и являются идейными наследниками сталинизма.

Б.Ф. Славин

*Понимать, а не фальсифицировать историю
(к вопросу о сталинском тоталитаризме)*

Спиноза говорил: «Не надо плакать, не надо смеяться, а надо понимать». Этот призыв великого философа можно непосредственно отнести к отечественной истории, без понимания которой невозможно подлинное просвещение и воспитание новых поколений. Особенно необходим такой подход к советскому периоду этой истории, вокруг которого идет незатихающая идеологическая борьба. Новым подтверждение такой борьбы стал документ ОБСЕ под названием «Резолюция воссоединения разделенной Европы, поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в 21 веке». В этом документе фактически на одну доску поставлена фашистская Германия, развязавшая Вторую мировую войну и Советский союз, одержавший победу над фашизмом, сделавший все от него возможное, чтобы спасти от него Европу и мир.

Этой же цели служит и стремление авторов данного документа объявить 23 августа 1939 г., т. е. день подписания пакта «Риббентроп-Молотов», общеевропейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма. При этом характерно, что не дата Мюнхенского договора, подтолкнувшего Гитлера к развязыванию Второй мировой войны, не время зарождения или наиболее массовых репрессий в Германии и СССР, а именно время подписания пакта «Риббентроп-Молотов», принципиальная оценка которого была дана Вторым съездом народных депутатов СССР в 1989 г. Как известно, ее суть состоит в том, что содержащееся в секретном протоколе к пакту разграничение сфер интересов СССР и Германии находилось «с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран»¹.

Какая же идеология лежит в основе вышеназванной резолюции и соответствующих предложений ОБСЕ? Думаю, это идеология, воз-

¹ См.: Второй съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. 4. М., 1990.

никшая во времена «холодной войны». Она, на наш взгляд, не только закрывает вход в объективное понимание советской и мировой истории, но порождает новый виток идеологической и международной напряженности уже в XXI столетии. Методологической основой такой идеологии служит отождествление реальной истории отдельных стран с понятием «тоталитаризм». При этом хочется подчеркнуть, если на Западе понятие «тоталитаризм» используется достаточно ограниченно, только для характеристики фашистских режимов Муссолини, Франко, Гитлера и др., то применительно к СССР оно распространяется не только на политический режим Сталина, что можно понять, но на всю советскую историю, начиная с Октябрьской революции и кончая перестройкой.

С такой явно антинаучной позицией и методологией невозможно согласиться, ибо она, приводит к полному искажению новейшей отечественной истории, порождая ненужную идеологизацию и фальсификацию ее отдельных явлений и фактов в исторических исследованиях, соответствующих учебниках и учебных пособиях по истории. Здесь достаточно сослаться на нигилистическую оценку советской истории небезызвестной представительницы радикального либерализма Валерии Новодворской, которая считает, что «Россия должна понять, что ее история – это история болезни и преступления»². Близкой к этой точке зрения являются утверждения о том, что Россия в советские времена «провалилась», «выпала из мировой цивилизации». И лишь к концу XX в. Россия стала постепенно в нее возвращаться³.

Однако, наиболее типичной трактовкой советской, в частности, политической истории, разделяемой многими российскими историками и философами, является концепция традиционной «самодержавной» культуры российской власти. Так, известный историк, академик РАН Ю. Пивоваров в одной из своих лекций говорил: «Посмотрим, какой была политическая культура России в последние столетия? – Я бы назвал ее самодержавной. Основной ее признак – властечетричность. То есть я исхожу из того, что русская политическая культура властечетрична»⁴. В рамках этой концепции советская идеология, сталинский и брежневский режимы, наличие правящей партии и т. д. есть лишь историческая модификация соответствующих характеристик

² Цит. по: Авченко В. Тоталитарная демократия Валерии Новодворской. М. 2001.

³ См.: Данилов-Данильян В. Свободное слово. Интеллектуальная хроника. Альманах М., 2007/2008. С. 135–140.

⁴ См.: Пивоваров Ю. Политическая культура России: традиция и современность. Лекция 18. Интернет версия.

дореволюционной Российской империи с ее господствующим православием, самовластием царя, иерархией чиновников и т. д.

Скажу сразу, что не разделяю перечисленные выше точки зрения и концепции. В реальной советской истории было все гораздо сложнее и противоречивее, чем полагают ее современные интерпретаторы. Я убежден, что в 1917 г. традиционная политическая система единовластия («самодержавия») была сломлена, причем сломлена снизу, и это проявилось не только в ликвидации монархии, но и в устранении социально-экономических основ старого общества. И осуществили это рабочие, солдаты и крестьяне в ходе Февральской и Октябрьской революций. Они совершили, по сути дела, самую радикальную в истории социальную революцию, и они же установили созданную снизу Советскую власть, выражающую их интересы, т. е. интересы абсолютного большинства российского общества. Так началась советская история, имевшая свои качественно различные периоды развития, свои достижения и ошибки, свои победы и поражения.

В свое время известный итальянский марксист Антонио Грамши писал о том, что историческое развитие «не игра по правилам», а реальная диалектика и реальная борьба различных социальных сил в обществе. В российском обществе эта борьба шла в ходе Октябрьской революции и продолжалась после нее. Мало того, на первых порах она обрела острую форму гражданской войны, которая была следствием нежелания прежних правящих классов лишаться своего господства, с одной стороны, и неудачей левых сил создать единое коалиционное правительство, с другой. Однако и после гражданской войны в стране продолжали отстаиваться различные социальные интересы и действовать противоположные социальные тенденции. На мой взгляд, таких тенденций, в основном, было две: демократическая и антидемократическая.

Демократическая тенденция выражала интересы рабочего класса и других трудящихся классов, прежде всего, многочисленного крестьянства. Эта тенденция проявлялась тогда, когда улучшалась жизнь народа, когда становилось больше свободы и справедливости. Я ее связываю, прежде всего, с ленинским пониманием положения дел в стране, с необходимостью перехода в отсталой стране к политике нэпа, с планами радикальной демократизации политической системы, выраженных в его последних работах. По сути дела, эта была ленинская стратегия построения социалистического общества в СССР.

Другая тенденция – антидемократическая, бюрократическая, тоталитарная базировалась на выражении интересов тех слоев общества,

которые устали от революции и войны. Это были, прежде всего, интересы, запросы и потребности советской бюрократии, маргинальной части рабочего класса и крестьянства, конформистской интеллигенции. И. Сталин стал их официальным рупором. Бюрократическая тенденция, как правило, сковывала и подмораживала Россию, она превращала ее в авторитарное или тоталитарное государство.

По сути дела, в борьбе этих двух социально противоположных тенденций и осуществлялась советская история, которая еще ждет своего глубоко и объективного освещения.

Любому объективному исследователю советской истории всегда было ясно, что Ленин и Сталин были антиподами в политике и жизни, поэтому их часто встречающееся отождествление является, на мой взгляд, прямой фальсификацией исторической науки. Дело в том, что Ленин расходился со Сталиным по многим принципиальным вопросам политики. В частности, они совершенно по разному понимали национальный вопрос и способ образования СССР, проблему реформирования политической системы, реорганизацию Рабкрин, вопросы, связанные с монополией внешней торговли и т. д. К сожалению, отождествление Ленина и Сталина допускают не только рядовые историки, но и некоторые именитые академики и публицисты, доказывающие, что Сталин лишь исполнял то, что завещал Ленин. На мой взгляд, подобные утверждения, не имея под собой никакой научной почвы, воспроизводят старую сталинскую теорию о тождестве двух вождей, гласящую, что «Сталин – это Ленин сегодня», а «Ленин – это Сталин вчера». В частности, об этом открыто писал и бывший диссидент – антисталинист Александр Зиновьев: «...Я пришел к тому же с чего начал, а именно к рассмотрению ленинизма и сталинизма как единого явления. Сталин действительно был «Ленин сегодня»⁵.

В этой связи закономерен вопрос: кому выгодно сегодня реанимация подобной теории? Думаю, она нужна не только сталинистам, но и тем, кому хочется во чтобы-то ни стало окончательно дискредитировать советскую власть, воплощением которой в нашей истории, конечно, являлся Ленин, а не Сталин. В этой связи, следует напомнить, что первый вошел в советскую историю как творец Октябрьской революции и основатель первого в мире Советского государства, второй, как создатель тоталитарного режима власти и личной диктатуры.

Однако эта, казалась, простая истина до сих пор с трудом утверждается в научном сознании. Мешает господствующая концепция «то-

⁵ Зиновьев А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М. 2000. С. 304–305.

талитарной природы» советской власти и ее истории, утвердившаяся среди отдельных историков⁶. На мой взгляд, эта концепция является зеркальным отражением сталинской интерпретации советской истории, только в ней плюсы заменены на минусы. Суть ее проста: советская история есть ничто иное, как история тоталитарного режима советской власти. С этой позиции тоталитаризм в России возникает в Октябре 1917 г. и существует до начала 90-х гг. XX в.⁷ В рамках этой концепции даже аргументы периода «хрущевской десталинизации» считаются «половинчатыми»⁸. На мой взгляд, здесь мы имеем дело с политически ангажированной, а не научной точкой зрения. Цель подобной трактовки отечественной истории понятна: использовать концепцию тоталитаризма в качестве идеологического рычага, разрушающего объективные представления об истории советского общества и современной России, стремящейся преодолеть негативные последствия ельцинских либеральных реформ. Для многих либеральных идеологов новая Россия, напоминая по своему влиянию и историческому значению Советский Союз, не нужна в раскладе мировых политических сил.

Что же касается тоталитаризма сталинской эпохи, то он, конечно, существовал в стране более двадцати лет. Тем не менее, рассматривать всю советскую историю как его непрерывное становление и утверждение, на мой взгляд, методологически ошибочно. Это значит абстрагироваться от реальных противоречий и борьбы различных социальных и политических сил, имевших место в сложной и длительной истории советского общества.

Особенно непродуктивен такой подход в исторической науке, ибо ведет не к изучению реальных фактов общественной жизни, а к их подгонке под заранее заданную идеологическую схему. Такая подгонка и есть губительная идеологизация советской истории. Отметим, в этой связи, что известные американские историки Роберт Такер и Стив Коэн, специализирующиеся на изучении деятельности И. Сталина и Н. Бухарина, также считают концепцию тоталитаризма

⁶ См.: соответствующие работы Д. Волкогонова, А. Яковлева, С. Кулешова, М. Геллера, Р. Пихоя и др. Анализ их можно прочитать в книге Маслов Д.В. *Историографические и методологические основы исследования состояния советской системы*. Сергиев Посад, 2004.

⁷ 1937-й. Статьи и документы. М., 2007. С. 4.

⁸ См.: выступление одного из руководителей «Мемориала» А. Рогинского на международной конференции «История сталинизма. Итоги и проблемы изучения» 5–7 декабря 2008 г.

сугубо идеологизированным и малоэффективным средством исторического познания. Так, Стивен Коэн в своей книге «Переосмысливая советский опыт» говорит, что методологической основой «тоталитарной школы» является «идея непрерывности», то есть представление советской истории как сплошного непрерывного процесса, который идет без каких-либо качественных изменений, периодов и этапов⁹.

Сторонники «идеи непрерывности», как правило, автоматически ставят знак равенства между такими различными историческими фигурами, как Ленин и Сталин, Хрущев и Брежнев, Андропов и Черненко, Горбачев и Ельцин. В их понимании все они лишь различные персональные проявления господствующего тоталитарного режима власти. По мнению С. Коэна, эта концепция слишком груба, чтобы на ее основе понять сложную и противоречивую картину советской истории, в частности, взаимоотношение власти и оппозиции, противоречий внутри правящей коммунистической партии и др.

На самом деле советская история была разной. Одно дело ленинский этап становления советского общества, другое – десятилетия господства сталинского режима власти, одно дело «оттепель», рожденная XX съездом партии, другое дело «неосталинизм» брежневского времени.

Следует заметить, что использование «концепции тоталитаризма» для объяснения советской истории не является новым и оригинальным явлением в общественной науке. Это прямое заимствование старых советологических теорий, которые давно подверглись обстоятельной научной критике в литературе. Напомню читателю, что исторически понятие «тоталитаризм» сначала употреблялось для характеристики фашистского государства в Италии. В годы «холодной» войны его стали сознательно использовать для дискредитации советского общества такие консервативно настроенные западные советологи, как Ричард Пайпс, Збигнев Бжезинский и др.

Что касается существа вопроса, то с моей точки зрения здесь происходит явная подмена изучаемого объекта. Дело в том, что понятие «тоталитаризм» является, прежде всего, характеристикой политического режима власти, а не социально-экономического строя общества. Он был присущ только сталинскому периоду правления, а не всей советской истории. Это, например, хорошо сознавала «левая оппози-

⁹ Коэн С. Переосмысливая советский опыт. Политика и история с 1917 года. Chaldize publications, 1986. С. 46–48.

ция», выступая против сталинизма. В частности, она говорила о необходимости в СССР политической, а не социальной революции, свержения сталинизма, а не советского строя. По ее мнению, свержение сталинизма в ходе политической революции могло бы восстановить в советском обществе ленинские демократические принципы и политику Октября. Позднее фактически того же хотели и представители «правой оппозиции», выступавшие против Сталина. Что же касается тех, кто в 30-е гг. умирал в застенках ГУЛАГа с именем Сталина на устах, то, как правило, это были жертвы пропаганды, отождествлявшей социализм с тоталитарным режимом сталинской власти.

Не смотря на то, что сталинский тоталитаризм своим влиянием охватывал все сферы общества, он всегда оставался лишь режимом политической власти. Повторим, его не следует сводить к социально-экономическому строю советского общества, который утвердился в результате выбора, сделанного народом России в ходе Октябрьской революции 1917-го г. Никто не мог изменить этот выбор, кроме самого народа. Сталин, крепко держась за свою власть, был вынужден считаться с этим выбором. На мой взгляд, этим объясняются его многие противоречивые действия как политика в разные периоды истории. Например, он сначала резко отрицал необходимость быстрой индустриализации, о необходимости которой говорила «левая» оппозиция», затем после ее изгнания превратился в своеобразного «сверхиндустриализатора». Он допускал серьезные «перегибы» в проведении коллективизации, затем, после волнений крестьянства на юге страны, вел с ними «принципиальную» борьбу. В том же плане следует расценивать его тотальную расправу над военными кадрами и возвращение их из ГУЛАГа в начале войны. Было много явно беспринципного и ошибочного в его политике. В частности, первоначальное неприятие фашизма и неожиданный союз с ним перед войной. Как известно, эта политика вызвала глубокий кризис в мировом левом движении, в одночасье, превратив зарубежных антифашистов в заложников этой явно несоциалистической акции.

Советскую историю, конечно, нельзя сводить к существованию одного политического режима: их было несколько, притом разных. Истина конкретна. За рамками сталинского тоталитаризма мы имеем дело с подлинной демократией, рожденной Октябрьской революцией, с противоречивой политикой «военного коммунизма», своеобразным либерализмом нэпа, такими политическими режимами, как авторитарно-демократическое правление Н. Хрущева, авторитаризм

Л. Брежнева и переход от него к демократии времен перестройки М. Горбачева.

Таким образом, многообразная действительность советской истории полностью опровергает линейную логику рассуждений сторонников тоталитарной концепции советского общества и его истории. Эта, по сути дела, идеологизированная логика времен «холодной войны» выглядит настоящим монстром в наше время. На мой взгляд, в науке от нее следует как можно быстрее избавляться. Говоря проще, не надо идеологизировать историю.

Почему же все-таки такое идеологизирование происходит? Помимо фактора обострения современной идеологической борьбы, о которой мы уже сказали, есть еще одна причина, связанная, на мой взгляд, с непониманием природы сталинского тоталитаризма, отличающей его от других подобных режимов власти. В частности, она объясняет, почему сталинский режим имел и имеет сегодня определенную массовую поддержку. Однако прежде чем раскрыть эту «тайну», следует, вообще, разобраться в сути тоталитаризма.

Как уже отмечалось, впервые это понятие появилось в Европе, в частности, в Италии. Его широко использовал Муссолини для характеристики своего режима государственной власти. Он писал в работе «Доктрина фашизма»: «Фашистская концепция Государства всеобъемлюща; вне его не существует ни человеческих, ни духовных ценностей, либо они имеют ценность значительно меньшую. Понимаемый таким образом фашизм тоталитарен, и фашистское государство – синтез и объединение, включающее в себя все ценности, – объясняет, развивает и придает силу всей жизни народа»¹⁰.

Как мы видим, Муссолини словом «тоталитаризм» характеризует всевластие государства, в котором он видит важнейший и отличительный признак фашистской доктрины, позволяющий отличить ее от социализма, либерализма, тредюнионизма и других социальных учений. И в этом он совершенно прав: либерализм минимизирует роль государства в обществе, а социализм, как и анархизм, ставит своей стратегической целью ликвидацию государства, вообще.

Напомню, что с марксистской точки зрения, государство есть признание относительной неразвитости общества, выражение непримиримости классовых отношений и всеобщего отчуждения человека. С уничтожением классовых отношений и социального отчуждения госу-

¹⁰ Антология мировой политической мысли в пяти томах. М., 1997. Т. 2, С. 237.

дарство с необходимостью отмирает. Однако, в отличие от анархистов, отрицающих государство и политическую власть с порога, социалисты признают необходимость государства в условиях перехода к бесклассовому обществу. Что касается Сталина и его современных последователей в левом движении, то они фактически отстаивают идею вечного господства государства, что доказывает лишь одно: они ближе к политической философии Муссолини, чем к марксизму и социализму.

Исторически тоталитаризм – явление XX в. Крушение традиционной социальной стратификации и появление маргинальных и люмпенизированных масс после первой мировой войны в Германии и советской России заложило фундамент для возникновения тоталитарных режимов Гитлера и Сталина. Но если немецкий тоталитаризм стал реакцией на неспособность социал-демократических правительств организовать социальный порядок на основе буржуазной конкуренции и тяжелых последствий послевоенной эпохи, то сталинский тоталитарный режим, паразитируя на отсталости страны и усталости масс от революции и гражданской войны, прибегал к сознательному уничтожению любых проявлений социально-политической оппозиции существующей власти.

Из сказанного становится понятным, что режим тоталитарного типа в советском Союзе мог возникнуть только с приходом к власти диктатора, ибо коллективное руководство партией и государством при Ленине подобное не допускало. Окончательно он формируется в первой половине 30-х годов, когда были полностью ликвидированы элементы социалистической демократии, существовавшие после Октября 1917 г.

Первым шагом на пути становления такой диктатуры была ликвидация «левой оппозиции» во главе с Троцким. Вторым шагом – фактическое возвращение к политике «военного коммунизма» в деревне, наглядно проявившееся в насильственной коллективизации крестьянства. Как известно, негативные последствия коллективизации Сталин переложил на своих политических оппонентов. Провокация с убийством Кирова дала ему возможность расправиться с ними полностью. Это было сделано путем злонамеренной фабрикации уголовных дел и судебных процессов над всеми ближайшими соратниками Ленина. После проведения этих процессов происходит физическое устранение Каменева и Зиновьева, обвиненных в связи с Троцким, затем ликвидация «правых» во главе с Н. Бухариным. Чтобы предотвратить наметившееся недовольство политикой Сталина среди военных, – инспи-

рируется «дело военных». В результате происходит уничтожение почти всех ведущих командиров Красной армии. Страна в итоге остается неподготовленной к надвигающейся войне.

Итак, вместо глубоко продуманного ленинского плана построения основ социализма, включавшего продуманную индустриализацию, добровольную кооперацию, осуществление всесторонней культурной революции и политической реформы в стране, утверждается тоталитарный режим власти во главе со Сталиным. Как известно, вопреки ленинскому плану Сталин варварскими методами провел индустриализацию и коллективизацию страны, ставшую настоящей трагедией для миллионов советских людей.

Какова же социальная природа сталинского тоталитаризма? На мой взгляд, она коренится в двойственной природе бюрократии, составляющей его социальную базу. Эта двойственность во многом раскрывает «тайну» функционирования сталинского режима власти. В частности, она объясняет многие противоречивые и непонятые явления в сталинской политике, включая, странный на первый взгляд, феномен его массовой поддержки. Поясним более подробно данное явление.

Несмотря на распространенное мнение, бюрократия не является самостоятельным классом: она выполняет (хорошо или плохо) обслуживающую социальную функцию в обществе. Если у власти стоит рабочий класс, она, чтобы жить и функционировать, вынуждена считаться с его интересами, если у власти – буржуазия, то бюрократия обслуживает ее классовые интересы. Конечно, это не мешает ей иметь свои собственные интересы, которые она удовлетворяет за счет привилегий властвующей касты. В этом плане советская бюрократия была вынуждена, с одной стороны, охранять интересы трудящихся, которые взяли власть в ходе Октябрьской революции, т. е. охранять национализированную экономику, плановое хозяйство, власть Советов, с другой – подтачивать корни революции с помощью постепенного разрастания своих привилегий, усиления бюрократизма, незаконных массовых репрессий, проводимых тоталитарным режимом.

Как свидетельствуют новейшие исторические документы (в частности, опубликованные «расстрельные списки» сотен людей, которых приговорил к смерти своей подписью Сталин), не революция «пожирала собственных детей», а лично Сталин со своими ближайшими соратниками уничтожили всю так называемую ленинскую гвардию. Это они вместо постепенного сворачивания насильственной функции государства и расширения социалистической демократии создали все-

проникающую машину уничтожения инакомыслящих, это они вместо научного марксистского мировоззрения создали религию коммунизма, по которой идеальное будущее нуждается в жертвоприношениях настоящего. В этом смысле Сталин справедливо заслужил звание «могильщика революции».

Почему же сталинский тоталитарный режим так долго мог существовать в СССР и почему в народе сохраняется его высокий рейтинг сегодня? Ответ на эти вопросы также вытекает из двойственной природы советской бюрократии, которая могла паразитировать на шее рабочего класса только при одном условии: если она сохраняла и защищала господство этого класса, его национализированную экономику и общественный строй, возникший в ходе Октябрьской революции. Сегодня эта функция сталинского режима власти кажется верхом справедливости на фоне современной экономической разрухи, произвола коррумпированного чиновничества и безудержной жадности олигархов, представляющих новую российскую буржуазию. Отсюда вытекает и современный высокий рейтинг личности самого Сталина, боровшегося не только с политической оппозицией, но и с разными представителями криминальной среды, включая уголовников и коррупционеров – чиновников.

Двойственную природу бюрократии и сталинского режима власти мало кто из современных исследователей и политиков понимает, хотя с ее помощью объясняется многое в советской истории, в частности, такие противоречивые действия Сталина и его окружения, как восхваление Ленина и скрытое враждебное отношение к нему и его Политическому завещанию, его защита нэпа в 20-е гг. и фактическое возрождение политики «военного коммунизма» в ходе насильственной коллективизации, оказание помощи Испанской революции и уничтожение в этой стране многих тысяч революционеро-интернационалистов, критика фашизма и установление тесного сотрудничества с нацистской Германией накануне Второй мировой войны и т. д., и т. п.

Сталин как персонификация советской бюрократии, как ее вождь также был вынужден одновременно защищать советский строй и деформировать его, защищать завоевания революции и извращать их социалистическую направленность. Деятельность Сталина в большинстве случаев противоречила идеалам Октября. В этом смысле было бы грубейшей ошибкой отождествлять понятия «социализм» и «сталинизм», на чем настаивают современные неосталинисты и смыкающиеся с ними неолибералы. Сталинизм – это не только извращение социа-

лизма: он его прямой антипод. По мнению философа А.П. Бутенко, сталинизм это – особо опасная форма насилия над историей, когда в жертву высокой и благородной цели – социально справедливому обществу – посредством социального волонтаризма приносятся жизни и судьбы миллионов»¹¹.

С точки зрения идейного и политического противника Сталина Льва Троцкого, двойственный характер бюрократии и сталинизма в Советском союзе не мог проявляться бесконечно долго. Он считал, что если не произойдет полной ликвидации тоталитарного сталинского режима в ходе политической революции, то бюрократия рано или поздно разменяет свою власть на собственность, превратившись в тривиальную буржуазию. В этой связи он очень точно и подробно нарисовал картину таких возможных изменений. Позднее она полностью совпала с теми событиями, которые произошли в нашей стране в 90-е гг. Так, Троцкий писал: «Бюрократия не господствующий класс. Но дальнейшее развитие бюрократического режима может привести к возникновению нового господствующего класса: не органическим путем перерождения, а через контрреволюцию»¹².

Вместе с тем, непонимание двойственной природы сталинского режима присуще сегодня многим идеологам правого и левого толка. Так, либерально настроенные идеологи утверждают, что сталинизм мало чем отличается от гитлеризма. Некоторые из них даже утверждают, что «фашистская Россия» была бы «гораздо лучше» советской¹³. Конечно, с формальной стороны эти два тоталитарных режима похожи друг на друга. Не случайно Риббентроп, побывавший в СССР накануне войны, говорил о том, что он в Москве попал в родственную компанию политиков. Мало чем отличаются и политические действия этих режимов. И там, и там были отказ от демократии и узурпация власти одним человеком, и там, и там существовали концлагеря и их многочисленные жертвы, и там, и там был оболванивающий многих культ личности вождя.

В то же время, при более глубоком сравнении этих режимов возникают вопросы: почему, например, эти два режима вели войну друг с другом? Почему демократические государства в конечном итоге выступили на стороне СССР, воевавшего против фашистской Германии,

¹¹ Бутенко А.П. Наука, политика, власть. Воспоминания и раздумья. М. 2000. С. 261.

¹² Троцкий Л.Д. Классовая природа советского государства. 1 октября 1932 года. // Бюллетень оппозиции. 1933. Октябрь. № 36–37.

¹³ Цит. по: Стивен Коэн. Почему распался Советский Союз? // Свободная мысль. № 3. 2008. С. 186.

предпочтя в трудную минуту иметь дело со Сталиным, а не с Гитлером? Наконец, почему даже наиболее последовательные антисталинисты в лице троцкистов и их главного лидера Троцкого выступили за защиту СССР в возможной войне с фашистской Германией? Думаю, что ответы на эти вопросы дают возможность всесторонне понять сущность сталинизма и тем самым прийти к объективному суждению об этом политическом режиме.

Следует учитывать, что сталинский тоталитаризм вырос и паразитировал на базе завоеваний Октябрьской революции, давшей впервые в истории государственную власть трудовому народу. Сталин, узурпировавший эту власть, был вынужден защищать советское государство против его внешних врагов. Вот откуда его массовая поддержка со стороны многих людей, сохраняющаяся до сих пор. Что касается гитлеровского режима тоталитарной власти, то он возник из стремлений финансовой буржуазии Германии к мировому господству, и эту потребность он последовательно обслуживал своей агрессивной внешней политикой.

Думаю, что столкновение двух видов тоталитаризма (сталинского и гитлеровского) во время Второй мировой войны было обусловлено прежде всего противоположностью социально-классовой природы того общественного строя, который они обслуживали. Можно согласиться с выводом Александра Зиновьева, считавшего, что Вторая мировая война в итоге «переросла в войну социальную» и «коммунизм вышел победителем из нее»¹⁴.

Социально-классовая противоположность режимов Гитлера и Сталина во многом объясняет факты поощрения агрессивных действий Гитлера со стороны западных демократий в начале мировой войны и открытие второго фронта против фашистской Германии на ее исходе. Поддержка СССР в войне с Германией стала возможной для западных демократий лишь тогда, когда они почувствовали угрозу собственному существованию со стороны гитлеровского фашизма. Сталинский режим, перешедший к тому времени от интернациональной к национал-державной политике, был в этой войне для Запада меньшим злом, чем гитлеризм, рвавшийся к мировому господству и требовавший покончить с «гнилой демократией» западных государств. Учитывал Запад и то, что Сталин в отличие от Гитлера не был расистом, он все-таки не сжигал в печах миллионы людей, не набивал во-

¹⁴ Зиновьев А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 2000. С. 230.

лосами своих жертв спальные матрасы и не выделявал из кожи заключенных абажуры¹⁵.

Что касается таких последовательных противников сталинизма, как троцкисты, то их защита СССР в этой войне обуславливалась не их компромиссом со Сталиным, а стремлением защитить основы того строя, которые были заложены Октябрьской революцией. Для них Сталин, защищавший СССР был социально ближе, чем Гитлер и нацизм, стремящиеся одержать победу в войне не только над советским государством, но и полностью покончить с большевизмом и коммунизмом. Не смотря на то, что Сталин называл Троцкого «агентом фашизма» в рабочем движении, последний требовал от всех прогрессивных сил защищать Советский союз от возможного нападения на него Гитлера. Он пояснял свою точку зрения тем, что в этой войне прогрессивные силы будут защищать не тоталитарный режим Сталина, а те социально-экономические «основы СССР», которые были заложены Октябрем 1917 г.¹⁶

Вместе с тем, совершенно очевидно тождество таких понятий как «сталинизм» и «тоталитаризм». Подрывая демократические и социалистические основы советского общества, сталинский тоталитаризм стал причиной деформации не только советского государства, но и самой идеи социализма. Имеющаяся сегодня аллергия у многих людей на социализм – это во многом следствие сталинизма, который нанес глубокую и до сих пор кровоточащую рану всему левому движению.

Сталинский режим политической власти физически и морально уничтожал лучших представителей всех слоев советского общества, выдающихся руководителей партии и государства, талантливых ученых и представителей культуры. По данным доклада комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК, только за 1935–1940-е гг. за «антисоветскую деятельность» было арестовано 1980635 человек, из них расстреляно 688503. Соответственно за 1937–1938-е гг. арестовано 1548366 и расстреляно 681692¹⁷. В итоге был уничтожен весь тонкий слой революционеров, о которых в свое время Ленин говорил, что для них правдивость и честность были естественными человеческими качествами.

Истина в отличие от мифа всегда конкретна. Если мы ищем причины, породившие сталинизм и Большой террор, то нужно прямо сказать – они являются плодом не революции, а контрреволюции, осуще-

¹⁵ В этой связи изданные материалы Нюрнбергского процесса.

¹⁶ Троцкий Л.Д. В защиту марксизма. Iskra Research. Cambridge, 1997. С. 33–93.

¹⁷ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. М., 2000. С 317.

ствленной Сталиным и его подручными на рубеже 30-х гг. прошлого века. Большой террор есть прямое отрицание идеалов Октябрьской революции. Часто говорят: «Революция пожирает своих детей». Но у нас не революция пожирала своих детей, а контрреволюция, политический переворот, осуществленный Сталиным и его командой. Сталин – не интернационалист, Сталин – не революционер в точном смысле этих слов. И когда пытаются отождествлять Сталина со всей плеядой революционеров ленинской школы, происходит фальсификация истории.

Фальсифицируется история и тогда, когда пытаются доказать неизбежность или необходимость в ней тоталитарного сталинского режима. В частности, утверждается идея о том, что любой политик на месте Сталина был бы таким же диктатором. Я не могу согласиться с этой фаталистической точкой зрения. Сталинский тоталитаризм – это, прежде всего крайне репрессивный режим, выступающий против любой политической оппозиции, будь то правые, или левые. Он действовал, как правило, по логике физического уничтожения своих классовых противников, а не по марксистской логике ликвидации классовых противоречий путем преобразования экономических условий их существования. Как известно, марксизм допускает физическое уничтожение представителей буржуазии лишь в особых случаях: при их активном вооруженном сопротивлении рабочему классу, а не потому, что они принадлежат другому классу. Сталинский режим, напротив, абсолютизировал логику классового насилия, перенося ее из периода гражданской войны в мирное время. Именно это было сделано в нашей стране, когда Сталин, провозгласив идею обострения классовых противоречий по мере продвижения к социализму, стал проводить политику чрезвычайщины и насилия в сугубо мирное время.

На самом деле, классовая борьба не сводится только к насилию и, тем более к физическому насилию. Существует масса различных форм государственного принуждения, не требующих физического истребления людей. Если бы у власти вместо Сталина и его окружения были люди ленинского склада, я уверен, они бы не допустили тех ужасов ГУЛАГа, которые были инициированы режимом Сталина. Никакой фатальной закономерности утверждения тоталитаризма в истории нашей страны не было. Он был закономерным следствием прямого отхода руководства правящей партии от марксизма, отказа от демократических и подлинно революционных традиций в управлении обществом. Объективные условия, связанные с исторической отсталостью нашей страны и усталостью масс от войны и революции, конечно,

сыграли свою роль в появлении сталинизма, но их не следует абсолютизировать, тем более они не могут его оправдывать.

Несколько слов о соотношении понятий «сталинизм» и «Сталин». Эти понятия родственные, но не тождественные. Что касается первого понятия, то, как я уже говорил, оно характеризует тоталитарный режим власти, который создали Сталин и его команда. Что касается понятия «Сталин», то оно относится к конкретно-исторической личности, которая правила в СССР почти тридцать лет. Хотят этого или нет противники Сталина, но он вошел в историю советского государства и вычеркнуть его из нее невозможно. Поэтому необходимо объективно рассматривать его роль в этой истории.

Как известно, многие люди до сих пор продолжают считать Сталина «великим политиком», другие прямо называют его «исчадием ада». На мой взгляд, противоречивая личность Сталина должна оцениваться «по ее плодам», т. е. по результатам ее конкретной деятельности. Конечно, Сталин был тираном, может быть, самым большим тираном в истории человечества; тем не менее, нельзя исключать, что в отдельных случаях его деятельность могла иметь положительные результаты. Так, позитивной акцией во время войны было освобождение Сталиным из застенков ГУЛАГа многих военных специалистов. (Правда, посажены они были в концлагеря тоже с его санкции.) Рассказывали мне и такой случай: в военное время один звонок Сталина на машиностроительный завод с просьбой значительно увеличить выпуск танков повышал производительность труда рабочих и инженеров в несколько раз. Понятно, что такой звонок объективно выполнял прогрессивную роль, хотя в нем был и элемент страха перед властью. Ясно и то, что в подобных случаях Сталин вел политику, прямо противоположную «сталинизму», который сыграл сугубо отрицательную роль в советской истории.

Особенно неприемлемо отождествление сталинизма с победой Советского Союза в Великой отечественной войне. Эта победа была одержана не благодаря, а вопреки тоталитарному сталинскому режиму власти. Она есть следствие поистине великого подвига советского народа, отдавшего за победу над фашизмом десятки миллионов человеческих жизней. Без этих жертв немыслима не только победа Советского Союза, но и всей Европы от «коричневой чумы» XX в.

Несмотря на тотальный и длительный характер сталинского режима власти, он все-таки не сумел переделать в своем духе всех советских людей. Это хорошо прослеживается на его исторической судьбе. Взяв в свое время вверх над демократической ленинской традицией,

он был вынужден, в конце концов, сойти с исторической сцены. Чтобы двигаться вперед, советской стране нужно было вобрать в себя плоды начавшейся в мире научно-технической революции, размагнитить и освободить головы людей от прежних идеологических догм, осуществить на деле демократизацию общества, но созданный Сталиным тоталитарный режим власти этому всячески препятствовали. Отсюда и возникла историческая необходимость в XX съезде партии, который нанес по этому режиму сокрушительный удар. Его остатки, ожившие в годы «застоя», полностью ликвидировала перестройка.

В этой связи, следует согласиться с общей исторической оценкой сталинизма, которую дал председатель Совета Федерации и лидер партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов. Он говорил: «Кто, как не наша страна, наш народ более всех претерпел от жестокостей сталинского режима. И откуда, как не из Москвы мир впервые достоверно узнал о преступлениях сталинизма. Да, десталинизация шла непоследовательно и противоречиво. Но всей своей историей последнего полувека наша страна отвергала и отвергает теорию и практику сталинизма, политики, которую никак нельзя признать органичной для нашего народа, для нашего государства. Недаром демонтаж порядков, навязанных стране Сталиным, начался практически сразу после смерти тирана. Мы сами вынесли свои приговоры и нацизму, и сталинизму». (См.: материалы агентства ИТАР-ТАСС от 6 июля 2009 г.).

И.Г. Абрамсон

О происхождении и сущности сталинизма

Введение

Ища ответы на мучительные вопросы, как могло случиться, что через 74 года после всемирно-исторической победы Великой Октябрьской революции и через 46 лет после величайшей победы над нацистской Германией и её союзниками, в которой Советский Союз сыграл решающую роль, это могучее, некапиталистическое государство вместе со своими европейскими союзниками потерпело столь же всемирно-историческое поражение и исчезло с географической карты, мы вновь и вновь вынуждены возвращаться к событиям начала XX в. и к историческому спору великих марксистов Плеханова и Ленина.

Ленин на основе исследования капитализма, вступившего в историческую стадию империализма, пришёл к заключению, что социалистическая революция первоначально происходит в одной или нескольких странах, представляющих слабое звено империалистической цепи. И затем, силой своего примера и по мере развития классовых антагонизмов в развитых капиталистических странах, страна (страны) первоначально победившей революции способствует (ют) распространению мирового революционного пожара, получая, в свою очередь, поддержку со стороны поднявшегося пролетариата экономически передовых стран¹. Кстати, в переписке с Верой Засулич К. Маркс допускал возможность того, что социалистическая революция, базируясь на общинные традиции русского крестьянства, произойдёт сначала в России². Но, считал Маркс, она будет иметь шанс на успех только при поддержке со стороны европейского пролетариата. Эти соображения

¹ Ленин В.И. Военная программа пролетарской революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.30. С. 131–143.

² Маркс К. Письмо В.И.Засулич от 8 марта 1881 // Маркс К.и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 19. С. 251.

сформулированы затем Марксом и Энгельсом в Предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии».

Плеханов до и после Февраля 1917 г. категорически не был согласен с Лениным³. Его аргументы: чрезвычайно низкий удельный вес рабочего класса в составе российского населения, подавляющее численное превосходство крестьянства с господствующей у него мелкобуржуазной психологией, культурная отсталость, включая элементарную безграмотность большинства населения.

Ленин и большевики прекрасно понимали справедливость плехановских аргументов. Но игнорировать уникальность революционной ситуации, сложившейся в России, было бы историческим преступлением. Поэтому курс на взятие власти был принят решительно и бесповоротно. А после Октябрьского переворота и победоносного окончания Гражданской войны, в условиях, когда революции в Германии и других европейских странах были в крови подавлены, в Советской России был принят ленинский план социалистического строительства, который как раз и предусматривал снятие тех угроз этому строительству, на которые указывал Плеханов⁴. Электрификация, индустриализация, нэп, добровольная кооперация крестьян, использование буржуазных специалистов, в том числе зарубежных, для привития современной организации и культуры труда, широчайшая, многоуровневая культурная революция, которая интенсивно прошла на всех этажах – от ликвидации безграмотности, от повсеместных изб-читален, клубов, массовых площадных действий до вершин науки, литературы, всех видов искусства, – вот что входило в ленинский комплекс «пересмотра точки зрения на социализм». И раскрепощенный трудовой народ Советской России с колоссальным энтузиазмом взялся за его реализацию. Особенно впечатляющ размах культурной революции.

В эти же первые 15–17 лет Советской власти колоссальное развитие получили образование, наука, литература, искусство во всех национальных республиках Советского Союза. Неоценим и общепризнан вклад, который с большим энтузиазмом внесла в это развитие

³ Плеханов Г.В. Два месяца революции. // «Призыв». 17 октября 1915; Г.В. Плеханов. Год на Родине. Paris, 1921. С. 94–97.

⁴ Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 165–208; Ленин В.И. О кооперации // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369–377; Ленин В.И. Как нам реорганизовать Рабкрин // Там же. С. 383–388; Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше // Там же С. 389–406.

русская интеллигенция Москвы, Ленинграда и других университетских городов страны.

Успешная ликвидация разрухи в годы нэпа и – особенно – столь невиданный взлёт культуры в стране, до 1917 г. поражённой массовой безграмотностью, привлекли симпатии к Советскому Союзу в среде рабочих и левой интеллигенции за рубежом.

Можем ли мы сказать, что в споре с Г.В. Плехановым В.И. Ленин вышел победителем? Да, можем. Но и Плеханов оказался прав: угрозы, о которых он предупреждал, в конечном счёте, через 74 года после Октября, «сработали». Почему? Каковы причины?

Во-первых, трагическая случайность в крайне нестабильной, «неравновесной» ситуации – ранняя кончина Ленина.

Во-вторых, невыполнение или извращённое исполнение, что одно и то же, инициированной В.И. Лениным меры преодоления доморощенного бюрократизма, этого главного врага советского государства, – ротируемого рабочего контроля.

В-третьих, ошибка самого Ленина, отличавшегося обычно безошибочной политической интуицией. Многократно подчёркивая многими трудно понимаемую истину, что диктатура пролетариата есть наивысший уровень демократии, Ленин допустил в условиях вынужденной (после мятежа левых эсеров) однопартийности запрет фракций в ВКП(б) в резолюции X съезда «Об единстве партии»⁵. В дальнейшем это решение мастерски расширительно использовалось Сталиным в политическом натравливании друг на друга отдельных групп в руководстве партии и обвинениях во «фракционности» любой маломальской оппозиции – в качестве подготовки к проведённой им физической ликвидации всего партийного актива, в возрождении многовековой традиции патернализма и создании атмосферы страха в жизни страны.

Всё это достаточно точно исследовано Л.Д. Троцким в «Преданной революции»⁶, где предсказан и неминуемый результат бюрократического перерождения партийно-государственного руководства – победа открытой буржуазной контрреволюции, что и случилось в 1991 г.

⁵ КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 2. М., 1983. С. 334–337.

⁶ Троцкий Л.Д. Преданная революция. М., 1991.

Борьба двух тенденций в партии

В РКП(б)–ВКП(б) после Октября действовали две тенденции. Одна исходила из необходимости неуклонного развития пролетарской демократии, опиралась на сознательную, передовую часть рабочего класса, осуществлялась в различных формах самоуправления. Другая, бюрократическая тенденция выростала на базе партийно-государственного аппарата. Объективно она подпитывалась возвращёнными столетиями самодержавия рабской привычкой и традицией чиновничества и беспрекословного подчинения сильной личности на вершине власти, традиции, распространённой особенно среди крестьянства и мелкой буржуазии, составлявшими преобладающее большинство в 1920-е гг. в нашей стране. Бюрократическая тенденция, опиравшаяся также на постоянную угрозу внешней агрессии, постепенно брала верх.

Драматический момент наступил в 1927–1928 гг. Возникли так называемые ножницы цен на сельскохозяйственные продукты и на промышленные товары. Не имея ещё той абсолютной власти, к которой Сталин так искусно шёл, он из всех возможных путей снятия противоречий выбрал самое «простое» решение. Отбросив ленинский императив добровольности кооперирования, сталинское партийное руководство приступило к политике сплошной, по сути, насильственной коллективизации деревни. Сильный удар был нанесён середняку и, соответственно, в целом сельскому хозяйству страны. Недовольство этим очевидным разрывом с ленинской аграрной политикой и волонтаристским прекращением нэпа, который, по Ленину, был введён «всерьёз и надолго», проникло в партийные ряды. Оно ощущалось и на XVI (1930) и на XVII (1934) съездах партии. Именно после XVII съезда началась подготовка к Большому террору. 1 декабря убит Киров (до сих пор история этого потрясшего весь Союз убийства не ясна – расстреляны не только убийца, но и все тогдашнее начальство ленинградского управления НКВД и все, кто что-либо мог знать о подготовке преступления; через 29 лет по точно такой же схеме в США прошла цепь устраниваний почти 20 возможных обладателей сведений об убийстве Дж. Кеннеди). Затем, при странных обстоятельствах, после звонка Орджоникидзе Сталину о том, что он готовит выступление против чистки и массовых арестов лучших кадров промышленности на ближайшем Пленуме ЦК, Серго уходит из жизни – официально от инфаркта, а неофициально – якобы самоубийством...

Долгая Варфоломеевская ночь

Приближался 1937-ой, приближалась и наступила полуторалетняя Варфоломеевская ночь, в которой была истреблена вся ленинская большевистская гвардия, весь многотысячный актив ВКП(б).

В 1937 г. оклеветанными, подвергнутыми пыткам и расстрелянными оказались 72% делегатов XVII съезда, «съезда победителей», как он назван в «Кратком курсе истории ВКП(б)», лучших людей партии, ветеранов революции, гражданской войны, энтузиастов первой пятилетки. Остальных – почти всех – отправили на гулаговские «курорты». Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на XXVII съезде, расстреляны 98 и 4 перед неизбежным арестом покончили с собой, т. е. истреблены почти три четверти партийного руководства!

Кровью залил Сталин с его ежовско-бериевскими подручными высшее и старшее командование Красной Армии. Вдумаемся в масштабы истребления военных кадров накануне войны: из 5 советских маршалов расстреляно 3, из 5 командармов первого ранга – 3, все 10 командармов второго ранга, из 57 комкоров – 50, из 186 комдивов – 154, все 16 армейских комиссаров первого и второго рангов, из 28 корпусных комиссаров – 25, из 64 дивизионных комиссаров – 58, из 456 полковников 411!⁷ Ликвидация талантливейших военачальников, у которых на руководимых ими военных учениях в начале 1930-х гг. брали уроки генералы вермахта, и безжалостное уничтожение практически всего высшего и старшего командного состава Красной Армии за пару лет до нападения гитлеровской Германии на СССР привели к страшным поражениям 1941–1942 гг., потере Прибалтики, всей Белоруссии, всей Украины, появлению врага у стен Москвы, берега Волги, блокаде Ленинграда. Поражениям этих первых двух лет Великой Отечественной с их гигантскими человеческими и материальными потерями страна обязана главным образом и в первую очередь своему вождю и Верховному главнокомандующему.

По данным КГБ СССР, с 1935 по 1953 гг. репрессиям по политическим статьям подвергнуто 2 845 096 человек, из них расстреляно 738

⁷ Тодоровский А.И. Справка о репрессиях в РККА. Электронный ресурс. Режим доступа: www.russiantext.com/russian_library/sahkwww.russiantext.com/russian_library/sahkarov/bystroletov/ch%20287-365/page6.htm [arow/bystroletov/ch%20287-365/page6.htm](http://www.russiantext.com/russian_library/sahkarov/bystroletov/ch%20287-365/page6.htm)

284, в том числе в годы пика террора, в 1937–1938, 681692. человека⁸, т. е. в среднем каждые сутки «тройки» лишали жизни около 1000 советских граждан, коммунистов и беспартийных, рабочих, крестьян, работников науки и культуры!

В стране воцарилась атмосфера страха, шпиономании и доносительства. В советских учебниках после этого Молоха история Октябрьской революции и Гражданской войны стала почти безлюдной: в ней фигурировали только те их герои, кто пал на полях сражений 1918–1920 гг. или успел умереть до отмашки «отца народов».

Как можно было всё это страшное кровопускание объяснить? Один аргумент выдвинул сам Сталин. Претендуя на теоретическую новизну, он выдвинул положение об обострении классовой борьбы с укреплением Советского Союза. Абсурдность этого тезиса очевидна. Его опровергает развитие социальной ситуации внутри страны – после ликвидации остатков эксплуататорских классов. Другой аргумент, который подчас и сегодня мы слышим от некоторых историков, пытающихся найти какие-то оправдания сталинскому безумию а la Грозный, состоит в том, что требовалась абсолютная сплочённость вокруг Политбюро и генерального секретаря ЦК в условиях, когда буржуазное окружение интенсивно готовилось к нападению на рабоче-крестьянскую Россию. Но зададимся вопросом: когда угроза социалистическому развитию страны Октября была большей – в годы Гражданской войны, когда её вместе с белогвардейцами раздирали интервенты из трёх континентов, или через 20 лет, после принятия самой демократичной, Сталинской Конституции (в основной текст которой, кстати, главный вклад внесли Николай Бухарин и Карл Радек)? Ответ однозначен: социалистическое Отечество в 1919 или 1920 гг., когда ему было всего 2–3 года от роду, голодное, слабо вооружённое, было в гораздо большей опасности, чем в 1936 или 1937 гг.

Разве кто-нибудь из партийного большевистского руководства в те первые послереволюционные годы подвергался каким-либо хотя бы моральным репрессиям со стороны В.И. Ленина, если не считать критики в ходе разного рода дискуссий? Напротив, руководство РКП(б) спланировало все силы для защиты революции, не только внутренние, но и международные – именно тогда, в 1919 г., был создан Коминтерн. Разве не так же следовало действовать и в тридцатые годы? Разумеется, точно так же – спланировать все наличные силы, используя опыт и

⁸ Земсков В.Н. Политические репрессии в СССР (1917–1990 гг.) //Россия-XXI. 1994. № 1–2. С. 107–124.

интеллект воспитанной Лениным когорты революционеров. И создавать все необходимые условия для радостного и бесстрашного созидания новых форм общественной жизни, сочетая, как учил Ленин, моральные и материальные стимулы производительного труда. Именно в ходе такого, не омрачённого комчванством, формализмом и бюрократизмом, социалистического развития накапливался бы у трудящихся, переходя в новое качество, опыт самоуправления. И создавался бы привлекательный образ развивающегося социализма, привлекая дополнительную энергию революционному движению в странах капитализма.

Сталин поступал наоборот.

Можно предположить, что к разгадке мотивов этого безумного геноцида большевиков-ленинцев был близок автор «Детей Арбата» Анатолий Рыбаков⁹. У него Сталин во внутренних монологах, уверовав в своё предназначение привести народ к цели – построению социализма, находил самооправдание «тяжёлой необходимости» устранения товарищей, поскольку они, мол, своими «неправильными» альтернативными предложениями мешают движению, тормозя его. И на месте партии большевиков, «Партии расстрелянных» (название одной из книг семитомного исследования Вадима Роговина), возникла другая партия под тем же названием, во многом соответствовавшая открыто провозглашавшейся им мечте превратить её в подобие ордена меченосцев, беспрекословно подчиняющегося предводителю.

Сталин в канун и во время войны

Сталин обладал колоссальной волей, превосходной памятью, выдающимися организаторскими способностями. И пропаганда была поставлена отменно. Она не только ведь занималась фальсификацией истории, догматизацией марксизма с изгнанием из него его души – диалектики и формированием культа личности «вождя всех времён и народов». Нет, конечно. В её активе мобилизация людей на действительно героический труд, опиравшаяся на идеи братства трудящихся, дружбу народов, интернациональную пролетарскую солидарность, постоянно провозглашавшуюся коммунистическую перспективу. Импульс, сообщённый советскому народу Октябрьской революцией, был настолько мощным, что смог придать миллионам необходимые силы для свершений первых пятилеток. Образовалось противоречивое со-

⁹ См.: Рыбаков А.Н. Дети Арбата. М., 2009.

четание двух менталитетов: старого, патерналистского, с чинопочтанием и некритичным восприятием всего, что идёт сверху, и нового, рождённого Советской властью первых послереволюционных лет, коллективистского, творчески созидательного, одухотворённого идеями коммунизма. Эти два менталитета противостояли друг другу в каждом коллективе и в каждом советском человеке.

Надо сказать, что как бы мы ни критиковали с общесоциалистических позиций созданную Сталиным административно-командную систему управления страной, её вклад в быстрый рост военно-экономического могущества СССР несомненен. Но при всём этом Сталин понимал, что к большой войне страна не готова, и принимал все возможные меры для её оттяжки. Но Гитлер его переиграл, и можно себе представить, какой ужас охватил Сталина от гигантских потерь первых дней и осознания того, что он совершил, отправив на тот свет вместе с ленинским партийным активом почти весь высший комсостав и подавляющее большинство старшего. Только 3 июля он выступил с обращением «к братьям и сёстрам»...

Но после поражений первых двух лет последовали блестящие победы 1943–1945 гг. По свидетельству маршала Жукова, Сталин умел учиться¹⁰. Мы справедливо говорим, что Великую Отечественную выиграл советский многонациональный народ. И это был не просто патриотизм. Это был именно советский патриотизм, рождённый Октябрем. В военные годы расправила политические плечи партия, став эффективной организующей силой на фронте и в тылу. И организаторский талант Сталина сыграл огромную роль в завоёванной Победе.

Восстановление экономики и атмосферы страха.

Победа над гитлеровской Германией, завоёванная столь высокой ценой, породила надежды не только на быстрое восстановление экономики, но и на освобождение от довоенной атмосферы страха, социалистическое оздоровление общественной жизни. Казалось, завоевав огромный авторитет в мире, не говоря уже об общенародной славе в СССР, Сталин и его окружение отбросят практику устрашающих репрессий в управлении страной. Надежды оказались тщетными.

¹⁰ См. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2-х т. М., 2002.

Поразительно быстро, на энтузиазме и при умелом руководстве была восстановлена и получила новое развитие экономика. Но восстановлена была и машина репрессий. Из многих новых их страшных волн назовём в качестве примеров две. Возникло ленинградское дело, когда оклеветаны и репрессированы были почти всё руководство города и районов и многие видные деятели ленинградской промышленности, науки, образования, культуры. Жертвой стал даже Музей обороны Ленинграда (он был закрыт). Расстрелян любимый студентами легендарный ректор Университета А.А. Вознесенский, как и его брат, бывший любимец Сталина, член Политбюро Н.А. Вознесенский. Из других волн унижения и крови упомянем депортации. Отбросив в сторону все принципы ленинской национальной политики, Сталин ликвидировал ряд автономных республик Крыма, Северного Кавказа, Поволжья, приказав депортировать в Казахстан и сибирские края их коренное население («Он мог на целые народы обрушить свой верховный гнев» – Александр Твардовский).

Ещё одну страшную сторону сталинщины, обычно не упоминаемую, надо бы отметить. Речь идёт о морально-политическом давлении на несколько поколений советских людей, тех, кто свою пионерскую и комсомольскую молодость прошёл в 1930–1940 гг. Школа, пионерия, комсомол, книги, кинофильмы воспевали революцию, её героев, Красную Армию, её легендарных командармов, партию, её вождей, воспитывали коллективизм, товарищескую взаимопомощь, прививали основы классового сознания и пролетарской солидарности. А вокруг, особенно в пиковые 1937–1938 гг., волна арестов, когда увозят безукоризненных коммунистов, которых ты хорошо знаешь, родителей твоих друзей, секретарей партийных и комсомольских комитетов, в учебниках истории вычёркиваются и замазываются один за другим соратники Владимира Ильича. И вдруг оказывается, что практически все, кто вместе с Лениным руководил Октябрьским восстанием и закладывал основы Советского государства, становятся вражескими шпионами. Все, кроме одного. Страх и доноительство внедряли в неокрепшее сознание неверие в идеалы и цинизм. А какое разрушительное воздействие атмосфера, созданная сталинщиной, оказывала в местах заключения миллионов на многотысячный корпус надзирателей. Это ведь тоже были, в основном, молодые люди. И им дозволялось издеваться над оклеветанной лучшей частью советского общества. О том, каковы были эти издевательства, мы знаем из воспоминаний выживших, например, будущего маршала Мерецкова, писателя Шаламова и др. Но во что превращались характеры той, одетой в форму внут-

ренных войск молодёжи, которой разрешалось измыться над вымышленными «врагами народа»?! Их дети и внуки хорошо генетически подготовлены для спецслужб нынешнего правящего режима.

Сущность сталинизма

Однако сталинщина не исчерпывает собой сталинизм. Сталинщина – это его чудовищная по масштабам уничтожения генофонда криминальная составляющая. Сталинизм же – более широкое явление.

Сталинизм – это паразитирующая на марксизме, извращающая и дискредитирующая марксизм идеология оторвавшейся от пролетариата партийной номенклатуры.

Сталинизм – это замена демократического централизма в жизни партии централизмом бюрократическим.

Сталинизм – это отказ на практике во всех сферах экономики и общественной жизни от завещанной Лениным политики всемерного развития социалистической демократии, утверждение административно-командной системы и «казарменного социализма» (с огромной «гауптвахтой» до 1953 г.). «Если Ленин стремился к власти самих трудящихся, то Сталин стремился к власти над трудящимися от их имени» (из Программы РПК).

Сталинизм – это полный разрыв с марксизмом в центральном вопросе: революция первоначально может произойти в одной или нескольких странах, но социализм в своём развитии может завершиться становлением бесклассового общества только в мировом масштабе, а не в отдельно взятой стране. Обратное (сталинизм) есть превращение науки в утопию.

Назовём некоторые примеры того, как сталинизм препятствовал движению к коммунизму, выступал как антиленинское течение.

Насильственно – вопреки Ленину – проведённая коллективизация сельского хозяйства с гигантскими в результате этого экономическими и морально-политическими потерями..

Чудовищное искажение ленинской национальной политики: от неприемлемой для Ленина «автономизации» с делением наций на категории по государственному статусу (союзная республика, автономная республика, автономная область, автономный округ) до депортации людей по национальному признаку.

Некомпетентное, вульгарно-идеологическое, по Ленину – совершенно недопустимое, вмешательство в развитие конкретных наук, отбросившее Советский Союз с передовых позиций в биологии, послу-

жившее причиной серьёзного отставания в развитии кибернетики и информационных технологий, длительного застоя в социологии и обществоведении и дополнительно дискредитировавшее советский социализм в глазах мирового научного сообщества.

Чинопочитание и устранение из партийной жизни на практике свободы критики руководства низу как проявления упомянутого выше сталинистского бюрократического централизма закономерно изуродовали систему обновления кадров. В итоге стала очевидной тенденция падения личностного потенциала высших руководителей партии и государства: Хрущёв – Брежнев – Черненко.

Кстати, нелишне в связи с обсуждением вредоносности сталинизма остановиться на фигуре Н.С. Хрущёва. Нельзя переоценить значение XX съезда КПСС в феврале 1956 г. и политический подвиг Н.С. Хрущёва, выступившего на нём с докладом о преступлениях Сталина, культе его личности и последствиях культа¹¹: Сотням тысяч репрессированных было возвращено доброе имя, очень многим – посмертно. Советское общество испытало шок и прозрение. То был катарсис.

Наступили годы политической оттепели. Они продолжались менее десятилетия. Новый импульс получили наука, промышленность, сельское хозяйство. Именно в эти годы был осуществлён прорыв Советского Союза в космос. Укрепилась военно-политическая роль СССР как второй сверхдержавы. Это ярко проявилось в 1962 г. в период Кубинского кризиса.

Но сталинизм в партийно-государственной системе, слегка пошатнувшись, взял реванш. Сам Хрущёв по своему менталитету оставался сталинистом, что не позволило ему предпринять подлинную демократизацию партийной и общественной жизни. И совершив к тому же множество организационных, кадровых и других ошибок, он осенью 1964 г. был смещён мощной контратакой сплотившейся верхушки партийно-государственной номенклатуры.

Заключение

Экономические достижения Советского Союза несомненны и колоссальны. Страна за несколько десятилетий, испытав огромные потери и тяготы страшной войны, прошла путь (расширим черчиллевский

¹¹ Хрущёв Н.С. О культе личности и его последствиях. Доклад XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170.

панегирик Сталину) от сохи до космоса. Отечественная наука вышла на передовые рубежи почти во всех фундаментальных секторах знаний. Советский Союз стал второй сверхдержавой, центром мировой системы «реального социализма», обеспечив ядерно-космический паритет двухполюсного мира. Нельзя не сказать и о том, что сейчас вспоминается многими людьми с тоской о «счастливым советском прошлом». Были достигнуты некоторые элементы коммунистических общественных отношений – возможности получать по потребностям образование, включая высшее, медицинское обеспечение, развивать по потребностям технические, художественные, спортивные способности детей и взрослых и т. д. Таковы бесспорные плюсы «реального социализма».

Однако при всём этом однобокость, односторонность реализации организационно-хозяйственной функции пролетарского государства, игнорирование демократической сущности диктатуры пролетариата, которая должна пронизывать её снизу доверху, стала одной из главных причин краха «реального социализма». Все упомянутые и другие его достижения завоёваны мобилизационными, командно- административными методами, поначалу – с использованием рождённого Октябрем энтузиазма масс, но без опоры на широкий разворот инициативы, без сочетания, как учил Ленин, морального и материального стимулов. В лозунгах, в пропагандистских и агитационных статьях этого было с избытком, но на практике – нет. На практике – формально проводившееся социалистическое соревнование. В сталинские времена инициативу гасила атмосфера страха, в постсталинские не контролируемая пролетариатом партгосбюрократия, узурпировавшая его власть, находила другие, более мягкие приёмы для сдерживания не санкционированных сверху инициатив.

Можно вполне обоснованно утверждать: именно из-за того, что не была развёрнута творческая инициатива масс, рабочих, инженеров, учёных, организаторов производства, что в этом главном отношении организационно-хозяйственная функция диктатуры пролетариата была атрофирована, Советский Союз лишился имевшегося у него бесценного резерва, который мог обеспечить ему победу над Западом в соревновании за производительность труда – реализацию ленинской мечты, достижение точки невозврата в прошлое. И никакого застоя бы не было...

В этом дополнительно убеждают результаты знаменитой косыгинской пятилетки 1966–1970 гг., лучшей по всем показателям за весь

послевоенный период¹². А.Н. Косыгин, занимавший пост председателя Совета министров, ввёл систему хозрасчёта. Предприятия получили невиданную ранее свободу действий в рамках государственного плана. Это дало чрезвычайно большой эффект. Но партгосаппарат инстинктивно почувствовал угрозу своим корпоративным интересам, ибо сам собой возникал вопрос о его нужности, о его роли в обществе. И реформа была свёрнута.

Вернёмся к началу предмета данных размышлений. Был ли фатален сталинизм в нашей стране? Вероятность такого хода событий, вероятность мутантного социализма в России после Октября была весьма велика в силу рассмотренных объективных причин. Но она всё же не была стопроцентной. При ювелирной дружной работе прошедшего ленинскую школу партийного руководства можно было избежать возникновения и развития явления, вызвавшего такие трагедии и приведшие, в конечном счёте, к реставрации капитализма.

Чтобы не растерять завоевания будущей революции, нужно извлечь уроки из трагических ошибок XX в. Два вывода представляются безусловными.

Первое. Средства должны быть адекватны цели. Когда П.А. Столыпин уставлял страну виселицами («стольпинскими галстуками»), то эта массовая жестокость соответствовала цели – форсированному созданию в России основ капитализма – строя экономического угнетения наёмных работников. Когда же И.В. Сталин широко применял насилие в ходе индустриализации и коллективизации, то это оправдания не имеет.

Второе. Пролетарская демократия обеспечивается, когда гарантирована демократия внутрипартийная. Следовательно, должен безотказно действовать механизм её соблюдения.

Что следует сказать о Сталине, его эволюции, имея в виду политическую деятельность его в целом?

Начиная со II съезда РСДРП, он стал одним из виднейших большевиков, с 1912 г. заслуженно вошёл в руководство партии, проявил себя ещё до революции ярким марксистом («Марксизм и национальный вопрос» – достойный вклад в марксизм), был одним из ленинских соратников в первом Советском правительстве и стал первым генеральным секретарём ЦК. В это время, да и в первые послеленинские годы деятельность Сталина служила делу коммунизма. Негативным чертам

¹² Абрамсон И.Г. Противоречия «раннего застоя» //СССР. Застой. М, 2009. С. 159–162.

его характера не давала развиваться созданная Лениным атмосфера внутрипартийных отношений. Но в 1927–1928 гг., как уже говорилось, возникло явное социальное неравновесие в стране, требовавшее продуманного разрешения. Партия повторила ошибку XIII съезда, проигнорировав предупреждение Ленина¹³. Сталин остался во главе ЦК. То была роковая ошибка. Люди, призванные быть (или стремиться стать) творцами истории, принижались до простых управляемых винтиков (так советских людей в конце жизни ласково характеризовал сам вождь). Не отделяя Сталина от выдающихся экономических и военных успехов СССР, признавая его несомненную в них руководящую роль, мы обязаны смотреть горькой правде в глаза: роль эта меркнет на фоне тяжести совершённых преступлений. Из марксиста в начале своей жизни в политике он превратился в последние её два десятилетия в извратителя марксизма в теории и практике.

Сегодня, когда коммунисты думают, как организовать движение к новой социалистической революции, они не вправе забывать трагические последствия ошибок послеоктябрьского периода. Современное раздробленное коммунистическое движение в значительной мере поражено неосталинизмом. Он паразитирует на естественной тоске по утерянным элементам коммунизма в советском прошлом. Но они и утеряны по вине сталинизма. Те из коммунистических активистов, кто сегодня возглашает славу Сталину, объективно помогают идеологам буржуазии держать компартии на политической обочине. Действительно, мало найдётся среди думающих людей, активно не приемлющих капитализм, тех, кто может понять и принять моральные принципы активистов партии, славящих потопившего в крови кадровый золотой фонд своих объявленных предшественников. Не Сталина боится нынешняя кремлёвская власть. Вместе с церковными мракобесами всех мастей она трепещет перед Марксом, перед Лениным. Находящиеся в политическом и организационном кризисе традиционные коммунистические партии не выйдут из него, пока решительно не порвут со сталинизмом.

¹³ Ленин В.И. Письмо к съезду // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343–348.

С.Ф. Черняхов

**Сталин
и национально-революционный вопрос**

Рассмотрение национальной и внешней политики И.В. Сталина следует начинать с 30-х гг. XX в. – со времени, когда в результате победы во внутривластной борьбе Сталин приобрел всю полноту власти в партии и в стране. В историографии существуют две основных точки зрения относительно затрагиваемой нами проблемы. По мнению большинства современных исследователей, начиная, по крайней мере, с середины 30-х гг. наблюдается разрыв сталинского руководства с политикой интернационализма и поддержки мирового революционного движения. Причем если одни авторы дают такому повороту негативную оценку¹, то другие усматривают в нем сугубо положительную тенденцию².

Другая точка зрения современной исторической науки прямо противоположна предыдущей. Историки и публицисты рассматривают Сталина в качестве продолжателя дела Ленина в мировом революционном процессе. Как и в предыдущем случае, одни рассматривают эти усилия Сталина со знаком «плюс»³; другие выставляют этой политике жирный «минус»⁴.

При этом, как нередко бывает, в большинстве монографий Сталин в данном вопросе представлен крайне односторонне: либо адепт мировой революции и интернационализма, либо великодержавник-изоляционист. Как правило, приводятся факты, подтверждающие одну из сторон деятельности советского лидера, и, так или иначе, замалчиваются иные факты, подтверждающие вторую сторону сталинской политики...

¹ Роговин В.З. Сталинский неонэп. М., 1994. С.241–256.

² Жуков Ю.Н. Иной Сталин. М., 2003. С.113–114.

³ Косолапов Р.И. Предисловие к 18-му тому сочинений И.В. Сталина //Сталин И.В. Соч. Т.18. С. XVI–XVIII.

⁴ Попов Г.Х. Теория и практика социализма в XX веке. М., 2006. С.215.

В 1936 г. были сняты ограничения по службе в Красной Армии с казачества, по новой Конституции СССР в выборах могли принимать участие все слои советского общества, была раскритикована историческая школа М.Н. Покровского, выступавшая с жестких классовых, интернационалистских позиций. В середине 30-х годов начались репрессии против партийных работников и интеллигенции многих народов Союза ССР. Постепенно в исторической литературе и партийной публицистике начали прогрессивно оценивать многие завоевания царской России, а также деятельность ряда русских князей, царей и полководцев (А. Невского, Д. Донского, И. Грозного, Петра I, А.В. Суворова, М.И. Кутузова и др.)⁵

Однако далеко не все эти изменения можно отнести к возрождению великодержавной политики. К этому времени объективные тенденции укрепления нового строя способствовали дальнейшей общественно-политической амнистии противников большевизма. В этом контексте следует смотреть и на реабилитацию казачества, среди которого к тому моменту на свободе вряд ли имелись активные враги Советской власти. Также расширением социалистической демократии можно считать первые в СССР равные выборы (если бы они не проводились в условиях диктаторского режима).

Полагаем, что эти действия сталинского руководства были одной из многочисленных пропагандистских акций, демонстрирующих «демократичный характер» существующего строя. Что касается переоценки исторических ценностей и приоритетов, то здесь нужно видеть две узловые проблемы. С одной стороны, возврат ко многим пластам исторического наследия дореволюционной поры был объективен. Тотчас после Октября и окончательно в 20-е гг. провалились попытки большевиков строить новую жизнь с «чистого листа» в культуре, образовании, военной науке и проч. При этом в 30-е гг. апологетики князей и полководцев прошлого не наблюдалось, и, несомненно, на первом месте в советской идеологии незыблемо продолжали стоять творцы нового строя во главе с Лениным. В целом более сбалансированный взгляд на события истории (в том числе и дореволюционной) соответствовал ее диалектико – материалистическому пониманию.

В «Замечаниях» по поводу конспекта учебника по истории СССР (1934 г.) Сталин как раз критиковал его содержание с сугубо классовых позиций. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) отмечал, что в учебнике преподносится лишь русская история, а не история народов

⁵ Роговин В.З. Сталинский неонэп. С. 235, 241–254.

СССР; не подчеркнута аннексионистско-колонизаторская роль царизма, слабо представлено национально-освободительное движение покоренных самодержавием народов⁶. (Хотя именно эти раскритикованные вождем положения станут основополагающими в советской исторической науке к концу 40-х гг.)

Более существенные изменения происходят во второй половине 30-х гг. В 1937 г. были приняты постановления ЦК о ликвидации культурно-национальной автономии ряда народов, а в 1938 г. постановление о введении обязательного обучения русскому языку в школах национальных республик⁷. В стране возрождались бытовой национализм и ксенофобия. Рядовые партийцы и представители интеллигенции недоумевали по поводу такого поворота в национальной политике, ибо она все решительнее расходилась не только с марксизмом, но и с идеями и высказываниями самого Сталина⁸.

Сталинский террор середины 30-х гг. был направлен и против революционных эмигрантов, деятелей международного коммунистического движения. Одновременно Сталин требовал от ИККИ «чисток» в компартиях на местах. По мнению ряда исследователей, в Советском Союзе было уничтожено коммунистов из восточноевропейских стран больше, чем их погибло у себя на родине во время фашистской оккупации⁹. Известный советский экономист Е.С. Варга в письме Сталину в марте 1938 г. указывал, что в стране свирепствует ненависть к иностранцам; все они без разбора рассматриваются как шпионы; подобная политика деморализует деятельность ИККИ¹⁰.

Естественно, такой поворот в политике был замечен не только рядовыми партийцами, но и видными большевиками, в том числе бывшими лидерами внутрипартийной оппозиции. Неслучайно, многие историки усматривают одну из причин террора 30-х гг. по отношению к старым большевикам в их попытках, так или иначе, противостоять сталинской термидоризации национальной политики марксизма¹¹.

Сам Сталин в официальных выступлениях и статьях позволял лишь определенную корректировку марксистских положений в на-

⁶ Сталин И.В. Соч. Т. 14. С. 39–40.

⁷ Роговин В.З. Мировая революция и мировая война. М., 1998. С. 81.

⁸ См., напр., письмо театрального критика В.И. Блюма И.В. Сталину от 31 января 1939г. // Вопросы истории. 2000. №1. С. 130–132.

⁹ Роговин В.З. Партия расстрелянных. М., 1997. С. 322–341.

¹⁰ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 767.

¹¹ Жуков Ю.Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 года // Вопросы истории. 2002. №1. С. 3–25.

циональном вопросе, которую можно интерпретировать как конкретное применение теории на практике. В частных же беседах вождь был куда более откровенным.

В ноябре 1939 г. в беседе с А.М. Коллонтай Сталин восхвалял русский народ как «самый великий» и сетовал на происки «мирового сионизма»¹². А ведь до официального тоста «за русский народ» оставалось шесть лет. А до начала борьбы с космополитизмом – почти десять. Под свою ксенофобию Сталин подводил и «теоретическую базу». Дескать, в наше время пролетарский интернационализм нужно сочетать со здоровым национализмом, тогда будет меньше шпионов и предателей¹³.

На международной арене искажение Сталиным марксистских принципов не было столь явным, как внутри страны. После провала тезиса о «социал-фашизме» на рубеже 20–30-х гг. и прихода Гитлера к власти в Германии Сталин к 1935 г. приходит к тактике коллективной безопасности и Народного фронта. Данная тактика не являлась полным разрывом с идеями мировой революции. Маневрирование между более умеренной и более наступательной внешней политикой по-прежнему было подчинено цели создания монолитной мировой коммунистической системы с единым центром, разумеется, в СССР¹⁴.

В условиях стабилизации и укрепления капитализма в Европе и США, установления фашистских и профашистских режимов во многих европейских странах политика Коминтерна, проводимая в 20-х гг., попросту была невозможна. Даже в те годы В.И. Ленин в «Детской болезни левизны в коммунизме» констатировал и возможность, и необходимость для коммунистов заключения в определенные исторические периоды различных союзов и блоков, легальной парламентской борьбы и проч. Представляется, что даже Л.Д. Троцкий, находясь он во главе СССР в 30-е гг., несмотря на весь революционный пафос, вряд ли бы стал (а тем более, смог) избегать блоков с антифашистскими капиталистическими государствами. (Именно Троцкий в противовес Сталину на рубеже 20–30-х гг. выступал за единство антифашистских сил в Европе).

В 1932 г. Сталин в заметке «Господин Кэмбелл привирает» опровергает якобы высказанные им Кэмбеллу стремления ограничить «коммунизм» лишь своей страной, называя это «бессмысленной небывлицей»¹⁵. Понимая, что мировая революция в том виде, как это пред-

¹² Сталин И.В. Соч. Т.18. С.610.

¹³ Дневник Г. Димитрова // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 42.

¹⁴ Шубин А. 10 мифов Советской страны. М., 2008. С. 361–370.

¹⁵ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 147.

ставляли Маркс – Энгельс и даже Ленин неосуществима, Сталин ориентируется на длительную и кропотливую работу по идейной подготовке европейского пролетариата¹⁶. В итоге он приходит к выводу, что расширение географии социализма возможно через формирование у европейских рабочих образа СССР как «второй родины» (определенной защита страны от возможной агрессии); а самое главное – через мировую войну, которая подобно первой мировой войне, вырвет из империалистической цепи очередные «слабые звенья»¹⁷.

В 30-е гг. СССР активно поддерживает национально-освободительную борьбу Китая против японской агрессии, а также оказывает громадную помощь республиканской Испании. Полагаем, что и советско-германский пакт о ненападении (август 1939 г.) сам по себе в условиях Мюнхена не являлся изменой делу социализма. Наоборот, он позволил Советскому Союзу, ослабленному массовыми репрессиями, оттянуть войну почти на два года. (Хотя Сталин воспользовался этим временем не самым продуктивным образом.)

Другое дело – секретные протоколы к пакту. При всей двойственности их характера¹⁸ деление иных государств на сферы влияния, тем более – сговор с фашистами являлись не столько грубым нарушением международного права (западные демократии поступали точно так же), сколько отступлением от ленинской внешней политики. Еще более неоправданным преступлением сталинизма стала передача гитлеровской Германии немецких и австрийских политэмигрантов¹⁹.

В годы Великой Отечественной войны национализм сталинской политики стал уже практически открытым явлением. (Хотя теоретически он по-прежнему рядился в одежды патриотизма, а интернационализм оставался незыблемой идеологической доктриной.) Массовые депортации целых народов не только не имели ничего общего с большевистским интернационализмом, но и являлись вопиющим нарушением международных правовых норм, граничили с геноцидом.

В сталинской историографии депортации объяснялись тем, что «многие» представители выселенных народов сотрудничали с окку-

¹⁶ Дневник Г. Димитрова. С. 40, 34.

¹⁷ Наджафов Д.Г. СССР в послемюнхенской Европе. Октябрь 1938г.–март 1939 г. //Отечественная история. 2000. №2. С. 68–72; Шапинов В.В. Империализм от Ленина до Путина. М., 2007. С. 47.

¹⁸ Вхождение Прибалтики и Бессарабии в состав Союза ССР, несмотря на сталинские репрессии, было не только для социализма вообще, но и для этих народов в частности было лучшим вариантом, чем попадание под нацистскую оккупацию.

¹⁹ Роговин В.З. Конец означает начало. М., 2002. С. 117–120.

пантами, а «основная масса» их не оказывала противодействия этим предателям²⁰. А как быть с теми многими выходцами из «наказанных» народов, которые героически сражались с фашистами в рядах Красной Армии?!²¹ Что касается пассивности основной массы населения, то и в других районах страны активную борьбу в рядах партизан и подпольщиков вело меньшинство населения. Абсурдно высчитывать процент предателей в той или иной нации и на основании этого процента наказывать весь народ.

Причем Сталин и его окружение верили, что такая политика не противоречит марксизму. Так, много лет спустя В.М. Молотов в беседах с писателем Ф. Чуевым объяснял депортации словами правительственных постановлений 40-х гг., прибавляя лишь фразу о том, что «разбираться было некогда». И в тех же разговорах Молотов совершенно искренне доказывал необходимость равноправия всех советских народов²². Здесь налицо неумение владеть марксистской логикой, применить общее к частному.

После войны происходит дальнейшее усиление великодержавности во внутренней политике. В условиях начинавшейся «холодной войны», стремления значительной части населения к демократическим переменам Сталин возвращается к политике жесткого изоляционизма и в русле борьбы с Западом начинает кампанию против «космополитизма». Естественно, в такой борьбе главной опорой режима могли стать традиции русского народа – самого крупного среди советских народов. Русский народ для Сталина – цемент, скрепляющий остальные народы страны. Отсюда дальнейшее восхваление прошлого русской нации в ущерб другим народам СССР (через объявление дореволюционной национально-освободительной борьбы этих народов реакционной и проч.)

С другой стороны после победы в Великой Отечественной войне Сталин окончательно идентифицировал идеи мирового революционного процесса с советской экспансией, а собственное место в истории с ролью видных царей прошлого. Еще в 1937 г. он рассуждал о том, что русские цари сделали одно хорошее дело – сколотили огромное государство²³. Спустя десять лет Сталин объяснял положительную роль Ивана Грозного в русской истории следующим образом: «Мудрость

²⁰ Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995гг.) Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. М., 1996. С. 263.

²¹ Там же. С. 292.

²² Герои и антигерои Отечества. М., 1992. С. 434, 430–432.

²³ Дневник Г. Димитрова. С. 36.

Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния»²⁴. Таким образом, огромное, закрытое, сильное государство окончательно становится для Сталина идеалом; при этом, на деле, генералиссимус практически абстрагируется от историчности такого государства.

Несмотря на великодержавную политику, Сталин допускал русский шовинизм лишь до определенных пределов, понимая, к каким взрывоопасным последствиям для единства страны он может привести. Поэтому, следуя своей излюбленной тактике, он вел борьбу «на два фронта»: против космополитизма и великорусского шовинизма. В данном контексте следует рассматривать и «ленинградское дело»²⁵.

В этой связи не более чем очередной мифологемой выглядят рассуждения тех авторов, которые воспевают переход Сталина на «почвеннические», национал-патриотические и чуть ли не процерковные позиции²⁶. При этом для обоснования подобного «прозрения» вождя используются даже откровенные фальшивки²⁷. При всех искажениях и отступлениях от интернационализма полного разрыва с ним, а тем более окончательного перехода на позиции великодержавного шовинизма ни в теории, ни на практике Сталин не осуществил. В своей национальной политике Сталин механически соединил элементы марксизма с элементами великодержавности...

Особое место в национальной политике после войны приобретает антисемитизм. Первоначально Сталин положительно отнесся к созданию государства Израиль на Ближнем Востоке. Более того, в первую очередь, благодаря дипломатической поддержке и военной помощи со стороны Советского Союза и других социалистических стран Израиль был образован де-факто, одержав победу в перовой войне с арабами. Даже в 1948 г. в разгар «холодной войны» отношения между СССР и Израилем оставались достаточно хорошими²⁸.

²⁴ Сталин И.В. Соч. Т.18. С. 434.

²⁵ Вопросы истории. 1999. №7. С. 52; Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2001. С. 163.

²⁶ Историография сталинизма. М., 2007. С. 182–186, 199–204. Критика этих взглядов (См.: Шубин А. 10 мифов Советской страны. М., 2008. С. 368–370, 399–401).

²⁷ Курляндский И.А. О мнимом повороте Сталина к православной церкви // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 7–8, 11–13.

²⁸ Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2001. С. 401–403; Советско-израильские отношения: сборник документов. Т.1. Кн. 1. М., 2000. С. 412, 414.

Лишь на рубеже 1948–1949 гг. в отношениях между двумя странами началось похолодание. К этому времени окончательно рухнули надежды Кремля на то, что Израиль станет своеобразным форпостом советской внешней политики на Ближнем Востоке. Одновременно правящие сионистские круги еврейского государства пытались вести пропаганду среди советских евреев относительно их эмиграции на «историческую родину»²⁹.

Как известно, в СССР репрессиям в первую очередь подвергались те народы, которые имели государственные образования вне пределов Советского Союза (корейцы, немцы, финны и т. д.) А если учесть стремление интеллигенции, среди которой процент евреев был достаточно высок, к контактам со своими западными коллегами, становится понятной антисемитская политика властей в конце 40–начале 50-х гг. И если в конце 40-х гг. репрессий в основном еще не было, то в 1951–1953 гг. начались показательные процессы в виде уничтожения ЕАК, «дела врачей», погрома еврейской национальной культуры, «процентных норм» для евреев в госучреждениях и вузах.

Подобная политика, как и борьба с «врагами народа» в 30-е гг. и другие политические кампании, вызвала массовый психоз в обществе, всплеск, возрождение и формирование бытового антисемитизма. Нередкими стали выступления и письма во власть рядовых граждан с требованиями «принять меры к евреям». «Евреи мешают переделывать психологию советских людей в коммунистическом духе, – отмечалось в одном из писем на имя А.А. Жданова. <...> Народ наш терпелив. Он терпит евреев из уважения к партийным принципам большевистской партии. Но терпение может лопнуть»³⁰.

В этом письме – не только антисемитизм, принятие «на ура» очередной политической акции, желание выслужиться, отличиться в этом деле. Здесь, как на ладони, – уровень мышления части советских людей (как окажется впоследствии – значительной части), степень их восприятия коммунистической идеологии после тридцати лет Советской власти. А их мышление и восприятие формировались на базе весьма противоречивой политики сталинского руководства...

В исторической литературе и мемуарах неоднократно обращалось внимание на антисемитизм Сталина. Вполне возможно, такой порок у вождя действительно был. Однако, конечно, это не был религиозный

²⁹ Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2001. С.416–422.

³⁰ Сталин и космополитизм. С. 185–186.

антисемитизм монархистов или зоологический – нацистов. Даже в начале 50-х гг. евреи входили в ближайшее окружение Сталина; многие по-прежнему занимали ведущие позиции в государственном управлении, науке и культуре³¹. Антисемитизм, как и любая другая разновидность национализма, был для Сталина средством достижения собственных целей.

Понимая, что антисемитизм – это пятно на его репутации как марксиста-ленинца, на словах вождь даже среди своего ближайшего окружения старался отмежеваться от антисемитизма, осудить его проявления³². Большинство людей, по воспоминаниям К.М. Симонова, искренне верило, что это зло чуждо мировоззрению Сталина. Лишь позднее наступало прозрение. Сталин устраивал перед людьми очередной спектакль, а сам являлся главным инициатором насаждения антисемитизма в стране³³.

Завершая рассмотрение проблемы государственного антисемитизма в СССР после войны, нельзя не согласиться с выводом выдающегося советского разведчика П.А. Судоплатова. «Сталин и его ближайшее окружение проявляли интерес к еврейскому вопросу, чтобы извлечь политические дивиденды в борьбе за власть и для консолидации своих сил. <...> Использование Сталиным антисемитизма... в своих политических махинациях... обернулось развязыванием рук для тех руководителей, которые таили в душе ненависть к еврейскому населению. Для Сталина антисемитизм был орудием для достижения цели, но в руках его подчиненных он стал принципом государственной кадровой политики»³⁴.

По окончании Второй мировой войны большинство освобожденных Красной Армией стран Европы и Азии встали на социалистический путь развития. Корреляция между революциями внутри этих стран и их «экспортом» со стороны Советского Союза – тема отдельного исследования. Важно отметить другой факт. Объективно расширение советского влияния в обозначенных регионах было созданием мировой социалистической системы. Другой вопрос, что эта система было

³¹ Интересно, что премьер-министр Израиля Бен-Гурион отрицал биологический антисемитизм в Сталине. (Советско-израильские отношения. Кн. 2. С. 405.)

³² Тем более, что окружение Сталина, несмотря на общее раболепие, не было абсолютно во всем с ним согласно. А.А. Жданов и В.М. Молотов в целом оставались на позициях интернационализма. То же можно отнести к большинству видных представителей творческой интеллигенции (русских по национальности).

³³ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения // Симонов К.М. Истории тяжелая вода. М., 2005. С. 445, 457–459.

³⁴ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 348, 365.

слепком со сталинской системы в СССР со всеми присущими ей существенными деформациями социализма.

Касаясь соотношения социализма и сталинизма, видный исследователь В.З. Роговин отмечал: «В отличие от стратегии Ленина-Троцкого Сталин предпочитал методы геополитической экспансии, а не поддержки народных революций»³⁵. Позволим себе не во всем согласиться с такой оценкой. Действительно, методы сталинской поддержки революционных движений отличались от проектов Ленина и Троцкого на заре Советской власти (так же как практика последних отличалась от теории перманентной революции К. Маркса и Ф. Энгельса). Как мы уже указывали применительно к 30-м гг., все дело – в изменениях на международной арене, в мировом коммунистическом движении.

Даже в 1918–1927 гг., когда капитализм переживал жесточайший кризис, а в мире происходили многочисленные революции, ни одна из них по тем или иным причинам не победила. Затем, несмотря на прогнозы левых, капитализм укрепил свои позиции. И хотя в результате победы над фашизмом влияние коммунистических сил возросло, уповать на мировую революцию в том ключе, как ее представлял Ленин, а тем более Троцкий, не имело под собой серьезных оснований.

Никто иной, как Л.Д. Троцкий, при всей апологетике революционных способностей европейского пролетариата, еще в 20-е гг. сделал, на наш взгляд, пророческие замечания по поводу судеб мировой революции. Выступая на XV конференции ВКП(б) (осенью 1926 г.) он обозначил суть проблемы. Если в обозримом будущем не произойдет мировой революции, то капитализм укрепит свои позиции, расширит свое воспроизводство, что автоматически усилит его военнотехническую мощь, поднимет оппортунистическую «рабочую аристократию». А это, в свою очередь, объективно ослабит не только международное рабочее движение, но и СССР³⁶.

Подходя к проблеме диалектически, Троцкий в письме VI конгрессу Коминтерна (июль 1928 г.) предостерегал от абсолютизации политики «мирного сосуществования» с Западом, ибо вместо страховки себя от возможной интервенции может получиться иная картина. За период длительной мирной передышки капитализм и оппортунизм

³⁵ Роговин В.З. Конец означает начало. С. 146.

³⁶ XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). 26 октября–3 ноября 1926 г. Стеногр. отчет. М.–Л., 1927. С. 531–533.

станут сильнее во всех отношениях, а значит, станут сильнее препятствовать социалистическому развитию Советского государства³⁷.

В 30-е гг. неблагоприятный для судеб мирового социализма вариант прогноза Троцкого стал, по сути, полностью сбываться. И дело здесь не только в ослаблении революционной миссии СССР, не только в тактических ошибках лидеров революционных партий, но и во внутренних резервах капиталистической системы, которые большевики изначально недооценивали.

Сталин пытался нащупать разрешение этой проблемы еще с середины 20-х гг. во время острейшего внутривластного противостояния с левой оппозицией и окончательно пришел к ее решению в 30-е годы. Однако стратегия поддержки международного коммунистического движения и образования новых социалистических стран оставалась тождественной доктрине большевизма.

Очень точно раскрывает суть этого вопроса В.В. Шапинов. «...В отличие от Троцкого, чье видение осталось лишь теоретической схемой, в создании мировой системы социализма от Китая до Восточной Германии мы видим формулу реализации этой идеи: Сталин воспользовался мировой войной, чтобы максимально расширить географию социальной революции. <...> Различные взгляды на политику коммунистических партий в Германии, Испании, Китае – это различные варианты революционной политики...но это вовсе не отказ от революции...»³⁸

Роспуск по инициативе Сталина в 1943 г. Коминтерна – не более чем очередной политический ход в условиях укрепления сотрудничества с союзниками по антигитлеровской коалиции. И через создание после войны Коминформа, и через личные контакты с лидерами зарубежных компартий Сталин по-прежнему играл определяющую роль в выработке политики иностранных коммунистических партий.

Первоначально (примерно до конца 1948 г.) Сталин инструктировал лидеров стран народной демократии проводить умеренную политику, без «красногвардейской атаки на капитал», в духе народно-демократического фронта³⁹. Лишь в 1948–1949 гг. в условиях окончательного наступления эпохи «холодной войны» генералиссимус пошел на трансформацию народно-демократических режимов в странах Восточной Европы в однопартийные. Но даже тогда советский лидер не

³⁷ Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998. С. 674–685.

³⁸ Шапинов В.В. Империализм от Ленина до Путина. М., 2007. С. 47.

³⁹ Сталин И.В. Соч. Т. 18. С. 470; Дневник Г. Димитрова. С. 46, 49, 54.

отказывается от мысли о поэтапности социалистических преобразований (прежде всего, в экономической сфере) в этих государствах⁴⁰.

Главное, чего Сталин непременно требовал от лидеров стран народной демократии на протяжении всего послевоенного времени – это даже не абсолютного копирования советского опыта, а безусловного исполнения непосредственных указаний Кремля на тот момент времени. В этом контексте следует рассматривать конфликт с Югославией, а также репрессии против видных политических деятелей в руководстве других восточноевропейских стран.

Итак, мировой революционный процесс второй половины 40-х гг. XX в. ознаменовался, с одной стороны, приходом к власти компартий в странах Восточной Европы и Юго-Восточной Азии, началом строительства основ социализма в этих государствах. Значительной всесторонней помощью со стороны Советского Союза; с другой стороны – изначальной деформацией этого процесса по советскому образцу, использованием советским руководством появления дружественных стран в собственных, узко геополитических интересах.

Рассматривая масштабную войну в качестве одного из ключевых средств в дальнейшем расширении социалистического лагеря, Сталин с конца 40-х гг. открыто принимает вызов Запада на конфронтацию. «Следует этого [новой мировой войны – С. Ч.] бояться? – рассуждал генералиссимус осенью 1950 г. в разгар корейской войны. – По-моему, не стоит, так как мы вместе [с Китаем – С. Ч.] будем сильнее, чем США и Англия, а другие капиталистические европейские государства без Германии, которая сейчас не может оказать США какой-либо помощи – не представляют серьезной военной силы»⁴¹.

По воспоминаниям одного из видных военных деятелей компартии Чехословакии А. Чепички, в начале 1951 г. на совещании в Москве Сталин заявил, что на данный момент в Европе наблюдается перевес у армий социалистических стран, и пока он существует, нужно использовать эту историческую возможность: освободить Европу от капитализма. Начали разрабатываться конкретные военно-стратегические планы. Однако колоссальные экономические и военные издержки подобной операции побудили советского лидера в скором времени отказаться от своего плана⁴².

⁴⁰ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. М., 2002. С. 70–72, 696.

⁴¹ Сталин И.В. Соч. Т. 18. С. 554

⁴² См. Вопросы истории. 1999. № 10. С. 85–87.

Подводя итог национальной и внешней политике Сталина, обозначим ряд выводов. Во-первых, и это главное, диалектический анализ сталинской политики позволяет видеть ее противоречивость. Присутствие в ней, как интернационально-коммунистических, так и великодержавно-шовинистических тенденций.

Во-вторых, следует разделять внешнюю и внутреннюю политику Сталина в этом вопросе. Во внешней политике, несмотря на существенные отклонения (раздел сфер влияния с гитлеровской Германией, выдача нацистам политэмигрантов и проч.) СССР в целом сохранил революционный потенциал советской внешней политики предыдущих лет. Об этом свидетельствуют поддержка народного правительства Испании и борьбы китайского народа против Японии в 30-е гг., создание мировой социалистической системы после Второй мировой войны. Однако этот революционный потенциал был существенно модифицирован, как по объективным, так и по субъективным причинам.

К объективным обстоятельствам относится изменение международной обстановки: крах надежд на способность мирового (и, в первую очередь, европейского) пролетариата собственными силами (или, по крайней мере, при поддержке СССР) осуществить в своих странах социалистические революции. К субъективным факторам следует отнести специфическое понимание Сталиным мирового революционного процесса. Образование после войны стран народно-демократического блока являлся для советского лидера не целью, а, прежде всего, средством укрепления геополитического положения СССР, собственных вождистских устремлений. Несомненно, сила мирового коммунистического движения была прямо пропорциональна мощи Советского Союза. Но Сталин своей политикой нарушил эту пропорцию. От этого (и в то время, и особенно в будущем) пострадали не только международное рабочее движение, но и Советское государство.

Во внутренней политике национально-государственная деятельность Сталина также была противоречива. С одной стороны, происходило преодоление вековой отсталости многих народов, их бурное экономическое и культурное развитие. Интернационализм, культивируемый марксистско-ленинской идеологией, все шире завоевывал сознание советских людей и проявлялся в сотрудничестве, дружбе, любви представителей разных советских народов.

С другой стороны – этот вектор развития тормозился и искажался параллельно начавшимся со второй половины 30-х гг. ущемлением национально-культурных прав отдельных народов, репрессиями про-

тив их представителей, а затем против ряда национальностей в целом. Здесь Сталин целиком отошел от марксистского понимания национального вопроса (и даже от буржуазно-демократической трактовки этой проблемы). Сталинский национализм не имел в своей основе ключевых черт феодально-буржуазного национализма (религиозных, расовых, экономических). Он проистекал из великодержавной, «имперской» концепции государственного устройства, принятой Сталиным на вооружение еще в 20-е гг., и опирался на еще не устраненные пережитки дореволюционного прошлого в быту и сознании немалой части населения. Двадцать – тридцать лет принципиально иного уклада жизни даже при абсолютно верной государственной политике не смогли бы полностью разрешить эту проблему. Национализм «сверху» нередко находил благодатную почву в национализме «снизу»; не давал последнему окончательно исчезнуть, наоборот, возрождал в той или иной форме, подпитывал его жизненные силы. Интернационализм применялся Сталиным во внутренней и внешней политике ровно настолько, насколько это диктовалось укреплением собственного режима (выше мы уже указывали, что укреплению советского строя способствовала как раз целиком интернационалистическая политика) и поддержанием в глазах западного левого движения собственного реноме «марксиста-ленинца». При этом интернационализм был чужд Сталину в качестве революционной, нравственной потребности коммуниста, как это было присуще Ленину, Че Геваре и многим другим видным деятелям международного левого движения.

Большинство современных историков приходит к выводу, что Сталин, вопреки декларациям, воплотил на практике свой план «автонормализации»; а созданное унитарное по сути государство наиболее полно отвечало интересам мобилизационной экономики и командно-административной системы управления. Сущность сталинского национализма – не в предубеждении против каких-либо наций, а в стремлении на корню пресечь любые попытки окраин ослабить свою зависимость от центра⁴³. Кроме того, национальный вопрос становился для Сталина разменной монетой в достижении тех или иных целей, как внутри страны, так и на международной арене; а национальный террор стал частью массового политического террора.

Понятно, что и принцип федерализма не являлся волшебным ключиком к окончательному разрешению межнациональных проти-

⁴³ Аманжолова Д.А. Сталинизм в национальной политике: некоторые вопросы историографии //Историография сталинизма. С. 337, 347–348, 353–354.

воречий. Даже если бы этот принцип целиком соблюдался Сталиным, со временем возникло бы противоречие между интернациональным характером Советского государства, формированием единого советского народа и существованием этнического федерализма⁴⁴. Однако, для того, чтобы указанное противоречие созрело, необходимо было длительное время. Только в том случае, когда все народы почувствовали бы себя равными, возможен был переход к снятию национального федерализма через ту или иную форму, степень слияния всех советских народов опять же – на равной основе.

Таким образом, в межнациональном развитии того периода можно выделить два основных противоречия. Одно из них – между новыми общественными бытием и сознанием и пережитками старого общества – объективное, диалектическое. Оно органически присуще формирующемуся новому обществу и успешно разрешается по мере поступательного движения нового строя во всех сферах жизнедеятельности. Другое противоречие – между марксистской концепцией пролетарского интернационализма и сталинской политикой «дозированного» национализма – субъективно и недиалектично. Политика национального ущемления (в любой степени и форме) органически чужда социалистической системе. А значит, данное противоречие интернационального и национального не может разрешиться в рамках этой системы и рано или поздно должно было взорвать ее.

Естественно, невозможно с процентной точностью указать соотношение интернационализма и национализма в советской политике сталинского периода. Важно другое. Искажение Сталиным марксизма подрывало основы Советского многонационального государства, открывало шлюзы для сохранения и возрождения буржуазного национализма, особенно в среде пострадавших народов, снижало авторитет Советского Союза в левых кругах Запада. Частичное исправление ошибок советским руководством после Сталина не ликвидировало межнациональных противоречий в стране и не смогло предотвратить распад СССР в период перестройки. Историческая реальность со всей очевидностью продемонстрировала невозможность единства имперских и социалистических признаков государственного устройства.

⁴⁴ Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М., 2006. С. 408.

Е.А. Козлов

Против мифологизации истории сталинизма

Если мы хотим по-марксистски, т. е. объективно, всесторонне и научно, разобраться в трагедии большевистской партии, в эволюции сталинского режима власти, в «загадках» 1937 года», которыми пестрят многочисленные публикации последних лет, мы должны вначале отряхнуть прах исторических мифов, затуманивающих наше сознание.

Миф первый, который как ни странно, воспроизводится сегодня не только упертыми сталинистами, но и официальными пропагандистами путинского режима, сложился одновременно с самими событиями второй половины 30-х гг., являясь их официальной версией. Согласно этой версии, к 1937 г. сложился военно-фашистский, правотроцкистский заговор, страна оказалась на грани новой гражданской войны и только чрезвычайные полномочия, переданные НКВД, смогли сохранить власть в руках сталинского Политбюро. Пропагандистским обеспечением этой версии являлись открытые судебные процессы 1936–1938 гг., теоретическим обоснованием – теория обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму, политическим прикрытием – официальная доктрина о вырождении троцкизма в контрреволюционное течение, агентуру спецслужб Запада.

Документальной основы этой версии современные исследователи не находят, базируется она только на признаниях, вырванных под пытками у десятков тысяч партийных и советских работников, военных и чекистов. Но дожившие до глубокой старости Молотов и Каганович до конца своей жизни продолжали утверждать о полезности и оправданности уничтожения «пятой колонны в СССР» накануне Великой Отечественной войны.

Современные сталинисты, признавая, что среди сотен тысяч уничтоженных в 1937–1938 гг. были и невинные жертвы «перегибов», до сих пор придерживаются этой официальной версии.

Вторая версия, также на протяжении двадцати лет была официальной в СССР, нашла отражение в документах КПСС 1956–1961 гг.

Для краткости будем именовать ее «хрущевской». Как признавал сам Н.С. Хрущев, одной из причин ее появления стало возвращение к партийной жизни сотен тысяч членов партии, реабилитированных и выпущенных из лагерей в 1953–1955 гг. Их живые свидетельства, их преданность идеалам коммунизма были несовместимы с прежней, сталинской версией террора, и требовали иного объяснения событий 1937–1938 гг. И это объяснение появилось в рамках концепции отступления Сталина от ленинских норм партийной и государственной жизни, формирования культа личности и расправы Сталина и его ближайших соратников, (круг которых определялся перипетиями внутрипартийной борьбы в 50-е гг.), с теми, кто выступал против этих отступлений, за сохранение большевистских традиций.

Обращает на себя внимание, прежде всего субъективистский характер этой концепции. Игнорируя объективные причины террора и борьбу социально-политических группировок внутри слоя правящей бюрократии, она сводит объяснение трагедии к личным качествам Сталина, фактически являясь инверсией прежней концепции борьбы врагов народа против великого и всемогущего вождя. Хрущевское руководство КПСС, оставаясь методологически во власти сталинского мифа о концепции строительства социализма в СССР, не осмелилось реабилитировать политических противников Сталина внутри ВКП(б), но активно воспроизводило лагерные мифы о борьбе большевиков-ленинцев против сатрапа Сталина.

Эти мифы (о голосовании 300 делегатов XVII съезда ВКП (б) против Сталина, о выдвижении Кирова на пост Генсека как мотива убийства его Сталиным, о совещаниях «за чашкой чая» членов ЦК ВКП (б), о борьбе умеренного и радикального крыла Политбюро ЦК) не были подтверждены документально еще в те годы, опровергаются они и современными научными исследованиями. Хрущевский миф о безупречных большевиках, на головы которых обрушился неожиданно и неоправданно, неизвестно откуда взявшийся сталинский террор, имевший целью физически устранить всю старую партийную гвардию, так же далек от реальной истории, как и сталинские версии о двурушниках – агентах охраны и всех иностранных разведок.

Не будем забывать, что все решения о проведении террора, в т. ч. о применении пыток, опирались на партийные директивы, решения ЦК ВКП(б), что позволяет утверждать о самоуничтожении большевизма.

В этом смысле теория Троцкого о термидорианской, бюрократическом перерождении большевистской партии и формировании ре-

жима личной власти Сталина, который уничтожал всех реальных и потенциальных противников этого режима, выглядит гораздо убедительнее. Неслучайно теория сталинской «кадровой революции» получила такое широкое распространение в последние годы. И правые националисты, и левые интернационалисты, и историки-объективисты сходятся в том, что уничтожение левых сторонников мировой революции – противников «государственника» Сталина отвечало его внешнеполитическим целям и технократическим подходам к решению внутригосударственных задач.

Однако эта идеологическая конструкция также не сопрягается со многими конкретными фактами. Прежде всего, она игнорирует проблему массового уничтожения «бывших людей», во многих случаях действительных врагов Советской власти (кулаков, националистов, бывших царских жандармов и белогвардейцев, церковников, членов контрреволюционных организаций) по постановлению Политбюро от 2 июля 1937 г. (так называемый «большой террор»). Эти массовые и тайные спецоперации (на них приходится 632 тыс. смертных приговоров из общего числа 682 тыс. расстрелянных в 1937–1938 гг.) проводились местными чрезвычайными «тройками» с многократными превышениями лимитов, установленных в Москве, и выражали они, скорее, большевистские традиции революционного террора эпохи коллективизации и гражданской войны, чем «сталинский бонапартизм». Большинство исполнителей «кулацкая» и «национальные» «спецоперации» рассматривалась как особая и, с их точки зрения, вполне обоснованная форма классовой борьбы накануне неминуемой военной схватки с германским фашизмом.

Что касается «большой чистки» партийно-государственных кадров, проводившейся после убийства Кирова в упрощенном, но судебном порядке, то после замены Ягоды Ежовым для проводивших ее чекистов (70–80% которых пришли в органы ВЧК еще при Ленине и Дзержинском) она представляла как способ расправы с разложившимися и обуржуазившимися правыми элементами ВКП(б). Эта расправа не может иметь юридического оправдания, но для сотрудников органов госбезопасности и связанной с ними части партийных функционеров, фабрикация дел была допустимой, коль речь шла о борьбе с «партийными вельможами», предавшими первоначальные идеалы пролетарской революции, прежде всего, принцип социального равенства. Парадоксальным образом это было признанием правоты Троцкого в оценке степени бюрократического перерождения, но Сталин в

этом отношении не выражал интересы перерожденцев, а уничтожал их руками чекистов.

История как всегда глубже и сложнее идеологических схем и концепций. В кровавом клубке событий второй половины 30-х гг. переплелись многое: клановая борьба различных чекистских группировок и связанных с ними людей в партийном и государственном аппарате; явное стремление Сталина освободиться от значительной части обанкротившихся и разложившихся партийных кадров. Его желание пресечь проявления ведомственного и регионального «сепаратизма» со стороны представителей прежней номенклатуры, направив на них нараставшее народное недовольство, особенно ярко проявившиеся в условиях продовольственных трудностей 1936–1937 гг.; страх партийных бонз перед намечавшимися демократическими выборами 1937 г. и стремление раздавить разоблачавшее их троцкистское подполье; быстрая смена внешнеполитических ориентаций и легендирование в качестве разоблаченных заговоров проводившихся ранее с ведома Сталина тайных дипломатических и чекистских операций.

Анализ этой конкретной истории должен выводить и на такие общие особенности большевизма как массовая и слепая вера в непогрешимость партии и ее вождя, абсолютизация насилия и революционной целесообразности, беспощадность к оппозиционерам и инакомыслящим как к врагам, находящимся за рамками права и морали. Эта психология осажденной крепости, в которой партии отводится роль монолитного стержня государства, а государство предстает как единственная реальная сила антибуржуазного переустройства общества, – являются неизбежным следствием национальных особенностей Октябрьской революции. И только отбросив мифы прошлого, только изучая все этапы эволюции большевизма в 1917–1938 гг., можно создать марксистскую концепцию развития советского общества.

М.П. Кропоткин

Две стороны одной медали

Во-первых, хотел бы усомниться в возможности отделения Сталина от сталинизма. Конечно, сталинизм создавался не только Сталиным, но, очевидно, что не без его активного участия. В обоих отношениях, и в позитивном, и в отрицательном, его личность непосредственно проявлялась. Это две стороны одной медали.

Здесь много уже сказано об объективных социально-экономических условиях в период деятельности Сталина и Троцкого. На мой взгляд, их деятельность и возникшие в результате этого модели определялись сочетанием, наложением объективных обстоятельств и субъективной составляющей, т. е. особенностью их характеров. Причем судить о характерах, мотивации и т. д. надо, прежде всего, не по оценкам знавших их людей, а по достоверно установленным фактам. Человек в своих оценках – существо субъективное и эмоциональное. Известно высказывание Троцкого, что «Сталин – ничтожество».

Но Сталин и Троцкий находились друг к другу достаточно в напряженных отношениях. Сталин видел в Троцком, вероятно, самоуверенного выскочку, занявшего важнейшие посты. Троцкий же в Сталине видел недалекого, малообразованного, по сравнению с ним, человека.

Неопровержимо, на основе фактов, мы можем сказать о Сталине: крайне подозрителен, злопамятен, циничен, лицемерен и жесток. Находятся люди, которые последнее даже оправдывают, но как можно оправдать убийство своих оппонентов, в конце концов, существовала возможность их изоляции, подобно Польше в 1982 г. Невозможно оправдать и применение пыток, зачастую только лишь, чтобы заставить человека оговорить самого себя. Жестокость была неоспоримой чертой его характера.

Вообще говоря, лидер с такими человеческими качествами, способен затруднить строительство социализма и в самой развитой стране.

Но конечно, Сталин не был ничтожеством, у него была определенная сила, энергичность, ум. Невозможно согласиться с высказыванием М. Воейкова о том, что «сталинское руководство шло за событиями экономической необходимости, совсем этого не понимая и даже не думая об этом. Сталин и его окружение думали, что возглавляют и направляют экономический процесс. Однако каждый раз попадали впросак». Ошибок, в том случае, когда проблема вообще имела решения, он допускал не больше других крупных деятелей.

Приведу лишь два примера тяжелых, но необходимых решений.

Форсированная и, по большей части, принудительная коллективизация навлекла на себя очень много критики. Да, издержки её были огромны и не ограничивались голодом. Произошла смена настроений большей части «среднеяцкого» крестьянства в сторону резкого недовольства советской властью (зафиксированная донесениями ОГПУ), которое смягчилось лишь к концу 1930-х гг. значительными поставками сельхозтехники в село.

Но она же, в отличие от «военного коммунизма», разрубила не один, а несколько острейших тогда вопросов:

– «кризис хлебозаготовок» – город не только получил необходимый минимум продуктов, но часть сельхозпродуктов, как и до того, была экспортирована за валюту. А потребность в ней в связи с индустриализацией была такая, что мы продавали нефть и мазут Муссолини (большинство стран Запада отказывалось покупать их у Советской России);

– политически было достигнуто резкое усиление роли (не симпатий – это разные вещи) партии и государства в деревне – через фактическое назначение председателей колхозов, поставки сельхозтехники и т. д.;

– ликвидация в деревне кулацкого, буржуазного сопротивления социализму в целом;

– страна получила значительное количество рабочих рук для освоения Севера (месторождения Воркуты, Колымы, Норильска) и строек в наиболее тяжелых условиях (каналы, Дальний Восток). Необходимость в этом была абсолютной, а «заманить» туда людей высокой оплатой не было финансовой возможности. Оставалось два основных источника: энтузиазм комсомольцев и заключенные и раскулаченные.

Раскулаченные работали, в частности, с моим отцом-геологом на Колыме в первой половине 30-х гг., и были по его словам, работящими, здоровыми, кормили их тогда нормально.

Есть мнение, что коллективизация, проводимая постепенно и полностью добровольно, дала бы к 1941 г. те же 99% кооперированного крестьянства. Фактически вряд ли эта цифра была бы выше 30–40%, что подтверждается как психологической и экономической характеристикой нашего сельского хозяйства, так и мировым опытом.

Вероятно, можно было завершить коллективизацию в основном не за 3–4, а за 5–6 лет, но вряд ли было возможно растянуть её на 15, а тем более на 45 лет.

При Сталине же оформилась жестко централизованная система управления, с минимумом «говорильни», во многих ситуациях эффективная в ту пору, хотя имеющая много известных недостатков. «Вертикаль» эта была «двуногой», имея партийную и хозяйственную ветви, в отличие от нынешней инвалидной «одноногой» вертикали, где чиновники сами все решают, сами как-то исполняют, сами воруют в чудовищных масштабах, и сами же себя должны сечь за коррупцию и другие преступления!

При рассмотрении вопроса о желательных темпах и «стилях» индустриализации почему-то игнорируются важные факторы:

– кризис 1929–1933 гг. привел к резкому удешевлению западного промышленного оборудования; спустя 2–3 года цены на него снова поднялись и стали бы непосильны для СССР;

– освоение современного промышленного производства, тем более при создании новых отраслей, требует заметного времени при любом энтузиазме (как и освоение, кстати, техники в войсках); создав, условно, авиационную и танковую промышленность не в 1930–1933 гг., а в 1937–1940 гг., мы в 1941-м были бы и без самолетов и без танков.

Нам бы хорошо понять, что из троцкизма и сталинизма мы, как левые, можем использовать для пропаганды и для самого строительства социализма или его предпосылок.

– Можем ли мы использовать образ Сталина в пропаганде из-за его популярности? Я думаю, что нет, хотя среди части населения, в том числе, социалистических взглядов, он остается «непогрешимой иконой» и «настоящим коммунистом». Образ его в нынешних условиях тянет больше к державности, чем к коммунизму, больше к бюрократической авторитарности, чем к народовластию.

– Отдельный вопрос – это роль товарно-денежных отношений, проблема «переходного периода».

Это конечно не период, это эпоха. Но не мог же К. Маркс всё это представить. Эпоха, которая длится десятилетия, а в некоторых стра-

нах и столетия в течение которых, товарно-денежные отношения в какой-то форме, возможно используя и формулировку Сталина – «особого рода», неизбежно существовать будут, лишь постепенно сменяясь другими регуляторами.

– Роль рабочего класса в строительстве социализма. Уже не раз задавался вопрос, может ли класс, неразрывно связанный с капиталистическим производством, быть главным мотором созидания нового общества. Класс, который, по мнению некоторых ученых, должен себя еще чуть ли не мгновенно самоупразднить после социалистической революции. Возможно рабочие вместе с интеллигенцией могут быть этой движущей силой, но лишь в условиях постоянного развития социалистических процессов в обществе.

– Роль самоуправления. На него основную ставку делал Троцкий. Помимо сложностей сопряжения его с планированием, как показал, в частности, опыт Югославии, исходя из личного опыта развитие самоуправления – это длинный и тяжелый процесс. Одни, воспитанные капиталистическим обществом, воспринимают его с недоверием, другие не очень хотят в этом участвовать, их вполне устраивает роль ведомых. И все же, видимо, самоуправление – один из мостиков, ведущих к подлинному социализму, в том числе, через воспитание активности людей.

– Роль иерархической системы управления и собственно самого лидера. В условия того времени подобная система во главе с жестким и целеустремленным лидером, при всех недостатках, все таки сработала позитивно. Но чем более образованным, развитым, самоорганизованным становится человек, тем в меньшей степени он нуждается в подобной системе.

– Возможность сохранения общеполитических свобод – собраний, печати, независимого ТВ, существование оппозиции, демократических процедур (выборы, референдумы). Скажем, в Венесуэле все это сохранено, в ряде же других стран, от Кубы до Китая, это было в основном утрачено. Сохранение этих свобод в течение «переходного периода», видимо, возможно, не при любых условиях и требует большого политического искусства.

В.Н. Шевченко

***Сталин: мобилизационный тип развития:
причины, результат, исторический смысл***

Осенью 2009 г. руководство страны объявило о необходимости модернизации сегодняшнего российского общества, отставание которого от развитых западных государств приобрело исключительно опасный для будущего страны характер. Было обращено внимание также на зависимость России от экспорта сырья. Но напомним, в стране уже был период того, что сегодня называется модернизацией. Сталин провел в 30–40-е гг. прошлого века всестороннюю модернизацию страны. И сегодня правящая элита страны, пытаясь начать новую абсолютную необходимую стране модернизацию, так или иначе должны высказать свое отношение к опыту сталинской модернизации.

Сталин был крупным государственным и политическим деятелем нашей страны и фактическим ее руководителем на протяжении 30 лет (1923–1953 гг.) Он считал себя марксистом и учеником В.И. Ленина, решал сложнейшие практические задачи, Создал особый тип государства рабочих и крестьян, и заложил основы особого советского социализма в виде сталинского социализма.

У нас сложилась необычная ситуация. О Сталине написано огромное количество, в основном, публицистической литературы, которую невозможно всю перечислить, а тем более оценить, существует огромный массив официальных документов, воспоминаний соратников по партии, друзей и врагов, и, разумеется, его работы, написанные лично им самим, а не его спичрайтерами. И всего этого оказывается сегодня недостаточным для уяснения феномена Сталина.

Объясняется это видимо тем, что в обществе сохраняется полярированность оценок его личности и деяний. Сегодня это неустранимый факт современной интеллектуальной мысли страны и мира. Более того, острая потребность в постоянном проговаривании имени Сталина, стала живым и болезненным нервом нашего интеллектуального сообщества. Это обнаруживает себя практически на каждом круглом столе или научном семинаре сегодня, какой бы общественно-значимой теме

они не посвящались. Никаких подвижек в сторону консенсуса, согласия в оценке Сталина в общественном мнении нет, и не предвидится. Массовому телезрителю или читателю постоянно навязывается дилемма «Сталин – преступник или герой?». Положительное отношение к Сталину за последние годы постоянно растет, и сегодня достигло примерно пятидесяти процентов. Телешоу «Имя России» (2008 г.) показало, что Сталин до сих пор остается одним из главных символов России, если не самым главным.

Конечно, хотелось бы, чтобы наше прошлое перестало раскалывать общество, перегруженное многочисленными угрозами и вызовами современности. Обществу невероятно трудно двигаться вперед при отсутствии внятного объяснения сталинского этапа отечественной истории, такого объяснения, которое оказалось бы приемлемым для сознания большинства российских людей. Как известно, совсем недавно в 2007 г. запущен большой исследовательский проект, предполагающий издание 100 томов, посвященных сталинизму. Опубликовано свыше 70 томов, написанных главным образом, зарубежными англоязычными исследователями. Этот проект абсолютно тенденциозный, направленный на систематическую дискредитацию всего советского периода, связанного с правлением Сталина(1). Нам хотелось бы более объективно взглянуть на феномен Сталина с философских, мировоззренческих позиций. Несомненно, что именно в этой плоскости нужно искать пути преодоления раскола общества и прочную основу для объективного, научного изучения вопроса.

Убежденный противник Сталина В.Костиков, в общем-то верно указал на причины неизменно высокого рейтинга Сталина, пусть и на страницах массовой таблоидной газеты. С момента его смерти «прошло более полувека. С момента капиталистической «перезагрузки» страны 18 лет. По советским меркам – почти четыре пятилетки. Сталин умрет не от включения народного ума и не под воздействием проклятий и заклинаний. Он умрет тогда, когда на российском горизонте замаячат победы. Пока их нет»(2). Так почему же их не было и нет? Кажется бы, радикальные либералы получили редкую возможность, избавившись от сталинского наследия, построить по своим собственным лекалам в стране правильный нормальный капитализм, однако ничего из этого не получилось.

Необходимо в этой связи еще раз пристальнее взглянуть в исторический смысл того, что было сделано страной в годы правления Сталина и партии большевиков, в их уникальный опыт проведения всестороннего изменения общества.

Сталин и политика модернизации

Российская история последних столетий насчитывает большое число разного рода реформаторов, но несомненно, выдающимися фигурами в этом ряду выступают Петр I и Иосиф Сталин. Со времен правления Петр I прошло три столетия, но до сих пор нет единого мнения по поводу исторического значения его грандиозной реформаторской деятельности. Широко известное представление о том, что с деяний Петра начинается преодоление отсталости России от Запада на путях догоняющей модернизации, другими словами, догоняющей вестернизации России, сегодня все больше подвергается сомнению. Есть достаточно оснований считать, что Россия впервые попыталась дать свой собственный ответ на вызов истории. Первая попытка модернизации России представляется как поиск фундаментально особенного пути развития, альтернативного Западу. При Петре I начались сложнейшие процессы синтеза, сочетания культурно-исторических особенностей российского общества и передовых по тем временам западных достижений.

Движение России по своему особенному пути зашло в тупик и потерпело крушение в 1917 г. во многом благодаря бездеятельности и близорукости правящей элиты. Выдвигались различные планы реформирования страны вплоть до самых последних лет существования империи, но при отсутствии волевого и политически ответственного субъекта, каким могло быть тогда только государство, они так и остались планами. С.Э. Кургинян прав, утверждая особую роль российского государства в истории. «Государство – это средство, с помощью которого народ сохраняет и развивает свое историческое предназначение. ...Нет исторического предназначения, нет народа»(3).

Новую попытку поиска особенного пути развития Россия предприняла после прихода к власти большевиков. Кризис модернистского проекта в Европе начался во второй половине XIX в., и с этого времени быстро растет в обществе популярность идей социализма, в том числе, и марксистского социализма. Выход из кризиса, который достиг своего предела с началом первой мировой войны, европейская мысль видела на путях социализма.

Копившаяся в течение столетий в российском обществе огромная протестная социальная энергия, взорвалась как бомба в России в феврале 1917 г. Российская империя рассыпалась за три дня. Октябрьская революция 1917 г. открыла перед страной социалистическую перспективу ее дальнейшего развития. Красный проект оказался первой по-

пыткой сформировать и реализовать в России альтернативу капитализму в мировом масштабе в виде фундаментально особого пути развития России(4).

Н.А. Бердяев был прав, говоря, что «большевизм...оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим...в России в 1917 г., и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием. Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа»(5).

Субъектом нового, особого типа модернизационного развития выступила с самого начала партия большевиков. Партия являлась авангардом класса и общества, союзом единомышленников, союзом людей, объединенных единым общим пониманием будущего страны и мира. Сталин был одним из руководителей или, как говорили в те времена, вождей РКП (б), но самостоятельную политическую линию он начинает проводить с 1923 г. после ухода Ленина из активной политической жизни. В ходе обсуждения путей развития страны Сталин становится признанным лидером партии. Сталин выбирает одну из тех исторических альтернатив, имевшихся тогда у советского общества, которая открывает перед страной особый путь развития, путь полного преобразования общества. Реализация этого проекта превращается в силу ряда неотменяемых обстоятельств в конце 20-х гг. в мобилизационный тип развития. Сталин становится стратегом и национальным диктатором. По мере его реализации на смену идейному многообразию в обществе приходит господство единой государственной идеологии.

Сталин как государственный лидер, прежде всего, интересен своим концептуальным типом мышления, который представляет собой особый сплав философии и практической ориентации, такой тип мышления, который имеет дело одновременно как с интуитивным схватыванием идеального проекта нового общества, так и ясным осознанием принципиальной возможности воплощения этого проекта в конкретном обществе. Здесь уместно сказать о политике как искусстве возможного: общество представляется здесь в виде изменяемой предметной реальности. В концептуальном плане Сталин имел в виду нечто всеобъемлющее – коренное преображение старого общества. А это означало создание новых социальных институтов, новых отношений между людьми (нового социума) и нового советского человека.

Если концептуально вопрос решен, тогда начинается осмысление того, каковы с точки зрения политической ситуации конкретные методы и способы практической реализации проекта, как можно изменить политическую ситуацию в стране для ускорения и облегчения реализации проекта. На пересечении концептуального и политического рождаются стратегические цели, стратегия, как путь, ведущий к достижению идеального проекта, но движение, по которому всегда связано с решением массы конкретных задач, чему должна способствовать правильная тактика их решения. Триединство концептуальности, политики и стратегии определяет саму природу мышления политического деятеля любого ранга, а масштабы практической реализации уже зависят от его места и роли в политической иерархии, успехов в его стремлении занять руководящее положение в партии и во власти. По отношению к этому триединству идеология занимает внешнее положение. Это инструмент, с помощью которого настраивается общество на реализацию конкретных задач и стратегических целей, выстраивается в общественном сознании правильная иерархия, соподчиненность целей и задач.

Французский философ русского происхождения А. Кожев пишет, что среди четырех типов власти, скорее всего, имея в виду Сталина, есть власть проекта. «Будущее обладает Властью настолько, насколько оно «проявляется» в форме проекта (замысленного в настоящем и в виду будущего на основе знаний о прошлом). Власть «проекта» есть не что иное, как Власть Вождя. Поэтому можно сказать, что будущее «явлено» в «авторитарной» форме как Власть Вождя, имеющая своим метафизическим основанием виртуальное присутствие Будущего во все том, что принадлежит *Настоящему*»(6). Другими словами, когда у власти есть великая идея, руководящий принцип общего устройства жизни, тогда это власть проекта. И это будет Власть Вождя, которая манифестирует будущее.

Концептуальное видение Сталиным ситуации в Советском Союзе - выдвигание идеи построения социализма в одной стране, в СССР. К 1923 г. становится явным различие в позициях между Троцким и Сталиным. Для Троцкого построение социализма в СССР обуславливалось исключительно дальнейшим победоносным развитием мировой пролетарской революции, поскольку он мыслил экономику советской страны как неотъемлемую часть мировой экономической системы. При сохранении мирового капитализма СССР, по мнению Троцкого, не сможет преодолеть свою зависимость от капиталистической экономики, и революция обречена на скорое поражение. Что делать

стране, задает вопрос Сталин, если мировая революция откладывается? Пытаться и далее обострять революционную ситуацию в Европе, когда устойчивым, хотя и временным, как тогда считалось, становится откат революционной волны?

Сталин отстаивает в партийных дискуссиях свою позицию о возможности и необходимости построения социализма в одной стране. Сталин в ходе обсуждения при этом неоднократно ссылается на рассуждения Ленина в статье «О нашей революции. (По поводу записок Н. Суханова)». Ленин говорит о том, что «мелкобуржуазные демократы называют себя марксистами, но решающего в марксизме они совершенно не поняли: его революционной диалектики. Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры..., то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже...двинуться догонять другие народы»(7). Значит, так можно действовать, говорит Сталин, и это путь может открыть реальные перспективы социалистического строительства перед страной.

К концу 1925 г. линия Сталина оформляется в результате бурных внутрипартийных дискуссий в директивы XV съезда партии. Концептуальная идея постепенно превращается в стратегическую цель.

Какие доводы выдвигал Сталин в пользу своей идеи, как он осмысливал тогдашнюю ситуацию в стране и мире?

1. Мировая пролетарская революция не состоялась, в Европе наступила временная стабилизация. Но молодое советское общество продолжает быть «разогретым», «возбужденным» обществом, носителем огромной социальной неорганизованной энергии. Революционно настроенные массы твердо убеждены в том, что победа в гражданской войне устранила главное препятствие на пути к новому обществу. Ожидания скорого и радикального преобразования условий повседневной жизни по-прежнему сильны в народе. Рабоче-крестьянская масса желает идти вперед, но движения вперед нет. Более того, нэп воспринимается на уровне пролетарского классового сознания как отступление. В обществе растет апатия и неверие, открыто говорят о предательстве идеалов революции. Сталин, выступая в мае 1924 г. на XIII съезде партии, приводит любопытный пример: «Недавно я читал лекцию в Свердловском университете, где говорил о том, что нам, может быть, придется тысяч десять коммунистов передвинуть из области партийной или промышленной в область торговой работы. Они захотали. Не желают торговать!»(8). Другими словами, нэп для них, вопреки словам Ленина, не всерьез и ненадолго.

2. Большой успех первых лет нэп ставил революционеров в трудное положение. Численность мелкой буржуазии стремительно росла, как и мелкобуржуазные настроения в обществе. Сталин был одним из первых руководителей, который увидел в этом смертельную опасность для советского строя. Опасность термидора, т. е. перерождения, становится реальной, она витает в воздухе. Нужно придать новые темпы развития социалистическим элементам общества, новый динамизм в их борьбе против капиталистических элементов, переключить всю социальную энергию на строительство социализма. Проблема для Сталина состоит в том, чтобы представить социализм как абсолютную жизненную необходимость для выживания и развития страны, а не просто как положение марксистской научной теории. В этом смысл сталинского концептуального видения социализма, как абсолютно нового и до сих пор не существовавшего в реальной жизни общественно-го устройства. В идеологии на первое место постепенно выдвигаются не абстрактные рассуждения о революции, а то, что являлось ее целями, что было близко и понятно в тот момент народу страны: социальное равенство и социальная справедливость, для достижения которых необходимы организация, напряженный труд и вера в скорую победу. Все это становится идеологическим описанием грядущего социализма как нового общественного строя. При этом не один раз Сталин ссылается на слова Ленина о том, что из России нэповской будет Россия социалистическая. Для Сталина важно постоянно подчеркивать в своих выступлениях, что он уверен в достижении социализма, и все члены партии должны разделять эту уверенность и нести ее в массы.

3. Реальный путь движения к социализму, по Сталину, станет возможным в результате освобождения страны от экономической зависимости от Запада. Высшая цель для Сталина – это экономическая независимость страны, которая достижима только при построении в ней социализма. Эта мысль сидит в голове Сталина очень крепко. Сталин правильно определял связь между зависимостью и отсталостью. Отсталость порождена зависимостью, а не наоборот. Царская Россия была в течение столетий сырьевой базой для европейских стран. Советская Россия в январе 1918 г. отказалась от царских долгов, которые имели огромные размеры. Это событие позволило стране в финансово-экономическом плане перестать зависеть от Запада. В 1921 г. Запад выставляет стране счет в 15 млрд. долларов, тогда Ленин выдвигает встречные претензии в размере 20 млрд. долл. И проблема была отодвинута в сторону. Сталин многократно повторяет в 1920-е гг. – начале 1930-х гг. мысль о том, что Советский Союз должен сделать все,

чтобы не допустить повторения дореволюционной ситуации. «Индустриализация является основным средством сохранения экономической самостоятельности нашей страны»(9). В замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР Сталин пишет следующее: «В конспекте не учтена зависимая роль, как русского царизма, так и русского капитализма от капитализма западноевропейского ввиду чего значение Октябрьской революции как освободительницы России от ее полукOLONиального положения остается немотивированным»(10).

4. Сталин с самого начала своей политической деятельности стоит на жесткой позиции признания раскола мира на два непримиримых лагеря – лагерь капитализма и лагерь социализма. Лагерь капитализма сильнее и от него исходит угроза войны для страны. Сталин ставит в центр проблему государственной безопасности. Некоторые авторы ныне утверждают, что военная угроза была Сталиным преувеличена. Однако реальные события все же говорят о том, что угроза военной интервенции в конце 20-х гг. была для страны реальной. «Опасность войны, которая превратилась в угрозу войны»(11). Фактом остается тесная связь между ростом угроз, исходящих от Англии, в первую очередь, в 1926–27 гг., и обострением внутривластной борьбы, организации демонстраций и митингов оппозицией, которую возглавлял Троцкий.

Сталин резко отрицательно относится к позиции Троцкого, направленной на всемерное «разжигание» мировой пролетарской революции. Партия будет помогать рабочему движению в Европе, но революции могут возникать только как результат разрешения внутренних конфликтов в той или иной стране. Сталин использовал национальные организации Коминтерна, прежде всего, для снижения, нейтрализации с помощью подъема рабочего движения в Европе угрозы военного нападения на страну.

В конце 1920-х гг. Сталин говорит о том, что страна должна стать военной крепостью, решительно бороться против внутренних врагов, которые впоследствии были названы «пятой колонной»(12). Сталин говорит, что возможно построить социализм в стране, но «он не будет застрахован от внешнего нападения, и в этом смысле его победа не будет окончательной»(13). Эти рассуждения Сталина оказались пророческими.

В 1929 г. происходит переход к мобилизационному способу воплощения в жизнь концептуальной идеи Сталина, который в начале 1930-х гг. становится национальным диктатором.

Мобилизация связана с особым, весьма напряженным состоянием общества. По утверждению одного из авторов, пишущих по теории мобилизации, мобилизационный тип развития «есть развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм. Отличительной его чертой является то, что оно происходит под влиянием внешних, экстремальных факторов, угрожающих целостности и жизнеспособности системы»(14). В этой причинно-следственной цепочке на первом месте у автора стоят экстремальные внешние факторы, что можно принять. Впрочем, использование внешней угрозы для достижения внутривнутриполитических целей достаточно часто встречается в политической истории прошлого и настоящего. Поэтому адекватность оценки внешних угроз при введении мобилизационных мер в той или иной стране является одной из самых сложных задач. Оценка Сталиным внешних угроз с точки зрения тенденций развития ситуации в мире была весьма адекватной, и это главное, почему мобилизационный тип развития страны при всех его издержках воспринимается как вынужденная, но абсолютно необходимая мера по созданию безопасных условий жизни для страны и ее населения. Своевременность ее проведения показал ход и исход Великой Отечественной Войны. Критики Сталина обычно игнорируют внешние факторы, которые обусловили переход к мобилизационному типу общества, и тогда легко свести великий перлом 1929 г. исключительно к произволу и жажде личной власти.

Мобилизация имеет начало и конец. В состоянии ли государственный лидер, берущий на себя ответственность за мобилизацию предвидеть, как и когда она закончится? Если он не верит в успех, он никогда не решится на чрезвычайные меры, разве только от отчаяния, а если уверен в победе, то победа, с его точки зрения, предполагает решение поставленных задач в главном и основном, после чего останутся только частности. Известно, что победителя не судят. Заранее просчитать цену грядущей победы невозможно. И далеко не всякий замысел подобного рода приводил к желанному результату. Но вопрос о социальной цене победы, соотношении приобретений и потерь, достижений и жертв всегда был и остается в истории. Мобилизационная модель развития оказывается суровым испытанием для любой страны, а тем более для Советского Союза.

Поскольку мобилизационная модель развития означает использование чрезвычайных усилий и организационных форм, то такая модель выглядит и ловушкой истории. Некой воронкой, которая стреми-

тельно втягивает в себя страну, народ, лидеров. Мобилизационная модель развития требует колоссальных ресурсов – финансовых, людских, сырьевых и организационных, эффективного их использования. Социальные масштабы мобилизации по радикальному переустройству общества становятся в чрезвычайных условиях огромной по историческим последствиям проблемой, что впоследствии и обнаруживается, когда рано или поздно такой период в истории страны заканчивается. В этом, собственно говоря, и заключается смысл острейших столкновений по поводу оценок мобилизационного проекта Сталина.

Мобилизационный проект, будучи ответом на угрозы чрезвычайного характера, формируют у его авторов, вольно или невольно, это особый вопрос, устойчивые представления об обществе и людях как беспредельно пластичных вещах. Но что в действительности меняет мощная энергетика мобилизационного проекта в людях, что принимается, а что не принимается из этого культурно-историческим опытом народа, это и сегодня открытый вопрос для философии и гуманитарной науки в целом. Наконец, еще один нерешенный вопрос в оценке мобилизационного проекта Сталина.

Возможно ли радикальное преодоление сегодняшней, очевидной для всех отсталости страны на основе иных не мобилизационных средств и методов? Или современная мобилизация должна иметь в виду не людские, физические ресурсы, а, прежде всего, интеллектуальные? Однако остается проблема концентрации все равно ограниченных ресурсов страны на главных направлениях модернизации, мощной и эффективной организации их использования.

Многие обстоятельства серьезно осложняли практический ход строительства социализма в стране, но до 1929 г. не было неотвратимой потребности в мобилизационной системе, в мобилизационном типе развития. Как внешние угрозы, так и внутренние Сталин оценивал как весьма серьезные, но не экстремальные. Должны были возникнуть чрезвычайные обстоятельства, которые потребовали чрезвычайных средств.

Принятие решений по использованию чрезвычайных средств не вытекает ни из какой-то даже самой правильной теории, ни из какого творческого марксизма. Оно есть следствие открывшихся в ходе исторического развития страны и мира новых, не имевшихся ранее возможностей реализации стратегических целей. Эти возможности носят уникальный, временный быстро меняющийся характер и тогда возникает особая ситуация: сейчас или никогда. Государственный лидер берет на себя огромную историческую ответственность в переходе к ис-

пользованию чрезвычайных средств. В этом субъективизме Сталина упрекают критики со всех сторон, как европейски ориентированные марксисты, так и либералы. Идеологические объяснения таких решений, которые делает лидер, абсолютно необходимы с тем, чтобы они были поняты и приняты обществом. Но нельзя эти объяснения, использующие отдельные положения марксизма, принимать за искажения и извращения самой этой теории. Теория тут вообще помочь не может. Есть конкретная ситуация, как на фронте. Неожиданный прорыв в одном месте линии фронта делает безнадежной в целом прочную оборону на протяжении многих километров и десятков километров.

Непосредственными стратегическими целями Сталина были три задачи: индустриализация, коллективизация и культурная революция. Для Сталина важнейшей задачей выступала индустриализация, создание современных по тем временам отраслей промышленности. «Наша государственная промышленность, писал Сталин еще в 1925 г., – есть по своему типу промышленность социалистическая. Наша задача состоит в том, чтобы добиться переоборудования нашей государственной промышленности на новой технической базе»(15).

План первой пятилетки, принятый в 1927 г., не был мобилизационным планом, хотя и был довольно интенсивным. Исключительные обстоятельства возникли в 1929 г. Первым толчком здесь оказался рост интереса западных форм к индустриальному строительству в СССР. После высылки Троцкого в феврале 1929 г. становятся возможными для Сталина тесные и эффективные контакты с рядом крупных американских фирм, которым были сделаны масштабные по тем временам заказы на проектирование и организацию строительства большого числа огромных промышленных предприятий, которые стали основой и символом рождавшейся буквально на глазах новой индустриальной державы. Это автомобильные, тракторные (танковые) самолетостроительные, литейные заводы. Общая стоимость проектов составляла по тем временам огромную сумму в 2 млрд. долларов. Сегодня это было бы более двухсот миллиардов долларов(16) Прорыв на этом направлении был колоссальный, и он произошел в результате конкретных действий Сталина, связанных с условиями высылки Троцкого.

Решающим событием, которое подтолкнуло Сталина к мобилизации, явилась «великая депрессия» осени 1929 г. Мировой кризис привел к резкому падению цен на машины, оборудование, инструменты, качественный металл. Можно было купить или получить по кредиту

целые комплекты промышленного оборудования, и даже отдельных заводов. В этой ситуации Сталин пересматривает первоначальный проект первого пятилетнего плана.

Одновременно Сталин радикально меняет свое отношение к нэпу. Кризис хлебозаготовок 1928 г. породил ряд чрезвычайных мер в целях заготовки товарного хлеба, но не отменял еще нэп как стратегическую линию. В декабре 1929 г. политика меняется радикально.

Проблема мобилизации, в первую очередь, становится финансовой проблемой. Необходимы были финансовые ресурсы для покупки промышленного оборудования. Источниками финансов становятся 1) продажа на Запад абсолютно всех видов сельскохозяйственной продукции, древесины, природных ресурсов; 2) коллективизация деревни с целью устойчивого получения товарного хлеба и рабочей силы для индустриальных строек; 3) открытие развитой сети магазинов Торгсина, в которые граждане добровольно приносили золото и драгоценности в обмен на импортные товары(17); 4) расширение использования труда заключенных, в том числе, для добычи золота.

Сталин в декабре 1929 г. объявляет о Великом переломе. Он ставит перед страной и партией задачу построить социализм в кратчайшие сроки. В 1931 г. он говорит о дальнейшем увеличении темпов движения. Он прямо связывает темпы с преодолением отсталости. «Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. ...Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»(18).

В Советском Союзе индустриализация приводит к тому, что появляются целые отрасли индустрии, имеющие самое новейшее оборудование. Л. Троцкий писал в 1931 г., что «цифры внешней торговли все больше становятся командующими цифрами по отношению к планам и темпам социалистического строительства»(19). Страна берет много кредитов, но и отдает их во время, большого внешнего долга у нее не появляется, а, следовательно, нельзя говорить о появлении финансово-кредитной зависимости от Запада.

Как видно, в переходе к мобилизационному типу развития огромную роль сыграли внешнеэкономические факторы. История нашей страны очень часто пишется с тщательным анализом разных внешнеполитических и дипломатических деталей при намеренном игнорировании роли внешнеэкономических факторов, анализа состояния финансовых ресурсов, кредитно-денежных потоков, в том числе займов. Впрочем, сегодняшняя публицистика стала обсуждать денежные во-

просы весьма охотно, особенно под углом зрения деятельности партий, тайных обществ, спецслужб и т. п. Академические философские исследования редко имеют дело с такими материалами. Это конечно особая материя для философствования. Но для понимания, как мировой, так и отечественной истории ее денежно-финансовое сопровождение имеет первостепенную значимость.

Механизм планирования был решительно пересмотрен с позиций мобилизационного типа радикального преобразования общества. Академик Г.С. Струмилин принимал участие в разработке первых пятилетних планов. Он пишет в одной из своих работ, как понимался план во времена Сталина. «Характерной особенностью всякого народнохозяйственного плана мы считаем не элементы вкрапленного в этот план научного предвидения, а целевую установку плана, как системы хозяйственных заданий и предубаждений. ...Научные исследования наличных ресурсов и объективных тенденций хозяйственного развития страны составляют необходимую предпосылку планирования, но отнюдь не определяют собой содержания плана». Можно построить различные планы, «но осуществится из них на деле только один: тот, который будет принят к исполнению и активно поддержан волевыми усилиями трудящихся масс»(20). Другими словами, план – это максимум возможного при условии концентрации и мобилизации коллективной воли трудящихся масс, производителя на тех или иных хозяйственных задачах. Таков взгляд на планирование Сталина как политика-стратега. Запредельные цифры пересмотренного Сталиным первого пятилетнего плана служили, прежде всего, целям мобилизации общества. Сталин в январе 1933 г., когда механизм мобилизации был уже создан и стал результативно работать, подчеркнул, что при осуществлении пятилетки «партия проводила политику наиболее ускоренных темпов развития промышленности. Партия как бы подхлестывала страну, ускоряя ее бег вперед. ...Нельзя не подгонять страну, которая отстала на сто лет и которой угрожает из-за ее отсталости смертельная опасность»(21).

Мобилизация коснулась деревни. Сложнейшая и трагическая ее часть – это ликвидация кулачества как класса и немедленная сплошная коллективизация. Переход деревни на новые рельсы привел на ряд лет к огромным потерям в объемах производимой продукции, к большим социальным потрясениям в деревне, связанным со сломом многовекового уклада жизни. Аграрный переворот дал большие финансовые средства и рабочую силу для новых промышленных строек.

По-видимому, Сталин вынужденно, но вполне сознательно идет по пути идеологического упрощения конечной, абсолютной цели с тем, чтобы сделать ее достижимой и понятной миллионам масс. Иначе мобилизация невозможна.

Против перехода на мобилизационный этап развития выступили прежде всего те, кого можно назвать обывателем. Независимо от конкретного вида работы обывательское сознание всегда выступает за «нормальную жизнь», против любых «перегрузок» в повседневной жизни. Против мобилизации были и выступления идейного характера, особенно среди тех, кто почивал на лаврах, полученных за прошлые заслуги, а также поведение чиновничества, «совбуров», советской бюрократии.

Проблема бюрократии была одна из самых сложных задач, которую должен был решить Сталин. Прошло немного времени после 1917 г. и бюрократия вскоре вновь приобрела чудовищные размеры, она неоднократно пыталась выйти из-под контроля партии, пыталась стать правящим «сословием». Основная масса советской государственной бюрократии, которая старается выйти из-под контроля со стороны партии(22), все больше беспокоится за свое благополучие и все меньше желает новых революционных потрясений. Именно на это обстоятельство как на решающую причину своего политического и партийного падения указывает Л.Троцкий. «Революция терпела в международном масштабе поражение за поражением, и оттяжка шла на руку национальному реформизму, автоматически укрепляя сталинскую бюрократию против меня и моих политических друзей»(23).

Но российская бюрократия есть не только «сословие», пытающееся использовать власть для своих эгоистических интересов, она была и есть сегодня основа, точнее говоря, несущая конструкция российской государственности. Бюрократию нельзя разогнать, ее нужно правильно использовать. Сталину удалось укротить бюрократию. Он много раз говорил о бюрократизме и о том, что бюрократов гораздо больше, чем партийных работников. Сталин построил и подчинил партийному аппарату весь государственный механизм управления. Фактически была создана административно-командная система управления страной (АКС). О том, как она работала на личностном уровне, хорошо написал писатель А.Бек в книге «Новое назначение»(24).

Троцкий был отчасти прав, когда сказал, что выдвижение Сталина на руководящий пост в стране было поддержано бюрократией. Бюрократия не хотела мировой пролетарской революции, сосредоточенность Сталина в 20-е гг. на внутренних проблемах страны ее вполне

устраивала. Но Сталин не просто сделал бюрократию своей опорой. В некотором смысле обманул надежды бюрократии. При создании мобилизационной модели развития бюрократия была полностью переориентирована на реализацию великих целей, что достигалось ценою огромных перегрузок, которые она была вынуждена выдерживать. Многие из тех, кто не захотел включаться в решение грандиозных сталинских задач, были уволены со службы и репрессированы. Сталин постоянно перемещал государственных чиновников и партийных деятелей из одного региона страны в другой с тем, чтобы не допускать возникновения бюрократических кланов и круговой поруки.

Формирование мобилизационной модели развития шло в течение 3–4-х лет. В 1933 г. она в основном сложилась. Нельзя не отметить, что мобилизационный тип развития предполагает создание чрезвычайных параллельных структур власти, обладающих по решению главы государства обширными полномочиями в обход существующих структур власти, в качестве мобилизующих и контролирующих органов.

Созданный Сталиным мобилизационный тип развития опирался на жесткую авторитарную систему власти, которую все же нельзя однозначно квалифицировать как тоталитарную власть. Мобилизационная сплоченность общества была достигнута жесткими, но неизбежными в этой ситуации мерами подавления тех, кто был против мобилизационного проекта, ведь в широкой исторической перспективе, подчеркнем еще раз, речь шла о жизни и смерти советского общества.

В 1934 г. появилось понятие советского человека, конкретизирующее понятие нового человека. Оно прозвучало на XVII съезде партии, съезде «победителей». Новый мир стал обретать реальные контуры, хотя и далеко не в совершенном виде. Было сотворено то, что названо «русским чудом». Поистине то были фантастические свершения в промышленной сфере, настоящая революция в сфере образования, науки и технологий. Советский Союз становится маяком развития для всего мира, духовное лидерство страны Советов в те времена неоспоримо. Паломничество становится потребностью для всех, кто ищет путей и способов мирового обновления. В. Маяковский назвал новую Россию «весной человечества».

Одной из самых важных характеристик нового общества является характеристика его как нормированного, рационального общества. Особенно это выразительно видно, когда заходит речь о том, как протекал процесс становления и формирования советского человека – модели его поведения, речевые практики, одежда, общая культурность. Слово «культурность», кстати, также появляется у Сталина в 1934 г. в

докладе на XVII съезде партии(25). В стране складывается массовое индустриальное общество.

Значительная часть молодого поколения, которое перебралась из деревни на индустриальные стройки и в города, начинает активно приобщаться ко всему тому, что общество предписывает советскому человеку. Сталин неоднократно отмечал в позитивном смысле рост потребностей, потребительского спроса, развитие товарооборота. В стране создавался свой средний класс, для него строились образцовые универмаги, хотя их было немного. Но нельзя сказать, что в 1930 г. уже при Сталине начинается, хотя и в специфической форме, становление потребительского общества(26). В замысле радикального преобразования общества его нет. В рамках мобилизационного типа идеология при Сталине строго выстраивает применительно к массовому сознанию первенство высших, духовных целей над материальными, потребительскими. Поэтому вряд ли правы те исследователи, которые игнорируют мощный духовный порыв, существовавший в 30-гг. в обществе и сводят всю повседневную жизнь тех времен к трудностям бытовой жизни, а они, конечно, были немалые. Но вопреки замыслу зародыши потребительского общества появляются в среде партийно-советской бюрократии, которые десятилетия спустя пышно расцветут и приведут к трагическим последствиям.

В советском обществе в 30-е гг. возникают различные социальные группы и слои. Отношения между ними и их отношения с властью имели сложный и неоднозначный характер. Предполагалось, что в рамках возникающего нового общества должны были появиться новые формы самоорганизации людей, новые институты гражданского общества, новые формы демократии. Они мыслились как явления, принадлежащие не старому, нэповскому обществу, а новому обществу и новому человеку. Перевоспитание людей осуществлялось жесткими, в том числе суровыми методами.

Жесткий контроль над поведением и сознанием населения страны не был специфическим изобретением Сталина. В период между двумя мировыми войнами во многих странах Европы, даже раньше органов сталинских спецслужб, появляются аналогичные учреждения(27). Но при Сталине, да и позже, масштабы их деятельности нередко выходили далеко за рамки разумного. Основная причина заключалась в трагическом несоответствии между исторической необходимостью скорейшей мобилизации и неготовностью значительной части населения – моральной, психологической, культурной – к стремительным переменам в обществе.

Сталин как теоретик и создатель социализма в СССР

В 1936 г. была принята новая конституция. В главе первой сказано, что СССР есть социалистическое государство рабочих и крестьян. В докладе «О проекте Конституции Союза ССР» Сталин говорит, что проект новой конституции исходит из факта ликвидации капиталистического строя, из факта победы социалистического строя в СССР. И далее Сталин перечисляет «основные принципы социализма, его основные устои, уже завоеванные и осуществленные: социалистическая собственность на землю, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства; ликвидация эксплуатации и эксплуататорских классов; ликвидация нищеты большинства и роскоши меньшинства; ликвидация безработицы; труд, как обязанность и долг чести каждого работоспособного гражданина по формуле: «кто не работает, тот не ест». Право на труд, т. е. право каждого гражданина на получение гарантированной работы; право на отдых; право на образование; и т. д. и т. п.»(28). Но, а с теоретической точки все-таки как можно охарактеризовать построенный к 1936 г. социализм? Для ответа на этот вопрос скажем сначала несколько слов об особенностях мировоззрения и теоретических взглядов Сталина как марксиста.

В дискуссии, начавшейся с 1923 г. о возможности построения социализма в одной стране – Советском Союзе, Сталин выступал с позиций одного из самых непримиримых среди политических руководителей партии противников капитализма, тогдашнего западного общества как типа общественного развития. Некоторые авторы утверждают, что причиной такой непримиримости были условия его жизни в детстве и юношестве. Действительно, Сталин – единственный среди главных руководителей партии, вышедший не просто из бедной, но очень бедной, семьи.

Сталин обучался марксизму самостоятельно. В одной из своих первых работ «Анархизм или социализм» Сталин рассматривает современный по тем временам строй как капиталистический, жестко разделенный на два противоположные лагеря. Это лагерь небольшой горстки капиталистов и лагерь большинства – пролетариев. Капитализм рассматривается исключительно с точки зрения его неизбежного разрушения в ходе классовой борьбы. Социалистический строй, пишет Сталин, с неизбежностью последует за капитализмом, как за ночью следует день(29). В августе 1917 г. на VI съезде РКП(б) Сталин говорил о том, что «не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролегающей путь к социализму. Надо откинуть отжившие

представления о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего»(30).

Сталину было близко мессианское понимание роли России, всемирно-исторического предназначения России к реализации идеи социализма. Эта мысль в 1920-е гг., после окончания гражданской войны, постепенно приобретает в работах и речах Сталина все большую значимость конкретность. В 1930-е гг. Сталин начинает говорить об СССР как о державе, причем великой державе.

Если говорить в более широком плане о Сталине как марксисте, то он был убежден на протяжении всей своей жизни в том, что он исповедовал творческий марксизм. Тем не менее, критики Сталина единодушны в том, я имею в виду тех, кто причисляет себя к марксистам в послесталинский период, что Сталин догматизировал и упростил марксизм, например, в работе «О диалектическом и историческом материализме» (1938 г.). Сталин был подвергнут предельно жесткой критике за серьезные отступления от марксистской трактовки соотношения теории и практики.

Среди марксистов, которые критически исследовали сталинскую методологию, обращают на себя внимания рассуждения Д. Лукача о методологии Сталина. Он упрекал Сталина в установлении непосредственной связи между единичными фактами и наиболее общими теоретическими представлениями «Не теория конкретизировалась применительно к практике, а, наоборот, принципы упрощались, вульгаризировались согласно потребностям практики, нередко просто предполагаемым»(31). Лукач, безусловно, улавливает оригинальность концептуального мышления Сталина, тяготение Сталина к признанию марксизма в значительной мере политической идеологией. Для Сталина важно придавать каждому позитивному факту, демонстрирующему продвижение страны к социализму, универсальную, общетеоретическую значимость, как нового слова в марксизме. Но Лукач не видит в этом ничего позитивного, порожденного той исторической ситуацией, когда классический марксизм не мог дать ответа на вопрос о перспективах социализма в советской России.

Б.Н. Бессонов в своей обобщающей статье «Сталинская методология мышления и действия», опубликованной в конце 1990-х гг., пишет о том, что ход мысли Сталина был прост и прямолинеен, что он чрезмерно сближал законы истории с законами природы, что попытки выдать его обогащение (ревизию) марксизма его новые формулировки, выработанные на основе нового опыта, несостоятельны и т. д.(32). Вот

еще пример. Как пишут в своей работе трое уральских ученых А.В. Гайда, К.Н. Любутин, С.В. Мошкин, «мы исходим из того, что Сталин создал одну из российских версий марксизма, ревизионистскую по отношению к классическому марксизму. ...Марксизм подвергся упрощению и вульгаризации»(33). Таких примеров можно привести множество.

Всю такую критику Сталина со стороны философов и ученых бесспорно можно понять, хотя на некоторые критические замечания, особенно в 20-гг., Сталин отвечал сам. К примеру, он написал именно в 1923 г. статью «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов», в которой дал схематическое, но в целом вполне грамотное изложение отношения теории, стратегии и тактики. Значительное место в работе посвящено рассмотрению проблемы стратегического плана, которой Сталин всерьез и много изучал. «план стратегии – это план организации решающего удара в том направлении, в котором удар скорее всего может дать максимум результатов»(34). Но в отличие от философов и ученых Сталин был политическим, государственным деятелем, прежде всего. Поэтому бесконечные сетования насчет сталинского догматизма и вульгаризации марксизма не вскрывают главного, а именно, каким образом стал реальностью мобилизационный проект построения социализма в одной отдельно взятой стране.

Сталин неоднократно показывал знание работ Маркса, революционной европейской мысли, он был глубоко убежден в том, что следует заветам Маркса и всей революционной Европы. Поэтому при ответе на вопрос о том, был ли у нас социализм, есть все основания ответить, да был. Он строился от имени Маркса, но не Марксу. По сравнению с индустриально развитой Европой, где возник и развивался марксизм как учение К. Маркса, только часть его идей могла помочь в той ситуации, которая сложилась в стране в 1920-е гг. Здесь и возникает вопрос, а есть ли примеры положительного, правильного применения на практике всех тех очевидных для философов и ученых положений и принципов марксизма со стороны других политических деятелей-марксистов, которые оказались на вершине государственной и политической власти. Оказывается, таковых нет, и, по моему глубокому убеждению, быть не может. Особенности Сталина как марксиста и как государственного лидера состоят в другом. Выдвинув идею построения социализма в одной стране, Сталин продемонстрировал то, что называется концептуальным мышлением, именно с этой стороны деятельность Сталина представляет особый интерес. Концептуальность его мышления состоит в идее полного преобразования общества,

причем идее, имевшей в своей глубине и мощную религиозную составляющую. Видимо поэтому Сталин в наибольшей степени подходил на роль человека, способного придать революции, застрявшей в переходном периоде, новые смыслы и фундаментальные цели.

Современные формы выражения концептуального мышления вырабатываются в ходе обсуждения Общественного Проекта, которое присутствует сегодня в общественной мысли многих стран – в США, Европе, Китае, Иране, России. Концептуальное видение будущего в такого рода проектах, опирается на весьма многообразные типы знаний и потому ни из какой науки оно не вытекает и в строгом смысле не является философским или научным построением. Изучение концептуальности мышления Сталина начинает привлекать все больше внимания(35).

Критика в адрес Сталина с точки зрения доктринального классического марксизма тех время сегодня совершенно устарела. Критиковать за отклонения от европейского марксизма и по этой причине отказывать тому, что было построено в Советском Союзе, это значит лишать исторического смысла все то, что было сделано советским народом за 74 года существования советской власти.

Сталинская трактовка социализма Сталиным постоянно подвергается самой суровой критике с позиций европейского марксизма. Сталинский социализм, мол, лишь внешне напоминает настоящий социализм, который должен вырастать из высокоразвитого европейского капитализма. В Советском Союзе был создан явно антикапиталистический строй. Поэтому его называют военным, государственным, административным социализмом, а, следовательно, это не настоящий социализм. Сталин использовал общий критерий социализма, когда говорил о строительстве в стране бесклассового социалистического общества. Если судить по этой мерке, то и в эпоху «развитого социализма» никакого социализма в стране не было, а было общество, находящееся в переходном состоянии, которое может длиться десятилетиями, а может и того больше. Поэтому, по мысли многих авторов, Сталин обгонял в своих представлениях время, сколько его не торопил.

Но возможен и другой взгляд на проблему советского, шире российского социализма. А что если марксов взгляд на социализм, если его превратить в средство универсального контроля, сегодня оказывается дезориентирующим для всех социалистов западного мира? А что если к реализации марксовых идей освобождения труда, гуманизма, нового общества и нового человека ведут различные пути в обществах с различными цивилизационными особенностями? Вполне воз-

можно, что нет единого пути и нет единственно правильных критериев социализма, и тогда оказывается, что Сталин искал в новых исторических условиях особенный путь развития страны, альтернативный западному, но не противостоящий ему, а дополняющий, в чем-то его обогащающий и даже опережающий по способам решения, например, социальных проблем. Возможно и так, что европейский социализм и российский (в своей ранней версии советский) есть в принципе две стороны одной медали, два разных модели реализации идеи социализма с точки зрения соотношения в них материальных и духовных факторов, что порождает многообразие видений социализма будущего.

Дальнейшее решение проблемы советского социализма, созданного в своей основе Сталиным, досталось другим руководителям страны, которые не смогли или не захотели дополнить матрицу государственного социализма «сверху», сформировавшуюся в годы сталинского правления, живым творчеством масс, социализмом «снизу». После смерти Сталина бюрократия стала настоящим правящим классом в советском обществе. Она сместила Хрущева, заставила Брежнева принять ее правила политической игры. Она устроила перестройку и получила к власти еще и государственную собственность, успешно ею поделенную. Бюрократия вывела на улицу потребителя, которому социализм давал мало вещей, и они были низкого качества. В конце концов, руками массового потребителя с «реальным социализмом» было покончено. Еще Троцкий предупреждал о том, что от бюрократии исходит смертельная опасность для советского строя, от ее перерождения в своем неумном стремлении овладеть государственной собственностью, если она владеет фактической властью в стране.

Выиграла бюрократия – проиграла страна, которая вернулась на прежнее место периферийной страны мировой капиталистической экономической системы. То, что было задумано и реализовано Сталиным, было разрушено и потеряно. Образ Сталина, на мой взгляд, сознательно демонизируется сегодня, прежде всего, правящей бюрократией. В России бюрократия во все времена была и чудовищным монстром, и жизненным хребтом российского общества. К тому же роль бюрократии в трагических репрессиях сталинской эпохи до сих пор остается неизученной. «74 года советского эксперимента при всем его трагизме оказались временем беспрецедентного исторического величия, оплаченного столь же беспрецедентными жертвами».

В 1922 г. возник Союз Советских Социалистических Республик (СССР), начинается становление советской цивилизации. Ее смысл и многие черты неразрывно связаны с именем Сталина, поскольку в го-

ды его правления складывается то, что называется советской идентичностью, советским человеком. В 1970 г. советская идентичность в ее прежнем жестко идеологизированном виде перестает быть адекватной изменившимся в мире и в стране условиям жизни. Кризисные явления приводят в середине 1980-х гг. к попытке свершения нового этапа социалистической революции, революционной перестройки всех сторон жизни социалистического общества, которая, по замыслу ее инициатора М.С. Горбачева, должна была полностью покончить со сталинским наследием, «разогреть» революционную лаву, застывшее на долгие годы общество. Но эта попытка полностью провалилась. Вызванная к жизни социальная энергия вся была направлена бюрократией на разрушение общественного строя. В 1993 г. советская цивилизация уходит навсегда с исторической арены.

Тайные надежды значительной части российского общества на приход нового Сталина будут жить, пока кардинально не изменится сегодняшняя ситуация в стране. Россия не сможет долго пребывать на задворках мировой истории и мировой экономики, выступать в роли сырьевого придатка развитых стран Запада. Или она сойдет с мировой арены, не выдержав конкуренции с другими быстро растущими мировыми лидерами, или она вновь станет великой державой, как в военно-политическом, так и в экономическом отношении. Вопрос в том, сможет ли Россия продемонстрировать всему миру новую привлекательную для него систему социалистических ценностей, на которой она будет построена и в которой удовлетворение вещественных, предметных потребностей будет подчинено великим целям духовного обновления и преобразования человека и человечества. Реализация этого варианта развития общественных процессов в стране с необходимостью требует возвращения ее на особенный путь развития альтернативный в отношении к Западу.

Идея социализма всегда жила в России и до появления научного социализма. Это был в первую очередь крестьянский социализм, но не только. Современные социалистические убеждения россиян – очень прочные убеждения, и они связаны, прежде всего, с социальной справедливостью. Это характернейшая черта российского общества на протяжении многих столетий. Социальная справедливость – мотор развития российского общества. Российские люди не представляют себе другого механизма решения острейших социальных проблем. Сегодня мы идем к новому социализму XXI в., и возвращаемся к идее социализма не потому что это кто-то придумывает, она отвечает насущной потребности общества. Но эта потребность может быть реализована

вана разными путями, или она будет навсегда упущена. Сегодня вновь наступает время выбора.

Литература:

1. В статье «История сталинизма в 100 томах», посвященной аннотации ряда книг этого проекта, фактически утверждается, что любые конструкции, в которых не поддерживаются определения сталинского режима как преступного, являются идеологическими конструкциями и «неприемлемы с моральной точки зрения» //Пушкин. №2. 2009. С. 86.

2. Костиков В. Аргументы и факты. № 33. 12 августа 2009 г.

3. Кургинян С.Э. Исав и Иаков. Судьба развития в России и в мире. Том 1. М.: 2009. С. 275.

4. См. Шевченко В.Н. Уроки отечественной истории XX века и перспективы нового социализма в России //Актуальная социал-демократия в XXI веке. М.: 2009.

5. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: 1990. С. 93.

6. Кожев А. Понятие Власти. М., 2007.С. 85–86.

7. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 45. С. 378,381.

8. Сталин И.В. Соч., Т. 6.С. 214.

9. Там же. С. 238.

10. Там же. Т. 14. С. 362.

11. Там же. Т. 10.С. 32.

12. «Пятая колонна» – внутренние враги страны в отличие от внешних врагов. Термин появляется в политическом лексиконе в конце 30-х гг. во времена героической обороны и гибели Испанской республики в 1939 г.

13. Сталин И.В. Соч., Т. 7.С. 118.

14. Фонотов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М.: 1993. С. 88.

15. Сталин И.В. Соч., Т. 7.С. 255.

16. Сюжет взят из кн.: Мартиросян А.Б. Сталин и достижения СССР. М., 2007. С. 95 и далее.

17. Осокина Е.А. Золото для индустриализации: Торгсин. М.: 2009.Торгсин официально – это объединение по торговле с иностранцами на территории СССР. Торгсин за время своего существования (1931–1935) купил у населения ценностей, достаточных для покрытия одной пятой расходов на импорт промышленного оборудования, технологий и сырья.

18. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1945. С. 328–329.

19. Цит. по ж. Бюллетень оппозиции. Апрель 1931. № 20. С. 4.

20. Струмилин Г.С. На плановом фронте. М., 1980. С.2 22–223.

21. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1945. С. 376.

22. «Четвертая трудность. Состоит она в затруднениях, связанных с опасностью отрыва государственного аппарата от партии, с опасностью ослабления партийного руководства над государственным аппаратом. Там же. Т. .С. 208.

23. Троицкий Л.Д. Моя жизнь. М.: 2001. С. 491.

24. Повесть вышла в начале перестройки в 1987 году и получила большую известность и многочисленные отклики.

25. Сталин И.В. Соч., т.13. С. 358–360.

26. Осокина Е.А. Золото для индустриализации: Торгсин. М.: С. 331.

27. Холквист П. «Осведомление – это альфа и омега нашей работы». Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст //Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология /Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара. Изд-во: «Самар. ун-т» 2001. С. 68–73.

28. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М.:1945. С. 515–516.

29. Сталин И.В. Соч., т. 1. С. 340.

30. Там же Т. 3. С. 123.

31. Лукач Г. Письмо Альберто Кароччи. «Философские науки». 1989, № 6. С. 104.

32. Бессонов Б.Н. «Сталинская методология мышления и действия». Социально-гуманитарное знание. 1999. № 6.

33. А.В. Гайда, К.Н. Любугин, С.В. Мошкин «Марксизм Йосифа Сталина: философско-политологические этюды». Екатеринбург. 2001. С. 4.

34. Сталин И.В. Соч., Т. 5. С. 163.

35. Винников В., Смирнов А., Тукмаков Д., Фефелов А. Вопросы сталинизма. Вопросы сталинизма-2 //Завтра. Декабрь. 2009 г. № 50–51.

З.Л. Серебрякова

К вопросу о противостоянии Сталина и Троцкого

В 1918 г. положение России было поистине катастрофическое – невероятно уменьшилась её территория, угрозы исходили отовсюду. Потеря Казани летом 1918 г. казалось с неизбежностью вела к падению Москвы. Но произошло то, что представляется чудом красноармейские части во главе с Львом Троцким одержали победу под Свияжском и освободили Казань. Второго октября 1918 г. на заседании ЦК рассматривался конфликт в Реввоенсовете Южного фронта, действовавшего против указаний Председателя Реввоенсовета Республики Троцкого о единоначалии в командовании армией. Члены этого Реввоенсовета Сталин, Ворошилов и Минин отказались признать полномочия бывшему генералу П. Сытину на командование войсками фронта. Подобными конфликтами в Царицыне неоднократно занимался Ленин. Он высоко ценил заслуги Троцкого и поддерживал его. На заседании ЦК было принято предложение Я.М. Свердлова вызвать Сталина к прямому проводу и указать ему, что подчинение Председателю Реввоенсовету Республики абсолютно необходимо¹.

Не потому ли в то же время, вопреки своему истинному отношению к Троцкому, Сталин публикует в «Правде» статью, в которой писал: «Вся работа по практической организации восстания происходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета Троцкого»². Далее в статье говорилось, что партия обязана прежде всего главным образом Троцкому в умелой постановке работы Военно-революционного комитета³. Ни о каких других органах восстания, в которых якобы участвовал Сталин, речь тогда не шла.

В юбилейные дни первой годовщины Октябрьской революции 25 октября 1918 г. произошло важное событие: Центральный Комитет

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 158.

² Правда. 6 ноября 1918 г.

³ Там же.

РКП(б) принял с некоторыми дополнениями предложение Троцкого «освободить из-под ареста всех офицеров, взятых в качестве заложников»⁴. Это стало возможным на основе принятого 6 ноября 1918 г. постановления Шестого Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов об амнистии⁵. В итоге более 70 тысяч бывших офицеров царской армии и других военных специалистов влились в регулярные части Красной Армии, обеспечив дальнейшие её успехи в гражданской войне. Вместе с тем противостояние Троцкого и Сталина все усиливалось. Несмотря на самоотверженное участие военспецов на стороне красных в борьбе за советскую власть, за целостность страны, в борьбе с белогвардейцами, действовавшими совместно с многочисленными армиями интервентов, Сталин порой открыто, а чаще в свойственной ему предательской манере всячески противодействовал военным специалистам. Почти через 20 лет Сталин все же добился своего: почти все они, герои гражданской войны были казнены, расстреляны в годы сталинского террора.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 163–164.

⁵ Декреты Советской власти. Т. 5. С. 111.

Опыт СССР:

превратности истории

В.В. Калашников

***Октябрьская революция
как историографическая проблема***

Развал СССР и уход России с социалистического пути развития превратили советский период в завершённую страницу истории. Это не значит, что у социализма в России нет будущего. Это значит только то, что та модель социализма, которая была построена в результате Октябрьской революции, завершила свое существование. И эта завершённость определённого исторического этапа ставит перед историками задачу его всестороннего анализа и оценки. Важность объективного решения этой задачи трудно переоценить.

Среди широкого круга проблем, возникающих при интерпретации истории советского периода, одной из ключевых является проблема интерпретации той роли, которую сыграла Октябрьская революция 1917 г. в дальнейшей судьбе России. Эта проблема всегда волновала отечественных и зарубежных историков. Предложены десятки различных вариантов ее решения, но, в конечном счете, их можно разделить на две основные группы.

В рамках первой группы Октябрь трактуется как ключевое событие, которое вывело Россию из исторического тупика и открыло путь к ускоренному развитию. Эта трактовка в СССР являлась официальной и служила идеологическим обоснованием правомерности существования советского строя.

В рамках второй группы Октябрь, напротив, трактуется как революция, которая увела страну со «столбовой дороги» и привела в «исторический тупик». В постсоветской России именно эта точка зрения стала официальной или, по крайней мере, доминирующей во властных структурах. Однако она не доминирует в общественном мнении россиян. Исследования Института социологии РАН показывают, что «подавляющее большинство россиян продолжает относить к основным предметам общенациональной гордости события и достижения совет-

ской эпохи»¹. В мае 2008 г. на вопрос о том, при каком лидере страна развивалась в неправильном направлении, только 35% опрошенных назвали В.И. Ленина, а 64% – Б.Н. Ельцина².

Нет единства в этом вопросе и среди профессиональных историков, как отечественных, так и зарубежных. Следует отметить, что в настоящее время в силу определенных причин большинство серьезных специалистов по истории советского периода, не торопятся формулировать каких-либо четких ответов на вопрос об исторической роли Октября. Но так было не всегда. В зарубежной исторической науке в послевоенный период сложилась любопытная палитра мнений по этому вопросу, и проходили весьма поучительные споры. Эти споры часто отражали и те подспудные дискуссии, которые шли в советской исторической науке. В настоящее время взаимосвязь историков разных стран многократно усилилась. И сегодня можно с уверенностью говорить о том, что анализ западной историографии Октября помогает лучше понять картину, которая существует и в отечественной историографии.

Учитывая эти обстоятельства, попытаемся на примере анализа работ ведущих историков США и Великобритании посмотреть, как западные исследователи отвечали и отвечают на ключевой вопрос об историческом смысле «русской революции» и ее значении для судьбы России в XX в.

Довоенная историография. Зарубежная историография «русской революции» стала складываться уже в 1920-е гг. Анализ первых работ показывает, что их авторы не считали октябрьский успех большевиков долговременным и полагали, что страна вскоре пойдет по капиталистическому пути.

В 1920 г. в Нью-Йорке вышла книга М. Хиндуса «Русский крестьянин и революция». Автор показал, что мировая война с ее тяготами закономерно привела к падению самодержавия, а в октябре 1917 г. большевики победили потому, что сумели создать союз социалистически настроенного пролетариата и широких масс крестьянства. Однако этот союз опирался на общедемократическую программу (аграрная реформа и выход из войны), и поэтому носил временный характер. Политикой «военного коммунизма» большевики попытались перейти к социалистическим преобразованиям, но опыт показал, что «крестья-

¹ Горшков М. К. Российское общество в социологическом измерении // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 22–23.

² Пресс выпуск № 1085 от 5.11.2008. ВЦИОМ. 2008.

нин против коммунизма». Это, делает вывод автор, «проливает свет на будущий вероятный ход русской истории»³.

Профессор Висконсинского университета Э. Росс в книге «Российская большевистская революция» представил Октябрьскую революцию как «неизбежное» событие, обусловленное неспособностью царя и либералов прекратить войну и дать крестьянам землю. Однако курс на переход к социализму автор считал явной утопией⁴.

Переход большевиков к нэпу усилил надежды на возврат России на рельсы капиталистического развития. В 1927 г. английский историк Л. Лоутон в книге «Русская революция. 1917–1926», находясь под впечатлением от нэпа, пришел к такому выводу: «Результатом переворота в России было усиление индивидуализма среди крестьян, ... в настоящее время все говорит о том, что они идут по линии исторического развития Запада»⁵.

О провале попытки большевиков построить социализм заявил и профессор Эд. Уолш, автор книги «Падение Российской империи». В то же время он сделал сильный акцент на национальные особенности России: «Я утверждаю, что большевизм есть естественная стадия в развитии строго исторического процесса, берущего начало в почве, культуре и политических традициях самой России»⁶. Такой тезис оставлял открытым вопрос о том, как долго будет продолжаться и к чему приведет эта «естественная стадия».

Тезис о национальных особенностях России развил проф. Дж. Мейвор, в книге «Русская революция». Вывод Мейвора гласит: «Институт частной собственности к 1914 г. оказался беззащитен: интеллигенция отвергла его интеллектуально, а массы народа еще не подошли к его пониманию. В этом и заключается историческое объяснение отсутствия какого-либо сознательного сопротивления той атаке, которой русская революция подвергла частную собственность»⁷. Однако автор верил в то, что Россия вернется на путь буржуазного развития, поскольку опыт «военного коммунизма» показал, что государственный коллективизм не может обеспечить прогресс.

Иными словами, в 1920-е гг. сложилось мнение о том, что победа большевиков не была случайной, но носила временный характер: Рос-

³ Hindus K. The Russian peasant and the Revolution. New York, 1920. P. 261, 276–277.

⁴ Ross E. The Russian Bolshevik Revolution. New York, 1921. P. V, 11, 108, 177.

⁵ Lawton L. The Russian Revolution, 1917–1926. London, 1927. P. 495.

⁶ Walsh Ed. The Pall of the Russian Empire. Boston. 1927. P. 11–12.

⁷ Mavor J. The Russian Revolution. London. 1928. P. 37.

сия должна была «переболеть» большевизмом, прежде чем встать на путь буржуазно-демократического развития.

Свертывание нэпа устранило надежды на скорое буржуазное перерождение советского строя. В 1930-е гг. сложилась противоречивая ретроспектива для оценки Октября. Трагедия коллективизации, голод 1932 г., массовые репрессии 1937–1938 гг. ставили Октябрьскую революцию в негативный контекст. В то же время быстрые темпы роста промышленности и уровня образования, явная прочность власти заставляли зарубежных историков осторожно отвечать на вопрос о роли Октября в судьбе России.

В начале 1930-х гг. вышли в свет работы историков-эмигрантов М. Флоринского, М. Карповича и Дж. Вернадского, которые играли важную роль в становлении россиеведения в американских университетах. Эти книги подводили итоги работы, проделанной группой эмигрантов в рамках исследовательской программы «Экономическая и социальная история Мировой войны», осуществлявшейся в США на деньги Фонда Карнеги. С 1925 по 1931 гг. вышли 11 томов «русской серии» по истории России в предвоенный период и в годы первой мировой войны. Авторы делали акцент на успехи развития предвоенной России и полагали, что Октябрь увел страну с плодотворного пути буржуазного развития⁸. Однако они не говорили о скором крахе советского строя, а Вернадский прямо написал: «Советский опыт еще не закончен и рано делать вывод. Сейчас ясно одно: великая нация, не смотря на все тяготы, занята строительством своего будущего»⁹.

В середине 1930-х гг. вышел двухтомник У. Чемберлина, журналиста, написавшего по общему признанию самую значительную книгу по истории русской революции в довоенное время. Автор показал, что большевики совершили революцию и выиграли гражданскую войну, опираясь на широкую социальную поддержку. Находясь под впечатлением от успехов индустриализации, автор склонялся к тому, чтобы признать советский путь возможным путем развития России, но не пригодным для Запада¹⁰.

В целом работы 1930-х гг. показали, что ответ на вопрос о значении Октябрьской революции для России зависел от дальнейшего хода

⁸ Florinsky M. *The End of the Russian Empire*. New Haven, 1931; Karpovich V. *Imperial Russia. 1901–1917*. New York, 1932; Vernadsky G. *Lenin. Red Dictator*. New Haven, 1931; Vernadsky G. *The Russian Revolution. 1917–1931*. New York, 1932.

⁹ Vernadsky G. *The Russian Revolution. 1917–1931*. New York, 1932. P. 117.

¹⁰ Chamberlin W. *The Russian Revolution. 1917–1921*. New York, 1935. Vol. 1. P. 462–463.

событий. Мир приближался к новой мировой войне, и эта война должна была стать экзаменом для новой России.

Послевоенная историография. Итоги второй мировой войны выявили историческую роль Октября как революции, которая в кратчайший срок вывела страну из вековой отсталости и обеспечила победу в борьбе с очень сильным и крайне опасным противником. И зарубежные историки не могли игнорировать тот новый контекст, в который Октябрь поставила победа над фашизмом. В то же время послевоенный период сразу же стал периодом развертывания «холодной войны», в которой важную роль играла идеологическая война. Правящие круги Запада старались сделать все возможное, чтобы скомпрометировать СССР в глазах мировой общественности. Острота ситуации стимулировала поиск новых подходов для оценки новейшей истории России. Советологи правого толка ответили на вызов времени созданием теории «тоталитаризма», которая ставила социализм и фашизм на один уровень как недемократические системы общественного развития. Сторонники этой теории подавали советскую историю в черном свете, что предопределяло негативную оценку значения Октября. Однако многие историки изначально понимали ущербность этой теории и считали более адекватным методологическим инструментом теорию «модернизации». Она исходила из того, что в XX в. страны мира, отставшие от Запада, должны были выбирать стратегии «модернизации», отличные от стратегий западных стран. В этой связи западный и советский пути рассматривались как два варианта перехода от «традиционного» общества к «современному». Западный путь рассматривался как органичный и оптимальный, а советский – как неоптимальный, но вынужденный, и даже единственно возможный в силу специфики России и международной ситуации.

В 1947 г. английский историк К. Хилл в книге «Ленин и русская революция» пришел к следующему выводу: «У Ленина были основания считать, что только более радикальная революция, чем Февраль, а именно – выход из войны и отказ от долгов – смогут восстановить национальную независимость России ...Мы только сейчас подходим к более правильной оценке патриотического аспекта русской революции, но это тот аспект, который всегда осознавался советскими людьми»¹¹.

В начале 50-х гг. вышла фундаментальная работа английского историка профессора Э. Карра «Большевистская революция, 1917–1923»,

¹¹ Hill Ch. Lenin and Russian Revolution. London, 1947. P.16, 231, 235–236.

которая стала классикой западной историографии Октября, хотя многие оценки автора и критиковались его коллегами. Позиция автора заключена в следующей фразе: «Вполне возможно, ... что буржуазная демократия и буржуазный капитализм западного образца не могли укорениться на русской почве, и таким образом политика Ленина была единственно практически возможной в конкретных условиях России того времени». Более того, Карр проводит мысль о том, что победа либералов, даже если бы она была возможна, не решила бы коренных проблем, стоявших перед Россией в начале XX века¹².

Выводы Карра не стали общепринятыми. В 1950-е гг. вышел ряд работ, авторы которых защищали тезис об успешном развитии капитализма в России предвоенного периода. Октябрь рассматривался как «ненужная» революция, результат стечения неблагоприятных обстоятельств, направленный против логики исторического развития российского общества¹³.

Серьезный удар по этой точке зрения нанесли работы Т. фон Лауэ, профессора Калифорнийского университета, который посвятил много лет изучению социально-экономической истории России. Свои выводы Лауэ обосновал в книге «Сергей Витте и индустриализация России» (1963 год), а затем суммировал в статье «О кризисе Российского государства». Лауэ сформулировал следующие положения:

- 1) темпы развития царской России не сужали разрыва с ведущими западными державами;
- 2) даже эти темпы не могли выдерживаться долго, ибо в рамках существовавшего строя форсированное промышленное развитие с неизбежностью вело к острым социально-политическим кризисам;
- 3) методы финансирования индустриализации (привлечение иностранного капитала) становились все более опасными на фоне ослабления военно-политического статуса царской России и вели к потере самостоятельности в области внешней политики;
- 4) являясь одной из великих держав, втянутой в мировое соперничество, Россия не могла избежать участия в первой мировой войне,

¹² Carr E. H. The Bolshevik Revolution, 1917–1923. New York, 1951–1952: Vols. I–III. Vol. I. P. 100.

¹³ Seton-Watson H. The Decline of Imperial Russia. London, 1952; Florinsky M. Russia. A History and an Interpretation. New York, 1953; Pushkarev S. Russia in 19th Century. New York, 1956.

а, следовательно, и глубокого кризиса всего старого строя, обусловленного ее тяготами¹⁴.

В 1964 г. Лауэ выпустил книгу «Почему Ленин? Почему Сталин? Переоценка русской революции», в которой подробно обосновал тезис об Октябре как революции против отсталости, обеспечившей коренные национальные интересы России в условиях XX в.¹⁵

В 1964 г. проф. Л. Хаймсон положил начало острой дискуссии по вопросу о том, как шел процесс развития предвоенной России: по пути усиления социальной стабильности общества или обострения классово-вой борьбы, не дававшей возможности осуществить ускоренную модернизацию страны. Автор сделал вывод о том, что процесс социального развития предвоенной России был процессом обострения классовых противоречий¹⁶.

В 1966 г. в Стэнфордском университете состоялась конференция славистов на тему «Российский крестьянин в 19 веке». Главным на конференции стал вопрос о направленности социального развития российской деревни. Большинство участников высказалось против тезиса об усилении социальной стабильности российской деревни накануне мировой войны. «Столыпинские реформы, – отмечал редактор вышедшего сборника трудов профессор В. Вусинич, – все это было слишком мало и слишком поздно»¹⁷.

Те историки, которые признали факт нарастания социальной поляризации российского общества в предвоенный период, получили название «пессимистов», а их противники – «оптимистов». Т. Лауэ назвал «пессимистов» более многочисленной, хотя и «менее громкоголосой» фракцией в историографии «русской революции»¹⁸.

Позиции «пессимистов» были усилены результатами специальных исследований, посвященных анализу деятельности основных политических партий. Анализу политики большевиков в 1917 г. были посвящены книги американского историка А. Рабиновича. Автор показал наличие у большевиков социальной базы и сложную диалектику взаимодействия между массами и партией, различными фракциями внут-

¹⁴ Laue T. Of the Crises in the Russian Polity //Essays in Russian and Soviet History. New York, 1963. P.310, 312–313, 316–320.

¹⁵ Laue T. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian revolution. New York, 1964.

¹⁶ Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917 //Slavic Review. 1964. Dec, P.621–629.

¹⁷ The Peasant in the Nineteenth-Century Russia. Stanford, 1968. P.XVI.

¹⁸ Laue T.von. The Chances for Liberal Constitutionalism //Slavic Review. 1965, March. P. 34.

ри партии. Его подход нанес удар по концепциям сторонников тоталитарной модели, обвинявших Ленина в манипуляции «темными массами», которые не понимали своих интересов¹⁹.

Политику кадетов исследовал американский историк Т. Риха. В работе «Русский европеец. Павел Миллюков в российской политике» он сделал следующий вывод: «Миллюков действительно допустил ряд ошибок, но весьма трудно избежать вывода о том, что его партия не могла преуспеть в 1917 г. при любых обстоятельствах»²⁰.

Американский историк О. Рэдки, изучив историю эсеров, отметил, что в 1917 г. эсеры «потеряли вкус к социальной революции» и в результате потеряли поддержку масс²¹.

Эти работы были смелым шагом, направленным против концепций консервативного крыла историков и советологов, активных участников «холодной войны». О ситуации, существовавшей в американской советологии, откровенно написал в 1973 г. проф. А. Даллин, один из ведущих специалистов по России. Даллин признал, что «предвзятые идеологические догмы» затрудняют объективные исследования, и советологи часто стремятся дать жесткую интерпретацию рассматриваемых вопросов, ибо «по сложившемуся мнению, лицо, занявшее «жесткую линию» никогда не рискует своей профессиональной репутацией, а тот, кто решится дать «мягкую» интерпретацию, может быть признан некомпетентным»²².

Бунт против консервативной традиции был отражением политики «разрядки» напряженности в советско-американских отношениях. Однако атмосфера разрядки продлилась недолго. Рубеж 1980-х гг. стал периодом нового обострения международной обстановки. Президент США Р. Рейган объявил СССР «империей зла». Новая атмосфера сказалась на общественных науках. По откровенному признанию профессора политологии Дьюкского университета Дж. Хау, в 1980-е гг. стало ясно, что «маккартизм в США остается большой силой в том, что касается освещения вопросов, связанных с Советским Союзом. Клевета на

¹⁹ Rabinowitch A. *Prelude to revolution; the Petrograd Bolsheviks and the July 1917 uprising*. Indiana University Press. 1968; Rabinowitch A. *The Bolsheviks come to power: the revolution of 1917 in Petrograd*. New York, 1976.

²⁰ Riha T. *A Russian European. Pavel Kiliukov in Russian Politics*. New York, 1969. P.335–336.

²¹ Radkey O. *The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist-Revolutionaries. February-October 1917*. New York, 1958. P.19, 20; Radkey O. *The Sickle under the Hammer*. New York, 1963. P.4.

²² Dallin A. *Bias and Blunders in American Studies on the USSR //Slavic Review*. 1973. Sept. P.562.

СССР безопасна. Подача советской жизни в благоприятном свете может вызвать нарекания и даже обвинения в просоветизме»²³.

Большая часть историков отреагировала на изменение политической атмосферы стремлением уйти от ответов на острые вопросы. Так, американский историк Ш. Фицпатрик в книге «Русская революция» признала, что старый строй не мог решить задачу сочетания быстрого индустриального развития и социальной стабильности, а большевики выполнили необходимую работу по ускоренной модернизации страны. В то же время она заявила об отказе судить о том, нужна ли была Октябрьская революция с точки зрения потребностей развития России начала XX в.²⁴

Не дал ответа на этот вопрос и американский историк Х. Роггер в работе «Россия в эпоху модернизации и революции»²⁵.

Однако в 1980-е гг. вне зависимости от каких-либо общих оценок значения «русской революции» росло число исследований, которые осуществляли историки нового поколения. Те из них, кто стремился пересмотреть штампы, созданные консервативной профессурой, получили название «ревизионистов». Из работ «ревизионистов» вытекало, что противники большевиков не могли получить поддержки масс и решить те задачи, которые стояли перед страной в конкретной ситуации «русской революции», а большевики получили эту поддержку и поэтому выступали как единственная сила, способная вывести страну из тупика.

Так, американский историк Д. Кoenкер в работе «Московские рабочие и революция 1917 г.» выступила против тезиса о том, что «революция в городах была совершена темными полукрестьянскими массами, которые не сознавали, что делают». Главными действующими силами революции, подчеркивает Кoenкер, были квалифицированные рабочие. Уроки революции убеждали рабочих в том, что остановить разруху и покончить с войной можно лишь при условии перехода власти в руки Советов, введении контроля за производством и распределением. Только большевики предлагали такую программу, и рабочий класс поддержал большевиков²⁶.

Английский историк Д. Мандел выпустил работы, посвященные анализу деятельности питерского пролетариата. Проанализировав

²³ За рубежом. 1986. № 22. С. 7.

²⁴ Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution. Oxford UP, 1982. P. 9.

²⁵ Rogger H. Russia in the Age of Modernization and Revolution, 1881–1917. London, 1983.

²⁶ Koenker D. Moscow Workers and the 1917 revolution. Princeton, 1981. P. 359–362.

широкий круг источников, автор сделал вывод о наличии у большевиков сознательной поддержки со стороны столичных рабочих, обусловленной «растущим соответствием между стремлениями последних и программой партии»²⁷.

Английский историк С. Смит в работе «Красный Петроград. Революция на фабриках» также отверг тезис о том, что большевики «манипулировали» рабочими, неспособными осознать свои действительные интересы²⁸.

Американский историк Р. Уэйд в книге «Красная гвардия и рабочая милиция в русской революции» сделал акцент на самостоятельность и инициативу рабочих при создании Красной гвардии и рабочей милиции²⁹.

Американский историк Д. Рейли в работе «Революция на Волге: 1917 г. в Саратове» отверг тезис о том, что Октябрьская революция была сделана в Петрограде в силу специфических условий столицы. Д. Рейли показал, что процесс большевизации масс в Саратове шел почти такими же темпами, как и в столичных центрах. Автор заявил, что он против того, чтобы объяснять Октябрь при помощи мифа о беспринципности большевиков, о заговоре, случайности, политической манипуляции³⁰.

Результаты специальных исследований историков-ревизионистов вполне укладывались в рамки «модернизационного» подхода, согласно которому путь России был формой «догоняющего развития», обусловленным объективными причинами. Российский путь оценивался как худший по сравнению с «органическим» западным, но никак не тупиковый.

Постсоветская историография. Распад Советского Союза и смена общественного строя в России стали неожиданностью для всей советологии. Возникла потребность заново осмыслить новейшую историю России и рассмотреть вопрос о значении Октября как ключевого события в этой истории.

²⁷ Mandel D. The Petrograd Workers and the Fall of the Old Regime. London, 1983. P. 3–4, 180; Mandel D. The Petrograd Workers and the Soviet Seizure of Power. London, 1984. P. XIV, 309.

²⁸ Smith S. Red Petrograd. Revolution in the Factories. Cambridge, 1983. P. 259–264.

²⁹ Wade R. Red Guards and Workers Militias in the Russian Revolution. Stanford, 1984. P. 1, 38, 207.

³⁰ Raleigh D. Revolution on the Volga: 1917 in Saratov. Cornell UP. Ithaca and London, 1986. P. 11.

Как идет процесс этого осмысления? После 1991 г. консерваторы явно стремятся взять реванш у историков-ревизионистов. Прежде всего, реванш выразился в реанимации тоталитарной модели. Именно с помощью этой модели стали объяснять причины краха «перестройки»: тоталитарная система не могла быть в принципе реформирована.

Одним из давних сторонников тезиса о принципиальной обреченности советской системы был М. Малиа (1924–2004), известный представитель консервативного крыла американской историографии, профессор Калифорнийского университета Беркли. В январе 1990 г. он опубликовал статью «К мавзолею Сталина», в которой утверждал, что Горбачев не приведет Россию к демократии и свободному рынку, а только продлит существование советской системы, превратившейся в мавзолей Сталина³¹. Неудача «перестройки» и распад СССР поставил Малиа в положение «провидца», его взгляды были востребованы. В 1990-е гг. Малиа, уже будучи на пенсии, опубликовал больше книг, чем за 30 лет своей работы в Беркли. И во всех книгах Малиа критикует западную советологию за то, что она переоценивала стабильность советского режима и его потенциал к развитию.

Наиболее известна книга Малиа «Советская трагедия. История социализма в России, 1917–1991». Уже самим названием автор задал тон для оценки истории всего советского периода как трагедии. В рамках такой интерпретации достижения советской власти уводились на второй план. Акцент делался на репрессиях, тоталитарном характере системы и т. п. Пороки системы Малиа выводил из марксистско-ленинской идеологии, наделяя ее утопическими и тоталитарными чертами. Он утверждает, что после Октябрьской революции социализм в России строила партия вопреки интересам народа. Строила методами насилия и штурма. Игнорируя дооктябрьскую ленинскую концепцию переходных шагов к социализму, на которую обращали внимание многие западные историки, Малиа видит суть ленинской стратегии перехода к социализму не в нэпе, а в политике «военного коммунизма». Он рассматривает Сталина и стратегию «великого перелома» как логическое продолжение дела Ленина, а ленинизм как единственную возможность воплотить утопические цели Маркса: построить процветающее общество, уничтожив рынок и частную собственность³².

³¹ См. Malia, M ("Z"). 1990. To the Stalin Mausoleum \\Deadalus № 119. P. 322.

³² Malia M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. N. Y., 1994. P. 4–5, 314.

Автор считает, что в Октябре 1917 г. большевики выбрали тупиковый путь развития («семьдесят лет по дороге в никуда»), и их строй должен был рухнуть: «Если в конце концов коммунизм рухнул как картонный домик, то потому, что он всегда был картонным домиком»³³. Достаточно сравнить одну эту фразу с оценками Э. Карра, Т. фон Лауэ и других историков послевоенного периода, чтобы понять глубину расхождений и масштабы натиска консерваторов на позиции историков-ревизионистов.

В последних статьях и книге «Россия перед глазами Запада» (1999) у Малиа звучит тревога по поводу перспектив постсоветского развития, но эта тревога не повлияла на его оценку советского пути: «Еще рано говорить о том, соединится ли Россия на этот раз с Западом, но не рано утверждать, что, при нормальном ходе вещей, ей едва ли есть куда еще идти. С коммунизмом, великим утопическим экспериментом, покончено»³⁴.

Наряду с Малиа особую активность в историографии 1990-х гг. проявил профессор Гарвардского университета Ричард Пайпс. Этого историка в России обычно воспринимают только как академического исследователя. Менее известно то, что Пайпс был руководителем «Команды Б», созданной в 1970-е гг. директором ЦРУ Дж. Бушем из ряда консервативных экспертов, которые упрекали администрацию Дж. Картера в недооценке военной мощи и агрессивных намерений СССР. При администрации Р. Рейгана Пайпс был членом Совета национальной безопасности и руководил сектором по СССР и Восточной Европе. В 1981 г. он дал интервью, в котором заявил, что «война с СССР будет неизбежна, если русские не изменят своей системы»³⁵.

В 1990 г. Пайпс издал специальную книгу о «русской революции», в 1994 г. – книгу «Россия при большевистском режиме», затем еще ряд работ³⁶. Наиболее крупным российским изданием стал трехтомник «Русская революция», охвативший период с 1905 по 1924 гг.³⁷

³³ Malia M. *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991*. N. Y., 1994. P. 496.

³⁴ Malia M. *Russia Under Western Eyes. From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Harvard University Press. 1999. P. 411.

³⁵ *New York Times*. March 19. 1981.

³⁶ См. книги Пайпса: *The Russian Revolution* (1990); *Russia under the Bolshevik Regime: 1919–1924* (1994); *Communism, the Vanished Specter* (1994); *A Concise History of the Russian Revolution* (1995); *The Three "Whys" of the Russian Revolution* (1995); *The Unknown Lenin: From the Secret Archive* (1996).

³⁷ Пайпс Р. *Русская революция*. В 3 кн. М., 2005.

Своими книгами по истории «русской революции» Пайпс, по сути, продолжил «крестовый поход» против Советов, повторив все старые штампы консервативной историографии. Он начал и своего рода крестовый поход против историков-ревизионистов. Труды историков-ревизионистов Пайпс дезавуировал политическими приемами «холодной войны». Для начала он оценил работы советских историков как «хитросплетения полуправды, четверть правды и откровенной лжи». Затем Пайпс выразил сожаление, что в западной науке появилась школа ревизионистов, которые попытались «вытеснить открытия независимых ученых из числа русских эмигрантов и их западных последователей, ...принимая – с незначительными изменениями – темы и интерпретации исторической псевдонауки СССР»³⁸.

Заклеймив историков-ревизионистов как сторонников советской «псевдонауки», Пайпс приписал оппонентам примитивный взгляд на историю как социальный процесс, свободный от исторических случайностей и роли личности: «Там, где ревизионисты, подобно прежним советским историкам, подчеркивают социальную составляющую происходящего, я уделяю главное внимание политической. ...На взгляд ревизионистов, приводным ремнем истории являются безудержные и анонимные силы, тогда как, на мой взгляд, решающим фактором выступает человеческая воля»³⁹.

Анализ работ историков-ревизионистов показывает, что никто из них и не думал отрицать роль личности в истории. Историческая наука давно уже пришла к пониманию, что ход событий, в конечном счете, определялся действиями конкретных людей и в любой ситуации возможны альтернативы. Однако ясно и то, что такие события как революции, меняющие социальный строй, нельзя трактовать как чисто политические конфликты. Кстати говоря, если уж Пайпс обвиняет коллег в принятии тезисов советской историографии, то не худо было бы ему помнить, что советские историки, отмечая глубокий социальный характер Октября, всегда подчеркивали решающую роль субъективного фактора в ее победе: роль партии и ее вождя Ленина.

Стремлению историков-ревизионистов изучать революцию как глубокий социальный конфликт Пайпс противопоставил тезис о том, что «русская революция» в принципе не была революцией, вызванной классовыми противоречиями. Он рисует ее в виде конгломерата политических событий, в которых все участники преследовали разные це-

³⁸ Пайпс Р. Три «почему» русской революции. М., 1996. С. 8.

³⁹ Там же. С. 4.

ли, а в итоге победила кучка большевиков: после свержения царя стала нарастать анархия, на фоне которой Ленин захватил власть путем конспиративного заговора и манипулирования темными массами, обещая всем то, что они хотели⁴⁰.

После работ историков-ревизионистов тезис о верхушечном заговоре смотрелся откровенно примитивным, но Пайпса это не смущало. В принципе этот тезис всегда смотрится примитивно, ибо любой любознательный читатель, столкнувшись с таким тезисом, может спросить: ну, хорошо, пусть большевики обманом захватили власть в октябре 1917 г., но как они ее смогли удержать в ходе долгой гражданской войны? Как можно было выиграть эту войну, не имея серьезной социальной опоры?

Пайпс такие вопросы отодвигает в дальний угол. Он делает акцент на другом: гражданская война была кровавой, и ее цена огромна, а значит большевики в этом виноваты. И напрасно будет искать у Пайпса признание того факта, что политические противники большевиков смогли начать и вести против них масштабную войну, только получив поддержку извне (в виде действий чехословаков на востоке страны, германской оккупации Дона, интервенции и военной помощи со стороны Антанты). А этот факт ставит проблему вины совсем в другую плоскость.

Итоговый тезис Пайпса: Ленин – автор тоталитарного государства, Сталин его законный наследник. Делая акцент на насилии и репрессиях, Пайпс, также как и Малиа, убежден в порочности социалистического пути развития в принципе, и теперь доказывает это фактом поражения социализма в СССР. Как и Малиа, Пайпс игнорирует все те соображения, которые высказывали Карр, Лауэ и другие историки о советском строе как единственно возможном пути ускоренного развития России в условиях XX в.

В британской историографии консервативное крыло представлено работами Р. Сервиса. Тональность его работ гораздо более академична по сравнению с агрессивным тоном Малиа и Пайпса. Более гибкой является и концепция, которая часто балансирует на стыке разных взглядов на революцию. При изложении истории «русской революции» он признает ее глубокий социальный характер, показывает быстрый процесс расхождения политики Временного правительства с требованиями масс. Признает, что осенью страна находилась в глубоком кризисе, с которым Временное правительство не могло справиться.

⁴⁰ Пайпс Р. Три «почему» русской революции. М., 1996. С. 620–621.

ся в рамках избранного политического курса⁴¹. В таком контексте победа большевиков не оценивалась как случайная. Однако она и не оценивалась автором как необходимая, открывшая путь к решению коренных проблем, стоявших перед обществом. Автор занимает уклончивую позицию в этом вопросе и делает главный акцент на то, что большевики под влиянием идеологии, особенностей российской истории и внешнеполитической обстановки создали крайне жесткую и недемократическую модель развития, которая всегда встречала широкое, хотя и пассивное сопротивление масс. Полагает, что теория тоталитаризма более всего подходит для интерпретации этой модели. Сервис, также как Малиа и Пайпс, считает, что режим был создан Лениным, и эпохи Ленина, Сталина, Хрущева и Брежнева были принципиально едины. Автор не постулирует тезис о неизбежной гибели СССР, и связывает его крах с ошибками Горбачева. Одной из постоянных черт советского строя он считает высокую степень концентрации власти в руках лидера, что вело к высокой роли личности лидера в судьбе страны: «СССР никогда бы не родился без негибимой уверенности Ленина, и он бы не распался без наивного безрассудства Горбачева тогда и так, как это случилось»⁴².

Таким образом, несмотря на некоторые отличия Сервиса, Малиа и Пайпса объединяет общая идея: советский период – трагедия для народа, большевики не смогли решить в долговременной перспективе те проблемы, которые обещали решить.

Попытка представителей правого крыла западных историков вернуть вспять те процессы, которые наметились в западной историографии после знаменитых дискуссий между «оптимистами» и «пессимистами», встретила неприятие со стороны существенной части историков нового поколения. Однако на открытый протест решаются немногие.

Открыто свое несогласие выразил известный американский историк проф. С. Коэн. В брошюре, написанной в 1999 г., он назвал методологически неверным считать крах СССР основанием для вывода о неререформируемости советской модели. По мнению Коэна, это все равно, что считать любую смерть результатом неизлечимой болезни. Коэн отмечает тот факт, что на самом деле в СССР постоянно шли процессы реформирования, а при Горбачеве они приняли радикаль-

⁴¹ Service R. A History of Modern Russia: From Tsarism to the Twenty-First Century. Third Edition. Harvard UP. 2009. P. 23, 32, 36.

⁴² Там же. P. XXXV.

ные формы и не были обречены на провал. Касаясь «эпохи Ельцина», он называет ее очередной «Смутой», а не «эпохой реформ», не «эпохой перехода» к светлому будущему⁴³. Коэн призвал отказаться от реанимации старых догм. Призыв прозвучал довольно пессимистично, ибо автор отметил, что сейчас не лучшие времена для объективного изучения истории России. Он признал, что «некоторые влиятельные ученые старшего поколения безответственно обвиняют в прокоммунистических симпатиях конкурирующие научные школы»⁴⁴. Эти идеи он подробно развил в книге, изданной в 2001 г., в названии которой он также использовал термин «трагедия», но говорил о трагедии посткоммунистической России⁴⁵.

В 2005 г. Коэн в своей новой работе специально рассмотрел тезис о неререформируемости советской системы и сделал вывод о том, что для этого тезиса «не было ни концептуальных, ...ни эмпирических оснований»⁴⁶.

Коэн не доводит свои тезисы до логического конца, но их подтекст хорошо просматривается. Негативная оценка постсоветской эпохи и признание принципиальной возможности успешного реформирования советской системы разрушают тезис о советском пути как тупиковом пути развития. А это в свою очередь убирает основной аргумент в требовании правых пересмотреть те результаты, которые были достигнуты историками-ревизионистами.

Надо отметить, что историки-ревизионисты не спешат отказаться от своих прежних идей. В то же время многие авторы стремятся ограничиться фактологическим описанием событий и не отвечать на острые вопросы. Чувствуется и желание не обострять отношения с консервативным крылом. Заметным стало стремление перенести внимание с истории 1917 г. на период гражданской войны. С одной стороны, этот перенос выглядит вполне логичным продолжением процесса изучения истории «русской революции». С другой стороны, события гражданской войны порождают соблазн построить следующую схему: в 1917 г. большевики пришли к власти, опираясь на поддержку широких масс, а в период гражданской войны они создали недемократиче-

⁴³ Коэн С. Изучение России без России. Крах американской постсоветологии. М., 1999. С. 15, 34.

⁴⁴ Там же. С. 21, 35–36.

⁴⁵ Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М., 2005. С. 34.

⁴⁶ Коэн С. Можно ли было реформировать Советскую систему? М., 2005. С. 37.

скую систему, судьба которой оставалась неясной. Эта схема, так или иначе, прослеживается в ряде новейших работ⁴⁷.

Вопрос о том, как новое поколение историков будет в дальнейшем рассматривать историю советского общества остается открытым. Возможен переход той или иной части историков «ревизионистов» на позиции консерваторов: принятие теории «тоталитаризма» и тезиса о «нереформируемости» системы, что объективно превращает Октябрь в революцию, направившую страну в исторический тупик. Возможен и другой вариант: признание справедливости выводов Т. Фон Лауэ и Карра об октябрьском пути как единственно возможном способе решения коренных задач, стоявших перед Россией в XX в., и признание справедливости тезиса Коэна о принципиальной возможности реформирования советской модели в соответствии с новыми историческими потребностями, сформировавшимися в конце XX в.

Как показал проведенный анализ западной историографии, та ретроспектива, в которую Октябрь ставили последующие события, всегда оказывала сильное влияние на трактовку вопроса о его историческом значении. Вполне вероятно, что и в дальнейшем фактор ретроспективы будет играть важную, если не определяющую, роль.

⁴⁷ Sakwa R. Soviet politics in perspective 2ed edition. London, 1998; Sakwa R. The rise and fall of the Soviet Union, 1917–1991. London, 1999; Sakwa R. Russian politics and society. London, 2002; Wade R. The Russian Revolution. 1917. Cambridge UP, 2005; Fitzpatrick, Sheila. The Russian Revolution. Oxford: Oxford University Press, 1994; Rabinowitch A. The Bolsheviks in power: the first year of Soviet rule in Petrograd. Indiana University Press, 2007.

В.А. Офицеров

О национальном характере российской революции

*(по материалам Всероссийской переписи членов
РКП(б) 1922 г.)*

В сводках донесений по линии ОГПУ в феврале 1924 г. говорилось, что смерть В.И. Ленина вызвала шоковое состояние в стране. Среди населения, подавляющая часть которого составляло крестьянство, шли бесконечные разговоры о нём, как о «мирителе», «спасителе», «освободителе», «отце», «старшем брате»¹. Никто не воспринимал его в качестве высшего чиновника государства. Он был свой, и власть большевиков была своей, жесткой, подчас жестокой, но своей.

В это время распространялись слухи, что Ленин не умер своей смертью, что его отравили, и всех волновал вопрос о том, кто станет во главе государства и какой он будет национальности?² «Ленин был свой, русский человек, – шли разговоры, – кто же будет теперь»³. Назначение Рыкова А.И. председателем правительства, бывшего до этого заместителем Ленина по Совнаркому, имело целью, в том числе, погасить антисемитский характер слухов, связанных с именем известного тогда всем Троцкого. Однако людская молва того времени о расколе среди большевиков⁴, косвенно свидетельствовала о предчувствии нового лидера страны, который не мог не появиться согласно традициям российского единодержавия. Имя Сталина тогда еще не было известно народу.

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 67, д. 36, л. 71. Цит. по кн. Павлюченков С.А. «Орден меченосцев» Партия и власть после революции 1917–1929 гг.». М., 2008. С. 325.

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 708, л. 15, 22, 24. вып. 3, 1993, с. 325. Цит. По: Неизвестная Россия XX век.

³ ГАРФ, ф. 374, оп. 27, д. 1096, л. 62–64. Цит. по кн. «Неизвестная Россия ... Указ. соч, С. 353.

⁴ Неизвестная Россия XX век. Вып. 4, 1993 г. С. 9–23.

Известно, что Ленин непримиримо относился к проявлениям любых видов национализма. Он был настойчив в создании модели сохранения и развития многонациональной страны, которая бы исключила или минимизировала эти проявления. Эта модель формировалась, начиная с «Декларации прав народов России», провозгласившей равноправие наций и народностей, до создания СССР с его уникальным механизмом мирного и созидательного сосуществования огромного количества народов, населявших бывшую российскую империю. Она включала в себя элементы, цементирующие российскую государственность: идеологию создания социально справедливого и развитого общества; равноправие народов; права наций на самоопределение; механизм представительства народов в советских органах союзного государства. Важнейшим звеном этой модели стала правящая партия, которая сосредоточила реальные властные полномочия, осуществляемые через сеть партийных организаций в многонациональной стране.

Партийный элемент этой модели был заложен Лениным еще на заре социал-демократии в России. Создавая партию, он прилагал немало усилий для позиционирования её в качестве партии всех народов страны. «Партия возникает в 1898 г., как «российская» партия, – писал он, – т. е. партия пролетариата всех национальностей России»⁵. Ленин жестко и последовательно выступал против её федеративного национального устройства. В 1912 г. он констатировал обособление части национальных организаций от РСДРП. «У «националов», – писал он, – есть свои особые организации, свои центральные инстанции, съезды и т. д. У русских этого нет, и их ЦК не может решать русских вопросов без участия борющихся друг с другом и незнакомых с русскими делами бундовцев, поляков, латышей... Федерация или единство? Федерация для «национальностей» с отдельными центрами без отдельного центра для русских или полное единство? Мы за второе»⁶. Различное видение партийного строительства и решения национального вопроса в многонациональной стране в немалой мере предопределило размежевание большевиков с меньшевиками, польскими, латышскими, еврейскими и прочими социал-демократами, часть которых в последующем вступила в ленинскую партию. В итоге, к 1917 г. большевики подошли в виде единой, дисциплинированной силы, состоящей из представителей различных наций и народностей России. Их было немного, но даже противники большевизма отмечали, что никто другой

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 320–321.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 229–230.

не располагал большей организованностью и готовностью к самопожертвованию.

Эта готовность хорошо прослеживается в суровых цифрах статистики, которые дают данные Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г.⁷ За время Гражданской войны погибли в боях, умерли от ран и болезней 55% тех, кто вместе с Лениным вышел из подполья и эмиграции в начале 1917 г. Из 23600 членов так называемой «ленинской партийной гвардии» осталось в начале нэпа немногим более 10 тыс. человек⁸. Из 100 тысяч, вступивших в партию большевиков в 1917 году, осталось 43,2 тыс. чел. (43%). Из 170 тысяч 1918 г. – 86,5 тыс. (51%); из 247 тыс. нового состава 1919 г. – 152 тыс. чел. (61,6%); из 265 тыс. 1920 г. – 201,3 тыс. (76%)⁹. Всего за это время большевики не досчитались почти четверть миллиона своих рядов. Это были не только количественные, но и потери в качественных характеристиках состава правящей партии¹⁰.

Цифры потерь говорят о том, что партия большевиков начала нэпа в сравнении с 1917 г. претерпела серьезные изменения. Этот факт важно учитывать в исторических исследованиях. Вместе с тем, состав большевиков в 1922 г. не мог не отразить закономерности революционной эпохи. Это касается вопроса и по национальному представительству в правящей партии, во властно-управленческих структурах государства¹¹. Материалы Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 года позволяют достаточно точно показать роль национального фактора в российской революции, поразмышлять о степени его влияния на политику большевиков. Источником данной информации яв-

⁷ Информационную ценность переписи, автором и разработчиком которой был С.Г. Струмилин, подчеркивает тот факт, что больше ни одна перепись правящей партии не проводилась по столь обширной программе. Она проходила по четырем бланкам, среди которых выделяется бланк «А», заполнявшийся регистраторами при опросе респондентов. Этот бланк включал в себя 59 вопросов, многие из которых требовали нескольких ответов, которые в итоге дают более 180 позиций полезной информации.

⁸ В декабре 1925 года, на 14 съезде ВКП (б), Бухарин Н.И. и Зиновьев Г.Е. говорили о 8–8,5 тысяч оставшихся в живых подпольщиков.

⁹ Подсчет произведен по материалам: Всероссийская перепись... Вып. 4, с. 31, 32.

¹⁰ Добавим, что грандиозная чистка партийных рядов, предпринятая Лениным в 1921 году, также внесла весьма существенные коррективы в эти характеристики.

¹¹ О высокой степени точности данных по национальному составу большевиков говорит тот факт, что респондент был вынужден не субъективно определять свою национальную принадлежность, а отвечать на вопрос о национальности деда, отца и матери, как правило, в присутствии опрашивающего и руководителя партийной ячейки.

ляются материалы переписи, опубликованные в начале 20-х гг. прошлого столетия¹², а также материалы авторского исследования анкет служащих-большевиков Москвы этой переписи, хранящихся в РГАСПИ¹³.

Конечно, эти материалы не дают нам всей картины участия народов страны в событиях революционной эпохи. Ленин в том же 1922 г. отмечал, что «в народной массе мы все же капля в море», и действительно, удельный вес членов правящей партии среди всего населения России, включая детей, составлял лишь 0,3 процента. Вместе с тем, очевидно, что структура состава большевиков (408 тыс. человек) в концентрированном виде отражала структуру социальных и национальных движений этого времени.

Данные таблицы 1 говорят об абсолютном большинстве русских большевиков в составе правящей партии, что не может не свидетельствовать о русском характере российской революции. Отметим, что среди выживших к 1922 г. нелегалов, которые готовили эту революцию, представлявших собой так называемую «партийную гвардию» Ленина, как минимум каждый второй был русским (55%). Из состава 1917 г. – таковых было 65%, 1918–1919 гг. – 72%¹⁴.

Точка зрения Ленина, выработанная им в жестких дискуссиях до-революционного времени с меньшевиками, бундовцами и другими социал-демократами, исходила из того, что «великороссы» в Царской России являлась господствующей, угнетающей нацией. Эта нация составляла до мировой войны 45 % всего населения империи, а остальные, по терминологии того времени, принадлежали к «инородцам», условия жизни которых «еще более бесчеловечные, чем условия жизни русского человека»¹⁵.

¹² Всероссийская перепись членов РКП (б) 1922 г. Вып. 1–5. М., 1922–1924.

¹³ В ходе работы над сохранившимися в фондах РГАСПИ (ф.17, оп.8) анкетами московских служащих были приняты для компьютерной обработки 1147 бланков, которые дали почти 10 – процентную естественную выборку от генеральной совокупности материалов (12,2 тыс. человек) по московским служащим – членам партии большевиков. Источниковедческий и математический анализ обработанных материалов, их сравнение с некоторыми данными генеральной совокупности, позволил сделать вывод о том, что данные естественной выборки репрезентативны и дают возможность с высокой степенью точности проводить аналитическую работу.

¹⁴ Всероссийская перепись членов РКП (б) 1922 г. Вып. 5. С. 5, 9.

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 85.

Таблица 1. Национальный состав РКП (б)¹⁶ в 1922 г.

Национальность	тыс. чел.	%
русские	270,4	72
украинцы	22,1	5,9
евреи	19,6	5,2
прибалты и поляки	18,6	4,9
народы Кавказа	16,2	4,3
прочие рос. народы	9,6	2,5
народы Туркестана, Киргизии	8,4	2,2
белорусы	5,5	1,5
прочие	5,7	1,5

Он говорил о роли «великорусского рабочего класса», «великорусского мужика» в преодолении неравенства наций. Себя он относил к «великорусским» социал-демократам, «представителям великодержавной нации», которые хотят «свободной и независимой, самостоятельной, демократической республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на уничтожающем великую нацию крепостническом принципе привилегий»¹⁷.

О силе «русского фактора» российской революции говорит и география расположения сил русских большевиков на карте страны. Основная их часть проживала в центральной России (66%), 10% – в Сибири, 11% – на Украине, 4% – в Туркестане и Киргизии, 3% – в автономных республиках и областях, 2% – на Кавказе и 1% в Белоруссии. Численное преимущество русских членов партии среди всего многонационального состава большевиков было почти повсеместным. К примеру, в Киргизии они составляли 74% от всех членов партии, в Крыму и горской республике – 70%, в Татарии – 67%, в Калмыкии – 66%, на Украине – 53% и т. д. Менее 50% они были представлены в Белоруссии и некоторых других районах, а в Грузии и Азербайджане процент русских составил лишь 8%¹⁸.

Пробуждение наций и народностей России, рост национальных движений на рубеже прошлых столетий, определили влияние многонационального фактора на развитие российской революции. Об этом

¹⁶ Всероссийская перепись членов РКП (б) 1922 г. Вып. 5. С. 5. К обработке были приняты немногим более 375 тыс. анкет переписи.

¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 106–110.

¹⁸ Там же.

говорят и данные о составе большевистской партии, который включал в себя наряду с русскими большевиками 28% или 105,7 тысяч представителей других наций и народностей страны. Как видно из таблицы 1, наибольшее представительство имели украинцы, затем евреи, группа прибалтийских народов и Польши, а также группа народов Кавказа.

«Украинский фактор» российской революции весьма противоречив. С одной стороны, представители украинского народа занимали второе место по численности среди большевиков. С другой, значительная часть их (55%) стала вступать в партию только с 1920 г., а среди партийной гвардии они составляли 3%. Отметим, что 43% украинских большевиков находились в центральной России, Сибири, Туркестане и Киргизии, внося свой вклад в развитие революционных событий в этих регионах. Что касается самой Украины, то фактор влияния украинских большевиков на ситуацию здесь не был определяющим. Среди 56 тысяч всех большевиков на территории Украины они составляли лишь 22,4%.

Аналогичная кадровая ситуация распределения большевиков сложилась и в Белоруссии на момент партийной переписи. Среди партгвардии они составляли 1 %. Большинство представителей этого народа (62%) вступили в ряды большевиков до 1920 г. Около 20% из них жили на Украине, более 50% – в различных областях России. Среди всех партийцев (немногим более 6,7 тыс. человек) на территории Белоруссии, они составляли лишь 21%.

В статистическом отчете партийной переписи говорится, что на территории Грузии, Азербайджана, Армении, Абхазии, Дагестана, Кабарды, и Горреспублики были зарегистрированы члены партии 27 местных национальностей. Из 16 215 большевиков, представлявших народы Кавказа, наибольшие группы составляли грузины – почти 7 тыс. человек, армяне – около 4 тысяч, турки – 2,5 тысячи, осетины – более 1,5 тысяч человек. Остальные были представлены значительно меньшим количеством партийцев. Неполные данные говорят о том, что среди подпольщиков страны грузины составляли 4%, армяне – 2%, осетины – 1,5% членов партии. Подавляющее большинство кавказских большевиков жили в этом регионе.

«Русский фактор» российской революции на Кавказе был невелик. Как говорилось выше, среди коммунистов этого региона русские составляли лишь 8%. Однако влияние этого фактора на развитие революционных событий не измеряется только цифровыми показателями. Сталин рассказывал немецкому писателю Эмилю Людвигу: «В революционное движение я вступил с 15 – летнего возраста, когда я связал

ся с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к марксистской литературе»¹⁹. Вместе с тем, кавказские традиции вносили свой колорит в содержание правящей в этом регионе партии. В сводках ЧК этого региона говорилось, что в Дагестане в сельские ячейки идут люди преимущественно зажиточные, искренне считавшие, что членство в партии дает властные полномочия и избавление от налогов. В Кабарде за бедность исключали из партии. Нередко коммунистические ячейки выбирались всем аулом²⁰.

Численное преобладание русских членов партии в большинстве регионов страны, в автономных образованиях России не было беспроблемным. Не случайно Ленин настаивал на «величайшей» терпимости и осторожности к националистическим тенденциям среди украинского населения, на уважении к украинскому языку и культуре. Резолюция ЦК РКП(б), написанная его рукой в декабре 1919 г., вменяла в обязанность всех членов партии немедленно принять меры, «чтобы во всех советских учреждениях имелось достаточное количество служащих, владеющих украинским языком, и чтобы в дальнейшем все служащие умели объясняться на украинском языке»²¹. В фондах РГАСПИ имеется немало документов, отражающих усиление трений между русскими и коммунистами-националами в период чистки 1921 г. К примеру, в Марийской области в обком тогда вошли одни марийцы, а русские стали уходить с работы, заявляя о национальном засилии. В Башкирии дело доходило до открытых вооруженных столкновений башкирских коммунистов с русскими и т. д.²²

Несомненно, немаловажную роль играл «иностранный фактор» в российской революции. Среди этой категории большевиков выделялись поляки, латыши, литовцы и эстонцы, которых в общей сложности было более 18 тыс. членов партии. Вместе с тем, в группе «прочие» таблицы 1, было немало представителей других зарубежных народов. Среди московских служащих-большевиков можно было встретить немцев, французов, финнов, болгар, венгров, итальянцев, шведов, швейцарцев, чехов, греков, сербов, бельгийцев, китайцев, датчан и

¹⁹ Цит. по кн. Шелестов Д. Время Алексея Рыкова: эскиз политического портрета. М., 1990. С. 24.

²⁰ Павлюченков С.А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции 1917 – 1929 гг. М., 2008. С. 20.

²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 334–335.

²² Павлюченков С.А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции 1917–1929 гг. М., 2008. С. 115.

даже выходцев из Африки. Влияние этих представителей на ситуацию в России, наверное, еще ждет своего исследователя. Напомним лишь, что Ленин говорил как об известном факте, «что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения»²³.

Загадочным, вызывающим немалое количество кривотолков, являлся «еврейский фактор» российской революции. Как отмечают исследователи, до сих пор самым распространенным приемом в доказательстве «исключительного» влияния этого фактора на судьбы России в XX столетии, «является указание на количество лиц еврейской национальности среди большевистских вождей и советских руководителей всех рангов. С некоторого времени на видное место в этом впечатляющем списке стал претендовать и сам В.И. Ульянов-Ленин»²⁴. Несомненно, влияние еврейского народа на развитие российских революционных событий было существенным. Однако, утверждение о его «исключительности» представляется преувеличенным и некорректным по отношению к другим народам, участвовавшим в политической жизни страны.

Известно, что ленинская позиция по решению национального вопроса в России сформировалась в ходе принципиальных дискуссий с бундовцами и меньшевиками, отстаивавших теорию «культурно-национальной автономии». По воспоминаниям Молотова В.М., у некоторых социал-демократов накануне мировой войны появилось мнение, что жесткая позиция Ленина по отношению к оппозиционерам вызвана его антисемитизмом, так как не только среди бундовцев, но и меньшевиков-ликвидаторов «неевреев практически не наблюдалось»²⁵. Сам Ленин называл антисемитизм «гнусным раздуванием расовой особенности и национальной вражды»²⁶. Теорию своих оппонентов Ленин называл «утонченным национализмом», противопоставляя ему принцип: «самое полное равноправие наций... но вместе с этим отстаивание наибольшего сближения наций»²⁷. В октябрьские дни 1917 г. он более определенно повторял, что большевики хотят объединения народов России. «Мы хотим, – писал он – чтобы республика русского (я бы не прочь сказать даже: великорусского, ибо это пра-

²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 358.

²⁴ Павлюченко С.А. Военный коммунизм в России... Указ соч. С. 253.

²⁵ Никонов В.А. Молотов, Молодость. М., 2005 г. С. 122.

²⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 245.

²⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 146–147.

вильнее) народа привлекала к себе иные нации, но чем? Не насилием, а исключительно добровольным соглашением»²⁸.

Еврейскую нацию Ленин относил к наиболее угнетенной и затравленной нации России. Он отмечал в 1913 г., что из 10,5 миллионов евреев на всем белом свете, немногим более половины живет в Галиции и России, где их держат насилием в положении касты. «Другая половина живет в цивилизованном мире, и там нет кастовой обособленности евреев. Там сказались ясно великие всемирно-прогрессивные черты в еврейской культуре: ее интернационализм, ее отзывчивость на передовые движения эпохи...»²⁹ Бесправное положение явилось мощным катализатором участия еврейского населения в революционном движении России.

«Черта оседлости» еврейского народа была отменена постановлением Временного Правительства от 20 марта 1917 г. Данные партийной переписи 1922 г. показали, что основная часть еврейских членов партии большевиков (около 60%) продолжали жить на территории, входившей в эту, теперь уже бывшую черту оседлости. Процесс их вхождения в политическую жизнь страны был далеко не простым. Особенно тяжелые события происходили на Украине в период Гражданской войны. Так, в докладе о поездке в этот регион в 1919 г. ответственного работника Моссовета Н. Метеранского, говорится о сути происходивших там событий: «Поскольку на Украине большинство коммунистов евреи, то и оказалось, что всюду у власти в городах и местечках стали коммунисты-евреи и им сочувствующие, да притом неопытные, делающие ряд нетактичных поступков при управлении... Теперь во всех невзгодах и несчастьях население обвиняет первым делом стоящих у власти. А так как всюду царит уверенность, что вся власть в руках евреев, то среди населения в большей степени усиливается антисемитизм»³⁰. Картины погромов и террора против евреев-большевиков и еврейского населения периода Гражданской войны на Украине поражают своей беспредельной жестокостью³¹.

Материалы партийной переписи не дают оснований утверждать об «исключительном» влиянии еврейского представительства в правящей партии на судьбы России. Так, данные о партийном стаже большевиков показывают, что среди всех большевиков со стажем до

²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 379.

²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 122–123.

³⁰ ГАРФ, ф. 1235, оп. 94, д. 143, л. 8. Цит. по: Павлюченко С.А. «Военный коммунизм в России: власть и массы». М., 1997. С. 255.

³¹ Павлюченко С.А. «Военный коммунизм в России». Указ соч. С. 257–258.

1917 г. было всего 9% евреев. Среди тех, кто вступил в ряды партии в 1917 г. было 6% евреев, 1918–1919 гг. – 5%, с 1920 по 1922 гг. – 5%. Причем значительная часть представителей этой нации (60%) стали большевиками до 1920 г., когда риск для жизни в условиях Гражданской войны был наиболее высоким³².

Ничего исключительного нет и в материалах о количестве руководящих, ответственных работников в национальном составе большевиков. В абсолютном исчислении русские члены партии превосходили другие национальные представительства. В учреждениях, организациях и предприятиях страны их насчитывалось более 35,5 тысяч человек. Еврейских ответственных работников было 3,3 тысяч, украинских – 2,7 тысяч, белорусских – около 800 человек и т. д. В свою очередь, относительные цифры представительства от каждого народа показывают, что среди калмыков было 31,8% ответственных, руководящих работников, мари – 22,5%, евреев – 16,9%, коми – 16,3%, башкир – 14,5%, чувашей – 14,5%, вотяков, карелов – 14,4%, немцев – 14,2%, литовцев – 13,5%, белорусов – 13,1%, русских – 12,4%, украинцев – 12% и т. д.³³

Наибольший интерес вызывает расстановка сил большевиков по национальному признаку в Москве с ее столичными функциями. Понятно, что в основном здесь были сосредоточены лучшие силы большевиков. Здесь их было почти 28 тысяч человек³⁴, среди которых было 44% служащих, 12% рабочих, 21% военнослужащих, 20% учащихся и 3% ремесленников и прочих. Среди этих групп большевиков можно было найти представителей 66 российских и зарубежных народов. Достоверно известно, что русские коммунисты здесь составляли 69% (19,3 тысяч человек), а еврейские – 12% (3,4 тыс. человек) среди партийцев всех национальностей³⁵. На остальные народы приходилось 19% или немногим более 5,3 тысячи большевиков.

В Москве на период переписи 1922 г. было зафиксировано почти 12,3 тысячи служащих – большевиков, начиная с Ленина и кончая поварами, курьерами и прочими работниками обслуживающего персонала учреждений. Материалы представительного выборочного обследования показывают, что среди них русские составляли 63% (около 8 тыс. человек), евреи – 13,6% (1,6 тыс.), представители остальных российских народов – 4,3% (примерно 540 человек), латыши, литовцы и

³² Всероссийская перепись членов РКП (б). Указ. соч. Вып. 5. С. 9.

³³ Всероссийская перепись членов РКП (б) 1922 г., Вып. 5. С. 11.

³⁴ Всероссийская перепись членов РКП (б) 1922 г., Вып. 4. С. 2.

³⁵ Всероссийская перепись членов РКП (б) 1922 г., Вып. 5. С. 13.

эстонцы – 11,5% (около 1,5 тыс.), представители зарубежных народов – 7,6% (около 1 тыс. человек).

Данные таблицы 2 дают возможность увидеть распределение национальных большевистских сил по вертикали власти и управления страной и столицей.

Таблица 2. Национальность служащих-большевиков Москвы и место их работы в 1922 году (в %)

Национальность	Русские	Евреи	Российск. народы	Зарубеж. народы, в т.ч. прибалты
Место работы				
Центральный аппарат партии, власти, профсоюзов	53	22	5,3	19,7
	10,4	19,7	15,6	12,8
Наркоматы	52,3	21,3	4	22,4
	13,5	25,2	15,6	19,2
Итого центральный аппарат	52,5	22,8	4,2	20,5
	23,9	44,9	31,2	34
ГПУ (ВЧК)	56,4	4,4	2,8	36,4
	15,2	5,4	11,1	32,5
Средний ведомственный, городской аппарат	63	18	3,5	15,5
	26,6	34,7	22,2	21,7
Предприятия, учреждения, организации	77,7	7,4	5,4	9,5
	34,2	15,1	35,4	13,8
Итого по столбцам	100	100	100	100

Русские служащие-большевики составляли большинство (63 %) среди представителей других народов. Несмотря на тенденцию уменьшения их удельного веса по мере продвижения вверх по лестнице властно-управленческих учреждений, более половины кадрового состава этих учреждений составляли русские. Незначительные исключения, вышедшие за рамки данных таблицы, составили высшие пар-

тийные органы (ЦК, Оргбюро, ЦКК РКП (б), структуры Коминтерна), где русские составили 43%, евреи – 14%, прибалты – 9%, иностранцы – 29%, другие народы России – 5%. Отступление от правила замечено в административно-политических наркоматах (НКВД, РКИ, Наркомнац, НКИД, Наркомюст), где русских было 47%, евреев – 21%, а балтийские и зарубежные народы давали 31%. И, наконец, в группе, которые представляли Наркомтруд, Наркомсобес, Наркомздрав и Наркомпрос, картина выглядела так: русские – 44%, евреи – 38%, а остальные – в равных несущественных пропорциях.

Очевидно, что «русский фактор» управления страной и столицей был определяющим, но многонациональность российской революции отразилась и на кадровом составе структур власти, управления и функционирования государства. Весьма примечательным является факт серьезного представительства «иностранного фактора» в этих структурах³⁶. Объединение в данных таблицы служащих-большевиков, выходцев из стран вне пределов России того времени (прибалтийские республики и зарубежные страны), придает этому фактору существенное звучание. Эта группа по численности занимает следующее после русского представительства место (19%). Третья часть этих кадров служила в структурах центрального аппарата власти и управления, практически не уступая по численности еврейским партийцам. Каждый пятый из этой группы работал в ведомственных и городских структурах, а каждый третий – в ГПУ, бывшем ВЧК, причем латыши, литовцы и эстонцы отдали в эту организацию около половины своего состава.

Данные таблицы 2 показывают существенное, но не определяющее влияние «еврейского фактора» на власть и управление страной. Служащие-большевики, представляющие еврейскую нацию, было совсем немного среди сотрудников ГПУ. Заметна четкая тенденция увеличения их удельного веса по мере движения от низовых организаций, где было сосредоточено 15% служащих евреев, средне-ведомственных и городских структур – 35%, до центрального аппарата власти и управления – 45%. Вместе с тем, среди всех служащих-большевиков Москвы, как отмечалось выше, их было лишь 13,6%, а в центральном аппарате, где они имели наибольшее представительство – 23%.

³⁶ Из всех латышей – членов партии в Москве находились 16%, венгров – 16%, чехов – 15%, немцев – 13%, поляков – 12%, литовцев – 12%, эстонцев – 7% и т. д. См. Всероссийская перепись членов РКП(б)..., Указ соч. Вып. 5. С. 13.

Народы, входящие в состав РСФСР накануне создания СССР, включая украинцев, белорусов и другие национальности, среди московских служащих-большевиков были представлены незначительным количеством (4,3% или немногим более 500 человек). Они относительно в равных пропорциях работали на всех уровнях власти и управления страной и городом.

Не дают оснований для утверждения об «исключительном» влиянии на «судьбы России» и данные переписи (диаграмма) о роде занятий служащих-большевиков Москвы, то есть о результатах карьерного роста этих людей с 1917 по 1922 гг. Отметим, что полные данные по количеству ответственных и прочих работников учреждений и организаций практически совпадают с относительными данными естественной выборки авторского обследования первичных материалов. Среди всех служащих численность руководящих работников составила от 34 до 37% или примерно 4500 человек. Выборочные данные дают возможность более подробно рассмотреть на эту группу служащих.

Наибольшую доминанту (67,5%) русские служащие-большевики представляли среди директоров предприятий и организаций, заведующих отдельными заведениями, хозяйственными службами учреждений (правая белая колонка диаграммы каждой национальной группы). Еврейские члены партии в этой группе составляли 17%, иностранцы – 10,5% и 5% было представителей народов РСФСР.

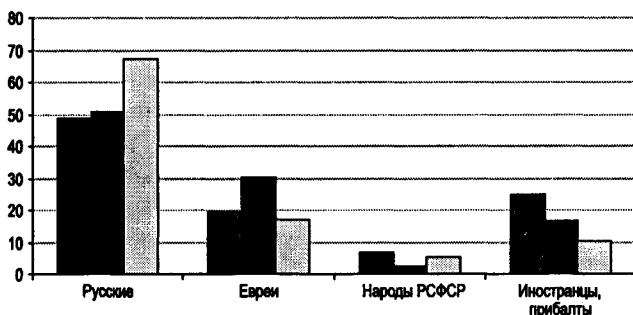
Среди начальников управлений, председателей, членов правлений и комитетов, заведующих отделами в основном среднего ведомственного и городского звена управления (средняя колонка), распределение складывалось так: русские – 51%, евреи – 30%, иностранцы – 16,6%, остальные народы – 2,4%.

Наконец, высшие руководители партии, государства, профсоюзов, наркомы, члены президиумов, коллегий и Советов центрального и частично среднего аппарата власти и управления были представлены следующим образом: русские – 49%, иностранцы – 25%, евреи – 20%, российские народы – 6,5%.

Сделаем вывод. Материалы партийной переписи 1922 г. по Москве и по стране в целом отражают русский размах российской революции. Вместе с тем, ни одну нацию или национальность в стране революция не обошла стороной. Каждый народ принимал в ней то или иное участие, выражая свой протест условиям жизни в дореволюционной России и надеясь на лучшее будущее. Наверное, мы можем говорить о «существенном», «значимом» влиянии тех или иных народов

на развитие революционных событий, на властно-управленческие функции государства, но «исключительности» не имел никто.

Диаграмма. Национальность и род руководящих занятий служащих-большевиков Москвы в 1922 г.

Этот вывод подтверждается и данными о так называемой партийной гвардии, на создание которой Ленин приложил огромные усилия в дореволюционное время. Этот слой составлял лишь 2% от всего состава большевиков, но именно он определял реальную власть в стране. Среди них, еще раз отметим, было: русских – 55%, украинцев – 3%, белорусов – 1%, евреев – 9%, грузин – 4%, армян – 2%, осетин – 1,5%, прочих народов – 24,5%.

Ну, а что же Ленин? Известно, что заполняя анкеты делегата партийных съездов или конференций, в графе «национальность», он чаще всего писал «русский», иногда «великоросс» или «великорусс». Историки всегда знали, что в Ленине было «намешено» немало российских и иных кровей. Может быть, поэтому он оставил незаполненными графы о национальности деда, отца и матери, когда отвечал на вопросы анкеты партийной переписи 1922 г.? Новые исследования в генеалогии семьи Ульяновых говорят и о наличии элементов его еврейского происхождения. Что это меняет в отношении к этому человеку? Ровным счетом ничего. Никому из российских людей не приходит в голову, например, называть Пушкина А.С. африканцем из-за его национального происхождения.

Интересными представляются размышления В.В. Шульгина. Он был одним из тех, кто принял отставку царя, ненавидел Ленина и воевал с большевиками. После многолетних раздумий он написал свой заключительный труд под названием «Опыт Ленина». Шульгин попы-

тался понять этого человека и встать на его защиту. Он писал: «Национализм имеет перед человечеством великие заслуги. Огромные дела, подвиги самоотвержения, открытия науки, творения искусства, грандиозные предприятия совершились и еще совершаются во имя нации. Но все же, с началом этого века национализм является силой более разрушительной, чем созидательной. Ужасные войны XX в. имеют своей основной причиной именно национализм...» Он, говоря о «внутренней правде Интернационала», вложил в уста Ленина слова, которые стали чрезвычайно близки ему: «Моя родина целый мир»³⁷.

Сам же Ленин так говорил о своих устремлениях: «Мы противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности. Мы – международники, интернационалисты. Мы стремимся к тесному объединению и полному слиянию рабочих и крестьян всех наций мира в единую всемирную Советскую республику»³⁸.

³⁷ Шульгин В.В. Опыт Ленина // «Наш современник». 1997. № 11. С. 141.

³⁸ Ленин В.И. // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 43.

Г.С. Бискэ

*Где мы были в XX веке
и куда идти дальше?*

Автор этой заметки – не историк и не обществовед, а всего лишь свидетель уже многих и достаточно противоречивых общественных изменений, общее направление которых приходится осмысливать заново.

Малый XX век, период с 1914–1991 гг. – короткий, но очень яркий и драматический цикл в жизни всего мира и нашей страны особенно. Слово «цикл» употребимо здесь постольку, поскольку Россия со всем ее этнополитическим окружением (империей) вошла в XX в. как авторитарный традиционный режим на товарно-индустриальной базе и закончила его частичным восстановлением такого же режима – «России, которую мы потеряли». Многие, особенно журналисты и литераторы, выражают искреннюю радость по поводу такого новообретения. Они славят великих и средних по достоинствам императорсь, восхищаются восстановленным великолепием их дворцов, реставрированных нарядов императриц, которые между изысканными развлечениями находили время для обществ призрения и народной трезвости. Кино и телевидение полны образов храбрых офицеров в чистых мундирах, потомственных дворян, а также щедрых богатых благотворителей, основателей заводов и строителей пароходов, а также пушек и броненосцев для защиты интересов империи.

Все это быстро сникло и сгорело в огне войны, тогда еще не Первой, а просто мировой. Мировая война – жестокий вызов государственной системе. Заметим, что еще более суровым оказался вызов уже Второй мировой, и не менее жесткой должна была стать новая власть, которая этот удар выдержала: тоталитаризм, поддержанный народом, адекватен тотальной войне. Причины отсутствия такой поддержки в 1915–1917 гг. хорошо известны: неспособность бюрократии к проведению реформ до войны и к ведению хозяйства в военных условиях, на фоне безземелья крестьян, бесправия рабочих и безнаказанности спекулянтов, желающих получить сверхприбыли на военных поставках и

острой нехватке хлеба. Да и сами объявленные цели Российской империи в той войне, вроде гегемонии над европейским славянством, контроля над черноморскими проливами и палестинскими святынями, отнюдь не были жизненно важными и фактически лишь прикрывали зависимость от союзников по Антанте.

Империя рухнула и произошла глубокая революция, в которой активно участвовали самые широкие слои народа, намного более широкие, чем в движении 1989–1991 гг., так как непосредственные их задачи были гораздо более насущными – хлеб, мир, земля. Но и более дальняя цель казалась тогда осуществимой – справедливая жизнь без господ, «царство божие на земле» (и это при том, что служивших царю христианских клерикалов тогда просто отменили). Были и другие устремления, которые выражали к тому времени уже сравнительно зрелые и влиятельные политические партии. Однако ни одна из них не смогла ни в одиночку, ни в коалиции возглавить демократическую, крестьянскую по главной массе участников и буржуазную по доступным целям революцию. Лишь левые социалисты-большевики смогли правильно оценить двойственность крестьянских устремлений (к общинности, т. е. социализму в широком смысле, и к буржуазной собственности, к своему хозяйству) и, отбросив электоральную демократию, узурпировать власть от имени народного большинства.

Это был во всех отношениях смелый шаг и шансов на успех было даже меньше, чем тогда казалось. Плеханов был прав: о каком социализме в нынешней России можно говорить? Кто будет его строить? Вы что, не читали Маркса? Еще не смолота мука, из которой... и т. д. Хуже того, интересы немногочисленного индустриального рабочего слоя объективно сводились к человеческим условиям труда и хорошему заработку, чего еще долго нельзя было обеспечить и в Советской России. Поэтому, может быть, половиной своего временного успеха большевики обязаны были тому, что их возглавил тогда действительно великий политик В.И. Ульянов-Ленин. Социалистическая революция невозможна? Социалистическая революция необходима. И если у нас есть хоть один шанс построить социализм в России, то он заключается в объединении всех трудящихся для решения проблем, берущих их за горло, а объединение трудящихся и есть начало социализма. За этой политикой пойдет и экономика, общее наше хозяйство.

Стоит добавить, что политический выбор не был широким. Те левые и правые, которым сейчас не по душе «диктатура пролетариата» в ленинском варианте, могут обсудить альтернативы. Похоже, что для России это был бы не душка-Колчак из недавнего фильма и уж никак

не Милюков, а хорошо, если фигура типа Муссолини или генералиссимуса Франко. Могло быть и похуже.

Преемникам Ленина было не легче. Их власть не без большой крови стабилизировалась в единственной стране, хотя и обширной, но очень пестрой и отсталой. Социалисты правили страной, страна изменяла социалистов. С одной стороны, привычный царизм народной массовой патриархальной идеологии требовал появления вождя: собственно, уже похороны Ленина и последующее устройство Мавзолея показали это очень ясно, в том числе Сталину. Сейчас наши либералы с усмешкой поминают «вождя мирового пролетариата», как бы ставя его в один ряд с названными фигурами, хотя известно, что сам он никакого культа не поощрял. Впрочем, вожди появились тогда во многих очень даже цивилизованных странах.

С другой стороны, строительство социализма у нас неизбежно означало решение задач буржуазного развития – крупное и эффективное сельское хозяйство, индустриализация, здравоохранение и культура, массовое народное образования и развитая наука. Впрочем, смотря как строить... Автору уже «построенный» социализм, скажем, в 1960 году, казался в своей основе удивительно близким к развитому на Западе капитализму, и лишь теперь стало ясно, что он был еще другим. Поскольку тогда строительство все же шло в общих интересах, общими и у многих сознательными усилиями, в условиях имущественного равенства (децильный коэффициент порядка 3–4) и всеобщей трудовой обязанности. Кстати, и военной тоже: через армию проходили все, а не 10% беднейшей молодежи.

Сейчас особенно хочется отметить образовательные достижения. Не столько количественные успехи – в конце концов, теперь в аудиториях скрываются от жизни и высиживают дипломы еще большее число незанятых молодых людей. Важен общий, равномерный, универсально-фундаментальный уровень средней и даже 7-летней школы, которая смогла обеспечить усвоение цельной, рациональной в своей основе картины мироздания. Без всякого плюрализма и постмодерна, типа – то ли Дарвин прав, то ли в начале было божье слово, какая разница страховому агенту? Не требовалось и «истории православной культуры»: мораль поддерживалась не церковной службой, а всем строем и целеполаганием общества. Социалистическая политика – это практическое, земное христианство.

Что же представляла собой «советская власть»? Собственно Советы скоро перестали быть властными органами, отдали власть государству и управленческому, партийному, бюрократическому аппарату.

Об этом можно сожалеть, но общинный социализм ранних советских коммун, с его территориальным войсковым ополчением и полной автономией решений, в индустриальном мире был обречен. Возникшее вместо него и формально под той же властью общество с экономикой товарного типа нельзя, конечно, считать социалистическим в марксовом смысле, тем более что в дальнейшем оно уступило место вполне буржуазной системе. Хотя есть авторы, которые считают советское общество не более чем буржуазным, все же не стоит терять из виду важные его отличия от классической буржуазной демократии или автократии. Так может быть, у нас было мелкобуржуазное общество, в котором растворилось мелкое крестьянство, не успев стать рабочим классом и поменяв цели своего дворового хозяйства на городскую квартиру и автомобиль? Но тогда где сейчас малая буржуазия как таковая, широкий слой шустрых инициативных собственников? Что-то и у Путина с нею не получается: офисный средний класс – это совсем другое. Скорее всего, стоит искать определения типа «государственный социализм» или «индустриальный политаризм», вырастающий из азиатского способа производства. Анализ этой траектории развития очень важен, и не только для нас, черты подобного способа видны в новой истории многих стран мира за исключением североатлантического ядра. «Россия – страна казенная» (Чехов), но не единственная в этом роде цивилизация.

Основное противоречие «советской власти» проходило между хорошо выстроенной, продуманной марксистской идеологией правящего слоя и его же материальными интересами, вылезавшими из всех щелей, поскольку связаны они были с управленческой, хозяйственной, бюрократической практикой. Иными словами, большевики старались, в силу своей социалистической позиции, не брать на себя роль правящего класса (народ и партия едины!), тогда как индустриальная экономика толкала их деятелей к «володению и княжению». Военная угроза и сама война замаскировали, законсервировали это противоречие на четверть века время, которое оказалось необыкновенно жестоким и, вероятно, не могло быть другим.

Однако в эпоху относительного благополучия крот истории продолжил свою работу. В течение 50–80-х гг. мы наблюдали сначала размягчение власти во всех ее проявлениях, затем появление реальных «привилегий» в виде особых фондов потребления, смыкание части аппарата с растущей теневой экономикой. Появилась ирония по поводу коммунистических лозунгов, сначала скрытая, затем все более заметная даже в партийных кругах, интеллектуалы с партбилетами ста-

ли снова делиться на патриотов и космополитов. В конце концов произошло «восстание партноменклатуры против партмаксимума». Невозможность построения марксова социализма в одной стране была, как будто, продемонстрирована через 60 лет после «левой оппозиции» и в удивительно точном соответствии с прогнозом Троцкого 1936 года. Бюрократия без сопротивления овладела крупной собственностью и двинулась к осознанию себя как класса новых русских капиталистов. Впрочем, пока ее классовое сознание не слишком открыто, скорее это еще классовое подсознание, разлитое в глянцевого журналах и в контурах новых небоскребов. Оно маскируется призывами к единой России, в том числе, кажется, вполне искренними.

Конечно, внешнее влияние, пропаганда либеральных идей и «манипуляция сознанием», примерно в духе объяснений С. Кара-Мурзы, сыграли свою роль в перевороте, однако фактическая причина изменений глубже. Личная свобода, для начала, свобода хорошо продавать свой труд – лозунг, находивший понятную почву в советском рабочем классе и колхозном крестьянстве. Угроза голода отошла в прошлое, рабочие места со скромной зарплатой казались обеспеченными; возрастание политической власти и организации снизу сначала преследовались, а затем по инерции казалось невозможным. Ленин видел противоречие между собственными интересами бюрократии и социализмом, пытался указать путь к его решению – народный контроль. Новая, пока что последняя попытка создать эту форму народной демократии директивами сверху, предпринятая Политбюро Ю.В. Андропова в 1983–1984 гг., оказалась слишком слабой и запоздалой: «контроль» сам оставался под контролем бюрократии.

При этом – очередной парадокс – буржуазно-номенклатурный слой получил власть в такой период, когда индустриальная экономика и другие базовые признаки зрелого капиталистического общества были давно готовы и объективно капитализм уже перезрел, пожалуй, даже в масштабе России. Может быть, поэтому мы получили паразитический класс, о котором Маяковский с некоторым опережением оценок писал: «...лег в мир, как в свою кровать. Его не объехать, не обойти...» Новорусский класс не стал внедрять постиндустриальные технологии и развивать для них научную базу, повышая производительность труда и догоняя западные и восточные страны, что обещалось в 80-е гг. Вместо того он овладел сырьем и стал просто потреблять природную ренту, вывозя капитал в страны с высоким процентом прибыли. Экономика госсocialизма, ориентированная на общие нужды всей страны, была разрушена, а трудящимся разрешено было не-

сти индустрию в металлолом, грабить вагоны электричек и домики в садоводствах. Когда новый строй стабилизировался политически и хозяйство страны, потеряв 20 лет, начало понемногу восстанавливаться, обнаружились черты той самой когда-то утраченной России – полуимперии-полуколонии, с блестящей столичной верхушкой и не вполне сытым народом. Политический цикл замкнулся.

Что же, начинаем новый виток спирали. Производительные силы человечества продолжают возрастать, создавая тем самым новые проблемы и новые возможности. Переход к постэкономическому общественному строю, свободному от продажи труда, предсказанный Марксом, остается впереди.

Как это может произойти и кому это нужно?

Мировой рыночной экономике нужны некоторые из российских ресурсов, для добычи и переработки которых достаточно около 20% современного населения России. Кто-то найдет работу в других странах. Остальные только мешают, их можно пока подкормить и успокоить. Примерно такова фактическая позиция либерального, западнического крыла российского верхнего класса. Впрочем, это течение теряет поддержку и уступает государственно-церковно-патриотическому крылу, которое в большей мере склонно направлять часть доходов на развитие страны, однако понимает это развитие в имперском духе Витте и Столыпина. Им бы четко заявить: хватит кормить мировых и собственных паразитов народными ресурсами! Нет, судя по сегодняшним пропагандистским усилиям, они сами более всего боятся возврата к обществу советского типа, что угрожает потерей доходов и свободы расходов. В нынешнем варианте консерватизм этого направления очевиден и в условиях глобализации бесперспективен. Как-то не слышно, чтобы китайцы вздыхали по своей империи XIX в. Консервативная же Россия отстанет, как в татаро-монгольские времена.

Работники, или пролетариат в традиционном марксистском употреблении термина – лица наемного труда, отдающие часть созданной прибавочной стоимости нанимателю: отдают больше, получают меньше. Их интерес на рынке – отдавать меньше, получать больше. Рынок рассчитывает на них как на потребителей, истребителей товаров во всевозрастающем количестве. В ликвидации рыночных отношений они не заинтересованы. Зачем революции, если в магазинах все есть и заработать можно? Конечно, современной России остро не хватает организованного и активного профсоюзного движения, которое могло бы не только торговаться, но и заставлять государство работать в общих интересах. Однако не крепостные крестьяне ликвидируют

вали феодализм: так же не продавцы своих рабочих рук (или даже голов) уничтожат рынок.

Наверно, общий предел этой системе – это предел роста мировой экономики, когда ограниченность мировых ресурсов и серьезные экологические угрозы заставят отказаться от гонки потребления и всерьез заняться строительством разумного общемирового порядка, «ноосферы». Это давняя мечта утопистов, но теперь она становится не мечтой, а императивом. Однако «заставят» – слово жесткое: оно означает реальную угрозу больших бедствий, которые сравнимы с той же Мировой войной сто лет назад, и решительные меры для того, чтобы избежать еще худших угроз (опять вспомним Ленина: «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»).

Похоже, что лишь перед такой угрозой можно будет ликвидировать антагонистическую структуру общества и человечество осознает себя – на новом этапе – снова «первобытной общиной», только в ее распоряжении уже не берег реки с кусочком тропического леса, а вся Земля с ее хрупким природным равновесием.

Насколько это возможно? Возможно, но отнюдь не гарантировано. Для реализации такой возможности надо, чтобы вместо деления на эксплуататоров и трудящихся человеческий вид принял структуру единого класса образованных ответственных профессионалов. Образование здесь и означает прежде всего ответственность. Начиная с руководителей, допустим, добычи энергетического сырья в мировом масштабе и кончая специалистами по рециклированию городского мусора. Такой класс, отрицающий все старые классы, уже намечается, понемногу растет в разных странах мира, имеет шансы объединиться по мере глобализации («пролетарии всех стран...») и завоевать культурную гегемонию, а за ней и политическую власть, которая уже не будет диктатурой. А пока что новые отношения между людьми, странами, человеческими стратами строятся постепенно, путем проб и ошибок.

Глубокие повороты совершаются не ради осуществления идеалов, но только в ответ на серьезные вызовы. Поэтому социализм (коммунизм) – не утопия и не светлое будущее человечества. Это единственно возможное его будущее. Светлым становится настоящее, когда оно освещено общей разумной целью.

В.П. Огородников

***Коммунизм – прошлое, будущее
и его фальсификаторы***

В работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» В.И. Ленин писал, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом; – или иными словами: между побежденным, но не уничтоженным, капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом, что в переходный период от капитализма к коммунизму неизбежна борьба между коммунистическим и капиталистическим укладами в экономике и политике становящегося социалистического общества. Это период долговременен – «целая историческая эпоха». «Эти основные формы общественного хозяйства: капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм. Эти основные силы: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат»¹.

Экономической основой социалистического уклада, как первой фазы коммунизма является общенародная собственность на средства производства. Госкапитализма – государственная собственность. Замечу, что и то и другое является формами общественной собственности. То есть и то, и другое не является частной собственностью. Видимо поэтому на протяжении практически всех лет существования СССР в Конституции была допущена грубая и чрезвычайно опасная ошибка отождествления государственной с общенародной собственности.

Так статья 10 Конституции СССР 1977 г. гласила: «Основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность

¹ Ленин В.И. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 272.

на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности»².

Но государственная собственность на средства производства может быть основой только одного строя – государственного капитализма.

Подчеркивая это Ф. Энгельс в своем знаменитом произведении «Анти-Дюринг» пишет: «...в последнее время, с тех пор как Бисмарк начал гоняться за государственными монополиями, появился особого рода фальшивый социализм, проявляющийся то там, то тут в виде особого рода добровольного лакейства, объявляющего без всяких затруднений социализмом всякое, даже бисмарковское обращение средств производства в государственную собственность. Если табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних, несомненно, должны быть занесены в число основателей социализма. Когда бельгийское правительство, из самых обиденных политических и финансовых соображений, взялось за постройку главных железных дорог; когда Бисмарк без малейшей экономической необходимости превратил в государственную собственность главнейшие прусские линии ради удобства эксплуатации и пользования ими в случае войны, ради образования из железнодорожных чиновников послушно вотирующего за правительство стада, а главным образом для того, чтобы иметь новый, не зависимый от парламента источник дохода, – то все это ни в коем случае не было социализмом, ни прямым, ни косвенным, ни сознательным, ни бессознательным. Иначе прусское королевское общество морской торговли, королевская фарфоровая мануфактура и даже ротные швальни в армии должны быть признаны социалистическими учреждениями [или даже всерьез предложенное при Фридрихе Вильгельме III в тридцатых годах каким-то умником огосударствление домов терпимости!]³»

Основой политической власти всегда была и остается собственность на средства производства и чем больше этой собственности сосредотачивается у некоторого владельца – тем больше у него власти. Напротив, отсутствие собственности на средства производства порождает отсутствие власти. Не может быть никакой демократии, как власти народа, если этот народ не владеет никакими средствами производства. Сосредоточение собственности у государства создает государ-

² Конституция СССР и развитие советского законодательства. М., 1981. С. 30

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 475

ственный капитализм, но это, как подчеркивал Энгельс в «Анти-Дюринге», – подготовка к социализму:

«Какие бы формы ни принимало современное государство, оно остается механизмом чисто капиталистическим, государством капиталистов, идеальным совокупным капиталистом. Чем больше производительных сил захватит оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не устроятся, а еще более обострятся. Но это обострение будет последним шагом их развития. Превращение производительных сил в государственную собственность не разрешает противоречий капитализма, но оно заключает в себе формальное средство, возможность их разрешения.

Это разрешение может состоять лишь в фактическом признании общественной природы современных производительных сил, следовательно, в приведении способов производства, присвоения и обмена в соответствие с общественным характером средств производства. А этого можно достигнуть только прямым и открытым переходом в общественную собственность производительных сил, переросших всякий другой способ применения их к делу. Общественный характер средств производства и его продуктов, проявляющийся теперь с разрушительной силой слепого закона природы, обрушивающийся против самих производителей, периодически нарушающий ход производства и обмена, будет тогда сознательно проведен в жизнь производителями и превратится из причины неурядицы и периодических катастроф в сильнейший рычаг производства»⁴.

На этом основании некоторые теоретики сделали вывод, что у нас, в СССР социализма вообще не было. Был! И основой его выступала общенародная собственность в виде общественных фондов потребления. Именно благодаря этим фондам мы могли – бесплатно учиться, бесплатно лечиться, фактически бесплатно получать жилище и пользоваться им, бесплатно отдыхать. Но фонды не возникают из воздуха, они производятся. Те государственные предприятия и организации, которые производят и возобновляют общественные фонды потребления, являются социалистическими.

Многоукладность может быть свойственной не только экономики страны, но и отдельным производствам. Например, фабрика по производству детской одежды часть своей продукции пускает на продажу, а

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 476.

часть – постоянно бесплатно поставляет детским домам. В этой части производство и является социалистическим, создающим общественные фонды потребления, хотя данная фабрика де-юре является государственной.

Но бывают и обратные процессы, которые и возобладали в СССР, приведя его к развалу. Юридически государственное предприятие, организация могут быть частично фактически приватизированы. Как это происходит? Рассмотрим такой пример. Работает за пивной стойкой некий гражданин. Пиво ему не принадлежит – государственное, сама стойка (ларек), оборудование и даже надетый на нем фартук – тоже государственная собственность. Но этому гражданину принадлежат «Жигули», кооперативная квартира, дачка... Откуда это у него при зарплате в 90 р. в месяц? Можно догадаться – из пива, которое он частично приватизировал, используя в свою пользу – разбавляя водой, недоливая... Размер приватизации эквивалентен размеру незаконно получаемого дохода. Ясно, что данный «труженик» должен делиться этим доходом с директором магазина, к которому приписана пивная «точка», директор – с директором главка... Некоторые трактуют это как криминальную экспроприацию, не имеющую, якобы, ничего общего с государственными масштабами экономики. Однако по закону единства количественных и качественных изменений всякое качество существует в определенной количественной мере, при переходе через границы которой происходит «скачек» в новое или иное качество. Размер криминальной приватизации определяется достаточно точно – он эквивалентен размеру незаконно получаемого дохода от использования государственного помещения, оборудования, сырья, транспорта... Масштабы фактической приватизации возрастали в последние десятилетия существования СССР до государственного уровня. А дальше фактические частные собственники захотели стать юридическими частными собственниками – вот экономическое основание «перестройки» и «реформирования» нашего общества, разрушения СССР.

До сих пор раздаются голоса, что все бесплатное в СССР – ничего не стоило и в отношении своего качества. Это – ложь. По уровню школьного и вузовского образования СССР занимал, по международному признанию одно из высших мест в мире. Наше здравоохранение позволило ликвидировать многие заболевания – такие например, как туберкулез – болезнь нищеты.

Главные завоевания социализма у народа были отняты благодаря сначала фактической, а затем и юридической приватизации тех средств материального и духовного производства, которые обеспечи-

вали существование общественных фондов потребления – домостроительных комбинатов, колхозной собственности, зданий, оборудования – всей учебной базы школ, ПТУ, техникумов, вузов (включающей спортивные залы, площадки, базы отдыха, многочисленные производственные мастерские, базы обучения и т. п.) Приватизировали помещения и оборудование яслей, детских садов – и они стали платными, пионерских лагерей – и десятки тысяч школьников остаются на лето дома; заводов и фабрик – и десятки тысяч рабочих, инженеров стали безработными в результате принудительных банкротств предприятий; больниц, поликлиник, диспансеров, санаториев – и квалифицированное лечение стало недоступно миллионам трудящихся, преодолели эпидемический порог туберкулез, СПИД и другие болезни... На этом фоне Россию захлестнула организованная преступность, коррупции, наркомания... Смертность уже почти два десятилетия превышает рождаемость, Россия вымирает.

Все, что декларирует нынешняя Конституция России – право на труд, образование, медицинское обеспечение и отдых граждан стало фикцией именно благодаря приватизации общенародной собственности на средство производство и ликвидации общественных фондов потребления. С другой стороны, в руках немногих представителей правящего класса сосредоточились огромные богатства. Обслуживающие этот класс и смыкающиеся с ним государственные служащие получают за свой труд в десятки раз больше, чем профессор вуза, а, выйдя на пенсию – обеспечение, составляющее 75% от зарплаты (т. е. от 20 до 150 тыс. рублей), в то время, как профессору начисляется пенсия 3 тысячи 226 рублей при стаже 45 лет (автор этих строк – профессор и приводит в пример свой случай). Таким образом, для разных классов существует разное законодательство! «Право – возведенная в закон воля господствующего класса». И идеологи «демократии» смеют называть «демократическим» существующий режим!

Но, как сказал молодой Маркс своему другу Энгельсу: «Не только овес растет по Гегелю – общество развивается тоже по Гегелю» – диалектика общественного развития неумолима. Первобытный коммунизм, длившийся около 95 тысяч лет из всей 100-тысячелетней истории Homo sapiens, был основан на общенародной (в масштабах большой семьи, племени, союза племен) собственности на средства производства. Он был обусловлен низким уровнем производительности труда, который не мог служить основанием частной собственности. Качественное возрастание производства материальных благ привело к формированию прибавочного продукта, присвоению его, появ-

лению частной собственности, классового деления общества, разделению умственного и физического труда, созданию государства. Новый уровень развития производительных сил общества в эпоху капиталистического производства подготовил переход к коммунизму – бесклассовому обществу, основанному на общенародной собственности на средства производства. И это – проявления закона отрицания- отрицания в развитии общества. Коммунизм – прошлое и будущее человечества.

Что дает основание говорить сегодня о том, что многие страны Европы приближаются к социализму? Возрастание в этих странах общественных фондов потребления, обеспечивающих, например, многих шведов возможностью безбедно жить, не работая и не обладая ни каким капиталом...

Интересно, что самые новомодные буржуазные футурологические концепции с одной стороны противостоят марксистской трактовке общественного развития, а с другой – исподволь склоняются к идее коммунистического будущего человечества.

Так, разновидностью метафизического материализма во взглядах на общество выступает концепция «постиндустриального» или «информационного» общества. Эта концепция претендует на роль общесоциологической теории поступательного развития человечества, выступая с 70-х лет XX в. и до наших дней главной теоретической альтернативой марксистскому учению об общественно-экономических формациях.

Наиболее видные её представители – Д. Белл, Г. Кан, З. Бжезинский, О. Тоффлер (США), Ж.Ж. Серван-Шрейбер и А. Турен (Франция) утверждают, что в зависимости от уровня техники и технологии производства (т. н. технологический детерминизм) в обществе последовательно преобладают «первичная» сфера экономической деятельности (сельское хозяйство), «вторичная» (промышленность), а ныне оно вступает в «третичную» сферу услуг, где ведущую роль приобретают наука и образование. Каждой из этих трёх стадий присущи специфические формы социальной организации (церковь и армия – в аграрном обществе, корпорация – в индустриальном, университеты – в постиндустриальном), а также господствующая роль определенного социального слоя (священников и феодалов, бизнесменов, учёных и профессоров специалистов).

Конкретизированная в теориях «стадий экономического роста» (У. Ростоу), «постиндустриального общества» (Д. Белл), «технотронного общества» (З. Бжезинский), «сверхиндустриальной цивилизации»

(О. Тоффлер) и т. п., концепция «технологического детерминизма» сохраняет во всех этих модификациях свою основную методологию: метафизический (антидиалектический) детерминизм, доходящий до индетерминизма, плюрализма и субъективного идеализма.

Американский социолог Даниел Белл (р. 1919) активно выступает против исторического материализма как «монокаузальной» теории, т. е. против фундаментального положения марксизма, указывающего на противоречие между производительными силами и производственными отношениями как на основную причину исторических изменений. Белл заменяет «монокаузальность» «поликаузальностью», определяя в качестве равноправных причин общественного развития субъективные факторы. Так намечается путь к плюрализму, являющемуся, по мнению Белла, основой идеологии и политики «постиндустриального общества».

«Технологический детерминизм» – ядро новой буржуазной утопии, рисующей «золотой век» социального равенства и справедливости, высокого массового потребления, который будет достигнут за счет научно-технической революции, без всякой классовой борьбы и упразднит последнюю. Описывая подобную «технологическую республику», американский социолог и государственный деятель Збигнев Бжезинский (р. 1928) представляет ее как утопический остров, на котором обычная диалектика развития приобрела столь акселерированный характер, что ни эволюция, ни революция больше не могут быть адекватными терминами ее описания.

Новая волна кризисов, захватившая буржуазный мир во второй половине 70-х гг., заставила отказаться от многих утопических идей. Буржуазные социологи перешли к пессимистической футурологии, утопии уступают место антиутопиям, в которых техника, научно-техническая революция начинают играть уже отрицательные роли, считаются причиной чуть ли не всех трудностей и бед. Наиболее яркое воплощение эти идеи нашли в фильмах-антиутопиях, таких как «Терминатор», где электронный мозг объявил беспощадную войну своему создателю.

Однако выросший на американской почве «технологический детерминизм» продолжает питать новые социальные концепции «спасения». В настоящее время редкий интеллигент России не пользуется терминами, составляющими аппарат теории «информационного общества».

Еще в 1974 г. выступая с «пророчеством» относительно развития «постиндустриального общества», Белл отметил, что если определяю-

щим признаком индустриального общества служит использование машин для производства товаров, то «организующим началом постиндустриального общества являются научные знания»⁵. Так был сделан крен в сторону науки и научной информации как основы общественного развития.

Поддерживая эту мысль, американский социолог и публицист, Эльвин Тоффлер (1928 г.р.) в изрядно напумевшем труде «Третья волна» (1978 г.) отмечает, что уже сегодня из 2 тысяч работников половина имеет дело не с предметами, а с информацией. Это дает возможность (с учетом отмечаемой Тоффлером «демассификации» средств информации) перехода к работе на дому. Тоффлер рисует картину опустевших заводов и фабрик – 90% работающих манипулируют с электронной техникой дома. «Первая волна» связана с натуральным хозяйством, работой «на дому», прогресс в которой привел людей к общественному труду. «Вторая волна» обобществила труд до предела, «третья» ведет к упразднению общественного труда и следующей за этим «демассификации» сознания⁶. Эти «исторические периоды» явно противопоставляются учению марксизма об общественно-экономических формациях. Революция в получении и переработке информации является у Тоффлера основанием всех социальных изменений.

Создание «нового информационного общества» становится возможным благодаря появлению новых информационных средств (ЭВМ) – «компьютерной революции». Информация, заявляет социолог Дж. Бурстин (США), одинаково входит в дом богатых и бедных, белых и черных, молодых и старых. Новые информационные системы способствуют созданию качественно иной технологии производства, что ускоряет технический прогресс и приводит к конвергенции социальной системы, когда «все становится похожим на все».

С точки зрения О. Тоффлера, информационная техника вызовет «захватывающие дух социальные изменения» не только во всех структуре общественных отношений, в политике, но в семье, в каждом отдельном человеке, который будет производить не вещи или услуги, а информацию. Этим человек перейдет к труду, полностью соответствующему его качественному отличию от живой природы. Иначе говоря, техника произведет "тихую" социалистическую революцию!

⁵ Белл Д. Постиндустриальное общество, что принесут 1970–1980е годы? //Америка. 1974. № 215. (сентябрь). С. 3.

⁶ Тоффлер О. Третья волна //США. Экономика, политика, идеология. 1982. № 9. С. 95–99.

Белл считает, что «информационное общество» вносит существенные коррективы в марксизм: «С сокращением рабочего времени и роли производственного рабочего (который в марксистской теории является источником стоимости) становится ясно, что знание и его приложения замещают труд в качестве источника «прибавочной стоимости» в национальном продукте. В этом смысле, так же как капитал и труд были основными переменными величинами индустриального общества, информация и знание – решающие переменные постиндустриального общества»⁷. В качестве доказательства этой мысли приводятся факты рентабельности вложений в науку.

Действительно ли тут названа принципиально новая основа получения прибавочной стоимости? Аргументация Белла лишь подтверждает тот факт, что в эпоху НТР наука становится непосредственной производительной силой общества. Однако Белл пытается интерпретировать его в том смысле, что материальная детерминация уступила место идеальной, что проявляется в решающем значении «кодифицированного теоретического знания для осуществления технологических инноваций, превращении новой "интеллектуальной технологии" в ключевой инструмент системного анализа и теории принятия решений».

Действительно, возрастание роли субъективного фактора приводит к повышению значимости звена «идеальное-материальное» в общей цепи человеческой деятельности и познания: материальное-идеальное-материальное («объективированное»-идеальное). Опосредование научной мыслью ускоряет и делает более эффективным процесс детерминации материального материальным, осуществляемый в производстве материальных благ. Увеличение доли «идеализированных» моментов в производстве не отменяет материальную основу такой идеализации. Получение и использование информации по-прежнему производится в труде.

Создание материальных ценностей при помощи информации предполагает, безусловно, деятельность по получению и переработке такой информации. Компьютеры ускоряют и качественно преобразуют эту деятельность, но не отменяют человека полностью. Интеллектуальная деятельность человека получает орудия, становящиеся все эффективнее (то же самое ранее происходило с орудиями физического

⁷ Bell D. The social framework of information society. The computer age. London, 1981. P. 166.

труда), что находит отражение в интеллектуализации всей трудовой деятельности человека, повышении ее напряженности в этом аспекте.

Эксплуатировать, как показывает практика буржуазного мира, можно и интеллектуализированный труд. Распределение материальных и духовных благ по-прежнему, как и во времена К. Маркса, зависит от формы собственности на средства производства, включая и компьютерную технику. В связи с этим несостоятельны попытки теоретиков «информационного общества» рассматривать компьютеры в качестве радикального средства демократизации.

Например, социолог Джозеф Мур (1903–1978 гг., США) писал, что демократии нужны миллиарды рабочих часов. Их дадут электронные машины-роботы, которые могут работать 24 часа в день, 365 дней в году с минимальными затратами и очень скромным комфортом». Остается только выяснить, кому будут принадлежать эти «новые рабы». Если не всему обществу, то это не только не улучшит положения обездоленных, но и не расширит демократию, так как последняя связана с производственными отношениями, а не производительными силами, о чем «забывает» Мур. Если указанные «роботы» будут принадлежать отдельным классам и социальным группам, то никакой демократизации не произойдет при любом, сколь угодно высоком уровне компьютеризации и автоматизации производственных процессов. Последний лишь увеличит могущество и произвол одних, бесправие и подчиненность других. В этом мы уже можем убедиться, не выезжая за пределы России.

Таким образом, концепция «информационного общества» не несет в себе ничего принципиально нового, опирается на основные идеи «технологического детерминизма». Единство философской и классово-экономической сущности этих теорий проявляется, прежде всего, в сходстве предлагаемых ими путей улучшения социальной действительности – реформизме, абсолютизирующем производительные силы как единственное основание, причину исторических изменений, плюралистическом подходе, отрицающем исторический детерминизм, необходимость коренного преобразования производственных отношений для качественного изменения всех социальных отношений.

Эта концепция фактически пытается увековечить антагонистические общественные отношения, ибо в информационном обществе сохраняются социальная неоднородность, неравенство и отчуждение личности, деление на правящую, технократическую элиту и управляемые массы населения, частная собственность и политические конфликты.

Рассмотрение концепции «информационного общества» показало, что использование метафизического (антидиалектического) подхода к социальным процессам, отрывающего и абсолютизирующего в качестве единственного детерминанта развития общества, одну из сторон противоположного, логически ведет к субъективно-идеалистической трактовке всех социальных взаимодействий.

Карл Раймунд Поппер (1902–1994 гг.) – британский философ и социолог. До 1937 г. жил в Вене, участвовал в работе «Венского кружка» – философского сообщества, развивавшего идеи неопозитивизма, в 1937 г., спасаясь от фашизма, эмигрировал в Новую Зеландию, где в 1945 г. закончил свою главную, как он считал, книгу «Открытое общество и его враги». С 1946 г. до середины 70-х гг. был профессором Лондонской школы экономики и политических наук.

В начале «Логики научного исследования» Поппер весьма резко высказывается против принципа, признаваемого всеми представителями эмпиризма и позитивизма в качестве главного, если не единственного, принципа научного познания – индуктивного вывода: «...Я заявляю, что принцип индукции совершенно излишен и, кроме того, он неизбежно ведет к логическим противоречиям. То, что такие противоречия возникают в связи с принципом индукции, совершенно отчетливо показано Юмом»⁸. Напомним, как английский философ Д.Юм (1711–1776 гг.) доказывал несостоятельность индуктивного вывода: «...Частные силы, производящие все действия в природе, никогда не открываются чувствам, а из того, что одно явление в единичном случае предшествует другому, неразумно выводить заключение, что одно из них – причина, а другое – действие. Их соединение может быть произвольным и случайным; возможно, нет никакого основания заключать о существовании одного события при появлении другого»⁹. Таким образом, Юм считал, что индуктивный вывод о причинной связи явлений прямо основан на логической ошибке «После того, – следовательно по причине того». И эту же точку зрения разделяет Поппер. Индукции, по мнению Поппера, ведет, ко всему прочему, еще и к априоризму (внеопытному знанию), так как охватить в индукции все случаи рассматриваемого явления невозможно.

⁸ Поппер. К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983. С. 48

⁹ Юм Д. Исследование о человеческом разумении. М., 1995. С. 14

Все это поворачивает Поппера к дедукции, как единственно научному методу, «согласно которому гипотезу можно проверить только эмпирически и только после того, как она была выдвинута»¹⁰.

Поппер рассматривает четыре варианта проверки некоторой гипотезы на истинность: «Во-первых, это логическое сравнение полученных следствий друг с другом, при помощи которого проверяется внутренняя непротиворечивость системы. Во-вторых, это исследование логической формы теории с целью определить, имеет ли она характер эмпирической, или научной, теории или, к примеру, является тавтологичной. В-третьих, это сравнение данной теории с другими теориями, в основном с целью определить, внесет ли новая теория вклад в научный прогресс в том случае, если она выживет после ее различных проверок. И, наконец, в-четвертых, это проверка теории при помощи эмпирического применения выводимых из нее следствий»¹¹.

Нетрудно заметить, что первые три метода проверки – наработки логического позитивизма, от которого Поппер делает шаг не вперед, но в сторону.

Поппер не может отбросить главный постулат позитивизма – номинализм, согласно которому в объективной реальности существуют только единичные, чувственно данные вещи, моменты действительности. В связи с этим он пытается обновить, усовершенствовать принцип верификации, вводя принцип фальсификации, как критерий проверки высказывания на истинность. Фальсификация – процедура нахождения таких эмпирических данных, при которых данное суждение предстает как ложное, как заблуждение. Фальсификация показывает эмпирическую ограниченность применения данного суждения, но, с точки зрения Поппера, в силу этого, научность этого суждения (гипотезы). Принятия принципа фальсификации возвращает философа и методолога науки к позитивистскому отрицанию философии, претендующей на получение таких всеобщих принципов, истинность которых не может быть фальсифицирована именно в силу их всеобщности. Например, диалектический принцип всеобщей закономерной связи явлений, принцип детерминизма, принцип развития не могут быть фальсифицированы, так-так невозможно найти явления не связанные с другими и не закономерные, не детерминированные, не развивающиеся в каком-то отношении. Не случайно Поппер в дальнейшем рассмотрении

¹⁰ Поппер. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983. С. 50.

¹¹ Там же. С. 53.

отвергает указанные принципы (особенно принцип детерминизма в отношении познавательного процесса).

Поэтому критикуя неопозитивизм за его приземленный эмпиризм и индуктивный метод, Поппер приходит к точно таким же позитивистским выводам, используя дедукцию в купе с фальсификацией. При этом остается не ясным происхождение того общего суждения (гипотезы), которое Поппер делает будущей посылкой своего дедуктивного вывода. Если она не результат индукции, то чего же? Может быть интуиции врожденных идей, как у Декарта?

Однако Поппер сознательно (в точном соответствии с канонами классического позитивизма) уходит от вопроса об источнике знания: «С точки зрения науки не имеет значения, получили ли мы свои теории в результате скачка к незаконным заключениям или просто наткнулись на них (благодаря "интуиции"), или воспользовались каким-то индуктивным методом. Вопрос: "Как вы пришли к своей теории?" касается совершенно частных проблем, в отличие от вопроса: "Как вы проверили свою теорию?", единственно значимого для науки»¹².

Чувствуя шаткость своей дедуктивной концепции познания, Поппер оговаривается, что он не принимает дедукцию как всеобщий и универсальный метод, так как это было бы признанием универсальной причинности, чего он не признает. «...Я не утверждаю никакого принципа каузальности (или принципа универсальной причинности), – пишет Поппер, – принцип причинности есть утверждение о том, что любое событие можно объяснить каузально, то есть можно дедуктивно предсказать. В соответствии с тем, как интерпретируется слово "можно" в этом утверждении, оно будет либо тавтологичным (аналитическим), либо утверждением о реальности (синтетическим). Если "можно" означает, что всегда логически возможно построить каузальное объяснение, то данное утверждение – тавтология, так как для любого предсказания мы всегда можем найти универсальные высказывания и начальные условия, из которых выводимо данное предсказание (являются ли эти универсальные высказывания проверенными и подкрепленными в других случаях – это, конечно, совершенно другой вопрос). Если же "можно" означает, что мир управляется строгими законами и построен таким образом, что каждое отдельное событие представляет собой пример универсальной регулярности, или закона, то данное утверждение, по общему признанию, является синтетическим. Однако в этом случае оно нефальсифицируемо. Поэтому я не бу-

¹² Поппер. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983. С. 157.

ду ни принимать, ни отвергать "принцип причинности", а просто удовлетворюсь тем, что исключаю его из сферы науки как "метафизический"¹³.

«Не отвергаю», но «исключаю» – типичный подход для позитивиста! Я (В.О.) не случайно дал такую большую цитату из этого произведения Поппера. Здесь автор впервые использует отождествление субъективной предсказуемости события с его объективной закономерностью как аргумент против детерминизма: «Принцип причинности есть утверждение о том, что любое событие можно объяснить каузально, то есть можно дедуктивно предсказать». Далеко не все, что связано причинно-следственной, закономерной связью можно предсказать. Для предсказания требуется такая малость, которую Поппер не замечает – знание этой каузальной (или любой другой, объективно-закономерной) связи. Поэтому, невозможность предсказать будущее состояние какой-либо системы не есть критерий отсутствия закономерности в связи состояний этой системы.

Наибольшую известность среди специалистов-социологов принесли Попперу две книги: «Открытое общество и его враги» (1945 г.) и «Нищета историцизма» (1957 г.). Вторая представляет собой, по существу, краткое резюме первой и нашла в России периода начала «демократических реформ» наибольшую популярность среди некоторой части творческой интеллигенции и ученых-обществоведов. В указанных работах вновь используются два основных мировоззренческо-методологических принципа позитивизма:

- 1) индетерминизм, абсолютизирующий случайность и не признающий никакой закономерности ни в природе, ни в обществе;
- 2) субъективный идеализм, редуцирующий все формы детерминирующих воздействий на общество к субъективному фактору.

Что же собой представляет «открытое общество»? «Главное различие, – поясняет Поппер, – ...состоит в следующем. Мои термины основаны на рационалистическом различении: закрытое общество характеризуется верой в существование магических табу, а открытое общество в моем понимании представляет собой общество, в котором люди (в значительной степени) научились критически относиться к табу и основывать свои решения на совместном обсуждении и возможностях собственного интеллекта»¹⁴. Выделение Поппером слов «рационалистическое различение» выдает субъективно-идеалистическую интер-

¹³ Поппер. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983. С. 84.

¹⁴ Там же. С. 25.

превращению им и общества, и причин социального развития. В тексте эта мысль усиливается весьма ключевой для понимания всей социальной доктрины Поппера фразой «Будущее зависит от нас, и над нами не довлеет никакая историческая необходимость»¹⁵. Отсюда и делается вывод, что врагами открытого общества являлись и являются все мыслители, допускающие существование такой объективной необходимости, закономерности. Два тома работы «Открытое общество и его враги» всецело посвящены критике главных врагов «открытого общества» – Платона, Гегеля и Маркса.

Марксу достается больше всех и в «Нищете историцизма», которая даже в названии явно противостоит «Нищете философии» Маркса. Методология рассмотрения истории человечества, отстаиваемая Поппером, распространяется им и его последователями не только на решение проблем философии истории, но и на всю социологию, включая ее «нижний», эмпирический уровень. Это обстоятельство делает весьма актуальным ее подробный критический анализ.

«Моей главной целью, – пишет Поппер во введении к книге, – была критика марксовского «материалистического понимания истории» – попытки предсказать, что социализм (или коммунизм) неизбежно наступит в результате надвигающейся социальной революции. Но я также намеревался дать критику всей сферы исторических пророчеств – любых предсказаний будущего, основанных на материалистическом, идеалистическом или любом другом модном мировоззрении, – вне зависимости от того, что за будущее нам предсказывают – социалистическое, коммунистическое, капиталистическое, черное, белое или желтое»¹⁶.

Поппер утверждает, что научное открытие невозможно предсказать, ибо оно абсолютно случайно. Но так как историю общества определяют именно научные открытия (по Попперу), то и история есть цепь случайных событий.

Однако то, что физики не могут предсказать тех объективных законов, которые они откроют в будущем, не свидетельствует ни о том, что этих законов вообще нет, ни о том, что уже известные законы не обладают предсказательной, а, следовательно, эвристической силой! То же относится и к законам истории. Предсказание возможно не абсолютное, как у Лапласа, а относительное, ибо необходимость самой истории (как и всего другого) относительна. Последнее определяется

¹⁵ Поппер. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983. С. 26.

¹⁶ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992. С. 251.

не столько субъективным фактором (знание законов), сколько вариативностью, вероятностным характером самих законов, которые ничего с непреложностью, неизбежностью не определяют.

Следует заметить и то, что Поппер, отрицая предсказание исторических событий, признает (и на этом строит свою аргументацию!) воздействие на историю уровня развития познания. Но познания – собственно чего? Да этих же самых законов природы и общества! Ибо познавать можно только закономерное! В каком моменте такое знание может существенно повлиять на ход истории? В том, что связан с возможностью сознательного использования этого знания. Знание при этом должно отражать объективный процесс и его законы адекватно. Возможность субъективного (со стороны сознания, т. е. целесообразного) воздействия на объективное определяется наличием и закономерностью этого объективного. На спонтанные процессы целесообразно влиять нельзя.

Развитие знания, которое признает Поппер, – это также закономерный процесс, ибо там, где нет направленности изменений, нет и развития! А там где эта направленность не понята, нет и воздействия на этот процесс, нет целесообразной модификации направленности!

Еще одним основанием социологического индетерминизма Поппера является постулированное им принципиальное объективное различие между физическими и биологическими процессами: «В мире, который описывает физика, ничего по-настоящему нового не происходит. Даже в новой машине мы всегда можем увидеть перекомбинацию старых частей. Новизна в физике – это просто иные расположения и перекомбинации. Напротив, социальная новизна, как и биологическая новизна, является новизною подлинной»¹⁷. Так может заявить человек, который не видит явной внутривидовой общности растений и организмов, не знает клеточной теории, утверждающей общность происхождения, а также единство принципа строения и развития мира растений и мира животных. Ясно, что и жизнь постоянно использует свои старые «изобретения» в новых формах жизни. Достаточно сослаться на всеобщность структурного построения ДНК и РНК, законы генетики, законы естественного отбора. Абсолютной новизны в живой природе нет. Природа также как и конструктор (хотя и с лучшими результатами) занимается перекомбинированием старых «деталей» и старых структур, старых технологий производства. В то же время в физических процессах и в физических устройствах никогда не

¹⁷ Поппер К. *Открытое общество и его враги*. Т. 1. М., 1992. С. 4.

бывает абсолютного повторения. Подлинно, качественно новое здесь также не сводимо к перекombинации старого, как и в живой природе и в обществе!

Абсолютизируя принципиальную новизну каждого отдельного момента социального процесса, Поппер превращает последний в случайный конгломерат случайных событий. «Возможно, – пишет он, – анализируя социальную жизнь, мы обнаружим и интуитивно поймем, как и почему произошло то или иное событие; мы ясно поймем причины и следствия – силы, которые вызвали это событие к жизни, и влияние, которое оно оказало на другие события. В то же время мы поймем, что не способны сформулировать общие законы, описывающие причинные связи. Может оказаться, что обнаруженные нами силы правильно объясняют ЭТУ И ТОЛЬКО ЭТУ (все выделения – Поппера) социологическую ситуацию. Да и сами силы могут оказаться уникальными: раз проявившись в этой социальной ситуации, они никогда больше не вступят в действие»¹⁸. Но это же можно сказать про любое, в том числе и «чисто физическое» взаимодействие. Ведь еще Гераклит говорил: «Нельзя дважды вступить в одну и ту же реку». Но для Поппера как для антидиалектика, индетерминиста Гераклита и тем более Гегеля не существовало, иначе бы он понял, что повторимость, закономерность всегда соединяются с неповторимостью, относительной уникальностью, как сущность и явление.

Для тех, кто за явлением не может разглядеть сущность, за единичным – общее, за причинным отношением – причинный закон, не существует и науки. Поппер использует здесь методологию номинализма, сводящего все к единичному, не признающего объективно общего, а, следовательно, закономерного.

К основному тезису Поппера – общество, в своем становлении, не опирается ни на какие закономерности, можно применить прием апагогического опровержения. Предположим, что вчерашний день существования российского общества никак не связан с сегодняшним, то есть сегодняшний не повторяет никакие моменты, свойства, отношения вчерашнего. Что это означает? Ничего кроме того, что от старого этапа ничего не сохранилось и потому данный нельзя назвать ни «российским», ни обществом. Закономерность – это повторяемость, воспроизводимость, сохранение каких-то моментов прошлого в настоящем и будущем. Поэтому все то, что существует, длится – закономерно. В противном случае нельзя ответить на вопрос ЧТО существует.

¹⁸ Поппер К. Ницета историцизма. М., 1993. С. 18.

В связи со сказанным, доктрина Поппера может быть охарактеризована как вариант релятивизма, абсолютизирующего изменчивость, упраздняющего устойчивость и их связь во всяком процессе развития. На примере философии Поппера мы еще раз можем убедиться, что все мировоззренческо-методологические основания позитивизма тесно связаны и логически вытекают друг из друга – номинализм дает индетерминизм, последний обосновывает релятивизм, а все они вместе составляют платформу субъективно-идеалистической трактовки познавательного процесса.

Общий вывод – современные буржуазные концепция развития общества молчаливо признают, что капитализм несет в себе социальную несправедливость, нищету и бесправие, войны и нищету огромному большинству населения. Эти концепции под терминами «постиндустриальное общество», «информационное общество» и т. п., подразумевают, по-существу, «поскапиталистическое общество» т. е. коммунизм. Однако, абсолютизируя роль развития техники, технологии и науки в становлении нового общества, отрицают общенародную собственность на средство производства как необходимый базис нового коммунистического общества.

Сегодня весьма актуально звучат слова В.И. Ленина: «Поменьше болтовни о "трудовой демократии", о "свободе, равенстве, братстве", о "народовласти" и тому подобном: сознательный рабочий и крестьянин наших дней в этих надутых фразах так же легко отличает жульничество буржуазного интеллигента, как иной житейски опытный человек, глядя на безукоризненно "гладкую" физиономию и внешность "благородного человека", сразу и безошибочно определяет: "По всей вероятности, мошенник"»¹⁹

¹⁹ Ленин В.И. Великий почин. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 23.

Х. Гюнеш

***Эволюция понятий
«социалистическая демократия»
и «политическое участие» в СССР***

Либеральная теория характеризует такие понятия как «социалистическая система» и «демократия» как два противоположных полюса. Сторонники идеи демократии, связывающие это понятие только с либеральным контекстом, понятие «социализм», как правило, определяют как антидемократическое, уже хотя бы потому, что оно в основе своей связано с диктатурой пролетариата.

Но определение идеи диктатуры пролетариата и демократии как двух противоположных, и тем более, антагонистических понятий, с нашей позиции представляется недопустимым. По словам самого выдающегося теоретика диктатуры пролетариата – В.И. Ленина это есть форма, обеспечивающая переход к самой новой и «самой высшей» форме демократии. Даже в работах И.В. Сталина и в официальных источниках того времени это понятие сохраняется, хотя бы на уровне теории. При этом приписывание понятию «демократия» исключительно либерального/буржуазного содержания можно встретить в подходах представителей даже некоторых западных социалистических движений.

В данной работе автором будут предприняты попытки показать сущность отношения между социализмом и демократией, не только как это понималось в работах Ленина, но как это проявлялось и развивалось в реальных политических практиках советской системы. Более того, нас интересует, что привело к тому, что демократическая природа социализма в процессе развития советской системы становилась все более жесткой и потому хрупкой.

В Советском Союзе социалистическая демократия толковалась как новый тип демократии, как ее высшая форма, при этом данный вопрос всегда рассматривался на фоне активной критики буржуазной

демократии, по крайней мере так было в теории¹. И здесь надо подчеркнуть, что советским теоретикам удавалось достаточно успешно развивать критику буржуазной демократии, но это не решало проблемы становления и развития социалистической демократии внутри советской системы.

В этом плане особенно интересны и важны дискуссии, которые нашли свое отражение в литературе сталинского периода. Например, одним из таких дискуссионных вопросов была проблема подхода к демократическим выборам вообще, т. к. это необходимый пункт проблемы демократии как социалистической, так и буржуазной. Одновременно важным являлся вопрос определения их различия.

Бытует утверждение, что между идеей социализма как формой передовой демократии и практикой ее воплощения лежит огромная пропасть, и главная причина этого различия, как правило, усматривается в сталинизме. Вот почему для нас принципиально важно акцентировать вопрос – как реально формировался механизм советской демократии, и какова была мера действительного, а не формального участия общества в ней, и что реально определяло ее меру и границы.

Соответственно, в данной работе мы постараемся всесторонне рассмотреть практику реализации идей социалистической демократии, плюрализма и участия на разных этапах развития советской истории.

Так, в первый период, т. е. в период, когда революция и революционные организации существовали со всей жизнерадостностью, Ленин в своей исторической речи 1919 г., отвечая на критику окружения II Интернационала, сказал о невозможности определения трансклассовой или бесклассовой демократии и диктатуры. Он также добавил что, в сущности, ни в какой «цивилизованной капиталистической стране» демократии быть не может; в этой стране существует только буржуазная демократия – в качестве средства господства эксплуататорского класса²

Еще более важным является то, что основатель СССР сформулировал проект советской системы как продукт интеллектуальной и идео-

¹ Демократия в большинстве официальных советских источниках рассматривается в виде двух отдельных типов – буржуазной и социалистической. В словарных статьях о демократии понятие используется в нейтральном понимании. См. Краткий политический словарь. 2-е изд. М., 1980. С. 107.

² Ленин В. И. Речи на Конгрессе Коммунистического Интернационала. М., 1972. С. 11.

логической традиции именно прямой демократии. Вот что он писал по этому поводу:

«Старая, т. е. буржуазная, демократия и парламентаризм были организованы так, что именно массы трудящихся всего более были отчуждены от аппарата управления. Советская власть, т. е. диктатура пролетариата, напротив, построена так, чтобы сблизить массы трудящихся с аппаратом управления. Той же цели служит соединение законодательной и исполнительной власти при советской организации государства и замена территориальных избирательных округов производственными единицами, каковы: завод, фабрика»³.

Уже исходя из этого, видно как в этот исторический период идея рабочей демократии (диктатуры пролетариата) как прямой формы демократии обрела концептуальный акцент. Более того, эта идея была возглавляющим принципом в создании государственного аппарата и учредительной архитектуры нового государства и общества.

Наряду с задачей государственного строительства Ленин одновременно ставит на повестку дня самый сложный вопрос – вопрос об отмирании государства. Согласно его определению, достижение настоящей демократии возможно лишь посредством деструкции государственного аппарата⁴. Он много раз повторял, что путь, который может обеспечить необходимую подготовку «отмирания» государства проходит через постоянное и бескомпромиссное, прямое участие трудящихся масс народа в органах управления государством⁵.

По вопросам теории государства в период 1920-х гг. и вплоть до 1930-х гг. проходили острые дискуссии, наряду с полемикой об отношениях партии и общества. Решение проблемы диалектической взаимосвязи ослабления бюрократизма и усиления демократии было связано с вопросом об отмирании государства, что находило свое отражение во всех сферах общества, культуры и политики.

К середине 1920-х гг. все политические организации, кроме большевистской партии, фактически были полностью запрещены, тем не менее свобода слова оставалась, но лишь внутри самой партии, да еще в литературной и культурной сферах. Н. Бухарин, в своей работе «Пролетариат и вопросы художественной политики» (май, 1925 г.) от-

³ См. Ленин В.И. I Конгресс Коммунистического Интернационала. 2–6 марта 1919 г. // Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т. 28. С. 435–451.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Кагарлицкий Б. Мыслящий тростник (перевод на турецкий язык). Стамбул. С. 102.

крыто говорит о недопустимости прямого идейно-политического диктата партии в области художественной политики.

«Вы что, полагаете, что Политбюро должно ходить за каждым по пятам и подчинять агитационному отделу?»⁶

Дискуссии по поводу плюрализма не ограничивались только литературной сферой. Непосредственно в политической сфере, внутри самой партии большевиков, организационно однородной и монолитной, тем не менее нередко позиционировались различные идеи и на этой основе возникали разные фракции. Одним из примеров такого столкновения позиций может служить возникновение Рабочей Оппозиции илевой Оппозиции 1920-х годов.

В своей работе «Думающий тростник» Кагарлицкий говорит о том, что вскоре после гражданской войны духовная жизнь оживилась, и особенно в период нэпа наблюдались элементы плюрализма гражданского общества⁷. Однако, как известно, этот период относительной свободы был не очень долгим. Левые организации в СССР (кроме большевиков) в 1922-м г. – частично, а в 1924 г. – уже полностью были запрещены, правые же были вне закона практически изначально.

В начале 1920-х гг. политически активная оппозиция содержалась в тюрьмах, но реального запрета политического инакомыслия в эти годы еще не было. В постреволюционный период эта ситуация является важным отражением взаимосвязи идеи свободы и революции. Можно сказать, что в этот период в советской системе действительно существовала свобода прессы. Одним из примеров этого может служить тот факт, что наряду с независимыми и полунезависимыми журналами, такими как «Мысль», «Экономист», «Голос минувшего», «Новая Россия», «Русский современник», «Современник», «Былое», «Новая Эпоха», «Вольная жизнь», «Слова истины», «Вестник литературы» в этот период свободно публиковались и распространялись издаваемые даже заключенными такие издания, как «Мысль за решеткой», «Мысль заключенного», «Голос заключенного»⁸ и др.

Окончательное завершение этого периода характеризуется свертыванием нэпа, переходом к коллективизации в сельском хозяйстве, и особенно «внутрипартийными чистками», а также нетерпимой политикой Сталина в отношении политического инакомыслия. Конститу-

⁶ Бухарин Н. Речь на совещании о политике партии в художественной литературе 9 мая 1924 // Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. М.–Л., 1925. С. 81–85.

⁷ Кагарлицкий Б. Там же. С.70.

⁸ Там же. С.62.

ция 1936 г. реально стала юридической формой легитимизации понимания советской демократии по-сталински. Конституция СССР 1925 г. отличается от последующей Конституции 1936 г. тем, что сохраняла идеалы прямой демократии. В марксистском контексте цель прямой демократии была связана с идеей об «отмирании» государства, то есть с идеалом общества без государственной власти. Конституция 1925 г. начиналась со следующих слов: «Настоящая Конституция (Основной закон) <...> имеет своей задачей гарантировать диктатуру пролетариата в целях подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и осуществления коммунизма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти»⁹.

В 1936 г. идеал общественного устройства без государственной власти не только утерян, но еще и государство, и бюрократизм легитимизированы. Монолитный бюрократизм старался оправдать свое существование посредством критики многопартийной демократии в капиталистических странах, с одной стороны, и объяснения, почему не может быть принципов многопартийности и плюрализма в выборах в советской системе – с другой. Господствующее на тот период идеологическое толкование «демократии» сводилось к тому, что это есть власть народа в форме правительства и государства, которые уже по природе своей обеспечивают внутреннее и внешнее содержание политики в интересах народа, что не связано с вопросом существования одной или многочисленных партий¹⁰.

Здесь идеологи сталинского периода реально отрицают тезис о том, что многопартийная система, по сути есть знак и основная характеристика демократии. Противоположным примером могут служить античные греческие и римские общества, в которых существовали многочисленные организации, но не существовало самой демократии.

Тот же самый советский идеолог аргументирует, что в двухпартийной американской и английской системе позиции представленных в них партий по самым основным вопросам в принципе друг от друга

⁹ См.: Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1925 г.: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfr/1925/red_1925/185477/

¹⁰ См.: Александров Г.Ф., член Академии Наук СССР, специалист в области западноевропейской философии представил текст под названием «Образцы советской демократии» (текст на английский язык был переведен Лео Грулио) 4 декабря 1946 г. в Академии Наук СССР //Хендль Сэмюэль (ред.) Советский котел. С. 173–175.

не отличаются. Следовательно, с точки зрения демократии гораздо важнее не форма, а внутреннее содержание.

«Совместимы ли друг с другом демократия и однопартийная система?» и «Является ли отсутствие многопартийности знаком того, что демократия не является истинной?» – спрашивает Г.Ф. Александров и сам же дает на них ответы:

«Мы, как советский народ четко и ясно отвечаем: «Нет!» Явление демократической или не демократической жизни государства, правительства или общества не связано с количеством партий, а связано с проводимой партией или партиями политикой в пользу подавляющего большинства или же меньшинства... Советская демократия – это выражение принципов социалистического общества. Как известно, социалистическое общество начинается там, где нет эксплуататорских классов – помещиков, фабрикантов, капиталистов, банкиров, кулаков и спекулянтов, которые восседают на прибранных к рукам незаработанных доходах, и одновременно, где развиваются основы дружеского сотрудничества рабочих, крестьян и интеллигенции»¹¹.

По сути дела, Александров Г.Ф. почти дословно повторил тезисы Сталина после Конституции 1936 г., которая известна как «сталинская конституция». Реально в истории Советского Союза это вторая пересмотренная Конституция, в которую внесены принципы прямых выборов Советов, открытого подсчета голосов, принцип закрытого голосования и представительство всех социальных слоев в Советском Союзе. Однако, как известно, в этой Конституции политические партии, как и прежде, не были разрешены. Только аргументация в этот раз была иной: если раньше необходимость диктатуры пролетариата предполагала в качестве своего передового крыла – лишь Коммунистическую партию и никакой другой партии существовать не могло; то в этот раз было заявлено, что отсутствие многопартийности в Советском Союзе обусловлено отсутствием в нем антагонистических классов.

Здесь нужно заметить, что Сталин противоречил марксизму, на основе которого он якобы пытался строить свои тезисы. Это противоречие являлось одним из важных факторов напряжения между советской политической философией и реальными политическими практиками. В связи с этим можно вспомнить следующее положение К. Маркса:

¹¹ Александров Г.Ф. С. 174.

«Все прежние классы, завоевав себе господство, стремились упрочить уже приобретенное ими положение в жизни, подчиняя все общество условиям, обеспечивающим их способ присвоения. Пролетарии же могут завоевать общественные производительные силы, лишь уничтожив свой собственный нынешний способ присвоения, а тем самым и весь существовавший до сих пор способ присвоения в целом. У пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять, они должны разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность»¹².

Этому атрибуту рабочего класса в марксистской литературе было дано название категории универсального класса. Ленин, в работе «Государство и революция», остается верен марксистскому подходу, согласно которому процесс «отмирания» государства должен происходить естественным путем, проистекающим из самой природы рабочего класса: «Уничтожение пролетарского государства, то есть уничтожение всякого государства, невозможно иначе, как путем “отмирания”»¹³.

Сталин же, как отмечалось выше, избегая темы «отмирания» государства, реально откладывает этот вопрос в «долгий ящик», а чтобы создать видимость отсутствия противоречий своей позиции с теоретическими положениями классиков марксизма, он ищет и кажется даже находит для себя оправдание. Собственно отмирание государства было необходимо для преодоления антагонизма классов. Этот теоретический вопрос Сталин привязывает к теме сдерживания враждебных государств, и в силу этого он предлагает не ослаблять армию и государственный аппарат. Сталин, чтобы ограничить и подавить социалистическую демократию, с одной стороны, указывает на враждебное внешнее окружение, с другой – опирается на утверждение, что на новом этапе бесклассового Советского общества объективно отсутствует необходимость в существовании разных партий или фракций.

Согласно Сталину, в Советском Союзе остались только три основные социальные группы, находящиеся в дружеском взаимодействии: интеллигенция, рабочий класс и крестьянство. Такой подход предполагал, что между этими группами если и допустимы некоторые проти-

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. С. 434.

¹³ Ленин В.И. Государство и революция//

http://grachev62.narod.ru/Lenin/133_01b.htm#f4.

воречия, то только в силу привычек прошлого. Не являясь антагонистическими, они вполне могли быть гармонично разрешимы в Советском Союзе.

Далее мы выделим наиболее общие характеристики того реального положения, которое складывалось с вопросом демократии в Советском Союзе:

- исходной базой советской демократии были отсталые социальные отношения;

- по мере утверждения общей стратегии развития СССР, открывающей дорогу технократизму, социалистическая идеология постепенно превращалась в некоторый род «идеологии инженерства»;

- в политических отношениях внутри партии реально отсутствовали традиции живого плюрализма, что усугублялось еще и превратными формами бюрократического руководства;

- объективная невозможность снять временные меры ограничения демократии из-за угрозы внешнего геополитического окружения и войны.

Все это реально стало причиной постепенного сворачивания демократического плюрализма, который сохранялся до середины 1920-х гг., причем как в условиях гражданской войны, так и последующего этапа, но в конце 20-х гг. этот процесс сворачивания был завершен.

Формальные упорядочивания социальных и политических структур в 1936 г. по сути своей ничего не значили, так как интеллектуальная и общественная атмосфера внутри партии и в стране к этому времени реально задышалась под давлением предупреждающих мер террора и давления.

В послесталинский период социалистическая демократия пыталась вновь восстановиться. В сфере политики и общественной жизни возникали маленькие интеллектуальные кружки и молодежные группировки, но они не могли создать низового политического движения и потому были не долговечными. В период хрущевской «оттепели» свобода критики была также ограничена, особенно в партийной жизни.

Сталинское противоречивое толкование участия общества в политических процессах, обусловленное его технократическим пониманием марксизма, было характерным для представителей последующих советских правительств.

Жесткий и Хрупкий Технократизм

До сегодняшнего дня было использовано множество понятий для определения сущности советской политической системы. По нашему мнению, ее особенности, в частности ее экономическая и бюрократическая природа самым лучшим образом объясняются понятием «технократизм». Технократизм – это своего рода толкование марксизма в советском стиле, согласно которому основной путь построения социализма и даже коммунизма лежит через экономическое развитие. Такой подход имеет не только тактическое значение, столь важное для решения задачи экономического развития и повышения благосостояния общества, но также и стратегическое значение.

Данный подход, появившийся на свет первоначально как экономическая тактика, далее имел уже и свое теоретическое обоснование, которое и стало формой официального толкования марксизма в Советском Союзе. Можно понять значение экономического и технического развития в экономически отсталых системах, но превращение экономической тактики в стратегию построения развитого социализма и коммунизма, и более того, толкование всего этого как официальной трактовки марксизма и его диалектики – это на наш взгляд является, по меньшей мере, фальсификацией марксизма.

В самом общем виде такой технократизм – это способ достижения социалистических идеалов путем технического прогресса, а со временем – просто редуцирующий содержание социалистического идеала до идеологии технического и экономического развития.

С одной стороны, предпосылки отдаления политики СССР от основ классовой борьбы и постепенное устремление к технократизму можно искать в ленинском периоде и даже у самого Ленина. Доклад Ленина, который был озвучен им 22 декабря 1922 г. на Всероссийском Съезде Советов, важен как первый документ, открывающий путь к технократизму.

«Сейчас я перехожу к последней теме повестки Съезда, к теме электрофикации. (...) Отныне на Всероссийских съездах на трибуне будут выступать не только политики и управляющие, но и инженера и агрономы. Это указывает на счастливое время когда политика постепенно будет отходить на задний план, обсуждения политики будут реже и короче и большую часть выступлений будут проводить инженера и агрономы. (...) Несомненно мы усвоили политику; в этом

отношении мы сильны подобно скале. Но когда дело касается экономики наше положение слабо. Отныне хорошая политика это мало политики. Выпускайте больше инженеров и агрономов, учитесь у них, наблюдайте за их работой и прекращая действия наших съездов и конференций в качестве собраний для пропаганды, преобразовать их в органы где мы могли бы поистине учиться экономическому развитию, заверяя свои экономические успехи...»¹⁴

С другой стороны, как тот же самый Ленин, прежде говорящий – «дайте мне команду профессионалов, и я заново перестрою Россию» – вдруг приходит к этой точке зрения?¹⁵ Конечно же, политика Ленина, давшая преимущество агрономам и инженерам, была выдвинута в повестку дня с целью удовлетворения нужд народа революционной страны, которая только-только выходила из разрухи, войны и голода. Ленин понимал, что голодному народу объяснять политику невозможно. Поэтому первоочередной задачей ставилось решение экономических вопросов и в этом нет ничего непонятного. Он говорил о временной тактике, необходимой для решения проблемы отсталости экономики, голода и других практических вопросов.

Но этот тактический подход Ленина в дальнейшем приобрел значение стратегического императива, и уже все последующие съезды КПСС, начиная со времен Сталина и заканчивая последним, так или иначе исходили из него. Как известно, сыгравший критическую роль при развале СССР Горбачев, будучи последним Генсеком КПСС, был агрономом (вот она, ирония истории!). А ведь когда-то Ленин сказал про агрономов – «они должны говорить больше, чем большевики».

Преобразование конкретных тактических задач Ленина, упомянутых им в работе «Что делать?», равно как и известное его определение коммунизма («Советская власть плюс электрификация всей страны»¹⁶) в стратегический вектор развития социализма – все это в конечном итоге обрело для партии статус «второй программы».

Ленин опасался демагогического толкования его теоретических и тактических подходов. К концу 1922 г. его настолько сильно начало беспокоить преобладание бюрократии и технократического мышления, что, описывая состояние страны на тот период не просто бедственным, а даже плачевным, истоки этого он видел в незавершенности

¹⁴ VIII Всероссийский съезд советов // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 156–150

¹⁵ В.И. Ленин. Что делать? // В.И. Ленин. Полн. собр. соч.

¹⁶ Энциклопедия социализма и общественной борьбы. Т. 3. Стамбул. С. 684.

культурной революции. Не случайно Ленин постоянно признавал, что «переход от царизма к Советской системе за пять лет в эпоху революций, развитие в которой происходит со скоростью света, можно было получить лишь такие результаты». Следовательно, на этом этапе он хотел привлечь особое внимание к проблеме изменения политической культуры, так как он был достаточно дальновиден, гибок и методичен, чтобы понять, что нельзя решить бюрократическую проблему, используя бюрократические средства и понятия.

Но его преемники, затрудняющиеся выходить за рамки повседневных практик, предполагали, что проблему клики (партийных группировок) отождествляющуюся со Сталиным, можно переступить только жестким материальным регулированием. Преодолеть эту проблему возможностей они не видели, более того, бюрократия, которая с самого начала сталинского периода, не будучи коммунистической, отчаянно пыталась казаться таковой, стала с кликой одним целым, и таким образом, не осталось партийной бюрократии, которая могла бы рецензировать/критиковать государственную бюрократию.

Данная ситуация в итоге привела к тому, что вопрос экономического регулирования общественного развития советской системы подмял под себя вопросы стратегического развития. Вот и получилось, что самое важное, что было превыше всего в социалистическом отечестве, в новом советском социализме – это рабочий класс и все общество в целом – в итоге все это было отдано во власть бюрократии.

Соответственно эта ситуация порождала и необходимость постепенного приспособления к этой новой политике уже и самой теории.

В условиях уже «холодной войны» советская система окончательно перестала быть представителем тех ценностей, которые были заложены в ней вначале и которые в последующем трансформировались в производственный механизм, конкурирующий с другой суперсилой. При этом оценка конкуренции с другой супердержавой, осуществлялась не по тем критериям, которые были заложены на заре советской системы (равенство, разделение благ, свобода), а на основе параметров экономического характера. Вначале такой подход был привычным, равно как и привычным оказывалось толкование его как очередного императива марксизма.

При этом принцип политики как конкуренции с капиталистическим миром в советской системе обрел даже свое широко известное выражение – «догнать и перегнать», что в действительности оказалось одной из главных предпосылок разрушения СССР. Надо сказать, что эта идея была высказана Самиром Амином еще в середине семидеся-

тых годов в связи с его оценкой как теоретической гипотезы, так и практических результатов политики экономического развития и технократического мышления, которые преобладали в СССР. В частности, он писал о том, что утверждение, что социализм есть капитализм без капиталистов, заставляет признать необходимость развития в нем такого же типа производства той же продукции для удовлетворения тех же потребностей, что и при капитализме. Законы отношений производительных сил, адаптированные на высоком уровне, упростились в новых взаимосвязях. Эти новые связи делают производительную силу более «свободной» по мере ускорения или «прогресса» развития капитализма. Это с одной стороны. С другой стороны – старые формы производительных связей, видоизменяясь, тем не менее, продолжают свое существование¹⁷.

По мнению Амина, важно учитывать, что производить, как производить, а также тот фактор, что накопления в обязательном порядке приводят к капиталистическому отчуждению. Ссылаясь на советскую политику «догнать и перегнать», Самир Амин говорил: «Это уже не проблема равнения и опережения»¹⁸.

Технократическое мышление, исходящее из принципа – догнать и перегнать капитализм – в итоге оказалось негибким по отношению к существующей конкретной действительности и потому – стратегически проигрышным.

Советский социализм, накопив долгий исторический опыт, в конечном итоге догматизировался и ограничил себя лишь гуманитарной и академической наукой. Это и стало завершением технократического подхода в политике и мышлении. Понятно, что это было тесно связано с нежеланием партийной бюрократии делить свою власть с любыми другими социальными силами. Соответственно в этой ситуации говорить уже о практике овладения традицией плюрализма, которая могла бы выстроиться в рамках социалистической логики, уже не приходится.

Такой ход развития в совокупности с другими причинами, в итоге привел советскую систему в такое положение, при котором она оказалась на грани, отрицающей ее дальнейшее эффективное развитие.

¹⁷ См. Амин Самир. Империализм и неравное развитие. 1976. Monthly Review Press.

¹⁸ Там же. С. 282.

Вывод

Прекращение советской демократии и плюрализма стало равнозначно расставанию с «советской» идеей. Но последствия этого имели силу далеко за пределами политических отношений и механизмов и в первую очередь – политического суверенитета рабочего класса Советского Союза. Советский социализм, создав капиталистический механизм производства без частной собственности, взялся конкурировать с капитализмом. Удаляясь от демократии и плюрализма, он лишился гибкости. Утрата гибкости советской системы лишила ее способности самостоятельно и самокритично развиваться в новых условиях. Остались только технократизм, экономически прогрессивный и жесткий марксизм, государство, потерявшее душу, и аппарат руководителей. Сказанные когда-то слова Ленина в адрес технократов – «оставьте, пусть говорят» и что важно – в качестве лишь временного тактического решения, были сполна реализованы последним технократом Горбачевым.

Для того, чтобы сегодня социализм снова, став убедительной и жизнеспособной системой, смог твердо встать против капитализма, необходимо критическое обновление и построение понятий социализма, основанное на понимании демократии, отличной от буржуазно-либеральной.

Постскриптум

Круглый стол¹
«Троцкий и Сталин: два лика революции.
Размышления в связи со 130-летием
Л. Бронштейна и И. Джугашвили»

А.В. Бузгалин

Троцкий и Сталин – две объективно противоречивых тенденции, порождённых Октябрьской революцией 1917 г.

Троцкий и Сталин являются скорее персонификацией двух объективно противоречивых тенденций, порожденных Октябрьской революцией 1917 г. и продолженных в процессе «строительства социализма», чем творцами двух моделей развертывания противоречий генезиса «реального социализма. Их роль как личностей состоит в акселерации объективно возникших процессов. В случае со Сталиным эта связь проявилась особенно ярко: характерный для СССР 30-х-начала 50-х гг. особенно кровавый вариант воплощения объективной тенденции, представляющей мутацию ростков социализма, во многом связан с личностными качествами И. Джугашвили.

Октябрьская революция, как это неоднократно аргументировалось автором, была не следствием субъективных действий тех или иных политических фигур, а объективным следствием глубочайших противоречий монополистического капитализма (с характерным для него империализмом и колониализмом, мировыми войнами, национальным угнетением и т. п.) Эти противоречия закономерно вызвали волну социалистических интенций. Это были процессы революций, реформ, образования новых – «социалистических» – государств, формирования и деятельности общемировых левых организаций

¹ «Круглый стол» состоялся 18 ноября 2009 г. в Центре изучения постиндустриального общества при заместителе председателя Комитета по образованию Государственной Думе РФ.

(II и III Интернационалы) и движений. В результате к 60-м гг. XX в. левая тенденция стала одной из двух ведущих в мировом социальном процессе.

Наряду с этим в XX в., особенно в странах с наиболее острыми социально-политическими предпосылками социалистических преобразований, не сложилось достаточных предпосылок для продвижения к «царству свободы», а не просто для антикапиталистических революций. Прежде всего, недостаточным был уровень развития Человека (содержание труда, уровень культуры, социально-политические параметры).

Это противоречие автор назвал «ловушкой XX века», породившей мутантный социализм.

Генезис мутантного социализма открывал три траектории своего развития:

опережающая мутация, использующая энергию социального творчества для «достройки» недостающих культурных и материальных предпосылок и противоречиво, нелинейно, но прогрессирующая в направлении к «царству свободы» на основе, с одной стороны, энергии социального творчества, а с другой – использования (в подчиненном виде) наиболее прогрессивных форм позднего капитализма (в т. ч. рынка, институтов гражданского общества, парламентаризма и т. п.). Эта траектория была предложена Лениным и весьма специфически развивалась Троцким.

Инволюция от опережающей мутации социализма к буржуазной системе (отчасти эта траектория в странном симбиозе с третьей была реализована в Югославии).

Деформация ростков социализма при опоре на наиболее устойчивые (для социума, в котором эта траектория реализуется) – добуржуазные отношения (в наиболее явном виде была реализована в Китае).

В СССР с конца 20-х гг. Сталин стал все более насаждать патриархально-насильственные (добуржуазные методы) сохранения системы. Отсюда приоритет государства, аппарата насилия (типичные для позднефеодальных и азиатских социумов), полукрепостнических (колхозы, прописка) и полурабских (использование в массовых масштабах труда заключенных) форм труда, патриархальности, великодержавного шовинизма и т. п. Однако энергия собственно социалистической тенденции (и внутри СССР, и в мире), с одной стороны, ограничивала Сталина в его инволюции к добуржуазным институтам, с другой – служила опорой для сохранения и развития страны: СССР как не-социалистическая система в XX в. был бы уничтожен. Без опоры на

действительный массовый подвиг коммунистов и всех тех, кто их поддерживал в СССР и в мире наша страна бы не выжила и тем более никогда не победила в мировой войне.

Итак, реальный путь СССР при Сталине – это постепенное затухание (но не исчезновение) социалистической тенденции при неравномерном нарастании консервативно-реакционных тенденций.

Поставим проблему: возможен ли был путь воплощения первой траектории в несколько деформированном виде – при периодическом скатывании к разворачиванию 2-й и/или 3-й траекторий при ограничении и изживании последних? Возможно ли было строительство социализма на базе широкого использования форм экономики солидарности и социально-ограниченного рынка, ассоциированных и переходных (вплоть до акционерной) форм собственности, преимущественно формально свободного труда и частно-государственно-общественного партнерства, самоуправления и низовой, базисной демократии?

На мой взгляд, именно этот путь (в ином категориальном выражении) предлагал в конце своей жизни В.И. Ульянов. К похожей модели склонялся, насколько мне известно, Троцкий. Современный троцкизм предлагает именно такую программу социалистического строительства (в том числе и для среднеразвитых стран типа Венесуэлы).

Я уже не раз аргументировал ответ: да, возможен. Хотя в СССР он был бы гораздо более деформирован и близок к сталинизму, чем то, что начал делать в Чили 70-х г. Альендо, а на Кубе – Кастро и что пытается делать в Венесуэле Чавес. Причины большей деформированности возможной не-сталинской траектории СССР 20–30-х гг. и последующих годов – гораздо менее благоприятные условия. За нами не стоял, как за Кубой, СССР, у нас не было нефти Чавесовской Венесуэлы и т. п.

Позволю себе спорное утверждение: успех социальных преобразований в условиях минимально благоприятных объективных предпосылок (как это и было в СССР) зависит от (1) энергии социального творчества масс, (2) наличия стратегии, которая едва ли не единственно дает шанс на успех, (3) гения, способного постоянно строить тактику исходя как из стратегии, так и из постоянно радикально изменяющихся условий, вплоть до смены стратегии и локальных целей при сохранении конечных целей и постоянном упорном возврате к их реализации и (4) гвардии талантливых людей, искренне и самозабвенно отдающих свою жизнь реализации цели.

Именно так осуществляют великие открытия, прорываются в космос, побеждают в битвах, где у противника многократный перевес в численности и вооружении...

Так стояла и проблема в условиях великой развилки 20-х гг. в нашей стране. Существует известный вопрос: можно ли в свете сказанного считать только Троцкого продолжателем ленинской, большевистской тенденции в нашей стране?

С большими оговорками. Сам Троцкий был далеко не столь последователен в своих шагах, как этого требовала реализация 1-й траектории. Смею утверждать, что он не был столь целостным, последовательным, героически целеустремленным и талантливым до гениальности, сколь это было необходимо для того, чтобы возглавить реализацию собственно социалистического проекта. Пройти по лезвию бритвы и реализовать с относительно небольшими человеческими и культурными потерями один шанс из 100 (или 1000) партия большевиков, Ленинская гвардия, могли, но если бы автором и лидером проекта оставалась фигура столь же мощная, как Ленин. Троцкий таким не был. И соратники Ленина, и «рядовые» коммунисты это чувствовали.

Что касается 3-й траектории в ее советском виде, то здесь главным субъектом были не ассоциированные граждане и прогрессоры, спаянные с гениальным творцом, а масса полу- и просто патриархальных мещан и паразитирующей на них бюрократии – «серые». В этом случае великая личность гениального социального творца-стратега была не только не нужна, но и вредна. Здесь был необходим исключительно тактик, способный использовать любые средства для того, чтобы (1) укреплялась вся пирамида «серых» и (2) самому победить и побеждать конкурентов в этой кровавой, но, по сути, мышшиной возне. Возне, жертвами которой стали многочисленные ростки живого социального творчества, пожранные мышшиной массой. Для «серых» Сталин стал вполне адекватным воплощением-символом. А Джугашвили был едва ли не самой способной мышью и потому именно он оказался на вершине пирамиды. Далее вся масса «серых» оказалась заинтересована в сохранении символа-вождя (без него основанная на патриархальности и иерархическом подчинении добуржуазная мутация не может жить).

Один из парадоксов СССР состоял, однако, в том, что, как я уже отметил выше, вообще без социального творчества, в условиях абсолютного доминирования «серых» принципов, наша страна бы не выжила. Хитроумность Сталина и здесь сработала: он время от времени

возвращал к жизни ростки живого социального творчества, укрепляя тем самым власть той пирамиды, символом которой он был.

Почему в современной России популярен Сталин и не популярен Троцкий?

Ответ на первую часть вопроса уже был дан (в частности, в нашей книге «Сталин и распад СССР»). Коротко суть ответа состоит в том, что распад СССР вызвал реверсивные («попятные») исторические процессы возрождения brutальных форм позднего капитализма, густо замешанных на позднефеодальных механизмах насилия, что оказалось системой, в чем-то сходной со сталинизмом. Но только там патриархальность, насилие и бюрократия сопрягались с социальным патернализмом, давая и некоторые блага народу, а сейчас они сопрягаются с капиталистическими формами подчинения труда и обеспечивают блага все больше сращенному с бюрократией капиталу (оговорюсь: формы прямого политического насилия нынче развиты гораздо слабее, чем в СССР 30-х гг., и это благо и для народа). В результате патерналистские формы поддержки «рядовых» граждан оказались разрушены, а сталинский контекст – воспроизведен, причем в форме уже не столько трагедии, сколько фарса. Кроме того, распад СССР больно ударил по закономерной патриотической гордости граждан СССР своей страной. Плюс неточное с содержательной точки зрения, но поверхностно очевидное отождествление действительных (и ныне как никогда очевидных) достижений СССР с личностью вождя...

Что же до непопулярности Троцкого, то она связана с рядом причин.

На поверхности – десятилетия лжи и дискредитации этого деятеля, замалчивание его действительной роли в революции и в жизни СССР 20-х гг., продолжившиеся и после распада СССР. Троцкого подавляющее большинство россиян не знает вообще, а большая часть того меньшинства, которое хоть что-то знает, «знает» преимущественно ложь.

Но глубже лежит более сложный комплекс параметров. Те, кто знает, кто такой Троцкий и сам стоит на позициях демократии и социализма – сознательно; те, кто почти ничего не знает о Троцком, но тянется к не-сталинскому социализму – бессознательно; но большинство и тех и других недолюбливает Троцкого. Недолюбливает за... недостаток того героизма и той гениальности, которые – без всякого ложного пафоса – единственно могли дать ВЕЛИКОЙ Октябрьской социалистической революции, ВЕЛИКОМУ подвигу большевиков и всех тех, кто отдавал жизни строительству социализма в нашей стране,

шанс на победу пусть слабой, пусть далеко не всегда последовательной, но реальной демократической социалистической траектории. У нас этот шанс был. Троцкий не помог ему стать реальностью. Такого лидерам не прощают. И правильно.

«Хорош мужик, но не орёл».

А.И. Колганов

Я с самого начала хочу заявить, что я не согласен с постановкой вопроса, что в начале 20-х гг. перед нами была развилка, и мы имели возможность выбирать: двигаться ли по пути получше или похуже. Ситуация была несколько другой – невозможно было создать принципиально разные экономические модели, одна из которых – открывала путь к построению нормального социалистического общества, а другая не открывала, хотя и решала другие задачи. Проблема заключалась в том, что СССР попал в ситуацию, когда построение целостного социалистического общества было просто невозможно. И большевистской партии с этой ситуацией что-то надо было делать. Именно вот этой объективной невозможностью определялась острота тех противоречий, которые раздирали партию и привели ее к расколу и гибели. К полной гибели, потому что та партия, которая под названием ВКП(б) существовала в 1939 г., уже была другая партия, с другой программой, с другими членами и другой реальной политикой. И с другим уставом. Раскол в ВКП(б) произошел потому, что ответы на вопрос: «Что же делать в сложившейся ситуации?» давались очень близкие. У нас обычно не принято обращать внимание на то, что позиции основных противоборствующих политических сил, в начале и в середине 20-гг. были очень близкие. Те, кто это подмечает, иногда доходят до абсурда и говорят, что никаких реальных разногласий не было, а была просто «грызня» за власть. Это не так. Реальные разногласия были.

В ВКП(б) было три течения – большинство, которое возглавлял Сталин, левая оппозиция, которая не сводилась к троцкизму, потому что там были и такие полусталинские группировки, как «новая оппозиция», и гораздо более радикальные левые группы, чем троцкисты. И то течение, которое у нас обычно называют «правым уклоном». Оно как идеологическое течение существовало, но как политическая фракция не оформилось.

В чем состояла общность? Она выражалась в том, что все три течения понимали необходимость создания механизма жесткой и эф-

фективной концентрации хозяйственных ресурсов, понимали необходимость быстро создания крупного общественного земледелия, потому что без него не решить задачу индустриализации, они понимали необходимость культурной революции, потому что без этого также ничего сделать было нельзя. Все три течения сходились на том, что для решения этих задач большевистской партии необходимо удержать монополию на власть. Вот это была их общая платформа.

А дальше начинались разногласия – как это осуществить? Они разным образом отвечали на один очень принципиальный вопрос – о перспективах строительства социализма в СССР в условиях изоляции, т. е. можно ли построить социализм в одной отдельно взятой стране? Сталинское большинство отвечало категорически «да», Троцкий отвечал – «нет», Бухарин, так же как Сталин, отвечал – «да».

И отсюда вытекал целый ряд различных решений, которые влекли за собой целый ряд выводов и ответов на вопросы, которые стояли перед страной.

Сталин исходил из сложившихся фактов. Он прекрасно понимал, что рабочий класс утратил политическую и хозяйственную власть еще в ходе Гражданской войны, реальные попытки рабочего класса заявить свою претензию на власть в начале революции были, но в конце Гражданской войны от этого остались только символы. Поэтому Сталин естественно делал ставку на бюрократическую централизацию и политической и хозяйственной жизни. Основным средством концентрации хозяйственных ресурсов для индустриализации он считал жесткое изъятие ресурсов из деревни, не останавливаясь не перед чем. В несельскохозяйственных отраслях это было жесткое рacionamento, отсюда же вытекала и бюрократическая централизация партийного механизма.

Левая оппозиция тоже исходила из необходимости перераспределения ресурсов из деревни в пользу промышленности, как и Сталин. Теория первоначального социалистического накопления, которую развивал Преображенский, открыто об этом заявляла. Сталин открыто об этом не говорил вплоть до 1929 г., а они заявляли об этом с самого начала, не лицемерили в этом смысле. Однако методы этого перераспределения, как и методы создания общественного хозяйства в деревне, и методы управления процессом индустриализации в промышленности, рассматривались ими иначе, чем Сталиным.

Левая оппозиция провозглашала не бюрократическую централизацию основным инструментом, а максимальное использование инициативы и самостоятельности рабочего класса. Соответственно она от-

вергала и бюрократическую централизацию внутри партии, хотя и не имела никакого ясного решения о степени допущения беспартийных к рычагам политической власти. Для нее было безусловным решением сохранение монополии большевиков на власть, но до какой степени можно считаться с политическими интересами беспартийных – вопрос решался разными лидерами левой оппозиции по-разному.

Сторонники «правого уклона» поддерживали Сталина в признании возможности построения социализма в СССР, но у них была другая экономическая программа, они считали, что необходимо обязательное поддержание компромисса интересов с крестьянством, медленное продвижение в сторону эволюции мелкого крестьянского хозяйства к общественным формам земледелия, обеспечение индустриализации первоначально лишь в меру поддержки крестьянского рынка и крестьянского спроса, а уж затем по мере развертывания общественного земледелия и повышения продуктивности сельского хозяйства, мобилизация ресурсов для индустриализации страны в целом.

Фактически эта линия, хотя «правые» никогда об этом не говорили, неизбежно ставила вопрос об учете политических интересов буржуазных и мелкобуржуазных слоев в ходе вот такого социалистического строительства.

Таким образом, линия разногласий проходила в области методов решения задач движения к социализму. Потому что никто из лидеров и левой оппозиции и правого уклона не отвергал задачу движения к социализму. Хотя левая оппозиция и заявляла, что в изолированном СССР полноценная победа социализма невозможна, но нужно к социализму двигаться, используя все возможности. Они считали, что конечный успех этого связан только с мировой революцией.

Те методы, которые предлагал для решения вопросов строительства социализма Сталин, свидетельствовали о том, что он твердо намерен строить и построить, вот только что? Социализм ли? Те методы, которые предлагал Сталин для решения, расходились с основами социалистического общества. Поэтому вторая линия политического раскола ВКП(б), связанная с так называемым «большим террором», прошла между верхушкой сталинской фракции и большинством его сторонников. Когда Сталин повел за собой большинство, он говорил этому большинству, что под его руководством в стране будет построен социализм. И даже в 1936 г. объявил, что социализм в основном построен. Но для любого думающего человека возникали достаточно очевидные сомнения, в том, что это так. Сталин хотел ликвидировать потенциальных противников не только среди оппозиции, которая к

тому моменту уже была разгромлена, если не уничтожена физически, но и в рядах своих сторонников. Он требовал беспрекословного повиновения, что было достигнуто «большим террором». Консолидация большинства с начала 1930-х гг. подвергалась постоянным вызовам со стороны бывших сторонников Сталина. Он, в конце концов, решил это дело прекратить. И прекратил.

Проблема заключается в том, что при всем принципиальном различии позиций, ни одна из рассматриваемых платформ, не могла обеспечить победу социализма. Ни платформа левой оппозиции, ни платформа Сталина, ни платформа правых.

Если бы эти программы, что правых, что левых, начали реализовываться на практике, пришлось бы неизбежно в какой-то мере эволюционировать к сталинской политике. По какой причине?

Бухарин неизбежно столкнулся бы с тем, что крестьянство не желает вращаться в социализм и участвовать в социалистическом строительстве. Если дать ему хозяйственно укрепиться и рождаются буржуазные элементы, эти элементы начнут предъявлять не только экономические, но и политические претензии. Что-то с этим надо делать.

Троцкий и сторонники левой оппозиции, которые горели желанием опереться на инициативу и самостоятельность рабочего класса очень скоро убедились бы, что энтузиазм рабочих в организации производства, в контроле хозяйственной деятельности – дело очень полезное и важное, но целиком только на эту опору поставить строительство социализма невозможно. И в этом, кстати говоря, можно было убедиться еще на опыте первых месяцев советской власти. Что-то получается, но в масштабе целой страны – не тянет эта опора. Приходится ставить вторую подпорку в виде бюрократического государственного аппарата. Это не значит, что правая или левая оппозиция, получи они возможность реализовать свои государственные программы, повторили бы сталинскую политику, но определенное сближение было бы неизбежно.

Я делаю вывод, что реализация этих различных моделей разным образом влияла бы на исторические перспективы движения нашей страны к социализму.

Сталинская модель в конечном итоге, будучи успешно реализованной, доказала, что она закрывает путь к социализму. Она решает задачу хозяйственного возрождения страны, она решает многие геополитические задачи, но она закрывает путь к социализму. Это модель, не способная эволюционировать в социалистическом направлении. А вот, что касается той модели, которую предлагала левая оппо-

зиция, то там вопрос дальнейшей социалистической эволюции этой модели оставался открытым. При определенных благоприятных условиях такая эволюция была бы возможной. Хотя этого никто не гарантировал. Вовсе не обязательно, что эти благоприятные условия существовали бы. Тем не менее, ее социалистический потенциал, несомненно, выше, чем потенциал сталинской.

Что же касается программы «правых», я просто думаю, что она, в принципе, не могла быть реализована в том виде, в котором ее предлагал Бухарин. Она бы не удалась.

Б.Ф. Славин

Какова же роль Сталина в истории?

Я думаю, что ее нельзя связывать только с деятельностью Троцкого. Она определяется общими тенденциями развития советского общества. В нем, на мой взгляд, существовали две основные тенденции. Это не троцкизм и сталинизм, а ленинская демократическая тенденция, с одной стороны, и авторитарная сталинская тенденция, с другой. Первая пробивала себе дорогу в годы революции, нэпа, «оттепели» и перестройки, вторая в годы правления Сталина и «в застойные времена».

Конечно, нельзя вести разговор об этих тенденциях вне категории «социализм». Социализм выступал конечной целью всех революционных преобразований. Как же мыслился социализм сразу после Октябрьской революции? Как правило, большевики его отождествляли с коммунистическим обществом. Об этом свидетельствует многие меры политики «военного коммунизма»: продразверстка, бесплатный транспорт, бесплатные обеды в столовых, бесплатная почта и т. д. Однако по мере создания такого общества стало ясно, что Россия к нему не готова. Особенно это стало ясно после Кронштадтского мятежа с его главным лозунгом «Советы без коммунистов», и тамбовского восстания крестьян, отказавшихся принять политику «продразверстки». Ленин назвал эти события самым большим «национальным кризисом».

В ходе этого кризиса оживились разнообразные противники советской власти, заговорившие о провале «большевистского эксперимента» и возвращении назад к дооктябрьским временам. Ленин, признав ошибочность продолжения политики «военного коммунизма», напротив, считал, что власть, полученную в Октябре, нужно использовать более умело и двигаться вперед к социализму с учетом реалий, а

не утопических схем. Прежде всего, надо было отказаться от дискредитированных методов «военного коммунизма», и перейти к методам сугубо экономическим и культурным. Это и было, по Ленину, принципиальным изменением «всех прежних взглядов на социализм». Так родилась новая экономическая политика с ее посильным налогом для крестьян, и легализацией рыночных отношений. Эта политика целиком исходила из реальности, т. е. из признания существующей многоукладной экономики. В осмыслении этой реальности со всей силой проявился творческий гений Ленина, призвавшего строить социализм фактически с помощью капитализма. Это была оригинальная диалектическая идея, похожая на один из приемов известной японской борьбы: использовать для победы силы противника.

Не все понимали эту новую политику. Когда появились нэпманы, многие коммунисты стали говорить: «За что боролись»? Некоторые из них даже сводили счеты с жизнью, считая, что вожди предали революцию и ее идеалы. (Кстати, нечто подобное наблюдалось и в годы перестройки.) В 1920-е гг. Ленина называли правым большевиком. Он, в свою очередь, назвал левых противников нэпа «паникерами». Интересно как реагировал Троцкий на эту ситуацию? Есть его письмо к Ленину, которое я нашел в архиве. Он писал о том, что был на собрании молодежи и там ему задали вопрос: «Мы что, идем к капитализму»? В этой связи, Троцкий просил Ленина публично ответить на данный вопрос. Сам он ответил молодежи так: мы будем строить социализм с помощью капиталистических методов. Этот ответ был близок ленинским взглядам. Новая экономическая политика показала не отказ от социализма, а более сложное и противоречивое движение к нему.

Сталин в этих новых политических условиях сначала затаился, а потом быстро превратился из сторонника «военного коммунизма» в яркого нэповца. Он стал даже правее Ленина, требуя, например, как и Бухарин, полного отказа от монополии на внешнюю торговлю, что, кстати, могло нанести непоправимый ущерб государству. Уже после смерти Ленина, когда левая оппозиция во главе с Троцким потребовала перехода к индустриализации и предложила строить ДнепрогЭС, он стал насмехаться над этим требованием, как весьма далеким от крестьянских запросов. Однако после разгрома левой оппозиции, он сам неожиданно становится «сверхиндустриализатором».

Как известно, взаимоотношения Ленина и Сталина, после избрания последнего генсеком партии, были конфликтными, порою даже враждебными, и причиной этому являлась ошибочная, если хотите, несоциалистическая политика Сталина. Позднее Сталин говорил, что

Ленин не видел у него ни одной принципиальной ошибки, отмечая лишь его грубость. Но это было далеко не так. Ленин принципиально расходился со Сталиным по таким важнейшим политическим вопросам, как создание СССР, монополия внешней торговли, оценка деятельности Рабкрин, отношение к товарищам по партии, интернационализм и др. Именно поэтому он и предлагал в своем «Завещании» сместить его с поста генсека. Но в связи с прогрессирующей болезнью не сумел этого добиться. В итоге Сталин продолжил сосредотачивать в своих руках «необъятную власть».

Однако, как и предвидел Ленин, осторожно пользоваться ею, он не смог. Мало того, он создает собственный тоталитарный режим власти, держащийся с помощью постоянных репрессий. Думаю, на его месте Троцкий был бы, конечно, иным правителем, так как был более талантливым, более марксистски образованным и культурным человеком. Авторитет Троцкого после Октября и Гражданской войны был настолько высок, что многие считали его вторым человеком после Ленина. Это понимал и Сталин, предложив Троцкому сделать политический доклад на XII съезде партии, что было равносильно принятию на себя высшей власти в стране. Но Троцкий отказался от этого. Мало того, вопреки просьбе Ленина, он сказал, что не будет требовать на съезде организационных изменений в руководстве партии, то есть не будет настаивать на смещении Сталина с поста генсека. Здесь, на мой взгляд, он совершил самую большую политическую ошибку в своей жизни. При этом я не исключаю, что он не хотел стать высшим руководителем страны в силу своей еврейской национальности.

В тоже время, Сталин нисколько не смутился своей нерусской национальностью. Мало того, поняв, что Троцкий не будет претендовать на высшую власть в стране, он тут же обвинил его в сокрытии от партии последних работ Ленина. Возмущенный этим Троцкий потребовал создания комиссии для выяснения данного вопроса. В итоге созданная комиссия признала, что Троцкий ничего не утаивал от партии. Тем не менее, Троцкий, хорошо знавший о сути «Завещания» Ленина, остался главным врагом Сталина. Их противоборство на многие годы определило политическую жизнь страны. Со своей стороны Сталин сделал все, чтобы это «Завещание» было надолго, вплоть до XX съезда КПСС, скрыто от рядовых членов партии.

Став полновластным хозяином страны, Сталин отказывается от ленинской политики нэпа, на продолжении которой, в частности, настаивал Бухарин. Вопреки учению Ленина о добровольной кооперации, он проводит насильственную коллективизацию, выкачивая по-

следние ресурсы из деревни для нужд индустриализации. В итоге произошла длительная стагнация сельского хозяйства, не считая голода и трагедии миллионов в эти годы.

Отменив нэп, Сталин фактически возвратил страну ко временам политики «военного коммунизма». Выдвинув псевдомарксистскую концепцию обострения классовой борьбы по мере приближения к социализму, Сталин реализует ее путем ликвидации любых проявлений оппозиционности к его политическому курсу. Одновременно все негативные последствия своих ошибок он перекладывает на других, фабрикуя соответствующие уголовные дела и процессы. Фактически он расправлялся со всеми, кто мешал становлению его абсолютной власти. В итоге были физически уничтожены все члены ленинского политбюро, тысячи ветеранов партии и революции, сотни тысяч часто ни в чём не повинных граждан страны. Характерно, что в репрессивной практике Сталина статья о связи с Троцким стала самой страшной статьёй. Однако Сталин на этом не успокоился, пока с помощью ледоруба в далекой Мексике не расквитался со своим главным противником, предлагавшим совсем иную альтернативу для России. Эта альтернатива была, конечно, лучше и демократичнее, чем тот тоталитарный режим, который создал Сталин. Чтобы в этом убедиться, достаточно прочитать его «Преданную революцию» – главную, на мой взгляд, марксистскую работу, написанную после смерти Ленина. В ней он объективно показал, в какое болото может свалиться СССР под руководством Сталина.

Сегодня многие считают, что Сталин был продолжателем дела Ленина. Но нет ничего более далекого от истины. Ленин был лидером Октябрьской революции, создателем советского государства, главным архитектором модели создания социализма в малоразвитой стране. А кем был Сталин? Он был творцом тоталитарного режима власти, своеобразным могильщиком революции и идеи социализма. Его режим имел двойственную природу: с одной стороны он вынужден был сохранять завоевания революции, с другой, он их последовательно подрывал. Как известно, Троцкий хотел осуществить революцию против сталинского режима власти, чтобы сохранить основы социалистического строя, заложенные Октябрем. В этом же русле следует понимать его позицию по отношению к надвигающейся войне с фашистской Германией. Прогнозируя неизбежность этой войны, он предложил всем левым и демократическим силам встать на защиту Советского Союза. По его мнению, в этой войне они будут защищать не режим Сталина, а советский народ и дело Октябрьской революции. Харак-

терно, что именно в это время Сталин обвиняет Троцкого в сговоре с фашизмом, а высшие военные кадры страны в сговоре с Троцким. Итог: уничтожение этих кадров накануне войны. Таким был на деле «гений» Сталина. Военные поражения, смерть и пленение сотен тысяч солдат в начале войны – во многом на его совести.

Некоторые, в том числе сидящие в этом зале считают Сталина творческим деятелем в отличие от доктринера Ленина. На мой взгляд, это глубоко ошибочный взгляд. Напротив, он отличался от Ленина как раз своим доктринерством, присущим всем диктаторам. В теории он свел марксизм к ряду догм, отход от которых считал преступлением. Что касается политической борьбы, то он владел лишь одним ее методом – «секир башка», другие методы он считал «гнилым» либерализмом. В этом смысле, он прямая противоположность Ленина и Троцкого, умевших ценить не только соратников, не только «спецов», но и своих идейных противников, нередко говорящих классовую правду. В этой связи я не думаю, что сталинизм, как репрессивная политика Сталина, был необходимым явлением в истории нашей страны.

Мой общий вывод таков: сталинизм нанес незаживающую рану всему мировому левому движению. Не случайно его признают наиболее «эффективным» инструментом в борьбе против марксизма и социализма. Вот почему его нужно вырезать, как раковую опухоль, из этого движения, если мы не хотим его окончательно погубить.

Э.Н. Рудык

Склонен согласиться с выводом А.И. Колганова о том, что реализация мер, предлагаемых лидерами трёх основных течений внутри большевистской партии (И.В. Сталиным, Л.Д. Троцким, Н.И. Бухариным), не могла по объективным причинам обеспечить победу социализма в нашей стране. Прежде всего, отсутствие необходимых экономических, социальных и культурных его предпосылок, крах надежд на скорую мировую социалистическую революцию, положение советской России как «осаждённой крепости», преобладание антикапиталистических, но отнюдь не социалистических настроений в крестьянской среде – абсолютно преобладающей в стране.

В создавшихся условиях возможно было только формирование лишь отдельных элементов социализма, нередко в деформированном виде. Дело, главным образом не в личности И.В. Сталина (не снимая с него ответственности за известные всем его ошибки и преступления, заметим, не только его, но и его главных политических оппонентов).

Геополитическое положение России, нарастающая угроза войны в условиях крайне неблагоприятного соотношения экономического и военного потенциалов СССР и его потенциальных противников (Англия, Польша, Финляндия и др.) и реальных, в первую очередь, национал-социалистической Германии и её союзников объективно оставляли узкий коридор для действий политического руководства страны. Они известны: проведение в кратчайшие сроки индустриализации, насильственной коллективизации, перевод народного хозяйства на военные рельсы, создание экономики мобилизационного типа с её известными достоинствами и недостатками и ряд других мер. Подобного рода реформы осуществлялись на основе бюрократической централизации власти в экономике и в политике. Рабочий класс, как верно заметил Колганов, был фактически отстранен от экономической и политической власти. Заметим только, что это произошло ещё при жизни В.И. Ленина.

Сталинское руководство было поставлено перед выбором.

Выбор первый. Признать, что Октябрь вынужден решать проблемы не социалистической революции, а, в лучшем случае, антикапиталистической революции, что социалистический эксперимент в отдельно взятой стране, причём неразвитой, фактически провалился (оставим в стороне вопрос о политической цене реакции в стране на подобного рода признания).

Выбор второй. Строить, а в последствии заявить о построении того, что после смерти Сталина получило название «реальный социализм» с его немалыми достижениями, особенно на фоне нынешней российской реальности (неудивительно, что в «протестующей» России популярен Сталин как символ национального сопротивления и не популярен Троцкий. И не только. Портретов Ленина практически также не носят, но это отдельная тема) и поражениями, которые способствовали дискредитации, надеюсь временно, самой идеи социализма.

Р.С. Дзарасов

А. Бузгалин совершенно справедливо видит в Троцком и Сталине персонификацию «двух объективно противоречивых тенденций, порожденных Октябрьской революцией 1917 года». Можно даже сказать больше – они выражают две коренные традиции культурно - исторического развития России.

В самом деле, для русской философии истории общим местом является утверждение о том, что Россия это не Восток и не Запад, а свое-

образный Востоко-Запад. (Этот культурно-исторический взгляд на промежуточное положение нашей страны вполне соответствует социально-экономическому понятию полу-периферии Валлерстайна.) Ярким подтверждением данного взгляда является история революционного движения в нашей стране.

Основатель русского социализма Герцен взял идею социализма в Европе, но оплодотворил он ею идею общины, взятую у славянофилов. (Согласно известному высказыванию Герцена, в его время славянофилы и западники подобно двуглавному орлу смотрели в разные стороны, но сердце у них билось одно.) В дальнейшем произошел раскол русского революционного движения на революционные почвенничество и западничество. Народники считали, что в результате крестьянской революции Россия перейдет к социализму на основе общины, тем самым избежав капитализма. Социал-демократы полагали, что путь к социализму лежит через развитие капитализма европейского типа.

Однако марксисты также раскололись на два крупных лагеря: последовательных западников (меньшевики) и марксистов, впитавших элементы народничества (большевики). В самом деле, меньшевики придерживались концепции двух стадий развития России, когда буржуазно-демократическая революция дает простор развитию капитализма, и лишь закономерный крах последнего вызывает социалистическую революцию. В противовес этому, теории перманентной революции (Троцкий) и перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (Ленин) говорят о невозможности для русской революции остановиться на буржуазно-демократической стадии и неизбежности ее перехода к социалистической фазе. Но ведь это не что иное, как выраженная другими словами мысль народников о невозможности развития капитализма в России. Именно догматическая приверженность меньшевизма ортодоксальному, т. е. европейскому марксизму заставила их верить в революционный потенциал русской буржуазии, и отказать в революционности русскому крестьянству. Именно синтетический, полу-народнический характер большевизма позволил ему допустить, что буржуазия не станет гегемоном буржуазно-демократической революции, а вот крестьянство станет главным союзником рабочих масс. Впрочем, большевизм лишь отчасти впитал народничество, в другой своей части он все же принадлежал европейскому марксизму. Проявилось это в убеждении, что Россия сможет лишь начать социалистическую революцию, победа которой возможна лишь в мировом масштабе, когда к ней присоединится Запад. Возможности построения социализма в одной отдельно взятой

стране такое мировоззрение не допускает. Именно двойственная природа большевизма стала важнейшей предпосылкой его победы. Она же, по-видимому, стала и причиной его последующей трагедии.

После победы русской революции большевизм должен был расколоться. В этом я вижу смысл парадоксального утверждения Виктора Сержа о «поражении в победе русской революции». Троцкий выражал убеждение в том, что судьба социализма в России зависит от судеб мировой революции. Он символизировал европейскую «душу» большевизма. Но мировая революция потерпела поражение, и это объективно выдвигало на первый план азиатскую «душу» большевизма. Ее воплощал Сталин. Его победа над Троцким отразила объективный ход мировой истории, приведшей в 20-е гг. к спаду мирового революционного процесса. Когда помощь, ожидавшаяся от европейского пролетариата, не пришла, растревоженное революцией русское общество неизбежно стало строить новую жизнь на основе своих традиционных ценностей. Выражением триумфа азиатского почвенничества над европейским марксизмом стало «строительство социализма в одной, отдельно взятой стране».

Однако следует отличать грубую азиатчину Сталина, выразившего варварские, деспотические традиции нашего общества, от народничества правой оппозиции. На нашем обсуждении, на мой взгляд, проявилась недооценка глубины и оригинальности бухаринского пути к социализму. Говорилось, в частности, что к 1929 г. «Нэп исчерпал себя». Из этого вытекает позиция, разделявшаяся целым рядом выступавших о том, что сталинские репрессии, хоть и являются фактом печальным, но будто были объективно необходимы, чтобы осуществить индустриализацию, без которой страна была бы уничтожена фашизмом. Из этого вытекает, что будто бы Бухарин и Троцкий не понимали необходимости индустриализации. В действительности именно Бухарину и Троцкому принадлежит оригинальная постановка вопроса об индустриализации, о чем я подробнее скажу ниже. А вот сталинский путь «большого скачка» в промышленности, коллективизация и массовый террор не только не ускорили, но, наоборот, резко замедлили индустриализацию.

Альфой и омегой марксистской теории экономического роста является положение о том, что темпы роста определяются пропорциями народного хозяйства. Никто в 1920-е гг. не выразил этого столь ясно, как Бухарин. В «Заметках экономиста» 1928 г. он писал, что максимизация темпов индустриализации является главной целью, но она не решается простым актом принятия напряженного плана, ибо нельзя

построить нынешнюю фабрику из будущих кирпичей. Иными словами, если у вас есть железа, стекла и бетона только на пять заводов, а вы закладываете в план строительство восьми, то в результате вы получите только три. Материалы еще на два завода, которые могли бы быть пущены в срок, будут омертвлены на пяти долгостроях. Оперирова данными отраслевых балансов народного хозяйства о растущем дефиците инвестиционных товаров, Бухарин показал завышение планов капитального строительства на десятки процентов, ведущее к хроническому долгострою, т. е. диспропорциям, инфляции, падению реальной заработной платы, снижению стимулов к качественному труду, и самое главное – к падению темпов индустриализации. Частью проблемы пропорций было соотношение сельского хозяйства и промышленности, имевшее значение, выходявшее далеко за пределы только экономической политики. Бухарин понимал, что главным источником накоплений для индустриализации является крестьянское хозяйство. Однако он считал необходимым изымать из крестьянства лишь столько дохода, чтобы не подорвать его накопление и прогрессивный рост. Если все хапнуть сразу, то текущие доходы государства повысятся, но уже на следующий год крестьяне неизбежно сократят посевы. Что делать тогда? Таким образом, Бухарин прекрасно понимал жизненную важность индустриализации. Но, будучи в отличие от Сталина квалифицированным экономистом, он видел путь к ней в сбалансированности народного хозяйства, дающей максимальные темпы роста именно на том временном горизонте в два мирных десятилетия, которые история отвела стране до начала войны.

Надо считаться с тем, что фактически Бухарин выражал на языке партийной политики обобщенную позицию выдающихся отечественных экономистов 1920-х гг. Практически все из них – и эсеры, и меньшевики, и большевики – при всех своих прочих различиях отстаивали нэп как единство плана и рынка, и видели в этом единстве главное условие эффективной индустриализации. В их работах, в частности, показано, что экономические затруднения второй половины 1920-х гг. отражали не недостаток инвестиций в тяжелую промышленность, а непропорциональное распределение имевшихся капиталовложений по народному хозяйству. Пресловутые «хозяйственные затруднения» 1920-х гг. не являлись каким-то фатальным кризисом, а представляли собой проблемы роста, присущие любым динамичным экономикам, и разрешимые путем проб и ошибок. Именно так произошло, когда в 1926 г. нереалистично высокие планы предыдущего года привели к кризису хлебозаготовок и товарному голоду. (По остроумному выра-

жению Каменева: мы собрались регулировать мужика, а мужичок взял да регульнул нас.) Характерно, что срочное понижение планов от максимальных к оптимальным, т. е. приближение к сбалансированности, привело к существенному росту хлебозаготовок и повышению темпов роста промышленности. Во всяком случае, «кризисы нэпа» были гораздо менее глубокими, чем «хозяйственные затруднения» Запада в 1929–1933 гг. Однако Запад не стал преодолевать свои проблемы путем разрушительных «больших скачков», уничтожения фермерства и массового избиения своих трудящихся и интеллигенции. Вместо этого он адаптировал к своим условиям разумное из нашего опыта именно в те годы, когда мы на пороге войны с упоением придались паранойе самоистребления.

В 1920-е гг. звучала и критика нэпа со стороны левых коммунистов, утверждавших, что обогащение крестьянства приведет к реставрации капитализма. Бухарин давал убедительный ответ: в наших руках крупная промышленность, транспорт, налоги, кредит, монополия внешней торговли и другие рычаги. Развивайте кооперацию, поставляйте частнику машины по рыночной цене, а кооперации со скидкой, кредитуйте частника по высокому проценту, а кооператив по низкому, установите разные налоги и закупочные цены и т. д., т. е. занимайтесь планированием и регулированием.

Прозвучавшее здесь категорическое утверждение о принципиальной исчерпанности нэпа к концу 1920-х гг. звучит для меня странно. Оно предполагает, что перспективным надо признать либо всеохватывающее сталинское планирование, либо свободный рынок *laissez faire*. Между тем, весь XX в. прошел под знаком поиска эффективного соединения рынка и государства: кейнсианство, азиатская модель, социалистическая ориентация в развивающихся странах, реформы Косыгина. Советский нэп первым проложил путь в этом направлении, но как часто бывает в нашей истории, воспользовались этим открытием не мы, а более разумные народы, менее склонные терзать себя всякой причиной. Либеральный теоретик Мизес отверг идею планирования на том основании, что в экономике без свободных цен нет объективного мерилa стоимостных оценок. Бухарин возразил на это, что в советском хозяйстве план опирается на сигналы рынка, а рыночные сделки отражают плановые пропорции. Это был достойный ответ идейному противнику в 1920-е гг., но после свертывания нэпа он потерял силу, и Мизес задним числом (если так можно выразиться) стал прав в этом вопросе. В своей идее об органическом единстве планового и рыночного секторов правые смотрели глубже троцкистов 1920-х гг. Теоретик

последних Преображенский рассматривал социалистический и капиталистический уклад исключительно как антагонистов. В своей выдающейся, поздней работе «Преданная революция» 1936 г. Троцкий негласно признал правоту Бухарина².

Преимущества нэпа контрастно выступили после его сворачивания. Сталинский «большой скачок» в индустриализации осуществлялся на основе произвольно завышенных темпов, не обоснованных расчетом соответствующих пропорций народного хозяйства. Результатом стало «выполнение» первой пятилетки только на 51% (!), т. е. грубый провал плана, означавший дикие диспропорции народного хозяйства, и соответствующее снижение темпов роста по сравнению с возможными на основе научного (бухаринского) планирования. Без лишнего шума сталинское руководство признало правоту бухаринцев, снизив темпы, заложенные во второй пятилетний план. Он был выполнен уже на 70%, т. е. провален несколько меньше, благодаря чему реальные темпы роста возросли. Именно омертвление экономических ресурсов, небывалое в истории разбазаривание общественно-необходимого труда и поставило насильственную коллективизацию в повестку дня. Изнасиловать и ограбить крестьянство надо было не потому, что без этого якобы нельзя выиграть войну (мысль более чем странная), а потому, что без этого нельзя покрывать текущие диспропорции волюнтаристского планирования. В краткосрочном плане спасая режим, коллективизация разрушила сельское хозяйство, подрывая источники накопления для индустриализации и ослабляя оборону страны. Провальность сталинской стратегии в еще более яркой форме показывает опыт маоистского Китая. Вдохновленный советским примером, но исполненный с еще большим варварством «большой скачок» 1950-х гг. привел в этой стране к такому нарушению пропорций народного хозяйства, что вызвал массовый голод, унесший жизни 30 (!) млн человек. Последовавшая в 1960-е гг. «культурная революция» позволила разбить многие «собачьи головы», но не помогла догнать Америку.

² Он писал, что не социалистическое по своей природе советское общество насилуется исключением рынка по идеологическим мотивам. В результате отсутствия рыночных цен неполноценными становятся деньги и зарплата. Советское хозяйство оказывается способно лишь втридорога копировать западные предприятия, но не может достичь западного качества, неизбежно проигрывая соревнование с капитализмом. Книга Троцкого является обобщенным выражением критической мысли всех внутрипартийных оппозиций.

Сталин отвечал на критику своей стратегии, что, мол, индустриализация – это не только стекло и бетон, но и наша решимость во что бы то ни стало выполнить план. Лидер одной из групп внутрипартийной оппозиции Мартемьян Рютин справедливо возразил в том духе, что тот, кто призывает нас восполнить недостаток стекла и бетона решимостью выполнить план, занимается не планированием, а бессовестной демагогией.

Не следует сбрасывать со счетов и непомерные морально-политические издержки сталинского курса – разочарование миллионов в стране и за рубежом в светлых идеалах социализма. Оно, в частности, выразилось в малоизвестном и малоизученном факте стремительного роста антисталинских группировок и выступлений против режима в партийной среде, государственном аппарате, армии и спецслужбах. Именно это вызвало массовый безразборный террор. Он имел рациональный смысл – превентивное истребление целых слоев общества, являвшихся носителями социалистических ценностей, и в силу этого, не принявших сталинский «термидор». Последствия «большого скачка» и обусловленного им «большого террора» далеко еще не осмыслены до конца. Среди них: предательство международного коммунизма, позорное отступление перед лицом фашизма в Европе 1930-х гг., непомерная цена победы в войне, неспособность конкурировать с западными обществами, наконец, окончательный крах советского строя. По большому счету, именно торжество «азиатского» коммунизма Сталина привело к утрате исторической инициативы нашей страны в борьбе с Западом. Историк Дональд Сассун как-то сказал, что идеал коммунистов был очень высоким, но «нельзя подняться так высоко на крыльях, пропитанных кровью». Это сказано совершенно несправедливо по адресу коммунистов Запада, но было бы совершенно верно в отношении советского сталинизма.

Упрек в адрес Троцкого в недостатке гениальности мне непонятен, а в недостатке героизма кажется несправедливым. Мне кажется, что Троцкий наиболее велик не в момент своего триумфа как вождя русской революции и создателя Красной Армии, а в момент, когда он сам попал в жернова истории. Мало кто повел себя в сходных обстоятельствах с таким же достоинством и стойкостью старого воина. С позиций сегодняшнего дня победа Сталина выглядит именно «мышинной», как правильно сказано А. Бузгалиным. Историческая правота Троцкого против Сталина доказана крахом СССР.

Причина популярности Сталина и непопулярности Троцкого в нашей стране мне видится в кризисе идеи и практики социализма в

современном мире. Тезис Фукуямы о конце истории, констатирующий упадок универсальных идеологий, альтернативных либерализму, пока не опровергнут ходом истории. В этих условиях антикапиталистическая борьба принимает извращенную форму «столкновения цивилизаций», когда противостояние Западу опирается на почвеннические ценности. Например, исламский экстремизм явно является замещением социалистической ориентации в национально-освободительном движении мусульманских народов. Естественно в таких условиях, что в России доминирует почвенническое, а не западническое противостояние капитализму, обращающееся к своему главному символу XX в.

Однако следует отметить и важное отличие сталинизма, свойственного молодежи, не знавшей советской эпохи, от сталинизма старшего поколения. Если для последнего Сталин является символом тоталитарной мощи, «красным императором» («При Сталине был порядок»), то для молодежи это, прежде всего, социальный революционер. В не очень культурном, но возмущенном окружающей действительностью сознании, жертвы террора 1930-х гг. это те, кто хотел навязать нашему обществу сегодняшний варварский капитализм. Такова аберрация исторической памяти. Но восхищение Сталиным со стороны молодежи это еще и ее мечта о вожде, который поведет угнетенных в бой против олигархов, взяточников и предателей, и изменит нашу жизнь к лучшему. (Речевка национал-большевиков: «Завершим реформы так: Сталин, Берия, ГУЛАГ!») В искаженном мире молодого сталиниста, Сталин занимает непривычное для него место лидера социальной революции, которое в жизни занимали Ленин и Троцкий. По мере неизбежного краха почвеннических ценностей восприятие революционеров обязательно будет меняться. Чтобы этот день приблизился, необходимо в том числе поддерживать традицию научного осмысления наследия как Троцкого, так и Бухарина.

А.А. Сорокин

Я хотел бы затронуть вопрос, который как-то не прозвучал. О сталинской модели мы говорим, что это был союз с бюрократией и опора на бюрократию, но при этом необходимо помнить, что это был и механизм регулирования бюрократии методом террора. Это, кстати, одна из основ популярности нынешнего низового сталинизма: «Сталина на них нет». Но террор не мог быть постоянным. И это постепенно превратилось в загнивание системы. В позднебрежневские времена, это был уже откровенный маразм. Отсутствовали внутренние меха-

низмы саморазвития. Сталинская модель закрыла не только дорогу к социализму, но и дорогу к долгосрочному социально-экономическому развитию страны. Она не просуществовала и сорока лет. Достижения геополитические, экономические, о которых говорил Колганов А.И., рухнули с распадом СССР. Не совсем я согласен и с Рудыком Э.Н., который предлагает отойти от личностных оценок. Да, курс на ускоренную индустриализацию за счёт аграрного сектора был неизбежен в любом случае, но механизмы реализации этой стратегии могли значительно различаться. Отличие Сталина и Троцкого в том, что у них были разные горизонты видения проблем. По образованию, по опыту, по старым связям с европейской социал-демократией у Троцкого было понимание места России и её революции в мировом контексте, их перспектив. У Сталина, как здесь уже говорилось, сильны были черты «азиатчины» и склонность к автаркии. Может он был хороший тактик, но плохой стратег. Вспомним, что Сталин в 1917 г. достаточно долго поддерживал Временное правительство, когда уже Ленин выдвинул свои апрельские тезисы. Да и поддержка в начале позиции Бухарина была связана, не только со стремлением удержать власть, но и отсутствием понимания границ нэпа. Троцкий же смог ещё в 1930-е гг. пророчески отметить, что «придет время, когда сталинская бюрократия будет менять власть на собственность».

Необходимо также отметить, что сталинская модель давала неоправданно большую потерю человеческого потенциала. Тех же целей можно было добиться с гораздо меньшими жертвами. Я в прошлом году ознакомился с следственным делом своего деда. Это была группа квалифицированных рабочих, машинистов тульского депо, которые в 1936 г. были осуждены за антисоветскую агитацию и создание контрреволюционной организации. Многие из них были членами партии, участвовали в рабочем движении ещё до революции. Они публично высказывали недовольство ухудшением материального положения рабочих, условий труда, техники безопасности. Но большинство из них не участвовало даже во внутрипартийной борьбе в 1920-е гг. В результате 17 квалифицированных машинистов отправляются в лагеря. Насколько это помогло улучшить работу железной дороги? А сколько таких было среди инженеров, ученых, военных и т. д. Это ведь были люди, которые в большинстве своем не боролись за власть, а многие были просто убежденными сталинистами. Сколько это принесло вреда социально-экономическому развитию страны? Вспомним, что тот же Ленин старался использовать в хозяйственном строительстве не толь-

ко беспартийных специалистов, но и своих политических противников – меньшевиков, эсеров, кадетов.

Я не думаю, что Троцкий мог бы укрепиться без жестокой внутрипартийной борьбы, даже может быть с элементами репрессии. Но я сомневаюсь, что террор дошел бы до низового уровня, захватив огромные массы невинных.

В.М. Межуев

Хотя для А.В. Бузгалина Троцкий и Сталин – всего лишь символы, в истории действовали все же не символы, а живые люди. Символами они стали в нашей голове. И еще вопрос, что обозначают этими символами – то, что было в действительности, или то, за что мы хотим ее выдать. Для А.В. Бузгалина вся советская история вращалась вокруг одной лишь экономической оси. Если в чем и расходились Троцкий и Сталин, то только в понимании экономической модели социализма. Надо совсем не чувствовать истории, чтобы утверждать, что именно вопросы экономического строительства социализма развели их по разные стороны. По части экономики Сталин впоследствии многое взял у того же Троцкого. Да и не экономика интересовала его в первую очередь. Сталин столкнулся с Троцким в борьбе за власть, а это совсем другая проблема, весьма далекая от экономики.

Судить о том, кем был Троцкий, сравнивая его со Сталиным, вообще невозможно. Он начал писать о Сталине, находясь в эмиграции, а до того никогда не принимал его всерьез. Он считал Сталина полным ничтожеством, посредственностью, не игравшей в партии никакой заметной и самостоятельной политической и теоретической роли. Очевидно, Троцкий просчитался и не учел, что Сталин силен в другом – в умении плести партийные интриги. Войну с Троцким после смерти Ленина начал Сталин, причем первоначально в союзе с Зиновьевым и Каменевым, не желавшими прихода Троцкого к власти. Понять самого Троцкого можно лишь в сравнении с Лениным. Троцкий, видимо, никогда не считал себя большевиком, и фраза Ленина о том, что большевизм Троцкого можно поставить под сомнение, не случайна. Троцкий, как известно, весьма низко оценивал руководителей большевистской партии, считал их мелкими людьми за исключением Ленина, перед которым искренне преклонялся. Троцкий вообще не считал себя партийным функционером и, по-моему, не очень высоко оценивал роль партий в революционном движении. Он больше видел себя в роли руководителя революционных масс, народного трибуна. Если Ленин в

борьбе за власть главную ставку делал на партию, то Троцкий – на революционные массы, организованные в Советы. Он и был организатором и председателем первых Советов. Внутривнутрипартийные споры его мало интересовали. Троцкий – прирожденный революционер, считавший мировую революцию главным делом своей жизни, своим истинным призванием. Талант революционера, способного повести за собой массы, у него, несомненно, был. Его вдохновляли не идейные, а реальные битвы. В период революции такие люди всегда на первом месте, но с наступлением мирного времени они, как правило, уходят на второй план. Хотя революция совершалась под лозунгом «Вся власть Советам!», во главе которых стоял Троцкий, с победой революции и окончанием гражданской войны решающая роль в руководстве страной, естественно, перешла от Советов к партии. Партия как бы подмяла под себя Советы. Наступило время совсем других людей – не революционеров и военных стратегов, а государственных и партийных бюрократов. Со спадом революционной волны политическое поражение Троцкого было исторически предreshено, но цену этому поражению определил Сталин.

Кем же был Сталин? Здесь я, пожалуй, соглашусь с Б. Славиним. Вся суть сталинизма можно выразить в формуле: «социализм – это я». В чисто личном плане Сталин, конечно – полный антипод революционера, признающий в качестве метода руководства страной только собственную и ничем не ограниченную власть. Борьбу за власть он понимал не как борьбу за победу своего класса, партии и даже государства, а как борьбу за личную власть с возможными или предполагаемыми политическими соперниками, даже если они принадлежали к одному с ним лагерю. В такой борьбе он использовал любые средства, не считаясь с нормами и правилами поведения, принятыми даже в собственной среде. Он не признавал никаких соратников, видя во всех только орудие своей власти. Психологически Сталин, конечно, уникал, беспредельная жестокость и властолюбие которого не только поражают, но и представляют собой неразрешимую загадку для нормального человека. Его мышление свободно от предписаний какого-либо «кодекса чести», в нем отчетливо проступают следы врожденной нравственной патологии и уголовного прошлого. Ему неведомо чувство любви к людям, сострадание и милосердие. Сталин, действительно, превосходил всех по масштабам злодейства, на которое был способен, что и стало главной причиной его возвышения в партии, и без него не страдавшей от избытка гуманизма. Был ли он коммунистом? Я в этом сильно сомневаюсь. Коммунизм для него, скорее – только идеологическое при-

крытие для утверждения собственной власти. Он легко отказывался от коммунистической риторики, заключая, например, соглашение с Гитлером, распуская III Интернационал, отменяя гимн под тем же названием, уничтожая руководителей зарубежных компартий, возрождая имперскую и великодержавную символику. Мировое коммунистическое движение, как я понимаю, было для него лишь условным обозначением личной преданности ему. Тот не коммунист, кто не видит в нем вождя мирового пролетариата и отца всех народов.

Но сталинизм – это не только массовый террор и ГУЛАГ, с чем его обычно отождествляют, но и созданный Сталиным миф о победившем социализме. Суть этого мифа – в отождествлении социалистической идеи с реальностью. Реальность была выдана за то, чем она никогда не была. Ленину, думаю, в голову не пришло бы называть созданный Сталиным строй с его полуфеодальным принуждением к труду и государственным насилием над личностью социализмом. В конце жизни он, как известно, пришел к выводу, что социализм нельзя построить насильственным путем (посредством насилия можно взять власть, но нельзя построить социализм), что социализм рождается в результате не политической, а культурной революции (частью которой и стал нэп). Сталин же именно в насилии увидел метод построения социализма, объявив, что при социализме происходит обострение классовой борьбы. Классовая борьба при социализме – абсолютно антимарксистская и антиленинская идея. Но она и стала идеологическим обоснованием политики репрессий. Иное дело, что многие поверили в этот миф. Сталинизм, как я его понимаю, есть вера в то, что мы жили при социализме, что никаким другим он быть не может. Многие и сейчас в это верят. Таких людей, независимо от того, как они лично относятся к Сталину, я и называю сталинистами. Возможно, и Сталин верил в построенный им социализм, но почему мы должны верить Сталину? Сталинисты для меня – это те, кто вместе с ним разделяет эту веру. При этом неважно, одобряют они созданный Сталиным режим или нет. Главное, что считают его социалистическим. Пусть одни на этом основании отвергают социализм, а другие защищают сталинизм, в любом случае они – сталинисты, поскольку мыслят по-сталински, верят в то, во что верил он, или только делал вид, что верит.

Сталинизм, таким образом, – не только террор, но и вера. Слепая вера часто влечет за собой террор, а террор, как правило, основывается на вере. Любая авторитарная власть нуждается в вере, но если традиционная власть строилась на вере в Бога, то власть тоталитарная, не будучи наследственной и традиционной, строится на вере в вождя, в

его высшую мудрость и справедливость. Вождь заменяет здесь собой Бога. Все сказанное им обретает значение абсолютной истины, не нуждающейся ни в каком доказательстве. Раз вождь сказал, что на дворе социализм, значит, так оно и есть, и спорить тут не о чем. А кто спорит и сомневается, тот враг, а враг, как известно, если не сдается, то его уничтожают. Именно на вере, а не на знании основывается власть вождя (как в племени, так и в государстве). На вере основывалась и власть Сталина. Эта вера давала его безграничной власти необходимую легитимацию, обосновывала и оправдывала ее.

В действительности под видом социализма Сталин воспроизвел традиционную для России систему самовластия, придав ей характер тоталитарной власти. Для того и потребовался новый – не религиозный, а псевдорелигиозный – тип веры, веры не в Бога, а в идею, персонафицированную в образе вождя. Такой идеей и стала идея социализма, проделавшая как бы обратный путь от науки не к утопии даже, а к мифу. То, что было идеей, по велению Сталина стало реальностью. Разумеется, идею надо было для этого несколько подправить подкорректировать, придать ей надлежащий вид. То, что в результате она перестала походить на то, чем была в теории, не беда, на то и «творческое развитие марксизма», хотя в роли творца позволено было выступать опять же только вождю. Да что идея. Сталин был способен в угоду своей власти переписать всю историю. Наука, образование, искусство, все средства информации и печати работали на пропаганду созданного им мифа о самом справедливом, свободном и счастливом обществе, построенном под его водительством в СССР. Убеждали самых непонятливых и сомневающихся, и не обязательно с помощью одной лишь пропаганды, страх за собственную жизнь был не менее веским аргументом.

Неудивительно, что миф сохранился и после того, как был развенчан сам Сталин. Сталин ушел, а миф о победившем социализме остался. Собственно, и после Сталина советская история развивалась под властью того же мифа. Даже в период «оттепели», покончившей с массовым террором и осудившей Сталина за его злодеяния, сталинский миф о построенном социализме продолжал внедряться в массовое сознание. Сталина критиковали не за якобы построенный им социализм, а за допущенные им при его построении перегибы и перекосы. То есть критиковали не созданную им систему, а только создавшую ее личность. Во всяком случае, человек, отождествляющий социализм с тем, что было создано Сталиным, для меня не социалист и не коммунист. Даже если он лично Сталина и не принимает. В современной России

социализм может вернуться на политическую сцену, лишь превратившись из мифа о несуществующей реальности в научное знание, относящееся к реальности со всей возможной трезвостью и критичностью. Чтобы оживить идею социализма, ее, как минимум, необходимо освободить от всех наслоений сталинизма и, прежде всего, от веры в то, что она уже была когда-то реализована на практике. Не назад должны смотреть социалисты, а вперед, ибо только там можно увидеть подлинные контуры социализма.

В.Т. Логинов

В главном мы более или менее согласны: нельзя понять, а тем более оценить, ни Троцкого, ни Сталина, не анализируя объективные исторические процессы того времени.

Главная ошибка, совершенная после XX съезда состояла в том, что проблему Сталина свели к вопросу о его дурном характере или – пуще того – в историю болезни. Писали даже о том, что Бехтерев поставил диагноз: паранойя. Но это чистейший миф.

Сегодня уровень критики еще более снизился. Обе фигуры превратили в сточные ямы, куда сливают – на Троцкого все «грехи» революции, а на Сталина все «грехи» послереволюционные. Я уж не говорю о писаниях по поводу «сионистских» генов Троцкого или «кавказских» генах Сталина. При таких подходах возможность серьезного анализа блокируется.

Конечно, валить всё на «объективные процессы», оправдывать ими все сугубо прагматические шаги политиков тоже нельзя. Ряд эсеровских теоретиков писали, например, о неизбежности коллективизации, которая, по их мнению, в варварской форме осуществила их идею «социализации» земли. Об этом Сталину писала даже Мария Спиридонова. Когда эсерку Бабину, всю жизнь просидевшую в тюрьмах и ГУЛАГЕ, спросили: что было бы, если бы к власти пришел Троцкий, она ответила – «то же самое, но, вероятно, поинтеллигентнее». Это, безусловно, уже чистейший детерминизм.

Но нельзя забывать о действительно объективных процессах. Неизбежность «обратной волны» после гигантского революционного прорыва, неизбежность той «самотермидоризации», о которой говорил Ленин, не была достаточно глубоко осознана ни Сталиным, ни Троцким. Ленин действительно считал, что нельзя в крестьянской стране двигаться вперед путем насилия над большинством народа. Итогом этого на десятки лет может стать лишь политика жесточайше-

го террора. А поднимать уровень «цивилизованности» страны, необходимый для движения к социализму, гораздо продуктивнее на путях «гражданского мира».

Долгие годы, всякий раз, когда поднимался вопрос о перспективах нэпа, у нас бубнили: история не знает сослагательного наклонения. Чепуха это! Опыт Вьетнама и Китая говорит сегодня о том, что многовариантность исторического развития существует всегда. А уж выбор объективно возможного варианта зачастую зависит от уровня интеллекта тех, кому пришлось выбирать. После смерти Ленина Дэн Сяопина у нас не нашлось.

Л.К. Науменко

Говоря о Сталине и сталинизме (а также о Троцком и троцкизме) следует, конечно, прежде всего учитывать, что «Сталин» (не И. Джугашвили) – не личность, но знак, символ, эмблема. Чего? – Некоторой объективной конкретно-исторической тенденции, «нужды-потребности», персонифицированной в нем. Понимая это, он и говорил о себе в третьем лице. Грош-цена исторической мысли, если за видимостью, за «культом личности», за «симулякром» она не видит сущности явления – «культу обезличения», если выводит историю из преступных наклонностей и извращенной психики отдельно взятой «персоны». «Сталинская модель» – это коммунизм минус человек, минус личность. Поэтому кощунственно называть Сталина коммунистом и связывать социализм со «сталинизмом». Ни в характере Джугашвили, ни в стратегии и методах «Сталина», ни в доктрине нет ни грана коммунизма как «реального гуманизма». Но «сталинская модель» и советское общество далеко не одно и то же. Этот «тонкий волос» и по сей день некоторые теоретики не только не могут, но не хотят расщепить.

Социализм для Сталина не был целью, он был средством создания мобилизационной машины, способной обеспечить выживание страны в чрезвычайных условиях. Страна десятилетиями находилась на военном положении. Здесь все – и методы, и этика, и эстетика, и стилистика, и быт этой эпохи. «Сталин» – командная функция этой машины. Совместима ли эта функция с демократическими и социалистическими ценностями? Конечно – нет. «На войне как на войне». «Социалистический проект» (и интернационализм) был если и не отброшен навсегда, то, по меньшей мере, отсрочен. Война и создала трагически-безвыходную для народа и комфортную для преступных целей и на-

клонностей ситуацию. Сталин из нее выжал все – и для империи, и для себя. Поэтому тема «социализм и война» – ключевая для всей этой проблематики.

О морали. Амбивалентность ситуации чувствовали и те, кто был в окопах, и те, кто работал в тылу на победу: «Мы за ценой не постоим! А вы?» Проблемы морального выбора встают в предельных ситуациях: быть или не быть! Третьего не дано. А подход с позиции «какова цена?» – подход торгашеский для тех, кто должен жертвовать собой. А вот «командная инстанция», жертвуя не собой, а другими, обязана калькулировать, соотносить затраты с результатами. Здесь калькуляция моральна. Ее-то и не было. «Мы за ценой не постоим» прочитывалось «инстанцией» так: «Бабы еще нарожают». Вот эта щедрость преступна и морально, и юридически, и исторически.

А.В. Сурмава

Понятно, что со Сталина и Троцкого мы съехали на проблему, что такое социализм. Конечно, славно было бы, если бы мы располагали таким списочком из скольких-то там пунктов – признаков социализма, с которым мы могли бы сверяться. И такой списочек, как мне подсказывает Алексей Алексеевич Пригарин, есть и он опубликован в последнем Советском Энциклопедическом словаре 1990 г. Вопрос только в том, не устарел ли списочек?

Еще раз, что мы обсуждаем? Мы обсуждаем, как не была реализована идея или как идея реализовалась, но как-то так, кривоватенько? Или мы как исторические материалисты обсуждаем исторический процесс, в котором сознательные идеи и намерения его агентов играли и играют весьма и весьма значительную, но все же не основополагающую роль. Потому что, если мы говорим о французской революции, мы же не говорим о ней в таких терминах, что, де, великая французская революция – это строительство научного руссоизма. И от того, что Дантон с Робеспьером как-то неправильно реализовали эту программу – строительство научного руссоизма пошло вкривь и вкось, пришёл Наполеон и т. д., а вот если бы, не Наполеон, а, скажем, Баррас стал бы диктатором, то меньше бы французских и русских солдат порубили бы друг друга на Бородинском поле?

Природа научного социализма – вот главный вопрос. Мне кажется, тут интересно обратиться к полемике Ленина с Каутским. С идеей последнего о так называемом ультраимпериализме. Мне кажется, что эта каутскианская идея ультраимпериализма прочно сидит у всех у нас

в мозгах, что мы вслед за Каутским, а отчасти за ранним Лениным, полагаем, что социализм в пределе – это всего-навсего – одна большая фабрика. Что если история тем или иным путем приведет нас к супер-монополизации, к одной сверхмонополии, то это и будет не что иное как социализм.

Мы говорим сегодня, что Советский Союз – это был не социализм. Это наша принципиальнейшая позиция. Берем ли мы на себя, как социалисты, как марксисты, хотя бы долю вины за то, что происходило в нашей стране после тихого государственного переворота, осуществленного Сталиным в конце 1920-х–первой половине 1930-х гг. Или мы должны от этого решительно и публично отмежеваться? Это принципиально и политически, и теоретически. Если мы, марксисты, к террору отношения не имеем, если мы – коммунисты, были вместе с народом – его жертвами, то нам нет необходимости, более того политически вредно вслед за сталинистами пускаться в рассуждения по поводу завышенности оценок масштаба террора. Вопрос о точном числе жертв это вопрос для специальных исторических исследований. Для нас политически важно констатировать, что сталинский террор был направлен против народа, против его отчаянной попытки построить новое справедливое общество, и что этот террор имел беспрецедентно большие масштабы. Пусть сами сталинисты и их современные поклонники сами торгуются с историей, убили ли они в 1937 г. миллион своих сограждан или на самом деле жертв было «всего-навсего» пол-миллиона.

Для нас важнее ответить на вопрос – что мы построили реально? Какую **реальную** историческую задачу выполняла и выполнила великая октябрьская революция? Строительство социализма? Ну, ровно в той же степени, в какой деятели французской революции строили русоизм, гражданское общество и прочие светлые демократические идеалы.

Что для Маркса было социализмом? Не историческая магия, способная волшебным образом с сегодня на завтра осчастливить человечество, но, прежде всего, способность уменьшить боль и кровь реального исторического процесса развития. Когда мне мой отец, когда мы с ним спорили о Сталине, коллективизации и массовых репрессиях, говорил, что вот зато у нас была индустриализация, я ему возражал: «Прости, а что в других странах не было индустриализации?». Разница между индустриализацией социалистической, если такая возможна, (и об этом надо дискутировать) и индустриализацией абстрактной, то есть просто буржуазной – в человеческой цене, которую за нее прихо-

дится платить. При той цене, которую мы заплатили за нашу индустриализацию, гордиться ей нам в качестве социалистов ну никак не приходится. Когда сегодня я слышу реплики о том, что иначе бы нас растоптали и смяли, мы бы не свершили индустриализацию, коллективизацию и прочее, я спрашиваю: «Кого нас?». Мы марксисты, социалисты или мы – русские националисты? Если мы говорим – нас, мы должны четко понять, кого нас? У власти ни в 1930-е гг., ни позднее в СССР социалистов не было. Я ничего против русского народа не имею, я сам его часть. Я просто хочу напомнить, какую роль сыграла политика Сталина в приходе к власти в Германии того же Гитлера. Никакой роковой обреченности в приходе нацистов к власти в Германии не было, а, следовательно, оперировать угрозой войны с Германией как аргументом в споре о цене индустриализации, значит вульгарно передергивать исторические факты.

Что, на мой взгляд, произошло? Россия, как страна второй и третьей волны развития капитализма, шла тем же путём, которым шёл весь мир. Я считаю, что Октябрь нельзя отделять ни от Февраля, ни от 1905 года, ни от всего общественного процесса. Революция – это процесс. История французских революций – это не штурм Бастилии, это единый, растянутый едва ли на два столетия процесс. То же относится и к нам. Наша буржуазная революция по французскому календарю находится сегодня где-то в районе 20–30-х гг. XIX в., где-то между режимом Наполеона и реставрацией. Как марксисты и социалисты мы должны оценивать то, что происходит сейчас только с одной точки зрения: то, что мы имеем сегодня, этот вариант капитализма, вопрос в том лучше он или хуже для реального движения к коммунизму в сегодняшних условиях. Мы считаем, что, безусловно, лучше, чем террористическая диктатура сверхмонополизированной бюрократической буржуазии, лживо прикрывавшейся нашими коммунистическими лозунгами и знаменами и тем самым отнимавшим у трудящихся не только его настоящее, но и его будущее.

Сталинизм я оцениваю как кровавую разновидность бонапартизма, который, как показывает история, является практически неизбежной фазой, этапом практически всех буржуазных революций. Исторически конкретная форма этого бонапартизма, которая досталась нашей стране, была обусловлена тем, что мы жили не во Франции XIX в., а в России XX-го в.. Соответственно и сегодня нам «посчастливилось» жить при очередном издании бонапартизма, на этот раз в российской редакции XXI в.

В.Ж. Келле

По поводу революционного энтузиазма.

Сталин нигде не говорил, что он тиран. Сталин тоже говорил о демократии, о развитии критики и самокритики, но Сталин организовывал, и поэтому мы можем судить по его делам. А Троцкий только говорил, а когда он что-то пытался делать, был за трудовые армии профсоюзов и т. д. Как же совместить все эти вещи? Как строить какие-то концепции?

Второе насчет путей. Как можно считать, что вообще существует какой-то гладкий путь? Тогда было: либо строить социализм, либо развал, либо тупик и т. д. Разные возможности были, и они всегда есть. Конечно, эти возможности ограничены условиями, средой, уровнем развития. Сейчас, мне кажется, мы можем рассматривать прошлое как-то более спокойно, хотя оно до сих пор существует. Последствия войны и деятельность оппозиций... Я помню, когда в 1930-е гг., даже в 1940-е гг., в анкетах для коммунистов был пункт: «Участвовал в оппозиции в 1920-е гг. или не участвовал». Это прошло через партию и всю ее историю. Поэтому были разные возможности, была возможность амнистии прошлого, люди же меняются, рубили с плеча до конца Советской власти. Поэтому это очень сложный вопрос. И такими легкими прениями эту проблему вряд ли можно решить.

Я согласен с тем, что Сталин создатель тоталитарной системы. Системы, которая, существовала под видом социализма.

Теперь хочется сказать некоторые теоретические вещи.

Уже где-то в начале перестройки, а может даже раньше, я задумался над вопросом, что мы многого не решаем из того, что нам завещали основоположники марксизма. Главное, мы не можем освоить связь экономики с производством и инновациями. Мы в течение всей советской власти не смогли наладить связь науки с производством. Роговин говорил, что в 1922 г. в университете висел лозунг: «Связь науки с производством». До конца Советская власть так и не смогла решить этот вопрос. На XXIV съезде партии говорили о соединении научно-технической революции и преимуществ социализма. Ничего не соединили, ничего не получилось. Естественно возникает вопрос: или все-таки мы действительно движемся по тому пути, по которому собирались, или это социальный эксперимент, который останется в истории, будет изучаться и т. д.

В этой связи, идея о том, что дал Ленин? Маркс создал концепцию социализма развитых капиталистических стран. На базе марксизма

возникли различные ревизионистские концепции: Бернштейн и т. д. В начале XX в. обстановка в мире коренным образом изменилась. Возникли революционные процессы в отсталых странах. Это была действительно новая историческая эпоха. И Ленина действительно нужно связать не только с тем, что он написал, но и с тем, что он впервые поставил вопрос: «Как быть?», когда поднялись вот эти народы, недоросшие до социализма. И Ленин пытался дать ответ на этот вопрос. В этом состоит особенность ленинизма. Ленинизм вырос на этой базе. Россия как раз попала в эту ситуацию, когда масса взяла в руки власть и старые схемы устройства нового общества в этих условия не работали. Я говорил в моей статье «Партия социального творчества» в «Вопросах философии» о том, что коммунисты, большевики попали в ситуацию, когда они могли идти вперед, сделать что-то позитивное, лишь став партией социального творчества.

Сталин делал все, чтобы партия не стала партией социального творчества. Главная беда или преступление Сталина перед Россией и социализмом, что он создал партию, которая не могла по своему устройству, структуре, партийному сознанию стать партией социального творчества. Потому все новое, что рождалось партией, душилось в самом начале. Не была решена также проблема соотношения теории и практики. Практика, вместо того, чтобы быть источником теории, была для теории тяжелым грузом. Если будет ошибка в теории, значит, будет ошибка на практике, следовательно, ошибаться в теории нельзя. Догма есть догма. Соотношение теории и практики оказалось перевернутым.

То, что Сталин сделал с коммунистической партией, сделало невозможным построение социализма

А.А. Пригарин

В качестве лирического отступления, небольшая притча о соотношении искусства и жизни.

Великий хан решил создать свой портрет, чтобы увековечить себя. А был он крив на один глаз, однорук и одноног. И вот хан вызвал лучшего художника и отдал ему соответствующий приказ. Через некоторое время художник пришел, и продемонстрировал свое творчество. Хан был изображен красивым, здоровым, зорко глядящим вдаль, примерно как на известной картине «Утро Родины», где Сталин стоит посреди степи, обозревая просторы. Хан посмотрел, разгневался и сказал: «Ты исказил действительность, я в жизни совсем не такой» и при-

казал отрубить художнику голову. Так погиб романтизм в искусстве. Он позвал следующего и сказал: «Нарисуй меня таким, каким я есть на самом деле». Художник пришел со следующим полотном, где хан изображен абсолютно точно: одноглазым, одноногим и одноруким. Однако хан разгневался еще больше и обвиненный в «очернительстве» второй художник разделил судьбу первого. Третий живописец сделал необходимые выводы. Он изобразил хана в профиль, так что был виден лишь здоровый глаз, сидящим на коне с целой ногой и с висящим на плече щитом, прикрывающим отсутствующую руку. Щедро наградил хан художника. Так родился социалистический реализм.

Вернусь к основной теме. Я поддерживаю тезис, что история вообще не знает, что такое нравственность. И знать не желает и не может. Мы вправе лишь судить о степени нравственности тех или иных исторических персонажей, будь то Сталин, Грозный, Рузвельт или Анри IV, и в связи с тем, как их личные качества повлияли на ход событий в рамках заданной исторической обусловленности. И это отдельная, но чрезвычайно важная и сложная проблема, – по сути это проблема соотношения объективных и субъективных факторов исторического процесса.

Далее, когда мы говорим о сегодняшнем сталинизме, я бы проанализировал по сути дела две разные проблемы, хотя и рядом стоящие. Это сталинистская идеология сегодня, выраженная в речах известных теоретиков сталинизма и феномен того, что я называю «народным сталинизмом» – то, почему Сталин пользуется, именно сегодня, такой широкой популярностью.

Сегодня тот нечастый случай, когда я не согласен с большинством тезисов А. Бузгалина.

Во-первых, я впервые в жизни услышал, что Троцкий был сторонником парламентаризма. К сожалению, каких-либо доказательств Александр Владимирович не привел.

Во-вторых, я совершенно не согласен, что так называемая «правая» бухаринская оппозиция в итоге вела дело к реставрации капитализма. Потому что для меня документ, воплощавший идеи «правых» – первая пятилетка, принятая 16-й партконференцией, которую через несколько месяцев Сталин растоптал. В частности, принятая и утвержденная партконференцией программа коллективизации в рамках первой пятилетки предусматривала «решительный рост социалистического сектора в городе и деревне».

По плану предполагалось, что промышленное производство в 1931/1932 хозяйственном году возрастет почти в 2,5 раза по отноше-

нию к 1929/1928 году. Преимущественное развитие получала тяжелая промышленность (в том числе машиностроение – в 3,5 раза). Продукция сельского хозяйства должна была увеличиться более чем в полтора раза, национальный доход в целом – в 2 раза.

Достижение этих результатов позволило бы, как предусматривал план, решить одну из важнейших социальных задач: повысить уровень реальных доходов рабочих и служащих на 71%, в том числе за счет снижения цен более, чем на 20%, и повышения денежной зарплаты на 45%.

Коренной сдвиг намечался в деле кооперирования крестьянских хозяйств. В 1927 г. колхозы, и другие кооперативные формы давали всего 1 процент сельскохозяйственной продукции. По пятилетнему плану, обобщественный сектор должен был занять 17,5% всей посевной площади и давать 15% валовой продукции. Из них 11,4% колхозы и остальное – совхозы.

Разве не очевидно, что если бы коллективизация проводилась не судорожными насильственными мерами – за три года, а за одиннадцать лет (три первых пятилетки), – по мере того как крестьянам становились очевидней её преимущества, – то к 1941 году мы бы имели те же 99% обобществления. Но тогда страна не потеряла бы столько человеческих жизней, не пережила бы упадок сельского хозяйства и пришла бы к началу войны более мощной, более подготовленной.

Стремление к еще большему «ускорению», чем позволяли реальные возможности, нанесло тяжелый ущерб не только сельскому хозяйству. Подрыв сырьевой базы пищевой и легкой промышленности привел к тому, что производство продукции в них даже снизилось по сравнению с 1928 г. Все это предопределило ухудшение жизни и городского населения. Реальные доходы рабочих и служащих не только не возросли на 70 с лишним процентов, как предусматривалось пятилетним планом, они сократились на 20%.

В-третьих, сталинизм родился в конкретных исторических условиях. Жестко централизованная система управления страной была исторически не только обусловлена, а просто неизбежна, другого выхода не было. Она была вызвана полным развалом страны, неграмотностью большинства населения, его не готовностью к самореализации через властные функции, враждебным окружением и краткостью времени, имевшегося для преодоления отсталости. И совершенно прав А. Колганов, когда говорит, что по этому поводу никаких разногласий между Сталиным, Троцким и Бухариным в партии не было. Строго говоря, не Сталин создал эту систему, а система сама рождалась из гущи жизни,

из миллионов частных проблем и единственно возможных способов их решений, которые приходилось вырабатывать на всех уровнях власти. Образно говоря, она сложилась из повседневной практики управления и выдвинула Сталина как руководителя, наиболее способного ее развить, укрепить и использовать.

Вот, на мой взгляд, лишь некоторые личные качества Сталина, которые определили его успех в борьбе за власть: абсолютная концентрация всех жизненных интересов и усилий на делах государства, колоссальный интеллект, прославленная «стальная» воля в сочетании с прагматизмом, уверенность, что при соответствующем напряжении можно решить любые задачи, готовность использовать любые средства для достижения поставленных целей. Но эти же качества в определенных условиях превращаются в совсем иные: в волюнтаризм, политическое лицемерие, беспринципность, аморализм, презрение к человеческой жизни.

Так вот, что было бы, если в 1929 г. победила линия Бухарина? Конечно все мы, как (простите) Отче наш, помним, что история не знает сослагательного наклонения. Но, полагаю, что эта аксиома не относится к различным вариантам развития внутри объективных исторических обстоятельств. Замечательный по силе воздействия, вошедший мне с детства в плоть и кровь сталинский лозунг «Темпы решают все», на поверку и теоретическую и фактическую оказался куда слабее спокойного принципа, провозглашенного XV съездом: «В вопросе о темпах развития необходимо...исходить не из максимума темпа развития на ближайший год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы длительно наиболее быстрый темп развития».

Что было в истории дальше, как жила страна под руководством Сталина мы все хорошо знаем. Следует, пожалуй, напомнить, что Сталин ушел из жизни именно тогда, когда исчерпала свои возможности мобилизационная экономика, то есть, выполнив свою историческую задачу.

Для разговора о Троцком времени практически не остается. Замечу только, что Троцкий был человеком своего времени, не менее жестким, чем Сталин, если не более. Такой же была и его политическая линия. Недаром в начале 1930-х гг. «недобитые» троцкисты радостно приветствовали разгром бухаринцев.

Мне интереснее современные троцкисты. Споры о том, можно ли построить социализм в одной, тем более отсталой стране, сегодня представляются схоластическими, да и самим троцкистам, похоже,

стали неинтересными. Современные троцкистские (в основном молодежные) течения, на мой взгляд, отличаются от всех прочих двумя параметрами:

– резкой критикой советской практики и советской истории, более жесткой, чем она того заслуживает;

– повторением тезиса о необходимости мировой революции.

Их энергетика, молодой «революционаризм» привносят сегодня изрядную долю перца в «поскучневшее» коммунистическое движение.

В целом же я убежден, что пришло время для политической реабилитации Троцкого, признания его заслуг в организации Великого Октября, в создании Красной Армии и руководстве Гражданской войной. И, само собой, укрепление и развитие контактов между всеми левыми коммунистическими течениями и группами.

Л.Г. Истягин

Исторически едва ли правомерно противопоставлять друг другу и даже сопоставлять И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого применительно к хронологической фазе Октябрьской революции и даже к большей части гражданской войны, за возможным и частичным исключением периода Брестского мира (январь–март 1918 г.). Сталин не играл сравнимой с Троцким по своим масштабам политической роли и не проявлял себя (хотя этот вопрос еще подлежал бы дополнительному изучению) самостоятельной, оригинальной теоретической фигурой. В сущности вплоть до окончания гражданской войны это – разные величины.

Реально противоречия между сталинизмом и троцкизмом выявились и стали быстро обостряться при появлении прямой опасности термидора с окончанием гражданской войны, в условиях перехода от войны к миру. Как верно отмечено в обоих докладах, конфликт, возникший внутри победившего, но не обладавшего никаким опытом мирного социалистического строительства большевизма, имел объективную природу. Социализм, каким его себе представляло большинство победителей и общественное мнение – как быстрое торжество социальной справедливости и наступление процветания на базе всенародной собственности, всеобщего равенства при ликвидации рыночной конкуренции – оказался только мечтой, сразу ушедшей за далекие горизонты в связи с исчезновением видов на непосредственную мировую революцию.

В этих условиях линия Сталина довольно быстро определилась как курс на максимальное отгораживание страны от мировых процессов, на создание под лозунгом социализма в одной стране обстановки осажденной крепости, на запугивание и репрессирование «классово чуждого» крестьянского большинства населения, на свертывание демократии Советов, а в дальнейшем и на прямой переход к безудержному терроризированию всего и всех. В конечном счёте сталинская модель «национального социализма» вела и завела в тупик полной деградации и в любом случае подлежала устранению, как оказалось позже весьма затруднительному и отнюдь не полностью эволюционному и мирному.

Из этого не следует, что «мутантный» социализм, построенный в основном по лекалам сталинизма, ограничивался одними негативами. Он не устранил (скорее не смог, чем не захотел устранить) полностью завоевания Революции. Временами И.В. Сталин, как корректно указано в первом из прочитанных докладов, «возвращал к жизни ростки живого социального творчества». Это сказывалось и в области экономики (пафос индустриализма), и в сфере культуры, в областях образования, просвещения, здравоохранения. Наряду с прочим, можно было бы указать и на сферу внешней политики. Внешняя политика в большинстве случаев имела четкий антифашистский и мироутверждающий характер, что потом способствовало победе во Второй мировой войне. Троцкий оказался совершенно неправ в своей критике Коминтерна за якобы допускаящимся последним сползание к пацифизму вместо последовательной классовой борьбы (см. Л. Троцкий. Перманентная революция. – СПб: «Азбука классика», 2009, С. 194–207). В условиях возникновения, а затем и нарастания фашистской опасности сделанный Коминтерном акцент на антивоенной теме был не только правомерен, но и совершенно необходим. В целом же сталинистская модель, с её чудовищными нарушениями прав человека, массовым террором, авторитаризмом и тоталитаризмом, скорее дискредитировала антивоенные силы. Во всяком случае, она препятствовала их сплочению, что и делает её в определенной степени соответственной за развязывание войны.

В отличие от сталинистской концепции позиция Троцкого и иных шедших за ним левых в партии и в общественных структурах (главным образом молодежных) строилась на исключении «национального мессианизма», который вел бы «к признанию за собственной страной особых преимуществ и качеств, позволяющих ей будто бы выполнить ту роль, до которой не могут подняться другие страны» (там же с.220).

При этом, подтверждая лозунг мировой революции, Троцкий в последних модификациях своей теории перманентной революции (1928–1929 гг.) резко перемещал акцент на развитие революционного процесса на Востоке, в особенности в Китае и в Индии. Тем самым дискурс вплотную подводился к возможности перемещения центра мирового революционного развития с пораженного бюрократической проказой Советского Союза в иные страны и регионы.

Можно предположить, что сохранение левыми влиятельных позиций в руководстве партии и государства позволило бы избежать террористических крайностей и бюрократизации, против которых представители этих групп выступали. Но в целом термидорианское пере рождение, едва ли случайно сопровождавшее и почти все иные революции в истории, было в целом детерминировано. Оно, вероятно, произошло бы и при той или иной комбинации обоих подходов и даже при обладании властью представителями второго из них. Это не значит, что в обеих из модельных конструкций не могут найтись положения для творческого, критического использования в иных, в том числе современных условиях. Ностальгия по Сталину и сталинизму, очень понятная при восторжествовавшем в постсоветской России диком капитализме, имеет свои ресурсы и сроки бытия. Они исчерпаемы. Похоже на то, что «левый поворот», наметившийся во многих регионах планеты на почве происходящего экономического кризиса как и общего кризиса империалистической глобализации, повысит общественный интерес к тем или иным компонентам российского левого большевизма, к теориям, политической практике и опыту его лидеров и мыслителей.

М.И. Воейков

Мы все, и я в том числе, мало и плохо знаем конкретную историографию. Тут уже В. Логинов поднимал этот вопрос, и я хочу продолжить. Так, например, Б. Славин говорит, что Сталин был против монополии внешней торговли, а значит, был как бы сильным рыночником. Да, это правда Сталин был против монополии государства во внешней торговле, но очень короткое время, а наиболее яркие бои против монополии вели Н. Бухарин, Г. Сокольников и Г. Пятаков, и они даже протащили, в отсутствие Ленина, решение политбюро об отмене этой монополии. Но когда Ленин вернулся, он быстро все вернул на круги своя. И Сталин в этом случае очень быстро подстроился под Ленина, а, например, Сокольников продолжал в своих теоретических статьях от-

стаивать свою принципиальную позицию, что нэп несовместим с государственной монополией на внешнюю торговлю.

Далее, В.Ж. Келле говорит, что Троцкий был плохой организатор, и якобы Троцкий брал только ораторским искусством. Это верно, Троцкий был первоклассным оратором. Но при этом нельзя забывать, что Троцкий организовал Красную Армию, которая победила в гражданской войне. Это он смог сделать. Он был политический организатор этого дела. Чего стоит только один поезд Троцкого, который мотался по всем фронтам на самых угрожающих участках. Троцкого во время гражданской войны поставили наркомом путей сообщения. Он год пробыл на этом посту и получил поразительный результат. В специальной литературе приводят цифры по архивным документам, сколько паровозов было отремонтировано, сколько составов пошло, и все только выдающимся организационным талантам Троцкого. Он был великолепный организатор. Я бы тут поспорил и с А. Бузгалиным, что мол Троцкий «орел», да не тот, т. е. не смог повести за собой партию и страну после смерти Ленина. На мой взгляд дело не в личных качествах Троцкого, а в общей объективной ситуации.

Далее, В. Межуев говорит, что термин «троцкизм» придумал Сталин. Вообще это темная вещь. В 22-23 годах, когда Ленин отошел от власти, началась борьба, как бы за наследство. Но борьбы не было просто потому что не было «места первого лица». Решал все личный авторитет деятеля. На первое место и лицо претендовал Г. Зиновьев, вот он претендовал на власть и стал раскручивать термин «троцкизм». И Троцкий понимал, что хочет Зиновьев. Но Зиновьев по многим причинам не годился в лидеры партии. Чтобы как-то притормозить Зиновьева, Троцкий выступил со статьей «Уроки Октября», где напомнил эпизод, когда Зиновьев и Каменев выступили против захвата власти большевиками в октябре 1917 года. 23–24 гг. развернулась целая литературная дискуссия по этому поводу. Тут и стал раскручиваться термин троцкизм. Сталин в это время тоже понимал, что Зиновьев рвется в первые лица. И он стал заигрывать с Троцким. Предложил печатать его полное собрание сочинений, а Троцкий был честолюбивым, и он на это купился. И в эти годы спокойнее относился к Сталину, как в прочем и другие.

Никто тогда не предполагал в Сталине будущего диктора. Тогда вообще не было в этот период первого лица. Был председатель Совнаркома, генеральный секретарь, но это была техническая должность тогда, когда ее занимал Сталин. Троцкому не приходило в голову бороться за пост генерального секретаря. Троцкий потом вспоминал, что

мог легко взять власть и сделать переворот, опираясь на армию, это ничего не стоило бы. Антонов-Овсеенко будучи начальником ПУРА приходил и предлагал сместить Сталина и всю его фракцию. Но Троцкий сказал: «Хорошо, тогда за что я боролся всю жизнь. Я думал, что будем коллективно, на политбюро все решать, а они, там, за моей спиной все решали, а если я стану диктатором, возьму власть, я и генералам своим что-то должен дать, наступить, так сказать, на горло своей песне». Надо учесть, что Троцкий болел, у него была какая-то странная лихорадка, типа малярии. Но главное, он не знал, что делать, он видел, что революция произошла, вроде социалистическая, но, а что делать дальше?

Теперь вопрос насчет альтернатив. Мне кажется В. Межуев не различает форму исторического процесса и существо, закономерности и конкретную форму. Он говорит: «Была альтернатива или не была?». Я думаю, что надо различать сущность исторического процесса и его историческую и политическую форму. Сущность исторического процесса была одна без какой-либо альтернативы. Вот говорят, что была альтернатива в августе 1917: Корнилов или Ленин? Допустим, победил Корнилов или даже Колчак. Что бы делал Корнилов, если бы он пришел к власти? То же самое, что сделал Сталин. Уничтожил бы правительство большевиков, стал бы создавать, если бы ему Запад денег дал, ибо своих денег не было, индустриализацию. Если бы не делать индустриализацию, Россия превратилась бы в Индию, с тонким слоем высококультурной интеллигенции, и профессуры. Так что альтернатива была одно, но политическая или историческая форма могла быть и другой.

Говорят, что искусственно свернули нэп. Но ведь нэп сам к 1925 г. стал выдыхаться, Этому можно привести много аргументов. Так, Сокольников будучи Наркомфином, обязан был финансировать развитие индустриализации. И все к нему ходили, просили: «Дай денег на развитие экономики, предприятий, строительство и т. д.». Деньги давали в виде кредитов, ибо в рыночной экономике не было бюджетного финансирования. Давали с условием, когда отработаешь – вернешь с процентами. Но процент был одинаковый. Все стали просить эти кредиты, госпредприятия и прочие, все просили кредита госбанка. Но в банке нет денег, и Сокольникова стали упрекать, что он не дает денег. На всех денег не хватало. Для того чтобы понять кому давать кредиты, а кому подождать, нужен был рынок кредита. То есть процент по кредитам должен был быть гибким и зависеть от спроса на кредиты. Если у тебя более эффективное производство, ты быстрее окупишь эти

деньги и можешь взять их даже под более высокий процент. Это кредитный рынок. Значит, развивать можно будет только высокодоходные производства, а скажем, нужные производства для простых людей (например, лекарств, культурные отрасли и т. д.) останутся без денег. А это уже не социализм будет.

Ведь нэп большевиками воспринимался как вынужденная политика госкапитализма. Осенью 1921 г. Ленин сказал, что нэп – это отступление, но всерьез и надолго, а в 1922 г. сказал, что отступление закончилось. Сам нэп к 1925 г. стал захлебываться. Для его развития нужен был не только кредитный рынок, а многие другие вещи. В частности, развивать коммерческий расчет, материальные стимулы и т. п. Тот же Сокольников на XIV съезде партии говорил, что у нас госпредприятия – это не социалистические предприятия, а капиталистические. Поэтому сам нэп нужно было или развивать или сворачивать. А развивать только в сторону капитализма. На это большевики идти не хотели, да и не могли. Иными словами, социализм не получался, капитализма не хотели, оставался третий путь – к феодализму. Этот путь под названием индустриального феодализма и стал осваивать Сталин.

Л.А. Булавка

С некоторого времени риторика выступающего перестала быть для меня основанием для определения того, насколько его позиция является сталинистской или антисталинистской. Я знаю немало либералов, которые при всем своем публичном и рьяном поношении Сталина, уже в своих практических действиях объективно исходят из методологии сталинизма. И, наоборот, я знаю тех, кто при всем лояльном отношении к фигуре Сталина, тем не менее, в своей деятельности исходят их методологии антисталинизма. Так что риторика и объективная логика позиции – это далеко не одно и то же.

На мой взгляд, различие между ними проходит по тем трем вопросам, которые являются опорными в методологии сталинизма. Рассмотрим эти три составляющие методологии сталинизма.

Первая. Она связана с проблемой субъекта, а точнее – с проблемой субъектного бытия, т. е. такого, при котором человек сам детерминирует его основы. Другими словами, когда сам человек является субъектом самодетерминации своего общественного бытия в полном соответствии со словами – «Никто не даст нам избавленья: ни бог, ни цезарь, ни трибун». Кстати, этот же принцип субъектности является одним из определяющих суть социализма.

Так вот, исходя из этого, можно с уверенностью сказать, что сталинизм не признает идеи субъектности в принципе. Но как это можно было не признавать, когда вся эпоха 20-х гг. прошлого века была пронизана энтузиазмом социального творчества широких революционных масс, заявивших и не без основания себя в качестве субъекта истории? И с этим фактом нельзя было не считаться. Но методология сталинизма разрешила эту дилемму: она развела объективную логику этого субъектного массового творчества от такой формы ее общественного самосознания, которая позволяла им мыслить себя в качестве творца истории. В итоге положение складывалось таким образом, что трудящиеся, будучи реальным субъектом социалистического созидания, тем не менее, в качестве такового мыслили уже не столько себя, сколько «лично самого Сталина». При этом Сталин рассматривался не столько неким всеобщим субъектом исторического творчества, сколько его символом, а точнее – символом самого принципа субъектности.

Другими словами, идея субъектного бытия в истории, прочно апробированная конкретной живой практикой революционных преобразований 1920-х гг. и являющая себя как практическое воплощение идеи конкретно-всеобщего, «благодаря» сталинизму превращается в символ, выражающий значение общего, т. е. в мертвую по своему содержанию абстракцию. Надо сказать, что эта трансформация конкретно-всеобщего (живой практики) в общее (символ) имела и свои объективные предпосылки. В частности, одна из них заключалась в том, что становление индивида как субъекта истории и культуры является результатом длительного исторического развития. Но сталинизм ориентируется не на диалектику этого становления, а на необходимость политического соответствия индивида являть себя таковым.

Говоря иначе, методология сталинизма подменяет действительное развитие субъектности индивида видимостным результатом такового. Более того, необходимость этого видимостного явления себя как субъекта социального творчества индивиду вменяется в качестве некоторого политического императива.

Следует сказать, что идея субъектности объективно всегда была чужда сталинизму, впрочем, как и самому Сталину. Достаточно вспомнить только тот факт, что 22 июня 1941 г. – в день начала Великой Отечественной войны Сталин так и не вышел к народу, а по радио, как известно, выступал Молотов. В определенном смысле это была капитуляция «вождя народов» перед принципом субъектного бытия в истории, перед принципом субъектной исторической ответственности.

Более того, неприятие Сталиным принципа субъектности как такового выдают, в том числе, и кадры документального кино, которые запечатлели следы его сознания себя именно как символа всеобщего субъекта, представляющего весь советский народ. Вот почему в этих кадрах видно, как Сталин являет себя в качестве некоего всеобщего символа. Кстати, в противопоставлении этому можно вспомнить те же документальные кадры, запечатлевшие образ Ленина, который несет на себе проявления внутреннего всеохватывающего движения той деятельностной логики, которая не оставляет уже места для тех или иных форм самосознания. Неслучайно первая реакция Г. Уэллса на Ленина после встречи с ним была связана с его оценкой как выдающегося ученого огромной и живой мысли.

Так что, разведение друг от друга объективной логики исторического творчества революционных масс и тех форм общественного самосознания, через которые они мыслили себя в качестве его субъекта, как раз и является одним из важнейших моментов методологии сталинизма. В 1930-е гг. это одновременно совпадает с процессами развития индустриализации, куда как раз и был выведен из социальной сферы этот созидательный потенциал широких масс, и где он проявился в форме трудового энтузиазма советской индустриализации. Но господствующие на тот период институты идеологии способствовали тому, чтобы трудящиеся связывали самосознание себя как субъектов этих огромных трудовых преобразований страны не столько со своим именем, сколько с именем Сталина.

Вторая составляющая методологии сталинизма – это отказ от противоречий как основы общественно-исторического развития. Понятие «противоречие да еще применительно к понятию «социализм» сталинизмом воспринимается главным образом в одном смысле – как «компромат» на советскую систему, а сам автор такого словосочетания как «противоречия социализма» – как «враг народа».

Отчужденность сталинизма от реальной диалектики как метода бытия и познания приводила не к разрешению реальных общественных противоречий, а к их насильственному сворачиванию. В данном случае имеется в виду то, что объективные противоречия, которые неизбежно давали о себе знать в реальности, сначала персонифицировались с каким-нибудь конкретным человеком, которым затем объявлялся вредителем социализма, и уже затем к нему применялись политические, а нередко и физические меры воздействия. Можно сказать, что ГУЛАГ – это еще и своего рода памятник беспомощности сталинизма в решении объективных противоречий советской системы.

Наконец, третья составляющая методологии сталинизма – это непризнание принципа социального творчества масс. А ведь его сущность, как показала практика 1920-х гг., главным образом заключалась в том, что благодаря этому виду деятельности происходило формирование индивида как субъекта истории; более того – осмысление себя таковым.

Итак, все эти три составляющие (отчуждение сталинизма от социального творчества, принципа субъектного бытия и от понимания противоречия как основы развития) как раз и есть суть методологии сталинизма. Эта методология нашла свое полное выражение в сталинских формах соцреализма как «художественного» метода, который являлся превратной формой творческого соцреализма. Кстати, это различие, как правило, не видят ни сталинисты, ни современные либералы.

Суть сталинистской модификации соцреализма особенно полно проявилась в создании образа «вождя». Сталинской «соцреализм» предполагает, что художник в своем творчестве отражает образ Сталина не непосредственно таким, каким он его видит, а через свое понимание господствующего на то время художественного канона вождя. Другими словами, творить в согласии с методом сталинского «соцреализма», значит посредством своего творчества давать понять, как ты усвоил тот или иной господствующий художественный канон, т. е. в данном случае то, каким должен изображаться образ вождя.

И если любое произведение искусства, будучи художественной абстракцией, тем не менее, несет в себе конкретно-всеобщее содержание, то искусство сталинистского соцреализма – это уже двойная абстракция, т.к. отражает другую абстракцию (канон как общее представление) и потому его содержание есть нечто иное, как общее.

В своих ранних работах я как раз и пыталась показать, как методология сталинизма приводила к изменению содержания самого социалистического идеала. В самом общем виде генезис этих изменений был таков: если в 1920-е гг. этот идеал существовал в форме **убеждения**, то в сталинский период – уже как **вера**, а в брежневский период – уже как **ритуал** (партийно-идеологический).

Так что, убеждение – вера – обряд – эта логика неизбежного распада того остова советской культуры, который утверждал идею субъектного бытия человека и который разламывается изнутри в случае отказа его от своей роли как субъекта истории.

А.В. Бузгалин

На самом деле перед нами стоит важный и актуальный вопрос. Можно ли идти к некапиталистическому типу развития среднеразвитой стране, где капитализм ведет к крайней неэффективности и резко отрицательным социальным и гуманитарным результатам.

Можно ли идти среднеразвитой стране, где капитализм ведет вот к таким результатам, а некапиталистический путь развития скорей всего вырождается в реставрацию полуфеодалных тенденций, в сторону социализма, в сторону коммунизма, как пространства культуры. Вот эта проблема актуальна. Перефразирую эту проблему.

Должен ли Уго Чавес и созданная им объединенная социалистическая партия, исходя из уроков, которые мы здесь сформулировали, учитывая отсутствие альтернатив сталинизму, сказать: «Я сдаю страну, ухожу от власти, я предлагаю американским корпорациям вернуться в Венесуэлу, либо я выбираю сталинскую модель». Ростки сталинской модели малы, но они реальны. Страна стоит на развилке. И Куба стоит там же. И то, что происходит и с Кубой, и с Венесуэлой, показывает, что на самом деле однозначная альтернатива, что если страна строит социализм, она маленькая, слаборазвитая, а вокруг капиталистическое окружение, она обречена, на то, что ее завоюют, если она не будет любой ценой вооружаться и драться – не совсем точно. Вот, я поставил проблему.

Я опубликовал много работ, делал дважды доклад на думском семинаре, доказывая, что альтернативы есть. Аргументировал методологически. Через марксову идею, формального подчинения труда капиталу, и развитие буржуазной системы на неадекватном, материальном, культурном базисе в условиях враждебного окружения. На доиндустриальном базисе, в условиях абсолютно враждебного феодального окружения. При отсутствии достаточных предпосылок капитализм вполне мог развиваться и победить, хотя это был уникальный результат-победа, а в большинстве случаев он потерпел поражение.

Формальное освобождение труда для нашей страны, для страны, которая хочет строить социализм – возможно. Но это будет путь долгий, кривой и мучительный.

Сталин как гениальный прагматик, которому не было альтернатив. Он совершил много преступлений, но любой другой на его месте, должен был бы совершить эти преступления, либо страна погибла бы и ситуация оказалась в тупике. Это типичная постановка вопроса. Хотя я это мнение не разделяю.

Когда в рамках буржуазной экономической системы объясняют, как можно провести модернизацию страны, а ничего из этого не выходит и потом предлагают прямо противоположный путь, выходящий за логику аргументации и его реализуют. В этих условиях, альтернативная сталинской модель была, хотя это была бы переходная модель, включавшая элементы добуржуазных отношений в очень ограниченном виде и изживаемых, включающая элементы буржуазных отношений, включающая элементы социального творчества, развитие культуры как главные тенденции.

Да, нэп своими методами, сам по себе как таковой должен был бы умереть или выродиться в капитализм. Задача нэпа была, по Ленину, из России нэповской, сделать Россию социалистическую. Найти путь, как не при помощи сталинской индустриализации и бюрократического планирования начать постепенно изживать и вытеснять элементы рыночной стихии. И механизм нарастания социально - ориентированного и стратегически выверенного программируемого регулирования, косвенного, с элементами директивного, они достаточно хорошо известны. И проблема Китая не в том, что там тупик, а в том, что там вместо того, чтобы постепенно наращивать элементы царства свободы и адекватные для него экономические механизмы, идут в прямо противоположную сторону.

Я сделал ошибку, когда сказал, что Бухарин – это путь к реставрации правой системы. Бухарин, на самом деле, – это угроза такой реставрации. А путь реставрации – это скорее меньшевики.

Самый сложный и методологический тезис. Есть проблем, которую я хотел как-нибудь обсудить. Есть ли у истории красная нить и зигзаги. Очень короткий пример: раньше или позже строй, основанный на личной зависимости, должен уступить место рыночной экономике, правовому государству и т. д. Раньше или позже добуржуазная система, основанная на личной зависимости, иерархии и т. д. должна уступить буржуазной. Это логика развития. Есть логика развития истории. Раньше или позже мы перейдет к этой системе, есть понимание закона этого перехода. И логика эта, на самом деле, может быть познана. Дальше встает вопрос: как какая страна придет от добуржуазной системы к системе капиталистической? Дальше возникнет множество этих путей. Субъективный фактор будет важнейшим детерминантом, наряду с внешними обстоятельствами, природными, географическими и т. д. Как именно, каким именно путем, какой ценой, какой из социумов, сохранившись или распавшись при этом, придет к этой буржуазной системе. Одни пришли 500 лет назад, дру-

гие не могут прийти до сих пор. На мой взгляд, вопрос – о движении к коммунизму и о том, знаем ли мы, что такое коммунизм, какие признаки. Да, знаем, потому что мы знаем логику развития предыстории, логику развития капитализма, в частности, и можем показать, в каком направлении мы идем. Исходя из этого критерия, в том числе критерии прогресса в этом случае. Мы можем говорить о том, насколько близка к этой красной линии или к этой логике развертывания исторического процесса, та или иная конкретная, экономическая, социальная, политическая, культурная модель, в том числе Советского Союза. Это так сказать отход от красной линии, поворот назад, реверсивное движение в историческом времени – регресс, или прогресс, или вбок, выбор тупиковой модели, которая на самом деле может образовать социум. Поэтому, на самом деле, разговор о сталинской модели – в пользу бедных. Альтернативной истории как фэнтези. Это разговор о понимании закономерности исторического процесса и соотношении их и тех социумов на мой взгляд с реальным конкретным ходом истории той или иной страны. Важен этот момент. Если мы сможем четко и конкретно аргументировать наше понимание логики развертывание исторического процесса генезиса коммунизма, то мы можем сказать – в какой мере, как и почему в Венесуэле возможны такие-то подвижки к социализму, а вот это отступление будет ходом в тупик. И давать более менее ответственные советы, потом нести за них ответственность.

А.И. Колганов

Я не буду опускаться до глобальных обобщений, как предыдущие ораторы, а ограничусь несколькими репликами. Я бы поостерегся, когда речь идет о теме Ленина и Сталина, ограничиваться только их противопоставлением. Потому что сталинизм, безусловно, в одном, но вырос из него в других отношениях. Этого забывать нельзя.

Почему Сталин совершил крутой поворот от нэпа в 1929 году? Он, что, долго скрывал свою приверженность к военному коммунизму? А в 1929 г. решился открыться? Я думаю, что дело обстоит иначе. Сталин не был стратегом, он был тактиком, он был эмпириком, он реагировал на ситуацию. Он повернул в 1929 г. не потому, что он любил военный коммунизм, он был сторонником нэпа до тех пор, пока нэп работал. А как только нэп стал давать сбой, он его отбросил к черту. Когда говорят о том, что линия Бухарина – это была линия Ленина – строить социализм руками капиталистов, в общем, против такой формулировки возразить нечего. Что Ленин к этому добавлял следующие вещи: когда

он говорил о такой задаче. Нас тут некоторые господа, из «Смены вех», толкают под руку и говорят: «Вы тут о социализме болтаете, а на самом деле вы катитесь в капиталистическое болото». И Ленин, что сказал по этому поводу – что это основная и действительная опасность. Но Бухарин так не рассуждал. Он думал и верил, что мы ее обойдем.

Теперь по поводу социализма и экономики. Честно говоря, я давно уже не смешиваю проблемы социализма и экономические проблемы. На мой взгляд, специфика коммунизма заключается в том, что его характеристика, не есть характеристика экономического строя. И вот здесь, на мой взгляд, Сталин, как, между прочим, китайские товарищи, решал экономические и технические проблемы, но не решал проблемы движения к социализму. Если предположить, что Сталин как-то верил в социализм, то он уж точно верил не в марксистский социализм. Он отождествлял социализм с индустриальной модернизацией. А это совершенно не так, потому что индустриальная модернизация отнюдь не равна социализму. Индустриальная модернизация может проходить без всякого социализма. И проблема социализма никоим образом индустриальной модернизацией не решается.

Теперь, кое что, о цене. Конечно, бывают в жизни нации ситуации, когда за ценой стоять нельзя. Когда речь идет о выживании нации, тут нельзя ставить вопрос таким образом, что мы можем пожертвовать 10 миллионами, а 20-ю – нет. Так вопрос ставиться не может. Но руководитель государства все-таки не может ставить вопрос таким образом: что для решения такой-то задачи придется пожертвовать 10 миллионами человек. Ну, а если и еще 10 миллионами, ну и черт с ним. Наши бабы новых нарожают. Я вам приведу пример, который не связан непосредственно с человеческими жертвами, но который очень хорошо раскрывает логику цены. Руководитель строительства Днепрогэса начинал его строительство со строительства подъездных путей, складов, бетоно-растворного узла, барачков для жилья рабочих, строительства бани и клуба. Его за это «песочили» и «костерили» везде, в том числе, и на всесоюзном совещании строителей. Но в итоге, Днепрогэс был сдан раньше срока. А те, которые исповедовали логику: быстрее, быстрее, быстрее сдавать производственные объекты, они все срывали сроки строительства. Дело в том, что вот эта вот логика – «быстрее продвигаться любой ценой» она преобладала. А мысль заключается в том, что логика движения к социализму любой ценой, оборачивается торможением движения к социализму. И когда вообще ставиться вопрос, что к социализму можно двигаться любой ценой – это означает, что о социализме тут речи не идет.

А.В. Островский

Была ли наша революция социалистической?

Я хочу начать с той проблемы, которая была объявлена организаторами конференции, но почему-то не нашла отражения в ее программе. Речь идет о возможности демократической альтернативы в русской революции 1917 г.

На мой взгляд, подобная возможность была исключена.

Чтобы понять это, необходимо учесть, что Россия начала XX в. была аграрной страной, поэтому победа демократии в ней могла означать только победу крестьянства. А за что боролась деревня? Не только за землю, как это считается, но и за пересмотр цен.

Дело в том, что в дореволюционной России, как и в других странах переживавших процесс первоначального капиталистического накопления, существовали так называемые ножницы цен, т. е. искусственно завышенные цены на промышленные товары, и искусственно заниженные цены на сельскохозяйственные продукты¹.

В результате подобного неэквивалентного обмена, который имел для крестьян вынужденный характер и во многом напоминал отношения между колонией и метрополией, происходило перераспределение национального дохода, создаваемого в деревне в пользу города.

За счет этого формировалась и богатела российская буржуазия, осуществлялась индустриализация, Россия эксплуатировалась иностранным капиталом, рабочий класс имел более высокий уровень жизни, чем большинство крестьянства.

Поэтому переход к эквивалентному обмену между городом и деревней ударил бы не только по иностранному капиталу и отечественной буржуазии, но и по рабочему классу. Более того, победа крестьянской демократии должна была не только остановить развитие страны по пути индустриализации, но и отбросить его назад.

¹ См.: Островский А.В. Сельское хозяйство Европейского Севера России. 1861–1914 гг. СПб., 1998.

В связи с этим рабочий класс тоже был заинтересован в сохранении прежних взаимоотношений между городом и деревней. Одним из следствий этого стала первая советская Конституция 1918 г., которая не только закрывала доступ в советы для помещиков и буржуазии, но и значительно урезала права крестьян в пользу рабочих.

Получив в результате революции землю, деревня в годы гражданской войны попыталась навязать городу свои цены на хлеб. И в тех тяжелейших условиях ей через «черный рынок» частично удалось это². В период нэпа советское правительство попыталось восстановить прежние ножицы цен³, на что в 1928–1929 гг. деревня в ответила так называемой «хлебной забастовкой».

В таких условиях перед советским государством было только два пути: или отказаться от рыночного механизма обмена между городом и деревней, или же отказаться от форсированной индустриализации. Предпочтение было отдано первой перспективе. Как показало будущее, другого пути завершения индустриализации у советской страны не было. Провозгласив в 1917 г. начало социалистической революции, партия большевиков исходила из того, что за Россией последуют другие страны и социалистическая революция приобретет международный характер⁴.

Однако хотя большевикам удалось победить в гражданской войне и отразить военную интервенцию, ставка на мировую революцию не оправдалась. В связи с этим, как известно, в 1924 г. И.В. Сталин провозгласил курс на строительство социализма в одной стране. О том, к чему это может привести, Ф. Энгельс предсказал еще в 1893 г., когда один из лидеров французских социалистов Поль Лафарг обратился к нему с вопросом, возможен ли переход Франции к социализму?

«Освобождение пролетариата, – писал ему Ф. Энгельс, – может быть только международным делом. Если вы попытаетесь превратить это в дело одних французов, вы сделаете это невозможным. То, что руководство буржуазной революцией принадлежало исключительно Франции – хотя это было неизбежно, благодаря глупости и трусости других наций – привело, вы знаете куда? – к Наполеону, к завоеванию, к вторжению Священного союза. Желать, чтобы Франции в будущем

² Данилов А.Ю. Мешочники. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг. СПб., 2002.

³ Сталин И.В. Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь 9 июля 1928 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) // Сочинения. Т. 11. М. 1949. С. 159–160.

⁴ Ленин В.И. Выступление на III конгрессе Коминтерна // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 36.

была предназначена такая же роль, значит хотеть извращения международного пролетарского движения»⁵.

Главная мысль этого письма сводилась к следующему: если пролетариат придет во Франции к власти, он будет поставлен перед необходимостью или начать революционную войну для поддержки рабочего движения в других странах, или же вести оборонительную войну против нового Священного союза.

И в одном, и в другом случае это должно было бы повести к установлению военной диктатуры, которая открывала перспективу бонапартистского вырождения и извращения идеалов социализма, так как социализм не может существовать без демократии.

Таким образом, в начале XX в. в нашей стране были исключены и демократическая альтернатива развития революции, и утверждение социализма.

Подчеркивая, что социалистическая революция может иметь мировой характер, К. Маркс и Ф. Энгельс исходили из того, что любая страна, подняв знамя социализма и оказавшись в капиталистическом окружении, вынуждена была бы или вести с этим окружением войну, или же в условиях перемирия адаптироваться к требованиям мирового рынка.

Между тем на мировом рынке тоже действовали ножницы цен⁶.

В связи с этим перед страной, взявший курс на социализм и получившей мирную передышку, открывались две перспективы: подключиться к эксплуатации экономически отсталых стран и самой стать объектом эксплуатации экономически более развитых стран. И одно, и другое не могло не деформировать общество, даже если уже началась его социалистическая трансформация.

Однако дело заключалось не только в этом.

Необходимо учитывать, что к 1917 г. Россия не завершила переход к капитализму⁷. Поэтому ее производство оставалось на невероятно низком уровне. Показателем этого может служить национальный

⁵ Энгельс Ф.- Лафаргу П. 27 июня 1893 г. //Соч. Т. 39. С. 76

⁶ Миронов Б.Н. Движение хлебных цен в России в 1801–1914 гг. // Вопросы истории. 1975. № 4. С. 54. Островский А.В. Универсальный справочник по истории России. СПб., 2000. С. 198–201, 216–217.

⁷ Островский А.В. О времени завершения индустриализации и промышленного переворота в России //На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX в. СПб. – Кишинев, 2001. С. 96–108.

доход. По расчетам С.Н. Прокоповича и М. Фэлкуса, к 1913 г. он составлял 18 млрд. руб.⁸

Из них 3,5 млрд. руб. поступало в государственный бюджет⁹. Около 2,5 млрд. составляли доходы господствующих классов¹⁰. Итого 6 млрд. руб. Следовательно, на накопление и потребление населения оставалось 12 млрд. Даже если мы возьмем на 1913 г. только население Европейской России – 125 млн чел.¹¹ – то получим на одного человека – менее 100 руб.

В таких условиях ликвидация эксплуатации и удешевление государства могли увеличить используемый населением страны фонд потребления и накопления на 4–5 млрд. руб., что могло дать в расчете на душу населения около 35 руб. в год. Следовательно, на том уровне развития производительных сил, который существовал в дореволюционной России, ликвидация частной собственности и господствующих классов позволяли повысить уровень благосостояния населения всего лишь на треть. В таких условиях социалистическая революция в России была обречена на поражение¹². Подчеркивая, что социализм возможен только на основе высокого уровня развития производительных сил, К. Марк и Ф. Энгельс писали: «...Без него имеет место лишь всеобщее распространение бедности; а при крайней нужде должна была бы снова начаться и борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость»¹³.

Как известно, В.И. Ленин употреблял понятие революция в двух смыслах: узком и широком. В узком смысле революция – это политический переворот, в широком – переворот социальный. Если подходить к революционным событиям в России с этой точки зрения, следует признать, что у нас была только одна революция в широком смысле

⁸ Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1903 гг. Под ред. С.Н. Прокоповича. М., 1918. Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 35

⁹ Там же. С. 153

¹⁰ Подоходный налог. Ожидаемое число плательщиков, их доход и сумма налога по исследованию, произведенному податными инспекторами и казенными палатами в 1909–1910 гг. СПб., 1910. С. II–XVI, 82–84.

¹¹ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. С. 16.

¹² Подробнее см.: Островский А.В. Октябрьская революция: случайность? Исторический зигзаг? или закономерность? // Из глубины времен. Вып.2. СПб., 1993. С. 129–187.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии». М., 1966. С. 43–44.

этого слова, началом которой стал февральский переворот 1917 г., а завершением сталинский термидор.

Сталинский термидор не означал реставрации дореволюционных порядков, точно также как не означало реставрации и провозглашение Наполеона императором.

И хотя сталинская Конституция 1936 г. провозгласила победу социализма в СССР, в нашей стране не было ни демократии, без которого социализм невозможен, ни распределения по труду, зато была восстановлена эксплуатация деревни городом, и всей страны иностранным капиталом¹⁴.

В этих условиях не имела никакого отношения к социализму и государственная собственность, ставшая основой советской экономики. Касаясь вопроса о собственности, Ф. Энгельс в работе «Развитие социализма от утопии к науке» писал: «...В последнее время, с тех пор как Бисмарк бросился на путь огосударствления, появился особого рода фальшивый социализм..., объявляющий без околичностей социалистическим всякое огосударствление»¹⁵. Но, отмечал Ф. Энгельс далее: «Если государственная табачная монополия есть социализм», то «в число основателей социализма» должны быть «занесены» Наполеон, Меттерних и даже Фридрих – Вильгельм III, который для пополнения казны провел «огосударствление...домов терпимости»¹⁶. А поскольку при Сталине государственная собственность была лишь провозглашена общественной или общенародной, а на деле сохранила характер частной собственности¹⁷, поэтому на самом деле в нашей стране вместо социализма была создана общественно-политическая система, в основе которой лежали два экономических уклада: государственный феодализм в деревне, и государственный капитализм в городе. Последующая эволюция советского общества заключалась в изживании государственно-феодалного уклада в экономике и военно-феодалных методов в управлении страной, в постепенном утверждении государственно-капиталистической системы.

Признание этого необходимо не только для того, чтобы иметь правильное представление о том, чем завершилась наша революция, но и для того, чтобы снять с социализма обвинения в тех грехи, к которым он не имеет никакого отношения.

¹⁴ Островский А.В.: 1) История цивилизаций. СПб., 2000. С. 293–298. 2) Универсальный справочник по истории России. СПб., 2000. С. 161–166.

¹⁵ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Соч. Т.19. С. 223.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Клифф Т. Государственный капитализм в СССР. Пер. с англ. СПб., 1991.

В.Ф. Исайчиков

***Советский социализм как частный случай
мелкобуржуазного социализма***

Начну с того, что содержание работы и выводы, изложенные в предлагаемом докладе, в значительной мере расходятся с объявленной темой конференции: «Социалистический идеал и практика его реализации в СССР». Советский социализм не был социалистическим идеалом рабочего класса, поскольку он был социализмом мелкобуржуазным; но советский социализм не мог быть социалистическим идеалом и для мелкой буржуазии, поскольку её двойственная природа не позволяет ей иметь один социалистический идеал. Эти выводы неоднократно излагались автором¹, но в данном докладе они будут изложены преимущественно для того, чтобы рассмотреть вопрос о мелкобуржуазных социализмах как о спектре неустойчивых и промежуточных формаций.

В школярском курсе история развития общества представлена упрощённо, как последовательная смена общественно-экономических формаций: первобытного коммунизма, рабовладельческого строя феодализма, капитализма и социализма (коммунизма). Иногда в эту «пятичленку» добавляют так называемый «азиатский способ производства», что нисколько не влияет на методику изложения. Неверность этой общей схемы заключается в том, что она плохо соответствует конкретной истории обществ в подавляющем большинстве стран. Более точной (но ещё более общей) является деление истории на три «надформации»: дотоварной (натуральной), товарной и послетоварной (коммунистической).

Поскольку абстрактные формации проявлялись в виде конкретных общественных структур, в которых в процессе развития сосущест-

¹ Исайчиков В.Ф. Классовая природа первоначальных социализмов //Марксистский листок. 2007. № 1–2; Исайчиков В.Ф. О причинах поражения социализма //Просвещение. 1995. № 1.

вуют различные экономические отношения и соответствующие им классы, поэтому общая формационная схема необходимо дополняется понятием экономического уклада, а конкретные исторические общества представляют, как правило, сочетание различных экономических укладов.

Например, Ленин говорил в 1918 г. об элементах пяти основных укладов:

«Не было ещё, кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики... Но что же значит слово переход? Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки и капитализма, и социализма? Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса.

Перечислим эти элементы:

1) патриархальное, т. е. в значительной мере натуральное, крестьянское хозяйство;

2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продаёт хлеб;

3) частнохозяйственный капитализм;

4) государственный капитализм;

5) социализм.

...Спрашивается, какие же элементы преобладают? Ясное дело, что в мелкокрестьянской стране преобладает и не может не преобладать мелкобуржуазная стихия; большинство, и громадное большинство земледельцев – мелкие товарные производители»².

Положение до 1917 г. отличалось от положения в 1918 г. только тем, что вместо социалистического существовали остатки феодально-помещичьего уклада, а государственный капитализм при одном и том же названии имел до и после революции существенно различающийся характер.

Кроме того, этот ленинский анализ можно даже расширить, и не только тем, что к мелкотоварному производству необходимо добавить ремесленников и так называемую интеллигенцию. Патриархальный уклад с натуральным хозяйством на самом деле может относиться (и относился) и к действительно патриархально-родовому строю, и к рабовладельческому, и к феодальному. Если остатки родового строя и

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 295–296.

феодалных отношений ещё существовали на окраинах царской России, то в «протекторатах» Хиве и Бухаре существовали остатки невольничьего рабства.

Аналогичное положение было и в Китае после революции. Вот что писал о ситуации сорокалетней давности в горах Юннани В. Овчинников: «Ниже всех в долинах живут ханьцы (этнические китайцы), которые выращивают чай и сахарный тростник. Там давно уже утвердился социализм, поставленный ныне на рыночные рельсы. Выше, минуя капиталистический этап, почти до наших дней дожил заповедник феодализма. Именно феодальные отношения преобладали в селениях народностей хани и таи... Ещё выше, в девственных лесах с их богатейшим растительным и животным миром, обитает народность лаху («племя тигролов»). Среди них уцелели многие пережитки рабовладения. И, наконец, на самых вершинах ... живёт народность кава («племя охотников за головами»). Там почти до наших дней сохранялся первобытно-общинный строй»³.

Поскольку же на ранних стадиях развития общества это развитие происходит в обществах, практически независимых друг от друга, то общая формационная схема неизбежно дополняется цивилизационной, учитывающей региональные особенности развития. Хотя у классиков принято отделять «цивилизацию» от «варварства», но поскольку антропологи и историки доклассовых обществ при описании независимых племенных укладов оперируют понятием «культура», аналогичным понятию «цивилизация» для классовых обществ, для удобства мы можем объединить эти понятия в одно – «цивилизация», как понятие, применимое к относительно независимым, автономным обществам. Например, рабовладельческие цивилизации Древнего Египта, Двуречья, Индии, Китая, и Южной Америки отделяли такие пространства, что эти общества между собой практически не взаимодействовали. Кроме того, ряд из них были разнесены и по времени. Почти то же самое можно сказать о феодальных обществах, основой которых являлись замкнутые натуральные крестьянские хозяйства.

Во всех этих случаях точнее говорить о спектре однотипных формаций.

Только капитализм стал действительно всеобщей и единой формацией с практически единственным центром зарождения – Западной Европой, при том, что значимые остатки докапиталистических укладов сохранялись практически до последнего времени. Капитализм

³ См.: Российская газета. 26.08.2000.

«прорастал» везде из своего товарного предшественника – феодализма, товарно-денежные отношения из капиталистической метрополии распространялись по всему миру, подчиня начинающиеся складываться региональные рынки интересам мирового рынка, мирового разделения труда. Основой первичного капиталистического накопления являлось феодальное накопление; в мировой рынок включалась, в первую очередь, феодальная верхушка:

Всё, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтийским волнам
За лес и сало возит нам...
Для роскоши, для него модной...»⁴

Чем более развитым был докапиталистический уклад, тем быстрее он вливался в единый мировой рынок; дольше всех держались и держатся до сих пор остатки первобытно-общинного уклада. Большинство незападноевропейских стран «получили» капитализм «импортированный», причём «импортированный» через прямое колониальное подчинение. Относительно самостоятельное развитие капитализма в Японии определялось сочетанием нескольких случайных факторов и основывалось не на независимом развитии производительных сил, а на их импорте.

Поскольку чистых укладов практически не существует, то возникает объективная методологическая сложность изучения предмета, что, в частности, проявилось и в докладах на нынешней конференции. Например, В.В. Волков, даже допуская существование непролетарских социализмов, не считает необходимым их специальное изучение, рассматривая их как временные и промежуточные. Однако в нашем быту большое значение имеют такие временные и промежуточные формы, как стёкла, которые имеют свойства и твёрдого тела, и жидкости. Вряд ли кто станет утверждать, что поскольку стёкла – это форма временно-существования вещества, то изучать её не стоит; но относительно промежуточных и неустойчивых форм общественно-экономических формаций такого общего отношения нет. Хотя, например, такие промежуточные формы, как азиатский способ производства, в последнее время привлекает достаточно большое внимание историков, однако более близкая и актуальная проблема существования и развития мелкобуржуазных социализмов остаётся вне широкого научного интереса.

⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10 томах. Т. 5. Л., 1978. С. 16.

До конца 1916 г. марксисты строго придерживались предположений Маркса и Энгельса, что смена капиталистической общественной формации будет практически одновременным процессом, а социалистическая революция произойдет, и диктатура пролетариата будет установлена практически одновременно во всех (или в большинстве), развитых капиталистических стран. Новая коммунистическая формация, рождённая на капиталистической базе, в силу недостаточной развитости производительных сил и производственных отношений, на своем первом, социалистическом этапе, будет сохранять некоторые пережитки капитализма. Если же говорить о России, то на повестке дня стояла буржуазная революция. Вот что писал Ленин в 1907 г.: «На этой экономической основе революция в России неизбежно является, разумеется, буржуазной революцией. Это положение марксизма совершенно непреодолимо. Его никогда нельзя забывать. Его всегда необходимо применять ко всем экономическим и политическим вопросам русской революции»⁵.

Однако Ленин к концу 1916 г., учитывая неравномерность развития империализма, пришел к осторожному выводу, что цепь империализма может быть прорвана в самом слабом звене, а победившая революция некоторое время будет развиваться самостоятельно, служа запалом для революции в других развитых странах.

Февральская революция и расстановка политических сил после свержения царизма заставила Ленина сделать шаг дальше. Он пришел к выводу, что таким слабым звеном является Россия; в апрельских тезисах Ленин взял курс на социалистическую революцию, расцененный «ортодоксальными» марксистами (в том числе Плехановым), как ревизионизм и авантюризм.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказалась вне магистрального пути, указанного классиками. Во-первых, она произошла фактически только в одной стране: социалистические революции в Венгрии и Германии потерпели поражение, а в других развитых странах пролетариат не смог подняться на революцию.

Во-вторых, она произошла в стране периферийного, среднеразвитого капитализма с большими пережитками докапиталистических производственных отношений, а не в самой развитой капиталистической стране. Теория зависимого, периферийного капитализма получила своё развитие в Латинской Америке в середине XX в., но само это явление было отмечено в России на несколько десятков лет раньше;

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 14.

некоторые элементы – ещё в конце XIX в., например, в работах Н.Ф. Даниэльсона. Известная критика Лениным многих теоретических выводов Даниэльсона отнюдь не направлялась на открытые им особенности развития капитализма в слабо развитой крестьянской стране.

Особенности периферийного капитализма налагают свои особенности на все стороны экономической и политической жизни страны. Если в классических буржуазных революциях капиталисты и феодалы-помещики выступали как заклятые классовые враги, то в условиях периферийного, зависимого капитализма в России капиталисты были союзниками помещиков и феодалов в их общей борьбе с рабочими и крестьянами. Английская, французская и американская буржуазия, бывшие во время своих революций заклятыми врагами собственных феодалов или рабовладельцев, в России были союзниками, в первую очередь, монархического царского режима, а не своих идейных единомышленников-либералов (кадетов). За несколько месяцев до Февральской революции английский посол получал инструкции не общаться с таким «левым» лидером, как кадет Миллюков!

Известно, что за полгода после Февральской буржуазной революции погрязшие в болтовне, поражённые парламентским кретинизмом кадеты, эсеры и меньшевики не решили насущнейших вопросов антифеодальной революции – вопросов о земле и мире. Большевики, взяв у эсеров мелкобуржуазную аграрную программу, сравнялись с ними в привлекательности для крестьянина, а, выступая за немедленное прекращение разорительной для крестьянства войны, большевики обошли эсеров в популярности. И существовавшая до революции «связка» помещик-капиталист помогла большевикам и Ленину использовать многомиллионную крестьянскую массу не только против помещиков в рамках буржуазной революции, но и против капиталистов в революции пролетарской.

Известно, что 25 октября 1917г. при объявлении о свершении революции Ленин дал её классовый анализ: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, совершилась»⁶. Впоследствии Ленин не раз повторял слова о двойственности не только революции, но и государства и партии. Например, через три года во время дискуссии о профсоюзах Ленин полемизировал и с Троцким, и с Бухариным, и говорил о рабоче-крестьянском государстве: «Тов. Троцкий говорит о «рабочем государстве». Позвольте, это абстракция. Когда мы в 1917 году писали о рабочем государстве, то это бы-

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 2.

ло понятно; но теперь, когда нам говорят: «Зачем защищать, от кого защищать рабочий класс, так как буржуазии нет, так как государство рабочее». Не совсем рабочее, в том-то и штука... У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское – это во-первых. А из этого много вытекает (Б у х а р и н: Какое? Рабоче-крестьянское?) И хотя т. Бухарин сзади кричит: «Какое? Рабоче-крестьянское?», но на это я отвечать ему не стану...

Но мало этого. Из нашей партийной программы видно – документ, который автору «Азбуки коммунизма» известен очень хорошо – ...видно, что государство у нас рабочее с бюрократическим извращением. И мы этот печальный, как бы это сказать? – ярлык, что ли, должны были на него навесить. Вот вам реальность перехода... Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства»⁷.

Ещё через два года, в одной из своих последних работ Ленин писал уже о партии: «Наша партия опирается на два класса и поэтому возможна её неустойчивость и неизбежно её падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашения. На этот случай принимать те или иные меры, вообще рассуждать об устойчивости нашего ЦК бесполезно. Никакие меры в этом случае не окажутся способными предупредить раскол. Но я надеюсь, что это слишком отдалённое будущее и слишком невероятное событие, чтобы о нём говорить».

То есть, уже не только революция рабоче-крестьянская, не только государство рабоче-крестьянское, но и коммунистическая партия рабоче-крестьянская. Например, в Брянской области в 1920 г. почти половина коммунистов представляла те районы области, в которых не было не только крупного машинного производства, но и вообще крупных и средних предприятий. При этом при чистке партии в 1919 г. в промышленном Брянском уезде было исключено 14% коммунистов, то в полупромышленном Новозыбковском – 56%. В сельскохозяйственных уездах «чистить» партию было некому, поэтому критикуемое в некоторых докладах «назначенство» имело свою объективную причину⁸.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 208–209.

⁸ Исaiчикoв В.Ф. «Революция начала XX века и победа Советов на Брянщине» // Материалы международной научной конференции «революция 1917 года В Рос-

Великая Октябрьская социалистическая революция была революцией рабочего класса и крестьянства, а если точнее – то крестьянской революцией под рабочим руководством. В начале двадцатых годов характер революции был ясен не только узкой группе ленинцев. Например, в 1924 г. далеко не самый известный специалист Л. Крицман писал о двойственном характере революции: «...историческое совпадение антикапиталистической и антифеодальной революции. Но дело было не только в этом двойном характере русской революции, но и в особенностях сочетания антикапиталистической революции (которая была бы чистой социалистической революцией, если бы не сочеталась с революцией антифеодальной), и революцией антифеодальной, которая была бы чистой буржуазной революцией, если бы не сочеталась с революцией пролетарской» [8].

Следовательно, в России и Советском Союзе после революции существовала совместная диктатура рабочего класса и крестьянства. Но как сосуществовала двойная диктатура, и как долго она существовала?

После революции и гражданской войны, когда, с одной стороны, были разбиты помещики и капиталисты, и когда, с другой стороны, угасли надежды на быструю помощь со стороны рабочего класса Западной Европы, главным врагом для рабочего класса стала мелкобуржуазная стихия.

«Мы имеем одного чрезвычайно опасного тайного врага, который опаснее многих открытых контрреволюционеров: этот враг – смертельный враг социалистической революции и Советской власти..., – враг, каким является стихия мелкого собственника»⁹.

«Либо мы подчиним своему контролю и учёту этого мелкого буржуа (мы сможем это сделать, если организуем бедноту, т. е. большинство населения или полупролетариев, вокруг сознательного пролетарского авангарда), либо он скинет нашу, рабочую, власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие. Так стоит вопрос. Только так стоит вопрос...»¹⁰

Следует ли напоминать, что самые худшие предположения Ленина исполнились? Через пару лет произошел раскол в партии (и в коммунистическом движении вообще) на два основных течения: мелко-

сии: история и теория», Санкт-Петербург. Дом Плеханова, 4–5 ноября 2007г. СПб, 2008. С. 6–12.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 235.

¹⁰ Там же. Т. 43. С. 208.

буржуазных (крестьянских) сталинистов (маоистов, ходжистов и пр.) и троцкистов, представлявших преимущественно слой зараженного мелкобуржуазностью рабочего класса. Власть в партии и стране захватила сталинская мелкобуржуазная фракция, которая ещё через десяток лет уничтожила остатки пролетарской линии в партии, ликвидировала преимущества рабочего класса при выборах в Советы, и фактически саму Советскую власть.

Чем определяется сила класса в классовом обществе? В первую очередь – силой того общественного богатства, которым он располагает, силой тех отношений собственности, которые вытекают из общественного разделения труда, уровнем развития производительных сил. На силу класса влияет также его организованность, его численность, его моральный дух. В связи с особенностями исторического развития эти соотношения специфические для каждой страны и каждого периода, и их подробный анализ требует толстых томов.

Известно, что В.И. Ленин, анализируя итоги Первой российской революции, пришел к выводу: «Вполне обнаружилась руководящая роль пролетариата. Обнаружилось и то, что его сила в историческом движении неизмеримо больше, чем его доля в общей массе населения»¹¹.

Некоторые (если не большинство) «марксоведов» восприняли эти слова Ленина явно некритически, как абсолютную истину и догму. «Неизмеримо больше» в данном случае означает «больше в неизвестное число раз», а не «бесконечно больше». Очевидно, что несколько десятков самых организованных, теоретически вооруженных и самоотверженных рабочих из-за своей малочисленности не смогут не то что совершить социалистическую революцию, но и существенным образом повлиять на политическое положение в стране: политику осуществляют миллионы.

Каково было соотношение в численности классов перед революцией? Грубые оценки таковы: подавляющее превосходство крестьянства, которое составляло 70–75% населения страны. Только около 10% - наёмные рабочие, причем численность фабрично-заводского рабочего класса составляла всего несколько процентов населения¹². Сходными цифрами оперирует и Ленин при работе над книгой «Развитие капитализма в России», написанной за 20 лет до революции: «...1) сель-

¹¹ Там же. Т. 3. С. 13.

¹² История СССР с древнейших времён до наших дней. Серия первая. Т. VI Россия в период империализма (1900–1917). М., 1968. С. 318–324.

скохозяйственные наёмные рабочие. Число их – около 3,5 млн ...2) Фабрично-заводские, горные и железнодорожные рабочие – около 1,5 млн ... 3) строительные рабочие – около 1 млн ... 4) рабочие, занятые в лесном деле..., земляными работами, сооружением железных дорог, работа по нагрузке и разгрузке товаров и вообще всякого рода «черными» работами в индустриальных центрах. Их около 2-х миллионов. 5) Рабочие, занятые капиталистами на дому, а также работающие по найму в обрабатывающей промышленности, не причисляемой к «фабрично-заводской промышленности». Их – около 2-х миллионов. Итого – около десяти миллионов наемных рабочих»¹³. При этом Ленин отмечает: «Другая, большая, часть ещё не порвала с землёй, покрывает отчасти свои расходы продуктами своего земледельческого хозяйства...»¹⁴ – то есть, большая часть наёмных рабочих имела, хотя и незначительные, средства производства и не являлась чистым пролетариатом.

Следует отметить, что численность эксплуататорских классов (капиталистов, помещиков, кулаков) в России перед революцией была больше численности промышленного фабрично-заводского пролетариата в несколько раз.

И эта непролетарская, преимущественно мелкобуржуазная стихия захлёстывала не только государство, но и партию, причём с разных сторон. Говоря о «левых коммунистах» в 1918 г., Ленин писал: «Во-вторых, они обнаруживают свою мелкобуржуазность именно тем, что не видят мелкобуржуазной стихии, как главного врага социализма у нас...»¹⁵

Автору уже не раз приходилось писать о мелкобуржуазной природе советского социализма, то есть об открытии промежуточной, не предсказанной классиками формации мелкобуржуазного социализма. Однако его слова до сих пор остаются гласом вопиющего в пустыне. Почему? Неужели для усвоения этого простого вывода требуется чрезвычайные мыслительные усилия? Ничего подобного! Через несколько лет люди будут удивляться сложившейся ситуации. Но дело не в сложности понимания, а в классовых предрассудках, которые мешают понимать.

Ленинскую оценку «левых коммунистов» стоит применить и к нашим теоретикам – они не видят мелкобуржуазной природы совет-

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 582.

¹⁴ Там же. Т. 3. С. 583.

¹⁵ Там же. Т. 36. С. 283–314.

ского социализма, потому что они сами являются выразителями мелкобуржуазных настроений. Например, на нашей конференции, говоря о неустоявшейся, неравновесной структуре современного российского общества, А.Сорокин говорил только о капиталистах и рабочем классе. Многочисленный же класс мелкой буржуазии им даже не упомянут.

И не случайно, что во время дискуссии о государственном социализме непримиримые противники, госкаповцы и сталинисты, были удивительно едины в оценках истории Советского Союза: высший период – 30–50-е гг.¹⁶ То есть именно тот период, когда крестьянство составляло более половины населения страны, и которое, даже будучи колхозным, сохраняло значительную часть своего мелкотоварного уклада. Это частное мелкотоварное производство на приусадебных участках (или другим способом) питало и питает как своевольный анархизм (госкаповцы), который видит главным недостатком советского социализма не неразвитость производительных сил, доставшихся этому социализму по наследству, а «наёмный характер труда» (т. е. вторичные юридические формы), так и преклонение перед бюрократическим диктатом (сталинисты).

Не случайно, что Сталин, например, в 1926 г. (через 3 года после ленинского предупреждения о возможности мелкобуржуазного перерождения партии) в докладах и резолюции XV партконференции «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)» отрицал такую опасность, а в программной книге вождя ливийского патриархально-мелкобуржуазного социализма М. Каддафи («Зелёная книга») даже нет понятия «мелкая буржуазия». Ряд идеологов, в том числе и на данной конференции, вообще не отличают класс «мелкая буржуазия» (собственников-тружеников) от низшей части класса «буржуазия», от мелких капиталистических собственников.

В послеленинский период в СССР натиск мелкобуржуазной стихии удержать не удалось – в том числе и потому, что партийное руководство не усвоило ленинских уроков. За эти ошибки большая часть партийного руководства заплатила дорого – честью и жизнью, так как победившая мелкобуржуазная сталинская фракция уничтожила своих противников чисто физически. В конечном счете, дело не в личности самого Сталина: победила бы другая мелкобуржуазная фракция,

¹⁶ Среди сталинистов такой подход является преобладающим; путаники-госкаповцы не всегда делают такой вывод, но, его сделал, например, С. Губанов («Госкапитализм и социализм», «Что делать?». 21. 2005).

результат был бы аналогичный – хотя, возможно, без крайних эксцессов вроде ежовщины и бериевщины.

В таких условиях мог более или менее устойчиво существовать только мелкобуржуазный социализм. Поскольку развитие производительных сил повсеместно уничтожает натуральное и мелкотоварное хозяйство, то такой социализм не может быть устойчивым на длительный период.

Предельный случай такого неустойчивого непролетарского социализма представлял полпотровский социализм в Кампучии, в которой практически отсутствовал рабочий класс – и несколько лет там существовал реакционнейший крестьянский социализм, материальная основа которого была гораздо ближе к первобытному коммунизму, чем к пролетарскому социализму.

Изучение особенностей борьбы классов в соцстранах – важная задача историков, и в короткой статье решить её невозможно. Например, помощь в борьбе с бывшим союзником Ленин искал даже у бывших врагов – иностранного капитала (под государственным контролем) – того, что Ленин называл государственно-капиталистическим укладом, видя в нём меньшее зло – и это именно то, что в настоящее время активно используется в КНР.

Однако очевидно, что историки смогут разобраться с особенностями борьбы классов в соцстранах только в том случае, если они правильно видят основные процессы. Заведомо ясно, что особое место в этой группе занимают ГДР и Чехословакия (а также СССР во второй половине XX в.) – страны с развитой промышленностью и сравнительно незначительной численностью крестьянства и других мелкобуржуазных слоёв. В этом отношении для понимания причин мелкобуржуазного характера социализмов того времени будет полезен ленинский подход к причинам появления оппортунизма в рабочем движении: «Во всех капиталистических странах пролетариат неизбежно связан тысячами переходных ступеней со своим соседом справа: с мелкой буржуазией. Во всех рабочих партиях неизбежно образование более или менее ярко обрисованного правого крыла, которое в своих взглядах, тактике, в своей организационной «линии» выражает тенденции мелкобуржуазного оппортунизма»¹⁷.

И в случае временных совместных диктатур, и в случае мелкобуржуазных диктатур под пролетарскими лозунгами особенное влияние

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 112.

получала бюрократия, защищавшая общие интересы правящих классов (в том числе – и от отдельных частей господствующих классов).

Развитие производительных сил вытесняет мелкотоварное производство и разлагает мелкобуржуазные классы и слои на пролетариат (рабочий класс) и на буржуазию. Если при капитализме этот процесс идёт без особых помех, то при мелкобуржуазных социализмах при разложении и вытеснении мелкотоварного производства формирование буржуазии затруднено (но не исключено). Поэтому, как только было ослаблено подавление капиталистического накопления, началось формирование сравнительно устойчивого класса капиталистов (преимущественно «теневых»).

К моменту, когда мелкобуржуазный социализм в соцстранах себя изжил, сравнительно малочисленный класс капиталистов не только прекрасно понимал свои классовые интересы, не только имел поддержку от мирового капитала и мелкобуржуазных слоёв, но и был лучше организован. Рабочий же класс, составляя большинство населения страны, был деморализован и дезорганизован, потерял свой авангард – правящую партию (КПСС), в своём большинстве представлявшую интересы других классов и слоёв. Хотя численность рабочего класса среди членов КПСС составляла около половины, но в партийном и государственном руководстве она была ничтожной; тем более, что и там рабочий класс был представлен преимущественно прослойкой «рабочей аристократии», «президиумных рабочих». (После Августовской контрреволюции в рядах организованного коммунистического движения ни один из них не стал партийным или рабочим лидером, да и остались они в коммунистическом движении считанные по пальцам одной руки).

В условиях, когда рабочий класс остался отлучённым от управления государством, бюрократия постепенно переключалась на защиту интересов капиталистов, зачастую срачиваясь с ним. Но вот ответить на вопрос, было ли поражение рабочего класса в СССР и в других странах неизбежно, пока мы не можем. Во-первых, Китай и еще 3 страны сохранили свои локальные социализмы, а, во-вторых, для ответа требуется глубокий анализ классовых сил, сочетания объективных и субъективных условий в каждом конкретном случае.

Поэтому одним из выводов, который мы, коммунисты-марксисты, обязаны сделать – это то, что в послеленинский период в правильном понимании и развитии марксистской теории сделано было ничтожно мало, или сделанное относится к второстепенным вопросам теории и практики. Основной вопрос – **классовая природа образовавшихся**

локальных («национальных») социализмов, – не был правильно решён (и нерешённым остаётся для подавляющего большинства теоретиков до сих пор). Более того, нет понимания, что эти социализмы, несмотря на существование так называемого соцлагеря, оставались локальными («национальными») и экономические связи между соцстранами СЭВа были слабее, чем в ЕЭС. Кроме того, социализмы в Кампучии или Монголии отличались от социализмов в ГДР или Чехословакии не просто деталями, но и классовой природой (что не мешало им всем вместе быть непролетарскими социализмами); то же самое можно сказать и о социализме в СССР в 1924 г. и в 1980 г.

В этом случае можно говорить не просто об одной формации, а о некотором «спектре» однотипных формаций. Являются ли они побочными завихрениями относительно общего мирового капиталистического развития (в случае, если они неспособны превратиться в социализм рабочего класса), или являются неустойчивыми, но промежуточными фазами между капитализмом и пролетарским социализмом (как первой фазы коммунистической формации)?

И вот именно на этих вопросах должны сосредоточить свои усилия коммунисты-теоретики (ибо без их решения трудно идти вперёд), а не изобретать «велосипеды», не выдумывать ещё одной версии причин поражения социализма, и уж, тем более, не заниматься маниловщиной, не выдумывать ещё одной версии его последующего построения после чудесного божественного акта по приходу нынешних коммунистов к власти.

А.В. Резник

***Левая оппозиция 1923 года об идеалах
и реальности внутрипартийной
демократии***

Внутрипартийная борьба, развернувшаяся с октября 1923 г. между фракцией «триумвирата» (Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, И.В. Сталин) и группой «левых оппозиционеров» (лидеры – Л.Д. Троцкий, Е.А. Преображенский, Т.В. Сапронов), оказала колоссальное влияние на судьбу СССР и коммунистического движения. Глобально и «сверху» она хорошо изучена¹, но представляют особый интерес процессы развития событий локально и «снизу».

В фондах Российского государственного архива социально-политической истории отложились документы, собранные работниками секретариата ЦК ВКП(б) в разгар противостояния – протоколы, резолюции, отчеты и др. Среди прочих, выделяется резолюция, принятая собранием ячейки Штаба политического Управления, Штаба ЧОН и управления Военных сообщений Московского военного округа 14 декабря 1923 г.² Она резко отличается от шаблонных текстов того времени и по форме, и по содержанию. Позиция одних из наиболее радикальных сторонниковлевой оппозиции была выражена в форме, наиболее свободной от канцеляристского языка. Это примечательный

¹ Из новейшей научной историографии см.: Олех Г.Л. Поворот, которого не было: Борьба за внутрипартийную демократию 1919 – 1924 гг. Новосибирск, 1992; Кружиков В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000; Роговин В.З. Была ли альтернатива? (Троцкизм: взгляд через годы). М., 1992; Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях нэпа. М., 2000; РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923. М., 2004; Павлюченков С.А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008; Hincks D. Support for the Opposition in Moscow in the Party Discussion of 1923–1924 // Soviet Studies 44(1), 1992. P.137–152; Halfin I. Intimate enemies. Demonizing the Bolshevik opposition, 1918–1928. University of Pittsburgh Press, 2007; Pirani S. The Russian Revolution in Retreat, 1920–24. Soviet workers and the new communist elite. Routledge, 2008

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 205. Л. 26–27

источник по истории как субъективных представлений коммунистов, так и объективных реалий советского общества.

«Немедленно упразднить назначенство как систему» – так звучал первый пункт этого оппозиционного документа. Если учитывать «букву закона» – резолюцию ЦК «О внутрипартийной демократии» 5 декабря 1923 г., провозгласившую «новый курс» партии – то здесь нет ничего оппозиционного. Официальная политика заключалась в актуализации резолюции X съезда «о внутрипартийной демократии» (которая не воплощалась в реальности). Даже риторика критики назначенства и бюрократизма стала входить в обиход публичного ритуала. Но следующий пункт дал работникам аппарата ЦК полное право занести резолюцию в разряд крамольных: это было требование введения выборности всех «ответственных работников» и отмену голосования по спискам. Это был удар по руководству ЦК, ответственному за рост назначенства³. Голосование по спискам было (и остается) излюбленным приемом избежать детального обсуждения качественного состава делегатов или решения вопросов.

Далее в тексте требовалось: «провести фактическую ответственность парторганов перед партийной массой, а не только перед вышестоящими инстанциями». Это означало возможность немедленного переизбрания ответственных (6-й пункт развивает мысль: «Провести перевыборы всех парторганов, которые ранее были назначены»).

Структура текста многое говорит о настрое авторов резолюции – уже четвертым пунктом звучит распространенный протест против обвинений во фракционности всех, кто критикует «старый курс». Вписав лишь один этот пункт, ячейка автоматически попадала – согласно «аппаратчикам» – в разряд оппозиционных, и зачастую не публиковалась в контролируемой «аппаратом» прессе (чем таюже возмущались авторы, требовавшие «своевременной и правдивой и полной информации»). Важным свидетельством о противоречиях между «верхами» и «низами» служит 5-й пункт, требующий «предоставить в первую очередь ячейкам решать вопрос о применении репрессий к членам пар-

³ Из 89 секретарей губкомов с X по XII съезд «рекомендовано ЦК непосредственно в секретари 21 товарищ... рекомендовано ЦК на ответственную работу или без указания квалификации и использовано секретарями 19 товарищей. Утвержден ЦК секретарем Губкома 1 товарищ. Оставлен ЦК секретарем укома 1 товарищ» (О назначениях руководящего состава губкомов, произведенных ЦК за время от X до XII-го партсъезда. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 559. С. 19, 20). Из 191 секретаря губкомов, занимавших свои посты летом 1922–осенью 1923 г. рекомендованных или назначенных насчитывалось 94 (49,2%) (Павлюченков С.А. Указ. Соч.)

тии». Предположительно, важным импульсом для недовольства послужили слухи о призыве Ф.Э. Дзержинского на сентябрьском пленуме ЦК доносить в ОГПУ обо всех фракционных группировках. В русле борьбы с «бюрократившимися» работниками, проводившими «анти-демократическую политику», звучали многие тезисы резолюции: о подмене «общепартийного мнения» мнением «аппарата», о явлениях «казенщины» и «рабской психологии» и др.

Подвергнув сомнению компетентность делегатов планируемой январской партконференции 1924 г., и потребовав продлить дискуссию до XIII партсъезда (март 1924 г.), оппозиционеры выдвинули «некоторые частичные, но конкретные предложения». Впоследствии некоторые из них были приняты по существу (чистка против хозяйственников... но с ударом по оппозиционерам), другие формально (свобода выбора повестки дня ячейками, кампании по борьбе с излишествами), но большая часть существенным образом отличалась от практикуемых (вплоть до развала КПСС) норм. Оппозиционеры призывали «уничтожить институт всяких почетных членов, почетных председателей, почетных работников и т. д.», «прекратить... переименование чего бы то ни было (городов, улиц, казарм, и т. д.) именами живых партийных работников», «прекратить посылку трафаретных приветствий на каждом собрании или конференций», «вывести из практики хотя бы официальные ссылки на личные авторитеты, заменяя их коллективным авторитетом: Съездов, Конференций и проч.», «прекратить многочисленные юбилеи, выродившиеся в чуждые пролетарской партии, казенные торжества и к тому же влекущие за собой громадный расход народных средств», «избирать... по принципу деловитости и знания дела, а не слепо по признаку занимаемой должности, большого стажа, заслуг в прошлом и т. п.», «повести решительную борьбу со всякими излишествами со стороны членов партии, начиная с самой верхушки» и т. д.

Согласно официальным данным «Правды», 26 из 65 военных ячеек Москвы поддержали Левую оппозицию (самый высокий показатель по стране). Конечно, это не означает, что все голосовавшие в полной мере осознавали суть происходящего. Несомненно, что сотни и тысячи большевиков откликнулись на речи Преображенского или статьи Троцкого, решались критиковать бюрократизм и защищать минимум своих демократических прав. Социалистические идеалы они ставили в основу критики реальности, возможность преобразования которой мыслилось в связи личной активности и самостоятельности всех коммунистов.

В.В. Волков

Гипотеза о докапиталистическом социализме в СССР

Под социализмом в XIX в. понимали учение (движение) о целенаправленно создаваемом людьми общественном устройстве, при котором должно происходить уничтожение или ограничение частной собственности. Этот социализм в широком смысле исходя из способа распределения продуктов делился на:

– социализм в узком смысле слова, в котором потребление регулируется доходом при посредстве особого покупательного средства, и на

– коммунизм, где потребление или совершенно свободно, или же регулируется непосредственным распределением продуктов в натуральном виде между отдельными лицами. Следовательно, коммунизм отрицает необходимость пропорциональности между тем, что лицо дает обществу и тем, что оно от него получает.

Уничтожение частной собственности и условий ее порождающих должно было привести, по мысли социалистов XIX в., к полной реализации принципов свободы, равенства и братства. Однако, Маркс и Энгельс уточнили, что это возможно только во всемирном масштабе в связи с универсализацией производительных сил и общения людей.

Тем самым классики четко отделили вопрос о коммунизме как формации от вопроса о социализме и коммунизме как укладе. Коммунизм-формация имеет только послекапиталистический характер, коммунизм (социализм) – уклад может иметь и докапиталистический (СССР), и квазикапиталистический (кибуцы), и послекапиталистический характер.

Поэтому, аристократический, монархический, национальный (советский или, например, кибуцный) и т. п. коммунизмы (и социализмы) возможны, но только как временное явление и в обществах низкого уровня развития, как способ буржуазной модернизации.

Гипотеза о том, что в СССР происходил революционный переход не к коммунистическому, а к буржуазному обществу (модернизация) основана на нескольких положениях.

В царской России переход к капитализму далеко не завершился.

В результате крушения СССР в России возникло буржуазное общество.

Тенденции развития советского общества в корне противоречили марксистскому варианту перехода к коммунизму:

переход осуществлялся не во всемирном масштабе;

государственность не исчезала, а укреплялась;

товарно-денежные отношения развивались;

буржуазное сознание народных масс расширялось;

из бюрократии и «теневиков» возникала новая буржуазия;

национализм нарастал;

советская демократия частично отмирала, частично заменялась элементами парламентаризма.

Однако, было ли советское общество капиталистическим, то есть функционировал ли в нем капиталистический способ производства? На наш взгляд, нет, не функционировал, так как отсутствовал главный элемент капитализма (помимо найма рабочей силы) – рыночно-конкурентные отношения: купля-продажа производилась, но только плановая (теневой сектор не в счет).

Поэтому единственно верный ответ на вопрос о сущности советского строя лежит в русле учений великих социалистов-утопистов XIX века: сен-симонистов и Пекера. Они создали умозрительные конструкции нового общества, наиболее полно «совпавшие» с советской действительностью¹.

М.И. Туган-Барановский при классификации разновидностей социализма и коммунизма описанную систему справедливо относит к **государственному социализму (коллективизму)**.

Точно также понимали государственный социализм Маркс и Энгельс.

Последний писал: «Социал-демократическая партия не имеет ничего общего с так называемым государственным социализмом, системой огосударствления в фискальных целях, которая ставит государство на место частного предпринимателя и тем самым объединяет в од-

¹ Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. М., 1996. С. 284–286.

них руках силу экономической эксплуатации и политического угнетения рабочего»².

Отождествление **социалистичности** в экономическом плане с государственной монополией, а в социальном – с **пролетарскостью** не имеет ничего общего с марксизмом. Согласно его основам установление диктатуры пролетариата и утверждение централизованного планового хозяйства под эгидой государства отнюдь не означает непосредственного социалистического переустройства, предваряющего коммунизм. К. Маркс и Ф. Энгельс по этому поводу писали: «Несправедливость в отношениях собственности», обусловленная современным разделением труда, современной формой обмена, конкуренцией, концентрацией и т. д., никоим образом не обязана своим происхождением политическому господству класса буржуазии, а, наоборот, политическое господство класса буржуазии вытекает из этих современных производственных отношений, провозглашаемых буржуазными экономистами в качестве необходимых и вечных законов. Поэтому, если пролетариат и свергнет политическое господство буржуазии, его победа будет лишь кратковременной, будет лишь вспомогательным моментом самой буржуазной революции, – как это было в 1794 г., до тех пор, пока в ходе истории, в ее «движении» не создались еще материальные условия, которые делают необходимым уничтожение буржуазного способа производства, а, следовательно, также и окончательное свержение политического господства буржуазии»³.

Очевидная марксистская аксиома, – а, именно то, что до созревания предпосылок всемирной коммунистической революции всякая пролетарская революция и пролетарская власть есть явления местные, ограниченные, не ведущие непосредственно к коммунизму и что подходить к ним нужно с величайшей осторожностью, – долгое время признавалась и В.И. Лениным. Размышляя над термином «завершение буржуазно-демократической революции», в работе «Заметки публициста» он писал: «Если его употребляют в широком смысле, то под ним разумеют решение объективных исторических задач буржуазной революции, «завершение» ее, то есть устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию, завершение всего цикла буржуазных революций. В этом смысле, например, во Франции буржуазно-демократическая революция завершена была лишь 1871

² Энгельс Ф. Социал-демократическая программа 1891 года //Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 623.

³ Маркс К. Морализирующая критика и критицизирующая мораль //Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 299.

годом (а начата в 1789 г.). Если же употребляют слово в узком смысле, то имеют в виду революцию отдельную, одну из буржуазных революций, одну из «волн», если хотите, которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций»⁴.

Еще ранее, в 1908 г., реферируя свою книгу «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 гг.» для журнала польских марксистов «Социал-демократическое обозрение», В.И. Ленин так изложил свою точку зрения: «Наша революция есть буржуазная революция именно потому, что в ней борьба идет не между социализмом и капитализмом, а между двумя формами капитализма, двумя путями его развития, двумя формами буржуазно-демократических учреждений. И Монархия октябристов или кадетов есть «относительная» буржуазная «демократия» с точки зрения меньшевика Новоседского. И пролетарски-крестьянская республика есть буржуазная демократия»⁵.

Следовательно, советское общество представляло собой государственно-социалистическую переходную к капитализму систему. То есть советский строй не приводил и не мог в принципе в силу своих исторических условий и «задач» привести к посткапиталистическому социализму и в целом к коммунистической формации.

Это был докапиталистический социализм и, на наш взгляд, его вполне можно считать прогрессивным историческим явлением, ибо он способствовал тому, что менее развитое общество переходило к более высокой ступени эволюции, т. е. к уровню буржуазной формации.

Почему же так получилось, что революционное государственно-социалистическое рабоче-крестьянское движение в России приобрело прогрессивный характер (что, на первый взгляд, вроде бы противоречит воззрениям Маркса и Энгельса)? Это стало возможным в связи с вступлением мира в эпоху империализма.

В свое время выдающиеся советские историки – представители «нового» научного направления предметно показали, что в периферийных странах в условиях господства монополистического капитализма ни одна общедемократическая задача не могла разрешиться без постановки тех задач, которые мы назвали государственно-социалистическими.

⁴ Ленин В.И. Заметки публициста // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 19. С. 246–247.

⁵ Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в русской революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 17. С. 167.

Идейно-политической составляющей советского докапиталистического социализма стал большевизм.

Каковы «родовые» черты большевизма?

Авангардизм, то есть господство партии над массами и их формами самодеятельности при согласии большинства трудящихся на это.

Преобладание опоры на госаппарат.

Демцентрализм.

Ориентация на построение **местного государственного социализма** – социализма в одной стране или группе стран.

Решение задач буржуазно-революционного процесса под социалистическим флагом. Вот эти задачи:

– создание **производительных сил буржуазной формации**, то есть индустриальных производительных сил;

– подготовка условий для развития капиталистических производственных отношений;

– подготовка условий для развития политических форм капитализм;

– вызревание субъекта буржуазных преобразований.

Следовательно, большевизм – это наиболее адекватная форма буржуазной модернизации в России первой половины XX в. Сталинизм – это наиболее адекватная форма большевизма. А вот троцкизм не вполне подходил для этой роли из-за отрицания возможности построения социализма в одной стране и поэтому был сметен ходом истории.

Таким образом, «советская цивилизация» была не альтернативным путем к новой коммунистической формации, а альтернативой западному варианту перехода к буржуазному обществу. Субъективно для многих советский социализм стал началом коммунистической эпохи, но объективно это была буржуазная по своей сути модернизация в форме антикапиталистического бунта модернизирующейся «традиции».

В.И. Сиротин

Мой ответ «логике»¹

Странные у некоторых людей представления о разных вещах. Говорят о каком-то обществе, которого не было никогда и нет нигде. Социализм возможен только, как мировая система. Почему – тема отдельная и здесь я ее подробно касаться не буду.

Отмечу только, что у нас был государственный капитализм, ничего общего не имевший ни с социализмом, ни с какой бы то ни было левизной.

Что же касается автора, то он ошибается, как минимум, по нескольким существеннейшим моментам! Прежде всего - миф о равенстве. Никогда в СССР не было

социального равенства и близко. Господствующий класс – номенклатура или, правильнее сказать – государственная буржуазия нещадно эксплуатировал народ. Причем уровень этой эксплуатации был значительно выше, нежели в демократических буржуазных государствах Запада. Конечно, децильный коэффициент (то есть разница в уровне доходов между 10% наиболее обеспеченных и 10% самых бедных слоев населения) был существенно ниже, нежели сейчас, однако номенклатура пользовалась огромными, фантастическими привилегиями. Закрытые распределители, денежные доплаты, спецпайки, бесплатные или очень дешевые заказы, шикарное обслуживание, отдельные курорты, больницы, санатории, магазины и т. п. Продолжать можно бесконечно. Не говоря уже о том, что члены Политбюро ЦК КПСС и Секретариата имели право открытого счета в Госбанке СССР, то есть могли в любой момент беспрепятственно брать оттуда любые денежные суммы, являясь, фактически, хозяевами всей страны.

Далее. Насчет равенства-неравенства возможностей. Автор считает, что гипотетически любой может стать капиталистом. (Это, разумеется, верно, но в основном лишь теоретически). Спешу его заверить: в СССР (опять же гипотетически) любой человек мог выбиться в верхи и

¹ Статья ранее опубликована см.: «Общественный резонанс». №1 (5). 2010.

стать членом класса номенклатуры! Естественно, в основном, лишь теоретически. Реальные шансы стать «господами-хозяевами» для простых людей примерно как были, так и остаются одинаковыми. (То бишь почти нулевыми.) Так что особо мудрить тут нечего.

А известно ли уважаемому автору, что такое политические репрессии (против несогласных и инакомыслящих), «профилактические» вызовы на беседу в КГБ, выездные комиссии (это когда на бюро парткома вместе с представителями соответствующих органов решали: отпустить ли тебя за границу (даже на несколько дней в Болгарию, к примеру) или ты «недостойн»?!) В свое время, автор этих строк не смог приехать по официальному вполне законному приглашению в ГДР, поскольку надо было заполнить...анкету на 150 вопросов. Подробнейшим образом. Мы плюнули и решили не связываться. (Какой уж тут Париж или Лондон.) Только через длительное время после краха «совка», а именно в 2000 го. мне удалось съездить за рубеж. (Был в Испании и Португалии.)

Продолжаю дальше: лагеря, психушки, «101-й километр», травля, проработки людей и в «органах» и на работе и в учебных заведениях, везде!

А невозможность на большей части территории страны достать нормальные приличные вещи, купить качественные продукты. (С 1974 г. на значительной части пространств этого разбойничьего государства действовала карточная система в виде талонов на большинство продуктов.) Хронический дефицит всего и вся!

Нет уж спасибо. Я не знаю возраст автора. Если он застал «советские» времена и хочет туда, то подобных мазохистов мне не жалко. Если же нет, что, скорее всего, то пусть не путает свои представления с реальностью. Идеализация прошлого, особенно дурно понятого – признак чрезвычайно нехороший!

П.С. Кстати, далеко не все рабы, имей они возможность стать рабовладельцами, пошли бы по такому пути и стали сторонниками рабства. (Отдельные рабы и крепостные в истории становились богатыми людьми, заводили своих крепостных или рабов и даже освобождались при этом на волю. Всякое бывало.) Зависит от человека и ситуации. Многие боролись бы (и боролись в реальности) против всякого рабства, угнетения вообще. То, о чем пишет автор отнюдь не фатально. Зря он столь категоричен в этом отношении!

М.П. Кропоткин

Ответ не «логике»

«Странные у некоторых людей представления...» – с этого начинается Владимир Сиротин: Вот это замечено верно.

«Социализм возможен только как мировая система» – сказано сильно – и бездоказательно. А главное – практически требует частички «не» после первого слова, ибо шанс одновременного возникновения революционной ситуации во всех крупных и развитых странах очень близок к «0». Одновременная кризисная ситуация – возможна, а вот одновременный переход к социализму вследствие как слабости буржуазии, так и готовности трудящихся управлять – крайне маловероятен.

Строй в СССР «ничего общего не имел ни с социализмом, ни с какой бы то ни было левизной». Ну, надо же! Множество общественных и политических деятелей, даже в развитых странах Запада, признавали огромное социализирующее влияние СССР даже на эти, более благополучные страны (при всем тамошнем потоке антикоммунистической информации!), а мы не видим «никакой левизны».

«Никогда в СССР не было социального равенства и близко» – утверждает Сиротин. «Номенклатура нещадно эксплуатировала народ, причем уровень эксплуатации был значительно выше, нежели в демократических буржуазных государствах Запада». Но соотношение доходов 20% наиболее и 20% наименее обеспеченных, составляло в позднем СССР 2,5:1, что заметно меньше, чем в ФРГ или Японии, не говоря о США. Да, «верхние» 20% населения – это не номенклатура, той в десятки раз меньше, но и ее доходы известны, и в сравнении с доходами крупного и даже среднего нынешнего капитала – смехотворны. Что касается других привилегий, то их если и можно назвать «фантастическими», как у Сиротина, то только фантастически малыми по современным меркам. Все эти подъезды и квартиры улучшенной планировки, небольшие в общем-то госдачи, спецпайки, больницы, улучшенные номера и питание в санаториях...

При этом ведь общий размер «пирога» был вполне сопоставим с нынешним. РСФСР конца 1980-х имела фонд общественного потребления и накопления (включая личное потребление военнослужащих, строительство жилья, школ, больниц и т. д.) около 90% от уровня сегодняшней РФ (по ВВП РСФСР превосходила РФ 2010 г. на ~30% – разница обусловлена значительно большими в РСФСР производственным накоплением и материальной составляющей военных расходов).

Упоминая об «открытых счетах» для членов Политбюро, В. Сиротин путает беспрепятственность и бесконтрольность. Попытка получить 1 млн руб., даже если бы удалась, в самый короткий срок стоила бы этому «члену» своего поста. Нетрудно сравнить с нынешними олигархами... Вот такие «хозяева всей страны».

Если же брать всю систему соответствующих «привилегий», как внезарплатных преимуществ, то она в различнейших формах охватывала десятки миллионов людей (включая членов семей), являясь во многих (не во всех) случаях справедливой и необходимой формой поощрения видов деятельности, профессий и должностей, что менее прицельно поощрялось бы в денежных формах.

«Далее. Насчет равенства-неравенства возможностей», как пишет Сиротин. Тут и правда «особо мудрить нечего» – достаточно сравнить биографии абсолютного большинства членов ЦК, министров, замминистров, директоров предприятий, главных конструкторов, крупных ученых, деятелей культуры в позднем СССР – и долю потомственных богачей в любой капиталистической, даже западноевропейской, стране. «Блат» играл заметную роль при поступлении, пожалуй, лишь в МГИМО и ВГИК. В остальных вузах размер его был ничтожным и не препятствовал честному поступлению молодежи из самых разных слоев общества. Для полноты картины добавим еще например, что в родной для меня МГУ 10–15% всех студентов поступало через т. н. «рабфак» – специальный целый год подготовительного курса для ребят после армии, почти исключительно из рабочих и сельских семей. Со стипендией!

Вообще для специалистов естественных и технических наук бесконечные рассуждения о том, чего не хватало в СССР для получения «звания» социалистического общества и государства, откровенно говоря, смешны. Ясно, что возникшие у нас и во многих других странах общества, были явлением новым, не феодальным (маловыражены сословность, права наследования и др. основные черты) и не капиталистическим (доля реального присвоения партийно-хозяйственной «верхушки» много меньше буржуазного присвоения даже в западноев-

ропейских странах, нет рынка капиталов, нет ссудного банковского капитала, нет сколь-нибудь полноценного регулирования производства рынком и т. д.) Поскольку по Марксу за этими формациями следует лишь «коммунистическая» (социалистическая на I этапе), то надо либо отказываться от марксизма, либо признавать возникшие общества неразвитыми социалистическими. Конечно, со значительными элементами «госкапа», как последней стадии капитализма.

Но неизбежно с ними! Сложные технические (и биологические) системы всегда возникают в несовершенных и малоэффективных (по последующим меркам) формах, со многими чертами своих предшественников. И лишь в ходе длительного эволюционного развития такие системы обретают совершенные черты. Причем ход эволюции определяется изменением потребностей, «приоритетов» из-за развития внешних воздействий. Из-за этих воздействий нередко происходят «откаты» биологических и технических объектов по отношению к максимально достигнутому уровню (уменьшение ареалов распространения, размера, веса, скорости, мощности и т. д.), ради обретения (усиления) некоторых других свойств, которые оказываются более важными на конкретном этапе развития. А ведь общества посложнее самолета или стаи гусей.

Проблема «реального социализма» не в том, что он, якобы, был «госкапом» (с чего бы это вдруг высшая стадия капитализма проиграла предыдущим?), а в том, наоборот, что его отличия от предшествующей системы оказались чрезмерно велики и превысили средние цивилизационные потребности и возможности (социальные, психологические) планеты Земля XX в. А плавно отступить, сохранив часть изменений, большинство «протосоциалистических» структур, сформировавшихся для жесткого противостояния «старому миру», оказались не в состоянии.

Ростки социализма, опередившие средний уровень социума, оказались «атакованы» сразу по двум направлениям – со стороны мещанства – «хочу быть не творцом, а сугубым потребителем, и побольше, побольше!», и со стороны традиционных (для России особенно – и в их рождении и укреплении «заслуга» не Сталина, а российского царизма) черт общественного сознания – «не хочу думать и решать – для этого начальство есть». Этот «второй антисоциалистический фронт» породил мощную авторитарно-националистическую тенденцию в нашей стране, заразившую и огромную часть «левых». Сталин – не социалистический лидер, а державник, поздний СССР – не авангард интернациональной социализации планеты, не общество, развивающее в сво-

их членах активность, ответственность и самостоятельность, а чисто патерналистское гнездышко – вот их знамена, дополняемые коронным восприятием: «понаехали тут (кавказцы, узбеки, евреи, вьетнамцы...) и мешают мне, такому замечательному» (хотя сам я торговать на рынке или убирать подъезды ни за что не пойду). «Да еще и убирают, чурки, не идеально!» (от мы бы в Самарканде при подобных условиях жизни показали бы класс уборки! Да...).

Спору нет, 150 пунктов в анкете на поездку в ГДР, как и многое другое, конечно, были глупостью (хотя несколько лет назад, заполняя анкету на поездку в Англию на ЕСФ, мне тоже пришлось потратить часа полтора на анкету из полсотни пунктов), но фраза «мы плюнули и решили не связываться», говорит о многом. Если волевой настрой человека не позволяет преодолеть трудность продолжительностью в несколько часов, то как же он будет участвовать в многочисленных, и в основном – не судьбоносных, но необходимых, работах по строительству социализма? Да без этого в простенький турпоход не пойдешь!

Искренне жаль человека, который, прожив детство и юность в СССР, умудрился так и не увидеть ничего хорошего, ни одного ростка «общества будущего», и для которого все тогдашнее общественное устройство свелось к «психушкам», карточкам и выездным комиссиям. Все прошло мимо – образование, наука, внедрение культуры, развитие детского творчества, массового спорта, здравоохранение, особенно профилактическое, господствовавший и проявлявшийся во множестве дух общности, порожденный именно не индивидуально-капиталистической, а общей судьбой... Перечислять можно много. Еще проще сравнить – с Россией капиталистической.

Но дело не только в том, что подобные «марксисты» обречены навсегда остаться в роли брюзжащих критиков на обочине. Эта позиция наносит большой вред левому движению. Все, что отклоняется от «идеального социализма», объявляется чуждым (с соответствующими ярлыками), а значит нам, «марксистам», не с руки за это бороться и не надо это поддерживать (даже критикуя и стараясь поправить «процесс»).

Социалистическое общество неизбежно на первых порах отметет лишь наиболее мешающие ему формы старого жизнеустройства. Сохранение достаточного уровня общественной активности в нем вкупе с перманентными кризисными явлениями в той части планеты, которая еще останется «чисто капиталистической» (а капитализм XXI в. видимо, уже не сможет найти новые резервы для бескризисного развития) и обеспечат постепенную социализацию Земли. Преимущество в

информационно-психологическом противоборстве будет играть важнейшую роль.

Формы же социально-политического и экономического устройства, соответствующие «правильному» (а точнее – идеальному) социализму, будут являться, видимо последующими стадиями развития общества, переходного уже к коммунистическому. На этом этапе, вероятно, все крупные и наиболее развитые регионы, действительно будут иметь уже некапиталистическую основу.

Интеллигенция в СССР

(интервью с академиком А. Александровым)

Недавно один из активистов ассоциации «Учёные за демократию и социализм», сопредседатель Ленинградского регионального отделения Интерсоюза, доктор технических наук И. Абрамсон встретился с выдающимся отечественным математиком, академиком А. Александровым, в прошлые годы возглавлявшим Ленинградский, а затем Новосибирский университеты.

Началась беседа с воспоминаний о популярном философском семинаре физиков Ленинградского университета и, в частности, о сокрушительном отпоре, который в 1949 г. А. Александров, В. Фок, Л. Гуревич и другие учёные дали попыткам превратного использования положений диамата ничего не понимающими в нём ретроградами для разгрома современной физики, подобно učinённой незадолго до этого экзекуции отечественной генетики. Дальнейший ход разговора передан ниже, где акад. А.Д. Александров отмечен инициалами А.Д., а д.т.н. И.Г. Абрамсон – инициалами И.Г.

И.Г. В среде учёных социалистической ориентации мучительно дискутируется проблема сущности того строя, который был так легко побеждён буржуазной контрреволюцией 1991 г. Этими дискуссиями заполнены страницы журнала «Альтернативы». А.В. Бузгалин в своих выступлениях и в вышедшей в 1996 г книге «Будущее коммунизма» оперирует термином «мутантный социализм». Именно такой уродливый, деформированный социализм вместе с бюрократическим перерождением партийно-государственных элит обусловили историческое поражение 1991 г. А ясность в вопросе необходима – чтобы не допустить в будущем отступлений от естественноисторического процесса. Ясность необходима и для того, чтобы новые левые, их планы, их стратегия были поняты теми, кто, не поддерживая нынешнюю власть, вместе с тем осторожно относится к коммунистам. И вот снова возникают вопросы относительно нэпа в новых условиях, относительно китайского пути и т. д. Многие – и я с этим тоже согласен – считают, что со-

циализм – это переходный этап, который представляет собой состояние борьбы двух способов производства: нарождающегося коммунистического и сопротивляющегося ему капиталистического. Мне кажется, что ленинская революционная версия марксизма и каутскианско-плекхановская должны в ближайшем будущем синтезироваться. И можно говорить о конвергенции как определённом этапе, который исторически вычленяется, но не как этапе какого-то механического смешения двух способов, а как этапе их достаточно жёсткой борьбы. Наша партия – РПК отличается от других партий коммунистического спектра тем, что мы отвергаем извращения социализма, которые начались с 30-х гг., когда всё, что не совпадало с указаниями чиновников из ЦК, отвергалось, когда партия действительно всё более и более походила на орден меченосцев, который Сталин мечтал из неё создать. Партия в итоге политически разоружилась, потеряла мускульную силу. Никто не привык рассуждать, все умели только подчиняться.

После университета и четырёхлетней работы на Севере, с 1955 г., я тружусь в отраслевом институте – в Гипроцементе, занимаясь прикладной ядерной физикой, заведу радиационной лабораторией. Но сегодня это звучит довольно громко. Мы многое успели сделать в своё время и в области контроля технологических параметров с помощью гамма- и нейтронных источников, и в области исследования технологических процессов с помощью радиоактивных трассеров, и – самое главное – придумали основы новой технологии, где используются пучки ускоренных электронов, даже построили у академиков Будкера и Скринского в Новосибирске специальный корпус для экспериментальной установки по отработке радиационной технологии. И в 1991 г. была готова в проекте и даже – в значительной степени – в металле пилотная полупромышленная технологическая линия, где цементный клинкер получался бы без топлива, где энергия вносится (со снижением температур) только мощным пучком ускоренных электронов, т. е. мы могли бы иметь экологически чистую технологию. И всё рухнуло. Ликвидировано финансовое обеспечение. А сейчас и институт рухнул. В лаборатории осталось 2 человека, да и тем нечего делать. Итак, академическая наука унижена, а прикладная практически ликвидирована. Нынешним властным воротилам, финансовым магнатам наука не нужна. Либо уезжай, либо иди в коммерцию – вот выбор.

А.Д. Да, вот так.

И.Г. Но за это определённую долю ответственности несёт и наша интеллигенция.

А.Д. Она несёт главную долю ответственности. Видели ли Вы по-

следную книгу Гранина «Страх»?

И.Г. Нет, не видел.

А.Д. Он там просто лжет.

И.Г. Удивительно, ведь человек когда-то написал хорошие вещи. Было же, помните?

А.Д. Да. Но теперь врёт. Сейчас эти люди демонстрируют полное отсутствие совести. Ты же состоял в КПСС, ты же принадлежал к этому аппарату... Откуда взялись эти Ельцины, Черномырдины, Чубайсы и пр.?

И.Г. Ну, Чубайс, может быть, и не из аппарата, а вот Ельцин, Черномырдин, конечно, из высшего аппарата КПСС.

А.Д. Да, Чубайс молод был, но вот Бурбулис – преподаватель научного коммунизма. Ну, как так? Потом говорят о коммуняках... Так ты же первый коммуняка и есть. Так же, как Собчак, предлагавший запретить всем коммунистам занимать государственные должности и чуть ли не отдавать их под суд. Значит, в первую очередь, надо отдавать под суд Ельцина, а потом и Собчака.

И.Г. Он вступил в партию, когда ему было 49 лет, в 1988 г., и вышел из партии в возрасте 51 года, в 1990 г. За 2 года он убедился, что не туда попал. Профессор университета, зав. кафедрой, который не мог не понимать, куда он вступает, использовал КПСС лишь для политической карьеры.

А.Д. Врут, врут, всё врут. Это у них принято. Пользуются тем, что люди не знают, что на самом деле было. Вот, говорят, что с наукой было плохо. Наоборот!

И.Г. ГОИ, Физтех! Когда они возникли? В годы гражданской войны, в 1919 году.

А.Д. Да, нет уж! В 1918-ом г.!

И.Г. Значит, тощая, бедная страна находила возможности для науки.

А.Д. Тогда же был создан ЦАГИ – это означает, что наша дорога в космос начала свой отсчет в том далеком 1918 г. Тогда же И.П. Павлов получил серьезную поддержку.

И.Г. Хотя И.Павлов был всё время антибольшевистски настроен.

А.Д. Это неважно. А искусство! Ведь «Медный всадник» был полностью издан только в 1919-ом г.

И.Г. А что там не публиковалось?

А.Д. К сожалению, не знаю.

И.Г. Может быть, нашли какие-то неизвестные рукописи?

А.Д. Не знаю, кажется, нашли какие-то варианты. Упоминаю это просто как свидетельство того, что и литературоведение дерзало, имело успехи в то тяжелое время. Вот так!

Вообще никогда, ни до, ни после, в нашей стране не было такой творческой свободы, как в 20-е гг. По личному указанию Ленина был издан сборник рассказов А. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции», хотя трудно представить себе более издевательскую книгу о Советской власти, чем эта. Сейчас порой пишут, что только перестройка открыла народу такие картины, как, например, «Магический квадрат» Малевича. Так вот, позвольте заметить, что в 20-е гг. это плотно наряду с другими произведениями модернистов свободно выставлялось в Русском музее. Тогда же появилось множество самых разноплановых литературных объединений – всевозможные «ничевочки», «Серапионовы братья» и т. д. Никакого диктата в искусстве не было. Свободно издавались книги Есенина, Пильняка, Сейфуллиной, позже оказавшиеся под запретом. Сейчас люди не представляют, какой гигантский культурный подъем начался в те годы. Были основаны театр Вахтангова, ТЮЗ, издательство «Всемирная литература». Луначарский в 1918 г. дал охранную грамоту на квартиру Скрябина, а в 1922 г. там был открыт музей композитора, хотя для властей не составляли секрета его убеждения. Это было время, когда культура, наука и дети находились в центре внимания Советской власти. В 20-е гг. в разоренной гражданской войной России на площадях ставили трагедии античных авторов – это, как Вы понимаете, совсем не то, что практикуемые в наше время бесноватые рок-концерты на Красной площади. А беспризорными детьми в те годы занимался лично Держинский – а кто сейчас из «молодых реформаторов» озаботился судьбой детей, выброшенных на улицу? Современным «демократам» небесполезно будет также узнать, чему в то время учили детей. В нашей школе бывший присяжный поверенный, т. е. адвокат, В. Дьяконов преподавал историю Англии, которую не грех было бы знать и нашим «реформаторам», – там парламент за восемь веков ни разу не расстреливали.

И.Г. Ваш отец был потомственным дворянином. А Вас не приглашали в новое дворянство?

А.Д. Нет, не приглашали. Сейчас есть Дворянское собрание. Но мы с моим старым товарищем туда не хотим идти. Тем более что я с презрением отношусь к разного рода интеллигентам, которые дали ход на теплые места, за границу. Мой отец никуда не уезжал. Более того, он был членом Петроградского Совета.

И.Г. Блок, у которого усадьбу сожгли, был одним из первых поэтов и преподавателей, который воспитывал поэтов, учил начинающих литераторов.

А.Д. Да, вот так.

И.Г. К сожалению, нынешняя интеллигенция не выдержала испытания, которое вынесла интеллигенция тогдашняя. Она тоже раскололась. Был Гиппиус, был Мережковский, был, в конце концов, Бунин – прекрасный писатель и яростный антисоветчик, но все-таки были и те, кто поддерживал революцию.

А.Д. Нет, есть другая фундаментальная точка зрения. У меня был разговор по поводу романа «Доктор Живаго» в Америке. Американец мне говорит: «Мы с Вами никогда не согласимся. Я ставлю личность выше общества». Я говорю ему: «Иисус Христос взшел на крест, страдая за людей – вот высшая мораль. А что делает доктор Живаго? Он – врач. Он даже не лечит. Как это можно? Что должен делать интеллигент? Он должен идти в народ и сеять там просвещение. Да, и в условиях кровавого потока революции. Он же заботится о своих чувствах и только. Что делал отец в Петрограде? Он читал лекции красным командирам. Вот в чем христианская мораль». «Да, – говорит американец – здесь я с Вами согласен». «Да, а Вы говорите, что мы никогда не согласимся». Вот в чем дело-то. Интеллигенция должна была идти в народ. Тем более, что все было открыто для восприятия культуры. Вы знаете роман Вересаева «В тупике»?

И.Г. Нет, к сожалению не знаю.

А.Д. Мы его изучали в школе в 1928 г. Потом я, спустя 60 лет, прочел его еще раз. Оказалось, что я его хорошо помню. Там как раз это отлично показано.

И.Г. Вам не кажется, что то, что установилось у нас в 30-е гг., очень сильно дискредитировало идею. Для людей, которые это понимают, идея оставалась чистой. Но для большей части людей, для молодежи, в частности, особенно сейчас, прошедшее ассоциируется прежде всего с периодом репрессий, 1937 г. и так далее...

А.Д. Все носятся с репрессиями. Других аргументов у них нет.

И.Г. Но ведь репрессии, в первую очередь были направлены против коммунистов.

А.Д. Ну да. Дело в том, что когда появилась, кажется в 1929 г., статья Сталина об истории большевизма, я помню реакцию отца – он ужаснулся. Возник идеологический гнет. До этого были дискуссии, а тут – конец, общий единый Союз писателей и так далее.

И.Г. Да, и в партии ранее были дискуссии.

А.Д. Конечно, но Сталин старался расправиться со всеми своими противниками в партии.

И.Г. Даже со своими сторонниками, с теми, которые могли иметь собственное мнение.

А.Д. Потом он пошел на крайности в истории борьбы с генетикой.

И.Г. Для чего использовал Лысенко.

А.Д. Вам известно, что он потом хотел истребить и Лысенко?

И.Г. Нет, я этого не знал, А зачем ему это было нужно?

А.Д. Никто этого не знает, но это обязательно нужно опубликовать.

И.Г. Это очень интересно. А как это было?

А.Д. Когда Лысенко воцарился, он разогнал всех вейсманистов-морганистов. Сталин сказал: «Неправильно, это опять монополия». Лысенко страшно испугался. У Маленкова был разговор со Столетовым на эту тему. Это было в 1952 г. Но назревал XIX съезд, этим некогда было заниматься. И все отложилось. Вот как обстояло дело. А Хрущев из ненависти к Сталину, из любви к мужикам решил возродить Лысенко. История не так проста.

И.Г. Сталин мог бы еще прославиться! Какой великий ученый – не позволил монополию создавать. И простили бы ему, конечно, все то, что он сделал с генетикой.

А.Д. Кому? Сталину?

И.Г. Конечно, если бы он убрал Лысенко.

А.Д. Да, конечно.

И.Г. А то, что Вавилова уничтожили, Николая Ивановича?

А.Д. К сожалению, точно не известно, но как будто бы на Вавилова был сделан донос из его института. Лысенко тут вроде бы не был инициатором.

И.Г. Но как же? Он мог бы защитить его, как-то спасти его? Тем более, что Вавилов ему помогал изначально.

А.Д. Тогда были другие времена. Интересно, что происходило: встречаю как-то Давида Сапожникова в трамвае.

И.Г. Кто это?

А.Д. Талантливый биолог, учился вместе с моей сестрой.

Он мне сказал: «Лысенко гений. Они все пигмеи».

И.Г. Когда он сказал? Тогда?

А.Д. Да, тогда.

И.Г. Был у нас еще один. Как его?

А.Д. Презент.

И.Г. Да, Исая Презент. Его все боялись.

А.Д. Ну, не все боялись. Противный тип. Но выгнали его все-таки из университета. Правда, путем подлого приема, в его духе. Использовали один его текст, где он противоречит точке зрения Сталина. Сказали ему: «Или Вы уходите, или мы это опубликуем». А потом, когда наступила оттепель, Презент вернулся. Был приказ министерства восстановить его, сняв с заведования кафедрой дарвинизма Завадского. Я этот приказ не выполнил, сказал об этом на партактиве, мне стали аплодировать.

И.Г. Как Вам это удалось?

А.Д. Говорят, что в те времена ничего нельзя было сделать вопреки указаниям сверху. Вообще говоря, дело в том, что больше всего возмущаются прошлым самые подлые люди, лакеи. Лакей ненавидит барина и только. На том партактиве был Хрущев. Он в заключительном слове кричал мне: «Как так – ректор приказов не выполняет? За это из партии исключают, с работы снимают, а в военное время расстреливают». Покричал, и на этом дело кончилось. Презент был уверен, что будет восстановлен. Я его не допустил в Университет. Не надо было слишком бояться.

Теперь относительно вопроса о том, был у нас социализм или нет. Это вопрос о том, как понимать социализм. С точки зрения сталинской формулировки основного закона социализма, у нас социализма не было. Был известный спор между Молотовым и Хрущевым. Хрущев говорил, что у нас в основном построен социализм, а Молотов утверждал, что построены лишь основы социализма.

И.Г. Ну, здесь Молотов был более прав. Материальные основы социализма были достигнуты.

А.Д. Основной закон социализма по Сталину – это максимальное удовлетворение постоянно растущих потребностей масс путем развития производства на основе высшей техники. Так вот, максимального удовлетворения потребностей не было. Почему, понятно.

И.Г. В каком положении находилось колхозное крестьянство тогда!

А.Д. Мы теперь понимаем, как огромен был расход ресурсов, которые шли на вооружение.

И.Г. Это можно простить. Мы знали, в каком мы находимся мире.

А.Д. Не надо было делать глупостей и загонять себя этой гонкой вооружений. Надо было спокойно сказать: «Занимайтесь вашим СОИ,

мы вас не боимся». Американцы до смерти боялись нашей ядерной мощи. Сколько танков, сколько самолетов было! Сколько денег на все это шло. Занимались и биологическим оружием. Под Новосибирском был институт.

И.Г. Я, кажется, знаю. Это Институт прикладной физики. Он в микрорайоне «Щ», рядом с Академгородком. Не так ли?

А.Д. Нет, это далеко за «Щ». Я там был. Крепость старинная, вышки от старого лагеря, потом поселок.

И.Г. Я помню, когда я попал в Новосибирск – это было в 1976 г. – нас пригласил туда А.М. Будкер, меня поразили Институт ядерной физики и его подземные тоннели. Целое метро, соединявшее все корпуса Института. Можете в любую погоду, в любой мороз пройти в любой корпус. Причем, не только пройти. Размеры тоннелей были таковы, что можно было установки провозить.

А.Д. Возвращаясь к вопросу о существовании социализма, можно сказать что социализма, в серьезном смысле, не было. Не было понимания того, что важнее создать привлекательный образ общества, чем держать громадные войска в Европе.

И.Г. Сейчас считается, что это невозможно сделать в одной стране. Революция победить в одной стране может, но социализм построить очень трудно.

А.Д. Почему?

И.Г. Будут мешать.

А.Д. Да, конечно, но если хорошо постараться и организовать, то можно.

И.Г. Своим примером привлекать сторонников вовне. И поначалу это получалось. Нам верили.

А.Д. Да.

И.Г. Надо было противостоять не только силой оружия, но и примером.

А.Д. Единственное оружие, которого они ужасно боятся, это ядерная бомба. Почему они так возьмется с Ираком. Из-за этой боязни.

Кроме того, фундаментальной ошибкой Хрущева было то, что он поссорился с Китаем.

И.Г. Вы помните, из-за чего началась ссора? Мао попросил технологию ядерного оружия. Хрущев сказал: «Нет».

А.Д. Ах, вот как...

И.Г. Да. Когда Хрущев поехал в Китай, все было хорошо, и Мао решил, что союз будет крепнуть, все будет нормально, и он получит у

Советского Союза бомбу для себя. Так что я не знаю, кто тут первый начал. Вроде бы китайцы были возмущены этим отказом, что это уже не интернационализм, а черт знает что, и пошло... Мы стали ревизионистами. Другое дело – не надо было так отвечать: в одни сутки, в одну ночь отзывать всех специалистов. Потом пошло по-нарастающей. Каждая сторона усиливала разрыв.

А.Д. Да, вот так. А мы до сих пор на Европу, смотрим, на США.

(В разговор включается супруга А.Д. Александрова – Светлана Михайловна – С.М.).

С.М. На противопоставлении нас Китаю американцы долго строили свою политику.

И.Г. Сейчас у многих опущены руки. Как быть? Что дальше? Настроение упадочное. На заводах в лучшем случае возмущаются своими проблемами: задержки зарплаты и т. д. Почти никакой солидарности. А вот научная элита (я уже не говорю о гуманитариях) озабочена тем, что почти пропала возможность заниматься своим делом, научной деятельностью, но серьезного возмущения нет.

С.М. На самом деле такое накачивание происходит со стороны СМИ, сквозь эту одностороннюю по существу информацию трудно пробиться.

И.Г. Хотелось бы вернуться к Вашей критике высказывания Д. Гранина в книге «Страх». В чем конкретно усматриваете вы лживость его высказываний?

А.Д. Вот что пишет Гранин: «Страх подавлял учёных, наука наша до войны мало чем могла похвастаться, только с началом атомных работ физика, а за ней и прочие точные науки были амнистированы, сделаны неприкасаемыми и обрели лихорадочно интенсивную жизнь». Это чистое враньё. На самом деле до войны наша наука имела выдающиеся достижения в физике, математике, генетике... Н.Н. Семёнов создал теорию цепных реакций. В математике была целая плеяда открытий, совершённых А.Н. Колмогоровым, И.М. Виноградовым, Л.С. Понтрягиным и др. Так, например, на Западе считали за пределами возможностей современной математики одну сложную проблему в теории чисел. Но в 1930 г. первый шаг на пути к её решению сделал советский математик Л.Г. Шнирельман, а затем окончательно её одолел И.М. Виноградов. В тридцатые годы выдающиеся результаты следовали один за другим. Это напоминало извержение. В биологии крупнейшие открытия сделали Н.И. Вавилов, Н.К. Кольцов и др. Работы советских учёных получили мировое признание. Вот так.

А какой взлет совершила наша культура в 20–30-е гг., и что очень важно, естественнонаучная и художественная интеллигенция совершили совместный исторический подвиг, реализуя установку советской власти – преодолеть отчуждение народа от культуры.

И.Г. А сегодня сама интеллигенция, особенно ее научно-технический отряд, который не может жить вне потребления искусства, мучается от театрално-концертного голода, голода от безденежья.

С.М. Этот голод у нас «с непривычки». Определенная гармония интересов у наших ученых-естественников была всегда. Теперь ее вытравляют экономически, и этим тоже пытаются нас уподобить западным профессорам, которые при всей их несравненно лучшей материальной обеспеченности, имеют нечастую возможность бывать, скажем, в опере. В этой связи вспоминается наше с *А.Д.* пребывание в математическом институте под Парижем. Близился конец нашего пребывания. Хотелось побывать в Гранд-Опера. И за общим чаем я спросила присутствующих коллег-математиков из разных стран, возможно ли без предварительного заказа приобрести билеты в Гранд-Опера и каков уровень цен на спектакли этого знаменитого театра. Вопрос смутил собравшихся за чайным столом. Никто этим ранее не интересовался. Похоже, что людям нашей научной интеллигенции уготовано такое же в перспективе отлучение от высокого искусства.

А.Д. Надо быть верным своим убеждениям, решительно их отстаивать и бороться с ложью, которая изливается на нас со всех сторон, отстаивать правду, отстаивать наше знамя, на котором запечатлено: Братство, Труд, Свобода.

«...Для Маркса социальный идеал есть росток и прообраз будущего в настоящем. Его осуществление не только возможно, но исторически необходимо».

Б.Ф. Славин

«...Троцкий и Сталин в новейшей истории нашей Родины – это не столько реальные исторические фигуры, сколько символы, абстракции, отделенные историей от реальных физических лиц. И тот, и другой являются персонификацией двух объективно противоречивых тенденций, порожденных Октябрьской революцией 1917 года».

А.В. Бузгалин

«...Два полюса – сталинизм и либерализм сходятся, но сходятся, пятась спинами. По сути, они утверждают один и тот же императив: первые – что сталинизм есть подлинный социализм, а вторые – что социализм может воплощаться в единственной форме – в форме сталинизма».

Л.А. Булавка

«...Разработанная В.И. Лениным концепция политики госкапитализма была важнейшим инструментом регулирования взаимоотношений между укладами, была тем каналом, по которому и через который крестьянская Россия, частник, торговец могли втянуться в социалистическое строительство».

Н.В. Мушиц

Дистрибьюторский центр научной литературы

- Приглашаем к сотрудничеству книготорговые организации по распространению нашего ассортимента в регионах России.
- Предоставляем наиболее полный прайс по книгам издательства URSS и большинства научных и учебных издательств России.
- Индивидуально осуществляем подборку ассортимента нашим клиентам.
- Организуем электронный обмен информацией с магазинами и оптовыми фирмами.
- Работаем с книжными магазинами Москвы и других городов России.
- Предлагаем комплектование научным и учебным библиотекам.
- Квалифицированно работаем с широким ассортиментом научной литературы.
- Удобная система заказа, быстрые сроки исполнения, возможность отсрочки платежей, доставка транспортом или почтой в любую точку России.

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

Бузгалин А. В. Ренессанс социализма.

Бузгалин А. В. Социальное освобождение и его друзья («Анти-Поппер»).

Бузгалин А. В., Колганов А. И. Сталин и распад СССР.

Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал.

Славин Б. Ф. Социализм и Россия.

Славин Б. Ф. Ленин против Сталина: Последний бой революционера.

Воейков М. И. Предопределенность социально-экономич. стратегии: Дилемма Ленина.

Воейков М. И. За критический марксизм: Полемика с учеными.

Булавака Л. А. Нонконформизм: социокультурный портрет рабочего протеста в России.

Сорокин А. А. (ред.) Октябрь 1917: Вызовы для XXI века.

Чураков Д. О. (ред.) Рабочие в России: исторический опыт и современное положение.

Чураков Д. О. (ред.) Рабочий в XX веке (российский опыт).

Никаноров Г. Л. Надрыв: Правда и ложь отечественной истории XX века.

Наумов В. И. Преднамеренный развал СССР. Вселенская трагедия.

Батыров К. А. Почему фунт лиха в казино-капитализме: Заметки промышленника.

Раквиашвили А. А. Человек, государство и демократия.

Раквиашвили А. А. Либерализм: Эволюция идей.

Капица С. П. Очерк теории роста человечества.

Кочеткова Л. Н. Социальное государство: Опыт философского исследования.

Ковалев А. М. Человеческое сообщество на рубеже столетий.

Шестаков О. А. Структура общества и структура власти или что такое демократия и есть ли она в России.

Михалева Г. М. Российские партии в контексте трансформации.

Шанталов Б. Н. Теория и практика экспансионизма: Опыт сильных держав.

Пугачев В. П. Управление свободой.

Нэбб К. Радость революции.

Валлерстайн И. После либерализма.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
 тел. +7 (499) 724-25-45 (многоканальный)
 или электронной почтой URSS@URSS.ru
 Полный каталог изданий представлен
 в Интернет-магазине: <http://URSS.ru>

Научная и учебная
 литература